

HISTORIA
ROSSICA

А. И. РЕЙТБЛАТ

От Бовы к Бальмонту

И ДРУГИЕ РАБОТЫ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ
СОЦИОЛОГИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Новое
Литературное
Обозрение

2009

УДК 316.74:82
ББК 60.562.6
Р 35

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**
*Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слёзкин, Р. Уортман*

Редактор серии
М. Долбилов

В оформлении переплета использован фрагмент открытки И. Билибина
«Пречюдный богатырь Бова королевич» (1911)

Рейтблат А.И.

Р 35 От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 448 с.

В книге известного социолога представлен анализ русской литературы второй половины XIX — начала XX в., рассматриваемой как социальный институт: писатели, издательское дело и книжная торговля, журналы и газеты, библиотеки, чтение, взятые в их взаимосвязи и взаимодействии. Особое внимание уделено писательским гонорарам, популярности конкретных авторов, «укоренению» детектива в России, лубочной словесности, становлению системы литературных премий.

УДК 316.74:82
ББК 60.562.6

ISBN 978-5-86793-684-6

© А.И. Рейтблат, 2009
© «Новое литературное обозрение».
Художественное оформление, 2009

ВСТУПЛЕНИЕ

Основу данного сборника, в котором представлены работы по исторической социологии русской литературы второй половины XIX — начала XX в., составила монография «От Бовы к Бальмонту», впервые вышедшая в 1992 г. Переиздавая книгу более чем пятнадцатилетней давности, хотелось бы сказать несколько слов о мотивах и обстоятельствах ее появления.

Писал я ее, будучи сотрудником (с 1976 г.) Сектора социологии чтения и библиотечного дела Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Это было уникальное научное подразделение. В ситуации научной несвободы, довольно жесткого контроля со стороны библиотечных и партийных властей руководитель Сектора В.Д. Стельмах смогла создать творческий, продуктивно работающий коллектив, в котором царил дух научного поиска, открытости всему новому в отечественной и зарубежной гуманитарной науке¹. Достаточно сказать, что там работали тогда Б.В. Дубин, Л.Д. Гудков и Н.А. Зоркая, ныне социологи, сотрудники «Левада-центра»; М.Д. Афанасьев, сейчас директор Государственной публичной исторической библиотеки; М.О. Чудакова, профессор Литературного института, исследователь советской литературы 1920—1940-х гг., и др. В Секторе регулярно проходили научные семинары, на которых выступали как названные лица, так и социологи, литературоведы, культурологи, архивисты, книговеды «со стороны» (Н.В. Брагинская, Ю.А. Горшков, С.В. Житомирская, Н.В. Котрелев, А.Г. Левинсон, А.Л. Осповат, И.В. Поздеева, М.И. Туровская и др.).

---

¹ О Секторе см.: Гудков Л.Д. «Работа вела меня за собой...» // Социологический журнал. 2004. № 2; Афанасьев М.Д. Энергия мысли // Книжное обозрение. 2005. № 182.

В Секторе мне довелось руководить исследованием «Динамика чтения и читательского спроса в массовых библиотеках». В ходе работы я натолкнулся на любопытный феномен — удивительную стабильность ряда показателей чтения во времени (структура по разделам фонда, жанрам и т.п.). С целью проверить, как же идут изменения в чтении, я обратился к историческому материалу, однако оказалось, что ни специальных работ, ни сопоставимых данных за разные периоды времени нет, да и вообще динамика книжного дела, взятого как социальный институт, в единстве всех его составляющих (автор, издатель, книгопродавец, читатель, критик, редактор и т.д.), практически не изучалась. То есть каждый элемент в той или иной степени исследовался, но не в контексте целого, без учета связей с другими элементами и без учета общей социальной функции и общего социального контекста. В своей кандидатской диссертации, посвященной методологии и методике изучения динамики чтения, я попытался описать и проанализировать это явление и с этой целью ввел главу ретроспективного характера, в которой рассматривал развитие чтения в России в XIX—XX вв.

Диссертацию я в 1982 г. защитил, а интерес к данной проблематике остался. В 1985—1991 гг. публиковались статьи, посвященные различным аспектам истории чтения в России, затем они были собраны в книгу «От Бовы к Бальмонту» (ряд глав был написан для отдельного издания), которая и вышла в издательстве Московского полиграфического института в 1992 г. (на титульном листе стоит 1991 г.)

Многие черты книги были обусловлены опытом социолога, изучающего *современное* чтение и озабоченного *современными* проблемами, ощущающего себя «голосом» читателя, защитником его интересов. Отсюда — представление о многослойности читательской аудитории и признание права на существование за *различными* читательскими запросами и потребностями, отказ от нормативных представлений о том, что нужно и что не нужно читать. Отсюда особый интерес к народному «низовому» читателю, к его мировоззренческим запросам (находящим выражение в интересе к таким почти игнорируемым наукой того времени разделам книгоиздания, как религиозная (духовная) и лубочная книга). Отсюда попытка определить показатели, по которым можно количественно измерить изменения в чтении, его «прогресс» и т.п.

Хотя в разгаре была «перестройка» и читательский интерес был обращен преимущественно к современности и советскому прошло-

му, да к тому же распространялась книга очень причудливо (в «нормальные», «солидные» книжные магазины она не попала), тем не менее монография оказалась востребованной. Отклики появились и в общей печати², и в научных изданиях³, а в дальнейшем на нее нередко ссылались и включали в списки рекомендуемой студентам литературы как историки книжного дела, так и историки литературы.

В определенной степени подобное внимание к книге было вызвано, на мой взгляд, тем, что ранее попытки представить в обобщенной форме историю чтения и обеспечивающих его социальных институтов в России этого периода не предпринимались. Но главную роль сыграл, я думаю, предложенный историко-социологический подход, в рамках которого основное значение придавалось не конкретно-историческому описанию фактов и стадий каждого элемента (книгоиздание, книготорговля, библиотечное дело, авторы, читательская аудитория и т.д.), а осмыслению *взаимодействия* этих элементов, их тесной связи с социальными и культурными запросами тех или иных слоев русского общества данной эпохи.

За годы, прошедшие с выхода книги, появилось немало книг и статей, в которых более подробно освещаются те или иные затронутые в ней вопросы, главным образом — на региональном материале. Но основные сделанные в ней выводы и наблюдения в этих работах не подвергаются критике или корректировке. И хотя в последние годы введены в оборот многие ценные источники и появились содержательные работы, позволяющие дополнить, а кое в чем и уточнить положения исследования, я не стал перерабатывать книгу. Внесены изменения технического характера (даны современные названия архивов, устранены опечатки и т.д.), а также расширен (доведен до наших дней) включенный в приложение библиографический указатель работ по чтению в России во второй половине XIX — начале XX в.

Включенные в книгу позднейшие статьи дополняют (тематически и хронологически) и развивают представленные в ней наблю-

---

² Новый мир. 1993. № 3. С. 240—243 (рец. Б.В. Дубина).

³ Свободная мысль. 1992. № 10. С. 126—127 (рец. В. Нехотина); Социологические исследования. 1992. № 10. С. 150—151 (рец. Ю.А. Горшкова); Филологические науки. 1993. № 1. С. 115—116 (рец. Л.В. Чернец); Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 345; *Slavia Orientalis* (Kraków). 1993. № 1. S. 128—129 (рец. В. Щукина).

дения и констатации. Они также во многом являются ответом на вызовы современности. Так, издательский бум детективов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. породил статью, посвященную укоренению соответствующей модели в России в XIX в. и русскому уголовному роману, а растущая в наши дни роль литературных премий в регулировании литературного процесса побудила написать работу об истории этого института и роли его в русской литературе XIX — начала XX в.

В книгу включен также автобиблиографический указатель. Многие из учтенных в нем работ прямо или косвенно связаны с ее ключевыми темами и, надеюсь, окажутся полезными читателям.

ОТ БОВЫ К БАЛЬМОНТУ

Очерки по истории чтения в России
во второй половине XIX века

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена истории чтения в России во второй половине XIX в. Трактую чтение как важный социальный процесс, обеспечивающий распространение идей и знаний в обществе, нам хотелось хотя бы в самых общих чертах показать — кто, что и с какой целью читал в этот важный для отечественной истории период. Литература и журналистика того времени уже давно привлекают к себе исследовательский интерес, однако без характеристики читателя итоговая картина литературной жизни получается неполной. Ведь текст без читателя — это лишь определенное число знаков на бумаге. Давно уже стало общепризнанным, что «содержание художественного произведения <...> воспроизводится, воссоздается самим читателем — по ориентирам, данным в самом произведении, но с конечным результатом, определяемым умственной, душевной, духовной деятельностью читателя»¹. Только актуализируя и по-своему интерпретируя текст в своем сознании, читатель дает ему подлинное существование.

Традиционная история литературы, где анализируются те или иные произведения, приводятся сведения об их авторах и, в лучшем случае, о реакции критики, о читателе, как правило, забывает. Как широко читалась книга, какова была ее публика и что она значила для своих читателей — эти вопросы чаще всего остаются без ответа. В результате книга изымается из конкретной исторической действительности, в рамках которой она создавалась, публиковалась и воздействовала на свою аудиторию, и становится полем для более или менее удачных трактовок и интерпретаций, слабо соотнесенных с реальным историческим контекстом, в котором ее воспри-

нимали современники. Думается, что все компоненты литературной жизни — литературное творчество, издание книг, журналов и газет, книготорговля, библиотечное дело — и их восприятие целесообразнее рассматривать целостно.

Необходимость введения фигуры читателя в изучение литературы и книжного дела была осознана уже в конце XIX — начале XX в.² (до этого времени информация о читателях собиралась в рамках этнографии, педагогики и книжной торговли³).

В 1922 г. А.И. Белецкий четко сформулировал задачу историко-литературного исследования — изучить «влияние произведения на дальнейший ход литературного развития, восприятие его современниками и ближайшими потомками и разнообразную жизнь его в читательских сознаниях»⁴. Однако тогда этот призыв практически никем не был поддержан. Систематическое изучение истории чтения началось лишь в конце 1960-х гг.: с 1967 г. стала выходить серия «Судьбы книг» издательства «Книга», а в 1968 г. была опубликована статья академика М.Б. Храпченко «Время и жизнь литературных произведений»⁵, положившая начало так называемому историко-функциональному направлению в литературоведении⁶. Ценный вклад в ретроспективное изучение чтения внесли выпущенные Ленинградским государственным институтом культуры сборники «История русского читателя»⁷, где помещены содержательные работы И.Е. Баренбаума, А.В. Блюма, Н.А. Костылевой и других исследователей. В целом за последнее двадцатилетие накоплен уже значительный объем информации о чтении во второй половине XIX в. Однако из имеющихся публикаций пока не складывается целостная картина чтения в указанный период, так как они посвящены, как правило, либо восприятию конкретного литературного произведения, либо чтению научных и публицистических книг прогрессивной направленности. Каков был круг чтения в целом различных социальных слоев и групп, какова была аудитория основных каналов распространения печатных изданий (периодика, книжная торговля, библиотеки), что представляли собой домашние библиотеки — ответа на эти вопросы по XIX в. пока нет. Гораздо лучше в этом плане исследована история чтения в XVII — первой половине XVIII в., поскольку в цикле монографий С.П. Луппова дано комплексное описание книгоиздания, книготорговли, библиотек, частных книжных собраний и чтения в эти полтора столетия⁸.

Отметим также, что история чтения интенсивно изучается за рубежом⁹, в том числе и на материале русской литературы¹⁰. Настало, по-видимому, время приступить к созданию целостной истории

чтения в России во второй половине XIX в. Своей книгой мы хотели бы сделать еще один шаг к решению этой задачи. Поскольку сложность проблемы, с одной стороны, и состояние ее изученности, с другой, не позволяют сейчас (тем более в одиночку) осуществить последовательное многоаспектное описание чтения во второй половине XIX в., мы выбрали очерковую форму, которая дает возможность остановиться на наиболее важных и в то же время почти не освещенных сюжетах, лишь «пунктиром» наметив другие аспекты, нуждающиеся в дальнейшей разработке.

Основным объектом нашего рассмотрения является чтение художественной литературы и публицистики, так как подробно охарактеризовать чтение научных, учебных, научно-популярных, детских и прочих изданий, обладающих значительной спецификой, в этой работе не представлялось возможным. Однако в ряде случаев, для лучшего понимания характера восприятия беллетристики, необходимо было дать представление и о чтении так или иначе связанных с ней других разделов литературы.

Следует оговорить также, что чтение рассматривается нами в тесном единстве с процессами создания и распространения литературных произведений, поскольку без знания того, *что* читалось, *как* читаемое попадало к читателю и *кем* создавалось, невозможно понять процессы чтения. Так, поскольку авторы, писавшие для социальных низов (крестьянства, мещанства, купечества, мелкого чиновничества, прислуги), и содержание литературы этого типа охарактеризованы в имеющихся работах очень выборочно и фрагментарно, мы стремились для полноты картины дать в тексте книги необходимую информацию по этому вопросу. Равным образом в книге довольно подробно описывается ряд каналов распространения печатных текстов (журналы, газеты, библиотеки для чтения и т.п.), поскольку специфика каждого из них в современной научной литературе не становилась предметом специального рассмотрения.

В качестве начальной точки характеризуемого периода принята середина 1850-х гг., когда правительство (при поддержке общества) приступило к подготовке реформ, причем именно в литературе и журналистике (и, соответственно, в характере чтения) перемены начались раньше, чем в других сферах социальной жизни. Условной конечной границей взята середина 1890-х гг., поскольку в политической жизни в этот период стало ощутимым нарастание социально-критических настроений и освободительной борьбы, а в сфере литературы намечались, с одной стороны, формирование

элитарных читательских групп (сторонников модернизма) и, с другой — резкое увеличение читательской аудитории за счет приобщения к чтению широких, ранее не читавших слоев города и села. Чтение второй половины 1890-х — начала 1900-х гг. было во многом специфично и должно рассматриваться отдельно.

В ходе работы над книгой был использован ряд разнородных источников. Там, где можно было (прежде всего при характеристике чтения крестьян и рабочих), мы опирались на публикации дореволюционных исследователей чтения (наиболее важные из них названы в библиографическом списке, включенном в приложение к книге). Другим важным источником послужили мемуары. На основе известного библиографического указателя воспоминаний по истории России¹¹ было выделено 150 публикаций, принадлежащих представителям различных сословий и профессий и включающих информацию по различным аспектам чтения. Третьим ценным источником сведений явились архивные материалы, хранящиеся в РГАЛИ и в отделах рукописей Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки и Института русской литературы РАН. Особый интерес представили при этом фонд Н.А. Рубакина в ОР РГБ, содержащий многочисленные ответы на вопросы его программы по изучению народного чтения, фонд мемуаров и воспоминаний в РГАЛИ и фонд А.И. Яцимирского в ИРЛИ, включающий значительное число автобиографий писателей-самоучек. В качестве еще одного источника следует назвать принадлежащие изучаемому периоду статистические публикации, публицистику, письма, литературную критику и беллетристику (нередко содержащую ценные зарисовки ряда ситуаций, связанных с чтением). И, наконец, в заключение следует упомянуть работы советских литературоведов, книговедов, историков чтения, наблюдения и выводы которых были учтены в ходе исследования.

Автор искренне благодарен Л.Д. Гудкову, Е.А. Динерштейну, Н.Е. Добрыниной, Б.В. Дубину, А.Г. Левинсону, В.И. Харламову и А.П. Чудакову за советы и критические замечания, высказанные при обсуждении рукописи. Автор выражает также признательность А.В. Блюму и своим коллегам по Сектору социологии чтения и библиотечного дела Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина за помощь в работе над книгой.

Глава I

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ АУДИТОРИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В наши дни чтение является постоянным элементом образа жизни подавляющего большинства населения и воспринимается как естественный вид деятельности, подобно питанию, сну, игре. Сейчас трудно представить, что в первой половине XIX в. читала лишь незначительная часть населения России, а на каждого читателя приходилось не менее 20 нечитателей. По сути дела, читатели представляли собой лишь очень тонкий слой населения.

Наиболее общим социальным процессом, определяющим распространение чтения в стране, был постепенный переход от традиционного сельского образа жизни к современному городскому. Исторический опыт показывает, что и в России, и в других странах книга и чтение являются атрибутами жизни горожан. Господствующие в феодальном селе социальные структуры, базирующиеся на традиционных образцах поведения, жестко закрепленных типах действия в различных жизненных ситуациях, тесно связаны с устным общением. Лишь в городе, предлагающем множество конфликтующих между собой образцов поведения, появляется потребность в таком универсальном посреднике, как печатное слово.

Здесь следует уточнить, что умение читать — технический навык, который может быть использован с различными целями. В одних случаях читатель действует только как чтец, своеобразный ретранслятор, произнося вслух для неграмотных письменный текст, в других он читает по необходимости, в силу требований своего социального положения (чтение служебных бумаг чиновниками и финансовых документов купцами, зубрежка уроков в школе), наконец, в третьих, — для удовлетворения своих духовных запросов и потребностей. Каждый из перечисленных типов чтения имеет разный смысл для читателя, ниже мы именуем чтением главным образом последний из них. Он широко распространяется в ситуациях кризиса традиционного, привычного образа мира, когда читатель с помощью книги (то есть далеких в пространстве и времени, но духовно близких людей) пытается обрести опору в жизни, решить свои проблемы. Немаловажное значение для распространения чтения имеет, разумеется, и чисто техническое владение читательскими навыками, и сила традиции, то есть установки на книгу и чтение в данном социальном слое.

Модернизационные процессы, начало которым положили реформы Петра I, находили свое выражение не только в росте городов, но и в преодолении замкнутости села, медленном проникновении туда городской культуры.

Однако сословный характер общества, не отмененный (хотя и несколько модифицированный) петровскими реформами, накладывал свой отпечаток на распространение чтения. Более того, хотя эти реформы несколько облегчили социальную динамику, ослабив в ряде отношений межсословные перегородки, они же значительно усилили разрыв в культуре между дворянством и другими сословиями. Втянутое в процессы преобразований дворянство интенсивно усваивало западную культуру (и, как один из ее элементов, книгу). В результате к концу XVIII в. чтение становится важным компонентом дворянского образа жизни (за исключением самого низшего слоя дворянства). В других сословиях, которые существенно позже приобщились к процессам модернизации (купечество, мещанство, крестьяне-дворовые), нередко попадались активные читатели и абсолютная их численность была довольно велика (характерно, что низовая литература регулярно переиздавалась большими тиражами), однако в процентном отношении они составляли лишь незначительную часть этих слоев. Здесь уровень грамотности был невысок, а к чтению относились неодобрительно,

считая, что им пристойно заниматься только представителям других сословий.

Крестьяне-земледельцы, составляющие подавляющую часть населения, не приобщенные к преобразованиям, практически не читали. Не только чтение, но и техническая его предпосылка — умение читать — была слабо распространена в этой среде.

Таким образом, модернизационные процессы приобщали к чтению не напрямую, а через «сетку» сословной структуры общества. Механизмы межсословного взаимодействия (с одной стороны, значительная замкнутость и специфичность сословных культур, с другой — постепенное заимствование образцов поведения низшими сословиями у высших) оказывали немалое воздействие на характер проникновения книги в ту или иную социальную среду.

Следует охарактеризовать и третий, особенно специфичный для пореформенного периода, социальный процесс, оказавший немалое влияние на распространение книги — политическую борьбу и связанную с ней деятельность элитных социальных групп по приобщению населения к чтению.

Для исторических судеб книги в России вообще характерно, что, в отличие от западных стран (Германии, Англии, Франции и др.), где распространение книги шло «естественным» путем, удовлетворяя потребности населения, в России в значительной степени она внедрялась сверху — правительством (не случайно долгое время существовало только государственное книгопечатание), церковью, а позднее и иными социальными институтами и группами. Как будет показано ниже, этот процесс особенно усилился именно в пореформенный период.

Попробуем в общих чертах описать читательскую аудиторию кануна реформ 1860-х гг. Объем ее был невелик. Точно определить его не представляется возможным, однако имеются данные для примерного подсчета. Прежде всего приведем сведения об уровне грамотности населения, так как неграмотные уже в силу самого этого факта не входили в число читателей. По расчетам А.Г. Рашина, обобщившего результаты ряда региональных обследований, среди сельских жителей грамотные во второй половине 1860-х гг. составляли примерно 5%, среди горожан в первой половине 1870-х гг. — более одной трети¹². Поскольку на долю сельского населения приходилось девять десятых общей его численности, то можно считать, что в конце 1860-х — начале 1870-х гг. было грамотно примерно 8% населения страны (то есть порядка 10 млн человек).

Однако на практике к книгам обращалась существенно меньшая часть населения. На селе, как свидетельствуют многочисленные мемуарные источники, традиция чтения книг почти отсутствовала, слаба она была и в купеческо-мещанской среде. В целом, по нашей оценке, читательская аудитория страны к началу 1860-х гг. не превышала 1 млн человек. Важно подчеркнуть, что она была неоднородна; это было связано с сословной замкнутостью населения, когда разные сословия существенно различались по образу жизни и характеру культуры. Подобные различия в значительной степени закреплялись сословным характером образования. Высшая (университеты) и средняя (гимназии) школы были тесно связаны между собой и оторваны от начальной, дававшей элементарное образование (в сельской среде в большом количестве действовали вне официального контроля так называемые «домашние школы грамотности», где обучали только читать и писать). В результате по кругу своих знаний и интересов читательская аудитория распалась на отделенные друг от друга почти непроницаемыми перегородками слои. Еще в середине 1820-х гг. Ф.В. Булгарин, за годы журналистско-издательской работы хорошо изучивший читательскую публику, выделял в ней следующие категории:

1. «Знатные и богатые люди», которые в основном читают иностранную книгу.

2. «Среднее состояние. Оно состоит у нас из: а) достаточных дворян, состоящих в службе, и помещиков, живущих в деревнях; б) из бедных дворян, воспитанных в казенных заведениях; с) из чиновников гражданских <...>; д) из богатых купцов, заводчиков и даже мещан. Это состояние самое многочисленное, по большей части образовавшееся и образующееся само собою, посредством чтения и взаимного сообщения идей, составляет так называемую русскую публику. Она читает много и большею частью по-русски <...>».

3. «Нижнее состояние. Оно включает в себе мелких подьячих, грамотных крестьян и мещан, деревенских священников и вообще церковников и важный класс раскольников. <...> Этот класс читает весьма много. Обыкновенное их чтение составляют духовные книги, странствия к святым местам, весело-нравственные повествования и все вообще, относящееся к внутреннему управлению России».

4. «Ученые и литераторы», численность которых невелика¹³.

В силу низких темпов социального и культурного развития николаевской России подобную структуру читательская аудитория

сохранила и к периоду реформ. Цензор Ф.Ф. Веселаго в 1862 г. пришел практически к тем же выводам, что и Булгарин: «Наша читающая публика довольно определительно может быть разделена на три главные группы. Первую составляют люди современно, серьезно образованные, по развитию своему стоящие в уровень с общим европейским развитием и владеющие знанием иностранных языков. Во второй находятся люди, имеющие некоторые, более или менее совершенные научные сведения, но о многих современных идеях рассуждающие со слов других и по отрывочному собственному чтению. Третья группа требует от чтения одного приятного и полезного препровождения времени; сюда относится менее развитый слой так называемых благородных классов, с малыми изъятиями купечество и все грамотное простонародье»¹⁴. Хотя Веселаго пристрастен и несправедлив в оценке читательских потребностей купечества, крестьянства и рабочих, однако в целом расслоение читательской аудитории зафиксировано им довольно верно. Действительно, и в этот период, и позднее, вплоть до конца XIX в., читательская публика состояла из трех выделенных им читательских слоев, хотя постепенно дифференциация продолжала усиливаться, внутри каждого слоя довольно отчетливо выделялись специфические группы и категории читателей.

К началу 1860-х гг. в России, по подсчетам В.Р. Лейкиной-Свирской, было примерно 20 тыс. людей с высшим образованием. Следует учесть также студентов университетов (немногим более 5 тыс. в 1861 г.)¹⁵, а также женщин, нередко получавших хорошее домашнее образование, какую-то часть выпускников гимназий, пополнявших свои знания самостоятельным чтением, и т.п.

В целом первая выделенная Веселаго группа («серьезно образованные») включала, по нашей оценке, не более 30—40 тыс. человек. Гораздо труднее определить численность других групп. По нашим подсчетам, примерно 100 тыс. человек имели в эти годы среднее образование (или, по крайней мере, учились ранее в среднем учебном заведении), кроме того, 26,8 тыс. человек учились в это время в гимназиях и прогимназиях (данные 1865 г.)¹⁶. Если учесть также лиц, получивших домашнее образование, много читавших самоучек и т.д., то численность второй выделенной Веселаго группы можно оценить в 200—250 тыс. человек.

Еще более неопределенный и условный характер имеют наши представления о величине третьей группы. Данные о числе окончивших начальную школу отсутствуют, а сведения об уровне гра-

мотности мало что дают в этом плане, так как более или менее систематически читала лишь незначительная часть грамотных в купеческой, мещанской и особенно крестьянской среде. Лишь опираясь на косвенные данные, и прежде всего сведения о тиражах лубочных и т.п. изданий, распространявшихся исключительно среди подобных читателей, можно предположить, что число их достигало 400—500 тыс. (в том числе 100—200 тыс. на селе).

Реформы 1860—1870-х гг. (освобождение крестьян, введение гласного суда, всеобщей воинской повинности, земства) открыли путь капиталистическому развитию России и в результате породили у все большего и большего числа людей потребность в чтении. Это было связано со следующими двумя основными обстоятельствами. Одно из них можно назвать утилитарным: переходя от патриархальных бытовых и экономических связей к товарному хозяйству и формальным правовым отношениям, значительная часть населения столкнулась с необходимостью знания законов и существующих предписаний, регулярного знакомства с государственными указами, торговой и хозяйственной информацией. Кроме того, в управлении страной, политике, экономике, культуре требовалось все больше и больше грамотных, образованных людей. Если в деревне, где хозяйство велось по старинке, все работы исполнялись в основном вручную, значительная часть населения могла обходиться без чтения, то в городе основные сферы жизни в этот период все более и более неразрывно связываются с ним. Тесные контакты с представителями привилегированных сословий в городе приводили нередко к заимствованию образцов поведения, в том числе и привычки к чтению.

Однако не менее важную роль в распространении чтения играли и факторы идеологического порядка: ломка социальных отношений вела к разрушению старой картины мира, и люди стремились найти новые мировоззренческие основы своего существования. Этот факт также стимулировал обращение к печатному слову. Хотя большинство населения на протяжении второй половины XIX в. не читало ни книги, ни периодику, но для читающего меньшинства печатные издания были высоко значимы. Книга рассматривалась как жизненный наставник, помогающий в духовном и нравственном самосовершенствовании.

Интересно, что ведущее место в чтении на протяжении всего периода, даже в моменты наиболее острой политической борьбы, принадлежало художественной литературе. По свидетельству

М.Е. Салтыкова-Щедрина (1864), русская публика «не любит ни углубляться, ни анализировать, а желает, чтобы писатель действовал на нее посредством живых образов и убеждал сравнениями и уподоблениями. Стало быть, учительницею ее стоит на первом плане так называемая беллетристика»¹⁷. Подобное положение было обусловлено не только (и не столько) сильным давлением цензуры, но и целым рядом исторических особенностей формирования русской культуры¹⁸. Однако от литературы большинство читателей ждало главным образом не «художественности», а публицистичности и дидактичности, критики существующих порядков и изображения образцов для подражания.

К концу характеризуемого нами периода численность образованной публики существенно выросла. По подсчетам В.Р. Лейкиной-Свирской, «к концу века было заново подготовлено высшими учебными заведениями гражданских ведомств около 85 тыс. людей, годных к выполнению функций интеллигентного труда»¹⁹. Кроме того, по данным переписи, в 1897 г. числилось более одного миллиона обучавшихся в средней школе (окончивших и неокончивших), не считая тех, которые учились в высшей (таковых насчитывалось 200 тыс.)²⁰. Резко выросла численность учащихся — основной, как указывалось выше, читательской группы. В 1880 г. в университетах учились 8,2 тыс. студентов, в средней школе — 181,7 тыс. учащихся²¹. К концу века численность студентов выросла до 15,2 тыс. (во всех типах высших учебных заведений), учащихся средней школы — до 220 тыс.²².

Однако гораздо более ощутимым был рост численности низовой читательской аудитории, что было обусловлено целым рядом факторов. Прежде всего нужно отметить, что быстро увеличивалось население городов: в Европейской России за 1863—1897 гг. оно почти удвоилось (с 6,1 млн до 12 млн), в то время как сельское увеличилось примерно в полтора раза. Еще большую важность для судеб книги имело усиление контактов крестьян с городом, чаще всего — в форме «отхода». Как отмечал В.И. Ленин, «отсутствие свободы передвижения, сословная замкнутость крестьянской общины вполне объясняют ту замечательную особенность России, что в ней к индустриальному населению должна быть отнесена не малая часть сельского населения, добывающая себе средства к жизни работой в промышленных центрах и проводящая в этих центрах часть года»²³. По неполным данным, в 1861—1870 гг. населению 50 губерний Европейской России было выдано 1285,6 тыс. кратко-

срочных паспортов для отхода и заработка, а в 1891—1900 гг. — 6952 тыс., то есть за 40 лет после отмены крепостного права число отходников выросло в 5 раз²⁴. Как показал К.Я. Воробьев, в хозяйствах отходников оказался самый высокий уровень грамотности, почти в каждой их семье были грамотные или учащиеся²⁵.

Однако и крестьяне, оставшиеся в деревне, нередко ездили теперь в город для продажи урожая, по судебным делам и т.д. Как будет показано ниже (в главе «Книга и крестьянин: изменение отношения к чтению»), крестьяне теперь ощутили потребность в грамоте.

Немалую роль в приобщении крестьян к чтению сыграло открытие школ для них. Поскольку после освобождения многомиллионные массы крестьянства стали большой политической силой, различные социальные группы и течения стали стремиться опереться на нее, для чего старались воздействовать с помощью печатного слова (устной пропагандой охватить многочисленное население, разбросанное по громадной территории, не было никакой возможности). К этому стремились революционные демократы, либералы, консерваторы, церковь и даже правительство, убедившееся, что управлять крестьянами только на основе насилия чрезвычайно сложно. Для того чтобы создать читательскую аудиторию, была начата интенсивная работа по обучению населения грамоте. Возникли школы разных типов: воскресные (которые посещали и взрослые), Министерства народного просвещения, армейские, помещичьи в имениях, церковно-приходские и др. Но самой жизнеспособной оказалась земская школа, которая постепенно охватила значительную часть сельского населения и существенно повлияла на рост уровня грамотности в деревне. Численность учащихся в сельских школах выросла с 717,8 тыс. в 1861 г. до 3239,3 тыс. в конце века, то есть более чем в четыре раза²⁶.

В результате существенно повысился уровень грамотности крестьян. Если по данным земских переписей (по 20 губерниям в 1887—1888 гг.) грамотность сельского населения составляла в этот период 8,7%²⁷, то, согласно Всероссийской переписи, к 1897 г. она выросла до 17,4%.

Но важен не столько рост уровня грамотности крестьянства, сколько изменение отношения к книге в этой среде. В последней трети XIX в. чтение светской литературы уже не считалось крестьянами предосудительным занятием. Конечно, на селе читал отнюдь

не каждый грамотный. Во-первых, в приводимых сведениях к числу грамотных (согласно принятым в дореволюционной практике критериям) отнесены и малограмотные, а для них сам процесс чтения представлял немалую трудность. Во-вторых, значительная часть лиц в крестьянской среде, научившись читать в школе, в дальнейшем и из-за обстоятельств бытового характера, и из-за недостатка материала для чтения практически не пользовалась этим умением. В результате читательская аудитория села была существенно меньше, чем грамотная часть населения. И все же в абсолютном выражении сельские читатели составляли теперь значительное число. Если в 1860-е годы «образованная» и «низовая» читательские аудитории были почти равны по величине, то к концу века численность крестьянского и рабочего читателя существенно превышает численность читателей из «командующих классов» (термин Н.А. Рубакина). В этот период структуру читательской публики можно наглядно представить в виде пирамиды, где вверху будут «образованные» читатели, внизу — «простонародные», а между ними — «средние» читательские слои.

Об увеличении читательской аудитории косвенным образом свидетельствует рост объемов издательской продукции. По нашим примерным подсчетам, с 1860 по 1900 г. суммарный тираж толстых журналов вырос с 30 до 90 тыс. экз., общих и литературных газет (разовый) с 65 до 900 тыс. экз. У тонких иллюстрированных еженедельников, получивших распространение в последней трети XIX в., суммарный тираж увеличился со 100 тыс. экз. в конце 1870-х гг. до 500 тыс. экз. в 1900 г. За последнее пятнадцатилетие XIX в. общий тираж книг, изданных на русском языке, вырос втрое (с 18,5 млн экз. в 1887 г. до 56,3 млн экз. в 1901 г.)²⁸. В 1860—1890 гг. формируется сеть книжной торговли по стране, теперь не только в губернских, но и в уездных городах возникают книжные магазины. Если в 1868 г. в России было 568 книготорговых заведений²⁹, то в 1883 г. — 1377, а в 1893 г. — 1725³⁰.

Ориентиром для оценки темпов роста читательской публики, главным образом — промежуточных ее слоев, могут служить сведения о численности абонентов библиотек. Правда, нужно учитывать, что значимость библиотеки как канала распространения книги была тогда ниже, чем в наши дни. Значительная часть материально состоятельных читателей (крупное и среднее дворянство, чиновничество) в своем чтении ограничивалась журналами и газетами, получаемыми по подписке (суммарный разовый тираж общих и

литературных газет и журналов составлял к началу XX в. примерно 1,5 млн экз.), а также домашними библиотеками. Не обремененные заботой о деньгах, они, как правило, приобретали каждую интересующую их книгу и выписывали нужные периодические издания. «Отсекалась» от пользования библиотеками и часть низовых читателей, что было связано с ограничениями в комплектовании. Одни из них носили правительственный характер, как, например, изъятие из фондов в 1884 г. большого числа книг и журналов прогрессивной направленности или ограничение фондов «народных библиотек» книгами, включенными в специальный каталог. Другие были вызваны просветительскими установками комплектаторов, например недопущение в публичные библиотеки бульварной и лубочной литературы.

И тем не менее приводимые сведения наглядно характеризуют быстрый рост читательской аудитории в стране.

В 1856 г. в России, по данным отчета министра народного просвещения, было 49 библиотек, открытых для пользования населения³¹. Поскольку число абонентов библиотек было тогда невелико (не более 200—300 на библиотеку), можно считать, что по стране оно не превышало 10—15 тыс. человек. В 1864 г., по сведениям Г.Н. Геннади, в России было уже 136 публичных библиотек и «библиотек для чтения»³². В 1882 г., по неполным данным официального учета (без Москвы, Петербурга и ряда губерний), в стране было 517 публичных общественных и частных библиотек. Если учесть, что в Москве и Петербурге, вместе взятых, было более 60 библиотек, то общее число их приблизится к шести сотням³³. К 1894 г. число библиотек выросло до 792 (в том числе 96 «народных»), не считая пришкольных библиотек для народа, число которых превышало 3 тыс.³⁴. В 1910 г. в городские библиотеки России было записано, по неполным данным, приблизительно 1,5 млн читателей (с учетом библиотек-читален общее число читателей составит 2,6 млн)³⁵. Поскольку численность городского населения России была равна в 1913 г. 23,3 млн человек³⁶, то охват библиотечным обслуживанием составлял, таким образом, немногим более 11%. Сельскими библиотеками в 1909—1911 гг. пользовались 2,9% всего сельского населения³⁷, то есть примерно 3 млн человек.

В целом по стране охват библиотечным обслуживанием в начале 1910-х гг. был, по нашим расчетам, на уровне 3—4% жителей, а к концу XIX в., по-видимому, 2—3%. Эта цифра дает нижнюю границу величины читательской аудитории, так как в библиотеки за-

писывались более или менее регулярные читатели. Реальная читательская аудитория была, естественно, больше. Общую ее величину к концу XIX в. можно оценить в 8—9 млн. человек (то есть 6—7% населения). К близким выводам пришел и М.Д. Афанасьев, по мнению которого читатели книг в России конца XIX— начала XX в. составляли 4—6% населения³⁸.

Увеличение читательской аудитории шло главным образом за счет тех культурных слоев, которые ранее были слабо приобщены к печатному слову, поэтому она с каждым годом все более и более дифференцировалась. Обратимся к свидетельству Н.А. Рубакина, отмечавшего, что «литературные течения по всей читающей России катятся <...> волна за волной. Уже прошло почти сто лет, как над передовыми читателями пронеслась волна псевдоклассицизма, семьдесят с лишком лет, как пронеслась волна сентиментализма Карамзина, затем романтизма Жуковского и т.д. и т.д., но где-то там, в недрах провинции, эти волны катятся до сего дня, разбегаясь кругами во все стороны, захватывая все большую и большую массу людей и уступая дорогу следующей волне. Нечего удивляться, что там, где еще катится волна XVIII века, не пользуются вниманием, не встречают одобрения произведения конца XIX»³⁹. Это наблюдение отражает факт расслоения и культуры, и литературы, и, соответственно, читательской аудитории.

Подобное явление неудивительно. Вследствие многоукладности экономики в социальной структуре общества и, соответственно, в структуре его культуры сосуществовали самые различные уровни (от патриархального сельского хозяйства до современной промышленной индустрии, от неграмотных крестьян до высокообразованных ученых, писателей, инженеров). Поэтому существовали еще читательские группы, находившиеся на той стадии, которую наиболее «продвинутые» слои населения прошли, например, в XVIII или начале XIX в.

Принято считать, что в России существовала одна литература, в которой были качественно различные уровни — первоклассные писатели, литераторы второго и третьего ряда, графоманы и т.п. Соответственно, и читателей делят на высококультурных знатоков, «средних», «неразвитых» и т.п. Мы бы предложили несколько иной образ литературы, или, точнее, образ нескольких одновременно существующих литератур. Так, для России последней трети XIX в. можно условно выделить следующие типы литератур: толстого журнала, тонкого журнала, газетную, лубочную, «для народа» и дет-

скую. У каждой из них была своя поэтика, свои авторы и пути доведения текстов до публики, свои читатели.

Это не означает, что конкретный писатель не мог писать для разных «литератур» или что конкретный читатель не мог обращаться к разным «литературам». Однако если осуществлять типологическое описание, то нужно констатировать довольно жесткую границу между названными «литературами»: интеллигентный, образованный читатель не пользовался «книгами для народа» и лубочными изданиями, а читатель-крестьянин не читал, как правило, толстых журналов. Разумеется, при конкретном описании литературной ситуации в определенный момент всегда можно найти промежуточные, переходные формы. Например, толстые журналы, близкие по характеру к тонким (например, «Колосья»), и тонкие журналы, близкие по содержанию к толстым («Новь», «Север»); тонкие журналы, похожие по характеру публикуемой беллетристики на низовые газеты («Свет и тени», «Мирской толк»), и газеты, публикующие примерно такие же произведения, как толстые журналы («Русские ведомости», «Порядок»). Однако литература большинства изданий довольно определенно принадлежала к одному из выделенных нами типов, сравнительно жестко закреплялись за ними и авторы, и читатели.

Сказанное выше относится прежде всего к художественной литературе. Однако у периодики каждого типа «литературы» была своя специфика, определяемая публикацией и небеллетристического материала. Так, толстые журналы включали большое число публицистических, литературно-критических и научных статей, тонкие — богатый иллюстративный материал. Различна была и периодичность их выхода, что влияло на оперативность освещения и уровень осмысления происходящих событий. Чем выше в социокультурной иерархии стоял читатель, тем большее число источников информации он использовал, стремясь сочетать достоинства каждого из них.

В наших рассуждениях может удивить отсутствие книги и ее читателя. Дело в том, что в описываемый период она не играла первостепенной роли в литературном процессе. Подавляющее большинство произведений первоначально публиковалось на страницах журналов и газет и лишь часть их выходила потом отдельными изданиями. В результате большинство читателей (кроме низовой аудитории) знакомилось с литературными новинками на страницах периодики, а книги имели для них второстепенное значение.

Реформы 1860-х гг. (точнее — уже сам период их подготовки) резко активизировали чтение образованных и полуобразованных слоев. По словам Н.В. Шелгунова, «в шестидесятих годах точно чудом каким-то созданся внезапно совсем новый, небывалый читатель с общественными чувствами, общественными мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах, желавший научиться тому, что он хотел знать»⁴⁰. Во многом изменилось в эти годы само отношение к чтению. Если раньше книгу и журнал читатели из этих слоев использовали для развлечения и ухода от окружающей действительности, в лучшем случае — для осмысления происходящего, то теперь они ждали от книги помощи в выборе жизненного пути и инструкций в повседневной практике.

Место печатного слова в русском обществе конца 1850-х — начала 1860-х гг. наглядно иллюстрирует такой курьезный факт, что «гвардейские офицеры, ухаживавшие за <...> балериною, привозили ей сочинения Белинского, которого тогда нельзя было не читать, или, по крайней мере, не иметь такого вида, как будто только что читал его»⁴¹.

Среди «образованной» публики наиболее активными читателями были лица, затронутые происходящими в стране социальными преобразованиями, испытывающие сильные напряжения (из-за своего неполноправного места в социальной иерархии), но, как правило, не причастные к конкретной практической деятельности. Они регулярно читали толстые журналы, газеты, следили за литературными новинками и критическими откликами на них.

Можно выделить три основные читательские группы «образованной» публики: ученые и литераторы, учащаяся молодежь, помещики. Все они располагали сравнительно большим объемом свободного времени и широким доступом к печатным изданиям.

Для писателей, журналистов, ученых чтение всегда было важным условием их профессиональной деятельности, теперь же у них возникла потребность быть знакомыми с гораздо более широким кругом источников — для участия в политической и идеологической борьбе своего времени. Но это были люди с уже сформировавшимся мировоззрением, способные критически относиться к публикуемым статьям и художественным произведениям.

Больше всего читала во второй половине XIX в. молодежь (учащиеся университетов, гимназий и семинарий), что обуславливалось интенсивными поисками своего места в жизни⁴². Они читали главным образом радикальные журналы («Современник» и «Русское

слово», позднее «Отечественные записки» и «Дело»), причем наибольший интерес вызывали статьи Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева⁴³.

Значительное место в чтении учащихся в 1860-е гг. занимала эмигрантская литература, прежде всего — издания Герцена⁴⁴. В Петербургском университете, по воспоминаниям одного из студентов, «с жадным вниманием читали мы, собравшись в кружок у кого-либо из нас, издаваемые Герценом—Искандером в Лондоне “Колокол” и “Северную звезду”, обсуждая и комментируя по нашему разумению всякую статью этих журналов, восхищаясь как замечательной стилистикой и языком их автора-эмигранта, так и содержанием их, всегда одухотворенным горячим желанием свободы и прогрессивных реформ для России»⁴⁵. В Московском университете «в аудиториях открыто читали “Колокол”, “Полярную звезду”, “Будущность христианской религии” Фейербаха, “Материя и сила” Бюхнера и т.п. сочинения»⁴⁶.

В военных учебных заведениях классы «делились на герценистов и антигерценистов»⁴⁷, в Петербургском кадетском корпусе во время занятий читали с преподавателем «Колокол» и «Полярную звезду», книги эмигрантов И.Г. Головина и П.В. Долгорукова⁴⁸. Киевские гимназисты «засиживались над книгами Герцена “Былое и думы” и “С того берега”, которые доходили до нас в крайне истрепанном виде. “Колокол” тоже часто ходил по рукам и читался нарасхват»⁴⁹.

Позднее в чтении молодежи значительное место стала занимать нелегальная и запрещенная книга. Например, в период подъема народнического движения (1873) «занятия в вузах были заброшены, мы старались впитать в себя возможно большее количество знаний к весне, когда рассчитывали двинуться в народ для пропаганды. Читали “Анархию” Бакунина, журнал “Вперед”, сочинения Чернышевского, Худекова, Флеровского, Лаврова и др.»⁵⁰.

Активно читалась и обсуждалась молодежью философская (Л. Фейербах, Д. Штраус, М. Штирнер, Т. Карлейль, К. Фохт, Я. Молешот, Л. Бюхнер, О. Конт, Г. Спенсер) и социально-политическая литература (А. Токвиль «Демократия в Америке» и «Старый порядок», Р. Оуэн, К. Сен-Симон, Ш. Фурье, Г. Бокль). Значительное место в чтении принадлежало и естественно-научным изданиям (Ч. Дарвин, В. Лекки, Дж. Тиндаль, Т. Гексли и др.), но они интересовали читателей не чисто научным содержанием, а сво-

им мировоззренческим аспектом, как проводники материалистического мировоззрения в противовес религиозному.

В книге искали аргументы в пользу уже сложившегося «реалистического» мировоззрения, основными чертами которого были материализм и атеизм в философии, радикализм в политике, «разумный эгоизм» в этике. Немногочисленные считавшиеся авторитетными книги воспринимались как источник доказанной наукой истины в последней инстанции. «Молодые люди входили в храм науки с уже создавшимся настроением и ожидали, что им будет дан в руки новый катехизис, основные догмы которого уже предначертаны. Их нужно было только оформить и подкрепить цитатами», «толпы людей молодых, а иногда и зрелых, для которых всемирные ученые были оракулами мудрости, могли весьма поверхностно читать “священные” книги, могли даже не читать их, а довольствоваться их пересказом; могли из прочитанного делать выводы весьма произвольные; могли от лица оракула говорить то, что ему и не приходило в голову; могли, наконец, кроме избранной книги, забросить все остальные, не хотеть знать ничего, что с этой книгой не согласуется <...>»⁵¹.

Много читала молодежь и современную художественную литературу. Этому в определенной степени способствовали радикальные перемены в преподавании словесности в начале 1860-х гг., в результате которых «расширился выбор произведений, подлежащих школьному изучению, в школу могла войти общественная современность с живой проблематикой текущей борьбы, литература могла явиться средством критического осмысления угнетательского общественного строя в его прошлом и настоящем, расширилась ученическая активность и сознательность в учебном процессе <...> упрочились и вошли в жизнь требования осмысленности в усвоении учебного материала»⁵². Однако утилитаристский подход к художественной литературе (во многом под влиянием Д.И. Писарева), ожидание от нее инструкций и поучений нередко приводили к тому, что написанным на высоком художественном уровне, сложным и неоднозначным произведениям И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого молодежь часто предпочитала дидактичные и одномерные, но выполненные в «прогрессивном» духе романы Н.Ф. Бажина и А.К. Шеллера-Михайлова.

Еще одна ведущая для периода 1860—1870-х гг. группа — читатели из среды крупного и среднего поместного дворянства. Эту группу представляли, как правило, люди старшего поколения.

М.Е. Салтыков-Щедрин писал в конце 1860-х гг. про «наше общество сороковых годов (или, лучше сказать, мыслящая его часть), составляющее и доныне главный контингент читающей публики <...>»⁵³. Читатели этой среды большое внимание в чтении уделяли художественной литературе. И, собственно говоря, им во многом адресовались ведущие русские прозаики 1850—1860-х гг. Круг чтения этой группы довольно легко представить — это прежде всего журналы («Современник», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения»), где публиковались широко известные впоследствии и вошедшие в литературную классику произведения художественной литературы, публицистики и художественной критики.

В чиновничьей среде читатели с развитыми литературными интересами были немногочисленными. Большинство же составляли, по определению М.Е. Салтыкова-Щедрина, «солидные читатели». Он писал, что «к чтению солидный читатель не особенно пристрастен и читает не столько вследствие внутренней потребности, сколько вследствие утвердившейся привычки», он «с пятого на десятое проглядывает за утренним чаем свою газету, останавливаясь преимущественно на телеграммах и распоряжениях»⁵⁴.

А.С. Суворин, хорошо знакомый с крупным чиновничеством, следующим образом характеризовал этот слой: «Русские люди высшего образования ничего не читают; поступив на службу и по прошествии некоторого времени русский человек выходит невеждой, ибо сам считает себя образованным, и другие считают его таким, а у него остались смутные понятия, ибо прежнее образование не обновлялось и не развивалось чтением; о научных предметах начнет говорить — чепуха, поклонение старым богам; если что прочтет, хвалит наудачу, восхищается без толку и без толку ругает, и все с видом знатока; особенно если успел попасть на службе в большие чины. Учителя не составляют из этого исключения. Некогда читать»⁵⁵.

В течение пореформенного периода резко растет численность еще одной читательской группы — провинциальной интеллигенции (главным образом это были земские служащие — учителя, врачи, статистики и т.д.). Для них книга была чрезвычайно значимым средством преодоления культурного одиночества и возможностью ощутить свою общность с другими представителями интеллигенции.

Следует отметить также, что в середине 1890-х гг. зарождается новая, сугубо элитарная по своим читательским установкам груп-

па, ориентирующаяся на декадентство и символизм. Отношение к литературе ее представителей деполитизируется и эстетизируется, они ждут от книги не поучения, а наслаждения, не рассмотрения социальных проблем, а анализа чувств и переживаний личности. В этой среде получают известность Д. Мережковский, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, Н. Минский.

В условиях быстрого увеличения объема читательской аудитории в пореформенный период и ее дифференциации весьма отчетливо выделился значительный по численности «промежуточный» слой читательской публики, состоящий из «полуобразованных» читателей, уже отошедших от лубочной книги, но не имеющих достаточной подготовки для понимания публикаций толстого журнала (и книг этого слоя литературы). Образование, полученное его представителями, можно довольно условно назвать, используя современную терминологию, «средним» и «неполным средним» (уездное училище, духовное училище, семинария, несколько классов гимназии и т.п.), а по своему социальному положению это были, как правило, мелкие и средние чиновники, мелкое поместное дворянство, сельские священники, купцы и мещане. По словам наблюдателя того времени, «чтение, которое наш деловой человек считал прежде бездельем, купец и мещанин — несвойственным им проведением времени, духовный — недостойным занятием, мало-помалу начинает приобретать привлекательность <...>»⁵⁶.

Если в начале XIX в. эти социальные группы были слабо приобщены к чтению, то уже к середине века регулярное чтение становится нормой в данной среде. В условиях быстрых социальных изменений представители этого читательского слоя стремятся осмыслить свое место в рамках социального целого. Получив формальное образование, они привыкли искать ответ на возникающие вопросы в книге, однако краткосрочность обучения обусловила тот факт, что «научная» картина мира усвоена ими не полностью, мировоззрение их фрагментарно и сохраняет многие элементы и традиции обыденных представлений. Отсюда, с одной стороны, стремление к получению разнообразных сведений, а с другой — тяга не к систематичности этих знаний, а к сенсационности, интересности, завлекательности получаемой информации. Именно эту читательскую среду представлял читатель, названный М.Е. Салтыковым-Щедриным «простецом», который «составляет ядро читательской массы». Он писал: «...с наступлением эпохи возрождения (то есть периода реформ. — А. Р.) народилось, так сказать, сословие читате-

лей, и народилось именно благодаря простецам. Последние уже перестали довольствоваться кличкой темных людей и наравне с прочими бросились в деятельный жизненный омут»⁵⁷.

Близкие по культурному уровню «средние» читатели довольно резко различались по своим жизненным интересам. Например, в 1860 г. численность священников достигала внушительной цифры — 113,8 тыс. человек⁵⁸. Современники свидетельствовали, что и в этом сословии в начале 1860-х гг. усилился интерес к чтению: «...в нынешнее время приходское духовенство наше, в том числе сельское, сильно заявляет, что оно хочет читать и читает разные другие (кроме богослужебных. — *А. Р.*) духовного содержания книги, не чуждаясь и книг, так называемых, светских <...> наши священники, особенно в последние годы, сами стали в значительном числе покупать и выписывать духовные книги и журналы»⁵⁹. В этой среде читались как специальные «духовные» журналы («Паломник», «Руководство для сельских пастырей», «Кормчий»), так и светские иллюстрированные журналы («Нива», «Родина»), дешевые газеты («Свет», «Сын отечества»).

Аналогичным образом росло число читателей среди офицеров в невысоких чинах, небогатых помещиков, мелких чиновников. Они выписывали газеты «Свет» и «Сын отечества», иллюстрированные журналы «Нива», «Родина», «Живописное обозрение», «Воскресение», «Иллюстрированный мир» и др., обычно дававшие в приложении романы современных «массовых» писателей.

В 1880-е гг. резкое увеличение численности «средних» читательских слоев осознавалось как «вторжение улицы» в литературу. Действительно, тиражи иллюстрированных журналов и газет, в основном читавшихся в этой среде, стремительно росли и исчислялись десятками, а иногда и сотнями тысяч. В качестве иллюстрации приведем один пример. В 1887 г. жители Уфимской губернии выписывали 485 экз. «Нивы» и 406 экз. газеты «Свет». На третьем месте (258 экз.) была газета «Сельский вестник», распространявшаяся в деревне (по волостным правлениям рассылался бесплатный экземпляр). Далее шли «Живописное обозрение» (182 экз.), газета «Казанский биржевой листок» (141 экз.), «Воскресение» (132 экз.), «Сын отечества» (118 экз.), еженедельная газета «Неделя» (98 экз.), газета «Новое время» (93 экз.), «Иллюстрированный мир» (83 экз.) и т.д. Толстые журналы выписывались в гораздо меньшем числе: «Русская мысль» — 35 экз., «Вестник Европы» — 31 экз., «Северный вестник» — 23 экз., «Наблюдатель» — 13 экз. и т.д. Общее число по-

лучаемых в губернии экземпляров иллюстрированных журналов более чем в 6 раз превосходило число толстых ежемесячников⁶⁰.

Самой большой по численности в последней трети XIX в. была быстро увеличивавшаяся «простонародная» читательская аудитория. Выше уже говорилось о резком разрыве между начальной и средней школой в дореволюционной России. Но поскольку именно начальная школа развивалась в пореформенный период опережающими темпами, то в результате формировалась многочисленная категория грамотных, но необразованных читателей. И по своему жизненному опыту, и по характеру полученных знаний (ничтожные сведения по истории и географии, помимо умения читать, писать и считать) они не были готовы к восприятию литературы «образованных» читательских слоев.

Для «простонародных» читателей быстро развивается своя литература (в значительно меньших размерах она существовала и ранее), которая быстро дифференцируется, обслуживая различные «прослойки» этой читательской среды.

Уже в 1870—1880-х гг. отчетливо выделяется категория низового городского читателя. Еще в конце 1850-х — начале 1860-х гг. для его представителей выходили так называемые «уличные листки», а позднее возникает и развивается своя «малая пресса» (газеты «Петербургский листок», «Московский листок», «Новости дня», журнал «Развлечение»). По наблюдениям А.П. Чудакова, детально проанализировавшего поэтику этого слоя литературы и творчество основных его представителей, «если в 60-е годы, первое десятилетие существования массовых русских журналов, граница между “малой” и “большой прессой” была нечеткой, многие авторы сотрудничали и там и там, то постепенно она обозначилась все резче. Малая пресса завела “свои” повесть и рассказ из великосветской жизни, ее сценка приобрела особые жанровые очертания, каких она не имела в “Современнике”, “Русском слове”, “Библиотеке для чтения”, где начиналась; в “тонких” журналах появились свои собственные переводные авторы; газеты создали каноны особого газетного романа»⁶¹. Ниже, в главе о газетах, дается подробная характеристика читателей «малой прессы».

Постепенно формируется и самостоятельная рабочая читательская аудитория. Это было связано как с ростом численности рабочих (в крупной промышленности Европейской России с 706 тыс. в 1865 г. до 1432 тыс. в 1890 г.)⁶², так и с их профессионализацией, постепенным отрывом от деревни и усвоением городской культу-

ры. В конце XIX — начале XX в. потомственные рабочие составляли небольшую часть от общего их числа, преобладали выходцы из деревни или отходники. Это приближало в значительной степени чтение рабочих к чтению крестьян. Однако наблюдения С. Ан-ского и ряда других исследователей показали, что в некоторых аспектах читательские вкусы рабочих существенно отличались от крестьянских: они обычно без особого интереса относились к религиозной литературе, прохладно воспринимали «сказки» и гораздо более заинтересованно, по сравнению с крестьянами, — романы и повести, особенно приключенческие⁶³.

Определенное место в чтении рабочих занимала и подпольная книга. В 1860—1870-е гг. факты ее чтения отмечались сравнительно редко⁶⁴, а к концу века, с развитием рабочего движения, значительная часть рабочих обращается к подобным изданиям.

К сожалению, чтение рабочих в те годы специально не изучалось, эмпирических данных очень мало. Однако имеются авторитетные свидетельства исследователей того времени. Н.А. Рубакин зафиксировал рост числа и уровня читателей-рабочих. Он писал, что «граница между “читателем из народа” и “читателем из чистой публики”» ступшевывается сама собою и нередко от нее не остается и следа. Тип вполне интеллигентного человека из фабричных рабочих, особенно в последние годы, определился довольно ярко <...>⁶⁵. По наблюдениям современников (в 1900—1901 гг.), у передовых заводских рабочих «часто попадались более или менее серьезные книги. Мне, например, довольно часто случалось встречать “Рабочий вопрос” Ланге, “Историю культуры” Липерта, “Восьмичасовой рабочий день” Вебба и Кокса и даже “Капитал” Маркса <...> далеко не все в состоянии понимать все прочитанное, но все-таки читают с большой охотой, а однажды мне попался сосед по квартире, который наизусть зубрил “Краткий курс экономических наук” Богданова. Наряду с этим процветало и чтение нелегальной литературы»⁶⁶.

Статистическое обследование П.М. Шестакова, проведенное в конце XIX в. на московской ситценабивной фабрике (владельцы которой проводили «филантропическую» политику, открыв для рабочих школу, библиотеку, театр и т.д.), показало, что читатели составляли там 42% рабочих мужчин⁶⁷.

Среди немногочисленных крестьянских читателей вначале преобладали любители религиозной литературы. Об этом свидетельствуют многие наблюдатели того времени, например: «Гра-

мотность между крестьянами <...> развита слишком мало, так что на сто человек едва ли придется один грамотный <...>. Грамотники исключительно читают одне только церковные книги <...>»⁶⁸, «на чтение книг светской печати, особенно в некоторых местностях Ярославской губернии, смотрят враждебно; если крестьянин и говорит о ком-либо, что он человек книжный, то в большей части случаев подразумевает, конечно, чтеца книг церковно-славянских»⁶⁹. Лишь постепенно менялось отношение крестьянских читателей к светской книге, и в 1870—1880-е гг. она довольно широко входит в круг чтения деревенских грамотеев⁷⁰. Вначале светская книга была представлена только лубочной литературой и лишь с середины 1880-х гг. с ней начинают конкурировать «издания для народа», к концу века в определенной степени вытесняющие лубок из круга чтения сельского читателя⁷¹. Следует отметить также так называемую «народную интеллигенцию», в число которой входило несколько тысяч крестьян, преподававших в сельских школах в качестве «народных учителей», писатели-самоучки (С.Т. Семенов, И.Г. Журавов, В.И. Савихин, И.С. Ивин и др.) и ряд других, путем самообразования овладевших основами «интеллигентской культуры», крестьян. Однако они читали главным образом книги «образованной» публики и приближались по своим читательским установкам к интеллигенции.

С ростом величины читательской аудитории и ее расслоением растет разнообразие читательских запросов. В результате быстро расширяется книгоиздательский репертуар: всего на различных языках в России ежегодно выходило в 1855 г. — 1239, в 1860 г. — 2085, в 1887 г. — 7366, в 1895 г. — 11 548 названий⁷².

О возникновении стабильного спроса на книгу свидетельствует и появление ряда коммерческих издателей, действующих в крупных масштабах. Их усиленная борьба за расширение рынка порождала постоянные поиски новых средств привлечения покупателей. В конце концов крупные издатели поделили сферы влияния, ориентируясь на различные слои покупательской публики и выпуская, соответственно, разную по типу литературу. Так, М.О. Вольф, рассчитывая на состоятельного покупателя, стремился издавать подарочную, «роскошную» книгу. Он первым в России начал печатать иллюстрированные издания большого формата, выпуская богато оформленные детские издания. В отличие от него, А.Ф. Маркс ориентировался на мелкую и среднюю буржуазию, провинциальную интеллигенцию. Увеличивая тиражи, он

добивался снижения цены книг и тем самым роста численности их покупателей. Выпускаемые им в приложении к журналу «Нива» многочисленные собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков и крупных современных писателей давали возможность подписчику составить представительную домашнюю библиотеку. Еще более широкой аудитории (но все же в рамках «средних» читательских слоев) были адресованы многие издания А.С. Суворина, выпускавшего «Русский календарь» и популярную массовую малоформатную серию «Дешевая библиотека», включавшую произведения отечественных и зарубежных классиков. Низовую аудиторию города снабжали книгами такие издатели, как С.И. Леухин, А.И. Манухин, А.М. Земский, выпускавшие многочисленные «потешные» рассказы из мещанского и мелкочиновничьего быта, сонники и песенники, «руководства», «помогающие» жениться и разбогатеть, и т.п. издания. Наконец, ряд издателей специализировались на выпуске лубочных книг для крестьянского читателя — И.Д. Сытин, И.А. Морозов, Е.А. Губанов, П.Н. Шарпов. Элитарный читатель был немногочислен и обращался главным образом к журналу. Тем не менее отдельные издатели (например, К.Т. Солдатенков, М.М. Стасюлевич) выпускали книги преимущественно для этой аудитории.

С формированием значительных по численности квалифицированных кадров (в ряде профессий) возникает соответствующая издательская специализация: К.Л. Рикер выпускает книги по технике и медицине, А.Ф. Девриен — по естествознанию и сельскому хозяйству, В.А. Березовский — военную литературу, П.И. Юргенсон — музыкальную и т.д.

Даже сделанный нами по необходимости беглый обзор демонстрирует наличие в России во второй половине XIX в. большого числа читательских аудиторий, существенно отличающихся друг от друга по отношению к книге, уровню знаний и кругу интересов: от неискушенных в литературе поклонников лубочных книг о Бове Королевиче до группы элитарных читателей — утонченных ценителей литературы, ориентирующихся на К. Бальмонта и близких ему авторов (это многообразие читательских позиций, одни из которых представляют вчерашний, а другие — завтрашний день чтения в стране, нашло свое выражение в заглавии данной книги).

В последующих главах дается более детализированная характеристика ряда читательских групп, прежде всего — относящихся к менее известным сейчас «средним» и «низовым» слоям публики.

В заключение подчеркнем, что приведенные выше данные о существенном росте числа читающих в стране во второй половине XIX в. отнюдь не означают, что к концу характеризуемого периода чтение стало повсеместным явлением. Если в дворянской среде чтение стало нормой еще в первой половине XIX в., то у других сословий этот процесс не завершился и в начале XX в. Так, например, масштабы деятельности публичных библиотек, как показал К.Н. Дерунов, были невелики, они обслуживали очень узкую аудиторию, обычно не превышающую 500 человек⁷³. По подсчетам Н.А. Рубакина, даже среди представителей привилегированных классов в библиотеки в первой половине 1890-х гг. было записано не более одной пятой части⁷⁴. В городских «народных библиотеках» число читателей также составляло несколько сотен⁷⁵, в сельских — 200—300 человек⁷⁶.

Таким образом, перейдя из разряда исключений в разряд довольно часто встречающихся явлений, чтение тем не менее не стало насущной потребностью большинства населения. В середине 1890-х гг. Н.А. Рубакин констатировал, что «мало таких людей, которые чувствуют потребность в постоянном общении с книгой <...>. Постоянный читатель, предъявляющий к книге известные запросы, в Российской империи не что иное, как явление единичное, но не массовое»⁷⁷.

Однако и культурные механизмы распространения чтения, и соответствующие организационные формы (школа, низовые газеты, иллюстрированные журналы, дешевая «книга для народа», «народные библиотеки») были уже пущены в ход. В дальнейшем (частично — в начале XX в., окончательным образом — в годы советской власти) на основе, созданной во второй половине XIX в., Россия из страны нечитающей превратилась в страну почти поголовного чтения, однако закономерности развития чтения в этот период должны стать предметом специальной углубленной разработки.

Глава II

ТОЛСТЫЙ ЖУРНАЛ И ЕГО ПУБЛИКА

Основное место в чтении образованной части русского общества во второй половине XIX в. принадлежало толстому журналу. Преобладание журнала над книгой стало определяться с середины 1830-х гг., после появления имевшей громадный успех «Библиотеки для чтения». К середине 1840-х гг. ключевое положение журнала в литературе стало очевидным, о чем свидетельствуют высказывания литераторов различных литературных лагерей — от Ф.В. Булгарина («Теперь книгопродавцы утверждают повсеместно, что не из чего хлопотать, потому что ничто не идет с рук, кроме журналов, и потому, если состряпается где повесть или роман, они поступают в журналы, которые вместительностью своею равняются огромным ластовым судам <...>»⁷⁸) до П.А. Плетнева («В нашу эпоху журналы сделались исключительным чтением публики. Ими удовлетворяет она двум своим потребностям: знакомится с новостями в области наук и словесности, и в то же время наполняет досуги тем чтением, которое необходимо для самого полубразованного человека»⁷⁹).

С этого времени примерно до начала 1890-х гг. основная часть литературных и публицистических произведений (по крайней мере, отечественных авторов) печаталась вначале в журналах. Отдельными изданиями выходили преимущественно научные труды, тех-

нические пособия, а также книги для менее подготовленных читательских аудиторий — учебные, детские, лубочные и т.п. Произведения для образованных читателей печатались в журналах и лишь затем, да и то далеко не все, выходили отдельными изданиями (различие статуса этих публикаций хорошо иллюстрирует и тот факт, что за перепечатку в книге автор получал гонорар почти в десять раз меньше, чем в журнале). Произведение же, не появившееся вначале в журнале или, по крайней мере, не отрецензированное там, не становилось во второй половине XIX в. литературным фактом. Современники отмечали, что «русская беллетристика сосредоточена в журналах, в которых помещается все мало-мальски заслуживающее внимания. Отдельными изданиями выходят или вещи, уже печатавшиеся в журнале, или забракованные всеми повременными изданиями <...>»⁸⁰, «почти ничего и не читается у нас кроме газет и журналов <...>, книги у нас не в ходу. Мы знакомимся с их содержанием, ценим их достоинство по журнальным отзывам»⁸¹.

Для сравнения отметим, что в западных литературах журнал никогда не имел такого преобладающего положения, как в России. Значение книги и газеты там было существенно выше, а толстый журнал не носил энциклопедического характера и не уделял такого внимания политике, сосредотачиваясь в основном на литературных вопросах.

«Журнализацию» русской литературы можно объяснить следующими причинами. С постепенным повышением уровня образования населения и заимствованием у столичного дворянства культурных образцов более низко стоящими социальными слоями чтение входило в образ жизни все более широких слоев, прежде всего — провинциальных помещиков и чиновников. Однако резкого роста численности образованных читателей тем не менее не наблюдалось, кроме того, они были разбросаны по помещичьим усадьбам и многочисленным губернским и уездным городам. Традиционные каналы распространения книги (книжная торговля и библиотеки) в условиях рассредоточенности читателей по громадным пространствам страны оказывались неэффективными. Гораздо лучше, как выяснилось, с доставкой печатных изданий в отдаленные места справлялась почта — достаточно четко работающее учреждение не частного, а государственного характера. Таким образом, одна задача, которую решал журнал, — осуществление связи литераторов и читателей.

Кроме того, журнал объединял своих читателей. Вначале это была просто общность «культурных», «образованных», «просвещенных» людей, а с начала 1860-х гг. журнал стал консолидировать ту или иную группу (радикалов, либералов, консерваторов и т.п.) в рамках этой общности. В условиях неразвитости политической жизни журнал способствовал формированию общественного мнения по тем или иным актуальным вопросам. Почти всегда он отстаивал или, как любили тогда выражаться, «проводил» тот или иной комплекс идей, мнений и представлений. Направление журнала прежде всего касалось его социально-политической программы и лишь во вторую очередь литературно-эстетических взглядов. Поэтому писатели, не примыкающие к определенному направлению, оказывались в трудном положении и были вынуждены печататься в случайных изданиях, иллюстрированных журналах, газетах и т.п. Н.С. Лесков считал, например, что для того, «чтобы быть порядочным писателем в России, надо быть вне зависимости от редакторского произвола»⁸². Я.П. Полонский объяснял появление своих произведений то в одном, то в другом журнале следующим образом: «Никак не мог я к чему-нибудь или к кому-нибудь применить — писать в одном тоне, связать мысль мою. — Никому я вполне угодить не в силах, — никакая редакция не станет печатать всего того, что мне вздумается написать — каждая непременно хочет, так сказать, процедить меня»⁸³.

Объединение единомышленников осуществлялось журналом на основе неформальных связей, он воспроизводил традиционную для русской культуры структуру кружка. В начале XIX в. основными формами существования культуры (и в том числе литературы) были кружки и салоны. С расширением круга лиц, втянутых в культурную жизнь страны, в 1820—1830-е гг. распространился альманах, запечатлевавший в печатном виде структуру и жанровые образцы кружкового альбома, а в дальнейшем получил распространение журнал, рассчитанный на более широкую аудиторию. Он как бы расширил рамки кружка знакомых, заменив связь устную — печатной и письменной. Читатели часто писали письма в редакцию, и некоторые из них появлялись на страницах журнала. Кроме того, на местах журнал нередко служил основой для создания кружка единомышленников. Таким образом, регулярное чтение определенного журнала означало обычно для читателя нахождение социальной или культурной группы, с которой он себя отождествлял.

Для понимания успеха журнала нужно учесть и тот факт, что книги в России были сравнительно дороги и рисковать деньгами, приобретая неизвестную ему книгу, читатель, как правило, не хотел. Гораздо удобнее было выбрать (на основе предшествующего читательского опыта) журнал, а в дальнейшем обращаться уже только к нему, доверив редакции отбирать произведения для чтения. Кроме того, обеспечив себе сравнительно высокий тираж и гарантированный сбыт, издатели журналов могли распространять их намного дешевле, чем книги. По подсчетам Н.К. Михайловского, толстый журнал давал в 1860-е гг. читателю за 12—15 рублей столько разнообразного материала для чтения, сколько в виде книги стоило бы ему 30—40 р., то есть примерно в три раза дороже⁸⁴. Следует упомянуть, наконец, постоянно усиливающуюся тягу к отражению современности в литературе. Читатели стали стремиться прочесть не просто хорошее произведение, но произведение новое, актуальное, злободневное.

В условиях дифференциации культуры необходим был посредник между высокообразованными людьми, ориентированными на просвещение населения, и читателями-неофитами, стремящимися приобщиться к культуре, получить оперативную трактовку всех научных, литературных и политических событий. В свое время В.Б. Шкловский проницательно отметил, что роль журнала заключается в том, чтобы «служить связью между местом и центром»⁸⁵. Шкловский имел в виду связь столиц и окраин, однако это наблюдение можно трактовать и более широко, как касающееся вообще центра и периферии культуры (подобные уровни были и в самих столицах).

Задачу посредничества взял на себя толстый журнал. Он должен был *отобрать* из всего богатства и многообразия культуры наиболее важные тексты, привести их в *систему* и в *доступной* форме предложить читателю. Д.И. Писарев писал в начале 1860-х гг. о том, что «периодические издания расходятся по всем концам России, и идеи, выработанные в тиши кабинета, за письменным столом, становятся достоянием целой обширной страны, становятся почти единственной пищей для нескольких десятков тысяч людей. Большинство публики читает одни журналы <...>»⁸⁶.

В 1840-х — первой половине 1850-х гг. журналы носили преимущественно литературный характер, но со второй половины 1850-х гг. они все более и более политизируются. По свидетель-

ству А.Я. Панаевой, «после Крымской войны печатное слово получило вес в обществе; все сознавали, что необходим прогресс во всем, и с жадностью набросились на чтение журналов, которые, по возможности, обсуждали реформы, предпринимаемые в России»⁸⁷.

В пореформенный период русский толстый журнал обычно представлял не культуру или литературу в целом, а какую-либо политическую и мировоззренческую группу. На своих страницах он выстраивал читателю свой образ общества, науки и литературы. Печатаемая иногда статьи и рецензии естественно-научного характера, основное внимание журнал уделял социальной проблематике. Он делился обычно на два раздела: в первый входила художественная литература и наиболее важные исторические и публицистические статьи, а во второй — обозрение текущих событий в России и за рубежом, литературная критика, рецензии, смесь и т.п. материалы. На страницах журналов появлялись статьи по истории, политической экономии, этнографии, фольклористике, истории литературы, проблемам международной жизни и т.д. Вот, например, содержание одного из номеров «Современника» периода его расцвета (№ 2 за 1859 г.). В первом разделе («Словесность, науки и художества») помещены статьи Н.Г. Чернышевского «Экономическая деятельность и законодательство» и В.П. Безобразова «Поземельный кредит и его современная организация в Европе», рассказ М.Е. Салтыкова-Щедрина «Развеселое житье», очерк А.А. Потехина «Река Керженец» и «Очерки народного быта» Н.В. Успенского, а также стихи А.А. Фета, Н.А. Некрасова, А.С. Пушкина (неопубликованное стихотворение) и Д. Байрона; во втором («Современное обозрение») — «Парижские письма» М.Л. Михайлова, «Петербургская жизнь» И.И. Панаева, «Политика» Н.Г. Чернышевского и 6 рецензий Н.А. Добролюбова. В приложении к журналу были помещены «Библиография журнальных статей по крестьянскому вопросу», а также переводы повести Э. Серре и статьи Г.Г. Меллина о природе и быте северной части Скандинавии.

Как видим, стремясь предложить разнообразный материал для чтения, журнал как бы «втягивает» под свою обложку целую библиотеку, очень продуманно и четко организованную. Следует, однако, отметить, что при всей универсальности содержания журнала основное внимание в нем уделялось политическим событиям либо событиям из других сфер социальной жизни, рассматривае-

мым под «политическим» углом зрения. Поэтому ведущее место в нем принадлежало социально ориентированной (касающейся актуальных проблем) художественной литературе и публицистике (обзор внешней и внутренней жизни, фельетон и т.п.).

Журнал был не *местом* публикации различных произведений (как это нередко было раньше), а *трибуной* единомышленников, и поэтому большое внимание уделялось в нем единству и цельности. В. Шкловский справедливо отмечал, что «журнал может существовать <...> как своеобразная литературная форма. Он должен держаться не только интересом отдельных частей, а интересом их связи»⁸⁸.

Н.К. Михайловский, активно участвовавший в русской пореформенной журналистике, признавал, что «журнал, а потом и газета определяли собою нередко и форму, и содержание произведений даже выдающихся талантов, в журналах и газетах группировались большие и малые силы для общего дела; журналы и газеты клали или старались класть свои штемпеля на произведения даже таких писателей, которые стояли, по-видимому, вне всяких отношений к “возникновению, падению и взаимным отношениям различных органов печати” (цитата из “Истории новейшей русской литературы” А.М. Скабичевского. — *А. Р.*), на журнальную или собственно редакторскую работу тратилась значительная часть сил выдающихся писателей»⁸⁹.

По сути дела, собирая произведения различных авторов и komponуя их определенным образом, редакция создавала новый текст, определяемый конструкцией журнала. Для достижения этой цели у нее были две основные возможности — работа с людьми и работа с текстами.

Во-первых, редакция могла подобрать близких по убеждениям авторов, наладить с ними постоянные отношения, предусматривающие их работу в духе данного издания, и в ряде случаев даже заказ им необходимых произведений. Например, в некрасовском «Современнике», где обычно практиковались подобные формы работы, по воспоминаниям Г.З. Елисеева, «набирались подходящие к направлению журнала сотрудники, им представлялось писать в каждый данный момент, что им бог на душу положит. Никто не следил ни за мыслями, ни за фразами. Иногда казалось, что точно редакторы не читают никаких статей в своем журнале, а между тем само собой выходило все ладно. Почему? Да потому, что в журна-

ле-то главным образом и нужно, чтобы все говорили в одно. Не только удачные фразы, но и неудачные, то есть слабые, целые статьи, если только они бьют в одну цель, в общем несколько не вредят делу»⁹⁰. Конечно, Г.З. Елисеев несколько идеализирует редакционную ситуацию в «Современнике», и, как известно из других мемуарных источников, там также допускалось редакционное вмешательство в текст, однако, и в этом Елисеев прав, явление это носило эпизодический характер.

Редакция могла, во-вторых, проводить отбор среди поступающих (в том числе и в «самотеке») произведений, в случае необходимости перерабатывать их (сокращать, исправлять, переписывать фрагменты и т.д.), сопровождать предисловиями и примечаниями и, что очень важно, соответствующим образом компоновать различные тексты в структуре номера, стремясь к его цельности и внутренней уравновешенности. Хорошим примером подобной практики можно считать редакторскую деятельность Г.Е. Благодетельского. Двадцать лет редактируя «Русское слово» («журнал начинающих писателей для начинающих читателей», по определению Н.В. Шелгунова) и продолживший его журнал «Дело», он часто изменял структуру статей и характер их изложения, делал в них вставки, не только переставляя акценты, но и меняя стиль изложения. Никак не выделяясь в качестве самостоятельного автора (время от времени он выступал с публицистическими статьями), он тем не менее накладывал на все материалы номера печать своей личности и своих убеждений и добивался в итоге живости и цельности журнала. Если учесть, что Благодетельский был наделен умением подбирать (и воспитывать в соответствующем духе) сотрудников журнала (привлек к работе Д.И. Писарева, В.А. Зайцева, П.Н. Ткачева, Н.В. Шелгунова и др.), то нельзя не согласиться с тем, что это был незаурядный редактор, умевший использовать все возможности для обеспечения однородности и целенаправленности журнала.

Каждый журнал обычно представлял более или менее определенное идеологическое направление. Любопытно, что, несмотря на увеличение числа читателей в стране и быстрый рост числа газет, иллюстрированных и специальных журналов, число толстых универсальных ежемесячников в пореформенный период оставалось стабильным — на уровне 8—10 названий в год. По-видимому, этого количества хватало для того, чтобы охватить все основные позиции в рамках социально-политического спектра. Журналы, пы-

тавшие существовать «вне направлений», обычно оказывались недолговечными и исчезали из-за малочисленности подписчиков.

Характерной чертой существования журналов с начала 1860-х гг. являлась постоянная (и временами — ожесточенная) полемика их между собой. Хотя нередко предлогом для споров служили эстетические или бытовые вопросы, но чаще всего за этим скрывалась не столько литературная, сколько социально-политическая борьба.

Поскольку в этот период каждый журнал освещал события и явления со своей точки зрения, «строил» свой «образ мира», то читатели нередко обращались только к одному-двум близким по характеру изданиям, игнорируя все прочие, причем дифференциация журналов постепенно усиливалась. В середине 1870-х гг. Н.Н. Страхов отмечал, что «в обществе и в кругу самих писателей образовались отделы, которые друг друга не понимают, питаются непрерывным повторением мыслей своего особого направления и обыкновенно друг друга терпеть не могут <...>. Почти у всех (журналов. — А. Р.) главная масса подписчиков, ядро читателей состоит из приверженцев. Для них-то и работает журнал, им угождает, им он и нравится; люди же свободные от пристрастия к журналу обыкновенно не находят в нем ничего хорошего. Для своих журнал имеет авторитет, блистает капитальными произведениями; для чужих его мнения лишены всякой тени авторитета, и имена сотрудников почти не различаются одно от другого»⁹¹. Для иллюстрации факта обособленности журнальных аудиторий сошлемся еще на Я.П. Полонского, который писал знакомому в начале 1890-х гг.: «Я никого не знаю, кто бы выписывал “Вестник Европы”, — у него есть своя особенная серия читателей и почитателей»⁹².

Поскольку журналы различались по своим идеологическим платформам, то факт подписки на то или иное издание (рядовые читатели подписывались обычно лишь на одно) означал принятие того, а не иного «образа мира». Сразу на несколько изданий подписывались только литераторы или состоятельные и высококультурные люди. Так, например, семья придворного архитектора А.И. Штакеншнейдера, содержавшая литературный салон, выписывала в конце 1850-х гг. сразу пять толстых ежемесячников («Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русский вестник» и «Русская беседа») ⁹³. Наиболее распространенными были в читательской среде издания радикального направления: «Современник» (закрыт в 1866 г.) и наследовавшие ему «Отече-

ственные записки» (под редакцией Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1866—1884), а также «Русское слово» (1859—1866) и «Дело» (1866—1888). Популярны были также (особенно после закрытия «Отечественных записок» и «удушения» «Дела») либеральные журналы «Вестник Европы» (1866—1918) и «Русская мысль» (1880—1918), народническое «Русское богатство» (1879—1918). В консервативных кругах высоким авторитетом пользовался «Русский вестник» (1856—1906)⁹⁴. В 1880—1890-х гг., когда выдержанность направлений журналов несколько ослабла (одни и те же литераторы печатались, например, в либеральных и консервативных органах), довольно долго существовали также такие издания, как «Наблюдатель» (1882—1904), где либеральный налет сочетался с яростным антисемитизмом, и чисто коммерческие «Колосья» (1884—1893), печатавшие третьесортную беллетристику. Другие журналы (а их было довольно много) обычно закрывались через несколько лет (по финансовым причинам или из-за правительственного запрета).

Характеристика журнала как типа издания дает материал для суждений о его аудитории. Ведь согласие читателя предпочесть журнал книге означает, что он считает себя недостаточно компетентным, чтобы из потока многочисленных публикуемых отдельно произведений выбрать подходящие именно ему, отвечающие на его духовные запросы. Он не хочет (или не может) читать большое число разнообразных книг и нередко довольствуется обзорами, компиляциями, пересказами, рецензиями и т.д. Журнальный читатель вообще слабо доверяет конкретному индивиду (автор книги сам несет ответственность за нее), ему важно, чтобы публикация исходила от группы в целом (помещенный в журнале материал несет на себе его марку, кроме того, значительная часть статей и рецензий помещалась вообще без подписи, как текст, исходящий не от конкретного автора, а от редакции). Читая только «свой» журнал, подписчик готов безоговорочно доверять его сотрудникам, освещающим те или иные актуальные проблемы, и отказывается от критического сопоставления различных точек зрения по данному вопросу.

Журнальные публикации адресовались читателям довольно высокого образовательного уровня, знакомым с отечественной и зарубежной историей, географией, политическим устройством и т.п. (характерно, однако, что ученые больше читали научные книги и специальные журналы), придающим высокое значение печат-

ному слову, обращаясь к нему в поисках самоопределения и, возможно, ограниченным в доступе к книгам.

Наблюдения О.В. Мильчевского в середине 1860-х гг. показали, что основные читатели журналов — это «высшее чиновничество, более богатое дворянство не служащее, да учащая и учащаяся молодежь; читают много и чиновничьи жены, больше, по крайней мере, чем мужья», причем подписываются на них либо очень богатые лица, либо библиотеки, либо высшие и средние учебные заведения⁹⁵.

Аудитория толстых журналов была не очень велика. Современник признавал, что они «существуют не для массы нашей читающей публики. По содержанию своему, во всем его объеме, они доступны и, даже скажем, нужны незначительному кругу людей образованных и стоящих по своему общественному положению близко к тем интересам и вопросам, которым эти журналы посвящены»⁹⁶. На каждый журнал подписывалось несколько тысяч человек. Для того чтобы журнал не «прогорел», нужно было хотя бы 2—3 тыс. подписчиков, а имевшие успех журналы собирали в разные периоды от 6 до 15 тыс. подписчиков (у «Современника» в 1860 г. было 6,6 тыс., у «Отечественных записок» в 1880 г. — 8,1 тыс., у «Русской мысли» в 1887 г. — 10 тыс. и т.д.). Всего же суммарный одноразовый тираж их составлял, по нашим приблизительным подсчетам, в 1860 г. — 30 тыс., в 1880 г. — 40 тыс., в 1900 г. — 90 тыс. экз. Для определения объема читательской аудитории журналов следует учесть следующие обстоятельства. Во-первых, обычно журнал читал не только сам подписчик, но и члены его семьи, а также друзья и знакомые. Во-вторых, нередко были случаи подписки в складчину, когда небогатые читатели выписывали один экземпляр на несколько человек. Так поступали, например, члены объединившегося вокруг Н.А. Добролюбова студенческого кружка в Педагогическом институте, поэт-самоучка И.З. Суриков и его друзья и многие другие. Н.П. Баллин, служивший в конце 1850-х гг. в Костроме, вспоминал, как он и его жена «сами выписали себе журнал и уговорили более десятка знакомых выписать также по журналу. На получившихся журналах подписывались фамилии участвовавших в ассоциации совокупной выписки по порядку, который должен был соблюдаться при выдаче журналов для чтения так, что записанный первым для чтения одного журнала записывался вторым для чтения другого журнала, третьим для чтения третьего и т.д. Таким образом, записанный последним для чтения первого журна-

ла записывался первым для чтения последнего. Все журналы по миновании надобности становились общею собственностью»⁹⁷. Наконец, в-третьих, несколько сотен экземпляров тиража журнала поступали в библиотеки, где интенсивно использовались (в публичных библиотеках в конце 1880-х — начале 1890-х гг. они составляли 80—50% книговыдачи, об использовании их в библиотеках для чтения говорится дальше, в соответствующей главе). В 1877 г. Н.К. Михайловский полагал, что у «Отечественных записок» при 8 тыс. подписчиков примерно 100 тыс. читателей⁹⁸. Обследование своей аудитории, проведенное более чем через тридцать лет редакцией журнала «Современный мир», установило, что один экземпляр журнала, получаемого частными лицами, читают в среднем 8 человек, а в библиотеках — не менее 30. Расчеты показали, что при тираже 15 тыс. экземпляров общее число читателей должно немногим превышать 200 тыс. человек⁹⁹ (то есть в среднем получается 13—14 читателей на экземпляр, примерно столько же, сколько было ранее по оценке Михайловского). Поскольку у менее популярных органов число читателей на экземпляр было существенно меньше и, кроме того, определенная часть аудитории обращалась к нескольким журналам, при подсчете суммарной численности журнальной аудитории приведенные выше цифры тиражей следует, по видимому, утроить или учетверить.

Большинство читателей журналов проживали за пределами столиц. Например, у «Современника» в 1859 г. на долю провинции приходилось две трети подписки, а Н.В. Шелгунов, сотрудничавший в «Деле», писал в 1880 г., что «в Петербурге его никто не читает»¹⁰⁰. Наиболее активную и увлеченную часть аудитории журналов составляли учащиеся высших и средних учебных заведений. Неудовлетворенность господствующими представлениями и стремление сформировать свое собственное, альтернативное, мировоззрение побуждали их обращаться к журналам. Самыми популярными в этой среде изданиями были «Современник» и «Русское слово». П.И. Добротворский, учившийся в Петербурге в артиллерийском училище, вспоминал позднее, что в конце 1850-х гг. «повеяло уже новым духом <...> «Современник», «Русское слово» мы читали запоем, выписывая в складчину. Эти журналы, «Русский вестник», «Отечественные записки», можно было получать и из нашей училищной библиотеки»¹⁰¹. Учащиеся Вятской семинарии также в конце 1850-х гг. «с величайшим интересом прочитывали от корки до

корки книжки “Современника”. Статьи Добролюбова просто проглатывали»¹⁰².

Воспоминания ярко рисуют отношение к журналу как к источнику откровения, единственно верному руководителю на жизненном пути: «Кумиром и богом гимназической молодежи в половине 60-х гг. прошлого столетия был Д.И. Писарев. Статьями его захлебывались, мысли его воспринимались с благоговением, как евангелие, как нечто непререкаемое, как священный завет. Я помню, с каким страстным нетерпением мы ожидали выхода книжек чрезвычайно популярного тогда “Русского слова” и с какой жадностью мы набрасывались на полученную новую книжку, если только в ней появлялась статья Писарева (а статьи его появлялись почти в каждой книжке)» (херсонская гимназия середины 1860-х гг.)¹⁰³; «В гимназии я зачитывался чуть ли не с третьего класса “Русским словом” <...>. Моим любимым автором стал скоро Писарев. Сначала я только восхищался хлесткостью полемики, не понимая хорошенько смысла. Но потом мало-помалу стал запоминать слова и идеи. С таким руководителем, конечно, все мои детские верования стирались в какую-то кашу, растворялись, улетучивались» (керченская гимназия первой половины 1860-х гг.)¹⁰⁴; «Я имел возможность добывать журнал “Современник”. Книжки этого лучшего тогдашнего журнала давались мне на короткий срок, так что приходилось просиживать ночи за чтением. Статьи “Современника” конца 50-х и начала 60-х гг. производили на молодые натуры, жаждущие знания, чрезвычайно сильные впечатления <...>» (владимирская семинария первой половины 1860-х гг.)¹⁰⁵. По свидетельству мемуариста, в воронежской семинарии во второй половине 1860-х гг. «учились мало, читали светских книг и новых журналов (“Современник”, “Русское слово” и т.п.) много, была мода у всех учащихся и учащих — на отрицание <...>»¹⁰⁶.

Даже столичные студенты, располагавшие богатыми библиотеками, слушавшие лекции лучших профессоров, находившиеся в кругу единомышленников и т.д., почти столь же увлеченно читали журналы. В.П. Острогорский, учившийся в Петербургском университете в первой половине 1860-х гг., вспоминал: «Великое значение для меня и моих товарищей имели тогдашние журналы. Особенно те из них, которые соединяли в себе почти все лучшие литературные силы. Представляя, с одной стороны, богатейший материал для чтения критический и общественно-политический, не говоря уже

о талантливейшей беллетристике (Тургенев, Некрасов, М.И. Михайлов, Плещеев и др.), с другой — они привлекали горячим отношением к общественным вопросам, беспощадным сатирическим бичеванием всего того, что противоречило идее прогресса и старалось набросить тень на благие реформы нового царствования <...>. Тогда нередко являлись в журналах критические и научные статьи (Чернышевского и Добролюбова. — А. Р.), читавшиеся нарасхват»¹⁰⁷. Л.Ф. Пантелеев, также учившийся в Петербургском университете в эти годы, отмечал, что «студенты главным образом читали журналы <...> особенно был в ходу “Современник”»¹⁰⁸.

Вторая основная категория журнальных читателей — молодые чиновники, преимущественно провинциальные, недавно закончившие учебные заведения. Человек, подписавшийся на журнал, обычно составлял исключение в провинциальной среде, на уездный провинциальный город обычно приходилось не более 10—20 подписчиков журналов, на губернский — 50—70. Современник свидетельствовал, что в Архангельске, например, «всякий скорее согласится проиграть 10, 15 рублей в вечер, чем выписать дельный современный журнал»¹⁰⁹. Но для тех, кого не удовлетворяла рутинная обыденная жизнь, журнал был чрезвычайно значим, был зачастую единственной формой связи с иной, полной духовности и красоты, жизнью. Писатель И.И. Ясинский, проживавший в начале 1860-х гг. в одном из уездных городов и знакомый с несколькими молодыми чиновниками, наблюдал, как «толстые журналы, главным образом <...> “Современник”, были светом для них»¹¹⁰. Более крупные чиновники, как правило, выписывали журналы, но читали их мало, лишь проглядывали и знакомились с той или иной заинтересовавшей публикацией (предметом их заинтересованного чтения были газеты, где основное внимание они уделяли иностранной политике и правительственным распоряжениям). Так, например, по сообщению Л.Ф. Пантелеева, один из крупных вологодских чиновников в конце 1850-х гг. «выписывал почти все тогдашние толстые журналы, но, кажется, мало читал», поскольку сын его вскоре по выходе приносил Пантелееву номера для прочтения¹¹¹.

Третья категория читателей журналов — это средние и крупные помещики, проживающие в своих деревнях. Эта группа читателей приобщилась к журнальному чтению еще в 1830-е гг. и искала в журналах прежде всего разнообразный и интересный материал для чтения, чтобы заполнить свободное время. По наблюдениям С.Н. Терпигорева, «в Москве и в Петербурге газеты и журналы не

читают, а “пробегают”; в деревне, особенно осенью и зимою, их чуть не учат наизусть»¹¹². Несколько лет живший в деревне литератор Ф.Н. Берг в корреспонденции в газету писал: мало имеем возможности «мы, живущие в глухих лесных деревнях, читать что-нибудь, и вы, живущие в средоточии умственной и литературной деятельности, даже и представить едва ли вполне можете, что значит книжка русского журнала, полученная здесь, и с какою жадностью она разрезывается и читается нами»¹¹³.

Как в городах, так и в поместьях много читали журналы женщины, особенно представительницы молодого поколения, страстно стремившиеся получить знания, но не имевшие возможности поступить в высшие учебные заведения (женщинам это не позволялось). Софья Ковалевская вспоминала, что в середине 1860-х гг., когда они жили в поместье, отец, генерал в отставке, разрешал выписывать только «Русский вестник». Ее старшая сестра брала у знакомого студента «Современник» и «Русское слово», «каждая новая книжка которых считалась событием дня у тогдашней молодежи»¹¹⁴.

В аристократических кругах, при дворе читались главным образом иностранные книги и журналы. В начале 1860-х гг. отмечалось, что в «великосветские кружки очень еще недавно стали проникать русские журналы, да и до сих пор у многих они лежат почти все время неразрезанными, сдаются переплетчикам и ставятся в шкапы <...>. Иногда вынимаются оттуда, если позднее, где-нибудь у кузины Алины или tante Серафимы станут говорить про какую-нибудь, уж очень замечательную статью — повесть или роман <...> вырезают особенно интересное, переплетают, и потом уже читают». Так было с «Обломовым» И. Гончарова, «которого казалось уж как-то совестно не прочесть»¹¹⁵.

Приведенные материалы характеризуют отношение к журналам и их аудиторию в 1850—1860-х гг. Позднее, со спадом социальной активности, реакция большинства читателей на журналы стала более спокойной, однако радикальная молодежь продолжала с напряженным вниманием читать близкие ей по направлению издания — «Дело» и особенно «Отечественные записки»¹¹⁶. По свидетельству С.Я. Елпатьевского, читатели «ждали новую книжку “Отечественных записок” как праздника <...> как дорогого гостя, который все знает, все объяснит и расскажет <...>»¹¹⁷. Земледелец О.В. Аптектман вспоминал, что «Отечественные записки» «почти безраздельно властвовали над умами той эпохи. Целое поколение, поколение

70-х годов, энергичное и боевое, считало “Отечественные записки” почти что своим органом», их авторов «слушали не только молодежь; и старшее поколение разночинцев, и все интеллигентное общество с глубоким интересом прислушивались к этому авторитетному голосу. Журнал читался нарасхват. Каждая новая книжка журнала ожидалась с нетерпением. Что скажут Михайловский и Лавров? Что напишут Щедрин и Грыцько (Елисеев)? Что подарят нам Некрасов, Успенский, Златовратский и другие? Между журналом и читателем устанавливаются самые тесные отношения, — отношения *взаимного понимания общности задач и стремлений*»¹¹⁸. Особый интерес у молодежи вызывал раздел «Внутренние дела» (автором которого был Г.З. Елисеев), где «группировка фактов, освещение отличаются ясностью и глубиной. Молодежь буквально зачитывалась этими хрониками <...>. Я помню хорошо, как в свободные часы между лекциями мы, студенты, захватив с собою *новую* книжку журнала, *прежде всего* обыкновенно набрасывались на “Внутренние дела” журнала и прочитывали их, при глубоком внимании, вслух»¹¹⁹.

Интерес к проблемам общественной жизни неизбежно приводил юных читателей к чтению «Отечественных записок». Вот характерные воспоминания одного мемуариста о приобщении в молодости к чтению журналов: «...стал систематически читать <...> ежемесячные журналы, в которых я до того времени прочитывал лишь кое-какую беллетристику; теперь же я поглощал внутренние и иностранные обозрения, критику и публицистику; пытался приниматься и за статьи по экономическим вопросам <...>. Ежемесячно я прочитывал “Отечественные записки”, просматривал еще “Дело”, иногда брался за “Вестник Европы”, но этот журнал казался мне всегда скучным»¹²⁰. Выпускник Петербургского университета вспоминал, что в начале 1880-х гг. студенты «пробавлялись <...> чтением газет и журналов прогрессивного направления и жили в создаваемой ими атмосфере недовольства и протеста против существовавших условий жизни, против ретроградного пути, по которому шло правительство <...>»¹²¹.

1880-е годы были последним периодом господства журнала в чтении интеллигентной аудитории. Позднее его позиции все больше и больше подрывают газеты, иллюстрированный журнал и книга. С ослаблением цензуры и усилением политической борьбы в стране политика «ушла» в ежедневную газету, а литература — в деполитизированный (хотя и «направленческий») сборник. В начале

XX в. сборники «Знание», «Шиповник» и др. занимали доминирующие позиции на книжном рынке. Достаточно характерно и появление модернистских журналов («Весы», «Аполлон», «Новый путь»), резко порывавших с традицией толстого русского ежемесячника. Здесь печаталось мало беллетристики, основное внимание уделялось культуре и искусству, а общественные события рассматривались в религиозном или культурологическом аспектах.

Толстый журнал уходил в это время в иные социальные и культурные слои: народной интеллигенции, передовых рабочих и крестьян (показателен в этом плане успех «Журнала для всех», вышедшего тиражом 90 тыс. экз.).

Разумеется, толстый журнал не исчез (выходили как «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», так и более «молодые» органы), однако он уже не определял движение литературы, отдав ведущие позиции газете и книге.

Глава III

БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ И ИХ ЧИТАТЕЛЬ

Существует точка зрения, что в России в XIX в. ощущалась острая нехватка книг и библиотек. Но при этом странным образом почти игнорируется существование так называемых «библиотек для чтения». В исследовательской и научно-популярной литературе их деятельность совершенно не освещена. Кроме ряда публикаций, посвященных конкретным библиотекам, нам известна только одна специальная статья о библиотеках для чтения конца XVIII — начала XIX в. и несколько общих работ, где содержатся ценные наблюдения и соображения по данному вопросу¹²². Чем же обусловлен тот факт, что библиотеки для чтения выпали из поля исследовательского внимания? Частично это объясняется тем, что историки библиотечного дела нередко считают их разновидностью книготорговли, а историки книжной торговли — разновидностью библиотек. Но на самом деле причина лежит несколько глубже. Дело в том, что в изучении истории русского книжного дела (как, впрочем, и других сфер истории культуры) традиционно на первый план всегда выходят формы «идейной», просветительской деятельности, а формы коммерческие, товарные остаются в тени. Здесь мы хотели бы частично заполнить этот пробел и осветить забытый аспект истории отечественной культуры, связанный с деятельностью библиотек для чтения.

Мы не стремимся изложить их последовательную историю, это скорее попытка историко-социологического анализа, цель которого — описание характерных черт библиотек для чтения и места их среди других каналов распространения книги, выявление функций их в культуре того времени. В ходе изложения, разумеется, из-за слабой изученности объекта будет довольно обильно привлекаться исторический материал, но при этом отнюдь не ставится задача достичь какой-либо полноты и целостности исторического описания.

Что же представляли собой библиотеки для чтения? Это были учреждения с постоянным книжным фондом, которые за плату (вносимую вперед за год, полгода, три месяца, месяц и даже сутки) и залог стоимости книги предоставляли ее для прочтения. Представление о деятельности библиотек для чтения дает нижеследующая цитата из правил пользования одной из них (подобные правила носили типовой характер):

«1) За чтение книг и журналов русских и французских:

Разряд I. В первом месяце по выходе и прошлогодних: за год 16 р., за полгода 9 р., за три мес. 5 р., за один месяц 2 р.

Разряд II. Во втором месяце по выходе и прошлогодних: за год 12 р., за полгода 7 р., за три мес. 4 р., за один мес. 1 р. 50 к.

Разряд III. В третьем месяце по выходе и прошлогодних: за год 8 р., за полгода 5 р., за один мес. 1 р.

Разряд IV. Спустя год по выходе: за год 6 р., за полгода 3 р. 50 к., за один мес. 75 к.

2) Залога оставляется от пяти до десяти рублей.

<...>

5) Книг и журналов отпускается сообразно с залогом, но не более четырех книг при пятирублевом и восьми книг при десятирублевом залоге.

<...>

8) Новые журналы и книги отпускаются на одну неделю, а прежние на две недели»¹²³.

Известный историк книги П.К. Симони считал библиотеки для чтения «особым родом книжной торговли»¹²⁴, некоторые современные исследователи (например, А.А. Зайцева) отстаивают их библиотечную природу. В рамках привычной дихотомии «книжный магазин» — «библиотека» библиотеку для чтения приходится, с нашей точки зрения, считать третьим, промежуточным каналом распространения книги, сочетающим черты и магазина, и биб-

лиотеки. Ведь подписчик библиотеки для чтения вносил стоимость взятых книг (то есть фактически покупал их), а потом при возвращении получал свои деньги назад с удержанием части за амортизацию книги. Таким образом, это была как бы коллективная покупка книги подписчиками, когда общая ее стоимость делилась между всеми пользователями (каждый из них не был в состоянии приобрести для прочтения все интересующие его книги). Содержатель библиотеки получал деньги за свою посредническую деятельность между книжной торговлей и библиотекой и между самими подписчиками. Хотя он в дальнейшем оставался владельцем книг, но, во-первых, они подвергались физическому износу, а во-вторых, морально устаревали (при ориентации значительной части подписчиков на книжные новинки) и значительно теряли в цене.

Здесь необходимо отметить, что исторически библиотеки возникают и существуют в условиях письменного общества, когда есть необходимость обеспечить преемственность, тождественность во времени культуры индивида или социальной общности. Задача газеты и других средств массовой коммуникации иная — тут важно преодолеть не время, а пространство, обеспечить одновременность восприятия. Библиотеки для чтения во многом были близки к средствам массовой коммуникации, стремясь дать возможность как можно большему кругу читателей ознакомиться с *новым* журналом или *новой* книгой. Тем самым библиотека для чтения приближалась по характеру деятельности к книжному магазину, также рассчитанному на распространение *новой* литературы. Иногда библиотека для чтения могла просто заменить книжный магазин, так как можно было взять книгу в суточное пользование, уплатив ее стоимость и 5—10 коп. за чтение, а потом не вернуть ее. От книжного магазина библиотека для чтения отличалась более высокой степенью стабильности фонда (магазин не ставит перед собой задачу сохранения старых книг, хотя на практике в русских книжных магазинах книги иногда залеживались на десятки лет). Правда, нередко библиотека при книжном магазине располагала только книгами из фондов последнего. Так, известный русский поэт И.С. Никитин, содержавший книжный магазин в Воронеже в 1859—1861 гг., писал: «...по ограниченности моих средств, я не могу отделить собственно книжного магазина от библиотеки для чтения»¹²⁵.

От публичной библиотеки библиотека для чтения отличалась тем, что была ориентирована прежде всего не на просвещение,

распространение знаний, рост культуры и т.д., а на удовлетворение запросов читателей.

Теперь, когда дано исходное представление о библиотеках для чтения, обратимся к периоду возникновения социального института со столь странным названием. Действительно, слово «библиотека», означающее в русском языке XIX в. «место для хранения книг и самое собрание их»¹²⁶, предполагало еще, по нашему мнению, определенную осмысленность подбора книг и предназначенность собрания для пользования, так что ни книжный склад, ни книжный магазин обычно библиотеками не назывались. Поэтому пояснение «для чтения» выглядит несколько странно, а для чего другие библиотеки? для смотрения? хранения? продажи?

Ответ на этот вопрос мы видим в следующем. Во-первых, название «библиотека для чтения» является, по-видимому, калькой с французского «Bibliothèque de lecture». В силу широкой распространенности французского языка в русском обществе подобный галлицизм не «резал ухо» в конце XVIII — начале XIX в., когда возник в России этот тип библиотек, а потом стал уже привычным выражением. Во-вторых, следует отметить, что выражение «для чтения» имеет тут значение главным образом «для легкого чтения», в противопоставление «ученым занятиям», «учебе» и т.п.

Подобные платные библиотеки стали возникать в России в конце XVIII в. Первая платная библиотека И. Вейнбрехта (с фондом книг на немецком языке) была открыта в Петербурге, по-видимому, в 1770 г.¹²⁷. В дальнейшем там возникло еще несколько таких библиотек, в том числе в 1783 г. открылась библиотека, содержащая (наряду с немецкими и французскими) и русские книги. В 1784 г. книготорговец М.К. Овчинников открыл в Петербурге Российское заведение для чтения¹²⁸. В Москве первую платную библиотеку открыл в 1787 г. Л. Рамбах¹²⁹.

Все упомянутые библиотеки открывались книгопродавцами, причем первые из них и в Петербурге, и в Москве были основаны немцами. За образец они брали широко распространенные к тому времени в Германии платные библиотеки (Leihbücherei)¹³⁰. Первая из них была основана в Берлине в 1704 г. французским эмигрантом¹³¹, и это позволяет предположить, что впервые этот тип библиотек возник во Франции. В Англии подобные библиотеки («circulating Libraries») возникли несколько позже (первая — в 1725 г.), а к концу 1760-х гг. уже были широко распространены не только в

Лондоне, но и в курортных и больших провинциальных городах¹³². В Польше первая библиотека такого типа была основана немецким книгопродавцем в 1768 г.¹³³ По данным обзорной работы английского исследователя П. Кауфмана, во второй половине XVIII в. подобные библиотеки получают широкое распространение во многих европейских странах¹³⁴.

Возникновение и распространение библиотек для чтения обусловливалось появлением и ростом численности соответствующей читательской аудитории, обеспечивающей их экономическую рентабельность. В них «были заинтересованы средние читательские слои — разночинская интеллигенция, духовенство, купцы, мещане — все те, для кого составление собственных библиотек и покупка дорогих книг были непозволительной роскошью»¹³⁵. Подсчеты А.Н. Севастьянова показали, что при общем резком росте численности читательской аудитории в 1770—1780-е гг. особенно быстро росла численность «недворянской интеллигенции и недворянского грамотного контингента вообще»¹³⁶. Именно в этот период и стали возникать библиотеки для чтения в России. Несколько позднее, в 1835 г., В.Г. Белинский писал по этому поводу: «Наш век — чудный век: никогда удобства жизни и средства к выполнению самых дорогих желаний самыми дешевыми средствами не были так легки и доступны для всех и каждого. Скоро бедные перестанут завидовать богатым: вы абонируетесь у Семена, Эльцнера, Глазунова — и вот вам за какие-нибудь полтораста, двести рублей в год все сокровища европейского и *российского* гения <...>»¹³⁷. В XVIII в. библиотеки для чтения существовали только в столицах, в первой половине XIX в. они появились и в крупных губернских городах (Одессе, Воронеже, Нижнем Новгороде, Киеве и др.). Они, как правило, выпускали печатные каталоги¹³⁸. Среди наиболее известных библиотек для чтения следует назвать библиотеку известного библиографа В.С. Сопикова (существовала в Петербурге в 90-х гг. XVIII в., в 1800 г. вышел печатный каталог) и библиотеку В.А. Плавильщикова (открыта в 1815 г.). После его смерти в 1823 г. она перешла к А.Ф. Смирдину, который существенно пополнил ее, сделав одним из самых богатых в России книжных собраний. В 1847 г. она досталась П.И. Крашенинникову. В 1869 г. библиотека перешла к А.А. Черкесову, известному прогрессивному книгопродавцу, а в 1880 г. была приобретена О.Н. Поповой, позднее получившей известность в качестве издательницы марксистской литературы¹³⁹.

В 1886 г. ее купил и частично распродал рижский книготорговец Н. Киммель (часть книг приобрели П.А. Ефремов и П.В. Шапов)¹⁴⁰. Большая часть библиотеки Смирдина была обнаружена в Чехословакии, в Государственной библиотеке ЧСР¹⁴¹.

В принципе, разумеется, библиотека для чтения — это не единственная возможная форма платного обеспечения книгой соответствующих читательских слоев. Так, за рубежом (в Англии, США, Германии) возникали и другие типы платных библиотек, обеспечивающих коллективное пользование книгами. В основе их лежала самоорганизация покупателей книг. В качестве классического примера можно привести Филадельфийское библиотечное общество, основанное Б. Франклином, участники которого делали ежегодный взнос и совместно определяли профиль комплектования и репертуар приобретаемой литературы¹⁴². Подобные «подписные библиотеки» имели своей целью самообразование и самовоспитание своих участников и были широко распространены в США и Англии. Здесь мы имеем дело с сознательной, явной формой организации покупателей книг. Широко был распространен в Англии и иной тип платных библиотек — книжные клубы, члены которых регулярно обсуждали репертуар приобретаемых изданий, а по истечении года либо продавали купленные книги, либо делили их между собой. Однако в России, где с давних пор негосударственные объединения обычно преследовались (начиная с запрещения масонских лож) либо включались в систему государственного аппарата, подобные библиотеки не получили распространения. Любопытно, что в период возникновения русских платных библиотек (в конце XVIII в.) в Петербурге возникали немецкие и французские «общества для чтения», однако срок их существования был недолог, а в русской среде их вообще не было¹⁴³.

В России платная библиотека возникла как соединение автономных, никак не связанных между собой (кроме пользования одним книжным фондом) читателей. Ответственным за удовлетворение потребностей и желаний читателей являлся не один из них, как в «подписной библиотеке», а владелец фонда, преследующий коммерческие цели. В качестве близкой по функции культурной формы можно назвать журнал, объединяющий лично не знакомых и не связанных друг с другом читателей. Характерно, что одним из основных, наиболее читаемых разделов фонда библиотек для чтения были журналы, а в некоторых случаях фонд вообще состоял только из них.

Быстрый рост числа библиотек для чтения и их аудитории начинается с 1860-х гг., в период реформ и подъема освободительного движения. С этого времени они становятся постоянным компонентом городского образа жизни, входят в быт не только губернских, но и многих уездных городов.

По нашим примерным подсчетам, в 1820—1830-е гг. одновременно существовало 7—10 библиотек для чтения, а число их читателей составляло 2—3 тыс. человек. В начале 1860-х гг. в стране было уже 15—20 библиотек для чтения, в которые было записано 5—7 тыс. человек.

В печати, особенно столичной, с 1860-х гг. было принято отрицательно оценивать деятельность библиотек для чтения. Так, о московских библиотеках для чтения того времени писалось следующее: «Мы уже не говорим о том, чтобы в таких библиотеках можно было найти сочинения специальные, или вообще книги серьезного содержания, но и самый отдел беллетристики составлен в них чрезвычайно неудовлетворительно. Так, например, почти ни в одной из существующих библиотек вы не найдете ни сочинений Пушкина, ни Гоголя, ни Карамзина»¹⁴⁴, «это большею частью сборище старых изданий, романов тридцатых годов, старых журналов, всякого старья и балласта <...> книг серьезного содержания, специальных и иностранных они не имеют <...>. Новых изданий они даже и не могут иметь, по ограниченному числу подписчиков <...>. Пошлите в первое время выхода книги хоть по всем библиотекам, — положительно можно сказать — вы ее не достанете <...>»¹⁴⁵. Не лучше оценивалась и деятельность петербургских библиотек для чтения: «Библиотеки для чтения, довольно многочисленные в Петербурге, далеко не обладают такими средствами, чтобы читатели могли быть удовлетворяемы выбором и своевременным получением книг <...> вовсе не могут удовлетворить условиям чтения серьезного <...>»¹⁴⁶. Позднее близкие по характеру обвинения предъявлял библиотекам для чтения Н.А. Рубакин, отмечавший «чрезмерное преобладание в каталогах частных библиотек книг беллетристических наряду с чрезмерною скудностью отделов научных, которые представляют обыкновенно пестрейший сброд попавшихся случайно произведений»¹⁴⁷. Ниже мы продемонстрируем несправедливость последнего заявления. Но даже если бы это было и так, все равно Рубакин противоречит сам себе, поскольку ранее он справедливо констатировал, что основная задача библиотеки для чтения — «по-

купать прежде всего те книги, которые больше всего спрашивает публика, и выдавать подписчикам какие угодно книги, если их спрашивают»¹⁴⁸. Однако сам же Рубакин отмечал, что в основном в библиотеках для чтения читается художественная литература, а спрос на научные издания невелик и несистематичен.

Нам представляется, что Рубакин и другие авторы негативных отзывов о библиотеках для чтения оценивали их не с позиции их обычных абонентов, а с точки зрения достаточно немногочисленных «развитых», «образованных» читателей, нуждающихся в книгах совершенно иного типа. Судя по всему, широкая читательская масса города была достаточно удовлетворена их фондами. Не будем забывать, что владелец библиотеки был заинтересован в привлечении возможно большего числа читателей и старался приобретать издания, наиболее привлекательные для подписчиков («когда спрашиваешь у нынешних библиотек, что это они всё пробавляются легкой беллетристикой, забывая и научную и детскую книгу, они всегда резонерствуют: «наша де библиотека не для профессоров, а для публики большой»»¹⁴⁹).

Существова на деньги абонентов, библиотека для чтения по необходимости должна была удовлетворять их запросы, иначе она лишилась бы подписчиков. Если владелец ее ориентировался не на обеспечение потребностей основной массы публики, а только на просвещение и воспитание читателей, поднятие их вкуса, предлагая им мало интересующие их издания, он либо прогорал, либо постоянно пользовался дотациями, превращая библиотеку из коммерческого в просветительское или даже пропагандистское учреждение.

Там, где существовала значительная по численности прослойка интеллигенции (столицы и университетские города), зачастую успешно функционировали библиотеки для чтения с богатым фондом научной литературы и хорошим подбором старых изданий. Ими нередко пользовались ведущие литераторы и ученые. А.Н. Пыпин вспоминал: «Когда я приехал в Петербург с Н.Г. (Чернышевским. — А. Р.), он был подписчиком богатой библиотеки для чтения, и после его отъезда из Петербурга я продолжал пользоваться этой библиотекой. Это была знаменитая библиотека Смирдина, находившаяся тогда во владении Крашенинникова». Отдел старых книг ее представлял собой «редкое собрание, которое могло тогда соперничать с русским отделом Публичной библиотеки»¹⁵⁰. Целый ряд других таких библиотек будет назван ниже.

Поскольку библиотека ориентировалась на читательские потребности, то с изменением вкусов и интересов подписчиков (а нередко и их состава) она меняла профиль своего комплектования. Поэтому до середины 1850-х гг. библиотеки для чтения (особенно провинциальные) приобретали главным образом беллетристику, преимущественно рассчитанную на легкое чтение (характерно, что и знаменитый журнал, называвшийся «Библиотека для чтения», также публиковал в основном легкую, «читабельную» прозу). Так, в середине 1850-х гг. в Казани пользовалась известностью библиотека И.А. Сахарова, «большинство помещиков абонировалось в ней. Книги были большею частью переводные и, разумеется, на первом плане стояли корифеи тогдашней французской литературы: Евгений Сю, Бальзак, Александр Дюма, Жорж Занд и т.д.»¹⁵¹. П.Д. Боборыкин вспоминал, что в начале 1850-х гг. в Нижнем Новгороде он и другие гимназисты старших классов романы отечественных и зарубежных авторов «поглощали в больших количествах, беря их на <...> крошечные карманные деньги из платной библиотеки» С.П. Меледина¹⁵². В 1858 г. двоюродный брат Н.А. Добролюбова, планируя открыть библиотеку для чтения в Нижнем Новгороде, собирался приобрести «романов, повестей, одним словом, что может читать люд нижегородский». Добролюбов также считал, что для библиотеки «можно было бы закупить на толкучке разных изделий Зотова, Масальского, Воскресенского, Булгарина и других писунов, которых *публика-то*, кажется, еще с наслаждением почитывает в Нижнем», однако, по его мнению, это вредно для общества. Гораздо лучше, с его точки зрения, создать «основательную библиотеку русских и иностранных книг, выписывая в нее несколько порядочных журналов, иностранных газет, лучшие сочинения исторические, политико-экономические и т.п.», но он сам же признавал, что подобная библиотека разорится¹⁵³.

В начале 1860-х гг., когда резко усилилась политизация общественного сознания, популярными и даже модными стали естественно-научные и социально-политические книги. П.А. Кропоткин писал в 1862 г. о библиотеке для чтения в Иркутске, что «большею частью читают одни только журналы, а другие беллетристику и немного исторические книги; впрочем, теперь <...> начинают требовать несколько серьезные книги, преимущественно по части популярно изложенных отраслей естественных наук»¹⁵⁴. Соответственно, и в библиотеках для чтения стал существенно повышаться удельный вес подобных изданий.

Следует отметить, что в специфическом русском политическом и культурном контексте библиотеки для чтения, оставаясь платными, тем не менее нередко функционировали не как коммерческие, а как просветительские и даже революционные учреждения. Это было связано со сложностью открытия других типов библиотек, возможностью включать в фонд издания, запрещенные к обращению в публичных библиотеках, а также и с непристижностью, «неприличностью» торговой деятельности и высоким престижем деятельности просветительской. Значительное число таких библиотек возникло в 1860-е гг., а в дальнейшем постоянно действовало несколько библиотек подобного типа, как правило, в столицах и университетских городах. В 1860-е гг. существовал ряд библиотек, преследовавших цели революционной пропаганды, распространявших прогрессивную и даже нелегальную литературу. К их числу относилась основанная в 1862 г. библиотека члена «Земли и воли» Н.А. Серно-Соловьевича в Петербурге. В 1863 г. она перешла к А.А. Черкесову, также участвовавшему в революционной деятельности, и действовала в 1860—1870-х гг.¹⁵⁵. В Вятке с 1859 г. существовала библиотека А.А. Красовского, закрытая по правительственному распоряжению в 1866 г. (с 1869 г. при участии Красовского и частично на основе фонда его книг действовала библиотека его ученика Н. Вершинина, закрытая по высочайшему повелению в 1875 г.)¹⁵⁶. В Перми также с 1859 г. действовала библиотека А.И. Иконникова, закрытая в 1862 г.¹⁵⁷. Библиотека М.П. Шестунова в Иркутске, открытая в 1858 г., была закрыта в конце следующего года, а владелец ее выслан в Забайкалье за противоправительственную пропаганду. С 1862 г. в течение трех лет там же действовала библиотека В.И. Вагина и М.П. Шестунова¹⁵⁸.

Все названные библиотеки занимались распространением легальных изданий революционных демократов и нелегальной литературы. Вокруг них группировались кружки революционно настроенной молодежи, использовавшей библиотеку в качестве клуба, где обсуждались современные политические проблемы. Подобные библиотеки, связанные с революционным движением, как правило, закрывались верховной властью.

Более широко были распространены в эти годы библиотеки чисто просветительской ориентации. Известный педагог В.П. Острогорский вспоминал, как В.К. Макалинская, «увлеченная мыслью о женской самостоятельности, задумала найти себе какое-ни-

будь нравственно удовлетворяющее дело. В то время еще очень много читала и училась русская публика, и в Петербурге возникли частные библиотеки, дававшие сносный заработок»¹⁵⁹. В 1864 г. Макалинская открыла библиотеку, фонды которой включали значительное число научных и учебных книг, журналов, и содержала ее более 20 лет. Близкой по характеру была петербургская библиотека П.П. Семенникова, открытая в 1865 г. Выпускник университета, преподававший в гимназиях, он на протяжении 18 лет вкладывал в библиотеку часть своего жалованья, пока она наконец не стала покрывать расходы. В результате к 1885 г. в ней было более 40 тыс. книг, в том числе издания, рассчитанные на специалистов, иностранные книги и т.д.¹⁶⁰. Назовем также библиотеку И.А. Шидловского в Казани. Не желая служить, он вышел в отставку. Ему «хотелось, чтобы избранный труд был деликатный, способный не повредить доброй репутации, сохраненной в чистоте». В 1864 г. он открыл библиотеку для чтения и содержал ее по 1872 г., причем «не жалел средств для этой библиотеки и убил в нее все свои гроши, которые сберег в течение многих лет труженической жизни»¹⁶¹. Нельзя не упомянуть и библиотеку Л.Г. Рубакиной, в работе которой самое деятельное участие принимал ее сын, известный библиотековед Н.А. Рубакин. Основанная в 1875 г., она постоянно росла и в 1900 г. насчитывала около 40 тыс. названий. Ведущее место в ее фондах занимала научная и научно-популярная литература, которая интенсивно использовалась учеными и лицами, занимающимися самообразованием¹⁶². Названные библиотеки просветительского типа существовали автономно, не при книжных магазинах. Характерно, что когда Шидловский открыл книжную торговлю при библиотеке, дело у него «не пошло».

В 1860-е гг., с ростом числа библиотек для чтения и увеличением аудитории, они становятся постоянным компонентом городского образа жизни, входят в быт¹⁶³. Позднее в формах своей деятельности они следуют возникшим еще в конце XVIII в., а в 1860-е гг. модифицированным и тиражированным образцам. Помимо уже упомянутых, широкой известностью пользовались обладавшие богатым книжным фондом московские библиотеки Н.Н. Улитина (возникла в 1840-х гг., позднее принадлежала его наследникам и просуществовала до конца века), А.Ф. Черенина (с 1859 г. по 1870-е гг.), А.Ф. Ушакова (с 1865 г. по конец 1870-х гг.), М.А. Вивьена (1880-е гг.); библиотеки Л.Д. Кашкина в Твери,

П.Н. Аносова в Воронеже (была основана Д.А. Кашкиным не позднее 1840 г.), М.А. Фронштейна в Ростове-на-Дону, Е.П. Распопова в Одессе, В.М. Истомина в Варшаве, П.И. Макушина в Томске «с прекрасным подбором книг по всем отраслям знания»¹⁶⁴ и др.

Некоторое представление о темпах роста числа библиотек для чтения могут дать сведения по Москве (данные только по библиотекам с фондом русскоязычных книг): в 1851 г. их было 2, в 1866 г. — 9, в 1880 г. — 32, а в 1900 г. — 40¹⁶⁵. По весьма неполным официальным данным (нет сведений по Петербургу, Москве и нескольким губерниям), в 1882 г. в Российской империи было 517 библиотек разных типов, в том числе 286 библиотек и кабинетов для чтения, то есть 55% общего числа. Большая часть библиотек для чтения существовала при книжных магазинах (188 из 226, то есть 66%)¹⁶⁶. «Библиотеки при книжных магазинах, кроме прямого дохода (от подписной платы), приносили еще косвенный доход, поскольку привлекали покупателя и расширяли книготорговый оборот»¹⁶⁷.

Если учесть, что в Петербурге в 1881 г. было 30 библиотек для чтения¹⁶⁸, а в Москве, как указывалось выше, в 1880 г. — 32, то получится, что общее число библиотек для чтения по стране составляло в 1882 г. примерно 350.

Библиотека для чтения была приличным, «порядочным» способом получения денег для лиц привилегированных сословий — дворянства, чиновничества, интеллигенции. Она позволяла совмещать приобретение денег на жизнь с достаточно престижной, «чистой», а нередко и просветительской деятельностью. Именно этим объясняется высокая доля представителей указанных сословий среди владельцев библиотек для чтения. Характерно, что нередко в качестве содержателей библиотек для чтения выступали литераторы — помимо уже упомянутого И.С. Никитина можно назвать также Ф.А. Арсеньева, П.В. Засодимского, А.И. Эртеля, А.А. Соколова, Ф.В. Домбровского, Д.С. Дмитриева и др.¹⁶⁹. В 1882 г. 50% владельцев библиотек принадлежали к привилегированным сословиям и профессиям (дворяне, чиновники, военные, учителя, врачи и т.п.), 37% составляли купцы и мещане, 13% — представители других групп и сословий (крестьяне, священнослужители, иностранные подданные и т.п.). Значительную часть владельцев библиотек составляли женщины (29%). Среди владельцев библиотек для чтения, не совмещенных с книжными магазинами, доля представителей привилегированных сословий была еще выше (62%)¹⁷⁰.

Для характеристики деятельности библиотек для чтения большое значение имеет информация о составе их фондов. Чтобы получить репрезентативные данные по этому вопросу, мы проанализировали печатные каталоги библиотек для чтения за один из периодов их деятельности. В выборку вошли все имеющиеся в Российской государственной библиотеке каталоги 1879—1881 гг. (31). Анализ показал, что обычно фонд состоял из 2—3 тысяч названий, причем на долю художественной и детской литературы приходилось 60—70% фонда. Однако в некоторых столичных библиотеках объем фонда резко превышал средний уровень, а в некоторых провинциальных был существенно ниже его. Так, в библиотеке М.А. Вивьена в Москве было около 9 тыс. книг, а в библиотеке П.А. Хворова в Саратове — всего 351. Значительное место в фонде занимали журналы. Как правило, выписывалось не менее 10 названий журналов, прежде всего толстых универсальных ежемесячников («Отечественные записки», «Дело», «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русская мысль» и др.).

Каталоги демонстрируют цельность и продуманность подбора книг, довольно высокую степень полноты комплектования по избранным направлениям. Выявилось, что существует высокая степень согласованности, совпадения состава фондов, что, несомненно, отражает учет читательских вкусов, ориентацию на популярные произведения. Ряд книг (и не только классиков) был во всех или почти во всех библиотеках. В указанные годы из современных русских писателей, судя по каталогам, наибольшим спросом в библиотеках для чтения пользовались такие авторы, как Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, П.Д. Боборыкин, Ф.М. Достоевский, В.В. Крестовский, А.К. Шеллер-Михайлов, В.П. Мещерский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Лейкин, Д.В. Григорович, Н.С. Лесков.

Преобладала в фонде зарубежная проза. Во всех библиотеках имелись книги таких зарубежных прозаиков, как Б. Ауэрбах, А. Ашар, О. де Бальзак, А. Бело, Э. Берте, Г. Бичер-Стоу, Г. Борн, Ф. Брет Гарт, Ф. де Буагобе, Э. Булвер-Литтон, Ж. Верн, Э. Габорио, Ф. Герштеcker, графиня Даш, Ч. Диккенс, А. Доде, А. Дюма, Жорж Санд, В. Кобб, П. де Кок, У. Коллинз, Э. Лабулэ, А. Лео, Е. Марлитт, К. де Монтепен, П. Понсон дю Террайль, Г. Самаров, Э. Сю, Э. Троллоп, П. Феваль, Ф. Шпильгаген, Г. Эмар, Эркман-Шатриан, причем таких авторов, как Габорио, Дюма, Монтепен, Поль де Кок, Террайль, Шпильгаген и Эмар на библиотеку нередко приходилось по 15—20 различных произведений.

Если какое-либо издание вдруг становилось литературным «бювиком», оно сразу же попадало во все библиотеки, как это произошло, например, со следующими совершенно забытыми сейчас книгами: Алеева Н. [Утина Н.И.] Два мира. СПб., 1875; Тимофеев Н.П. Записки следователя. СПб., 1872; Преображенский Н. Из кулька в рогожку. СПб., 1873; Ксено. Тайны турецкого двора. СПб., 1874; Мелек-Ханум. 30 лет в турецких гаремах. СПб., 1874, и др.

Учитывая цитированные выше упреки в адрес библиотек для чтения, следует отметить довольно высокий удельный вес естественно-научной, философской, исторической литературы в их фондах. Произведения таких широко распространенных в то время авторов, как Г. Бокль, Д. Дрэпер, Л. Кетле, Н.И. Костомаров, Д. Милль, Д.Л. Мордовцев, П. Прудон, С. Смайлс, С.М. Соловьев, И. Тэн, С.С. Шашков, Ф. Шлоссер (гуманитарные науки), А. Брем, Г. Гартвиг, Т. Гексли, В. Гумбольдт, Ч. Дарвин, Я. Молешот, Дж. Тиндаль, М. Фарадей, К. Фламарион, К. Фохт (естественные), имелись почти в каждой библиотеке. Даже первый том «Капитала» К. Маркса имели почти две трети библиотек.

Для того чтобы получить представление, чем располагали библиотеки для чтения, проанализируем каталог одной из рядовых библиотек такого типа (библиотека М.А. Фронштейна в Ростове-на-Дону в 1884 г.). Ее фонды содержали около 2200 названий книг на русском языке, около 500 — на французском и более 200 — на немецком¹⁷¹. Если учесть, что часть фонда — многотомные издания, то общая численность книг составит более 3,5 тыс. томов. В фонде были хорошо представлены русская классика и современная литература, присутствовали там также многочисленные издания современных зарубежных прозаиков (главным образом сентиментальные или авантюрно-приключенческие романы). В фонде 130 философских и социально-политических книг (в т.ч. Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, Л. Кетле, Д. Милля, Ж. Мишле, П. Прудона, И. Тэна и др.), 140 исторических (в том числе «История цивилизации в Англии» Г. Бокля, «История английской революции» Ф. Гизо, «История умственного развития Европы» Д. Дрэпера, «Всемирная история» Ф. Шлоссера, книги по истории России В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, Д.Л. Мордовцева, М.И. Семевского и т.д.), 150 по естественным наукам (в том числе «Жизнь животных» Брэма, «Происхождение человека» и «Происхождение видов» Дарвина, «Картины природы» и «Космос» Гумбольдта, «Физиологиче-

ские эскизы» Мошота, «Основы химии» Менделеева, «Земля» Реклю, «Социальная жизнь животных» Эспинаса и др.). Библиотека выписывала 23 журнала, в том числе «Восход», «Век», «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Колосья», «Наблюдатель», «Нива», «Русский вестник», «Русское богатство», «Русская старина», «Русская речь», «Стрекоза», «Осколки» и др. («Отечественные записки» и «Дело» к тому времени были изъяты из фондов библиотек правительственным распоряжением).

Охарактеризуем теперь подробнее публику библиотек для чтения. Следует сразу же отметить, что диапазон обслуживаемых ими социальных слоев был весьма широк. По сути дела, это была почти вся читательская аудитория города. Верхний предел ее составляли состоятельные люди, способные приобрести всю интересующую их литературу, однако число их было очень невелико.

В середине XVIII в., при узости круга читателей, представленного в значительной части достаточно богатыми людьми, и малочисленности издаваемой литературы, чтение обеспечивалось в основном личными библиотеками. В XIX в., особенно в первой половине, существовало немало читателей, которые составляли обширные книжные собрания, удовлетворяющие их читательские потребности. Но в XIX в., особенно во второй его половине, резко выросло число небогатых читателей, которые не были способны купить нужные им книги. Библиотеки других типов (научные, учебные, клубные и т.п.), как правило, были закрыты для широкой публики, да и не всегда содержали интересующую ее литературу. Основу читательской аудитории библиотек для чтения составляли чиновники, учащиеся (студенты, гимназисты), служащие частных предприятий и магазинов, офицерство, лица «свободных профессий». Так, например, после открытия в Казани библиотеки И.А. Шидловского «студенты, чиновники, духовенство, офицеры и приказчики, — можно сказать хлынули на библиотеку <...> и брали книги нарасхват»¹⁷².

Нижнюю границу читательской аудитории определяла плата за пользование библиотекой (в 1880-е гг., как правило, не менее 5 руб. в год). Поскольку необходимо было дать еще несколько рублей в залог за взятые книги, часть читателей из городских низов оказывалась не в состоянии воспользоваться услугами библиотеки для чтения (правда, для них, как будет показано далее, существовали функциональные аналоги таких библиотек).

Статистические данные о суммарной величине аудитории библиотек для чтения отсутствуют, однако на основе расчетов можно получить приблизительное представление о ней. В 1860-е гг., в период резкого роста читательской аудитории, в хорошей городской библиотеке обычно было 150—300 подписчиков¹⁷³.

Учитывая, что, с одной стороны, к 1880-м гг. число читателей в городах выросло, а с другой — значительная часть новых библиотек была открыта в небольших городах и даже селах, можно предположительно здесь принять 100 за среднюю численность подписчиков библиотеки (в столицах это число достигало 300, а в провинции могло быть существенно ниже; например, в небольших городах Черниговской губернии даже в конце XIX в. было по 20—30 подписчиков на библиотеку)¹⁷⁴. По нашим подсчетам, при числе абонентов менее 50 человек библиотека почти не приносила дохода владельцу, а если он тратил деньги на подписку и приобретение новых книг, то становилась нерентабельной. Если принять эти допущения, то для 1882 г., когда, как указывалось, было учтено 350 библиотек для чтения, мы получим 35 тыс. подписчиков и более 100 тыс. человек, пользующихся их фондами¹⁷⁵.

В 1860-х гг. читатели брали в библиотеках для чтения в основном художественную литературу и журналы, где также читалась преимущественно беллетристика. Так, в 1860 г. в одной из крупнейших московских библиотек художественная литература составляла 43,5% книговыдачи, журналы — 43,2%, а книги всех остальных разделов — лишь 13,3%¹⁷⁶. Подобное положение не изменилось и к концу XIX в. Н.А. Рубакин, хорошо знакомый с деятельностью библиотек для чтения по наблюдениям в библиотеке матери, отмечал, что «наибольший процент выдаваемых книг приходится на романы переводные, — они занимают первое место и в каталоге. На втором месте по количеству требований стоят романы русские, затем следуют в таком порядке: журналы и периодические издания, учебники и пособия, сочинения по истории, сочинения по естествознанию и географии, наконец, сочинения по общественным наукам»¹⁷⁷.

Трудно предположить, что столь разные издания брали одни и те же люди. Впечатление резкой разнородности читательской аудитории возникает и при знакомстве с каталогами библиотек для чтения. Просматривая их, легко заметить, что значительную часть фонда многих библиотек составляет «легкое чтиво», прежде всего

французские авантюрно-приключенческие романы (Ксавье де Монтепен, Фортюне де Буагобе и т.п.).

В глухой провинции в библиотеки для чтения попадала даже лубочная литература. Так, по сообщению исследователя того времени, в г. Погар Черниговской губернии в 1890-х гг. у читателей библиотеки для чтения были популярны такие лубочные книги, как «Громобой», «Гуак», «Битва русских с кабардинцами», «Английский милорд Георг» и т.п.¹⁷⁸. Однако в то же время в фондах были богато представлены толстые журналы, социально-проблемная романистика (А.К. Шеллер-Михайлов, Н.Н. Златовратский, П.В. Засодимский, Ф. Шпильгаген, Эркман-Шатриан и др.) и, как указывалось выше, социально-политическая и естественно-научная литература. Имеющиеся данные о чтении во второй половине XIX в. свидетельствуют, что обычно столь разнородные книги не совмещались в круге чтения одних и тех же лиц.

Предположение о резкой разнородности читательской аудитории подтверждается и повсеместным разделением подписчиков в библиотеках для чтения на несколько (обычно 3—4) разрядов.

Плата по самому дорогому разряду была более чем в два раза выше, чем по самому дешевому. При этом подписчики высших, наиболее дорогих разрядов могли получать свежие журналы и книги, а самых дешевых — только старые книги. Подобное деление отражает, по нашему мнению, реальный факт дифференциации читательской аудитории. Можно наметить два «крайних» типа читателей библиотек для чтения. Один ориентирован на современность, новизну, представители его стремятся к идейному мировоззренческому чтению. Они читают свежие журналы, научные и философские книги. Толстый журнал, в котором с 1830-х гг. сосредоточилась русская литература, прежде всего привлекал читателей в библиотеку для чтения. И.С. Никитин писал: «Хотя каждый журнал я получаю в числе трех экземпляров, но и тут, при всей моей ловкости и изворотливости, оказывается нередко большой недостаток в известное время в известных номерах», а в дальнейшем, из-за нерегулярной доставки журналов, он лишился 20 подписчиков из общего числа 150¹⁷⁹.

Представители другого типа предпочитают читать развлекательную литературу, экзотические и сенсационные романы. Не случайно, по-видимому, и разница в ценах — представители второго типа, как можно полагать, были менее обеспечены (это приказчики,

модистки, жены служащих, учащиеся средних учебных заведений и т.п.). Рубакин отмечал, например, что учащиеся 12—14 лет много читают такие книги, как «Похождения Рокамболя» Понсон дю Террайля, «Тайны Мадридского двора» Борна, «Повешенный» и «Чревоушатель» Ксавье де Монтепена, «Любовники-убийцы» Бело, «Петербургские трущобы» В.В. Крестовского и другие авантюрно-приключенческие романы¹⁸⁰.

Для слоев, стоявших еще ниже на лестнице социальной иерархии и не имевших возможности пользоваться услугами библиотек для чтения, возникали тем не менее их функциональные эквиваленты, действовавшие на основе схожих принципов. Так, имеются данные, что лавочники, причем не только в городах, но и в селах, давали читать книги за плату, создавая таким образом некоторый аналог библиотек для чтения.

М. Горький вспоминал, что брал в лавке лубочные и низовые книги, платя по копейке за прочтение каждой¹⁸¹. Особенности функционирования подобных «библиотек при лавках» раскрыты одним сельским торговцем, который писал в газету «Сельский вестник», что «стал давать книжки на прочтение, по одной копейке в сутки, а чтобы меньше они трепались, переплел их да оклеил бумагой. И это дело ходко пошло, особенно осенью, когда народ с хлебом поуправился, так что и книг уже стало не хватать, не успеет один назад принести книжку, как другой ее берет <...>. С тех пор в год раза по два новых книг покупаю, и вижу, что нет прибыльнее торговли, как книжки в прочтение давать. Если книга занятая и не дороже полтинника стоит, то в два месяца она свои деньги вернет, а там уже чистый барыш пойдет. Теперь у меня этих книг рублей на двести (то есть не менее 400—500 книг. — А. Р.), и каждый год они мне свою цену дают <...>. Таким порядком, кроме меня, стали в округе торговать человека четыре <...>»¹⁸². Поскольку такие «библиотеки» никак не регистрировались в государственных инстанциях и не привлекали внимания общественности, сведений о них почти не сохранилось, и сейчас трудно оценить масштабы их деятельности. Однако и сам факт их существования чрезвычайно любопытен, и, кроме того, есть основания полагать, что они были довольно широко распространены.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что библиотеки для чтения были одним из основных каналов обеспечения населения книгой в XIX в., а в городе — основной формой библиотеч-

ного обслуживания массовой читательской аудитории. Лишь в последние два десятилетия XIX в., с ростом числа городских публичных библиотек и бесплатных «библиотек для народа», возникают новые, частично конкурирующие с «библиотеками для чтения» каналы удовлетворения потребностей широких читательских слоев города.

Функционируя на коммерческой основе и, как правило, не ставя перед собой в качестве главной цели просвещение читателей, библиотеки для чтения тем не менее много сделали для превращения чтения в постоянный компонент образа жизни городского населения, приобщения его к литературе и журналистике.

Глава IV

ПОПУЛЯРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ПОПУЛЯРНЫЕ АВТОРЫ

Одна из важнейших характеристик читательской публики — ее литературные предпочтения. Ведь отношение к чтению, духовный мир читателя, его вкусы и интересы проявляются прежде всего в том, какие книги каких авторов он знает, что он читал и что высоко оценивает. М.Е. Салтыков-Щедрин подчеркивал важность изучения всех книг, популярных у читателей определенного исторического периода: «...есть литературные произведения, которые в свое время пользуются большим успехом и даже имеют немалую долю влияния на общество, но вот проходит это “свое время”, и сочинения, представляющие в данную минуту живой интерес, сочинения, которых появление в свет было приветствовано общим шумом, постепенно забываются и сдаются в архив. Тем не менее игнорировать их не имеют права не только современники, но даже отдаленное потомство, потому что в этом случае литература составляет, так сказать, достоверный документ, на основании которого всего легче восстановить характеристические черты времени и узнать его требования. Следовательно, изучение подобного рода произведений есть необходимость, есть одно из неперемennых условий хорошего литературного воспитания»¹⁸³.

Однако исследователь литературных вкусов сталкивается с целым рядом проблем, что связано с трудоемкостью сбора и обобщения информации по данному вопросу, а также сложностью интерпретации полученного материала. Нет общепринятых терминов для обозначения положительного отношения читателей к книге, все используемые понятия — «успех», «слава», «популярность» — очень неопределенны по смыслу. Например, термин «популярность» используют для обозначения явлений близкого, но все же не во всем тождественного характера: в одних случаях так именуют массовое чтение каких-либо книг, в других — широкую известность факта их существования, в третьих — массовую удовлетворенность этими книгами.

Ниже мы именуем популярными те произведения (и их авторов), которые наиболее значимы для читателей и оцениваются положительно, то есть используем это слово в наиболее общем его смысле.

В отечественном литературоведении и книговедении, если не считать старой, но не утратившей своей ценности книги И.Н. Розанова¹⁸⁴, изучение популярности развивается только в русле монографических разработок по определенным авторам или книгам. Нам представляется, что следующей стадией должно стать создание целостных шкал популярности писателей по определенным слоям литературы в рамках конкретных периодов. Как уже говорилось выше, говорить о всей литературе в целом (и, соответственно, о популярности вообще) малопродуктивно. Различные литературные уровни (и писателей, и читателей), как правило, «не видят» литераторов других уровней или не считают их входящими в «литературу». Соответственно, если взять условно выделенные нами три основных уровня (толстых журналов, тонких журналов, «народной» литературы), то на каждом из них будут работать, как правило, свои литераторы, не печатающиеся в изданиях другого типа. В свою очередь, у читателей каждого уровня будет *свой* круг популярных авторов.

В реальности литературных уровней (то есть читательских слоев) было гораздо больше, чем названо нами. Поэтому изучение популярности целесообразно вести в рамках вполне конкретного литературного слоя.

Сложной проблемой является выбор показателей популярности. Польская исследовательница А. Жбиковска-Мигонь, посвятившая специальную работу этому вопросу, насчитывает более сорока показателей разного рода¹⁸⁵. Одни из них носят внутрили-

тературный характер, в том числе отражения в творчестве других писателей (влияния, «продолжения», пародии, цитаты, эпитафии), оценки критики, внимание литературоведения (наличие исследовательских работ, библиографических указателей, величина статей в энциклопедиях). Другие связаны с явлениями социокультурного ряда: премии, членство в академиях, наличие музеев, юбилеи, участие в радио- и телепередачах, экранизации, инсценировки, включение в школьные программы, государственные награды и т.д. Третьи, наконец, определяются сферой книгоиздания и книгораспространения: число и тираж изданий, включение в серии и рекомендательную библиографию, наличие в общественных и личных библиотеках, свидетельства читателей. Однако, несмотря на кажущееся обилие показателей, в обобщающей работе ретроспективного характера на отечественном материале оказывается возможным использовать лишь небольшое число их. Влияние «отражения» в творчестве других писателей можно фиксировать лишь применительно к нескольким наиболее популярным авторам, но не по более или менее широкому их кругу; литературоведение в России второй половины XIX в. не занималось изучением современной литературы; основной формой распространения литературных текстов являлся журнал (а не книга), что почти лишает возможности судить о популярности на основе тиражей и переизданий. Таким образом, в качестве основных показателей остаются следующие: критические оценки, премии, юбилеи, инсценировки (в конце века), включение в школьные программы, в рекомендательную библиографию, наличие в библиотеках, читательские свидетельства. Часть этих показателей фиксирует популярность «старых» писателей (классиков), а если изучать популярность более молодых писателей того времени, то круг показателей еще более сузится.

Прежде чем переходить к изложению данных о популярности тех или иных авторов и произведений, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать само явление литературной популярности в России.

В начале XIX в., в условиях малочисленности читательской публики, слабой развитости журналистики и литературной критики, а также убыстренности процессов литературного развития, писательская репутация формировалась в салонах, кружках и литературных обществах. По сути дела, и популярность была кружковой, поскольку в рамках другого кружка или салона произведения данного автора могли оцениваться очень низко. Таких явлений, как все-российская известность, в то время у писателей-современников

практически не было. В низовой читательской среде популярность (конечно, совсем других произведений) приобреталась на основе межчитательского общения, а также книготорговой рекламы (засывательные объявления в газетах и торговых каталогах). С середины 1820-х гг. начинаются попытки ранжировать писателей (вначале в статьях А.А. Бестужева, печатавшихся в каждом выпуске альманаха «Полярная звезда», а потом, с гораздо большим эффектом, в «Литературных мечтаниях» и годовых журнальных обозрениях В.Г. Белинского). По сути дела, журнал стал в России средством обеспечения широкой популярности литераторов у читателей. Как говорилось выше, в главе о журналах, именно он давал писателю «положение» в литературе, формировал его литературную репутацию. Дальнейшая кривая популярности конкретного автора зависела от интенсивности критической поддержки и исхода журнальных схваток. Показательно, что широкая популярность представителей позднего романтизма (В.Г. Бенедиктов, Н.В. Кукольник, П.П. Каменский), несмотря на поддержку «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения», была в краткий срок подорвана в результате публикаций В.Г. Белинского.

Важную роль для популяризации творчества писателей-современников и недавних их предшественников сыграла деятельность педагогов-словесников, активно вводивших (вначале в свою педагогическую практику, а позднее и в школьные программы) актуальный литературный материал. В результате уже к середине 1850-х гг. складывается довольно четкая система литературных авторитетов. Основу ее составляли покойные и уже канонизированные к тому времени А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов и Н.В. Гоголь. Из писателей-современников широкой известностью пользовались И.С. Тургенев, А.Ф. Писемский, А.В. Дружинин, И.А. Гончаров, Д.В. Григорович, А.Н. Островский, Н.Д. Хвощинская. В 1860 г. в московских библиотеках из изданий современных отечественных писателей больше всего читались книги И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.Ф. Писемского («Тысяча душ»), А.Н. Островского, В. Крестовского (Н.Д. Хвощинской), Е. Тур, А.А. Потехина («Крушинский»), М.В. Авдеева, А.Я. Панаевой («Мелочи жизни»), стихотворения Н.А. Некрасова, написанные совместно А.Я. Панаевой и Н.А. Некрасовым романы «Мертвое озеро», «Три страны света», книги А.Ф. Вельтмана («Саломея», «Чудодей»), Марко Вовчок (М.А. Маркович), М.И. Воскресенского, С.Т. Аксакова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.И. Панаева, Г.В. Кугушева, И.В. Селиванова, Я.П. Полонского¹⁸⁶.

На протяжении второй половины XIX в. популярность приобретали, как правило, книги, посвященные актуальным идеологическим вопросам (нередко — исторические романы, но они были тесно связаны с идейными исканиями современности). Г.З. Елисеев писал в 1862 г. по этому поводу следующее: «Прошли те времена, когда литературную известность можно было приобретать ловкой фразой, гладким стихом, даже блестящим остроумием, даже уменьем сочинять повести и романы. Ныне всякому <...> известно, что талант, который не имеет искреннего стремления служить общественному делу, не заслуживает никакого уважения, а талант, употребляющий свои силы на разрушение этого дела, достоин полного презрения»¹⁸⁷.

При повышенном внимании общества к литературе публикация произведений, отвечавших запросам публики, обеспечивала в это время автору быстрый успех. Для характеристики масштабов признания процитируем ряд мемуарных свидетельств. Так, «в 1856 г. вышли в печати “Губернские очерки” Щедрина и произвели сенсацию в русском обществе»¹⁸⁸, «вся Россия читала их и восхищалась живостью этих очерков, правдивостью, остроумием и грубостью их тона»¹⁸⁹. В результате читатели Щедрина «уже ставят выше Гоголя»¹⁹⁰. В 1860 г. в «Современнике» печатался «фурорный роман»¹⁹¹ М.В. Авдеева «Подводный камень», посвященный проблеме женской эмансипации. «Это произведение жадно читалось и комментировалось на разные лады»¹⁹². Особенно высока была популярность И.С. Тургенева, его романы и повести всегда были в центре внимания русской читающей публики. В 1859 г. И.А. Гончаров писал об успехе «Дворянского гнезда»: «Тургеневская повесть делает фурор, начиная от дворцов до чиновничьих углов включительно»¹⁹³. В 1860 г. Тургенев «напечатал в “Русском вестнике” повесть “Накануне”, жадно прочтенную обществом»¹⁹⁴, «все взапуски читали ее, говорили и спорили о ней на всех перекрестках»¹⁹⁵, «сколько было из-за него (“Накануне”. — А. Р.) шума и крика»¹⁹⁶. П.Д. Боборыкин, студент-медик Дерптского университета в то время, так вспоминал на склоне лет свои впечатления от «Накануне»: «Я первый схватил книжку “Русского вестника”, прибежал домой и читал до трех часов ночи в постели, и потом не мог заснуть до рассвета.

С тех пор я не помню, чтобы какая-нибудь русская или иностранная вещь так захватила меня, даже и в молодые годы»¹⁹⁷.

По воспоминаниям А.М. Скабичевского, «наиболее сильное впечатление было произведено на нас (поколение 1860-х гг. — А. Р.), конечно, двумя литературными памятниками, взволновав-

шими все русское общество и положившими грань между 50-ми и 60-ми годами. Это были «Отцы и дети» Тургенева и «Что делать?» Чернышевского»¹⁹⁸. А.Я. Панаева писала об «Отцах и детях», опубликованных в 1862 г.: «Я не zapomню, что какое-нибудь литературное произведение наделало столько шуму и возбудило столько разговоров, как повесть Тургенева «Отцы и дети». Можно положительно сказать, что «Отцы и дети» были прочитаны даже такими людьми, которые со школьной скамьи не брали книги в руки»¹⁹⁹. Другие мемуаристы также свидетельствовали, что «весь наш читающий мир потрясся от романа «Отцы и дети» и весь заговорил <...>»²⁰⁰, произведение это «было так талантливо написано, что публика зачитывалась»²⁰¹. Как видим, известность Тургенева росла с каждым годом, в начале 1860-х гг. он был, безусловно, самым популярным русским писателем.

Роман «Что делать?», опубликованный в 1863 г., также «имел огромный успех в публике, а в литературе поднял бесконечную полемику и споры»²⁰². Особенно популярен он был в среде молодежи и оказал сильное воздействие на многих своих читателей: «Никакой манне небесной не обрадовались бы так люди, погибавшие от голода, как обрадовалась этому роману молодежь, доселе бесцельно шатавшаяся по Петербургу. Он был для нее точно озарением, посланным свыше. Они начали делать именно то, что должны были делать по прямому смыслу романа в настоящем. Начали образовываться ремесленные мастерские и другого рода артели: швейные, переплетные, сапожные, издательские и т.д.»²⁰³. Популярность Л.Н. Толстого резко выросла после публикации романа «Война и мир» (1865—1869). По свидетельству И.А. Гончарова, «все читавшие <...> говорят, что автор проявил колоссальную силу, и что у нас (эту фразу почти всегда употребляют) «ничего подобного в литературе не было». На этот раз, кажется, однако, судя по общему впечатлению и по тому еще, что оно проняло людей и невпечатлительных, фраза эта применена с большею основательностью, нежели когда-нибудь»²⁰⁴. Популярность Толстого была подкреплена «Анной Карениной» (1876—1877), но подлинной основой его постоянно растущего к концу века авторитета были публицистические работы 1880—1890-х гг.

Ф.М. Достоевский после возвращения с каторги получил известность своими «Записками из Мертвого дома» (1861—1862), которые воспринимались прежде всего как «документ русской каторги»; «публика, особенно молодежь, еще смотрела на него только как на бывшего каторжника, на экс-политического преступника»²⁰⁵.

«Преступлением и наказанием» (1866) он завоевал определенную известность и как романист. Однако популярность Достоевского росла довольно медленно, по сути дела, лишь публицистический «Дневник писателя» вывел его в число ведущих русских литераторов: «Славу <...> Достоевскому сделала не каторга, не “Записки из Мертвого дома”, даже не романы его, по крайней мере не главным образом они, а “Дневник писателя”. “Дневник писателя” сделал его имя известным всей России, сделал его учителем и кумиром молодежи, да и не одной молодежи, а всех мучимых вопросами, которые Гейне назвал, проклятыми»²⁰⁶. О выпуске «Дневника писателя», изданном в 1880 г., Н.В. Шелгунов писал: «Покупают нарасхват. Он отпечатал четыре тысячи экземпляров, и все разошлись в неделю. В книжном деле успех небывалый»²⁰⁷. «Братья Карамазовы», опубликованные в период широкой популярности «Дневника писателя», еще более упрочили положение Достоевского: «Если “Бесы” пошатнули в среде молодежи репутацию Достоевского, если “Идиот” и “Подросток” не были сразу поняты, то “Братья Карамазовы” имели успех колоссальный»²⁰⁸.

Произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина в 1860—1870-х гг. пользовались большим успехом, а «в течение 80-х годов популярность Салтыкова достигла апогея. Его общественные сатиры читались с упоением. Каждая книжка журнала (“Отечественные записки”. — А. Р.) с его новым “Письмом к тетеньке” составляла своего рода событие»²⁰⁹.

Подобные свидетельства об успехе тех или иных произведений (Н.А. Некрасова, И.А. Гончарова, Н.С. Лескова, А.Ф. Писемского и др.) можно приводить еще в довольно большом количестве, причем нередко они касаются забытых или полузабытых сейчас авторов и книг (например, о романе Д.Л. Мордовцева «Знаменья времени» (1869), который, по словам В.Г. Короленко, «имел в то время огромный успех. Его зачитывали, комментировали, разгадывали намеки <...>»²¹⁰, или о романе Н.Д. Хвоцинской «Большая медведица» — «это произведение произвело сенсацию и в обществе и в литературе; критики разных лагерей довольно ожесточенно спорили по поводу тех новых идеалов, которые рисовал в своем романе автор, но все пришли к одному заключению, что “Большая медведица” — произведение талантливое и что многие лица его очерчены с бесспорным мастерством»²¹¹).

В приложении (с. 187—210) приводится список произведений за сорок лет (1856—1895), не только имевших подобный успех, но и просто широко читавшихся и составлявших умственную пищу

русских читателей в соответствующие годы. Здесь взят только уровень читательской публики толстого журнала, поскольку в иных читательских слоях круг популярных и широко читаемых авторов был иным, и информация для дифференцированной хронологической характеристики аналогичного типа чрезвычайно скупа. Источниками для списка явились мемуарные и эпистолярные свидетельства, отчеты библиотек, а также журнальная и газетная критика. Нами были учтены предпринимавшиеся ранее близкие по характеру опыты²¹², однако в них на первом месте стояла эстетическая ценность произведений, место в истории литературы, для нас же важен читательский интерес к ним, широта их использования.

В зарубежной книговедческой и социологической литературе при подготовке аналогичных перечней исследователи оперируют списками бестселлеров, то есть книг, лучше всего расхвалившихся в книжной торговле. Как было показано выше, в главе о журналах, анализируя ситуацию в России во второй половине XIX в., почти невозможно делать выводы о популярности писателей по тиражам книг, поскольку основным материалом для чтения у высших и средних слоев читающей публики были журналы. Имевшее успех у читателей произведение обычно выходило потом отдельным изданием, но тираж его был в 3—4 раза меньше, чем тираж журнала, а второго и тем более третьего издания дожидались лишь очень немногие книги. Поэтому целесообразнее для выявления вкусов русской читающей публики фиксировать журнальные публикации романов и повестей. Сложнее, конечно, обстоит дело с рассказами, очерками и стихами, потому что и перечисление отдельных публикаций представляет весьма трудоемкую задачу, и в читательское сознание они входили обычно сборниками (кроме того, при составлении сборника автор нередко менял композицию и даже название цикла очерков или стихотворений).

Список широко читавшихся книг и приведенные выше свидетельства не фиксируют ни среду, в которой был популярен данный автор, ни соотношение его популярности с популярностью других писателей. Поэтому необходимы более дифференцированные и конкретные данные для обоснованных суждений о писательской популярности. Мы провели несколько таких «замеров» на разных уровнях литературной культуры. Один из них касался читательской аудитории публичных библиотек. Анализ девяти отчетов публичных библиотек за 1896—1897 гг. из различных регионов страны показал, что в конце XIX в. самым читаемым автором был Лев Толстой (подсчитывалось среднее арифметическое мест, занимаемых автором в

списках книговыдачи), за ним шли И.С. Тургенев, А.Ф. Писемский, И.А. Гончаров и А.К. Шеллер-Михайлов. В десятку наиболее читаемых авторов входили также Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Вас.И. Немирович-Данченко, Вс.С. Соловьев и Е.А. Салиас. Интенсивно читались книги П.Д. Боборыкина, Д.В. Григоровича, Г.П. Данилевского, В. Крестовского (Н.Д. Хвошинской), Всеволода Крестовского, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Б.М. Маркевича, П.И. Мельникова-Печерского, В.П. Мещерского, Д.Л. Мордовцева, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, И.Н. Потапенко, М.Е. Салтыкова-Щедрина, К.М. Станюковича и ряда других авторов. Из зарубежных авторов в книговыдаче лидировали Б. Ауэрбах, Г. Борн, Ж. Верн, Э. Вернер, В. Гюго, А. Доде, А. Дюма, Э. Золя, Ю. Крашевский, Ф. Купер, Е. Марлитт, К. де Монтепен, Г. де Мопассан, П. Понсон дю Террайль, М. Рид, Г. Самаров, Ж. Санд, Г. Сенкевич, Ф. Шпильгаген, Г. Эмар. В 1891—1892 гг., как показал Н.А. Рубакин, в публичных библиотеках к числу наиболее читаемых принадлежал примерно тот же круг авторов²¹³, что свидетельствует о высокой стабильности читательских предпочтений. При интерпретации приведенных данных не следует, конечно, забывать, что библиотечная аудитория состояла из ряда читательских слоев и групп. Меньший объем книговыдачи тех или иных авторов (например, социально-критических романистов) может свидетельствовать о том, что их читательская аудитория просто меньше по величине, чем аудитория авантюрно-приключенческих романов, а не о том, что они менее популярны у одних и тех же читателей. И тем не менее эта информация все же дает представление о круге книг и авторов, вызывавших наибольший интерес у читателей библиотек.

Другой осуществленный нами «замер» касался такой специфической группы читателей, как рецензенты толстых журналов. Это те, кого в социологии принято называть «лидерами мнения», — люди, первыми знакомящиеся почти со всеми литературными новинками, лучше других читателей ориентирующиеся в современной литературе и дающие оценку новым произведениям, в определенной степени влияя на их восприятие иными слоями читателей. Для изучения круга значимых для рецензентов авторов нами был использован модифицированный вариант исследовательской техники, разработанной шведским социологом литературы К.Э. Розенгреном²¹⁴. Эта методика исходит из ранее установленной закономерности, что известность писателя можно измерить числом упоминаний его в текстах, непосредственно не посвященных его жизни и творчеству. Число сопоставлений с каким-либо писателем свидетельствует в

таким случае о степени его значимости для критиков. Под «упоминанием» в нашей работе понималась фамилия автора художественного произведения (или намек на него), появившаяся в рецензии на недавно опубликованную художественную книгу, написанную другим лицом. В ходе исследования учитывались все упоминания в рецензиях московских и петербургских (петроградских, ленинградских), выходявших не чаще 2 раз в месяц литературных журналов, за двухгодичный срок с двадцатилетним интервалом — с 1820 г. до наших дней (то есть 1820—1821, 1840—1841, 1860—1861 и т.д.)²¹⁵. В результате были получены следующие списки, фиксирующие степень значимости тех или иных писателей для журнальных рецензентов (данные только по периоду, рассматриваемому в книге; приводится число упоминаний в указанные годы):

1860—1861 гг.		1880—1881 гг.		1900—1901 гг.	
Тургенев И.	26	Гоголь Н.	16	Толстой Л.	20
Пушкин А.	25	Тургенев И.	14	Достоевский Ф.	12
Гоголь Н.	23	Золя Э.	14	Пушкин А.	12
Гончаров И.	20	Достоевский Ф.	12	Лермонтов М.	11
Писемский А.	15	Толстой Л.	11	Некрасов Н.	11
Лермонтов М.	14	Успенский Г.	9	Тургенев И.	10
Кольцов А.	13	Гончаров И.	8	Ибсен Г.	8
Некрасов Н.	11	Диккенс Ч.	7	Гоголь Н.	7
Байрон Д.	8	Щедрин Н.	6	Золя Э.	7
Островский А.	8	Некрасов Н.	5	Фет А.	7
Гёте И.	7	Островский А.	5	Боборыкин П.	6
Майков А.	7	Писемский А.	5	По Э.	6
Фет А.	7	Пушкин А.	5	Толстой А.К.	6
Щедрин Н.	7	Теккерей У.	5	Шекспир В.	6
Грибоедов А.	6	Понсон дю Террайль П.	5	Гейне Г.	5
Мей Л.	6			Д'Аннунцио Г.	5
Шекспир В.	5			Метерлинк М.	5
				Мопассан Г.	5
				Надсон С.	5
				Успенский Г.	5
				Флобер Г.	5

Еще один «замер» писательской популярности был осуществлен на основе писательских гонораров, о чем говорится в следующей главе.

Глава V

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОНОРАР КАК ФОРМА ВЗАИМОСВЯЗИ ПИСАТЕЛЕЙ И ПУБЛИКИ

В предыдущей главе шла речь о различных показателях, позволяющих замерить популярность писателя в той или иной социальной среде. К числу показателей, фиксирующих взаимоотношения литераторов и публики, следует отнести и литературный гонорар. Нам представляется, что, исследуя процессы его возникновения и развития, можно проследить не только закономерности формирования взаимоотношений издателей и писателей, издателей и покупателей книг и т.д., но и изменения в читательской аудитории, динамику писательской популярности. Сейчас в книговедении и литературоведении почти нет специальных публикаций на эту тему²¹⁶. Характерно, что в «Краткой литературной энциклопедии» (В 9 т. М., 1962—1978) статья «Гонорар» вообще отсутствует, а в энциклопедическом словаре «Книговедение» (М., 1982) она рассматривает только современную практику оплаты авторского труда в СССР. Правда, подобное отношение к изучению проблемы гонорара существовало не всегда. Ряд работ о гонораре был опубликован как в дореволюционные, так и в 1920—1930-е годы²¹⁷. Од-

нако почти все они, за немногими исключениями, фрагментарны и описательны, ограничиваются сводкой сведений о гонораре одного или группы писателей. Плодотворные попытки охарактеризовать тенденции развития гонорара на значительном промежутке времени содержатся лишь в статье С. Шашкова и особенно в книге Т. Грица, В. Тренина и М. Никитина. Однако, во-первых, сделанные в этих работах наблюдения и обобщения нуждаются в уточнении и корректировке; во-вторых, остается почти совершенно неопианным период с 1880-х гг.; в-третьих, необходимо, с нашей точки зрения, ввести и иной аспект изучения проблемы гонорара, включив в число рассматриваемых объектов (наряду с писателем и издателем) также и читателя.

Авторским гонораром принято называть «вознаграждение, выплачиваемое автору произведения литературы, науки или искусства или его наследникам за использование этого произведения»²¹⁸.

Необходимо подчеркнуть, что гонорар — это форма осуществления взаимодействия различных компонентов литературной системы: непосредственно — литератора и издателя, опосредованно — автора и публики (покупателей книг и подписчиков периодических изданий). Подобное «сердцевинное» положение гонорара в сфере книжного дела позволяет на основе его изучения выносить суждения об основных деятелях литературной системы — писателях, издателях и читателях. Исходя из сведений о времени появления гонорара как постоянной формы оплаты литературного труда и о тенденциях его развития, можно делать выводы о постепенном изменении социального статуса писателя в русском обществе, этапах профессионализации литературного дела, уровне благосостояния писателей, материальной поддержке их со стороны тех или иных социальных слоев. Одновременно данные о гонораре могут быть «развернуты» и на издателя. Тогда по ним можно будет судить о времени появления профессиональных издателей, этапах развития этой профессии, ориентации издателей на те или иные типы литературы и литераторов. И наконец, сведения об изменениях в гонораре при определенной интерпретации могут существенно пополнить данные о развитии русской читательской публики, в частности о ее социальном составе, мировоззренческих и эстетических ориентациях, популярности тех или иных писателей.

В изучении гонорара мы исходили из того, что эта форма оплаты литературного труда свойственна отнюдь не всем типам литературной системы. В условиях господства меценатства или дилетан-

тизма он, по сути дела, отсутствует. Есть основания считать, что литературный гонорар возникает и существует тогда, когда: а) есть люди, готовые продавать свою литературную продукцию (то есть им нужны деньги, они считают литературное творчество трудом и не стыдятся получать плату за свои произведения); б) есть люди, которым эта продукция нужна и которые готовы за нее платить; в) есть люди, которые берут на себя функцию посредничества между создателями и потребителями литературных произведений. Это означает, что появление литературного гонорара связано с возникновением достаточно обширной публики и формированием ее постоянных представителей в литературе — так называемых «коммерческих» издателей, ориентирующихся на покупательский спрос. Подобные издатели заинтересованы в *стабильных и четко таксированных* отношениях с поставщиками литературной продукции, и именно они первыми начинают платить гонорар. Можно возразить, что издатель не выступает представителем потребителей, а действует исходя из своих интересов. Но тогда, в условиях рыночной ситуации, издатель либо быстро разорится (если совсем не учитывает спроса), либо будет постоянно тратить свои деньги (ради пропаганды, славы и т.д.) и, по сути дела, будет сам выступать потребителем литературной продукции. Другое возможное возражение на наше понимание гонорара — трактовка издателя как эксплуататора, который присваивает себе значительные суммы денег, неадекватно оплачивая литературный труд. Думается, что и это возражение неправомерно. Оно исходит, как правило, из учета доходов за какие-то определенные популярные книги. Но дело в том, что издатель выпускает целый ряд книг и прибыль от издания одних частично уходит на покрытие убытков от других, которые не имеют успеха, запрещаются цензурой и т.п. Поэтому издатель не имеет возможности взвинчивать гонорары, иначе издание становится нерентабельным. Подтверждением этого положения может служить и тот факт, что так называемые «идейные» издатели платили ненамного больше, чем «коммерческие». Кроме того, у автора, уверенного в сбыте своих произведений и считающего, что ему предлагают явно заниженный гонорар, всегда оставалась возможность самому выступить издателем своего произведения.

Подобное понимание гонорара дает возможность говорить о том, что в развитой литературной системе с большим числом профессиональных литераторов публика как бы «содержит» писателей, а по гонорарной ставке судить (с учетом обстоятельств) о степени

популярности того или иного писателя как у читательской публики в целом, так и у определенных ее слоев. Важно отметить также, что сроки возникновения (и размеры) литературного гонорара применительно к различным литературным специальностям (редактор, переводчик, журналист, драматург, поэт, прозаик) неодинаковы.

Прежде чем перейти к изложению исторического материала, введем еще различие гонорарной ставки и величины гонорара. *Гонорарной ставкой* мы называем оплату писательского труда за единицу литературной продукции (за печатный лист — у прозаиков, стихотворение или строку — у поэтов и т.п.). *Величина гонорара* — это денежная сумма, получаемая литератором за свой труд в течение единицы времени (например, за год). У литератора есть два основных пути повышения величины гонорара: один — это повышение качества своей литературной продукции (и на этой основе своей гонорарной ставки); другой — увеличение ее объема, что позволяет даже при невысокой ставке повысить величину гонорара.

На начальных стадиях формирования гонорара как формы взаимоотношений издателя и автора он выплачивался за конкретное произведение (или сборник), а введение гонорарной ставки отмечает момент «укоренения» гонорара в литературе.

На основе указанного различия можно ввести следующие показатели состояния и развития литературного гонорара:

- средний уровень гонорарной ставки;
- средний уровень величины гонорара.

Можно выделить следующие факторы, влияющие на размер гонорарной ставки и величину гонорара (в пределах одного «слоя» литературы, которому соответствует определенный тип читательской аудитории, например — толстый журнал, тонкий журнал, лубочная книга):

1. Величина читательской и, прежде всего, покупательской аудитории (чем больше покупателей книг и подписчиков журналов, тем выше доход от их продажи и тем больше денег может получить литератор).

2. Финансовая обеспеченность покупателей (чем выше их благосостояние, тем больше денег они могут уделить на покупку книг и подписку, что влечет за собой повышение издательского дохода и рост авторского гонорара).

3. Численность одновременно выходящих периодических изданий (чем больше их число, тем выше спрос на литературный труд и, соответственно, выше гонорары).

4. Число одновременно работающих литераторов («конкуренция» между ними может способствовать снижению гонорарной ставки).

5. Уровень благосостояния писателей, их социальное положение, степень литературной известности (обычно эти обстоятельства сказываются на гонорарной ставке конкретных литераторов, однако при определенных условиях, например при создании «писательских издательств», это влияет на средний уровень гонорарной ставки).

6. Социальный престиж литературной профессии, сложившееся в культуре отношение к плате за литературный труд.

В качестве более или менее четко фиксируемых форм литературной жизни, существенно влиявших на характер выплаты и размеры литературного гонорара, можно выделить следующие: «низовое» книгоиздание — журнал — массовая газета — писательские издательства. Рассмотрим последовательно соответствовавшие им формы гонорарных взаимоотношений.

После того как в XVIII в. в результате петровских реформ литературный труд утратил характер святого дела, «ученый монах» сменился «чиновником»²¹⁹, оплата литературного труда стала осуществляться в форме служебного жалованья (меценатство не давало, как правило, постоянного источника к существованию). Многие литераторы состояли на государственной службе. Издатели тогда выплачивали гонорар эпизодически, зачастую после распродажи книги, или не деньгами, а определенным числом экземпляров издания. Первыми в России стали получать плату за литературную работу переводчики (к концу века — 4—8 р. за печатный лист)²²⁰. Невысокая и нерегулярная оплата литературного труда, и прежде всего художественного творчества, препятствовала профессионализации русских писателей в этот период²²¹. К концу века литература все больше становилась уделом дворян-дилетантов (по подсчетам А.Н. Севастьянова, среди авторов произведений гуманитарного профиля, вышедших в 1762—1800 гг., удельный вес дворян составлял 65,7%²²²). Установка на литературное творчество как на развлечение в часы отдыха, а не труд, за который можно получить денежную компенсацию, доминировала в дворянской среде и в первой трети XIX в., а в дальнейшем sporadически проявлялась у ряда литераторов. Но в иной социальной среде — разночинной — в конце XVIII в. формируется другое отношение к литературному труду, здесь появляются авторы (писатели-лубочники и переводчи-

ки иностранных романов), для которых продажа своих произведений становится основным источником средств к жизни.

Одновременно с начинающейся профессионализацией литературного труда идет и профессионализация издательского дела. Характерно, что регулярную выплату литературного гонорара (причем довольно высокого для своего времени) начинают производить те издатели, которые осуществляют выпуск книг в больших масштабах и заинтересованы в длительных и стабильных отношениях с авторами и переводчиками (Н.И. Новиков, А.Ф. Смирдин).

Преодолению отрицательной установки на литературный труд способствовало распространение такой формы стабильной литературной коммуникации, как журнал. Первыми среди представителей «высокой литературы» начинают получать гонорар редакторы. Так, за редактирование «Вестника Европы» в 1802—1803 гг. Н.М. Карамзин получал 2000 р. ассигнациями в год (примерно 1500 р. серебром по тогдашнему курсу). Авторы же долгое время получали гонорар только эпизодически, причем это были, как правило, очень известные писатели, в сбыте произведений которых издатели были уверены. Первые шаги к превращению гонорара из исключения в норму сделали в 1825 г. издатели «Полярной звезды» К.Ф. Рылеев и А.А. Бестужев, которые заплатили по 100 р. ассигнациями (то есть 37 р. в перечете на серебро) за лист всем «вкладчикам» альманаха. Окончательно институционализация писательского гонорара была завершена в журнале «Библиотека для чтения» (выходил с 1834 г.), где авторам платили по 100—300 р. ассигнациями за лист. С этого времени число профессиональных литераторов начинает постепенно увеличиваться. Начался период, который С.П. Шевырев называл «торговым», а Белинский — «смирдинским». Перестройка форм литературного быта сопровождалась бурной литературной полемикой. Представители так называемой «литературной аристократии» резко выступили против новых форм организации литературной жизни, отстаивая старое отношение к творчеству. В отличие от противников гонорара, понимавших литературный труд как «служение», его защитники, чаще всего — журналисты-профессионалы (Н. Греч, Ф. Булгарин, О. Сенковский), нередко сводили его к простой «службе». Так, например, Н. Греч писал: «Есть люди, которые утверждают, что денежное возмездие унижает литератора. Почему? Это доход точно такой, как от дома, от деревни, нажитых собственным трудом. Это жалование, получаемое за бесперывные, тяжкие, частные труды, и отнюдь не

достаточное для вознаграждения человека за многие лишения, за непрерывные досады, огорчения и даже обиды»²²³. Более сложной была позиция А.С. Пушкина, который искал выход из сложившегося противоречия в формуле «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

К концу 1830-х гг. в журналах уже формируются стабильные ставки оплаты литературного труда, хотя у наиболее известных писателей (например, А. Бестужева-Марлинского) гонорар мог существенно превышать среднюю норму. К.И. Чуковский справедливо отмечал, что «в России лишь в сороковых годах, лишь с наступлением эпохи денег, вознаграждение за литературный труд стало установленным обычаем: потому что на смену замкнутой кучки аристократических гениев пришли писатели-профессионалы, живущие только пером. Появилась целая армия второстепенных писак, литературных ремесленников <...> они создали литературное сословие, они сделали литературу общественной силой»²²⁴.

С конца 1850-х гг. гонорарные ставки стали быстро повышаться. Наиболее высокими они были в журналах. За переиздания своих произведений отдельными книгами литератор получал примерно в 10 раз меньше, чем за журнальную публикацию. Проведенные нами подсчеты показали, что за вторую половину XIX в. ставка на прозу и статьи выросла в журналах примерно вдвое (см. таблицу на с. 90)²²⁵.

В не столь «богатых» журналах гонорарная ставка также постепенно увеличивалась, хотя обычно была ниже. Например, в «Русском богатстве» в конце века средняя ставка за прозу составляла 60—80 р. за лист (при максимуме — 150 р.)²²⁶. Одни и те же писатели, печатавшиеся в «Русском богатстве» и «Вестнике Европы», получали в первом существенно меньше: В.И. Дмитриева, соответственно, — 70—80 и 100 р. за лист, В.Г. Богораз и И.П. Белоконский — 60 и 80 р.

Повышение гонорарной ставки при той же, что и ранее, продуктивности вело к повышению величины гонорара. Однако рост гонораров в значительной степени компенсировался ростом цен. Расчеты экономистов показывают, что в начале 1870-х гг. индекс цен (по 26 важнейшим товарам) был выше примерно на треть, а в конце века — наполовину, чем во второй половине 1850-х гг.²²⁷

В результате до середины 1890-х гг. писатели (за немногими исключениями) с трудом обеспечивали себе прожиточный минимум. Как правило, достаточно зарабатывали только литераторы, которым удалось стать редакторами или постоянными сотруднича-

Таблица

СРЕДНЯЯ ГОНОРАРНАЯ СТАВКА В ЖУРНАЛАХ (в рублях)

Вид публикации	Журнал		
	«Современник» (1856—1859)	«Отечественные записки» (1871)	«Вестник Европы» (1894—1897)
Проза (за 1 печ. л.)	50 (максимум — 100)	60—75 (максимум — 125)	80—100 (максимум — 250)
Поэзия (за 1 стихотворение)	10—15	15—20	10—15
Статья (за 1 печ. л.)	30—50	60—75	80—10

ми журнала или газеты, регулярно получающими жалованье и имеющими гарантированный сбыт своей литературной продукции. Приведем несколько примеров. Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов за редакционную работу в «Современнике» получали в начале 1860-х гг. по 5—6 тыс. р. в год, Е.А. Салиас за редактуру «Санкт-Петербургских ведомостей» в 1875 г. — около 10 тыс. р. в год, соредакторы «Отечественных записок» (М.Е. Салтыков-Щедрин, Г.З. Елисеев и Н.К. Михайловский) в начале 1880-х г. только за редактуру (не считая гонораров за публикации) — около 10 тыс. р. в год каждый, редактор «Нивы» В.П. Ключников — 6 тыс. р. в год; редактор «Гражданина» Ф.М. Достоевский — 3 тыс. р. в год; А.С. Суворин в 1872 г., работая публицистом и фельетонистом в «Санкт-Петербургских ведомостях», — 4,5 тыс. р. в год и т.п.

Авторы, не входившие в состав редакций периодических изданий, зарабатывали меньше. Даже И.С. Тургенев, чьи произведения оплачивались по максимальной ставке, получал за год 4 тыс. р., Н.С. Лесков — 2 тыс. р., А.П. Чехов в конце 1880-х и в 1890-х гг. — 3,5—4 тыс. р. И.А. Гончаров считал (еще в 1858 г.), что женатому человеку «в Петербурге надо получать не менее двух тысяч руб. серебром, чтобы жить безбедно»²²⁸ (Достоевские, например, издерживали в год более 3 тыс. р.), однако средние профессиональные лите-

раторы зарабатывали за год не более 1—1,5 тыс. рублей. Это означает, что писатель, получающий по ставкам 1870—1880-х гг. 60 р. за печатный лист, должен был написать за год 20 печ. л. (то есть целую книгу), чтобы заработать 1200 р.²²⁹. Если учесть, что часть его текстов могла не попасть в печать из-за внутриредакционных или цензурных причин, то реально ему приходилось писать еще больше, не говоря уже о том, что периодические издания нередко затягивали выплату гонорара. Для сравнения укажем, что в описываемый период столоначальник (чиновник среднего ранга) получал в год более 1500 р., старший учитель в гимназии — более 1000 р., даже земские врачи и статистики — 1000—1200 р.

Невысокие гонорары беллетристов в России можно объяснить тем фактом, что социальная потребность в отечественной литературе была не очень сильной: одни (более 80% населения) вообще не читали, другие читали иностранную книгу в подлиннике, третьи — в переводе. Читатели русской книги (интеллигенция, чиновничество, купечество, мелкое и среднее провинциальное дворянство) были немногочисленны и не очень платежеспособны.

Поскольку беллетристу, исходя из существовавших ставок, трудно было заработать себе на жизнь, он был обречен на многописание и спешку. Приведем несколько характерных свидетельств. Талантливый писатель И.Т. Кокорев писал своему другу в 1845 г.: «Разве ты не знаешь аксиомы, что все литераторы умирают с голоду — и если Иван Тимофеевич до сих пор уцелел — так это только потому, что он не литератор, а поденщик, не мастер, а работник»²³⁰. К аналогичным выводам пришел в 1870-е гг. И.А. Кушевский: «Ныне писатель, по большей части, голый бедняга, вынужденный ради куска хлеба писать чуть не день и ночь. Тут не напишешь много хорошего. Гонорарий ничтожен <...>»²³¹. Н.С. Лесков писал: «В России литературою деньги добываются трудно, и кому надо много — тому приходится и писать много <...>»²³². И даже о периоде конца XIX в. Вас.И. Немирович-Данченко вспоминал в таких выражениях: «Нам, литературному пролетариату, время — деньги, и уж очень-то щедро тратить его не приходилось. Случалось продавать самые дорогие сердцу авторскому произведения на корню, и наша совесть маячила, потому что работалось впроголодь и впрохолодь. Да еще на каждый наш рубль десятков ртов было разинуто»²³³.

В современной печати отмечалось, что «труд писателя так странно ценится, так относителен, так, наконец, неопределенен, что заранее обрекает писателя на некоторого рода нищенство.

Исключение в этом отношении составляют только некоторые из писателей, и то потому только, что или имеют недвижимые имущества, полученные по наследству, или — занимают какие-либо общественные должности, обеспечивающие их помимо литературного труда. Все же остальные бьются как рыба об лед, нередко давая другим тысячи, а сами оставаясь без куска хлеба»²³⁴.

Некоторые известные литераторы второй половины XIX века (например, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.А. Фет) жили на доходы со своих поместий, многие другие поэты и прозаики вынуждены были служить. Чиновниками различных ведомств были В.П. Авенариус, В.Г. Авсеенко, К.С. Баранцевич, А.А. Голенищев-Кутузов, Г.П. Данилевский, Б.М. Маркевич, П.И. Мельников-Печерский, А.Ф. Писемский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.И. Тютчев, Н.Ф. Щербина; в цензуре служили И.А. Гончаров, А.Н. Майков, Я.П. Полонский (в 1892 г. он писал: «Литературными трудами жить я не мог, да и теперь не могу»²³⁵), К.К. Случевский; в армии — В.В. Крестовский и М.П. Розенгейм и т.д.

В.М. Гаршин, служивший на железной дороге, отмечал, что «даже признанным талантам без постоянной напряженной работы трудно существовать <...>. Служба необходимое подспорье»²³⁶. Казалось бы, что в разночинной среде положительная установка на гонорар должна была получить широкое распространение. Однако на деле получалось иначе. Осознание себя «борцами за идею», «подвижниками» нередко порождало отрицательное отношение к оплате своего труда. Поэтому и в разночинной среде продолжала воспроизводиться точка зрения, согласно которой настоящая, подлинная литература может существовать в форме побочного занятия. Если Л. Толстой писал: «Зачем деньги, дурацкая литературная известность? Лучше с убеждением и увлечением писать хорошую и полезную вещь»²³⁷, то Н.В. Шелгунов парадоксальным образом солидаризировался с ним, когда подчеркивал, что «нужно, чтобы литература не служила куском насущного хлеба. Пусть человек добывает его другим путем»²³⁸.

Ситуацию, в которой беллетрист в силу экономических условий своего существования стремился к получению гонораров и их росту, а в силу господствующей трактовки литературы как «служения идеалам» отрицательно относился к продаже плодов своего литературного творчества, ярко иллюстрирует возникновение в 1880—1890-е гг. в литературе специфического жанра, который можно было бы назвать «романом писательского краха». В представляющих его произведениях рассказывалось о судьбе писателя, стре-

мязшегося писать настоящие, подлинные вещи, но вынужденного из-за денег заниматься литературной поденщиной или погибнуть в неравной борьбе. Уже сами названия романов и повестей П.Д. Боборыкина («Долго ли?», 1875), А.К. Шеллера-Михайлова («На пути к известности», 1877), И.Н. Потапенко («Святое искусство», 1885), И.Л. Леонтьева («Убыль души», 1891), Вл.И. Немировича-Данченко («На литературных хлебах», 1891), Н.И. Тимковского («Около литературы», 1904) выразительно свидетельствуют как о нарастании профессионализации литературы, так и о страхе авторов перед этим процессом.

Характерно, что у беллетристов-профессионалов (А.И. Левитова, В.А. Слепцова, Н.В. Успенского и др.) гонорары были существенно ниже, чем у тех литераторов, для которых литература отнюдь не была главным источником дохода. Так, самыми высокооплачиваемыми писателями в 1860—1870-х гг. были Л. Толстой и Тургенев, высокими были гонорары Писемского и Гончарова.

Интерес представляют причины различий в величине гонорарной ставки. На основании чего издатель определял, сколько следует платить данному конкретному автору? Мы полагаем, что решающим фактором здесь была степень читательской известности писателя и расходимости его произведений. Конечно, престиж в литературной среде, социальное положение писателя и личный вкус издателя могли несколько повлиять на величину гонорара, однако в конечном счете издатель прежде всего принимал во внимание предпочтения читателей. Иногда ему перед покупкой приходилось оценивать степень возможного риска. Так, например, Гончаров в 1868 г. предложил «Обрыв» М.М. Стасюлевичу по очень высокой для того времени цене. Поскольку это роман большого объема, Стасюлевич должен был заплатить около 10 тыс. р. Поколебавшись, он все же купил роман и не прогадал. Сообщение о публикации в 1869 г. «Обрыва» в издаваемом им «Вестнике Европы» привело к резкому росту числа подписчиков, за счет чего он вернул затраченные деньги и получил еще не менее 10 тыс. р. дохода. Следует учесть и рост престижа журнала вследствие публикации романа такого известного писателя, как Гончаров.

Таким образом, подписчик определял в конечном счете негласную литературную табель о рангах, согласно которой одни писатели имели право на большой гонорар, другие — на меньший, а третьи — на совсем малый. Приведем сведения о величине максимальной гонорарной ставки ряда наиболее высокооплачиваемых авторов толстых журналов (в рублях за 1 печ. л.) в различные периоды:

Конец 1850-х гг.		1860-е гг.		1870-е гг.		1880-е гг.		1890-е гг.		1900-е гг.	
Тургенев И.С.	400	Тургенев И.С.	300	Толстой Л.Н.	600	Тургенев И.С.	350	Толстой Л.Н.	1000	Горький М.	1200
Гончаров И.А.	200	Толстой Л.Н.	300	Тургенев И.С.	600	Лесков Н.С.	300	Лесков Н.С.	500	Андреев Л.Н.	1000
Достоевский Ф.М.	200	Писемский А.Ф.	265	Хвошинская Н.Д.	300	Достоевский Ф.М.	300	Чехов А.П.	500	Чехов А.П.	1000
Писемский А.Ф.	200	Гончаров И.А.	250	Достоевский Ф.М.	250	Салиас Е.А.	300	Успенский Г.И.	400	Куприн А.И.	800
Потехин А.А.	125	Марко Вовчок	250	Мельников П.И.	250	Щедрин Н.	250	Авсеенко В.Г.	250	Бунин И.А.	600
Щедрин Н.	125	Авдеев М.В.	200	Писемский А.Ф.	250	Успенский Г.И.	250	Боборыкин П.Д.	250	Сологуб Ф.К.	500
Толстой Л.Н.	100	Соханская Н.С.	150	Щедрин Н.	250	Гаршин В.М.	200	Салиас Е.А.	250	Юшкевич С.С.	500
Григорович Д.В.	75	Достоевский Ф.М.	125	Гаршин В.М.	200	Златовратский Н.Н.	200	Апухтин А.Н.	200	Амфитеатров А.В.	400
Даль В.И.	75	Щедрин Н.	125	Данилевский Г.П.	200	Чехов А.П.	200	Шапир О.А.	200	Гусев-Оренбургский С.И.	400
Успенский Н.В.	60	Григорович Д.В.	100	Лесков Н.С.	200	Салов И.А.	150	Ясинский И.И.	200	Арцыбашев М.П.	300
Михайлов М. Л.	50	Лесков Н.С.	100	Полонский Я.П.	200	Шеллер А.К.	150	Виницкая А.А.	150	Боборыкин П.Д.	300
Панаев И.И.	50	Хвошинская Н.Д.	100	Боборыкин П.Д.	150	Эртель А.И.	125	Головин К.Ф.	150	Боборыкин П.Д.	300
Панаева А.Я.	50	Крестовский В.В.	50	Успенский Г.И.	150	Ясинский И.И.	125	Горький М.	150	Каменский А.П.	300
Славутинский С.Т.	50	Успенский Г.И.	50	Пальм А.И.	150	Гирс Д.К.	125	Златовратский Н.Н.	150	Мамин-Сибиряк Д.Н.	300
		Шеллер А.К.	50	Костомаров Н.И.	125	Виницкая А.А.	100	Короленко В.Г.	150	Ремизов А.М.	300
				Слепцов В.А.	125	Мамин-Сибиряк Д.Н.	100	Мамин-Сибиряк Д.Н.	150	Пришвин М.М.	250
						Осипович (Новодворский) А.О.	100	Немирович-Данченко Вас. И.	150	Толстой А.Н.	250
								Потапенко И.Н.	150	Авсеенко В.Г.	200
										Головин К.Ф.	200
										Салиас Е.А.	200

Сроки возникновения и размеры литературного гонорара в различных литературных специальностях были неодинаковы. Одними из первых (еще в XVIII в.) стали оплачиваться переводы. На протяжении 1850—1870-х гг. величина переводческого гонорара почти не менялась и составляла обычно 5—10 р. за печатный лист. Выше получали лишь отдельные, высококвалифицированные литераторы (например, В.В. Бутузов, Марко Вовчок, Шелгунов) или переводчики специальной литературы (например, М.О. Вольф платил 18 р. за лист Ф.Ф. Резенеру за «Систему логики» Д. Милля, а Р.И. Сементковскому 20 р. — за «Курс славянской литературы» А. Мицкевича). Напротив, коммерческие издатели за переводы французских романов (А. Дюма, Поля де Кока и т.п.) платили всего лишь 3 р. за лист.

Хорошо оплачивались постоянные сотрудники редакций газет и журналов. В газетах автор передовиц, фельетонист, журнальный обозреватель, переводчик-компилятор иностранных известий нередко получали ежемесячное жалование с обязательством предоставить в течение этого срока определенный объем текста (например, А.М. Скабичевский за еженедельный критический обзор получал в «Биржевых ведомостях» 2400 р. в год); в остальных случаях осуществлялась построчная оплата. Размер ее за авторский текст в столичных газетах колебался в пределах 3—10 к., за перевод — 1—3 к. за строку. Например, в газете «Гражданин» в 1873 г. по 7 к. за строку получали Достоевский и Н.Н. Страхов, по 5 к. оплачивались беллетристика и статьи, по 4 — корреспонденции и по 3 — переводы и компиляции. В провинции рядовые сотрудники получали существенно меньше — 1,5—3 к. за строку, а нередко материалы помещались бесплатно. Так, в 1869 г. Н.Ф. Бунаков за редактирование газеты «Воронежский телеграф» получал 75 р. в месяц, а за статьи гонорара в газете не полагалось.

В журналах плата за критические, публицистические и научные статьи выросла с конца 1850-х к началу 1870-х гг. примерно в полтора раза. В «Современнике» в 1856—1859 гг. она составляла 30—50 р. за печатный лист (максимальную ставку получали Чернышевский, Добролюбов, С.М. Соловьев, М.М. Стасюлевич, Н.И. Костомаров, В.П. Боткин, В.И. Ламанский), в «Русском слове» в середине 1860-х у Писарева, Шелгунова, А.П. Щапова доходила до 60—70 р., в «Отечественных записках» в 1871 г. составляла 60—75 р. (больше других платилось Скабичевскому, Н.А. Демерту,

М.К. Цебриковой). Костомаров в «Вестнике Европы» получал с 1866 г. 100 р. за лист, Страхов в «Заре» в 1870—1871 гг. — 75 р.

Позже всего гонорар проник в поэзию — самый «артистичный» и «аристократичный» вид литературного творчества. Долгое время стихи печатались бесплатно, да и позднее бесплатная публикация стихов являлась нормой для начинающих поэтов, провинциалов, многочисленных поэтов-дилетантов. Следует учесть и литературную ситуацию, в силу которой господствующее положение получили художественная проза и публицистика, а поэзия была почти вытеснена из литературы. Существовать на доходы от собственных стихов поэт в эти годы не мог; для того чтобы заработать на жизнь, он должен был интенсивно переводить (как Д.Л. Михаловский), писать рецензии и фельетоны (как В.П. Буренин и Д.Д. Минаев). В конце 1850-х — начале 1860-х гг. стихотворения приобретались, как правило, поштучно. В «Современнике», например, за небольшое стихотворение в страницу платилось 10—15 р., причем по максимальной ставке оплачивались Некрасов, А.Н. Майков, А.А. Фет, Я.П. Полонский, А.Н. Плещеев, меньше получали А.М. Жемчужников, А.К. Шеллер-Михайлов. С 70-х годов более распространенной становится построчная плата. В «Отечественных записках» в начале 1870-х гг. средний ее размер составлял 50 к. за стих. Так, Некрасов получал 75 к. за строку, Буренин, Жемчужников, Минаев и В.С. Курочкин — по 50, М.В. Прахов и Л.Н. Трефолов — 30 к., Ю.В. Doppельмайер и И.И. Гольц-Миллер — 15 к. А.К. Толстому в эти же годы в «Вестнике Европы» платили 1 р. за стих, И.З. Сурикову — 50 к. В 1880 г. С.Д. Дрожжин получал в толстых журналах 50 к., а С.Я. Надсон — 40 к. за строку. В газетах и иллюстрированных журналах плата за стихи была существенно ниже, обычно на уровне 15—25 к. за строку.

Гонорары за книжные издания были очень низкими, примерно в 10 раз меньше, чем за журнальные публикации. В результате целый том приносил автору столько, сколько в журнале несколько печатных листов: Марко Вовчок получила за «Рассказы из народного быта» (1859) 500 р., И.Г. Прыжов в 1863 г. у М.О. Вольфа за «Историю кабаков в России» — 250 р., А.П. Шапов у казанского книготорговца Дубровина — 300 р. за «Русский раскол старообрядчества», Костомаров у Вольфа за каждый том своих исторических монографий в 1870-х гг. по 600 р. и т.д. О низких гонорарах за книги наглядно свидетельствуют расценки, по которым А.Ф. Баунов платил в 1870-х гг. авторам выпускавшейся им серии «Библиотека со-

временных писателей»: В.Г. Авсеенко и Н.С. Лескову — по 30 р. за печатный лист, Н.В. Успенскому — 25 р., П.Д. Боборыкину — 15 р., Ф.М. Достоевскому — 10 р., а прочим писателям (П.В. Засодимскому, И.А. Кушевскому и др.) — и того меньше, по 8 р. Примерно так же платили и другие книгопродавцы. Например, Г. Успенский продавал свои сборники по 50—100 р. за том не только Базунову, но и В.Е. Генкелю, Е.П. Печаткину. Только произведения, пользовавшиеся сенсационным успехом и обещающие верный доход, приобретались издателями значительно дороже. Так, в 1855 г. Некрасов продал К.Т. Солдатенкову сборник своих стихов за 1500 р., в том же году Д.Е. Кожанчиков заплатил Писемскому 3000 р. за роман «1000 душ». Позднее отдельное издание «Петербургских трущоб» и «Панургова стада» В.В. Крестовского Базунов купил за 3000 р., а М. Вольф издание книги Б. Маркевича «На повороте» — за 1000 р.

Гонорары писателей были, как правило, известны их коллегам и редакторам журналов. Впервые предлагая свои произведения редактору, автор обычно четко определял цену своего труда (так, например, Лесков, посылая в 1864 г. повесть Достоевскому для журнала «Эпоха», писал: «Условия мои таковы: за лист мне дайте 65 рублей (как я получал) <...>»²³⁹, Мамин-Сибиряк, предлагая в 1894 г. свой роман В.М. Лаврову, аналогичным образом формулировал свои пожелания: «Мои условия 150 р. за лист»²⁴⁰. Характерно высказывание Щедрина о писательнице А.А. Веницкой: «Так как она требует 200 р. за лист, то я и читать роман не желаю»²⁴¹. Любопытно, что когда в 1896 г. в журнале «Нива» за повесть «Моя жизнь» Чехову заплатили очень высокий по тем временам гонорар — 350 р. за печатный лист, то просили хранить размер гонорара в секрете²⁴². Случалось, что автор торговался с издателем, требуя увеличения гонорара, причем иногда он добивался успеха, а иногда нет. Характерны в этом плане конфликты между Я.П. Полонским и редактором «Вестника Европы» М.М. Стасюлевичем, И.А. Саловым и редакцией «Отечественных записок»²⁴³. Менее распространен был тип отношения к гонорару, охарактеризованный А.И. Эртелем в письме к Щедрину: «Что касается до гонорара, то я нигде и никогда не назначал его сам, это мне казалось противным и уж во всяком случае второстепенным. Тот или иной размер вполне зависит от вас»²⁴⁴.

С 1890-х гг. вновь начинается рост гонорарных ставок. Эти же годы отмечены появлением поэтов, живших только на гонорары

(Л.Н. Афанасьев, О.Н. Чюмина, К.М. Фофанов и др.). Однако и в этот период рост средней гонорарной ставки (в 1890-е гг. примерно 100—150 р. за лист прозы, в 1900-е — 150—200 р.) компенсировался соответствующим ростом цен.

Следует отметить, что размер ставки долгое время во многом зависел от адресата, к которому обращался автор. Структуру читательской аудитории можно сравнить с пирамидой: чем выше был социальный и культурный статус читателей, тем ниже была численность этой группы. Но даже небольшая по численности группа «элитарных» читателей могла в целом платить за издания больше, чем многочисленная, но малоимущая группа низовых читателей. В результате, если рядовой сотрудник толстого журнала получал 100 р., а сотрудник «тонкого» журнала 20—30, то автор лубочных брошюр довольствовался 3—5 р. за печатный лист. Таким образом, в отличие от современной практики, тираж издания и гонорарная ставка находились примерно до последней трети XIX в. в обратной пропорциональной зависимости (чем выше тираж, тем ниже гонорар).

Рост гонорарной ставки в конце XIX в. определялся широким распространением и конкуренцией тонких иллюстрированных журналов («Нива», «Север», «Родина» и др.) и массовых газет («Новое время», «Русское слово», «Россия» и др.), где гонорар нередко был выше, чем в толстых журналах.

Следующим важным толчком к росту гонорарной ставки и величины гонорара была деятельность руководимого М. Горьким издательства «Знание». В первое десятилетие XX в., ориентируясь на новую массовую читательскую аудиторию и стремясь к максимально возможному учету интересов авторов, «Знание» существенно подняло писательский гонорар. Причем впервые это произошло не в журнале или газете, а в книге (хотя, правда, прежде всего это касалось выходявших периодически сборников «Знание»). А.В. Амфитеатров подчеркивал, что «книжный авторский гонорар создало “Знание”, до его широкого влияния на рынке автор в России всегда оказывался почти просителем, навязывающим сомнительный товар, а издатель чувствовал себя чуть не благодетелем, рискующим своею казною на дело темное и неверное»²⁴⁵.

В этот период (то есть с начала XX в.) литературный труд становится более прибыльным и уже не десятки, а сотни и даже тысячи литераторов, живя на литературные доходы, ведут обеспеченный образ жизни. По приблизительным подсчетам, в первые годы

XX в. 435 литераторов, живущих на доходы от писательского труда, зарабатывали за год более 1000 р.²⁴⁶. Некоторые из них обогащались, получая очень высокие гонорары (М. Горький, Л. Андреев, А. Куприн, В. Дорошевич, А. Амфитеатров и др.). Однако и в эти годы продолжала существовать точка зрения, согласно которой писателям «брать деньги <...> за служение идее, конечно, гадость. Надо сделать так, чтобы не брать»²⁴⁷. В культуре сформировалось ролевое определение писателя как «пророка», борца за высокие идеалы, и все попытки укоренить на русской почве понимание писателя как умелого рассказчика интересных историй, профессионала-развлекателя были обречены на провал. В результате даже в предреволюционный период, когда русская литература в значительной степени профессионализировалась и гонорар стал обыденным явлением литературной жизни, отношение к нему (из-за сильной мировоззренческой «нагруженности» литературы) во многом продолжало оставаться отрицательным.

Обобщая имеющиеся данные о тенденциях развития гонорара, можно (с учетом предложенного понимания его как формы взаимодействия издателя, автора и публики) наметить исторические этапы развития книжного дела в России с конца XVIII по начало XX в. В предлагаемой периодизации (носящей предварительный конспективный характер) через изменения в гонораре мы пытались одновременно «ухватить» такие тесно связанные между собой процессы, как развитие издания книг, газет и журналов; формирование литературной профессии; рост и дифференциация читательской аудитории. Каждый последующий выделенный нами этап не «отменял», а дополнял и «надстраивал» ранее существовавшие формы взаимосвязи литературы и читателя.

1. Малочисленность читателей русской книги среди дворян и наличие достаточно большой читательской аудитории в городских низах. Автоиздание своих произведений представителями «высокой литературы» (обычно не приносящее дохода) и интенсивная деятельность профессиональных книгопродавцев-издателей, у которых печатаются низовые литераторы, живущие на гонорары (конец XVIII — начало XIX в.).

2. Рост числа читателей отечественных изданий в привилегированных социальных слоях. Появление профессиональных издателей журналов и газет. Постепенное укоренение гонорара и начало профессионализации высокой литературы (прозаики и пуб-

лицисты в периодических изданиях). Становление профессиональных издателей «высокой» литературы (1830—1850-е гг.).

3. Увеличение численности читательской аудитории в «средних» слоях. Рост числа профессиональных издателей журналов и газет, особенно иллюстрированных еженедельников и «уличной» прессы. Превращение гонорара в нормальную форму взаимоотношений издателя и авторов, завершение профессионализации труда прозаиков и публицистов, появление поэтов-профессионалов (1860—1890-е гг.).

4. Резкое увеличение читательской аудитории в «средних» и «низовых» социальных слоях. Доминирование газеты, иллюстрированного журнала и коллективного сборника в издательской деятельности, существенный рост гонораров в указанных типах изданий. Появление писательских издательств, быстрый рост числа профессиональных писателей, особенно ориентирующихся на «средние» и «низовые» социальные слои (начало XX в.).

Глава VI

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК И ЕГО ПОДПИСЧИК

В пореформенный период выделился значительный по численности «промежуточный» слой читательской публики, состоявший из «полуобразованных» читателей. Это были, как правило, мелкие и средние чиновники, сельские священники, купцы и мещане, провинциальная интеллигенция.

Получив «среднее» образование (уездное или духовное училище, семинария, несколько классов гимназии и т.п.), они привыкли искать ответы на возникающие вопросы в книге, однако краткосрочность обучения обусловила тот факт, что «научная» картина мира была усвоена ими не полностью, мировоззрение их было фрагментарно и сохраняло многие элементы и традиции обыденных представлений. Отсюда, с одной стороны, стремление к получению разнообразных сведений, а с другой — тяга не к систематичности этих знаний, а к сенсационности, интересности, занимательности получаемой информации. Потребностям подобных читателей в наибольшей степени отвечал иллюстрированный еженедельник. В этой среде сохраняли свою силу все факторы, обусловившие «журнализацию» русской литературы во второй половине XIX в. и охарактеризованные выше, в главе о толстых журналах.

Однако сам толстый журнал был слишком сложен для читателей промежуточного слоя, да и волновали их нередко иные проблемы. Они нуждались в более простом и доступном периодическом издании, рассчитанном на их интересы и вкусы. И характерно, что, хотя первые иллюстрированные еженедельники появились в России еще в начале XIX в. («Журнал карикатур», 1808; «Живописное обозрение», 1835—1844), однако быстрый рост их числа наблюдается лишь в последней его трети (в 1860 г. — 5 изданий, в 1880-м — 18, в 1890-м — 29, в 1900-м — 41)²⁴⁸. Наиболее широко распространенным типом иллюстрированного журнала становится в этот период универсальный еженедельник «для семейного чтения», сочетающий текст и иллюстрации (портреты, пейзажи, репродукции картин и т.п.)²⁴⁹.

Первый подобный журнал («Всемирная иллюстрация») выходил с 1869 г., а в 1877 г. насчитывалось уже семь таких изданий («Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Иллюстрированная неделя», «Кругозор», «Нива», «Пчела», «Северная звезда» — все издавались в Петербурге). В результате суммарная аудитория иллюстрированных журналов составляла в конце 1870-х гг. примерно 100 тыс. подписчиков, а в начале XX в. — порядка 500 тыс. Именно иллюстрированные журналы сыграли для этого читательского слоя важную роль в привитии навыков читательской культуры, приобщении к художественной литературе и современным научным знаниям, ознакомлении с изобразительным искусством. В 1890-х гг. отмечалось, что «дешевые иллюстрированные временные издания расходятся в среде небогатого населения, довольствовавшегося прежде изданиями лубочными <...>»²⁵⁰. Внимательные наблюдатели обращали свое внимание на то, что для многих «главное основание для выписки (иллюстрированных журналов. — А. Р.) <...> заключается в подражании другим, желании стать “на образованную ногу”»²⁵¹ (Тобольская губерния, 1889 г.), «купцы и их семейные журналов не читают, а выписывают ради премий, больше по моде, чтобы не отстать от других», прежде всего — для детей и жен. Однако и они не читают, «все чтение оканчивается тем, что посмотрят картинки, прочтут написанное под картинками. Взглянет иногда и “сам” на картинки, если они его заинтересуют, возьмет номер, перелистает его и велит прибрать да беречь»²⁵² (Рязанская губерния, 1891 г.). Тем не менее постепенно у подписчиков вырабатывалась потребность в регулярном чтении получаемого журнала.

Выделенный нами слой читательской публики был, в свою очередь, также дифференцирован (как «вертикально», по культурному кругозору и уровню доходов, так и «горизонтально» — по принадлежности к тому или иному региону, профессии и т.п.). Соответственно и каждый иллюстрированный журнал стремился ориентироваться на «своего» читателя, что находило выражение в содержании и цене журнала. Из еженедельников 1880-х гг. «Всемирная иллюстрация» (годовая подписка с пересылкой — 12 р.) и «Живописное обозрение» (8 р.) были рассчитаны на более состоятельных и подготовленных читателей (среднее чиновничество, богатое купечество), «Нива» (6 р.) — на мелкую буржуазию, провинциальную интеллигенцию. Сохранившийся за 1883—1885 гг. архив самого дешевого (4 р.) иллюстрированного журнала «Родина» показывает, что среди его подписчиков преобладали мелкие провинциальные чиновники, священники, военные в невысоких чинах, встречались также учителя и крестьяне²⁵³. Дочь купца из сибирского города Сургут восхищалась в конце 1880-х гг. «прелестными» романами в «Родине»²⁵⁴. Проникновение «Родины» в крестьянскую среду уже отмечалось исследователями²⁵⁵. Крестьянин из Рязанской губернии писал в начале 1890-х гг.: «Я получаю журнал-газету “Родина” уже четвертый год и нахожу, что это самый крестьянский журнал как по цене, так и по содержанию, и обилию материала»²⁵⁶. По свидетельству одного из крестьян, они предпочитали журнал «Родина» всем другим потому, что в нем «помещаются рассказы более подходящие к жизни и более понятные»²⁵⁷. Однако в целом иллюстрированные журналы читала лишь ничтожная часть крестьян, в Воронежской губернии, например, лишь по 0,1% крестьянского населения назвали себя читателями «Родины» и «Нивы»²⁵⁸.

Жесткой сословной прикрепленности журналов не было. Наблюдатель отмечал (в 1891 г.), что в большом торговом селе Рязанской губернии «журнал “Нива” более всех распространен, — его получают и господа (то есть дворяне и чиновники. — А. Р.), и купцы, и священники, и мещане (состоятельные)»²⁵⁹; крестьянин из Вятской губернии (начало 1890-х гг.) сообщал: «...духовенство выписывает журнал “Ниву”, полагаю, что на паях, потому что полученный номер “Нивы” передается от священника к дьякону, а потом к дьячкам <...> читают этот журнал преимущественно женщины духовного звания, потому что к “Ниве” есть приложение “парижских мод”, которое служит руководством для дам вообще сельской интеллигенции»²⁶⁰. «Нива», гораздо более «солидная» и

«культурная», чем «Родина», также проникала в рабочую и крестьянскую среду, хотя и в меньших масштабах²⁶¹.

В начале 1890-х гг. отмечалось, что «в деревне теперь нередко можно встретить у крестьян в избах расклеенные по стенам отдельные рисунки и даже целые листы с рисунками из “Нивы”, “Сына отечества”, “Всемирной иллюстрации”, “Шута”, “Будильника” и др., а также и картины — премии этих журналов»²⁶².

В условиях жесткой конкуренции каждый иллюстрированный еженедельник либо вскоре переставал издаваться, либо «находил» свою прослойку в рамках обращающегося к этому типу изданий читательского слоя, в наибольшей степени отвечая ее духовным запросам. В результате они образовали систему, охватывающую «среднюю» читательскую публику в целом.

Редакторы и издатели иллюстрированных журналов (нередко эти функции совмещались в одном лице) понимали специфику аудитории своего издания. Этому способствовали подписные квитанции, на которых указывалось социальное положение подписчиков, и многочисленные письма читателей в редакцию, в которых оценивалось содержание журнала и высказывались пожелания на будущее. Например, А.А. Каспари, который в 1886 г. приобрел «Родину» и за пять лет увеличил число ее подписчиков с 200 человек до 40 тыс., совершенно сознательно ориентировался на читателей, еще только начинавших приобщаться к чтению журналов. По свидетельству мемуариста, зафиксировавшего и несовершенно владение Каспари русским языком, он говорил следующее: «Есть разный русский публикум. Есть русский публикум для “Нивы” — это первый класс, второй и даже, положим, третий среднего учебного заведения; есть публикум четвертого и прочих классов включительно до седьмого — и она читает “Отечественные записки”, “Русское богатство”, “Вестник Европы”. Такой русский публикум, который можно было бы назвать нуждающимся в университете, еще нет, еще русский публикум до университета не доросла. Ну, конечно, если бы я даже мог издавать такой университет, я бы этого не сделал по той причине, что я — коммерческий человек. Нельзя издавать журнал для горстки людей. Но я вспомнил, что в России нет также приготовительного журнала, из которого русский публикум мог бы переходить в “Ниву”, в “Русское богатство” и в другие среднеучебные журналы. И вот я тогда сделал “Родину”. Самый неграмотный русский публикум хлынул ко мне, и я стал давать ей лубочные картинки, хорошо понимая, поверьте мне, что художественно испол-

ненные ксилографии и фототипии еще приговорительный читатель не понимает. И я выбирал иногда плохие и малограмотные повести в самых старинных манерах и с мещанскими вкусами и законной моралью, чтобы не отпугивать неразвитой публику, которая обижается, когда она видит или читает что-нибудь мало понятное ей, недоступное, новое и умное»²⁶³.

В качестве редакторов иллюстрированных журналов нередко выступали популярные у массовой аудитории писатели, представители «среднего» слоя литературы (А.К. Шеллер-Михайлов, В.П. Ключников, А.А. Тихонов, К.С. Баранцевич). Как их, так и издателей этих журналов (А.Ф. Маркса, А.А. Каспари, С.Е. Добродеева, В.П. Турбу, Г.Д. Гоппе), несмотря на различия в жизненном опыте, мировоззрении, знании литературы, объединяло понимание специфических интересов и потребностей читателей подобных изданий и признание их законности. Все названные журналы отличает подход к читателю как к равноправному партнеру, удовлетворять запросы которого редакция считает первым своим долгом. Только подобная установка (а не открыто дидактическая, как у ряда издателей «книг для народа») позволяла этим журналам успешно решать (в ряде случаев) просветительские задачи.

Уровень общей культуры и читательской подготовки представителей «промежуточного» читательского слоя обусловил характер адресованной им издательской продукции. Это был главным образом тонкий иллюстрированный еженедельник универсального характера. В отличие от толстых журналов, содержащих только печатный текст, иллюстрированные журналы сочетали текст с изображением. Понятность и легкая доступность обеспечивалась тем, что изображение было равноправным (наряду с печатным текстом) их компонентом. Изображения в низовой среде (иконы, лубочные картинки и т.д.) к тому времени были широко распространены, а печатное слово являлось сравнительно недавним нововведением. Именно поэтому понадобилась такая гибридная форма как иллюстрированный журнал, строившийся на сочетании изображения и текста. Характерно, что кроме иллюстраций к литературным произведениям (в этом случае первичным элементом является текст) постоянным жанром иллюстрированного журнала были достигавшие значительного объема пояснения к рисункам (в которых первичным элементом выступало изображение). Иллюстрации, обладавшие большей наглядностью и привычностью, облегчали людям, лишь недавно приобщившимся к чтению, понимание прочитанно-

го. Причем, в отличие от изданий для наименее подготовленных читателей, также содержащих изобразительный компонент (лубочная картинка и лубочная книга с картинкой на обложке), издания для «промежуточного» читательского слоя были, как правило, периодическими и, следовательно, подписными.

Особое внимание в иллюстрированных журналах уделялось оперативности отражения новостей (обычно подобные журналы выходили еженедельно, что особенно стало цениться с усилением ориентации читателей на актуальность и злободневность), формированию (а потом и удовлетворению) привычки к регулярному чтению способствовала также периодичность выхода журнала. Отметим, что, поскольку в журнале обычно печатался роман с продолжением, читатель с нетерпением ждал очередного номера.

Наряду с понятностью и дешевизной преимуществом иллюстрированного журнала являлась его универсальность. По справедливому мнению Е.А. Динерштейна, «успех “Нивы” слагался из умелого сочетания разнохарактерного и разнотемного материала, который в своей совокупности должен был составить круг семейного чтения. Поэтому все <...> отделы были как бы равнозначны и формировались в расчете на целостное восприятие»²⁶⁴.

Иллюстрированный журнал стремился к полному охвату всей сферы чтения подписчика и членов его семьи, моделируя своим содержанием весь мир их духовных интересов и потребностей. Здесь можно было встретить изображение и описание явлений современной внутренней и внешней политики, науки, культуры и искусства; «замечательных местностей» и исторических событий; известных людей; картин и скульптур; далеких стран и народов. Важнейшим компонентом журнала были литературные произведения — романы, повести, рассказы, очерки и стихи (приведем характерное письмо подписчика в редакцию: «Желательно многим, чтобы в “Родине” побольше помещалось беллетристических произведений, хотя переводных, потому что у нас в провинции <...> очень охочи до романов»²⁶⁵).

Представление о том, что находил читатель в иллюстрированном журнале, дает содержание одного из типичных номеров «Нивы» (№ 13 за 1888 г.). В нем помещены продолжение исторического романа П.Н. Полевого (публикация его растянулась на несколько месяцев), окончание экзотико-приключенческой повести А. Штельцнера «Невольница», стихотворение А. Майкова «В Айя-Софии», биография композитора А.С. Даргомыжского (с

его портретом), рассказ С. В-ой (С.А. Вердеревской) «Русская Офелия»; очерк «Погребение императора Вильгельма» (с несколькими иллюстрациями), «Политический обзор», «Разные известия», репродукции с картин «Великое переселение народов» и «Этюд женской головки» — с подробными пояснениями, три иллюстрации к очеркам «Слуги старого века» И.А. Гончарова, публиковавшимся в «Ниве» в начале этого же года, ребус и еще несколько мелких материалов.

Другие иллюстрированные еженедельники были близки к «Ниве» по своей структуре, хотя у каждого имелись свои особенности (один, например, имел хорошо поставленный отдел некрологов, в другом было организовано регулярное рецензирование литературных новинок, и т.п.).

Весь предлагаемый редакцией разнообразный материал был умело объединен в рамках журнального номера. Причем смысл и целостность ему, при усиленном, казалось бы, введении современного материала, придавали тем не менее публикации на исторические темы. История, особенно взятая в эстетической и тем самым целостной и осмысленной форме (роман, изображения памятников архитектуры), служила точкой отсчета и мерилom при оценке фрагментарной и противоречивой современности. Этот факт объясняет, почему исторический роман был неизменным компонентом годовой подписки любого иллюстрированного журнала, а издатель его стремился заручиться постоянным сотрудничеством (нередко — в качестве редактора) того или иного популярного исторического романиста (Вс.С. Соловьева, Е.А. Салиаса, П.Н. Полевого, М.Н. Волконского и т.п.).

Ключевое место исторического романа в иллюстрированном журнале наглядно демонстрирует различие интересов его читателей и читателей толстого журнала, где доминировал «проблемный» роман на современные темы. Однако отношение тонкого журнала к толстому следует характеризовать не как противостояние, а как процесс постоянного заимствования идей, конкретных оценок, журнальных жанров, систем авторитетов и т.п. Характерно, что литературную иерархию диктовал толстый журнал, он «выдвигал таланты», «делал имена». Не обладая авторитетом в литературе, тонкий журнал не мог способствовать становлению прочной литературной репутации, однако он охотно приглашал известных писателей (Д.В. Григоровича, И.А. Гончарова и др.), используя «имя» для рекламы, приманки подписчиков. При этом нередко печата-

лись далеко не лучшие произведения указанных авторов, однако невзыскательный подписчик обычно не ощущал этого (ему было важно, что эти писатели ранее помечены были как высокоавторитетные).

Единство иллюстрированного журнала обеспечивалось также тесной связью в нем текстового и изобразительного элементов. Выше указывалось на стремление редакции проиллюстрировать текстовый материал (прозу, исторические и путевые очерки), а к репродукциям произведений искусства дать пояснения, нередко представляющие собой просто описание изображения.

Материалы журнала «связывались», «подгонялись» друг к другу как в пределах одного номера, так и в рамках годового комплекта, поскольку он был рассчитан на длительное хранение. В конце года редакции нередко предлагали подписчикам за дополнительную плату переплеты для годового (или полугодового) комплекта. Переплетенные подборки журналов превращались в толстые фолианты, являющиеся в силу универсальности содержания своеобразными хрониками, книгами для чтения и энциклопедиями. Опираясь на уже существующие у читателей представления о мире и литературе, редакция и авторский коллектив тем не менее мягко и ненавязчиво «задавали» подписчику свой образ мира. Этот образ отличался от привычного (так как журнал избегал, как правило, давать характеристики явлений, хорошо знакомых читателю по обыденному опыту) и тяготел к необычности и красивости. Предлагая читателю этот «второй мир», мир многообразных культурных образцов, журнал стремился к тотальному охвату всех его аспектов. Подобной панорамностью охвата и экзотичностью содержания иллюстрированный журнал «изымал» читателя из привычной среды, предполагавшей только совершенно однозначные, нормативно предписанные типы жизненного поведения и осознания жизни, и способствовал формированию у него способности многостороннего, разноаспектного, то есть собственно «культурного», осмысления действительности.

Таким образом, роль универсальных иллюстрированных журналов в культуре того времени была далеко не однозначна. С одной стороны, в условиях интенсивного социального и культурного развития, когда и условия быта, и представления менялись с чрезвычайной быстротой, иллюстрированный журнал, с его апелляцией к семье, историческому прошлому, четким моральным нормам, служил целям культурной стабилизации, смягчения и примирения (в

сознании читателей) существующих в культуре противоречий. Однако одновременно он помогал читателю найти себе новую опору — мир науки и культуры. Как определенными компонентами своего содержания (научно-популярные материалы, иногда статьи и художественные произведения социально-критической ориентации), так и, что более важно, своей формой (печатный текст, пусть и в сочетании с изображением), способствующей росту аналитичности и рационалистичности сознания читателей, иллюстрированный журнал сам был проводником современности в культуре. Превращая зрителей в читателей, а читателей случайных в читателей регулярных, он способствовал возникновению массовой читательской аудитории в стране и тем самым ускорению процессов социального и культурного развития.

Характерным явлением описываемого нами типа издательской деятельности является выпуск книг в форме бесплатного приложения к журналу. Бесплатные приложения к иллюстрированным журналам (или, как их тогда обычно называли, «премии») появились в России в начале 1870-х гг. К середине 1880-х гг. премии стали широко распространенным явлением: «Заметив успех премий, наши издатели порешили, что выгоднее издавать премии, чем журналы <...>. Целый ряд журналов говорит в своих рекламах о премиях, премиях и только о премиях. О содержании журнала почти ничего не говорится: он просто именуется интересным»²⁶⁶. Вначале в качестве премий журналы давали читателям олеографии, представлявшие основной интерес для части подписчиков. Так, например, М. Горький вспоминал о своем хозяине-чертежнике и его семье: «Они, получая “Ниву” ради выкроек и премий, не читали ее, но, посмотрев картинки, складывали на шкаф в спальне, а в конце года переплетали и прятали под кровать, где уже лежали три тома “Живописного обозрения”»²⁶⁷.

С конца 1880-х гг. вместо олеографий журналы в качестве приложения стали давать книги (показателен происходивший и здесь переход от изобразительного к текстовому). Характерны в этом плане рассуждения редакции журнала «Родина» в обращении к читателям: «Обещав в 1886 году своим годовым подписчикам премию, редакция “Родины” долгое время не знала, на какой премии остановиться. Предложить ли читателям олеографию, или отдельный оригинальный роман. Премия-картина в материальном отношении для издателя несравненно выгоднее романа, но, с другой стороны, большинство журналов высылают своим подписчикам

картины, и поэтому они потеряли свой интерес, да и, кроме того, вводят в лишний расход на покупку рам, которых в провинции не всегда возможно достать <...>²⁶⁸. С этого года «Родина» стала давать в качестве приложения книги, о чем читатели просили уже давно (например, в 1884 г. один из подписчиков писал в редакцию: «...постарайтесь увеличить издание ежемесячным приложением беллетристических сочинений»)²⁶⁹.

Вскоре у ряда изданий подобные приложения становятся ежемесячными и превращаются в эффективное средство распространения книг (как и самих журналов) массовыми тиражами. Например, после того как А.А. Каспари сделался издателем «Родины» и стал с 1887 г. ежемесячно выпускать в качестве бесплатного приложения к ней «Собрание романов, повестей и рассказов» (а также ежемесячные выпуски «Детское чтение», «Всемирный путешественник», «Сельское хозяйство и домоводство», «Новейшие моды и рукоделия», позднее прибавились «Ноты для пения и инструментов», «Домашний театр»), тираж журнала стал быстро расти и достиг в итоге 120 тыс. экз.

Успех данной формы распространения книг можно объяснить, как нам представляется, следующими обстоятельствами. Как будет показано в последующих главах, в силу давних традиций высоким культурным престижем в низовой читательской среде пользовались книги религиозного, духовного содержания (жития святых, нравоучительная литература и т.п.). Уже приобщившись к чтению беллетристики и научно-популярных книг, «полуобразованный читатель» не склонен был тем не менее покупать регулярно соответствующие издания, так как, во-первых, они стоили довольно дорого, а во-вторых, он не ориентировался в них и не знал, какая книга для него представляет интерес, а какая нет (отметим в этой связи обычное использование в названиях книг для низового читателя зазывательных названий). Цена же книги была тесно связана с тиражом. Поэтому только гарантированный сбыт позволял значительно увеличить тираж книги и тем самым существенно снизить цену. В 1880-х гг., после ряда попыток, постепенно возник новый канал распространения книг — бесплатное приложение к журналам и газетам, рассчитанным на «промежуточные» слои читателей. Первыми ввели ежемесячные приложения в форме книг еженедельники «Мирской толк» (с 1880 г.), «Луч» (с 1881 г.), «Живописное обозрение» (с 1882 г.) и газеты «Свет» (с 1882 г.), «Гражданин» (с 1883 г.). «Родина» создала подобное приложение в 1887-м, «Ни-

ва» — в 1891-м, «Север» — в 1892-м. По сути дела, стоимость книги входила в подписную плату, но психологически для подписчика книга выступала как бесплатная, как приложение к оплаченному периодическому изданию. Тем самым подписчик дешево получал книгу, соответствующую своим запросам. Журнал же, резко подняв свой тираж (из-за возросшей подписки) и не расходуя деньги на рекламу, оплату склада и торговых площадей, мог снизить себестоимость и в итоге продажную цену книги. В результате подписчик журнала «Родина» получал, например, за 4 р., помимо самого журнала и других многочисленных приложений, 12 книг (гарантированного для себя содержания), аналогичные которым в розничной продаже стоили не менее 50 к. каждая. Учитывая, что тираж беллетристической книги составлял тогда обычно 1200 или 2400 экз., а тираж «Родины» (и, следовательно, выходящих в приложении к ней книг) доходил до 120 тыс., можно представить, насколько более широкой была читательская аудитория «бесплатных приложений» по сравнению с обычными изданиями.

Один из мемуаристов писал о своих знакомых, жителях большого села Черниговской губернии 1890-х гг., — учителе земской школы, почтмейстере, служащем фабричной конторы, которые «выписывали дешевые иллюстрированные журналы “Родину”, “Живописное обозрение”, “Север”, шовинистическую газету “Свет” генерала В.В. Комарова, дававшие за 4—5 р. в год, в виде ежемесячных приложений, оригинальные и переводные романы. Оригинальные романы русских авторов представляли собой обычно жалкую халтуру разных Соколовых, Стремоуховых и прочей литературной богемы <...>, но переводная беллетристика была неплоха. Давали Золя, Доде, Брет Гарта и других крупных иностранных писателей»²⁷⁰. В Иваново-Вознесенске в конце XIX в. в «народных библиотеках» среди читаемых беллетристических книг преобладали изданные в приложении к «Родине»²⁷¹. Рабочие-мемуаристы вспоминают, что в юности брали в библиотеках приложения к «Родине»²⁷², у некоторых этот журнал с приложениями имелся в родительской библиотеке²⁷³.

По содержанию приложения могли различаться довольно существенно, поскольку редакторы журналов ориентировались на потребности подписчиков. Например, редакция «Родины», учитывая невысокие культурные запросы своих читателей, стремилась дать в приложении книги популярных жанров, написанные третьестепенными, имеющими успех у массовой аудитории авторами. В годовой

комплект обычно включались исторические (А.В. Арсеньева, П.Н. Полевого, А.А. Соколова), «уголовные» (К.В. Назарьевой, А.И. Красницкого, И.Н. Пономарева), любовно-мелодраматические (Е.О. Дубровиной, Е.И. Зариной, Ф.В. Домбровского) романы. «Нива», среди читателей которой было немало провинциальной интеллигенции, ежегодно давала в приложении собрания отечественных (М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, А.А. Фета и др.) и зарубежных классиков, а также известных писателей-современников (А.П. Чехова, И.А. Бунина, В.Г. Короленко, П.Д. Боборыкина, Л.Н. Андреева и др.). Уровень приложений к другим журналам был выше, чем у «Родины», но существенно ниже, чем у «Нивы». Как свидетельствуют многочисленные воспоминания, собрания сочинений, выпускавшиеся в приложениях к «Ниве», составили основу многих провинциальных домашних библиотек. Однако велика была роль и других «приложений» в приобщении населения к регулярному чтению книг. Даже приложения к «Родине» удовлетворяли культурные запросы своих читателей, вводили книгу в их образ жизни и имели, следовательно, определенное просветительское и культурно-воспитательное значение. В конце XIX — начале XX в. в качестве приложений к иллюстрированным журналам рассылалось не менее 5 млн экз. ежегодно, то есть они являлись одним из основных каналов распространения книги в то время.

Глава VII

ГАЗЕТА В НИЗОВОЙ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ

Важное место в чтении русских читателей второй половины XIX в. занимала газета. М.Е. Салтыков-Щедрин писал в конце 1870-х гг.: «Физиономия нашей литературы, за последние пятнадцать лет, значительно изменилась <...>. Значение больших (ежемесячных) журналов упало, а вместо них, в роли руководителей общественного мнения, выступили ежедневные газеты»²⁷⁴. Симптоматично, что этот процесс затронул не только «образованную» публику, но и другие слои, не столь высоко стоящие в социокультурной иерархии. Появившись в России в XVIII в., в круг постоянного чтения чиновничества и провинциальных помещиков газета вошла еще в первой половине XIX в. Но тогда газеты носили, как правило, официальный или полуофициальный характер, а суммарная их аудитория не превышала даже в середине XIX в. 30—40 тыс. читателей. В пореформенный период началось быстрое развитие газетного дела, что нашло выражение в росте числа изданий и суммарного их тиража. По нашим примерным подсчетам (учитывались только литературные и общие (непрофилированные) газеты, выходившие не реже одного раза в неделю), процесс этот шел следующими темпами:

	Год			
	1840	1860	1880	1900
Число газет	51	67	123	204
Общий разовый тираж, тыс. экз.	25	65	300	900

В 1913 г. общий разовый тираж *всех* русских газет составлял 2,7 млн экз. при 856 наименованиях²⁷⁵.

Наряду с ростом числа газет в эти годы шел процесс усиливающейся их дифференциации: и по идеологической позиции (консервативные, славянофильские, либеральные), и по месту издания (столичные — провинциальные), и по характеру своего адресата (тот или иной социальный слой), что отражало дифференциацию социокультурной структуры общества.

Особенно важно отметить, что газета начинает втягивать в сферу своего воздействия все более широкие социальные слои.

В 1860—1870-х гг. к регулярному чтению газет приобщаются купечество и мелкое чиновничество, в 1880-х они становятся достоянием городских низов (приказчики, слуги, часть рабочих). С 1880-х гг. газета начинает проникать и в деревню, хотя массовое чтение и слушание чтения газет в крестьянской среде отмечалось лишь в самом конце XIX — начале XX в.

В крупных городах, где издавалось несколько газет, у каждой из них был довольно четко выделяемый (в социальном и социокультурном отношении) «свой» читатель. Если следовать за социальной иерархией их читателей, можно выстроить и иерархию газет. Причем в реальности эта иерархия была еще более сложна и многоступенчата, даже в рамках одного социального слоя в зависимости от уровня образования, идеологической позиции, эстетических вкусов разные группы обращались к той или иной газете.

Расчитанная на полуобразованного городского читателя так называемая «малая пресса» стала возникать в первые пореформенные годы («Петербургский листок» — в 1864 г., «Петербургская газета» — в 1867-м, «Современные известия» в Москве — в 1867-м)²⁷⁶. Интенсивное ее развитие начинается с 1880-х гг. К этому времени существенно повысился уровень грамотности городских низов, состоявших в значительной части из мигрировавших из сел крестьян, детство и юность которых пришлось на пореформенное время.

Учитывая возросшую популярность газет у низового «народного» читателя, издатели создают специальные органы, рассчитанные на эту аудиторию — «Московский листок» (1881—1918), «Новости дня» (Москва, 1883—1906). Из других, позже возникших и широко популярных аналогичных изданий следует назвать «Свет» (Петербург, 1882—1917), «Русское слово» первого периода своего существования (Москва, 1895—1900, с 1901 г. характер газеты существенно изменился), «Газету-копейку» (Петербург, 1908—1918), «Газету-копейку» (Москва, 1909—1918, название менялось: «Московская газета-копейка», «Московская копейка»).

«Малая пресса» отличалась от «большой» тем, что была дешевле, причем как в прямом, так и в переносном смысле. Во-первых, годовая подписка на низовую газету в 1880 г. стоила 8—9 р., в то время как на газету для образованной публики — вдвое больше: 15—17 р. Дешевле стоил и труд сотрудника «малой прессы»: если в солидной газете платили за строчку 4—5 копеек, то в низовой — 2—3. Но «дешевизна» характеризовала и содержание низовой газеты. Информацию, мысли, литературные образы, содержащиеся в ней, принято было расценивать с точки зрения высокой культуры как упрощенные, примитивные, неглубокие, дешевые. Во многом «малая пресса» шла за крупной, используя сложившиеся жанры и традиции подачи материала, однако все это модифицировалось применительно к уровню образования и структуре интересов низовых читателей. Так, поскольку у читателей из «высших» классов газеты не являлись единственным видом чтения, то беллетристика там либо совершенно отсутствовала (как в «Голосе»), либо появлялась весьма редко (эпизодически в «Русских ведомостях», раз в неделю в «Новом времени») и была представлена произведениями малых прозаических жанров (рассказ, очерк). В низовой прессе художественная литература присутствовала практически в каждом номере и являлась одним из основных разделов газеты. Для читателей этих изданий она обычно являлась единственным доступным видом литературы, поскольку книги и журналы были дороги, сравнительно высокой была плата за пользование библиотеками для чтения и публичными библиотеками, да и подходящих по уровню изложения книг не хватало. Характерно, что в солидной газетной прессе публиковались обзоры журналов и рецензии на книги (то есть предполагалось, что их читатели обращаются к этим видам изданий), в «малой» же прессе подобные рубрики отсутствовали. Зато здесь культивировались такие газетные жанры, как «роман с

продолжением», репортаж о пожаре, «сценка с натуры», юмористические «мелочи» и т.п.

Весь материал в «малой прессе» подавался завлекательно и доступно, чтобы читатель начал читать, прочел не отрываясь и понял текст. В ряде отношений она занимала промежуточное место между устной словесностью и печатью в собственном смысле слова. Низовая газета выписывалась и хранилась в трактирах — местах скопления народа, разговоров и обмена слухами; нередко она читалась там (или в других местах, где собирался «народ») вслух, сама газета «разносила» информацию скандального характера, нередко запечатлевая уже циркулирующие слухи. Следует отметить также ориентацию газетной беллетристики на речевые жанры (например, «сцены», представляющие собой диалог) и на эстетику исторического фольклора (повести и романы о благородных разбойниках).

Неверным было бы полагать, что сотрудники «малой прессы» были «хуже», чем в солидных газетах. Точнее будет сказать, что по своему образовательному и культурному уровню, интеллектуальному горизонту они были не подготовлены обслуживать потребности более культурных читателей. Но для своей публики они писали интересно, понятно и содержательно, в соответствии с ее вкусами и интересами. Круг сотрудников этих газет был довольно тесен, нередко они долгое время сотрудничали в одних и тех же изданиях (например, А.М. Пазухин 37 лет и И.И. Мясницкий 31 год в «Московском листке»), и если в силу тех или иных обстоятельств покидали одно издание, то переходили в другое, аналогичного типа (Н.Э. Гейнце, А.А. Соколов, А.И. Соколова и др.).

Читательскую аудиторию «малой прессы» составляли стоящие на самых низких ступенях социальной лестницы слои городского населения: мелкие купцы и чиновники, приказчики, прислуга, ремесленники, грамотные рабочие. С.С. Окрейц, сам сотрудничавший в «Петербургском листке», отмечал, что «девяносто девять процентов читателей “Листка” — посетители пивных и трактиров третьего сорта, приказчики, мастеровые и мелкие торговцы»²⁷⁷. Другой мемуарист вспоминал, что газета «Московский листок» «сразу завоевала симпатии лакеев, горничных, кучеров, прачек, кухарок, лавочников, мелких ремесленников, купечества средней руки и т.п.»²⁷⁸.

Не только по цене, но и по характеру изложения, и по содержанию «малая пресса» больше соответствовала потребностям ни-

зовых читателей. Уровень образования их был невысок — в лучшем случае начальная школа, в худшем — умение читать по складам. Ранее они либо вообще не читали, довольствуясь слухами и городским фольклором, либо обращались к лубочной литературе.

Газетные материалы нередко читались вслух для неграмотных или малограмотных слушателей. М. Горький в повести «В людях» дает описание подобного чтения газеты «Московский листок» у своих хозяев, которые «слушают внимательно, с некоторою как бы благоговейною жадностью, ахают, изумляясь злодейству героев <...>»²⁷⁹. Часто подобные чтения проходили в трактирах. По воспоминаниям одного рабочего, там «умевших читать было мало. Читали газету иногда по складам, но все же она доставляла большое удовлетворение. Читатели разделялись на два лагеря: одни требовали посмотреть в газете, не случилось ли где пожара, может, лошадь увели на базаре у какого-нибудь мужика-растрепы, или не идет ли какой повальной болезни. Другие горели нетерпением прочитать фельетон»²⁸⁰ (имеется в виду роман с продолжением).

Низовая газета, в своих жанровых формах давая функциональный эквивалент слухам и фольклору, приучала и приобщала свою аудиторию к регулярному чтению, втягивала в сферу воздействия печатного слова. При этом она, подобно толстому и тонкому журналу, моделировала образ мира своих читателей. Многие из них недавно приехали в город из деревни или были детьми выходцев из села. Вырванные из патриархального быта и включенные в жизнь большого города, они испытывали немалые напряжения при упорядочивании своего мировоззрения. Городской образ жизни ставил под вопрос образцы поведения, усвоенные в деревне. Он требовал не слепого подчинения традиции, а самостоятельного выбора из многообразия социальных и культурных возможностей. Регулятором поведения становились социальные нормы и ценности, а на печатное слово ложилась задача внедрения в сознание и подкрепления этих ценностей и норм. Так, мотивации к обогащению, присущие городскому образу жизни, пугали возможными нарушениями правового и нравственного порядка. Отсюда интерес к уголовной хронике и сенсационному роману, показывающим последствия «неправильного», «незаконного» пути к успеху.

Мир интересов читателей определялся увиденным и услышанным в течение собственной жизни и сосредотачивался на насущных, хорошо знакомых по работе и быту вопросах. Он был

ограничен в пространстве (зарубежные новости в «малой прессе» представлены в минимальной степени или вообще отсутствуют, среди внутренних доминируют городские, что подчеркнуто зачастую уже в названии («Петербургский листок», «Петербургская газета», «Московский листок») и во времени, уделяя преимущественное внимание современности, понимаемой как сиюминутность, «злоба дня». Этому не противоречит тот факт, что важным компонентом низовых газет, особенно московских, был исторический роман, поскольку публикуемые произведения этого жанра были предельно спроецированы на сегодняшний день. Помимо того, что в них обсуждались актуальные проблемы (поиски исторических корней и национальной идентичности, самодержавие как основа русского государства и т.п.), мотивы действия героев и характер их сознания приравнивались к современным, не говоря уже о многочисленных анахронизмах в бытовых реалиях. Следует учесть и тот факт, что растянутость публикации романа во времени и ее сериальность, а также место печати — ежедневная газета — «вдвигали» историю в настоящее, делали описываемые события как бы происходящими здесь и сейчас.

«Задавая» целостный образ мира, газета как бы «уравнивала» различные жанры, и в этом плане можно сказать, что грань между литературными и нелитературными жанрами была стерта. С одной стороны, из современных событий выбирались и в сюжетно-очерковой форме описывались факты и случаи, связанные со скандалом, уголовной хроникой, зрелищами (прежде всего — театром), комическими происшествиями, что «беллетризовало» изложение. С другой стороны, беллетристика в газете была предельно документализирована, поскольку преобладали такие жанры, как романы «из быта» и сенсационные романы, написанные на основе реальных событий, исторические романы — также о действительно случившемся, очерки и сценки, как бы «списанные с натуры», а нередко и в самом деле представлявшие собой обработанную запись услышанного. И, наконец, такой ключевой для газеты жанр, как фельетон, где регулярно в легкой и шутливой форме (нередко с включением стихов) обсуждались события дня, также стоял на грани литературных и нелитературных жанров.

Тем не менее определенное различие между беллетристическими и небеллетристическими жанрами существовало. Характерно, что роман, фельетон, очерк печатались обычно в «подвале», отделенном от всего остального материала газеты; в «Петербургском

листке» стихи, сценки, юмористическая смесь печатались под рубрикой «Из альбома свистунов» и т.п.

Ключевым компонентом низовой газеты являлся роман, чаще всего носивший авантюрно-приключенческий и сенсационный характер. Вначале (с 1870 г. в «Петербургском листке» и «Петербургской газете», позднее — в московских «Новостях дня») из номера в номер публиковались переводы французских романов (Ксавье де Монтепена, Фортюне де Буагобе, А. Бувье, А. Бело и др.), созданных в рамках традиции, начало которой положили «Парижские тайны» Э. Сю. Уже в 1880-х гг. стали публиковаться отечественные образцы этого жанра, а в 1890-х они почти вытеснили зарубежные с газетных страниц. Чаще всего это были «уголовные романы» или «романы из современной жизни», что обычно предполагало показ «язв» и «пороков» большого города. «Уголовный роман» во многом был близок по своей проблематике и жанровой структуре детективу, но акцент в нем делался на показе причин и последствий преступления, а не на ходе его раскрытия. В московских изданиях, и особенно в «Московском листке», вообще не помещавшем переводных произведений, в большом количестве печатались также бытовые (с мелодраматической структурой) и исторические романы.

Анонимный юморист дал следующий, довольно точный, рецепт изготовления газетного романа:

Воды простой ведр сто взять надо,
 Прибавить крови с полведра,
 С полфунта посильнее яда
 И сала пуда полтора.
 Железной ржавчины прибавить,
 Архивной пыли мер пяток
 И греться все в котле оставить,
 Не обращая в кипяток²⁸¹.

Роман был одним из самых популярных газетных жанров (по месту публикации — внизу страницы, в разделе «Фельетон» — их нередко называли в быту фельетонами). Приведем типичные воспоминания рабочего. В 1900 г., когда он был учеником в иконописной мастерской, «особенное пристрастие хозяин имел к “Московскому листку” ради печатавшихся в нем фельетонов, вроде — “Буря в стоячих водах” или “Разбойник Кармелюк”. Интересовала хозяйина и война в Китае. Читал я ему газеты ежедневно <...>²⁸².

Другим важнейшим жанром в низовой газете был фельетон. Введенный в русскую газетную практику в начале 1830-х гг. Ф.В. Булгариным, развитый в журналах О.И. Сенковским в 1830-е гг., И.И. Панаевым и А.В. Дружининым в конце 1840-х и в 1850-х, расцветший в газете 1860—1870-х гг. в творчестве А.С. Суворина и В.П. Буренина, он становится с этого времени неизменным компонентом газетной страницы. В легкой и непринужденной форме беседы с читателем (вспомним уже отмечавшуюся установку низовой газеты на устные жанры) в фельетоне обсуждались, по сути дела, все важные и актуальные проблемы (если, конечно, они были дозволены цензурой и входили в официально утвержденную программу газеты): внешняя и внутренняя политика, городское хозяйство, мораль и нравственность, театр и литература. Нередко фельетонист выступал от лица вымышленного персонажа, «недалекого обывателя» (майор Бурбонов Д.Д. Минаева в «Петербургской газете», майор Бревнов А.А. Соколова и капитан Буянов А.И. Деянова в «Петербургском листке»), что позволяло иронически воспроизвести, а нередко и высмеять расхожие мнения.

Важное место в литературном разделе газеты занимали «сценки с натуры» и юмористические рассказы. Оба жанра представляли собой, как правило, зарисовку смешного случая из купеческой, мелкочиновной или мещанской жизни, в мягкой добродушной манере высмеивающую типовые, закреплённые в массовом сознании черты персонажей из этой среды. При этом автор (а с ним и читатель) рассматривал ситуацию как бы свысока, поднявшись над ней, то есть будучи свободным от описываемых недостатков. Сотни таких произведений были написаны каждым из юмористов «малой прессы»: Н.А. Лейкиным, И.И. Мясницким, А.М. Пазухиным, Д.Д. Тогольским и др. Постоянно печатались на страницах газет также стихи, главным образом юмористические (Л.И. Пальмина, Л.Г. Граве, А.Ф. Иванова, С.Ф. Рыскина, С.Я. Уколова и др.). Вообще тон большей части литературного раздела газеты был шутовской и гаерский, в нем господствовала насмешка почти над всем, попадавшим в поле зрения авторов.

Следует остановиться еще на двух разделах — репортаже и театральной рецензии. Репортажу принадлежало одно из ключевых мест. Он был посвящен таким темам, как убийства и ограбления, судебные разбирательства, пожары и стихийные бедствия, ярмарки и любые другие события, выпадающие из размеренного хода

обыденной жизни. Н.И. Пастухов, создатель «Московского листка», прославился, например, своими «пожарными» репортажами, а впоследствии держал в газете специального репортера для описания пожаров. Знаменитыми репортерами были В.А. Гиляровский, долгое время сотрудничавший в «Московском листке», и Н.Н. Животов.

Театр, игравший очень большую роль в общественной жизни XIX в., особенно для низших социальных слоев, являясь для них, по сути дела, единственным зрелищем, регулярно обсуждался и комментировался на газетных страницах. Значимость его для читателей низовых газет была во много раз выше, чем значимость литературы, и поэтому издания этого типа, практически не рецензировавшие литературные произведения, постоянно давали отзывы о театральных премьерах, гастролях, дебютах и т.д.

Остается упомянуть информацию о городской жизни, правительственные сообщения, корреспонденции из других городов, письма в редакцию и объявления — и набор газетных жанров будет, по сути дела, исчерпан.

Более полное представление об излюбленном чтении городских низов дает характеристика наиболее популярных в этой среде газет и сотрудничавших в них авторов.

«Петербургский листок» возник еще в 1864 г. Первое время шли поиски жанровых форм, но к концу 1860-х гг. тип газеты уже сложился. Помимо новостей, в которых преобладала скандальная и уголовная хроника, большое место в ней занимали фельетон, публикации переводных (преимущественно французских) авантюрно-приключенческих и детективных романов, легкая юмористика (стихи, сценки, шутки) в разделе «Из альбома свистунов», сенсационные романы о петербургской жизни Н.Н. Животова, А.И. Деянова, А.В. Эвальда, С.Ф. Рыскина и других авторов (исторические романы здесь, как правило, не печатались)²⁸³.

Один из основных авторов «Петербургского листка» *Николай Николаевич Животов* (1858—1900) принадлежал к числу наиболее умелых и оперативных репортеров столицы. Нанимаясь на различные работы и переодеваясь в соответствующую одежду, он смог «изнутри» изучить и описать в прославившем его цикле очерков «Петербургские профили» (Вып. 1—4. СПб., 1894—1895) жизнь и быт извозчиков, официантов, похоронных служителей, босяков. В 1890-е гг. наряду с корреспонденциями и очерками он стал печатать в газетах романы, основывающиеся, как правило, на фактах,

почерпнутых из уголовной и скандальной хроники (в том числе в «Петербургском листке»: «Макарка-душегуб» — 1894 г., «Цыган Яшка» — 1896 г., «Подпольный Петербург» — 1901 г. и др.). Лишенные литературных претензий, репортажные по языку, они привлекали низовых городских читателей обращением к «острым» темам, напряженным сюжетом и были широко популярны в этой среде. Интенсивная работа в периодике была причиной ранней смерти Животова. Недолго прожил и его коллега по газете *Александр Иванович Деянов* (1862—1903). Окончив Николаевское кавалерийское училище, он служил в Забайкальском казачьем войске, в 1888 г. вышел в отставку и стал литератором (печатался в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Гражданине», «Сыне отечества» и др.). С 1896 г. Деянов вошел в число постоянных сотрудников «Петербургского листка». У читателей газеты он был очень популярен. В «Петербургском листке» для Деянова была характерна «многоликость», выражавшаяся в дроблении своей творческой личности на большое число «масок»: под псевдонимом Меланхолик он писал ежедневные фельетоны на злобу дня; под псевдонимом Капитан Буянов — воскресные фельетоны, в которых события были восприняты с точки зрения хвастливого солдафона; под псевдонимами А. Д. Янов и С. Нарский — не лишённые иронии «уголовные» романы («Веселый омут» — 1892 г., «Из-за денег» — 1898 г., «Под гнетом раскола» — 1900 г., «На каторгу» — 1902 г. и др.); под криптонимом А. Д-в — театральные рецензии. Талантливый литератор (ему принадлежит ряд опубликованных под своей фамилией рассказов, отмеченных «сверкающей радостью жизни и грациозной легкостью»²⁸⁴), он не выдержал напряжения газетной работы и рано умер.

Иной характер носил «Московский листок». Создатель его, *Николай Иванович Пастухов* (1831—1911), родился в бедной мещанской семье. Никакого образования он не получил, научившись лишь читать и писать. В молодости Пастухов служил разъездным контролером по откупам, а приехав в Москву, занимался самой разнообразной работой — развозил из почтамта корреспонденцию по государственным учреждениям, показывал фокусы в балаганах, содержал пивную лавочку. Прославившийся впоследствии адвокат Ф. Н. Плевако, посещавший в те годы лавочку Пастухова, приобщил его к журналистике. С 1865 г. Пастухов стал помещать корреспонденции в «Русских ведомостях» и «Петербургском листке». Постепенно, благодаря своим точно и живо написанным репортажам, Пастухов стал известен как «первый репортер Москвы».

В 1881 г. он начал издавать «Московский листок», творчески освоив опыт предшествовавшего периода развития низовой прессы, благодаря чему газета сразу стала пользоваться популярностью. Успех «Московского листка» позволил Пастухову приобрести в 1882 г. собственную типографию, быстро разбогатеть и стать миллионером.

С самого начала издания «Московского листка» определились жанры, которые и в дальнейшем культивировались в газете: исторический, бытовой и сенсационный роман, нравоописательная юмористическая сценка, фельетон, юмористические стихи.

Основным и постоянным (с первого до последнего года издания) поставщиком бытовых романов был *Алексей Михайлович Пазухин* (1851—1919), происходивший из старинного, но обедневшего дворянского рода. Под влиянием распространенных в 1860-е гг. представлений о необходимости служения народу он ушел из Ярославской гимназии, в которой учился, выдержал экзамен на звание народного учителя и восемь лет учительствовал в селах Ярославской губернии. В 1872 г. Пазухин начал печататься в столичных газетах и журналах, в 1876 г. стал чиновником особых поручений при ярославском губернаторе. Сильно нуждаясь, надежды на улучшение своего материального положения он связывал с литературными гонорарами. В своем дневнике он писал в 1878 г.: «Литература — вот мой меч, с которым я должен биться с чудовищем — нуждой!»²⁸⁵ В 1881 г. Пазухин переехал в Москву и начал работать в «Московском листке», где напечатал более 50 больших романов, не считая многочисленных рассказов и сенок. Он «имел свою, ценившую его как занимательного рассказчика аудиторию. Эта аудитория покупала газету в строго определенные дни, когда печаталось продолжение его романов»²⁸⁶. В романах Пазухина, действие которых происходит, как правило, в купеческой или мещанской среде, обычно воспеваются тихая семейная жизнь и верная любовь, а угрожающая им тяга к «красивой жизни», деньгам и удовольствиям подвергается осуждению («Буря в стоячих водах», «После грозы», «Драма на Волге», «Бархатные дамы», «Вторая весна», «Заря новой жизни» и др.). Мелодраматизм, хорошее знание быта, простота и увлекательность рассказа, наконец, «мягкий всепримиряющий свет теплого оптимизма»²⁸⁷, неперенный счастливый конец обеспечивали романам Пазухина широкую популярность. До революции было экранизировано 14 произведений Пазухина — больше, чем у любого другого современного писателя²⁸⁸.

Юмористико-бытовые романы печатал в «Московском листке» И.И. Мясницкий (Барышев, 1854—1911), который больше был известен как автор юмористических сенок.

Большой популярностью у читателей пользовался сенсационный («уголовный») роман, изображающий преступления, махинации, «темные дела». Пазухин нередко обращался к этому жанру, либо вводил его элементы в свои книги. Однако основным поставщиком подобных романов для газеты был не он. Сам издатель газеты, Н.И. Пастухов, в 1882—1885 гг. опубликовал в ней свой роман «Разбойник Чуркин». Умело объединив традиционный для фольклора и лубочной литературы сюжет о «благородном» разбойнике и репортерски точные описания недавних реальных событий (использовав подлинное следственное дело Чуркина), Пастухов «сделал из этого вполне заурядного преступника народного героя»²⁸⁹, что обеспечило роману неслыханную популярность.

Согласно имеющимся воспоминаниям, «в 1884—1885 годах рабочие с интересом читали бесконечный разбойничий роман о походе разбойника Чуркина, который печатался в “Московском листке”»²⁹⁰, «в глазах фабричных Чуркин — “добрый” разбойник и разудалый парень. Он шел против хозяев, мстил им за обиженных и не трогал бедных»²⁹¹. Рабочий-революционер П.А. Моисеенко использовал интерес рабочих к этому роману для антибуржуазной пропаганды²⁹². Успех романа в народной среде привлек к нему внимание прессы, появились публикации, где отмечалось «развращающее» его влияние на «фабричный класс»²⁹³. Вскоре (25 февраля 1885 г.) обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев в письме начальнику Главного управления по делам печати писал: «Вам, конечно, известна полемика, возникшая в газетах по поводу “Разбойника Чуркина” и проч. пастуховских изданий <...>. Кажется, стоило бы подумать о средствах к ограничению распространения и публичной продажи таких изданий?»²⁹⁴ В результате, после полученных от властей указаний, в марте 1885 г. Пастухов вынужден был прервать публикацию романа в газете. Уголовные романы в «Московском листке» печатали также М. Рудниковский (Былов), А.И. Соколова, А.А. Соколов и др.

Типичными для «малой прессы» литераторами были также Д.С. Дмитриев и Н.Э. Гейнце. *Дмитрий Савватиевич Дмитриев* (1848—1915) был сыном состоятельного купца, торговавшего красным деревом и скобяным товаром. Воспитывая его в строго религиозном духе, отец не позволил Дмитриеву поступить в гимназию.

Читать и писать обучила его монашенка из Рождественского монастыря. В детстве «исторические романы <...> были моим излюбленным чтением, <...> Карамзин, Булгарин, Зотов, Загоскин, А. Толстой и Лажечников были мною прочитаны по нескольку раз», — вспоминал он впоследствии²⁹⁵. В юности Дмитриев помогал отцу в торговле и активно занимался самообразованием. После разорения и смерти отца он поступил в 1870 г. писцом в библиотеку Московского университета, где прослужил более пятнадцати лет, много читал и посещал лекции профессоров, в том числе С.М. Соловьева. В конце 1870-х гг. он начал печатать рассказы и сценки в газетах и тонких журналах, а с конца 1880-х гг. публиковал в основном исторические романы и повести в «низовых» газетах («Новости дня», «Русское слово», «Голос Москвы» и др.). В многочисленных (более 50) романах и повестях Дмитриева, написанных под влиянием не только упомянутых выше авторов, но и более близких ему по времени Е. Салиаса и Вс. Соловьева, нашли свое отражение практически все ключевые события русской истории: от крещения Руси до Отечественной войны 1812 г. (Князь Владимир Красное Солнышко. М., 1899; Иван Мазепа. М., 1899; Два императора. М., 1896; Великолепный князь Тавриды. М., 1897; Русские орлы. М., 1891, и др.). Написанные в монархическом духе, они представляли собой иллюстрации к официальной историографии.

Поставщиком исторических и сенсационных романов в петербургские газеты был *Николай Эдуардович Гейнце* (1852—1913). Сын немецкого чеха, учителя музыки, и костромской дворянки, он в 1875 г. окончил юридический факультет Московского университета и после недолгой адвокатской практики поступил на службу в Министерство юстиции, а с 1885 г. занимал должность товарища прокурора Енисейской губернии. В 1886 г. он вышел в отставку и стал профессиональным литератором. С 1888 по 1899 г. постоянно печатался в газете «Свет», потом, до конца жизни, — в «Петербургской газете». Всего ему принадлежит более 60 романов, в том числе исторические: «Аракчеев» (СПб., 1893), «Князь Тавриды» (СПб., 1895), «Генералиссимус Суворов» (СПб., 1896) — и сенсационные: «В тине адвокатуры» (СПб., 1893), «По трупам» (СПб., 1895), «Герой конца века» (СПб., 1896) и др.

Хотя Гейнце определял жанр своих книг как «роман-фотография» и утверждал, что в них «отсутствует кисть художника — это исключительно работа фотографа, и даже фотографа-любителя, выпускающего из своей мастерской отпечатанные снимки без ретуши»²⁹⁶, однако на деле он всегда оформлял документальный ма-

териал по законам мелодраматической поэтики, разделяя героев на благородных и злодеев и нагнетая страсти до предела. В своих исторических романах он использовал не только научные труды, но и ранее написанные на ту же тему романы 1830—1840-х гг., нередко не брезгуя плагиатом. Критики находили в его книгах «что-то грубое, несуразное, глубоко-лубочное», отмечая в то же время, что «это — умственная пища всего низшего слоя российских читателей»²⁹⁷.

И это действительно было так. Для получившего лишь начальное, очень фрагментарное образование читателя из городских низов «малая пресса» была «окном» в мир, в окружающую современную жизнь и в прошлое. Язык изложения, формы осмысления происходящего, предлагаемые авторами «малой прессы», соответствовали уровню запросов своих читателей. В результате к концу XIX в. газета получает широкое распространение во всех слоях городского населения, даже среди рабочих. По воспоминаниям, «“Петербургский листок” усиленно распространялся в рабочей среде»²⁹⁸, «в пекарнях — не все, конечно, но многие — уже пристрастились к газетам. Но какие газеты обычно покупали? “Петербургский листок” и “Петербургскую газету”, которые почти все называли “Петербургский враль” и “Петербургская сплетница”»²⁹⁹. У московских рабочих были популярны «Московский листок», «Русское слово»³⁰⁰. По данным проведенного исследования, в 1899 г. на ситценабивной фабрике в Москве 19,2% рабочих-мужчин читали газеты, причем половина их делали это постоянно. Среди читателей газет 11% выписывали их единолично, 10% выписывали (или ежедневно покупали) один экземпляр на несколько человек, 20% брали по выходным у родных и знакомых, 10% покупали только по выходным дням, 19% читали иногда в трактирах и т.д. Среди читаемых газет были «Московский листок», «Московские ведомости», «Курьер», «Новое время», «Новости дня», «Русское слово», «Русские ведомости», «Русский листок», «Неделя» и «Ведомости московской городской полиции»³⁰¹.

Если в городе газета довольно быстро расширяла сферу своего влияния, то на селе ее судьба складывалась гораздо драматичнее. В 1860-х гг. она совершенно не читалась в крестьянской среде. Сошлемся на свидетельство известного прозаика А. Левитова, в рассказе «Газета» сатирически изобразившего попытку распространить газету в деревне. Попытка эта терпит крах, несмотря на давление властей, поскольку крестьяне, которые почти поголовно неграмот-

ны и, кроме того, не способны понять газету, отказываются покупать ее³⁰². Только с конца 1870-х газета постепенно начала проникать и в деревню. Но здесь процесс приобщения к ней шел очень и очень медленно, причем причина этого заключалась не только в низком уровне грамотности крестьян (как будет показано ниже, в деревне практиковались коллективные читки и интересующие эту среду тексты имели широкую аудиторию). Основным препятствием в распространении газеты было резкое различие образа мира, предлагаемого газетой, и крестьянского образа мира. Крестьяне жили в рамках циклически повторяющегося времени (годовой природный цикл), символически воспроизводящего вечный божественный мировой порядок, а пространственно круг их интересов замыкался на собственные общину и семью. Характерно, что одной из немногих широко распространенных в крестьянской среде книг был календарь, охватывающий (и даже предсказывающий) события года (подобный календарь включал также многочисленные сведения хозяйственного, медицинского и т.п. характера и служил универсальным справочником). Последняя треть XIX в. отмечена (после отмены монополии Академии наук на их издание) появлением большого числа разных календарей, издававшихся большими тиражами («Крестный календарь» А.А. Гатцука, «Русский календарь» А.С. Суворина и др.). Метафорически можно сказать, что календарь был функциональным эквивалентом газеты в крестьянской среде.

Газета же по своему взгляду на мир резко отличалась от мировоззрения крестьян, она интересовалась не вечностью, а актуальной современностью, событиями текущего дня. Зато, резко сузив временной охват, она предельно расширила пространственные рамки, отражая события в жизни других стран и народов. Газета, циркулирующая в среде образованных слоев, была просто неинтересна крестьянскому читателю. Даже в конце XIX в. наблюдатели отмечали, что «старики же и пожилые, будучи менее грамотны, совсем не интересуются газетой, веря в свою святую старину, когда и безо всяких затей жилось»; «многие крестьяне считают газету за выдумку, говорят, что это не божественное <...>». Один из крестьян писал о газете: «Я вот старый человек и желал бы читать для спасения души»³⁰³.

Лишь с постепенной ломкой традиционного крестьянского мировоззрения создавалась почва для проникновения газеты в деревню, а ускорителями этого процесса служили события во внешнем мире, затрагивающие интересы крестьян. Так, росту интереса

к газете в деревне послужила Русско-турецкая война 1878—1879 гг. (следует отметить, что война вообще всегда усиливала в России интерес к газетам). По свидетельству современного наблюдателя, «газетное дело процветало в последнюю войну, и главными виновниками процветания были крестьяне, которые тогда во множестве становились чтецами и даже подписчиками газет»³⁰⁴. Однако выписывали газеты в деревне в этот период единицы — либо зажиточные крестьяне, занимавшиеся торговлей и ремесленничеством, либо трактирщики. Исследователь первой половины 1880-х гг. отмечал, что «выписывание газет трактирами и чтение их здесь (в Московской губернии. — *А. Р.*) сельскою публикою представляет собой явление новое, почти не встречавшееся 5—10 лет назад. Содержатели трактиров и питейных заведений подметили, что мужик начал интересоваться чтением, что у него возникает потребность в этом чтении; вместе с тем они уразумели, что удовлетворить эту потребность собственными средствами он не может, а потому и порешили давать ему духовную пищу даром и тем привлекать к более частому посещению своих заведений и более продолжительному пребыванию в них»³⁰⁵. Тем не менее крестьяне медленно приобщались к чтению газет. В конце 1880-х гг. житель одного из сел Воронежской губернии сообщал, что «газеты и журналы местные крестьяне видели издали и имеют о них такое понятие — что “они с картинками, на больших листах”, что в них “про войну пишут”, о чем нередко и любопытствуют»³⁰⁶.

С целью идеологического воздействия на крестьянство, пресечения слухов и неверных трактовок указов правительство с 1881 г. начинает выпускать еженедельную газету «Сельский вестник», бесплатно рассылавшуюся по всем волостным правлениям. Газета печатала правительственные распоряжения, поучения священников, статьи по сельскому хозяйству и ремеслам, ответы на вопросы и многочисленные письма крестьян³⁰⁷.

«Сельский вестник» совмещал в себе традиционные газетные черты (текущая информация) и элементы крестьянской книжности (в первые годы он помещал на своих страницах жития святых и описания монастырей, потом регулярно печатались «поучения» священников). Благодаря дешевизне (1 р. в год), возможности получить совет (ответы на вопросы давались только подписчикам) и освещению крестьянской жизни в письмах, «Сельский вестник» постепенно стал приобретать известность в крестьянской среде.

В 1881 г. у него была 1 тыс. платных подписчиков, а в 1900 г. — 70 тыс.³⁰⁸. Выписывали «Сельский вестник» состоятельные крестьяне, как правило — торговцы. Они ценили газету за дешевизну и за то, что «понятно все в этой газете пишется»³⁰⁹ (Воронежская губерния, конец 1880-х гг.). Сельский учитель Пермской губернии отмечал в начале 1890-х гг., что «Сельский вестник» «пользуется в среде крестьян большой популярностью, так как в нем сообщается много полезных и интересных для них сведений»³¹⁰. Крестьянин Рязанской губернии писал о том, что «Сельский вестник» читают многие, «потому что там сообщается много интересных сведений и полезных в крестьянском быту. Печатаются и поучения, проповеди, которые читаются с одинаковым интересом как старыми, так и молодыми» (начало 1890-х гг.)³¹¹. Крестьяне считали, что «в нем все есть, со всех концов нашей Руси пишется и что тебе надо: проповеди, о царе-батюшке, о нашей земле, об урожаях, ценах, о торговле, о законах, также и происшествия печатаются и много чего из деревень о хозяйстве. А написано-то складно, да ладно, по-нашенски, а не по-городскому», «если деревенский читатель особенно дорожит “Вестником”, то главным образом потому, что первая страница каждого его номера посвящена “божественному”»³¹². Имеются свидетельства, что наибольшей популярностью из числа публикаций газеты пользовались материалы, посвященные внутренней жизни страны, особенно сообщения деревенских корреспондентов³¹³.

В конце XIX в. Вятское губернское земство, с 1894 г. выпускавшее для крестьян «Вятскую газету», провело опрос читателей с целью выяснить интерес к этому изданию. Ответы, полученные от почти полутора тысяч крестьян, дали богатый материал для характеристики бытования газеты в крестьянской среде³¹⁴. Оказалось, что отношение крестьян к газете во многом определяется идеологическими конфликтами в этой среде, а нередко и сама газета является источником и стимулятором этих конфликтов. В «Вятской газете» много места уделялось описанию различных сельскохозяйственных и ремесленных нововведений, старшее поколение деревни отрицательно относилось ко всей этой информации, а сельская молодежь нередко выступала в ее защиту: «Старики закоренелые, неграмотные, часто ругают, когда читается что-либо о нововведениях, напр., о севообороте»³¹⁵; «Когда начнешь из газеты читать о сельском хозяйстве, старики говорят: “Нам нечего слушать, нам это не рабо-

тать, нам клевер не сеять. Раньше этого не было, да жили же, нынче все пошло не по-прежнему: какие-то сохи разные пошли — и хлеб от того не стал родиться». Потом возьмутся молодые люди оспаривать старых, прямо их называют дураками: «Что вы болтаете, разве земство станет напрасно заботиться; надо всегда благодарить земство — оно делает, как для народа лучше — это все было у них на практике, все узнано...» Конечно, молодые люди не могут переспорить отцов; они бы и рады все сделать, да отцы не позволяют» (с. 38—39). Однако главы семей (отвечавшие называли их пожилыми), значительная часть которых прошла через земскую школу, иногда проявляли интерес к сельскохозяйственному отделу газеты: «Больше всех газету читают молодые, но они мало обращают внимания на хозяйственные советы. Пожилые очень интересуются “новым” сельским хозяйством и постоянно слышишь: “на деле бы показать нам все это”»; «Подросткам нравится больше литературный отдел, а взрослым сельскохозяйственно-ремесленный».

Опрос показал, что в ряде сел, где был низок уровень грамотности, газета почти не читалась. Прочитируем, например, следующее свидетельство: «Были случаи: приношу я газету в общество и говорю: “Кто желает почитать «Вятской газеты»”. Одни говорят: “Читай сам, сколько хочешь”, а другие говорят, что эта газета только идет тому, кто не занимается крестьянством, у него работы нет, а нам не до этого — только бы как-нибудь прокормиться со своим семейством...» (с. 64). Однако в других местах, сильнее приобщенных к городской культуре, газета уже вошла к этому времени в быт, о чем свидетельствуют следующие высказывания: «В нашей деревне состоит читателей газеты две трети» (с. 50), «Один номер газеты переходит из рук в руки; каждый рад тому, что получил газету. Если доведется кому прочитать, то несколько времени все рассказывает, как будто бывалый, и его все слушают и говорят, что он рассказывает правду, “читает ведь газету”» (с. 50), «Бывало когда праздником соберутся, сидят и говорят: “Ну-ка, неси-ка газету — какую-нибудь новость почитаем”, и тогда некоторые читают, а остальные удивляются таким способным штукам» (с. 58).

Сделав на основе данных опроса примерные расчеты числа читателей и слушателей «Вятской газеты», автор публикации пришел к выводу, что в той или иной степени с ее содержанием знакомится более четверти крестьянского населения губернии (с. 50). Самыми активными читателями были молодые жители села, а также крестьяне, занимавшиеся ремеслами, и отставные солдаты. Наи-

большой интерес в газете вызывали публикации по сельскому хозяйству и ремеслам, рассказы и исторические очерки, информация о хозяйственной жизни страны. Читатели сетовали, что в газете мало пишут о различных несчастьях: пожарах, неурожаях, убийствах, крушениях поездов и т.п. (по этому поводу отмечалось, что «печальные статьи очень нравятся») (с. 74). Аналогичные предпочтения сельских читателей зафиксировали и исследователи начала 1880-х гг. в Московской губернии: «Сельским читателям в газетах больше всего нравятся известия о различных происшествиях, убийствах и вообще о всем том, что происходит в России. Статьи и известия по иностранной политике или вообще не читаются, или читаются отрывочно и без достаточного понимания»³¹⁶.

О темпах приобщения крестьян к чтению газет дают представление следующие данные. В 1860-х гг. в слободе Мстера Владимирской губернии вообще не выписывались периодические издания, в 1872 г. проживающие там крестьяне получали 12 экз. газет и тонких журналов, а в 1888-м — почти в 5 раз больше (57 экз.)³¹⁷. В 1883 г. крестьяне Московской губернии выписывали всего 350 экз. различных периодических изданий, причем половина приходилась на трактиры (к числу наиболее популярных принадлежали «Московский листок», «Русские ведомости», «Современные известия», «Сельский вестник»)³¹⁸. В 1905 г. там же по неполным данным выписывалось уже 1395 экз., причем без учета чайных лавок (в среднем на одно село теперь приходилось 2,5 экз.). Чаше всего крестьяне подписывались на «Русское слово», «Сельский вестник», «Русский листок», «Сын отечества», «Московский листок»³¹⁹. Помимо индивидуальной подписки источником получения газеты служила сельская интеллигенция (учителя, врачи и т.п.), подписка всем селом или, чаще всего, чайные лавки. Один из крестьян сообщал: «В нашем селе почта получается 3 раза в неделю, и каждый почтовый день крестьяне собираются в трактир, дожидаясь послушать чтения газет. В рабочее время, бросая даже полевую работу, бегут узнать, что нового в газетах»³²⁰.

Такой острый интерес к газете возник после начала Русско-японской войны и обострения политической борьбы в стране. С.Я. Елпатьевский писал, что в 1905 г. «проснулась громадная, ненасытная жажда печатного слова в деревнях <...>. Это время нужно считать началом проникновения газет в деревню. Кое-где в деревнях складывались три-четыре двора и выписывали московскую или петербургскую газету»³²¹.

Обобщая эти и другие имеющиеся данные, можно прийти к выводу, что в предоктябрьское десятилетие газеты входят в быт деревни, значительная часть мужского населения посредством самостоятельного чтения или присутствуя на коллективных читках знакомится с их содержанием. Это свидетельствовало о серьезных переменах в крестьянском мировоззрении, о переориентации на современность и городскую культуру.

Глава VIII

КНИГА И КРЕСТЬЯНИН: ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ЧТЕНИЮ

Крестьяне составляли в России во второй половине XIX в. подавляющее большинство населения, и от их отношения к чтению зависели масштабы распространения и воздействия печатного слова. В 1850-х гг. читатели в крестьянской среде были редким исключением, к началу XX столетия на селе сформировалась значительная по численности читательская аудитория. «Укоренение» чтения в крестьянском образе жизни означало, что старые, привычные формы коммуникации перестали полностью удовлетворять крестьян, у них возникла потребность в новых формах, распространенных в городской среде.

Для понимания процессов распространения чтения недостаточно описать такие явления, как повышение уровня грамотности, создание «народных библиотек» и т.п., необходимо также проанализировать изменение отношения к чтению в «народной» среде. В связи с этим целесообразно вначале остановиться на этапе формирования письменности на Руси, так как именно в этот период сформировались многие установки, определившие отношение к чтению широких слоев населения в течение последующих сотен лет.

Славянская письменность была создана в IX в. византийцами Константином и Мефодием по поручению правительственных кругов, которые надеялись тем самым добиться большей эффективности миссионерской деятельности среди славянского населения империи и пограничных стран³²². Она создавалась для славян Великой Моравии, была приспособлена затем для болгар, а от них была перенесена в X в. византийскими и болгарскими миссионерами на Русь.

Письменность служила на Руси в этот период для пропаганды христианского вероучения, которая осуществлялась на чужом (хотя в определенной степени понятном) древнеболгарском языке. Использование чужого языка способствовало, с одной стороны, «сакрализации» христианских текстов — противопоставляло их бытовой сфере, с другой — формированию отношения к письменности и чтению как к явлениям чужим, инокультурным. В результате в культуре возникла диглоссия, дополнительное распределение функций между языками, каждый из которых действовал в определенной сфере. Был язык русский — устный, профанный, бытовой, некодифицированный, и был язык церковнославянский — письменный, сакральный и нормированный³²³.

Вскоре появились тексты, представляющие собой письменную фиксацию устных форм речи (в сферах права и торговли), религиозные же тексты писались только на церковнославянском (то есть литературном) языке³²⁴.

Сакральный текст по нормам того времени нельзя было перевести на русский язык, а бытовой текст — на церковнославянский. Читать и писать учили только на церковнославянском. Таким образом, чтение было связано первоначально с сакральной сферой³²⁵.

В этот период под чтением понималось прежде всего определенное действие, являвшееся компонентом религиозной обрядовой практики и связанное с произнесением вслух священного текста. Обучение чтению велось по Псалтыри, то есть по части Библии, содержащей псалмы царя Давида (начало этой традиции было положено еще в Византии, не позднее IX в.)³²⁶, при этом тексты заучивались наизусть и неоднократно повторялись вслух. По сути дела, умение читать и означало тогда умение читать религиозные тексты. То, что чтение происходило на чужом языке, способствовало «вырыванию» текстов из бытового ряда. Чтение имело, таким образом, ритуально-магический, чуждый нормальному жизненному поведению характер.

Книги читали только духовные лица и немногочисленные представители социальных верхов (князья и их приближенные). Переписывались и читались в основном богослужебные книги, творения отцов церкви, жития святых (среди более чем 130 рукописных книг XI—XII вв., сохранившихся до нашего времени, около 80 богослужебных)³²⁷. Лишь немногие произведения в репертуаре чтения древнерусского книжника носили светский характер (хроники, исторические повести, сборники изречений), но и они служили, как правило, формированию христианского мировоззрения, предлагая соответствующую концепцию всемирной истории и мироустройства. «Развлекательного» чтения, беллетристики на Руси не было вплоть до конца XVI в.

Владение грамотой и использование ее в функциональных целях (в административном управлении, дипломатии, судопроизводстве, торговле и т.п.) было довольно широко распространено в городах, но восприятие подобных практических записей в средневековой Руси не считалось подлинным чтением.

Необходимо, следовательно, различать чтение как техническое умение и чтение как содержательное, имеющее высокий культурный статус действие. Грамотным в начале XIII в., по весьма оптимистическим подсчетам Б.В. Сапунова, был 1% населения Руси. Верхнюю границу грамотности (5%) можно полагать, если исходить из уровня грамотности, характерного для такого большого торгово-промышленного города, как Новгород³²⁸. Крестьянство было практически неграмотным. В этой среде чтение воспринималось как нечто экстраординарное, как попытка профана прикоснуться к сфере сакрального, и подобное отношение к чтению сохранилось надолго.

Столь подробный экскурс в начальный период распространения чтения на Руси был необходим в силу того, что принципиальных изменений в характере распространения чтения и его социальных функциях не происходило затем в течение нескольких сотен лет. Татаро-монгольское завоевание повлекло за собой снижение темпов социально-экономического и культурного развития Руси. По всей вероятности, уровень грамотности в XIV—XV вв. не превышал достигнутого в период XI—XIII вв., а к XVI — началу XVII в. вырос ненамного, составив 8—10%³²⁹. Читателей книг до середины XVII в. одновременно было, по-видимому, не более нескольких тысяч.

Лишь в XVII—XVIII вв., с ускорением социально-экономического, политического и культурного развития страны, читательская

аудитория начинает быстро расти³³⁰. Теперь представители дворянского сословия для успешного выполнения своих обязанностей должны быть грамотными и образованными, что предполагает обращение к соответствующим книгам и их чтение. Функции чтения книг существенно изменились: с расширением числа читателей, с ростом их специализации все большую часть читаемого начинают составлять светские книги, фиксирующие различные нормы социального поведения и обучающие им, — научная и техническая, дидактическая, художественная (с сильным дидактическим акцентом) литература. Можно утверждать, что к началу XIX в. чтение получило широкое распространение в дворянской среде. Но на долю дворянства, духовенства, чиновничества и других неподатных сословий в XVIII в. приходилось лишь 6% населения. Подавляющее большинство населения составляли крестьяне (90%)³³¹, оставшиеся, за редкими исключениями, сплошь неграмотными.

Традиционная религиозно-мифологическая картина мира, синтезировавшая пережитки языческих верований и элементы христианского вероучения, передавалась в устной форме, усваивалась в повседневном общении с окружающими. Трудовая деятельность, основанная на воспроизведении давно сложившихся форм натурального ведения сельского хозяйства, не допускала рационализации, а значит, и обращения к чтению соответствующей литературы с целью технологических нововведений, оптимизации торговли и т.п. Крестьянину чтение практически не было нужно. Как показывает анализ воспоминаний крестьян, и в первой половине XIX в. большинство крестьян считало, что книги существуют не для них; что им нужно работать, а не читать. Приведем ряд характерных цитат: «...отец частенько тузил меня (автору было 13 лет. — *А. Р.*) за то, что я трачу время на пустяки, на чтение каких-то глупых книг, вместо того, чтобы заниматься делом» (1818 г., сын крепостного)³³²; «в лавке (отца. — *А. Р.*) я читал украдкой; я уже слышал не раз, что я — батюшке не помощник! — все “в книжку читаю”. <...> Ровесники при ссорах прямо тыкали мне в глаза книгами — “мы книжек не читаем, нам нужно хлеб зарабатывать”» (начало 1850-х гг., сын крепостного)³³³; «Выучился читать я сам, когда уже был взрослый и женатый <...>. Учиться приходилось потихоньку от отца с матерью, потому что родители были грозные и не позволяли мне заниматься такими, по их мнению, пустяками» (1860-е гг.)³³⁴.

У части крестьян такая установка сохранялась и позднее. Писатель С.П. Подъячев вспоминал, что в середине 1870-х гг. отец

(бывший крепостной), заметив, что он (в школьные годы) много читает, «стал сердиться и высмеивать меня, называя “профессором кислых шей”. Мать со страхом шептала мне, стараясь говорить как можно вразумительнее: “Что это ты, сынок-батюшка, читаешь все? Бросил бы ты это занятие, нехорошо! Не доведет тебя это до добра. Подумай-ка: ты ведь не барин какой. Спаси бог, до господ дойдет! Господа узнают, скажут: “Что такой у вас за сынок растет? Что он у вас, барчонок, что ли? Дворянский сын?” Нехорошо! Брось! Молись лучше царю небесному. Ходи как можно чаще в храм. Молитвы читай <...>. Книжки тебя не прокормят”»³³⁵.

Однако со второй половины XVIII в. грамотность (и, соответственно, чтение) начинает постепенно проникать в крестьянскую среду³³⁶. Это касалось, как правило, лиц, не занимающихся земледельческим трудом, — торговцев или ремесленников из крестьян, дворовых. Будучи маргиналами в крестьянской среде, в определенной степени «выпав» из традиционного сельского образа жизни, представители этих групп крестьянства нуждались в средстве обретения (или укрепления) своей «картины мира». Эту задачу они решали с помощью религиозных книг. Если большинство крестьян довольствовались знанием христианской доктрины, почерпнутым из слушания церковных служб и бесед с родителями, то представители указанных групп крестьянства сравнительно часто для подкрепления и углубления религиозной веры стремились самостоятельно читать Евангелие, Псалтырь, жития святых и другие религиозные тексты. Один из крестьян вспоминал в конце XIX в., что в годы его молодости Псалтырь был широко распространен в крестьянской среде — «по нем учились дети, его читали взрослые; в нем находили утешение во всех скорбях и во всех житейских превратностях; его же читают и теперь по покойнике. У крестьян веками сложилось понятие, что псалтырь боговдохновенная книга; он хранился как сокровище у образов, будучи переплетен в доски и кожу, с медными застежками, и переходил из рода в род как дорогое наследие»³³⁷.

Известный исследователь чтения С.А. Раппопорт отмечал, что народный читатель «часто считает самое чтение религиозной книжки богоугодным и душеспасительным делом», «механический процесс чтения получает для большинства народных грамотеев самоудовлетворяющее значение, и значение немаловажное, в отношении, главным образом, религиозном»³³⁸. Возникновение фигуры крестьянина-читателя привело постепенно к новой оценке читательства — общее негативное отношение к чтению в этой среде смени-

лось более сложным и дифференцированным. Теперь крестьяне подразделяли книги на хорошие, читать которые — благое дело, и плохие, никчемные. К числу первых относились, как правило, книги религиозные, к числу вторых — светские, и прежде всего — художественная литература. Светские книги воспринимались как вредные, сбивающие с праведного пути. Вот несколько свидетельств этого из сел разных регионов России: «Отцы часто бьют своих детей за то, что они вопреки запрещениям осмеливаются в их присутствии читать сказки <...> крестьяне более серьезного возраста их (сказок. — *А. Р.*) почти не терпят, называя при этом сочинителей их людьми “праздными” и “пустыми болтунами”» (Воронежская губерния, 1888 г.); «Крестьяне думают, что не божественные книги пишутся только досужими людьми, праздными, а не практичными, для забавы или для личной наживы и награды. Старики особенно сомневаются в современных гражданских книгах, написанных обыкновенными людьми, а не святыми, которым подсказывает ангел, когда они пишут» (Вятская губерния, начало 1890-х гг.); на селе говорят: «Божественное читать — это и для души спасенья польза, да и любопытно», а «побасенки, сказки — все это неправда, не бывало...» (Пермская губерния, конец 1880-х гг.)³³⁹. Вот типичные примеры преимущественного чтения религиозных книг в крестьянской среде: отец «не позволил читать без его назначения гражданские книги и заставил ежедневно упражняться в Священной истории, четьи-минеи и кафизмах, требуя в прочтенном изъяснения»³⁴⁰ (начало XIX в., сын крепостного-торговца). Один из крестьян, семья которого проживала в городской слободе и занималась ремесленным трудом, вспоминал, что уже в пятилетнем возрасте (1829) «мог читать книги церковной печати, обученный дедами-грамотниками. Все семейство состояло из грамотных и постоянно читало духовного содержания книги»³⁴¹. «Матушка моя, хорошо знавшая грамоту, постоянно читала дома вслух или жития святых, или Евангелие. Особенно сильное впечатление производило на меня чтение Страстей Господних. Я залезал под печь и горько плакал <...>. Каждую субботу перед иконами зажигались восковые свечи, и матушка читала вслух псалтырь, кафизмы и молитвы. Отец, мои старшие братья и невестки благоговейно молились» (1840-е гг. сын крепостного-торговца)³⁴². В конце 1870-х гг. крестьянин (отец мемуариста), большой любитель чтения, «раскладывал драгоценные ему книги, — все божественного содержания,

потому что прочие он презирал и называл их “заразительной чумою”»³⁴³.

Даже крестьяне, переехавшие в город и ставшие рабочими, в чтении нередко ограничивались религиозной литературой: «Пужинав, отец (рабочий крестьянского происхождения. — А. Р.) усаживался за чтение. Книги у отца были ценные и исключительно духовного содержания <...>. Над ними мы потели долгие годы, с отцом, из вечера в вечер читали, перечитывали их, и ум у нас заходил за разум, и казалось нам, что мы уже совсем не далеки от святыни» (1870-е гг.)³⁴⁴. «Религиозный дурман долго владел мною. Книги, которые мне попадали для чтения по приезде из деревни, были про святых и более всего различные церковные проповеди»³⁴⁵. «Меня охватывает религиозное настроение. Я зачитываюсь священной литературой <...>. Начал читать евангелие и библию» (начало XX в., фабричный рабочий крестьянского происхождения)³⁴⁶.

Подобное отношение к чтению поддерживалось представителями церкви. Они утверждали, что грамотный крестьянин «начнет дома читать разные молитвы, рассказывать о всех чудесах божиих, как мир начался, какие святые были, что значит каждый праздник, какие были цари православные на Руси, как в простом быту можно угодить Богу и великому государю, и быть счастливу»³⁴⁷, «научившись читать и понимать читаемое, ваши дети будут приобретать <...> познания — о том <...>, как спасти свою душу <...>»³⁴⁸. Призывая овладевать грамотой, религиозные деятели утверждали одновременно, что читать «пустые и вредные книги» означает «угождать сатане»³⁴⁹.

Пока к книге относились только как к транслятору религиозных ценностей, знаний о «праведном» пути, число читателей среди крестьян было невелико. Однако постепенно, особенно с ликвидацией крепостного права, старые патриархальные отношения в деревне начали рушиться. Как отмечает специалист по экономической истории России, «крестьянская реформа 1861 года сильно подорвала основы крепостничества и создала предпосылки для быстрого развития капиталистических отношений в деревне; основы барщинной системы хозяйства, с ее патриархальностью, замкнутостью вотчины, властью помещика над крестьянами, также были подорваны»³⁵⁰.

Как указывалось выше, чтение было тесно связано с городским образом жизни. Уровень грамотности горожан был сравнительно высок. Хотя из-за постоянного притока в города менее грамотно-

го сельского населения он рос низкими темпами, тем не менее, по переписи 1897 г., в городах было 45,3% грамотных. Коренные горожане были почти все грамотны: согласно материалам переписи населения Москвы 1902 г., среди коренных москвичей в возрасте 8 лет и старше грамотных было более 9/10 мужчин и 4/5 женщин, среди пришлого населения — менее 3/4 мужчин и 2/5 женщин³⁵¹.

Однако не только за счет роста численности городских читателей увеличивалась читательская аудитория страны. Урбанизационные процессы находили свое выражение не столько в росте городов (доля горожан увеличилась с 10% в 1861 г. до 15% в 1913 г.), сколько в проникновении городского образа жизни в сельскую среду. С широким развитием отходничества наряду со сравнительно небольшой по численности группой потомственных пролетариев и крестьянами, постоянно занятыми сельскохозяйственным трудом, образовалась многочисленная группа «промежуточных» лиц, которые, хотя и не порвали связи с деревней, возвращаясь туда на время полевых работ или в период спада на производстве, тем не менее в значительной степени приобщились к городской жизни. Подобная «маятниковая» миграция препятствовала росту численности слоя потомственного пролетариата, повышению культурного и образовательного уровня рабочих, но она же способствовала проникновению городской культуры в сельскую среду.

Перелом в отношении к грамотности в крестьянской среде был связан и с изменением форм обучения грамоте. Ранее, в XVIII и первой половине XIX в., подавляющая часть умеющих читать крестьян обучалась грамоте не в школе, а с помощью различных «мастеров» и «мастериц» (учителей-самоучек, обучавших на дому), священников и дьячков, грамотных родственников. В основе обучения лежало, как правило, механическое заучивание Часослова и Псалтыри (на церковнославянском языке)³⁵². В результате чтение не обязательно сопровождалось пониманием прочитанного. Более того, зачастую именно непонятность текста выступала в качестве показателя высоких его достоинств, мудрости и глубины. Характерны в этом плане слова, сказанные слугой И.А. Гончарову (1840-е гг.): «Если все понимать — так и читать не нужно: что тут занятого!»³⁵³

После школьной реформы 1864 г. и создания земств быстро стала развиваться сеть начальных школ в сельской местности. «Земства практически впервые положили прочное основание сельской народной школе в России»³⁵⁴. В земских школах дети обучались не

механическому, а осмысленному чтению, рассчитанному на понимание читаемого текста. Характерно, что учились теперь читать не по-церковнославянски, а по-русски. Обучение в земской школе приучало крестьян видеть сельскую жизнь как бы со стороны. Эту мысль афористично выразил один крестьянин, написавший в 1893 г., что «школа дает второе зрение, приставляет новые глаза, которыми можно видеть два мира»³⁵⁵.

В первой главе мы приводили данные о быстром росте числа учащихся и доли грамотных во второй половине XIX в. на селе. Можно утверждать, что именно в этот период в крестьянской среде произошел перелом в отношении к грамотности. И. Воронов показал, что если «20—25 лет назад большинство населения относилось к грамоте отрицательно или безразлично», то к концу XIX в., хотя и встречались лица, отрицательно относившиеся к грамоте («как в кармане пусто, так тут что грамотный, что неграмотный, почитай, все единственно», «грамота велико дело, а и без ней живемо»), а также лица, подчеркивавшие исключительно религиозное значение грамотности (грамота — «святое занятие», «божеское дело», она «Богу приятна», «научает божественному» и т.п.), их стало сравнительно мало. Большинство же составляли сторонники жизненной, практической полезности грамотности («теперь без грамоты трудно живется», «грамотному дороже платят на заводе, да он и место скорее получит, чем неграмотный», «мы выросли глупыми, а детей нужно грамоте учить, чтобы умными росли», «в нашем кутке ведь не у кого и совета спросить <...>, а грамоте знаешь — купи себе книжку, да и пользуйся ею»). В целом 88,4% опрошенных крестьян считали, что грамотность необходима всем (характерно, что 2/3 их были неграмотны), 8,9% безразлично относились к грамоте и всего 2,7% (в основном — старики) — отрицательно. При этом среди сторонников грамотности ее религиозно-нравственную роль отмечали лишь 13,3%, остальные подчеркивали ее значение для всестороннего совершенствования человека, облегчения жизни, материальной выгоды и т.п.³⁵⁶

Рост уровня грамотности создавал предпосылки для увеличения числа читателей на селе. Хотя в начале XX в., согласно многочисленным исследованиям земских статистиков, к чтению была приобщена небольшая в процентном отношении часть крестьян³⁵⁷, тем не менее здесь уже сложилась значительная по абсолютной численности читательская аудитория. Так, например, хотя сельскими биб-

лиотеками пользовалось, как будет показано ниже, лишь 2—3% сельского населения, это составляло по стране примерно 3 млн человек. Раскупаемая почти исключительно крестьянами лубочная литература выходила громадными тиражами, в 1892 г. было издано, например, не менее 4 млн. лубочных книг (и еще 2 млн книг для «народного читателя») ³⁵⁸.

Большое значение для воздействия городской культуры на село имело, наряду с преобразованием системы школьного образования, и развитие издательской деятельности, ориентированной на крестьян. С начала 1860-х гг. стали широко издаваться книги, предназначенные «народному читателю». Стимулирующее воздействие на распространение чтения в крестьянской среде оказал также рост числа библиотек в сельской местности.

Все названные факторы (отходничество, земская школа, издание «книг для народа», рост числа библиотек) способствовали приобщению крестьян к городскому образу жизни, что находило свое выражение и в изменении содержания чтения. Пока традиционный уклад оставался неприкосновенным, не менялся и круг чтения. В.И. Орлов подчеркивал, что «крестьяне, преимущественно занимающиеся земледелием и живущие в глухих местностях, <...> склонны к чтению книг религиозного содержания» ³⁵⁹.

Но с распространением образцов городской культуры все большую роль начинает играть светская литература. Как отмечал И. Воронов, «старые люди и не учившиеся в школе читают преимущественно книги религиозного содержания; молодежь, не отказываясь от книг религиозных, с удовольствием читает рассказы из русской истории, географии, сельскохозяйственные книги, повести, рассказы и др.» ³⁶⁰.

Вот почему в сельских библиотеках, которыми пользовалась преимущественно молодежь, на первом месте, согласно исследованию В.П. Вахтерова, по числу требований шла художественная литература (46,5%), на втором — религиозная (31%), на третьем — историческая и биографии (15%) и на четвертом — по естествознанию и народному хозяйству (7%) ³⁶¹. Близкие по характеру данные получил В.В. Девель, обследовавший сельские «народные библиотеки» (художественная литература — 50% требований, религиозная — 22%, историческая — 15%, научная — 13%) ³⁶².

Новая книга попадала в деревню из города прежде всего благодаря рабочим фабрик (где иногда были библиотеки), которые давали читать книги родственникам и друзьям в деревне. Исследова-

тели фиксировали, что «в более промышленных уездах мы видим книги лучшего содержания, чем в уездах землевладельческих», что «много книг приносится в деревню отхожими промышленниками», то есть крестьянами, уходящими на отхожие заработки³⁶³.

В городе, в рабочей среде, формируется в эти годы новое отношение к книге. Недавние мигранты из деревни, составлявшие значительную часть городского населения, постепенно отходили от традиционных сельских форм трансляции культуры. С секуляризацией мировоззрения и ростом религиозного индифферентизма для все большего числа горожан «мироустроительную» функцию начинает выполнять книга, «конструирующая» для своих читателей образ мира. Именно на этой стадии происходит существенный сдвиг в отношении к книге. Постепенно укрепляется точка зрения, согласно которой основным, наиболее достоверным источником знаний о закономерностях устройства мира является печатное слово. Для большинства читателей в функции подобного «мировоззренческого» чтения выступают теперь художественная литература (прежде всего — роман) и исторические книги. Однако формируется и значительная по численности группа низовых читателей, обращающихся главным образом к научной, научно-популярной и публицистической литературе (в том числе и к подпольным, революционным книгам). Характерны в этом плане следующие типичные для конца XIX — начала XX в. высказывания крестьян. Один из них писал: «Хочется знать, что и откуда произошло и с чего взялось. К примеру сказать: живем мы, а так ли и раньше жили все, и к чему мы сейчас должны устремляться»³⁶⁴. Сходный мировоззренческий интерес встречаем мы и у другого крестьянина, который пишет: «Я — крестьянин, 35 лет, образование получил в начальной народной школе, но имею звание начального народного учителя <...>. Главное мое занятие — крестьянское сельское хозяйство, которым я занимаюсь лишь в летнее время, а в зимнее отдаю исключительно умственному труду <...>. Все мое внимание обращено на созидание и выработку натурального философского мировоззрения...»³⁶⁵ Третий, характеризуя основы подобной жизненной установки, отмечал, что «жизнь бессознательная, инстинктивная, не есть жизнь человека — не знать, зачем живешь, не знать себя и других, не знать нормальных законных обязанностей по отношению к другим и себе, не выработать высокого нравственного устоя, значит не быть способным к жизни, не иметь права называться человеком. А так как я хочу

жить, хочу быть полезным, честным — поэтому должен учиться, так как одно образование может дать все это»³⁶⁶.

Подобный «познавательный» подход к чтению исходил, как правило, из убеждения, что если раньше научными знаниями обладали только люди «верхних» классов, то теперь трудящиеся должны сами получать их из книг. Рабочий-революционер вспоминал, что в 1870-е гг. отец, старый николаевский солдат, говорил ему: «Трудящимся беднякам нужно пробиться к знанию, а там они построят новую жизнь». Сам он самоучкой выучился читать; читал запоем, по всем вопросам³⁶⁷. Дед М. Горького поучал внука: «Мы не баре. Учить нас некому. Нам надо все самим понимать. Для других вот книги написаны, училища выстроены, а для нас ничего не поспело. Все сам возьми <...>»³⁶⁸. А.С. Шаповалов, рабочий, участник революционного движения, вспоминал, что для него «чтение, особенно научных книг, являлось очень трудной работой. Лишь сознание, что пролетариат, чтобы добиться своего освобождения от ига капитализма и установить социалистический строй, должен овладеть знанием, заставляло меня (и я замечал то же и в других рабочих) делать большие усилия над собой, чтобы принуждать себя заниматься умственной работой и усиленно читать»³⁶⁹.

В результате отмеченного выше интенсивного «обмена» населением между городом и деревней подобная установка на чтение быстро распространялась в крестьянской среде. На селе, наряду с издавна существовавшим религиозным начетчиком, сформировался новый тип — «начетчик» нерелигиозной литературы, мировоззрение которого базировалось на знаниях, почерпнутых из научных, научно-популярных и художественных книг.

Если представителей названных двух читательских типов было довольно много в конце XIX — начале XX в. в крестьянской среде, то представители третьего, лишь начавшегося формироваться в этот период читательского типа были весьма малочисленны. Они ориентировались на утилитарную, «практическую» книгу, помогающую «рационально» вести свое хозяйство. Несмотря на малочисленность, именно представителям этого типа читателей принадлежало будущее.

Подведем итоги нашего рассмотрения. Во второй половине XIX — начале XX в. в ходе ломки патриархальных отношений в деревне и постоянного приобщения крестьян к городскому образу жизни интенсивно идет процесс проникновения печатного слова в сельскую среду. Отношение крестьян к грамотности и чтению бы-

стро меняется. Если раньше они считали чтение делом бесполезным, ненужным для себя, то теперь почти все они убеждены в полезности чтения. Однако если приобщение к грамоте вызывается чаще всего утилитарными мотивами, соображениями практической пользы, то чтение книг в этой среде свойственно немногим крестьянам и обусловлено, как правило, причинами мировоззренческого характера.

Те, кто ощущал кризис традиционного религиозного мировоззрения, стремились либо укрепить свое миропонимание путем чтения нравственно-религиозной литературы, либо найти ему замену в светском взгляде на мир (художественная, научно-познавательная литература и т.п.). Хотя читатели в рассматриваемое время составляли меньшинство сельского населения, однако чтение тем не менее из экстраординарного явления стало достаточно обыденным занятием в крестьянской среде.

Глава IX

ЛУБОЧНАЯ КНИГА И КРЕСТЬЯНСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ

В пореформенный период с усилением отходничества, введением всеобщей воинской повинности, развитием земской школы довольно быстро стали расти численность грамотного сельского населения и объем крестьянской читательской аудитории. Новым читателям нужен был материал для чтения. Образованные культурные слои (в лице самых различных их представителей: правительство, церковь, консерваторы, либералы, революционные демократы) пытались создать «книгу для народа», организовав выпуск различных книг и периодических изданий, однако в силу различных причин успешной эта деятельность стала только со второй половины 1880-х гг. До этого времени «книга для народа» занимала ничтожное место в крестьянском чтении. Гораздо более близкой сельскому населению была довольно развитая к тому времени низовая городская литература, которая, претерпев ряд изменений (не носивших принципиального характера), «спустилась» еще на одну «ступеньку» и стала излюбленным чтением деревенского читателя.

В интеллигентной среде подобную книгу было принято именовать «лубочной» (сами крестьяне обычно не называли ее так). Ге-

незис этого термина, применявшегося с 1820-х гг. для обозначения народной гравюры, не совсем ясен. Происходя от слова «луб» (липовая кора), он, по версии И.М. Снегирева, связан с липовыми досками (называемыми в просторечье «лубом»), на которых вначале гравировались первые народные гравюры³⁷⁰; по версии Н.А. Трахимовского — с лубяными коробами, в которых разносили эти гравюры офени³⁷¹; по версии И.Е. Забелина — с теми же коробами, с оформления (раскраски) которых заимствовалась картинка, используемая в народной гравюре³⁷². Однако к середине XIX в. этот термин стали применять для обозначения всего сделанного наскооро и некачественно, он имел прежде всего не квалифицирующий (характеризующий), а оценочный смысл. Поэтому и низовую литературу, расцениваемую по критериям «высокой», стали пренебрежительно называть лубочной. Следует отметить, что обычно на обложках подобных книг была картинка, близкая по характеру изображения и раскраски к народной гравюре, что также сближало «лубочную картинку» и «лубочную книгу», не говоря уже о частичной преемственности в сюжетах и жанрах.

Несмотря на то что при своем возникновении выражение «лубочный» применялось для пренебрежительной характеристики определенного типа литературы, сейчас, по нашему мнению, оно может быть с успехом использовано в качестве научного термина. Это связано с тем, что к настоящему времени оно во многом утратило присущие ему оценочные моменты (например, эстетическая значимость лубочной картинки широко признана, регулярно устраиваются выставки и издаются альбомы лучших ее образцов³⁷³) и в то же время исторически связано с данным типом литературы. Ниже лубочной книгой мы именуем издания второй половины XIX в. определенной группы коммерческих издателей (никольских, то есть с Никольской улицы в Москве, апраксинских, то есть с Апраксинского рынка в Петербурге и т.п.) для низового, прежде всего крестьянского, читателя, имевшие, как правило, небольшой объем и картинку на обложке³⁷⁴.

Основу издательского репертуара лубочной книги составила низовая (или «серобумажная», как называл ее В.Г. Белинский) литература первой половины XIX в. Здесь необходимо напомнить тот нередко игнорируемый факт, что к середине XIX в., наряду с высокой литературой, ассоциирующейся с именами В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и т.п., в России сложилась и другая, называемая нами низовой, литература. Она состо-

яла из большого числа регулярно переиздающихся произведений, а также из ежегодно появляющихся книг современного значения (которые, как правило, выходили один-два раза и информировали об актуальных событиях). В первой половине XIX в. эти книги широко обращались в среде провинциального дворянства, мелкого чиновничества, купечества, мещанства, сельских священников, дворовых. Так, например, в 1820-х гг. «Повесть о приключении английского милорда Георга», обработанная М. Комаровым, имелась в домашней библиотеке жены уездного стряпчего³⁷⁵, в 1830-е гг. авантюрные рыцарские повести о Гуаке, Бове Королевице, Еруслане Лазаревиче, Франциле Венциане входили в круг чтения сына священника³⁷⁶. Писатель П.В. Засодимский, происходивший из дворянской семьи, вспоминая о своем детстве в Вологде начала 1850-х гг., писал: «...у нас в людской тоже были грамотеи, любители чтения <...>. От них, помню, в разное время я добывал “Франциля Венециана и королеву Ренцивену”, “Битву русских с кабардинцами”, “Георга, Милорда Английского”, “Стригольников”, “Ведьму за Днепром”». Многие из этих книг он встретил через несколько лет в кругу чтения вологодских гимназистов³⁷⁷.

С 1860-х гг. лубочная книга начинает «уходить» в деревню, но в этот период она еще остается в чтении купечества и ряда других городских слоев: «Дальше “Франциль Венециана” или “Гуака, или непреоборимая верность” и тому подобных произведений мы не шли, да и то читали больше девицы...» (Москва начала 1860-х гг.)³⁷⁸, «Купеческое молодое поколение попроще под влиянием приказчиков и горничных из “образованных” (служивших у дворян или выходивших из духовной и мелкой чиновничьей среды) усердно читало рыцарские романы <...>. Совсем ребенком среди окружавших меня читателей постарше и я отдал дань этому направлению и годами помнил наиболее примечательные места в прозе и стихах из “Гуака” и “Франциля Венециана”» (Орел конца 1860-х гг.)³⁷⁹. Д.Н. Мамин-Сибиряк вспоминал, как в конце 1860-х гг. пермские семинаристы восхищались «Повестью о Милорде Георге» и «Битвой русских с кабардинцами»³⁸⁰. Даже в конце 1880-х гг. житель города Златоуст Уфимской губернии писал, что там «лубочные издания в громадном ходу, даже и не среди рабочих, а часто попадают и среди канцеляристов и других подобных лиц, получивших мало-мальское образование»³⁸¹.

Сложившись на основе городской низовой словесности, лубочная литература во многом отличалась от высокой — здесь не было

периодики, не было, соответственно, и литературной критики. Единственным мерилom ценности был коммерческий успех — если книга расходилась, она переиздавалась и получала известность, если нет — мгновенно забывалась и выходила из обращения. На первом месте в лубке был не автор (по сути дела, постоянно печатались и приобрели популярность лишь считанные лубочные литераторы), а тема и жанр книг. Более того, здесь иными были и представления о литературной собственности, значительная часть изданий представляла собой обработки, переделки и компиляции ранее существовавших книг.

Лубочная литература состояла из книг различных типов и жанров, генетически восходящих к разным литературным и мировоззренческим традициям. Объединяли их адресация «низовому» читателю и специфические формы создания и распространения, иные, чем у книги образованных слоев населения.

В качестве главных источников городской низовой литературы (которая легла в основу лубка) выступали фольклор и «высокая» отечественная и низовая зарубежная литературы. Правда, взаимоотношения лубка (и протолубка) с этими разделами словесности были отнюдь не одинаковыми. Самая тесная связь существовала у него с литературой высокой, откуда главным образом и «спускались» те или иные книги. Зарубежная литература и фольклор обычно «подключались» к лубку через «высокую» литературу, хотя в отдельных случаях те или иные произведения непосредственно попадали оттуда в лубок. И наконец, следует упомянуть и низовых литераторов, которые писали (наряду с работой по адаптации чужих произведений) непосредственно для низовой городской литературы (в конце XVIII — первой половине XIX в.), а позднее — для лубка.

Самым давним по времени возникновения разделом лубка была религиозная литература — Евангелие, Псалтырь, жития святых, наставительные книги (например, регулярно переиздававшийся с XVIII в. «Путь к спасению» Ф.А. Эмина). И по количеству ежегодно выпускаемых книг, и по доле подобных изданий в домашних библиотеках они составляли один из ведущих разделов лубочной литературы.

Далее (по степени давности происхождения) идут авантурные рыцарские романы, проникшие на Русь в XVII в. (в основном в переводах с польского языка) и длительное время распространявшиеся в рукописи, а потом, в конце XVII в., попавшие в лубочную

книгу. В дальнейшем они многократно перерабатывались и дожили до Октябрьской революции. С ними прежде всего ассоциировалась лубочная литература, эти сюжеты и герои были распространены и в народной гравюре. Самой известной была Повесть о Бове Королевиче, появившаяся на Руси еще в XVI в., речь о которой пойдет ниже. Почти столь же популярная Сказка о Еруслане Лазаревиче долгое время бытовала на Руси в форме устного сказания и была впервые записана только в 1640-х гг. В результате следующих одна за другой переработок сказка постепенно превратилась в волшебно-рыцарский роман. В XIX—XX вв. она выходила (по подсчетам Л.Н. Пушкирева) более чем в 100 лубочных изданиях³⁸².

Широко известны были также рыцарские романы «Гуак, или Непреоборимая верность» и «История о храбром рыцаре Францыле Венециане и о прекрасной королеве Ренцивене». Несколько позднее, в XVIII в., была впервые издана (в переработке М. Комарова) и сразу же завоевала широкую популярность «Повесть о приключении английского Милорда Георга».

Еще одним источником лубочной литературы был русский фольклор, который проник в литературу в конце XVIII — начале XIX в. Мы имеем в виду прежде всего такие жанры, как песня и сказка. В конце XVIII в. вышли сборники русских народных сказок «Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки» (СПб., 1786), «Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих русских сказок» (СПб., 1786), «Сказки русские, собранные и изданные П. Тимофеевым» (М., 1787, позднее выходили под названием «Деревенская забавная старушка, по вечерам рассказывающая простонародные веселые сказочки») и др., переиздававшиеся и в XIX в. В начале XIX в. выходят сборники «Сказки моего дедушки» (М., 1820), «Дедушка говорун, или Собрание новейших и еще доселе неизвестных сказок» (М., 1824); «Собрание старинных русских сказок» (М., 1830), послужившие основой для многочисленных лубочных изданий. Публикация выпусков «Русских народных сказок» А.Н. Афанасьева (1855—1864) дала возможность лубочным издателям обогатить репертуар лубочных изданий сказок. Нужно отметить, что обычно сказки выходили в форме обработок и пересказов, что было обусловлено потребностью модернизировать текст, привести его в соответствие со вкусами и запросами современного низового читателя, а также стремлением не нарушать юридических норм, связанных с правом собственности на книгу, следствием чего была публикация каждым издателем своего варианта сказки.

Помимо сказок проникали в лубок и песни. Песенники, включавшие народные песни, выходили с конца XVIII в., однако тогда, да и в первой половине XIX в., они адресовались дворянскому и городскому разночинному читателю. С середины XIX в. начинают выходить песенники и для низового читателя, в которые, наряду с авторскими песнями и романсами, входило и немалое число русских народных песен³⁸³.

Четвертым по счету источником лубка был русский исторический роман 1830-х гг., сам в свою очередь ориентированный на фольклор, что подчеркивалось подзаголовками типа «составлено по московским преданиям» и т.п. Многие из написанных в те годы книг после переработки и адаптации вошли в состав лубочной литературы и многократно переиздавались, однако характерно, что при этом шел очень строгий «стихийный» отбор, из книг даже популярных в свое время авторов туда обычно попадало не более одного-двух произведений (которые при этом нередко утрачивали имя автора и выходили анонимно). Самой популярной из книг подобного рода был, безусловно, роман Н.И. Зряхова (1782 — конец 1840-х) «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга», вышедший впервые в Москве в 1840 г.

От И.И. Лажечникова в лубочную литературу попал «Ледяной дом» (1835), от М.И. Загоскина — «Юрий Милославский» (1829), «Кузьма Рошин» (1836). Среди других вошедших в лубок книг 1830-х гг. следует назвать романы С.М. Любецкого (1805—1881) «Сокольники, или Поколебание владычества татар над Россиею» (1832), Р.М. Зотова (1795—1871) «Таинственный монах» (1834), А. Москвичина (А.А. Павлова) «Япанча, татарский наездник, или Завоевание Казани царем Иваном Грозным» (1834), а также вышедшие анонимно романы «Вечевой колокол» (1839), «Могила Марии, или Притон под Москвою» (1835), неоднократно переиздававшиеся во второй половине XIX в.

Продолжая описание состава лубочной литературы, следует охарактеризовать продукцию авторов, специально писавших для лубка. Лишь немногие из них известны по именам (значительная часть изданий выходила анонимно или под псевдонимами типа Фома Балагур, Дядя Федор и т.п.), в том числе такие литераторы, как мещанин В.Я. Шмитановский, автор многих стихотворных пересказов русских народных сказок и преданий; отставной офицер В. Суворов, специализировавшийся на исторической беллетристике; выходец из родовитой, но обедневшей семьи Н.М. Пазухин

(брат упоминавшегося выше А.М. Пазухина), писавший в основном «страшные» и «ужасные рассказы»; автор бытовых повестей В.А. Лунин (псевдоним — Кукель). К числу самых плодовитых и популярных лубочников следует отнести М.Е. Евстигнеева, И.С. Ивина, Валентина Волгина и К.К. Голохвастова.

Михаил Евдокимович Евстигнеев (1832—1885), обычно подписывавшийся Миша Евстигнеев, писал книги по заказам московских лубочных издателей, главным образом А.И. Манухина, причем большинство их регулярно переиздавалось большими тиражами. Евстигнеев был необычайно плодовит (ему принадлежит более полутора сотен книг), работая в самых разных жанрах и нередко самостоятельно оформляя свои произведения: сказки (Водяной на мельнице, или Мельник-колдун. М., 1869; Железная рука. М., 1869; Баба Яга и добрый богатырь. М., 1870; Иван Царевич и его приключения. М., 1879); обработки легенд и преданий (Пан Твардовский. Ч. 1—3. М., 1868; Громобой, витязь новгородский и семь морских красавиц. М., 1874), уголовные (Мститель. М., 1870) и исторические (Страшный клад, или Татарская пленница. Ч. 1—2. М., 1874; Ведьма из-за Днепра, или Разбойник Соловей. Ч. 1—3. М., 1883; Царевна-преступница. Ч. 1—3. М., 1884) романы; сборники анекдотов (Весельчак с площади. М., 1870; Ха! Ха! Ха! М., 1872), песенники (Соловей. М., 1870), письмовники (Сборник любовных писем... Ч. 1—2. М., 1868) и даже рекламные торговые объявления. У лубочных издателей Евстигнеев был известен как «ученый» (он окончил Технологический институт со званием подмастерья), ему нередко заказывались самоучители и руководства по технике, архитектуре, медицине и другим отраслям знания (Мельник-механик... М., 1873) и др.). Однако широкую известность (причем, в отличие от других лубочных писателей, не в деревне, а в среде городских низов) доставили Евстигнееву «веселые» и «увлекательные» рассказы, количественно преобладавшие в его литературной продукции (Паук и знахарь. М., 1867; Фонарь. М., 1867; Говорящий покойник, или Вот так смерть! М., 1869; Доморощенный танцор из Ножевой линии. М., 1870; Хороша Маша, да не наша. М., 1871; Все приятели. М., 1882). Беря за основу анекдотический случай и пародийно утрируя речь персонажей из купеческой, мещанской и мелкочиновничьей среды, Евстигнеев добивался грубого неприятельного комического эффекта в духе балагурно-ярмарочной традиции. Специалисты по литературе для народа обычно отрицательно оценивали его произведения, утверждая, что «в них нет ни

художественного изложения, ни полной и связной обрисовки лиц и событий, пошлые бессмыслицы перемешиваются с бранью, русские перековерканные слова с искаженными иностранными, невероятные или, лучше, невозможные события с крайне волшебными, существующими лишь в воображении автора <...>. Во всех его творениях проглядывает одно желание, одна цель <...> рассмешить, распотешить почтенную публику <...>³⁸⁴.

Валентин Волгин (по-видимому, псевдоним) — лубочный писатель конца XIX в. Первые издания его книг выходили в 1883—1887 гг. (главным образом у И.Д. Сытина), в дальнейшем неоднократно переиздавались, некоторые из них — почти ежегодно (книга «Мертвец без гроба» выдержала, например, 18 изданий). «Страшные» названия обеспечивали Волгину репутацию специалиста по изображению сверхъестественного и «всевозможной чертовщины»³⁸⁵, хотя и не соответствовали содержанию этих книг, представлявших собой обработки традиционных сказочных сюжетов (Ночь у сатаны. М., 1883; Чародей и рыцарь. М., 1886), либо подражания пушкинским повестям (Утопленница. М., 1887 — «Станционному зрителю»; Турецкий пленник. М., 1886; Мертвец без гроба. М., 1887 — «Кавказскому пленнику»). Как и другие лубочные авторы, работавшие в самых разных жанрах, Волгин писал исторические повести, в которых исторический материал оформлялся в духе народной легенды (Роковая тайна. М., 1886; За богом молитва, а за царем служба не пропадут. М., 1883), юмористические рассказы (Телячье сердце. М., 1886), рассказы о преступлениях (Убийство на реке Шексне. М., 1884; Страшная ночь. М., 1886).

Иван Семенович Ивин (1858 — 1918/1921) в 1883—1896 гг. являлся основным поставщиком литературной продукции для московских издателей лубочной книги — П.Н. Шарапова, Е.А. Губанова, И.Д. Сытина и др., выпустив более ста книг, часть которых неоднократно переиздавалась. Осознавая свою деятельность как служение народу, высоко ценя его культуру, Ивин предпринял грандиозную по масштабам и во многом, хотя и не до конца, осуществленную попытку, как он писал в автобиографии, «обновить, улучшить, или, так сказать, реставрировать всю лубочную литературу <...>»³⁸⁶.

В 1880-е гг. у него преобладали нравоучительные рассказы из простонародного быта, нередко включавшие сказочные элементы (Шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла. М., 1883; В чем наше счастье. М., 1886 — переделка сказки Н.П. Вагнера «В чем счастье»; Проклятый горшок. М., 1889; Домовой проказит. М., 1886 — пере-

делка рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг»), чрезвычайно популярна была его «Сказка о храбром воине прапорщике Портупее» (М., 1889; более сорока изданий). В 1890-е гг. он обычно работал в жанрах исторической повести, чаще всего публикуя переделки романов 1830-х гг.: Японча, татарский наездник, или Взятие Казани в царствование Иоанна IV Грозного. М., 1892 (по А. Москвичину); Страшная смерть без вины. М., 1892 (по роману И. Лажечникова «Басурман»); Ледяной дом. М., 1892 (по Лажечникову), Княжья могила. М., 1894; Ведьма, или Страшная ночь за Днепром. М., 1899 (по А.И. Чуровскому). Обработывал он также сказки: Народная сказка об Иване царевиче, жар-птице и сером волке. М., 1891 (около двадцати изданий); Сказка о сильном, славном и храбром витязе Бове-королевиче и прекрасной супруге его королевне Дружневне. М., 1891 (более двадцати изданий); Сказка об Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и злом волшебнике Карачуне. М., 1895; Тысяча и одна ночь. М., 1898, и др. В эти годы Ивин публикует и ряд религиозно-поучительных сборников и компиляций (Загробная жизнь... М., 1893; Описание города Иерусалима и его окрестностей... М., 1894, и др.). Образцом для Ивина всегда оставались идеалы прошлого, характеризующиеся, как писал он в своей программной статье «О народно-лубочной литературе», «необоримую супружескую верностью, стойкостью против соблазнов и искушения, терпением, мужеством, геройскою храбростью, твердостью в несчастьях, кротостью, покорностью судьбе, нравственным долгом и проч.»³⁸⁷.

В публикациях, посвященных «литературе для народа», книги Ивина иногда критиковали за спутанность изложения, напыщенность слога и отсутствие исторического колорита, но в целом преобладало сочувственное отношение к ним, отмечалось, что Ивин «много сделал для улучшения языка лубочной литературы и внес в эту сферу значительный элемент серьезной осмысленности»³⁸⁸.

Многочисленные произведения Ивина выходили большими тиражами. Л. Толстой справедливо считал его «самым распространенным писателем в России»³⁸⁹.

К.К. Голохвастов, начав печататься в 1890 г., выпустил более полусотни книг разных жанров, многие из которых неоднократно переиздавались. Поскольку Голохвастов ориентировался не на сельских читателей, а на городские низы, его произведения по тематике, языку и повествовательной технике несколько отличались от книг других писателей-лубочников. Пересказы «бродячих» сюже-

тов (Сказка о славном и сильно-могучем богатыре Еруслане Лазаревиче и о прекрасной супруге его Анастасии Вахрамеевне. СПб., 1904; Гуак и царица Аварская. СПб., 1905) не типичны для его творчества, а обработок книг других писателей он вообще не выпускал. Голохвастов был основным «поставщиком» исторических повестей и рассказов для петербургских лубочных издателей Т.Ф. Кузина (в 1890—1896 гг.) и А.А. Холмушина (в 1900—1915 гг.). В его исторической беллетристике варьировались темы восхваления православия (Первые просветители Руси. СПб., 1893; Одомар, или Литовский волк... СПб., 1890; Черный монах. СПб., 1894) и «квасного патриотизма» (Матрос 30-го Черноморского экипажа Петр Кошка и другие доблестные защитники Севастополя. СПб., 1893; На смерть обреченные, или Геройский подвиг полковника П.М. Карягина и рядового Сидорова. СПб., 1903). Поэтика книг Голохвастова весьма сложна: повествование, ориентирующееся на образцы исторической прозы русских романтиков 1830-х гг., обрамлено в его книгах вступлениями, отступлениями, заключениями, примечаниями популяризаторско-просветительского характера. Обращался Голохвастов также к жанру юмористического рассказа, давая шаржированное изображение купеческого быта (Путешествие на Луну купца Труболетова, или Сон в руку. Соч. Жюль Неверного. С французско-нижегородского языка переводил К.К. Г-в. СПб., 1890; Война купца Трифона Лукича Мухобоева с гейшами в Японии. СПб., 1903). В 1900-х гг. он писал главным образом «уголовные» романы (Ванька Каин, знаменитый московский сыщик. СПб., 1900; Приключения петербургского Макарки Душегуба. СПб., 1901; Страшный злодей и разбойник Федот Чуркин. СПб., 1906; Новый цыган Яшка. СПб., 1906).

В завершение обзора источников лубочной литературы следует отметить, что в нее вошло небольшое число произведений известных писателей XIX в., чаще всего — использующих фольклорные сюжеты или посвященных народной жизни (басни И.А. Крылова, сказки А.С. Пушкина, «Песня про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова, ряд народных сказок Л. Толстого и др.).

Публикации книг классических авторов чаще всего мешало авторское право, поскольку лубочные издатели не хотели тратить на покупку права на издание у наследников. Однако следует отметить, что большинство подобных произведений было малопонятно и неинтересно крестьянским читателям. Например, у Гоголя, по наблюдениям М.Н. Сперанского, «считаются у издателей доступ-

ными те вещи, которые могут быть приспособлены ко вкусам читателей лубочной литературы, именно: повести боевого характера, любовные и фантастические, причем в этих повестях должны быть усилены эти элементы, по мнению издателей, <...> в переделках особенности Гоголя, как писателя, его стиль искажаются до неузнаваемости. В результате получаются не Гоголь, а фантазии на гоголевскую тему»³⁹⁰. Но даже и в форме переделок классические произведения никогда не принадлежали к числу наиболее распространенных лубочных книг.

Лубочная литература занимала промежуточное положение между фольклором и литературой в общепринятом смысле этого слова. Прежде всего она была близка фольклору генетически, так как значительная ее часть являлась (в той или иной форме) фиксацией устной народной словесности, хотя обычно фольклорные тексты соответствующим образом были обработаны и приспособлены. Мы имеем в виду народные песни (в песенниках), сказки (в сборниках сказок), переработки западного фольклора (рыцарские романы о Бове, Еруслане и т.п.), использование легенд и преданий в исторической прозе 1820—1830-х гг. (у Любецкого, Москвичина и др.). Далее, даже являясь продуктом самостоятельного авторского творчества, она близка фольклору по поэтике (обращения к читателю в прозе, стандартные формулы и «народный стих» в поэзии и т.д.). Подобно фольклору лубок обычно не фиксирует имени автора текста, не предполагает наличия канонической его версии (одновременно сосуществуют различные варианты произведения, принадлежащие перу разных обработчиков) так же, как разные сказители по-своему излагают сказку или былину. И наконец, чрезвычайно важно, что, как и фольклор, лубочная литература многими потребителями воспринимается (в силу их неграмотности или малограмотности) на слух, в процессе коллективных чтоток — в кругу семьи, соседей или отходнической артели. На селе существовала традиция коллективного чтения по воскресным и праздничным дням, а зимой и в будни. Например, отвечая на анкету Н.А. Рубакина, крестьянин из Калужской губернии писал в 1889 г.: «Для совместного чтения у нас удобное время весна, потому что тепло, народ выходит по улице, кто-нибудь выносит книгу, начинает читать, и со всех концов собираются слушатели. Это всегда бывает в праздник <...>»³⁹¹. Обобщая многочисленные свидетельства, М.М. Громыко пришла к выводу, что «перечитываемые неоднократно сочинения запоминались наизусть и распространялись дальше в устной

передаче»³⁹². Следует добавить, что некоторые типы изданий (гадательные книги, песенники и т.п.) по своему назначению были рассчитаны на чтение их вслух.

Лубочная литература отличалась от «обычной» не только своим содержанием, но и характером издания и распространения. Как уже было сказано выше, создавали ее (чаще всего путем обработок книг, ранее возникших в рамках более высокого слоя литературы) специальные «лубочные литераторы». От них книга поступала к издателям, специализировавшимся на выпуске подобной литературы. Одни из них обслуживали главным образом городские низы (А.И. Манухин, С.И. Леухин, А.М. Земский, Д.И. Преснов), другие — деревню (И.А. Морозов, А.А. Абрамов, И.Д. Сытин, Е.А. Губанов).

Очень важно подчеркнуть то обстоятельство, что существование и развитие лубочной литературы регулировалось прежде всего рынком. Здесь не было ни литературной критики, ни «идейных» издателей, которые могли бы стимулировать выпуск не пользующейся спросом литературы. Издателями лубочной литературы обычно выступали выходцы из крестьян, хорошо знавшие вкусы народного читателя. Один из них, И.Д. Сытин, вспоминал позднее, что «Никольский рынок сам творил и сам издавал, сам искал и находил свои, особые пути к полуграмотному деревенскому читателю»³⁹³. Лубочные издатели могли случайно выпустить любую книгу, но переиздавали только те произведения, которые пользовались спросом. Такое переиздание осуществлялось регулярно, по мере исчерпания запаса. Наиболее популярные книги («Бова», «Еруслан Лазаревич», «Милорд Георг», «Битва русских с кабардинцами») выходили чуть ли не ежегодно. Цензура, конечно, оказывала определенное влияние на репертуар лубочной литературы (нередко запрещались книги с «разбойничьим», «безнравственным» и социально-критическим содержанием), однако это сказывалось в изъятии определенных разновидностей книг, но отнюдь не в навязывании той или иной тематики. Поэтому можно считать, что выходившая лубочная литература довольно точно соответствовала запросам крестьянской аудитории. Прав был современник, отмечавший «немалую заслугу Никольской (то есть лубочной. — А. Р.) литературы перед лицом русского просвещения: она свела мужика с книгою, указала ему на ее лучшую сторону <...>»³⁹⁴.

Лубочная книга попадала в деревню тремя основными путями. Первый — это ярмарки, которые играли важную роль в экономи-

ке и культуре пореформенной России. Наряду с другими товарами на ярмарки из Петербурга и особенно из Москвы привозились значительные партии книжного товара, который раскупался посетителями³⁹⁵. «После развязки ярмарки, накануне разъезда, купцы, довольные своими делами, покупают гостинцы для домашних; при этом, бывало, приказывали своим “молодцам” забежать и в книжную лавку и захватить кое-какие книжки “подешевле” <...>. Так возились книги для ребят в качестве калачей и пряников»³⁹⁶. Аналогичным образом и крестьяне покупали на ярмарках и базарах книги в подарок своим детям³⁹⁷. Забирали (обычно в кредит) на ярмарках книги для торговли и офени, разносившие их по деревням. Сеть разносчиков — офень — это второй и, возможно, основной путь доставки книги на село. Приходили офени за книгами и в Москву. Офени набирали в свой короб большие партии лубочной литературы (нередко — с мелким «галантерейным» товаром) и затем шли по деревням, продавая (или обменивая на продукты) книги³⁹⁸. По оценке Ю.А. Горшкова, в 1860—1870-х гг. действовало несколько десятков тысяч офень³⁹⁹. Хорошо знавший офенский промысел издатель И.Д. Сытин так характеризовал их деятельность: «В базарные дни все эти торговцы появлялись на базарных площадях, предлагая книжный товар собравшемуся народу, в другие же дни ходили по деревням: с коробом за плечами из избы в избы, показывая здесь свой товар, расхваливая его и предлагая его собравшейся около короба деревенской публике, с которой они умели говорить понятным ей языком»⁴⁰⁰. Правда, после 1877 г., когда всех офеней обязали получать специальное губернаторское разрешение на право торговли книгами, сеть офеней значительно сократилась.

Еще одним важным каналом проникновения книги в деревню были поездки крестьян в город, главным образом для работы (в отход). Возвращаясь в деревню, отходники обычно привозили «гостинцы», в том числе и книги.

Соответствие лубочной литературы духовным потребностям деревни не означало, что каждый крестьянский читатель обращался ко всем перечисленным ее разделам, например, религиозная и светская лубочная книга были обращены к различным группам крестьянской читательской аудитории.

Для читателей лубочной книги иные (нелубочные) издания были недоступны из-за дороговизны, а также из-за неподключенности крестьян к соответствующим каналам распространения (магазины в городах, пересылка по почте) и слабой ориентации в литературе, что исключало возможность заказа. Но даже если читатель

преодолевал названные препятствия (например, располагал деньгами и приезжал в город, где мог купить книгу), он сталкивался с очередным, почти непреодолимым барьером — и по уровню сложности, и по языку, и по проблематике «интеллигентская» книга была непонятна и неинтересна ему. Лишь с 1880-х гг. начинает распространяться литература, специально издававшаяся для народа и представлявшая интерес для него.

Кто же читал лубочную литературу? Прежде всего это крестьянская молодежь, что было связано со следующими обстоятельствами. В дореформенный период читатели среди крестьян представляли собой редкое исключение. Правда, здесь следует внести одно уточнение. В дореволюционной России подавляющее большинство населения было крестьянским по сословной принадлежности, но не все крестьяне занимались земледельческим трудом. До реформы 1861 г. были группы крепостных крестьян (дворовые, оброчные), которые нередко жили в городе. Среди представителей этих групп встречались и читатели (прежде всего, конечно, среди так называемой «крепостной интеллигенции» — художников, актеров, техников и т.п.). Однако подавляющее число крестьян не только не читало, но и вообще было неграмотно.

В пореформенный период и сами крестьяне начинают испытывать потребность в грамоте, и, кроме того, начинает расти сеть земских школ. В результате быстро повышается уровень грамотности крестьян, главным образом за счет молодого поколения. Если учесть, что период его становления совпал с периодом существенной ломки традиционных социальных отношений и мировоззренческих представлений, то становится понятным, что немалая часть крестьянских детей начинала искать в книге ответы на возникающие вопросы, использовала книгу как учебник жизни. Кроме того, в рамках крестьянского образа жизни именно юношеский возраст (как и старческий, но применительно к другому типу литературы) считался временем, когда чтение допустимо, нормально, в то время как для взрослого мужика, «севшего на тягло», то есть получившего надел и занимающегося сельскохозяйственным трудом, чтение рассматривалось как «блажь». Среди представителей этой социальной группы, составлявшей основу сельского населения, читатели стали более или менее часто встречаться только в 1880—1890-х гг., когда подросли выпускники земской школы.

Никакими точными цифрами о масштабах чтения в деревне того времени исследователь, разумеется, располагать не может. Да и данные о числе читателей не дадут еще представления о величине

аудитории книг, так как на селе была распространена традиция совместного чтения и многие воспринимали печатные тексты на слух.

Как говорилось в первой главе, для конца XIX в. объем читательской аудитории можно оценить в 10—15% сельского населения, то есть 5—7 млн человек. В 1894 г. суммарный тираж лубочных книг приближался к 10 млн⁴⁰¹. По подсчетам В.П. Вахтерова, в середине 1890-х гг. он даже превышал 15 млн⁴⁰².

Хорошее представление о пропорциях приобретения и чтения различных лубочных книг дают сведения о структуре лубочного книгоиздания. Ориентация лубочных издателей на потребности крестьян, налаженная сеть распространения обеспечивали быструю расходимость лубочной литературы. Практически весь тираж реализовывался в течение года, а через год-два в случае необходимости осуществлялось новое издание. По данным Московского комитета грамотности, в 1894 г. из общего числа 786 лубочных книг 32% приходилось на религиозно-нравственные издания, 52% — на художественную литературу и 14% — на прочие книги (песенники, сонники, письмовники и т.д.). Среди религиозно-нравственных книг 55% составляли жития, 33% — поучения. Среди художественной литературы 42% — повести и рассказы на современную тему, 34% — сказки, 16% — исторические повести, 5% — рыцарские повести и т.д.⁴⁰³.

Для характеристики круга крестьянского чтения и места в нем лубочной книги приведем свидетельства крестьянина Калужской губернии из цитированного выше письма Н.А. Рубакину. Он писал, что в его деревне «книги духовного содержания охотно читаются — жития святых, священная история ветхого и нового завета, а псалтыри у нас читают только по усопшим, мужики говорят: “Жития святых нам понятней” и слушают их приятней <...>. Сказки у нас читают всякие, какие попадут: издания Манухиной, Сытина, больше всего читают (следующие книги. — А. Р.): “Еруслан Лазаревич”, “Бова Королевич”, “Громобой”, “Портупей-прапорщик”, была у нас в деревне “Тысяча и одна ночь”, арабские сказки, которую с любопытством слушали»⁴⁰⁴.

Справедливость этих наблюдений подтверждают и обследования земских статистиков, проведенные в 1880—1900 гг. и позволившие охарактеризовать отношение крестьян к книге и чтению, их читательские предпочтения и состав крестьянских библиотек. Хотя исследования проводились в разных регионах и в разные годы, тем не менее они дали во многом совпадающие результаты. В ходе об-

следований выявилось, что замеры в разных средах позволяют «ухватить» процесс «входа» лубочной книги в круг крестьянского чтения (на определенном этапе) и выхода из него (на другом этапе социокультурного развития). В этом плане крайними точками (означающими границы сферы действия лубочной книги) являются в качестве нижней границы — отсутствие интереса к книге вообще (что не совпадает с неграмотностью, так как многие неграмотные увлеченно слушали чтение лубочных книг), а в качестве верхней — чтение «интеллигентской» научно-популярной и художественной книги и презрительное отношение к лубку. Соответственно, тогда и весь репертуар лубочных изданий можно типизировать (и расположить полученные типы) по степени близости к тому или иному полюсу. В этом случае ближе всего к «нечтению» стоит интерес к религиозной книге, далее следуют сказки, затем исторические романы, и, наконец, ближе всего к «интеллигентской» книге находятся книги писателей-лубочников на современные темы (отметим, что введенная нами типология соответствует историческим этапам появления того или иного пласта лубочной литературы).

Рассмотрим подробнее специфику отношения крестьян к каждому основному разделу лубочной литературы (сами они подразделяли все книги на «божественные» и «сказки»).

В проведенных обследованиях было зафиксировано наличие у крестьян большого числа религиозных книг. Однако из приводимых ниже процентных распределений было бы бессмысленно делать какие-либо заключения о соотношении различных типов книг в крестьянском чтении. Это связано с тем, что и условия хранения, и характер чтения применительно к разным типам книг были принципиально различны.

Религиозная книга считалась предметом сакральным. Она читалась главным образом «отсталой» частью деревни — пожилыми крестьянами, женщинами, причем чаще всего чтение приурочивалось к религиозным праздникам, посту и т.п. Упомянутый уже крестьянин из Калужской губернии отмечал, что «книги духовного содержания предпочитают светским в великий пост, а стариками повсегда, потому что желают спасения»⁴⁰⁵. Как отмечал один из исследователей, «в божественной книжке народный читатель ищет морального поучения, примера, нравственной поддержки, <...> решения мучающих его вопросов морального, а иногда и социального характера», «он часто считает самое чтение религиозной книжки богоугодным и душеспасительным делом, а в книжке видит не-

что вроде талисмана, предохраняющего от несчастий»⁴⁰⁶. Поэтому религиозная книга тщательно берегалась, в доме хранилась на особом почетном месте, обычно имела большой объем и хороший переплет. Обладание такой книгой как бы повышало степень добродетельности владельца. Священник, занимавшийся распространением религиозных книг среди крестьянского населения в 1880—1890-х гг., отмечал, что, несмотря на свою бедность, «крестьянин не любит мелкой и дешевой книги», а даром вообще не берет, так как «задаром взять, так за книгу надо замаливать»⁴⁰⁷. Все это обеспечивало хорошую сохранность религиозных книг. Книга светская (сказки и повести) чаще всего имела небольшой объем, приобреталась в расчете на прочтение, а не хранение, циркулировала в молодежной среде, причем переходила из рук в руки и многократно читалась и в результате быстро выходила из строя. Таким образом, сам факт интенсивного использования обуславливал понижение доли сказок, повестей, рассказов, песенников среди хранившихся у крестьян книг.

Вот какова была структура домашних книжных собраний (в которых преобладала лубочная книга) крестьян трех губерний России в начале XX в. (100% — общее число книг в обследованных библиотеках данной губернии)⁴⁰⁸.

Виды книг	Владимирская губерния	Орловская губерния	Полтавская губерния
Духовно-нравственные (религиозные)	58,8	54,6	42,3
Известных авторов	3,5	6,4	8,0
Прочая беллетристика	19,5	18,7	19,7
Исторические и биографические	3,8	4,8	4,5
Сельскохозяйственные	0,8	0,8	3,5
Научно-популярные (география, естествознание, медицина)	2,1	1,4	2,6
Периодические издания	11,5	2,6	8,2
Прочие		10,7	11,2

По данным обследования, в Воронежской губернии в 1897 г. на хуторах и в небольших селах в домашних библиотеках крестьян религиозные книги составляли 69,3%, в больших промышленных селениях — 50,5%⁴⁰⁹. Характерно, что наибольшей популярностью пользовались не Ветхий завет и не Евангелия, а жития святых. Крестьяне предпочитали не общие поучения или отвлеченные от зна-

комой бытовой конкретики рассказы, а биографические повествования, позволяющие прочувствовать основные положения христианского образа жизни: «...жития рассчитаны на аудиторию, которой нужны не идеи, а нормы, сами же по себе догматические утверждения принимаются априори. Цель агиографии, по-видимому, заключается в установлении определенной эмоционально-нравственной *атмосферы*, особого “православного” мироощущения. “Умилением”, посредством которого растапливается духовный холод и из души выпаривается тяжесть самоутверждения, с помощью “страха божия”, который должен отрешить от себя и высвободить восторженное изумление Чуду, агиография создает атмосферу подданнической присвоенности, в которой легко блаженствовать. <...>. Не ищущее выхода, но возвращающееся в себя и потому удовлетворенное умиление и есть источник эмоциональной заинтересованности читателя житий, источник удовольствия в смысле довольства, успокоения <...>. Неограниченное повторение вперед известного поучения утверждает в вере в неизменность существующего порядка вещей и в его твердое соответствие предписанному закону»⁴¹⁰. К числу самых популярных книг этого рода принадлежали жития Тихона Задонского, Сергия Радонежского, Кирилла и Мефодия, Алексия человека божия, Зосимы и Савватия Соловецких и др.

Из других религиозных книг шире всего были распространены Псалтырь, Евангелие, религиозно-нравственные книги. Библия почти не встречалась в крестьянской среде, здесь бытовало представление, что, полностью прочитав Библию, можно сойти с ума.

Если попытаться сформулировать характер изменений, происходивших в чтении крестьян, его необходимо будет определить как переход от книги религиозной — к книге светской, от житий святых — к романам и повестям. Правда, тот факт, что, как признавали наблюдатели, «наибольшим уважением со стороны стариков пользуются книги духовно-нравственного содержания, а молодым поколением уважаются более рассказы, повести и даже романы»⁴¹¹, отнюдь не означал быстрой смены одного типа чтения другим. Это, скорее, констатация возрастных предпочтений читателей. Став стариками, крестьяне нередко меняли свои интересы и становились читателями религиозно-нравственной литературы. Случалось и так, что разные типы литературы сочетались в чтении одних и тех же лиц. Например, в Орловской губернии пожилые мужики, собиравшиеся зимой для совместного чтения, в одни дни читали житийную

литературу, а в другие — лубочные издания сказок («Бова», «Еруслан» и т.п.)⁴¹².

Светскую лубочную книгу читала главным образом молодежь. Приведем несколько характерных свидетельств. По словам крестьянина из Рязанской губернии, он в детстве и юности (конец 1870-х — начало 1880-х гг.) «читал всякие под руку попадающиеся книги: “Бову Королевича”, “Еруслана” во всех его вариантах, “Английского милорда”, “Францыля” <...>»⁴¹³. Поэт Е.Е. Нечаев, сын рабочего, вспоминал про середину 1870-х гг.: «[К нам] стал заходить молодой коробейник, с которым я подружился; коробейник приносил сказки лубочного издания, за ночлег, ужин и чай он дарил мне всякий раз книжку в 36 страниц, самого разнообразного содержания: “Солдат Яшка — красная рубашка”, “Еруслан Лазаревич”, “Живой мертвец” и проч., а позднее преподнес мне роман “Медвежья Лапа”». Поэт Г.И. Шпилев уже в начале XX в. «читал все попадавшие в мои руки, но главным образом лубочные издания, вроде “Бовы Королевича”, “Еруслана Лазаревича”, “Битвы русских с кабардинцами” и т.п. В лубочном же издании и изложении я прочитал про “Илью Муромца” и “Тараса Бульбу”. “Тарас Бульба” мне понравился, и это заставило меня, уже позже, прочитать его у Гоголя»⁴¹⁴.

Что же значила лубочная литература для крестьянства? Ответ на этот вопрос чрезвычайно затруднен, и одна из основных причин этого — слабая изученность круга знаний и верований русских крестьян, их стремлений и чаяний. Немногочисленные работы современных исследователей затрагивают лишь отдельные аспекты социально-политических, религиозных и этических представлений русского крестьянства второй половины XIX в.⁴¹⁵ Задача же целостного системного описания мира представлений русского пореформенного крестьянства, структуры и динамики ценностей и норм, регулирующих его деятельность, еще далеко не решена.

И до реформы 1861 г. были крестьяне, не только овладевшие грамотой, но и получившие довольно высокое для своего времени образование⁴¹⁶. Но только в пореформенный период объективные обстоятельства социально-экономического характера (усиление роли товарно-денежных отношений, расширение контактов деревни с правовыми органами, расслоение общины, усиление отходничества) и просветительская деятельность земства и народнически настроенной интеллигенции (рост сети школ в сельской местности, издание «книг для народа», создание «народных библиотек»)

постепенно разрушали патриархальную картину мира, вначале лишь частично деформируя ее, а в конце XIX — начале XX в. приводя у значительной части крестьянства к кризису традиционного мировоззрения и интенсивным поискам новых духовных опор.

Лубочная книга, которая в дореформенный период находила читателей в крестьянской среде, главным образом среди дворовых, с 1860-х гг. начинает все шире проникать в деревню. Она дополняет, а позднее и в значительной степени замещает фольклор, сохраняя, как было показано выше, тесные связи с ним.

Лубочные издания (как и вообще книги) читали те, кто уже был «выбит» из традиционного сельского образа жизни, кто через земскую школу либо проживание в городе соприкоснулся с иной культурой и почувствовал неабсолютность предписаний и запретов, внушаемых родителями и сельским окружением. В книге читатель искал ответы на волнующие вопросы для ориентации в сложном окружающем мире.

Эти лица, как правило, были неудовлетворены своим местом в социальной иерархии (другие прилагали усилия к тому, чтобы вписаться в «социальную систему» путем овладения профессией, женьтибы и т.д.). Читатель лубка искал в нем выход за пределы обычной жизни. Упоминавшийся выше лубочный писатель И.С. Ивин отходничал в детстве (в конце 1860-х гг.) с отцом на различных ткацких фабриках Московской губернии, с трудом перенося тяжелую физическую работу, побои и оскорбления со стороны начальства: «...у меня в это время было одно утешение: я пристрастился к чтению. <...> Здесь я впервые ознакомился с Бовой Королевичем, Ерусланом Лазаревичем, Гуаком, Францылем и прочими. Чтение этих книжек доставляло мне неизъяснимое удовольствие <...>»⁴¹⁷. Л.М. Григоров, который в начале 1890-х гг. был учеником в сапожной лавке, вспоминал, что «бывали свободные минуты <...> делать совсем нечего, — ну, тогда рука лезла за пазуху и доставала оттуда тоненькую скверно отпечатанную книжечку — сказку о каком-либо необъятном образе русской фантазии <...>; душа моя, забыв о сапогах и туфлях, уходила в непроходимые лесные чащи и трепетала там от шума грозных деревьев — великанов; потом вместе с жарптицей улетала за тридевять земель в тридевятое царство <...>. Я увлекался и все на свете забывал <...> принимался за своих Ерусланов Лазаревичей, Бов-Королевичей и принцесс-Несмеян. Любил я их больше всего на свете, и всякую попавшую в руки копейку тратил на покупку новых сказок»⁴¹⁸.

Произведения лубочной литературы отвечали на духовные запросы крестьян, были посвящены волнующим их темам и проблемам. Перечислим некоторые, наиболее важные из них.

Прежнее «наивное», нерассуждающее отношение к религии стало все более рационализироваться, что порождало обращение к религиозной литературе — житиям святых, духовно-наставительным книгам (типа «Путь к спасению»), а в дальнейшем привело у части крестьянского населения (особенно — переселившегося в город) к неверию и атеизму⁴¹⁹. Выход за пределы общины (как физически, в форме отходничества, поездок в город и т.д., так и духовно, через знания, полученные в школе) порождал потребность в новом объекте самоидентификации. Если раньше весь мир крестьянина замыкался в пределах общины (община так и именовалась крестьянами — «мир»), то теперь они осознавали себя прежде всего жителями определенной страны — России (отсюда интерес к книгам по ее истории и географии). Характерно, что осознание это шло в форме противопоставления «наших» «ненашим». В прошлом «нашими» были члены своей общины, а теперь ими стали жители своей страны, и литература о различных исторических событиях, где происходили столкновения с внешними врагами (Куликовская битва, войны Петра I, Отечественная война 1812 г., Крымская война и т.п.), помогала обрести искомое чувство общности. Естественно, что наибольший интерес вызывало обсуждение в книгах таких вопросов, по которым в традиционной культуре существуют самые жесткие нормы, — взаимоотношения полов, родительский авторитет, быстрое изменение социальных обычаев и нравов. Гнет властей сейчас, как и раньше, порождал чувство несправедливости и стремление к свободе — и в лубочной литературе важную роль стал играть образ благородного разбойника и бунтаря, издавна существовавший в фольклоре. Растущее осознание собственной личности, контакты с представителями более высоких социальных и культурных слоев расширяли мир чувств и эмоций, повышали значимость любви в отношениях между полами — и в лубке усилилась струя «куртуазной» литературы, дающей образцы «галантного» поведения представителей разных полов. Влияние города разлагало традиционную сельскую этику и сельскую культуру — и в позднем лубке появились книги с резкой критикой городских нравов с моралистических позиций. Если учесть, что, как говорилось выше, в лубочной литературе нашел отражение и фольклор (песни, сказки), что в него попадали (как в адаптированном виде, так и непосредствен-

Темы лубочных изданий, %

Темы	Период								
	1820—1849	1850-е	1860-е	1870-е	1880-е	1890-е	1900-е	1910-е	В целом
Фольклор	24	44	38	30	34	26	18	11	22
Рыцарство	28	11	21	21	18	13	10	6	13
Путешествие	1	3	3	5	4	5	5	3	4
Юмор	4	6	6	9	3	3	5	5	5
Война	3	10	4	8	9	7	8	12	9
История	12	8	5	5	8	9	10	8	8
Разбойники	1	2	8	6	5	6	6	4	5
Преступники	4	1	2	2	2	2	12	12	7
Наука	3	3	5	5	4	6	6	7	6
Любовь	2	2	1	3	4	8	7	14	8
Прочие	14	4	4	4	4	7	8	10	7
Неизвестно	3	4	4	3	3	8	5	8	6
Всего	99	98	101	101	98	100	100	100	100

но) произведения классических писателей и представителей «высокой» литературы, то мы увидим многоаспектность и многоадресность лубка, отвечавшего на самые различные запросы разных групп крестьянского населения.

Представление о тематике лубка (и следовательно, о структуре запросов его читателей) в различные периоды дает помещенная на с. 167 таблица. В ней приведены результаты подсчетов, осуществленных американским литературоведом Д. Бруксом на основе названий лубочных беллетристических книг⁴²⁰. Тот факт, что заголовок в лубке в ряде случаев не соответствовал содержанию, не имеет принципиального значения, поскольку заголовок давался именно с учетом читательских интересов и предпочтений (для большей наглядности и выразительности несколько мелких рубрик таблицы Д. Брукса объединены нами в одну).

При всей условности осуществленной Бруксом классификации (поскольку в рыцарском романе любовь является одной из основных тем, в исторических нередко присутствуют разбойники и т.д.) приводимые им данные дают представление о степени популярности различных тем и о динамике структуры лубочного книгоиздания. Таблица наглядно демонстрирует постепенное снижение интереса к фольклорным произведениям (это были главным образом сказки) и рыцарским романам и повышение значимости любви и преступления.

Рост уровня образования крестьян, тесные контакты их с городской культурой, усиленное издание книг для народа и привыкание крестьян к ним привели к тому, что в XX в. лубочная книга частично вытесняется из круга крестьянского чтения, а частично осовременивается и сближается по содержанию с книгой для народа. Однако она не исчезла — менее требовательными читателями и особенно детской и юношеской аудиторией она читалась вплоть до Октябрьской революции.

Глава X

ЗЕМСКИЕ СЕЛЬСКИЕ «НАРОДНЫЕ БИБЛИОТЕКИ» И ИХ АУДИТОРИЯ

Одним из основных средств приобщения крестьянства к чтению книг явились организованные земством «народные библиотеки». К началу 1890-х гг. библиотека на селе была редким явлением, основными каналами проникновения книги в крестьянскую среду были офени-разносчики, ярмарочные торговцы и монастыри. В 1915 г. в России насчитывалось уже примерно 25 тыс. сельских библиотек. Подобный быстрый рост числа библиотек и их читателей, свидетельствующий о высокой жизнеспособности этого социального института, заслуживает самого пристального внимания. Именно с помощью «народных библиотек» книга в конце XIX — начале XX в. прочно «прописалась» в деревне, стала постоянным элементом сельского быта. Несмотря на чрезвычайно большое значение их деятельности для истории отечественной культуры, характер работы и специфические особенности «народных библиотек» изучены очень слабо. Проблематика эта привлекала внимание дореволюционных исследователей, однако они, как правило, ограничивались чисто хронологическим описа-

нием событий, связанных с возникновением этих библиотек, или статистическими подсчетами их численности, описанием состава читателей и фондов в разные периоды времени, почти не делая попыток осмыслить социальное и культурное значение деятельности земских библиотек⁴²¹. В современной научной литературе, кроме краткого обзора их истории в книге К.И. Абрамова, других публикаций по этой теме практически нет⁴²².

Нам представляется, что для понимания того, как почти на пустом месте возникает и в дальнейшем успешно действует специфический канал распространения книги, как этот канал постепенно создает себе аудиторию, история сельских «народных библиотек» дает чрезвычайно ценный материал. Поэтому в данной главе дается попытка рассмотреть основные этапы возникновения, становления и развития библиотек указанного типа и раскрыть на этой основе закономерности «укоренения» библиотеки в крестьянской среде.

Долгое время, пока уровень грамотности крестьянства был чрезвычайно низок (на деревню в лучшем случае приходилось несколько человек грамотных), вопрос о создании сельской библиотеки даже не поднимался. Разумеется, так было не везде и не всегда. На Севере, где крестьянское население было свободным и где грамотность была распространена сравнительно широко, еще в XVI—XVII вв. существовали волостные библиотеки при приходских церквях, создававшиеся крестьянами⁴²³. Но после освобождения крестьян сразу же началась интенсивная общественная деятельность, направленная на рост числа школ в сельской местности, что в ближайшем будущем привело к заметному повышению уровня грамотности крестьян.

В это же время начинает широко обсуждаться вопрос о создании сельских библиотек. Впервые он был поставлен еще в 1840-е гг. С.А. Масловым, по мнению которого «надобно, чтоб при всенародном распространении грамотности, были и народные сельские библиотеки при каждой сельской церкви, при каждом сельском училище», а книги в этих библиотеках должны выдаваться под наблюдением священников⁴²⁴. Сторонники этого пути развития сельских библиотек и в 1860-е гг. полагали, что «образование народа должно быть запечатлено религиозно-нравственным характером»⁴²⁵, и предлагали «завести везде при церквях библиотеки и сделать их общими, публичными»⁴²⁶. Библиотека должна была создаваться на церковные деньги (с дьяконом или священником в

качестве библиотекаря)⁴²⁷ и включать Библию, труды отцов церкви, жития святых, духовно-нравственные издания. Другие считали, что сельские библиотеки необходимо создавать на деньги, собранные с самих крестьян, и содержать их в крестьянских домах, при волостных правлениях и т.д.⁴²⁸. Третьи, наконец, полагали, что за устройство «народных читален» должны взяться земства при посредстве училищных советов, а библиотечарские обязанности нужно поручить народному учителю⁴²⁹.

Даже среди сторонников организации «народных библиотек» земством шли острые споры о составе их фондов. Точке зрения, согласно которой «первое место в этом отношении должно принадлежать книгам священным и вообще духовного содержания»⁴³⁰, противостояло убеждение, что «прежде всего нужно выбрать и дать такие книги, которые бы давали сведения об общих законах природы вообще и в частности о законах человеческого организма»⁴³¹.

Параллельно с публикацией проектов делались и практические попытки их реализации. Еще в 1854 г. на основе частных пожертвованных книг возникла библиотека в селе Зименки Владимирской губернии⁴³². Для государственных крестьян в 1859 г. была создана библиотека в селе Иванищевском Пермской губернии (самостоятельная)⁴³³, а в 1860 г. в двух селах Аннинской волости Владимирской губернии (при церквях под наблюдением священника). В апреле 1861 г. также для государственных крестьян была открыта библиотека в Олонецкой губернии при Важинском сельском училище⁴³⁴, в августе 1861 г. на деньги сельской общины и частных жертвователей — общественная библиотека в селе Вязовка Саратовской губернии (заведовал ею крестьянин)⁴³⁵. С 1863 г. существует созданная на деньги крестьян библиотека в Вожгальском сельском училище Вятской губернии и т.д.⁴³⁶.

Сельские библиотеки в этот период возникали чаще всего на Севере России. Тут жили свободные или государственные крестьяне (существенно более грамотные, чем помещицы), сохранились традиции крестьянской книжности (особенно в раскольничьей среде). Жизнеспособными оказывались обычно библиотеки в больших торговых селах, где крестьянское по своему сословному положению население занималось торговлей или ремеслами. Поскольку специальная «литература для народа» тогда почти не выходила, фонды подобных библиотек состояли из обычных изданий, нередко попадали туда и лубочные книги. Так, в одной из таких библиотек, существовавшей с 1864 г., популярностью у читателей пользовались

следующие произведения: «Юрий Милославский», «Рославлев» и «Аскольдова могила» М.Н. Загоскина, «Князь Скопин-Шуйский» О.П. Шишкиной, «Басурман» И.И. Лажечникова, «Иван Великий» В.Ф. Потапова, «Ломоносов» П.Р. Фурмана, «Плен у Шамиля» Е.А. Вердеревского, «Дедушка Прокофий» А.П. Голицынского, «Серое Горе» И. Ваненко [И.И. Башмакова], а также религиозные книги — «Избранные жития святых», «История христианской церкви», «Поучения» Р.Т. Путятина, «Библейская история» И.И. Базарова и т.д.⁴³⁷.

Однако подобные начинания носили в 1860—1870-х гг. единичный характер. Уже после первых попыток создания «народных библиотек» на селе выяснилось, что существует целый ряд препятствий на пути к массовому их распространению. Это было связано с тем, что, по сути дела, отсутствовали все основные компоненты, необходимые для нормальной работы библиотеки, — книги, читатели и финансово-организационное обеспечение.

Книг для народного читателя, учитывающих его интересы и уровень знаний (за исключением лубочных, распространявшихся по иным каналам), в то время почти не выпускалось. Финансировать «народные библиотеки» (а для создания их в широких масштабах нужны были значительные средства), заниматься их организацией и работать в них было некому (земство в этот период только начинало свою работу и основное внимание обращало на создание школ в сельской местности). Наконец, и крестьян, приобщенных к чтению книг, в то время было чрезвычайно мало («Всякий знает, как мало в каждом селе наберется охотников до чтения, даже из числа тех немногих, которые когда-то обучались грамоте и с тех пор в праздничные дни или в длинные зимние вечера изредка и с трудом разбирали псалтирь или жития святых»⁴³⁸). Причем дело было не только в низком уровне грамотности крестьянского населения. Чрезвычайно важно принимать во внимание и существовавшее в крестьянской среде отношение к книге и чтению. В начале пореформенного периода большинство крестьян считало, как было показано в одной из предшествовавших глав, что чтение книг — это занятие не для них, а для представителей высших сословий. Те же немногие крестьяне, которые приобщились к чтению, усвоили традиции книжной культуры допетровской Руси, выражавшиеся в первостепенном внимании к религиозной книге. Читатели-крестьяне в этот период интересовались главным образом духовно-поучительной, «божественной», как они ее называли, книгой (жития свя-

тых, поучения и т.п.). Об их отрицательном отношении к фондам современных библиотек выразительно свидетельствуют следующие замечания (сделаны они, правда, провинциальным мещанином, но отношение мещан к книгам в то время не сильно отличалось от крестьянского, вместе с купцами их объединяли тогда в одну группу народных читателей): «Заплатить рубля два-три (за пользование публичной библиотекой. — А. Р.) плевое дело. А что дадут читать? Спросишь Четь-Минею, говорят — нет; спросишь Шестоднев — тоже; историю там какую-нибудь, говорят, семинаристам отдано; по хозяйству что-нибудь попроще, все же нет; поучительное для жизни что-нибудь, и все и все нет. И пойдешь с пустыми руками. Что говорить, журналов со всей охотой дают, сколько хочешь. Ну, да сами рассудите, идут ли нам журналы? Хитро да мудрено пишут там, все не про нас. Да и толкуют о том, что не прикладно для нас. Ученым людям идут они, а не нам слепым. Ребята, подписавшись, носят вот сказки какие-то; я прочитал две, душу помutilo. И полно, и в дом не надо задаром, а не то что за деньги. Да уж что? Устройте, не только в губернских городах только, а в каждом уездном городе, в каждом селе, библиотеки из того, что есть теперь у нас: пользы для народа не будет ни малейшей. Русской Псалтыри, Иисуса Сирахова русского, говоря, не добьешься; так уж что тут подписываться? Одно слово — не про нас библиотека»⁴³⁹.

Можно было бы ожидать, что за счет подобных читателей будут успешно функционировать библиотеки при сельских церквях. Однако этого не произошло по ряду причин. Во-первых, даже и таких читателей в крестьянской среде было мало, всего несколько человек на село. Во-вторых, для них было свойственно неоднократное перечитывание одних и тех же книг, которые зачастую приобретались в личное пользование. И наконец, в-третьих, само духовенство, как правило, ориентировало крестьян не на связанное с чтением сознательное, рационализированное отношение к религии и церкви, а на традиционное, неразмышляющее исполнение религиозных обрядов. Прохладное отношение крестьян к церковным библиотекам было связано и с глухим протестом части крестьянского населения против официальной церкви. Все это обусловило непопулярность церковных библиотек в среде крестьян. В ограниченном количестве они продолжали существовать и в дальнейшем, но не играли существенной роли в распространении чтения на селе.

Самостоятельные сельские библиотеки, созданные в 1860-е гг., оказались нежизнеспособными из-за малого числа читателей, от-

сутствия организационной и материальной основы и в дальнейшем почти все прекратили свое существование. Характерно, что сами авторы проектов создания сельских библиотек нередко осознавали, что они рассчитаны на дальнюю перспективу, а не на сиюминутное осуществление. Один из них так и писал: «Даже и в том случае, если бы учреждение народных читален не оказалось возможным в настоящее время ни в одной местности, все-таки важно хоть сознать их необходимость»⁴⁴⁰.

В 1870—1880-е гг. библиотечное обслуживание крестьян осуществляли главным образом библиотеки, существовавшие при сельских школах. Это стало возможным после того, как с 1867 г. по распоряжению Министерства народного просвещения они стали доступны для пользования не только школьникам, но и всему крестьянскому населению данной местности. Число пришкольных библиотек постепенно росло, причем многие из них создавались по инициативе и на деньги земства (среди подобных библиотек в Тульской губернии к концу XIX в. 68,3% возникли по инициативе земства, комитетов грамотности и частных лиц, 25,2% — духовного ведомства, в церковно-приходских школах, 4,2% — правительства, 0,5% — самих крестьян, 1,8% имели смешанный характер⁴⁴¹). Всего в 1896 г. в России по неполным данным была 18391 сельская пришкольная библиотека, причем лишь 2—3 тыс. из них носили публичный характер⁴⁴². Однако библиотеки эти не удовлетворяли крестьян, поскольку располагали скудным по количеству и небогатым по разнообразию фондом, что было связано как с небольшими их материальными возможностями, так и с ограничениями в комплектовании, создаваемыми предписаниями министерства (в их фонд могли входить только книги, рекомендованные министерством для употребления в библиотеках средних и низших учебных заведений, то есть в основном учебники и детские издания).

Патерналистские установки государственной власти («царь — отец своих подданных») позволяли отождествлять крестьян с детьми и предлагать им для чтения детскую литературу, содержащуюся в школьных библиотеках. Опирающееся на развитый аппарат прямого политического принуждения (полиция, суд), а также на церковь, царское правительство не было заинтересовано в развитии других форм культурной регуляции поведения — таких как школа, библиотека и т.п. Церковь, как уже говорилось выше, предпочитала устные формы общения с крестьянским населением, делая при

этом упор на обрядовую сторону религии, а не на сознательное усвоение религиозного учения.

Возникновение развитой библиотечной сети в сельской местности было связано с деятельностью земства — социального института, позволяющего на законных основаниях организованно вести работу по открытию и финансированию библиотек. Особую роль в успешности этой работы сыграла консолидация социальной группы, стремящейся к воздействию на крестьян через сферу культуры (то есть путем просвещения — распространения грамотности, роста уровня знаний, приобщения к чтению и т.д.), — интеллигенции.

Земства — это органы местного самоуправления, созданные в 1864 г. (К концу 1870-х гг. они были введены в 34 губерниях Европейской России.) Наряду с целым рядом хозяйственных сфер они занимались такими вопросами, как медицинское обслуживание, статистика, народное образование и т.д. Земства носили компромиссный характер и были призваны сочетать интересы различных слоев населения. На практике ведущую роль в большинстве земств играли помещики, значительное влияние принадлежало и буржуазным элементам — фабрикантам, купцам, кулакам. Лишь в северных губерниях во многих уездных земствах большинство принадлежало крестьянским гласным. В целом земствам был свойствен расплывчатый либерализм, который усилился в период революционного и общественного подъема 1890-х гг. и нашел свое выражение в оформлении в этот период земской оппозиции⁴⁴³. Лишенные политической власти, земские либералы стремились получить поддержку крестьянского населения. По справедливому замечанию Н.М. Пирумовой, им «нужна была не всякая школа, а именно та, которая обеспечивала бы их влияние и в этой важнейшей области. Чем шире было бы население охвачено образованием, тем шире была бы и база их воздействия»⁴⁴⁴. Аналогичным было и их отношение к сельским библиотекам. Почти с самого своего создания земства немалое влияние стали уделять библиотекам для народа. Правда, в 1860—1870-е гг. это находило свое выражение главным образом в создании и субсидировании городских «народных библиотек». Но уже в 1870-х гг. земства нередко делали ассигнования на создание библиотек в сельских народных школах. В 1872 г. Усть-Сысольское уездное земство выделило деньги на устройство читален, в 1878 г. Нижегородское — на образование небольших волостных бесплатных библиотек. С начала 1880-х гг. земства начинают активнее заниматься устройством сельских библиотек. В 1881 г.

Московское губернское земство начало устраивать библиотеки при школах; в 1881 г. Екатеринбургское земство стало создавать «народные библиотеки-читальни», потом в этой деятельности к нему присоединилось еще несколько земств. Но широкий и систематический характер эта работа приобрела с конца 1880-х и особенно с начала 1890-х гг. К этому времени в результате деятельности сельской школы (в основном — земской) была создана читательская аудитория на селе. В этот период, ориентируясь на нее, земство начинает интенсивную деятельность по открытию сельских библиотек и быстро добивается успеха (разумеется, и проекты, и практический опыт 1860—1870-х гг. по созданию сельских библиотек оказали немалую помощь в этой работе). Именно земская библиотека вошла в быт русского села и в дальнейшем стала постоянным компонентом сельского образа жизни.

О массовом характере деятельности по открытию библиотек для народа свидетельствует введение Министерством внутренних дел в мае 1890 г. «Правил о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними» (просуществовавших до декабря 1905 г.) и выход в последующие годы различных пособий по открытию подобных библиотек⁴⁴⁵.

С 1890 г. в Комитете грамотности при Московском Обществе сельского хозяйства была создана библиотечная комиссия, а в 1892 г. Комитет обратился к земствам с циркуляром о необходимости поднять культурный уровень народа путем внешкольного образования, что послужило толчком к ассигнованиям средств на открытие «народных библиотек» в ряде земств. В 1896 г. Комитет получил пожертвование в 20 тыс. рублей на «народные читальни», на эти деньги в «народные библиотеки» рассылались небольшие комплекты книг (на сумму не более 75 р.).

Интенсивно вел работу, направленную на открытие «народных библиотек», Петербургский комитет грамотности при Вольном Экономическом обществе⁴⁴⁶. В 1893—1895 гг. по подписке им было собрано около 35 тыс. р., а летом 1894 г. Комитет обратился к земствам и волостным правлениям, предлагая высылать библиотеки (стоимостью 250 р.), если земство, волость или сельское общество обязуются предоставить помещение и библиотекаря. В результате в последующие годы было разослано 110 библиотек⁴⁴⁷. Много сделали для открытия библиотек на селе и другие, близкие по типу организации: Харьковское общество распространения в народе грамотности, учредившее в 1894 г. Комитет по устройству сельских

библиотек и народных читален, Нижегородское общество распространения начального образования, Киевское общество грамотности и т.д.

Со второй половины 1890-х гг. основную роль в библиотечном обслуживании играют не пришкольные, а самостоятельные сельские «народные библиотеки». Если в 1892 г. было лишь 38 земских «народных библиотек-читален», то к 1898 г. число их составляет уже 3 тыс., к 1904 г. — не менее 4,5 тыс., 1915 г. — около 25 тыс.⁴⁴⁸ (по другим сведениям это число не превышало 13 тыс.)⁴⁴⁹.

Названные выше учреждения (земства, комитеты грамотности, просветительские общества) осуществляли главным образом финансовую поддержку сельских библиотек. Но необходимо было еще вести повседневную работу по организации библиотек, обеспечению их книгами, выдаче книг крестьянам. Задача эта была выполнена интеллигенцией, прежде всего так называемым «третьим элементом» в земстве (помимо гласных и управ) — то есть земскими служащими (врачи, педагоги, статистики и т.д.), среди которых были либералы, народники и даже социал-демократы. «После неудачной попытки “хождения в народ” в конце восьмидесятых годов наступило иное течение, которое приняло форму “хождения в земство”. Земство ближе других “учреждений” стояло к народу, земство должно было заботиться о культурном развитии населения, — вот что именно и привлекало в земство некоторую часть демократической интеллигенции, среди которой все более укреплялся взгляд, известный под именем постепенщины»⁴⁵⁰.

Таким образом, используя уже существующий в обществе социальный институт — земство, интеллигенция добивалась осуществления своих целей, которые лишь частично совпадали с целями других социальных групп, представленных в земстве.

Интеллигенция, лишённая не только политической власти, но и законных политических возможностей борьбы за нее, рассчитывала на крестьянство как будущего своего союзника. Предпосылкой этого было приобщение крестьянства к мировоззрению, сложившемуся у данной группы, а средством — школа, библиотека, народные чтения.

Характерно, что, доказывая возможность создания сельских библиотек, земские деятели утверждали, что они необходимы, чтобы крестьянин не утратил умения читать, приобретенного в школе. Таким образом, техническое умение — грамотность — выступает в этих декларациях как цель, а библиотека лишь как средство. Но

на самом деле первостепенную важность для земских деятелей имела именно библиотека как определенный образ мира, запечатленный в печатном слове. Об этом наглядно свидетельствуют постоянные сетования земских деятелей на ограничения в комплектовании библиотек, создаваемые правительственной администрацией. Они возникли в 1890 г. после ввода в действие упомянутых выше «Правил о бесплатных народных читальнях...», которые разрешали включать в фонд «народных библиотек» только книги, внесенные в специальный каталог. Составлением, а потом постоянным пополнением каталога занимался Ученый комитет Министерства народного просвещения (в каталог входило в итоге менее 10% из числа пропущенных общей цензурой и обращавшихся на книжном рынке книг).

Недовольство земских библиотечных работников этими ограничениями вполне понятно. Ведь библиотека — это не случайный набор книг. Каков бы ни был ее объем, она моделирует в составе и структуре своих фондов систему интересов и ценностей создающей ее социальной группы (или индивида — если это личная библиотека). Соответственно, и земская библиотека призвана была воплощать ценности либеральной интеллигенции. Другое дело, что поскольку само земство было компромиссным явлением (в нем сочетались интересы ряда социальных групп и институтов, в том числе и правительства), то и фонды земской библиотеки носили компромиссный характер (акцентируя прежде всего важность научно-познавательных книг, они включали тем не менее и религиозную, и художественную литературу). Кроме того, правительство оказывало прямое давление на комплектаторов «народных библиотек», стремясь включить в их фонд издания, репрезентирующие его ценности. Согласно «Правилам о бесплатных народных читальнях...» учредители их должны были «избегать одностороннего подбора в читальне книг по известным отраслям знаний в ущерб книгам религиозно-нравственного, патриотического и вообще назидательного содержания». Компромиссность состава фондов порождалась и тем фактом, что «народная библиотека» создавалась земством для иной социальной группы. В подобных случаях основатели библиотеки обязательно должны принимать во внимание ценности потребителей, иначе библиотека не будет посещаться. Поэтому вполне закономерно, что для обеспечения пользования «народной библиотекой» ее организаторы в той или иной мере учитывали интересы крестьян. Традиционная крестьянская книжность

концентрировалась обычно вокруг религиозно-нравоучительной литературы (жития святых, поучения и т.д.), в меньшей степени — вокруг художественной литературы (в первую очередь — полуфольклорные сказочные повествования и т.д.). Из этих двух основных «добиблиотечных» потоков крестьянской книжности — религиозно-нравоучительная и лубочная — в фондах оказался представленным только первый. Таким образом, фонд земской библиотеки носил компромиссный характер, он включал книги классиков, но наиболее простые и понятные (прежде всего — сказки), а также религиозно-нравственную литературу. Основной акцент земская сельская библиотека делала на познавательной книге (так как внедряла «научный» образ мира) — естественно-научной, исторической, географической и т.д., а также на отечественной литературной классике.

Но оказалось, что крестьяне очень неохотно читают научно-популярные книги и издания прикладного характера. Например, по данным Петербургского комитета грамотности, в начале 1890-х годов книги подобной тематики составляли 31% в фонде сельских «народных библиотек» и лишь 13% спроса⁴⁵¹.

Постепенно доля научно-популярных и прикладных книг в структуре фонда сельских библиотек стала снижаться, а доля художественной литературы и исторических изданий — расти.

Представление о структуре фондов земских библиотек можно получить по данным о составе библиотечек, рассылавшихся в 1895 г. Петербургским комитетом грамотности: художественная литература — 43,3%; естествознание, математика, география — 16,8%; история — 11%; сельское хозяйство и промыслы — 7,9%; книги по общественным вопросам — 7,7%; религиозно-нравственные издания — 7,3%; гигиена и медицина — 3,2%; прочее — 2,8%⁴⁵².

В зависимости от специфических условий уездов и губерний⁴⁵³, а также величины села показатели работы библиотек (объем и структура фонда, число читателей и книговыдач) могли различаться весьма существенным образом. И тем не менее, не принимая во внимание нехарактерные случаи, можно обрисовать типичную земскую сельскую библиотеку. По данным земских обследований, в начале 1900-х гг. в такой библиотеке было в среднем 400—500 книг, около 200 читателей, причем в среднем приходилось по 8 выдач на читателя в год⁴⁵⁴. Подсчеты Е.Н. Медынского показали, что в 1909—1911 гг. в среднем на библиотеку приходилось 676 книг⁴⁵⁵.

В фонде библиотек были, как правило, книги и брошюры, изданные специально для народной аудитории Московским и Петербургским комитетами грамотности, «Посредником» и другими издательствами подобного типа.

Охарактеризовав цели земской библиотеки и ее фонд, посмотрим теперь, как относились крестьяне к земской библиотеке, кто из них и с какой целью посещал ее.

Знакомство с данными статистических обследований того времени и свидетельствами современников показывает, что лишь незначительная часть сельского населения являлась абонентами «народных библиотек». По данным Е.Н. Медынского, обобщившего материалы по различным губерниям России, сельскими библиотеками пользовались в России в 1909—1911 гг. 2,9% всего сельского населения⁴⁵⁶, то есть примерно 3 млн человек⁴⁵⁷. Этот вывод подтверждают и наши расчеты (проведенные на основе материалов одной из публикаций земских статистиков), согласно которым различными видами библиотек пользовалось в 1901 г. не более 3% сельского населения Полтавской губернии⁴⁵⁸.

Определенную роль в том, что библиотеками пользовалась небольшая часть крестьян, играл, конечно, невысокий уровень грамотности в крестьянской среде. Однако дело было не только в этом, о чем свидетельствует тот факт, что к концу XIX в. грамотными были около 20% крестьян, а «народными библиотеками» пользовалось всего 2—3%, то есть в десять раз меньше. К числу причин низкого охвата крестьян библиотечным обслуживанием относились также неравномерное развитие библиотечной сети (во многих селах не было библиотек) и узкий репертуар представленных в них изданий. Тем не менее нам представляется, что наибольшую важность имело то обстоятельство, что библиотека своим фондом «программировала» аудиторию, «отсекая» ряд потенциальных читательских групп. Прежде всего отметим, что библиотекой, как правило, не пользовались пожилые крестьяне, представители религиозной книжности. Не говоря уже о том, что нередко они считали неприличным, недостойным для себя посещать библиотеку (где среди читателей преобладала молодежь), они просто почти не находили в ее фондах интересующих изданий. На раннем этапе существования «народных библиотек» (1880-е гг.) большинство грамотных крестьян привлекала толстая «божественная» книга (Библия, Псалтырь, Четьи-Минеи), которую они, как правило, приобретали в личное пользование. В «народных» же библиотеках по духовно-

нравственному отделу они находили почти исключительно тонкие брошюры с житиями святых, да и то в не очень широком репертуаре. Другая группа сельских читателей, которых мало интересовала «народная библиотека», — это любители занимательного чтения, поклонники лубочной литературы. Дидактичные, нравоучительные повести и рассказы, представленные в фондах библиотек, не говоря уже о научно-популярных и прикладных изданиях, никак не могли удовлетворить любителей интересной и увлекательной книги.

Сельский учитель, исполнявший одновременно обязанности библиотекаря, так характеризовал читателей: «Можно заохотить крестьян к чтению только книгами легкого содержания, ибо у многих, особенно у молодых крестьян, сложился такой взгляд на книгу, что она в свободное время должна доставлять удовольствие. Старикам же требуется книга религиозно-нравственного содержания. Книги же, сообщающие знания, приходится предлагать весьма настойчиво. Обыкновенно говорят крестьяне: “Эти книжки трудно нам понять; по книжке не научиться исправлять свое хозяйство”»⁴⁵⁹.

В конце XIX в. статистики Вятской губернии провели опрос библиотекарей сельских библиотек (было получено около полутора тысяч ответов), где среди прочих вопросов был вопрос о степени и причинах полезности библиотеки. Ответы на него позволяют охарактеризовать различные типы отношения крестьянского населения (подавляющее большинство опрошенных были крестьянами) к библиотеке⁴⁶⁰. Одни из них считали, что «ничего нет для народа полезного в книгах, только нарушают (то есть портят, развращают. — *А. Р.*)». По отзывам библиотекарей, такие крестьяне «держатся старой привычки. Если что-нибудь расскажешь про новое, то и говорят, что старое не рони, а вновь не заводи», «читаешь ему газету или книжку, а он только и твердит, что это выдумало земство, да на нас натягивают большую подать». Другая группа, уже признававшая пользу чтения, ждала от библиотеки религиозной книги. Считая, что библиотека «очень полезна, потому что каждый читает, раскрывает свое сердце, стремится исполнять заповедь Божию», они хотели, чтобы в библиотеке «книги были хорошие: как человеку спастись, как ходить в церковь и что такое церковь, жития святых». По поводу других разделов фонда они писали: «...романы мы желаем от нас уничтожить, а взамен их прислать из божьего закону», «по нашему мнению, все басни и сказки (так крестьяне называли все беллетристические книги. — *А. Р.*) заменить бого-

угодными книгами». Представители еще одного типа отношения к библиотеке (весьма, впрочем, немногочисленные среди отвечающих) основную ее пользу видели в том, что она дает «приятное и полезное развлечение». Большинство библиотекарей разделяли те просвещенческие взгляды, которые стимулировали создание библиотек земством. Они утверждали, что «прежде наши прадеды и деды и отцы были народ темный, жили во тьме, не знали, что есть на свете, а ныне нам все сказано и указано», что библиотека «служит проводником образования среди народа», «читая книжки, крестьянин незаметно для себя развивается», «крестьяне уже многое узнали о небе, о земле, о светилах небесных и рассказывают другим», «народ <...> уже не стал признавать наговорщиков-шептунов, начал верить медицине». Кроме того, подчеркивалось, что пользование библиотекой резко расширяет кругозор («хотя бы сам нигде не бывал, а про все читал в книге»), укрепляет владение грамотой, отвлекает от пьянства и, наконец, способствует нововведениям в сельском хозяйстве («библиотека полезна: есть много книг, научающих вести правильное хозяйство»). Сторонники просветительского подхода к библиотеке в концентрированном виде выражали то отношение к ней, которое существовало у основного (если не количественно, то по степени читательской активности и удовлетворенности фондом) читателя земской «народной библиотеки». Именно они в наибольшей степени соответствовали стремлениям и ожиданиям создателей этого типа библиотек.

«Народная библиотека» была рассчитана на вполне определенного читателя — усвоившего грамотность и исходные представления о мироустройстве в земской школе и желающего пополнить и расширить свои знания. Предполагалось, что крестьянина должны интересовать книги русских классиков, современных авторов, пишущих на темы из народной жизни, а также произведения о вреде пьянства, погони за богатством и т.п. Считалось, что адресат «народной библиотеки» стремится получить знания по истории своей страны, географии, медицине. Особый интерес он должен был испытывать к книгам по сельскому хозяйству и использовать их для повышения производительности своего труда.

В чистом виде читатели такого типа на селе существовали, но были очень и очень малочисленны. Как правило, окончив земскую школу, они сдавали специальный экзамен и становились так называемыми народными учителями, преподавая в сельских школах.

Подобный переход от традиционного крестьянского мировоззрения к современному естественно-научному был, конечно, чрезвычайно сложным и драматичным процессом, и завершить его, оставаясь в деревне, удавалось немногим. Большинство выпускников земской школы после нескольких лет обучения в ней (2—3 года) оставались на перепутье, не порвав со старым взглядом на мир, но уже усвоив некоторые основные положения нового. Часть их после школы занималась привычным сельскохозяйственным трудом, переставала читать и постепенно забывала усвоенное в школе. Другая часть выпускников продолжала читать книги, оказываясь в изоляции в сельской среде. Как писал исследователь того времени, «идеалы, вынесённые из школы, детям по большей части приходится скрывать от старших, потому что те смеются над разными новшествами как в экономической, так и в нравственной жизни»⁴⁶¹.

В подобной ситуации школа (с расположенной там библиотекой) являлась единственным местом связи с новым миром представлений — как непосредственно, в лице учителя, так и опосредованно, как источник «новой», «современной» книги (лубочные издания можно было купить у офени или на ярмарке). Стремление «подкрепить» сложившийся у них новый образ мира побуждало этих читателей обращаться в земскую библиотеку.

Вот почему аудитория «народных библиотек» в основном состояла из учащихся земской школы и недавних ее выпускников (по данным, характеризующим 13,9 тыс. читателей из 91 сельской библиотеки, лица в возрасте не более 17 лет составляли 64% их аудитории)⁴⁶². Это были главным образом мальчики и юноши, женщины в читательской среде составляли редкое исключение.

Поскольку других источников получения книги на селе почти не было (да и книга в то время была довольно дорога), обращались в земскую библиотеку и другие сельские книгочеи, хотя они не всегда могли найти там книги, удовлетворяющие их запросы. Так, в ранний период существования земских библиотек (в середине 1890-х гг.) требования на религиозно-нравственную литературу составляли в среднем 31% общего числа требований, достигая в ряде местностей до 56%⁴⁶³, в то время как на долю книг этого раздела приходилось обычно не более 10—20% фонда. Этим объясняются нередкие заявления с мест, что читатели перестали посещать библиотеку, перечитав все книги. Учитывая, что в библиотеках в целом было несколько сотен книг, а скорость чтения читателей-крестьян была невысока, трудно ожидать, что они прочитывали все книги.

Скорее это касалось книг того или иного излюбленного раздела, например религиозно-нравственного.

Позднее, по мере секуляризации крестьянского сознания и формирования новой читающей публики, спрос на религиозно-нравственную литературу снизился. Но при этом отмечался рост спроса на художественную литературу, а отнюдь не на познавательные или утилитарные книги.

Любопытно сопоставить приводимые Е.Н. Медынским данные о структуре фонда и книговыдачи в земских библиотеках в 1909—1911 гг.⁴⁶⁴

Таблица

	Разделы фонда				
	Беллетристика, детские книги	Естествознание	История и география	Религиозно-нравственная книга	Прочее
Фонд, %	48,9	9,7	9,6	9,1	22,7
Книговыдача, %	61,0	5,9	9,6	6,8	17,0

Как следует из таблицы, к этому времени установки создателей библиотек и потребности читателей существенно сблизились — в фонде понизилась доля научно-популярных изданий по естествознанию и повысилась доля беллетристики, а крестьяне значительно меньше стали читать религиозные книги.

Выше говорилось о существовании различных типов отношения крестьян к книгам и библиотекам (типы эти соответствуют различным стадиям перехода от традиционной культуры к культуре городской). В зависимости от того, представители какого типа преобладали среди читателей той или иной конкретной библиотеки, формировался общий характер чтения ее аудитории. В одних библиотеках в основном читались религиозные книги, в других — беллетристические, в третьих — издания прикладного характера, наконец, в четвертых более или менее одинаково использовались книги различных разделов. Но, как было показано выше, постепенно снижалась доля библиотек с высоким запросом на религиозную книгу и росла доля библиотек, где преобладал интерес к беллетристике.

Наблюдатели начала 1880-х гг. отмечали, что читателям сельских библиотек Московской губернии «нравятся книги преимущественно религиозного и исторического содержания, а также неко-

торые повести и рассказы наших писателей. Из книг религиозного содержания с наибольшим интересом читаются жития святых и описания монастырей; из книг исторического содержания отмечены как наиболее читающиеся: рассказы Петрушевского про старое время на Руси, рассказы о Петре Великом, о Владимире Святом, о Суворове и разные исторические повести и рассказы, в числе которых и рассказы военные. Из поэтических произведений наших классических писателей указываются: повести и рассказы Григоровича, “Тарас Бульба” и “Вечера на хуторе” Гоголя, “Капитанская дочка” и сказки Пушкина, “Князь Серебряный” А. Толстого, все рассказы графа Л.Н. Толстого (“Бог правду любит”, “Чем люди живы”, “Из Ясной Поляны” и пр.; “рассказы Л.Н. Толстого читаются крестьянами всех возрастов нарасхват”, — сообщают некоторые преподаватели), стихотворения Кольцова и Некрасова⁴⁶⁵.

Аналогичный характер носят данные о читательских предпочтениях посетителей сельских библиотек других регионов. Например, в приходских библиотеках Бузулукского уезда Самарской губернии также больше всего читались духовно-нравственные и исторические книги, в том числе: «Поучения» Р.Т. Путятина, «Жизнь святых» П.И. Виноградова, «Святыни и древности великого града Киева», «Соловецкий монастырь», «Отечественная война» А.Ф. Погосского, «Иван Сусанин», «Как и чему учил Петр Великий», «Архангельские китоловы» А. Сетковой [А.П. Катенкамп], «Край крещеного света» С.В. Максимова, жизнеописание М.Д. Скобелева, сказки и «Полтава» А.С. Пушкина и др.⁴⁶⁶. К концу XIX в. читательские запросы крестьян стали сложнее и дифференцированнее, приблизившись к уровню образованной публики. У них были популярны такие авторы, как Д.В. Григорович, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.И. Лажечников, Е.А. Салиас, Г.П. Данилевский, М.Н. Загоскин, И.А. Гончаров, А.К. Толстой, Вас.И. Немирович-Данченко, В.П. Авенариус, А.В. Круглов, П.Р. Фурман, А.Г. Коваленская — из отечественных, Майн Рид, Ж. Верн, Э. Золя, Б. Ауэрбах, Ф. Купер — из зарубежных⁴⁶⁷.

В XX в. грань между «народными библиотеками» и публичными библиотеками других типов стала стираться, они постепенно сближались и по составу фондов, и по степени подготовленности своей аудитории.

Деятельность организаторов сельских «народных библиотек» следует оценить как успешный опыт создания сети библиотек в

небиблиотечной (и даже, по сути дела, почти «некнижной») среде. До их возникновения в сельской местности практически не было библиотек, а примерно через полвека (если вести отсчет от даты разрешения населению пользоваться пришкольными библиотеками) в значительной части сел, по крайней мере в большинстве более крупных из них, уже существовали успешно действующие «народные библиотеки». Правда, охват населения был невелик, лишь незначительная его часть посещала их. Но, во-первых, они вписались в сельский образ жизни, в сельский быт, стали необходимым его компонентом; во-вторых, они сформировали категорию регулярных читателей на селе, и в абсолютном выражении общее число их читателей (примерно 3 млн) было достаточно велико. Если учесть, что многие крестьяне пользовались библиотеками во время учебы в школе и некоторое время после ее окончания, а потом переставали, то общее число «прошедших» через земскую «народную библиотеку» существенно увеличится.

Оценивая деятельность библиотек этого типа в историческом аспекте, следует учесть также, что в них были отработаны формы привлечения читателей и работы с ними, а также сформированы кадры, сыгравшие важную роль в осуществлении «культурной революции» в 1920—1930-е гг.

Приложение 1

СПИСОК ШИРОКО ЧИТАВШИХСЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (1856—1895)

Принципы составления списка изложены в главе IV. Для романов, повестей и циклов очерков, напечатанных в течение нескольких лет, указывается журнальная публикация (по году окончания печатания), для рассказов и стихов — отдельное издание. Как правило, приводится авторское обозначение жанра, однако в тех случаях, когда оно не было поставлено писателем либо резко расходится с современной терминологией (например, наименование «рассказ» для масштабных произведений большого объема), жанр охарактеризован нами. Отсутствие жанровых обозначений указывает либо на нетрадиционность жанровой природы произведения, либо на наличие в сборнике (цикле) произведений разных жанров. В целях экономии места использованы следующие сокращения названий журналов: БДЧ — «Библиотека для чтения», ВЕ — «Вестник Европы», ИВ — «Исторический вестник», МБ — «Мир Божий», Н — «Наблюдатель», ОЗ — «Отечественные записки», РВ — «Русский вестник», РМ — «Русская мысль», РО — «Русское обозрение», РС — «Русское слово», С — «Современник», СВ — «Северный вестник». Тире между датами или номерами обозначает непрерыв-

ную публикацию, многоточие — наличие ее не в каждом номере указанного периода.

В случаях псевдонимных или анонимных публикаций подлинные имена авторов приводятся в прямых скобках. Произведения одного автора разделены запятой, разных авторов — точкой с запятой. Названия наиболее популярных, «шумных» публикаций, вызывавших всеобщий интерес, выделены полужирным шрифтом.

1856 Аксаков С.Т. Семейная хроника и Воспоминания. М.; Бенедиктов В.Г. Стихотворения. 3 т. СПб.; Воскресенский М.И. Загадочная мысль. Роман. М.; Григорович Д.В. Переселенцы. Роман. — ОЗ, 1855—56; Кугушев Г.В. Корнет Отлетаев. Повесть. — РВ, 3, Пыль. Повесть. — РВ, 4, 5; Некрасов Н.А. Стихотворения. М.; Никитин И.С. Стихотворения. Воронеж; Огарев Н.П. Стихотворения. М.; Островский А.Н. В чужом миру похмелье. Комедия. — РВ, 1; Писемский А.Ф. Очерки из крестьянского быта. СПб.; Потехин А.А. Крушинский. Роман. — БДЧ, 1—9; Ростопчина Е.П. Стихотворения. 2 т. СПб.; Соллогуб В.А. Чиновник. Комедия. — БДЧ, 3, Соч. 5 т. СПб., 1855—56; Сухово-Кобылин А.В. Свадьба Кречинского. Комедия. — С, 5; Толстой Л.Н. Два гусара. Повесть. — С, 5, Военные рассказы. СПб.; Тургенев И.С. Рудин. Роман. — С, 1, 2, Фауст. Повесть. — С, 10, Переписка. Повесть. — ОЗ, 1, Завтрак у предводителя. Комедия. — С, 8, Повести и рассказы. 3 ч.; Фет А.А. Стихотворения. СПб.

1857 Бенедиктов В.Г. Новые стихотворения. СПб.; Боткин В.П. Письма об Испании. СПб.; Владыкин М.Н. Драматические очерки. М.; Григорович Д.В. Столичные родственники. Повесть. — БДЧ, 1, 2, Кошка и мышка. Повесть. — С, 12; Дружинин А.В. Обрученные. Повесть. — БДЧ, 9—12; Жадовская Ю.В. В стороне от большого света. Роман. М.; Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.] Баритон. Роман. — ОЗ, 10—12; Майков А.Н. Три смерти. Лирическая драма. — БДЧ, 10; Мей Л.А. Стихотворения. СПб.; Островский А.Н. Доходное место. Комедия. — Русская беседа, 1, Праздничный сон — до обеда. Комедия. — С, 2; [Панаев И.И.] Стихотворения Нового поэта. СПб.; Писемский А.Ф. Старая барыня. Рассказ. — БДЧ, 2; Ростопчина Е.П. У пристани. Роман. СПб.; Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания. 2 т. М.; Толстой Л.Н. Юность. Повесть. — С, 1; Тургенев И.С. Чужой хлеб. Комедия

[позднее публиковалась под названием «Нахлебник»]. — С, 3; **Щедрин Н. [Салтыков М.Е.] Губернские очерки.** — РВ, 1856—57, Смерть Пазухина. Комедия. — РВ, 10; Щербина Н.Ф. Стихотворения. 2 т. СПб.

- 1858** Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. М.; Ахшарумов Н.Д. Игрок. Роман. — ОЗ, 11, 12; Воскресенский М.И. Наташа Подгорич. Роман. М., Повести и рассказы. 4 т. М.; Гербель Н.В. Отголоски. Стихотворения: В 2 ч. СПб.; Дрянский Е.Э. Квартет. Повесть. — БДЧ, 9, 10; **Елагин В.Н. Откупное дело.** Повесть. — С, 9, 10; Жадовская Ю.В. Стихотворения. СПб., Повести. СПб.; Кокорев И.Т. Очерки и рассказы. 3 т. М.; Львов Н.М. Предубеждение, или Не место красит человека, а человек место. Комедия. — ОЗ, 5; Майков А.Н. Стихотворения. 2 кн. СПб.; Нарская Е. [Шаликова Н.П.] Две сестры. Роман. М.; Никитин И.С. Кулак. Поэма. М.; Островский А.Н. Не сошлись характерами! Картины московской жизни. — С, 1; **Писемский А.Ф. Тысяча душ.** Роман. — ОЗ, 1—6, Боярщина. Роман. — БДЧ, 1, 2; Плещеев А.Н. Стихотворения. СПб.; Потехин А.А. Мишура. Комедия. М.; Розенгейм М.П. Стихотворения. СПб.; Толстой Л.Н. Альберт. Повесть. — С, 8; Тургенев И.С. Ася. Повесть. — С, 1; Чернышев И.Е. Не в деньгах счастье. Комедия. СПб.; Жених из долгового отделения. Комедия. — Драматический сборник, 4.
- 1859** Голицинский А.П. Смех и слезы. Рассказы. М.; **Гончаров И.А. Обломов.** Роман. — ОЗ, 1—4; Григорович Д.В. Повести и рассказы. 6 ч. М.; Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон. Повесть. — РС, 3, Село Степанчиково и его обитатели. Повесть. — ОЗ, 11, 12; Дрянский Е.Э. Записки мелкотравчатого. СПб.; [Елагин В.Н.] Губернский карнавал. Повесть. — С, 5, 6; Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. М.; Красов В.И. Стихотворения. М.; Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.] Романы и повести. Т. 1. СПб.; Кугушев Г.В. Постороннее влияние. Роман. М.; Максимов С.В. Год на Севере. Очерки. 2 т. СПб.; **Марко Вовчок [Маркович М.А.] Рассказы из народного русского быта.** М., **Украинские народные рассказы / Пер. И.С. Тургенева.** СПб.; Минаев Д.Д. Перепевы. СПб.; Никитин И.С. Стихотворения. СПб.; Островский А.Н. Воспитанница. Комедия. — БДЧ, 1; **Писемский А.Ф. Горькая судьбина.** Драма. — БДЧ, 11; Полонский Я.П. Кузнечик-музыкант. Поэма. —

- РС, 3, Рассказы. СПб., Стихотворения. СПб.; Потехин А.А. Новейший оракул. Комедия. — С, 3; Толстой А.К. Иоанн Дамаскин. Поэма. — Русская беседа, 1; Толстой Л.Н. Три смерти. Рассказ. — БДЧ, 1, Семейное счастье. Роман. — РВ, 4; Тур Е. [Салиас де Турнемир Е.В.] Повести и рассказы. 4 т. М.; **Тургенев И.С. Дворянское гнездо.** Роман. — С, 1.
- 1860 Авдеев М.В. Подводный камень.** Роман. — С, 10, 11; Боборыкин П.Д. Одноворец. Комедия. — БДЧ, 9, 10; **Генслер И.С. Гаванские чиновники <...>** Очерк. — БДЧ, 11, 12; **Гончаров И.А. Софья Николаевна Беловодова** [5 глав из романа «Обрыв»]. — С, 2; Данилевский Г.П. Из Украины. Сказки и повести. 3 ч. СПб.; Достоевский Ф.М. Соч. 2 т. М.; Каменская М.Ф. 50 лет назад. Роман. — ОЗ, 10—12; Карнович Е.П. Проблески счастья. Повесть. — С, 8, 9; Кохановская Н. [Соханская Н.С.] Гайка. Повесть. — РС, 4; **Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.] В ожидании лучшего.** Роман. — РВ, 7—9; Кулиш П.А. Повести. 4 т. СПб.; Михайлов М.Л. В провинции. Собр. повестей. 2 ч. СПб.; **Островский А.Н. Гроза.** Драма. — БДЧ, 1, Старый друг лучше новых двух. Картины из московской жизни. С, 9; [Панаев И.И.] Очерки из петербургской жизни Нового поэта. 2 ч. СПб., Соч. 4 т. СПб.; Плещеев А.Н. Повести и рассказы. 2 ч. М.; Подолинский А.И. Соч. 2 т. СПб.; Славутинский С.Т. Повести и рассказы. М.; Станицкий Н.Н. [Панаева А.Я.] Роман в петербургском полусвете. Роман. С, 3, 4; **Тургенев И.С. Накануне.** Роман. — РВ, 1, Первая любовь. Повесть. — БДЧ, 3; Чернышев И.Е. Отец семейства. Драма. — Драматический сборник, 2; **Шевченко Т.Г. Кобзарь.** СПб.; Якушкин П.И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб.
- 1861 Ахшарумов Н.Д. Чужое имя.** Роман. — РВ, 1...9; Боборыкин П.Д. Ребенок. Драма. — БДЧ, 1; Весеньев И. [Хвошинская С.Д.] Мудреный человек. Роман. — ОЗ, 6—8; Голицинский А.П. Очерки из фабричной жизни. М.; Горбунов И.Ф. Сцены из народного быта. СПб.; Даль В.И. Картины из русского быта. 2 т. СПб.; Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные. Роман. — Время, 1—7; Жадовская Ю.В. Женская история. Роман. — Время, 2—4; Карнович Е.П. Наследство Крушихина. Повесть. — ОЗ, 4—5; Кохановская Н. [Соханская Н.С.] Старина. Повесть. — ОЗ, 3, 4; Леонтьев К.Н. Подлипки. Роман. — ОЗ, 9—11; Марко Вовчок [Маркович М.А.] Новые повести и рассказы. СПб.; Мей Л.А. Соч. и переводы.

Кн. 1. СПб.; Некрасов Н.А. Стихотворения. 2 ч. 2-е изд. СПб., Коробейники. Поэма. — С, 10; Островский А.Н. Свои собаки грызутся, чужая не приставай! Комедия. — БДЧ, 3, За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзамина). — Время, 9; **Панаев И.И. Литературные воспоминания.** — С, 1...11; Писемский А.Ф. Соч. Т. 1. СПб., Старческий грех. Рассказ. — БДЧ, 1; **Помяловский Н.Г. Мещанское счастье.** Повесть. — С, 2, **Молотов.** Повесть. — С, 10; Потанин Г.Н. Старое старится, молодое растет. Роман. — С, 1—4 [главы из продолжения романа печатались в РС, 1864—65]; Успенский Н.В. Рассказы. 2 ч. Пб.; Хомяков А.С. Стихотворения. М.

1862 Вельтман А.Ф. Воспитанница Сара. Роман. — РВ, 3—5; **Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома.** — Время, 1861—62, Скверный анекдот. Рассказ. — Время, 11; Зиновьев Ф.А. Дворянские выборы. Сцены. — С, 2; Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.] Стоячая вода. Повесть. — РВ, 1; Крестовский В.В. Стихи. 2 т. СПб.; Островский А.Н. Козьма Захарыч Минин, Сухорук. Драматическая хроника. — С, 1; Писемский А.Ф. Батька. Рассказ. — РС, 1; Скавронский А. [Данилевский Г.П.]. Беглые в Малороссии. Роман. — Время, 1, 2; Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Женская доля. Роман. — С, 3—5; Стопановский М.М. Обличители. Роман. — ОЗ, 1...8; Толстой А.К. Дон Жуан. Драматическая поэма. — РВ, 4, **Князь Серебряный.** Повесть. — РВ, 8—10; **Тургенев И.С. Отцы и дети.** Роман. — РВ, 2; Чернышев И.Е. Испорченная жизнь. Комедия. — Драматический сборник, 1, Уголки театрального мира. Очерк нравов. — ОЗ, 9—11.

1863 Благовещенский Н.А. Афон. Очерки. — РС, 2...12; Весеньев И. [Хвошинская С.Д.] Городские и деревенские. Роман. — ОЗ, 3, 4, Домашняя идиллия недавнего времени. Роман. — ОЗ, 8—11; Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях. — Время, 2, 3; [Жулев Г.Н.] Песни Скорбного поэта. СПб.; Кохановская Н. [Соханская Н.С.] Повести. 2 ч. М.; Левитов А.И. Московские «комнаты снеibility». — БДЧ, 7—9; Лейкин Н.А. Апраксинцы. Сцены и очерки. — БДЧ, 10, 11; Мей Л.А. Соч. 3 т. СПб., 1862—63; Минаев Д.Д. Думы и песни. СПб.; Неизвестный [Каратыгин П.П.] Три поколения. Повесть. — С, 8—10; Островский А.Н. Грех да беда на кого не живет. Драма. — Время, 1, Тяжелые дни. Сцены из московской жизни. — С, 9; Павлова К.К. Стихотворения. М.; **Писемский А.Ф. Взбаламу-**

ченное море. Роман. — РВ, 3—8; Плещеев А.Н. Новые стихотворения. М.; Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. — Время, 1862, 5, 9, С, 1863, 4, 7, 11; Потехин А.А. Бедные дворяне. Роман. СПб.; Скавронский А. [Данилевский Г.П.] Беглые воротились. Роман. — Время, 1—3; Стебницкий [Лесков Н.С.] Овцебык. Рассказ. — ОЗ, 4; Толстой Л.Н. Казаки. Повесть. — РВ, 1, Поликушка. Рассказ. — РВ, 2, Соч. 8 ч. М.; Устрялов Ф.Н. Слово и дело. Комедия. СПб.; **Чернышевский Н.Г. Что делать?** Роман. — С, 3—5; Чужбинский А. [Афанасьев А.С.] Очерки прошлого. 4 ч. СПб.; **Щедрин Н. [Салтыков М.Е.] Невинные рассказы.** — С, 1/2, **Сатиры в прозе.** СПб.; Якушкин П.И. Велик бог земли русской! Очерк. — С, 1—2.

1864 Ахшарумов Н.Д. Мудреное дело. Роман. — Эпоха, 5—7; Бабиков К.И. Глухая улица. Роман. — Эпоха, 10—12; Боборыкин П.Д. В путь-дорогу. Роман. — БДЧ, 1862—64; Горский П.Н. Сатирические очерки и рассказы. СПб.; Григорович Д.В. Два генерала. Эпизод из романа. — РВ, 1, 2; Достоевский Ф.М. Записки из подполья. Повесть. — Эпоха, 1...4; Дьяченко В.А. Губернер. Комедия. — Русская сцена, 12; **Клюшников В.П. Марев.** Роман. — РВ, 1...5; Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.] Домашнее дело. Повесть. — ОЗ, 1; Леонтьев К.Н. В своем краю. Роман. — ОЗ, 5—7; Майков А.Н. Новые стихотворения. М.; Михайлов А. [Шеллер А.К.]. Гнилые болота. Роман. — С, 2, 3; Назарьев В.Н. Очерки с натуры. — ОЗ, 1862—64; Некрасов Н.А. Мороз, Красный нос. Поэма. — С, 1, Стихотворения. 3 ч. СПб.; Островский А.Н. Шутники. Картины московской жизни. — С, 9; Полонский Я.П. Разлад. Сцены. СПб.; Потехин Н.А. Наши безобразники. Сцены. СПб.; Решетников Ф.М. Подлиповцы. Повесть. — С, 3—5; **Стебницкий М. [Лесков Н.С.] Некуда.** Роман. — БДЧ, 1...12; Толстой Л.Н. Соч. 2 ч. СПб.; Тургенев И.С. Призраки. Повесть. — Эпоха, 1—2; **Холодов [Бажин Н.Ф.] Степан Рулев.** Повесть. — РС, 11, 12; Чаев Н.А. Сват Фадеич. Предание в лицах. — Эпоха, 11.

1865 Александров В. [Крылов В.А.] Против течения. Драма. СПб.; Дмитриев Н.Д. Недалекое прошлое. Повести и рассказы. СПб.; Достоевский Ф.М. Крокодил. Рассказ. — Эпоха, 2; Дружинин А.В. Собр. соч. 8 т. СПб.; Костомаров Н.И. Сын. Рассказ из времен XVII века. СПб.; Крестовский В. [Хвошин-

ская Н.Д.] Недавнее. Роман. — ОЗ, 1—7; Крестовский В.В. Петербургские типы. Очерки. 3 кн. СПб.; Левитов А.И. Степные очерки. 2 т. СПб.; Манн И.А. Паутина. Комедия. — РВ, 9; Михайлов А. [Шеллер А.К.] Жизнь Шупова, его родных и знакомых. Роман. — С, 2...8; Островский А.Н. Воевода. Комедия. — С, 1, На бойком месте. Комедия. — С, 9; Писемский А.Ф. Русские лгуны. Цикл рассказов. — ОЗ, 1...4; Помяловский Н.Г. Повести, рассказы и очерки. 2 т. СПб.; Потехин А.А. Отрезанный ломоть. Комедия. — С, 10; Слепцов В.А. Трудное время. Повесть. — С, 4...8, Соч. 2 т. СПб.; Стебницкий М. [Лесков Н.С.] Леди Макбет нашего уезда. Повесть. — Эпоха, 1, Обойденные. Роман. — ОЗ, 18—24; Толстой Л.Н. Тысяча восемьсот пятый год [начало романа «Война и мир»]. — РВ, 1—4, Холодов [Бажин Н.Ф.] Чужие между своими. Повесть. — РС, 1, 2, Житейская школа. Повесть. — РС, 6, 7, Три семьи. Повесть. — РС, 10—12; Чаев Н.А. Дмитрий Самозванец. Драма. — Эпоха, 1.

1866 Ахшарумов Н.Д. Натурщица. Повесть — ОЗ, 3, 4; Боборыкин П.Д. В чужом поле. Роман. — РВ, 10, 11; Воронов М.А., Левитов А.И. Московские норы и трущобы. 2 т. СПб.; Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Роман. — РВ, 1...12; Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Роман. — ОЗ, 1864—66; Кудрявцев П.Н. Повести и рассказы. 2 ч. М.; Михайлов М.Л. Стихотворения. СПб.; Полонский Я.П. Оттиски. Стихотворения. СПб.; Решетников Ф.М. Горнорабочие. Роман. — С, 1, 2; Соколовский Н.М. Острог и жизнь. (Из записок следователя). СПб.; Стебницкий М. [Лесков Н.С.] Воительница. Очерк. — ОЗ, 7, Островитяне. Повесть. — ОЗ, 21—24; Толстой А.К. Смерть Иоанна Грозного. Трагедия. — ОЗ, 1; Толстой Ф.М. Соч. 2 т. СПб.; Успенский Г.И. Нравы Рас-теряевой улицы. Очерки. — С, 2, 3, Очерки и рассказы. СПб.

1867 Авенариус В.П. Поветрие. Повесть. — Всемирный труд, 2, 3; Ахшарумов Н.Д. Граждане леса. Роман. — Всемирный труд, 4—6; Б-н Н. [Бажин Н.Ф.] Из огня да в полымя. Повесть. — Дело, 5, 6; Данилевский Г.П. Новые места. Роман. — РВ, 1, 2; Дрянский Е.Э. Туз. Роман. М.; Каратыгин П.П. Отсталый и передовой. Роман. — Всемирный труд, 9—11; Клюшников В.П. Большие корабли. Роман. — Литературная библиотека, 5...11; Левитов А.И. Степные очерки. Т. 3. М.; Минаев Д.Д. Здравия желаю! Стихотворения. СПб.; Островский А.Н. Дмит-

рий Самозванец и Василий Шуйский. Драматическая хроника. — ВЕ, 1, Тушино. Драматическая хроника. — Всемирный труд, 1; Писемский А.Ф. Самоуправцы. Трагедия. — Всемирный труд, 2, Поручик Гладков. Драма. — Всемирный труд, 3; Полонский Я.П. Признания Сергея Чалыгина. Роман. — Литературная библиотека, 3...12; Решетников Ф.М. Глумовы. Роман. — Дело, 1866—67; Стебницкий М. [Лесков Н.С.] Повести, очерки и рассказы. СПб., Расточитель. Драма. — Литературная библиотека, 7; Толстой А.К. Стихотворения. СПб.; Тургенев И.С. Дым. Повесть. — РВ, 3; Успенский Г.И. В будни и праздники. СПб.; Успенский Н.В. Новые рассказы. СПб.; М.; Чернявский Н.И. Гражданский брак. Комедия. СПб.

1868 Авдеев М.В. Меж двух огней. Роман. — Современное обозрение, 1—3; **Боборыкин П.Д. Жертва вечерняя.** Роман. — Всемирный труд, 1...7; **Гирс Д.К. Старая и юная Россия.** Роман. — ОЗ, 3, 4; Данилевский Г.П. Новые соч. 2 т. СПб.; **Достоевский Ф.М. Идиот.** Роман. — РВ, 1...12; Каратыгин П.П. Ледяной город. Роман. — Всемирный труд, 6—11; Кельсиев В. Пережитое и передуманное. Воспоминания. СПб.; Кошкарров И.Д. А. Большаков. Роман. СПб.; Лажечников И.И. Внучка панцырного боярина. Роман. — Всемирный труд, 1—4; Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. СПб.; Манн И.А. Говоруны. Комедия. — РВ, 2; Марко Вовчок [Маркевич М.А.] Живая душа. Роман. — ОЗ, 1...5; Минаев Д.Д. В сумерках. Сатиры и песни. СПб.; Михайлов А. [Шеллер А.К.] Господа Обносковы. Роман. — Дело, 3—7; Островский А.Н. Василиса Мелентьева. Драма. — ВЕ, 2; На всякого мудреца довольно простоты. Комедия. — ОЗ, 11; Писемский А.Ф. Бывшие соколы. Трагедия. — Всемирный труд, 9; Решетников Ф.М. Где лучше? Роман. — ОЗ, 6—10; [Селиванов И.В.] Воспоминания прошедшего. СПб.; Толстой А.К. **Царь Федор Иоаннович.** Трагедия. — ВЕ, 5.

1869 Аверкиев Д.В. Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве <...> — Заря, 3; Бажин Н.Ф. История одного товарищества. Роман. — Дело, 4...12; Боборыкин П.Д. На суд. Роман. — Всемирный труд, 1—5; **Гончаров И.А. Обрыв.** Роман. — ВЕ, 1—5; Ключников В.П. Цыгане. Роман. — Заря, 2...12; Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.] Первая борьба. Повесть. — ОЗ, 8, 9; **Крестовский В.В. Панургово стадо.** Роман. — РВ, 2—12; Крылов В.А. Столбы. СПб.; Лесков Н.С. Повести, очерки

и рассказы. Т. 2. СПб.; Михайлов А. [Шеллер А.К.] В разброд. — Дело, 8—12; **Мордовцев Д.Л. Знаменья времени.** Роман. — Всемирный труд, 1—7; Никитин И.С. Соч. 2 т. СПб.; Ожигина Л.А. Своим путем. Роман. — ОЗ, 3...7; Островский А.Н. Горячее сердце. Комедия. — ОЗ, 1; Писемский А.Ф. Люди сороковых годов. Роман. — Заря, 1—9; Потехин А.А. Рыцари нашего времени (В мутной воде). Комедия. — ОЗ, 2, Вакантное место. Комедия. — ОЗ, 11; Решетников Ф.М. Соч. 2 т. СПб.; Салтыков (Щедрин) М.Е. Признаки времени и Письма о провинции. СПб.; Скалдин [Еленев Ф.П.] В захолустье и в столице. Очерки. — ОЗ, 1868—69; Сухово-Кобылин А.В. Картины прошедшего (Свадьба Кречинского. Дело. Смерть Тарелкина). М.; **Толстой Л.Н. Война и мир.** Роман. 6 т. М., 1868—69; Тургенев И.С. Несчастливая. Повесть. — РВ, 1; Успенский Г.И. Разоренье. Очерки. — ОЗ, 2—4.

1870 Авсеенко В.Г. На распутьи. Роман. — Заря, 9—12; **Боборыкин П.Д. Солидные добродетели.** Роман. — ОЗ, 9—12, По-американски. Повесть. — Дело, 9, 10; Воронов М.А. Болото. СПб.; Достоевский Ф.М. Вечный муж. Повесть. — Заря, 1, 2; Марко Вовчок [Маркович М.А.] Записки причетника. Роман. — ОЗ, 1869—70, Соч. 2 т. СПб.; Минаев Д.Д. Песни и поэмы. СПб.; Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. Поэма. Часть 1. — ОЗ, 1869—70, Дедушка. Поэма. — ОЗ, 9; **Омулевский И.В. [Федотов И.В.] Шаг за шагом.** Роман. — Дело, 1...12; Островский А.Н. Бешеные деньги. Комедия. — ОЗ, 2; Полонский Я.П. Соч. 4 т. СПб., 1869—70; Решетников Ф.М. Свой хлеб. Роман. — ОЗ, 3—8; Толстой А.К. Царь Борис. Трагедия. — ВЕ, 3; Тургенев И.С. Странная история. Рассказ. — ВЕ, 1, Степной король Лир. Повесть. — ВЕ, 10; Успенский Г.И. Тише воды, ниже травы. Повесть. — ОЗ, 1, 2; Чаев Н.А. Подспудные силы. Роман. — РВ, 2—7; **Щедрин Н. [Салтыков М.Е.] История одного города.** — ОЗ, 1869—70.

1871 Благовещенский Н.А. Среди богомольцев. Очерки. СПб.; Ближнев [Лачинова А.А.] Семейство Снежиных. Роман. — ВЕ, 9—12; Блюммер Л.П. Около золота. Роман. — Заря, 1—8; Боборыкин П.Д. Поддели. Повесть. — Дело, 9, 10; Витняков Н. [Кашкаров И.Д.] Русские демократы. Роман. СПб., Честные люди. Роман. СПб.; Вроцкий Н.А. [Навроцкий А.А.] Стенька Разин. Драматическая хроника. — ВЕ, 5; Зарубин П.А. Теневые и светлые стороны русской жизни. Роман. 2 т. СПб.; **Крес-**

- товский В. [Хвошинская Н.Д.] Большая медведица. Роман. — ВЕ, 1870—71; Кушевский И.А. Николай Негорев, или Благополучный россиянин. Роман. — ОЗ, 1—4; Лейкин Н.А. Повести, рассказы и драматические соч. 2 т. СПб.; Лесков Н.С. На ножах. Роман. — РВ, 1870—71; Максимов С.В. Лесная глушь. Очерки. 2 т. СПб., Сибирь и каторга. Очерки. 3 т. СПб.; Минаев Д.Д. На перепутьи. СПб.; Михайлов А. [Шеллер А.К.] Лес рубят, щепки летят. Роман. — Дело, 1—12; Никитин В.Н. Многострадальные. Очерки быта кантонистов. — ОЗ, 8—10; Островский А.Н. Лес. Комедия. — ОЗ, 1, Не все коту масленица. Сцены из московской жизни. — ОЗ, 9; Писемский А.Ф. В водовороте. Роман. — Беседа, 1—6; Полонский Я.П. Снопы. Стихи и проза. 2 т. СПб.; Смирнова С. [Сазонова С.И.] Огонек. Роман. — ОЗ, 5, 6; Суриков И.З. Стихотворения. М.; Тургенев И.С. Стук!.. Стук!.. Стук!.. Рассказ. — ВЕ, 1; Успенский Г.И. Очерки и рассказы. СПб.; Успенский Н.В. Новейшие рассказы. СПб.; М.; Чернолесов А. [Бутенев] Светские люди. Повесть. — ОЗ, 10, 11; Чужбинский А. [Афанасьев А.С.] Очерки прошлого. — Всемирный труд, 1870—71.
- 1872 Аверкиев Д.В. Каширская старина. Драма. — РВ, 1; Авсенок В.Г. Из-за благ земных. Роман. — РВ, 9—11; Ахшарумов Н.Д. Концы в воду. Роман. — ОЗ, 10—12; Бажин Н.Ф. «Зовет...» (Записки Семена Долгого). Роман. — Дело, 3...12; Боборыкин П.Д. Повести и рассказы. СПб.; Гирс Д.К. Калифорнийский рудник. Сцены прошлого. — ОЗ, 2, 3; Достоевский Ф.М. Бесы. Роман. — РВ, 1871—72; Каразин Н.Н. На далеких окраинах. Роман. — Дело, 9—11; Кот Мурлыка [Вагнер Н.П.]. Сказки. СПб.; Лесков Н.С. Соборяне. Роман. — РВ, 4—7; Лесницкий Б. [Маркевич Б.М.] Забытый вопрос. Роман. — РВ, 1—4; Майков А.Н. Стихотворения. 3 ч. СПб.; Нефедов Ф.Д. На миру. Очерки и рассказы. М.; Островский А.Н. Не было ни гроша, да вдруг алтын. Комедия. — ОЗ, 1; Преображенский Н.С. Из кулька в рогожку. Роман. — Дело, 1—7; Смирнова С. [Сазонова С.И.] Соль земли. Роман. — ОЗ, 1—5; Тимофеев Н. Записки следователя. СПб.; Тургенев И.С. Вешние воды. Повесть. — ВЕ, 1, Конец Чертопханова. — ВЕ, 11; Чаев Н.А. Богатыри. Роман. — Беседа, 2—11; Шкляревский А.А. Сочинения. Рассказы следователя. СПб., Повести и рассказы. СПб.; Щедрин Н. [Салтыков М.Е.] Господа таш-

кентцы. Очерки. — ОЗ, 1869—72, Дневник провинциала в Петербурге. — ОЗ, 1...12.

1873 Альбов М.Н. Пшеницыны. Роман. — Дело, 9—12; **Альминский П.** [Пальм А.И.] **Алексей Слободин.** Роман. — ВЕ, 1872—73; Благовещенский Н.А. Повести и рассказы. СПб.; **Боборыкин П.Д.** **Полжизни.** Роман. — ВЕ, 11, 12, **Дельцы.** Роман. — ОЗ, 1872—73; Богров Г.И. Записки еврея. Роман. — ОЗ, 1871—73; Дмитриев Н.Д. На перепутьи. Роман. — ВЕ, 1—4; Каразин Н.Н. Погоня за наживой. Роман. — Дело, 1—11; Лесков Н.С. Запечатленный ангел. Рассказ. — РВ, 1, Сборник мелких беллетристических произведений. СПб.; Маркевич Б.М. Марина из Алого Рога. Роман. — РВ, 1—3; Марко Вовчок [Маркович М.А.] Теплое гнездышко. Повесть. — ОЗ, 6, 7; Марков В.Л. Курские порубежники. Ист. роман. — РВ, 5—7; Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. Последыш. — ОЗ, 2, Русские женщины. Поэма. — ОЗ, 1872—73; Островский А.Н. Комик XVII столетия. Комедия. — ОЗ, 2, Снегурочка. Сказка. — ВЕ, 9; Пальм А.И. Старый барин. Комедия. — ОЗ, 5; Потехин А.А. Соч. 7 т. СПб.; Салтыков (Щедрин) М.Е. Помпадурсы и помпадурши. Очерки. СПб.; Смирнова С. [Сазонова С.И.] Попечитель учебного округа. Роман. — ОЗ, 10—12; Соколов А.А. Театральные болота. Хроника-роман. 3 ч. СПб., 1869—73; Станюкович К.М. Без исхода. Роман. — Дело, 2—10; Успенский Г.И. Большая совесть. Очерки. — ОЗ, 2, 4, Лентяй, его воспоминания, наблюдения и заметки. СПб.; Щербина Н.Ф. Полн. собр. соч. СПб.

1874 Аверкиев Д.В. История бледного молодого человека. Роман. — РВ, 1...6; Алеева Н. [Утина Н.И.] Два мира. Роман. — Дело, 1—8; Бажин Н.Ф. Повести и рассказы. СПб.; Боборыкин П.Д. Доктор Цыбулька. Роман. — ОЗ, 3—6; Боев Н. [Берг Ф.Н.] Заозерье. Очерки и рассказы из жизни степного края. СПб.; Буренин В.П. Очерки и пародии. СПб.; **Вологдин [Засодимский П.В.] Хроника села Смурина.** Роман. — ОЗ, 8...12; Данилевский Г.П. Девятый вал. Роман. — ВЕ, 1—3; Данилов Н.П. Вечный двигатель. Роман. М.; К.В.М. [Мещерский В.П.] Один из наших Бисмарков. Роман. 2 т. СПб.; Крестовский В.В. Две силы. Роман. — РВ, 1—12; Крылов В.А. Земцы. Комедия. — ВЕ, 5; Левитов А.И. Горе сел, дорог и городов. Повести, рассказы, очерки и картины. М.; Лейкин Н.А. Веселые рассказы. СПб.; Лесков Н.С. Захудалый род. Семейная хроника. —

- РВ, 7...10, Очарованный странник. Повесть. СПб.; Летнев П. [Лачиновы А. и П.] Вне общественных интересов. Роман. — Дело, 1873—74; Марков Е.Л. Барчуки. Картины прошедшего. — ВЕ, 9; Наумов Н.И. Сила солому ломит. Рассказы. СПб.; Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. Крестьянка. — ОЗ, 1; Островский А.Н. Поздняя любовь. Сцены. — ОЗ, 1, Трудовой хлеб. Сцены. — ОЗ, 11; Печерский А. [Мельников П.И.] В лесах. Роман. — РВ, 1871—74; Решетников Ф.М. Соч. 2 т. М.; Салиас Е.А. Пугачевцы. Роман. М.; Тургенев И.С. Пунин и Бабурин. Повесть. — ВЕ, 4.
- 1875** Аверкиев Д.В. Новая барышня. Повесть. — РВ, 9; Боборыкин П.Д. Долго ли? Повесть. — ОЗ, 10, В усадьбе и на порядке. Повесть. — ВЕ, 1; Достоевский Ф.М. Подросток. Роман. — ОЗ, 1...12; Забытый О. [Недетовский Г.И.] По селам и захоlustьям. — ВЕ, 5...12; Златовратский Н.Н. Крестьяне-присяжные. Очерки. — ОЗ, 1874—75; Иванов Д. Солдатское житье. Очерки из туркестанской жизни. СПб.; Инсарский В.А. Половодье. Картины провинциальной жизни прежнего времени. СПб.; К.В.М. [Мещерский В.П.] Женщины из петербургского большого света. Роман. 3 ч. СПб., 1874—75; Каразин Н.Н. С севера на юг. Роман. — Дело, 1874—75; Костомаров Н.И. Кудеяр. Ист. хроника. — ВЕ, 4—6; Кушевский И.А. Маленькие рассказы. СПб.; Леванда Л.О. Горячее время. Роман. СПб.; Смирнова С. [Сазонова С.И.] Соль земли. Роман. — ОЗ, 1—5; Тимофеев Н. Очерки прошлого. СПб.; Летнев П. [Лачиновы А. и П.] Чужое преступление. Роман. — Дело, 1—3; Марко Вовчок [Маркович М.А.] В глуши. Роман. — ОЗ, 7...12; Михайлов А. [Шеллер А.К.] Старые гнезда. Роман. — Дело, 10—12, Соч. 6 т. СПб., 1873—75; Немирович-Данченко Вас.И. Соловки. Очерки. СПб.; Никитин В.Н. Жажда богатства. Повесть. СПб.; Островский А.Н. Волки и овцы. Комедия. — ОЗ, 11; Потехин Н.А. Злоба дня. Драма. — Дело, 1; Стахеев Д.И. Наследники. Роман. СПб.; Стулли Ф.С. Два раза замужем. Повесть. — ВЕ, 4; Суворин А.С. Очерки и картинки. 2 ч. СПб.; Суриков И.З. Стихотворения. М.
- 1876** Авдеев М.В. В сороковых годах. Повесть. — ВЕ, 9—11; Авсеев В.Г. Млечный путь. Роман. — РВ, 1875—76; Боборыкин П.Д. Лихие болести. Роман. — ОЗ, 10, 11; Богров Г.И. Еврейский манускрипт. Ист. повесть. СПб.; Бострем Ю.К. Рассказы смеющегося философа. М., Рассказы странствующего са-

тира. М.; Достоевский Ф.М. Дневник писателя [выходил ежемесячно]; Засодимский П.В. Повести из жизни бедных. СПб.; Иванов Г. [Успенский Г.И.] Люди и нравы. Очерки. — ОЗ, 4...10; К.В.М. [Мещерский В.П.] Лорд-апостол в большом петербургском свете. Повесть. СПб.; Крестовский В.В. Деды. Ист. повесть. — РВ, 9; Леонтьев К.Н. Дитя души. Повесть. — РВ, 6, 7, Из жизни христиан в Турции. Повести и рассказы. 3 т. М.; Лесков Н.С. На краю света. Рассказы. СПб.; Летнев П. [Лачиновы А. и П.] Бешеная лощина. Роман. — Дело, 9—12; Максимов С.В. Бродячая Русь Христа ради. Очерки. — ОЗ, 1874—76; Михайлов А. [Шеллер А.К.] Хлеба и зрелищ. Роман. — Дело, 1—7; Незлобин А. [Дьяков А.А.] Кружок. Повесть. — РВ, 5, В народе. Повесть. — РВ, 9; Островский А.Н. Богатые невесты. Комедия. — ОЗ, 2; Рассказы. М.; Полонский Я.П. Озимы. Стихи. 2 ч. СПб., 1875—76; Потехин А.А. Хворая. Повесть. — ВЕ, 2, 3. Около денег. Роман. — ВЕ, 10—12; Потехин Н.А. Мертвая петля. Драма. — Дело, 1; Салиас Е.А. Избушка на курьих ножках. Сказка. — РВ, 7, 8; Смирнова С. [Сазонова С.И.] Сила характера. Роман. — ОЗ, 2—4; Толстой А.К. Полн. собр. стихотворений. 2 т. СПб.; Тургенев И.С. Часы. Рассказ. — ВЕ, 1; Успенский Н.В. Соч. 3 т. М.; Щедрин Н. [Салтыков М.Е.] Благонамеренные речи. — ОЗ, 1872—76.

1877 Ардов [Апрелева Е.И.] Без вины виноватые. Роман. — ВЕ, 7, 8; Боборыкин П.Д. Русский Шеффилд (Очерки села Павлова) — ОЗ, 1; Гаршин В.М. Четыре дня. Рассказ. — ОЗ, 10; Далин Д.А. [Линев Д.А.] Исповедь преступника. Уголовный роман. СПб.; Данилевский Г.П. Соч. 4 т. СПб.; Достоевский Ф.М. Дневник писателя [выходил ежемесячно]; Дубровина Е.О. Сфинкс. Роман. — Дело, 10—12; Забытый О. [Недетовский Г.И.] Велено приискивать. Повесть. — ВЕ, 9—11; Златовратский Н.Н. Золотые сердца. Повесть. — ОЗ, 4...12; Котелянский Л.О. Чиншевики. Повесть. — ОЗ, 12; Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.] Альбом. Группы и портреты. — ВЕ, 1874—77; Крылов В.А. В духе времени. Комедия. — ВЕ, 12; Леонтьев К.Н. Сфакиот. Повесть. — РВ, 1—3; Летнев П. [Лачиновы А. и П.] Увлечения и ошибки. Роман. — Дело, 5—9, Бархатные когти. Роман. — Дело, 11, 12; Марков Е.Л. Черноземные поля. Роман. — Дело, 1876—77; Мещерский В.П. Петя Скуратов. Повесть. — РВ, 8, Хочу быть русскою. Роман. СПб.; Некрасов Н.А. Последние песни. СПб.; Осипович А. [Новодвор-

- ский А.О.] Эпизод из жизни ни павы, ни вороны. Повесть. — ОЗ, 6; Островский А.Н. Правда хорошо, а счастье лучше. Комедия. — ОЗ, 1; Потехин А.А. На миру. Повесть. — ВЕ, 4, 5; Салиас Е.А. Повести. 2 т. СПб.; Толстой Л.Н. **Анна Каренина**. Роман. — РВ, 1875—77, Ч. 8. М.; Тургенев И.С. **Новь**. Роман. — ВЕ, 1, 2, Рассказ отца Алексея. Рассказ. — ВЕ, 5.
- 1878** Авсеенко В.Г. Скрежет зубовой. Роман. — РВ, 1...11; Баранцевич К.С. Порванные струны. Рассказ. — Слово, 8; Боборыкин П.Д. Сами по себе. Роман. — Слово, 9—12; Далин Д.А. [Линев Д.А.] По тюрьмам (Записки заключенного). СПб.; Голенищев-Кутузов А.А. Затишье и буря. Стихи. СПб.; Данилевский Г.П. Потемкин на Дунае. Повесть. — ВЕ, 2; Каразин Н.Н. В пороховом дыму. Роман. — Дело, 1877—78; Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.] Былое. Роман. — ОЗ, 2; Леонтьев К.Н. Камень Сизифа. Роман. — РВ, 1877—78; Маркевич Б.М. Четверть века назад. Роман. — РВ, 4...12; Мещерский В.П. Ужасная женщина. Роман. 2 ч. СПб.; Михайлов А. [Шеллер А.К.] Беспечальное житье. Роман. — Дело, 1—5; Мордовцев Д.Л. Идеалисты и реалисты. Ист. роман. СПб.; **Немирович-Данченко Вас.И. Год войны**. Дневник русского корреспондента. 2 т. СПб.; Островский А.Н. Последняя жертва. Комедия. — ОЗ, 1; [Островский А.Н.], Соловьев Н.Я. Женитьба Белугина. Комедия. — ОЗ, 5; Пальмин Л.И. Сны наяву. Собр. стихотворений. М.; Писемский А.Ф. Мещане. Роман. СПб.; Салов И.Д. Грызуны. Рассказ. — ОЗ, 6; **Салтыков (Щедрин) М.Е. В среде умеренности и аккуратности**. СПб.; Северин Н. [Мердер Н.И.] В чужом пиру похмелье. Повесть. — Дело, 4...9.
- 1879** Альбов М.Н. День итога. Повесть. — Слово, 1, 2; Данилевский Г.П. Мирович. Ист. роман. — ВЕ, 6—8; Златовратский Н.Н. Деревенские будни. — ОЗ, 3...12; Крылов В.А. Горезлосчастье. Драма. — ВЕ, 1; Лейкин Н.А. Неунывающие россияне. Рассказы и картинки с натуры. СПб.; Лесков Н.С. Мелочи архиерейской жизни. СПб.; Летнев П. [Лачиновы А. и П.] На волоске. Роман. — Дело, 8—10; Марков Е.Л. Берег моря. Роман. — Дело, 1...9; Мещерский В.П. Граф Обезьянинов на новом месте. Роман. 5 т. СПб.; Минский Н.М. [Виленкин Н.М.] Белые ночи. Поэма. — ВЕ, 11; Михневич В.О. В петербургском омуте. Роман. СПб.; Мордовцев Д.Л. Двенадцатый год. Ист. роман. — Журнал романов и повестей «Недели», 2...11; **Морской Н. [Лебедев Н.К.] Аристократия гос-**

тинового двора. Роман. СПб.; Немирович-Данченко Вас.И. Гроза. Роман. СПб.; Орловский К. [Головин К.Ф.] Серiousные люди. Повесть. — РВ, 2—4; Островский А.Н. Бесприданница. Драма. — ОЗ, 1; Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. 2 т. СПб., 1878—79; Полонский Я.П. Дешевый город. Роман. — ВЕ, 2—6; Потехин А.А. Молодые побеги. Роман. — ВЕ, 1878—1879; Салов И.А. Арендатор. Рассказ. — ОЗ, 4; **Щедрин Н. [Салтыков М.Е.] Убежище Монрепо.** Очерки. — ОЗ, 1878—79, Круглый год. — ОЗ, 1...12; Северин Н. [Мердер Н.И.] В чужой семье. Роман. — Дело, 1—6; Смирнова С. [Сазонова С.И.] У пристани. Роман. — ОЗ, 10—12; Стахеев Д.И. Домашний очаг. Повесть. — ВЕ, 9—12; Телефонов К. [Станюкович К.М.] В мутной воде. Роман. СПб.; Шапир О.А. Одна из многих. Роман. — ОЗ, 3, 4; Шпажинский И.В. Майорша. Драма. — Дело, 3.

1880 Альбов М.Н. До пристани. Повести. — Слово, 1879—80; **Атава С. [Терпигорев С.Н.] Оскудение.** — ОЗ, 1—12; Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838—1848 гг. Воспоминания. — ВЕ, 1—5; Буренин В.П. Былое (Стихотворения). СПб.; **Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы.** Роман. — РВ, 1879—80, Дневник писателя. СПб. [единственный выпуск за август]; Есипов Г.В. Люди старого века. Ист. очерки. СПб.; Иогель М.К. Между вечностью и минутой. Роман. — РМ, 3—12; Каронин С. [Петропавловский Н.Е.] Подрезанные крылья. Повесть. — Слово, 4—6; Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.] Очерки и отрывки. СПб.; Лейкин Н.А. Медные лбы. Картинки с натуры. СПб.; Лесков Н.С. Три праведника и один шерамур. СПб.; Мордовцев Д.Л. Великий раскол. Ист. повесть. — РМ, 1—8; Осипович А. [Новодворский А.О.] Карьера. Рассказ. — ОЗ, 5; Островский А.Н. Сердце не камень. Комедия. — ОЗ, 1; Островский А.Н., Соловьев Н.Я. Дикарка. Комедия. — ВЕ, 1; Пальм А.И. Господа избиратели. Комедия. — ВЕ, 4; Салиас Е.А. Петербургское действо. Ист. роман. — РМ, 4...12; **Щедрин Н. [Салтыков М.Е.] Господа Головлевы.** Роман. — ОЗ, 1875—80; Станюкович К.М. Два брата. Роман. — Дело, 1...10; Стахеев Д.И. Законный брак. Роман. — Слово, 1—5; Шапир О.А. Антиподы. Роман. — ОЗ, 8—10; Шардин А. [Сухонин П.П.] Род князей Зацепиных. Ист. роман. — Русская речь, 5—12.

1881 Альбов М.Н. Неведомая улица. Повесть. — Дело, 8; Виницкая А.А. [Будзианик А.А.] Перед рассветом. Повесть. — ОЗ, 5;

Достоевский Ф.М. *Дневник писателя*. СПб. [единственный выпуск за 1881]; **Забелло М.П.** *Подсечное хозяйство, или Земство строит железную дорогу*. Роман. — РМ, 1...8; **Забывтый О.** [Недетовский Г.И.] *Миражи*. Повесть. — ОЗ, 9—11; **Крестовский В.** [Хвощинская Н.Д.] *Повести*. 3 ч. СПб., 1880—81; **Лесков Н.С.** *Русская рознь*. Очерки и рассказы. СПб.; **Маркевич Б.М.** *Перелом*. Роман. — РВ, 1880—81; **Морской Н.** [Лебедев Н.К.] *Содом*. Роман. СПб.; **Наумов Н.И.** *В тихом омуте*. Рассказы. СПб.; **Незлобин А.** [Дьяков А.А.] *Рассказы*. СПб.; **Некрасов Н.А.** *Кому на Руси жить хорошо*. Пир на весь мир. — ОЗ, 2; **Немирович-Данченко Вас.И.** *Плевна и Шипка*. Роман. СПб.; **Островский А.Н.** *Невольницы*. Комедия. — ОЗ, 1; **Печерский А.** [Мельников П.И.] *На горах*. Роман. — РВ, 1875—81; **Полонский Я.П.** *На закате*. Стихотворения. М., Крутые горки. Роман. — Дело, 1880—81; **Салов И.А.** *Ольшанский молодой барин*. Повесть. — ОЗ, 6—8; **Щедрин Н.** [Салтыков М.Е.] *За рубежом*. Очерки. — ОЗ, 1880—81, Сборник. Рассказы, очерки, сказки. СПб.; **Северин Н.** [Мердер Н.И.] *История одного развода*. Роман. — РМ, 3...11; **Станюкович К.М.** *Омут*. Роман. — Дело, 9—12; **Стахеев Д.И.** *На закате*. Роман. — ВЕ, 9—12; **Тургенев И.С.** *Песнь торжествующей любви*. Повесть. — ВЕ, 11; **Хо-дов [Бажин Н.Ф.]** *Лицом к лицу*. Роман. — РВ, 2...10; **Шардин А.** [Сухонин П.П.] *Княжна Владимирская, или Зацепинские капиталы*. Ист. роман. — Русская речь, 3—12; **Шкляревский А.А.** *Собр. соч.* СПб.

1882 **Альбов М.Н.** *Конец Неведомой улицы*. Повесть. — Дело, 1, 2; **Баранцевич К.** *Чужак*. Повесть. — Устои, 1, 2; **Белинский М.** [Ясинский И.И.] *Всходы (Картины провинциальной жизни)*. — ОЗ, 3; **Боборыкин П.Д.** *Китай-город*. Роман. — ВЕ, 1—5; **Валуев П.А.** *Лорин*. Роман. СПб.; **Гаршин В.М.** *Рассказы*. СПб.; **Златовратский Н.Н.** *Устои*. Роман. — ОЗ, 1878...1882; **Красов М.И.** [Оболенский Л.Е.] *Два полюса*. Роман. — Мысль, 4...11; **Крылов В.А.** *Не ко двору*. Комедия. — ВЕ, 11; **Леонтьев К.Н.** *Египетский голубь*. Повесть. — РВ, 1881—82; **Лесков Н.С.** *Сказ о тульском Левше и о стальной блохе*. СПб.; **Летнев П.** [Лачиновы А. и П.] *Современный недуг*. Роман. — Н, 1—6; **Марков В.Л.** *Однодворцы*. Повесть. — Н, 1—6, *Лихолетье*. Ист. роман. — ИВ, 1—12; **Михайлов А.** [Шеллер А.К.] *Голь*. Роман. — РМ, 1...11; **Наумов Н.И.** *В забытом краю*. Рассказы. СПб.; **Орловский К.** [Головин К.Ф.] *Вне колеи*. Роман. — РВ, 1—12; Ос-

тровский А.Н. Таланты и поклонники. Комедия. — ОЗ, 1; Пальм А.И. Мирные времена. Роман. — Дело, 8—12; Щедрин Н. [Салтыков М.Е.] Письма к тетеньке. Очерки. — ОЗ, 1881—82; **Соловьев Вс.С. Сергей Горбатов.** Ист. роман. СПб.; Стахеев Д.И. Торжество правосудия. Роман. — Н, 7—12; Тургенев И.С. Отчаянный. Рассказ. — ВЕ, 1, Стихотворения в прозе. — ВЕ, 12; **Успенский Г.И. Власть земли.** Очерк. — ОЗ, 1...4; **Эртель А.И. Записки Степняка.** — ВЕ, 1880—82.

1883 Авсеенко В.Г. Злой дух. Роман — РВ, 1881—83; Альбов М.Н. Ряса. Роман. — Дело, 10—12; Бажин Н.Ф. Поток. Повесть. — Дело, 9...12; Баранцевич К.С. Под гнетом. Повести и рассказы. СПб.; Белинский М. [Ясинский И.И.] Болотный цветок. Повесть. — ОЗ, 11, 12; Гаршин В.М. Из воспоминаний рядового Иванова. Рассказ. — ОЗ, 1, Красный цветок. Рассказ. — ОЗ, 10; Данилевский Г.П. Княжна Тараканова. Ист. роман. — ВЕ, 5; Дмитриева В.И. Злая воля. Роман. — Дело, 4—8; Кот Мурлыка [Вагнер Н.П.] К свету. Роман. — РМ, 1—4; Летнев П. [Лачиновы А. и П.] В наше смутное время. Роман. — Н, 1—3; Островский А.Н. Красавец-мужчина. Комедия. — ОЗ, 1; **Щедрин Н. [Салтыков М.Е.] Современная идиллия.** Роман. — ОЗ, 1877—83; **Сибиряк Д. [Мамин Д.Н.] Приваловские миллионы.** Роман. — Дело, 1...11; Соловьев Вс.С. Вольтерьянец. Ист. роман. СПб.; Стахеев Д.И. Избранник сердца. Роман. — Н, 8—10; Тургенев И.С. Клара Милич. Повесть. — ВЕ, 1; Фет А.А. Вечерние огни. Вып. 1. М.; Цертелев Д.Н. Стихотворения. СПб.; Эртель А.И. Волхонская барышня. Повесть. — ВЕ, 6—8.

1884 Альбов М.Н. Повести. СПб.; Ардов [Апрелева Е.И.] Руфина Каздоева. Роман. — Дело, 1—5; Бежецкий А.Н. [Маслов А.Н.] Путевые наброски. СПб.; Боборыкин П.Д. Без мужей. Повесть. — ВЕ, 4, 5; Голенищев-Кутузов А.А. Стихотворения. СПб.; Забытый О. [Недетовский Г.И.] Недоразумения. Повесть. — РМ, 6—8; Карнович В.П. Пагуба. Ист. роман. — РМ, 5—8; Майков А.Н. Полн. собр. соч. 3 т. СПб.; **Маркевич Б.М. Бездна.** Роман. — РВ, 1883—84; Марков В.Л. Знакомые люди. Роман. — Н, 7—12; Михневич В.О. Картины петербургских нравов. Очерки. — Н, 3...8; Мордовцев Д.Л. Социалист прошлого века. Ист. повесть. — ИВ, 1, 2; Муравлин Д. [Голицын Д.П.] Убогие и нарядные. Очерки и наблюдения. СПб.; Немирович-Данченко Вас.И. Каиново племя. Роман. — РМ, 1...10; Орловский К. [Головин К.Ф.]. Блудный брат. Повесть. —

РВ, 1—6; Островский А.Н. Без вины виноватые. Комедия. — ОЗ, 1; Прутков К. [Жемчужниковы А.М. и В.М., Толстой А.К.] Полн. собр. соч. СПб.; Салов И.А. Соч. 2 т. СПб.; М.; **Щедрин Н.** [Салтыков М.Е.] **Пошехонские рассказы.** — ОЗ, 1883—84; Соловьев Вс.С. Старый дом. Ист. роман. 2 т. СПб.; Сибиряк Д. [Мамин Д.Н.] Горное гнездо. Роман. — ОЗ, 1—4; Стахеев Д.И. У храма искусств. Повесть. — ВЕ, 11; Чехонте А. [Чехов А.П.] Сказки Мельпомены. Рассказы. М.; Яхонтов А.Н. Стихотворения. СПб.

1885 Апухтин А.Н. Год в монастыре. Поэма. — РМ, 1; Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки. — ВЕ, 7—9; Ахшарумов И.Д. Потомок рода Ветрищевых. Роман. — Н, 6—8; Ахшарумов Н.Д. Всесословная семья. Повесть. — ВЕ, 9—12; Бежецкий А.Н. [Маслов А.Н.] Военные на войне. — Святочные рассказы. СПб.; Верещагин А.В. На войне. Воспоминания. — ВЕ, 1—3; Вологдин [Засодимский П.В.]. По градам и весям. Роман. — Н, 1—5; **Гаршин В.М. Вторая книжка рассказов.** СПб.; Гнедич П.П. Повести и рассказы. СПб.; Григорович Д.В. Акробаты благотворительности. Роман. — РМ, 1, 2; Короленко В.Г. Сон Макара. Рассказ. — РМ, 3, В дурном обществе. Повесть. — РМ, 10; Красов М.И. [Оболенский Л.Е.] За идеалом. Роман. — РВ, 9—12; Мордовцев Д.Л. Авантюристы. Ист. повесть. — ИВ, 10—12, Похороны. Ист. роман. — Н, 1—8; Муравлин Д. [Голицын Д.П.] Баба. Роман. СПб., Тенор. Роман. СПб.; **Надсон С.Я. Стихотворения.** СПб.; Островский А.Н. Не от мира сего. Сцены. — РМ, 2; Потапенко И.Н. Святое искусство. Повесть. — ВЕ, 8; Салтыков (Щедрин) М.Е. Недоконченные беседы. СПб.; Северин Н. [Мердер Н.И.] Вся чужая. Роман. — РМ, 7—10; Соловьев Вс.С. Изгнанник. Ист. роман. СПб.; Таль Н.А. [Утина Н.И.] Жизнь за жизнь. Повесть. — ВЕ, 4—6; Фет А.А. Вечерние огни. Вып. 2. М; Фруг С.Г. Стихотворения. СПб.; Шапир О.А. Бабье лето. Роман. — ВЕ, 1, 2.

1886 Андреевский С.А. Стихотворения. СПб.; Апухтин А.Н. Стихотворения. СПб.; Баранцевич К.С. Порванные струны. Рассказы. СПб.; Белинский М. [Ясинский И.И.] Иринарх Плутархов. Роман. — Н, 1—3; Веницкая А.А. [Будзианик А.А.] Повести и рассказы. СПб.; Далин Д.А. [Линев Д.А.] По этапу. М.; Данилевский Г.П. Сожженная Москва. Ист. роман. — РМ, 1, 2; Е-ский С. [Елпатьевский С.Я.] Осимь. Повесть. — СВ, 8—10; Каронин С. [Петропавловский Н.Е.] Снизу вверх.

- Повесть. — СВ, 6, 7; Короленко В.Г. Лес шумит. Рассказ. — РМ, 1, Слепой музыкант. Повесть. — РМ, 6, Очерки и рассказы. Т. 1; Крестовская М.В. Ранние грозы. Роман. — РВ, 8...12; Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.] Обязанности. Повесть. — СВ, 1885—86; Кусков П.А. Стихотворения. СПб.; Лесков Н.С. Святочные рассказы. СПб.; Летнев П. [Лачиновы П. и А.] Без воли. Роман. — Н, 9—12; Мачтет Г.А. Из недавнего прошлого [позднее изд. под назв. «И один в поле воин»]. Роман. — СВ, 4, 5; Муравлин Д. [Голицын Д.П.] Мрак. Роман. СПб.; Хворь. Роман. СПб.; **Немирович-Данченко Вас.И. Цари биржи.** Роман. СПб.; Полонский Я.П. Полн. собр. соч. 10 т. СПб.; 1885—86; Салиас Е.А. Свадебный бунт. Ист. роман. — ИВ, 1—7; Салов И.А. Македон и Душет. Повесть. — РМ, 1; Салтыков (Щедрин) М.Е. 23 сказки. СПб.; Сибиряк Д. [Мамин Д.Н.] На улице. Роман. — РМ, 3—8; **Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича.** Повесть. — Толстой Л.Н. Соч. Т. 12; Чехов А.П. Пестрые рассказы. СПб.; Шапир О.А. Без любви. Роман. — ВЕ, 2—5; Щедрин Н. [Салтыков М.Е.] Пестрые письма. — ВЕ, 1884—86; Эртель А.И. Минеральные воды. Повесть. — РМ, 2—6.
- 1887** Баранцевич К.С. Раба. Повесть. — Дело, 2—4; Безродная Ю. [Яковлева Ю.И.] Минувшее. Роман. — СВ, 6...11; Боборыкин П.Д. Из новых. Роман. — ВЕ, 1—6; Вербицкая А.А. Разлад. Повесть. — РМ, 6, 7; Гнедич П.П. Шесть комедий. СПб.; Дмитриева В.И. Тюрьма. Роман. — ВЕ, 8—10; Кившенко Н.Д. Дневник сельской учительницы. Очерки. — РБ, 7—12; Лесков Н.С. Повести и рассказы. СПб., Рассказы кстати. СПб.; Летнев П. [Лачиновы А. и П.] На смену прошлого. Повесть. — Н, 8, 9; Минский Н.М. [Виленкин Н.М.] Стихотворения. СПб.; Муравлин Д. [Голицын Д.П.] Около любви. Роман. СПб.; Немирович-Данченко Вас.И. Семья богатырей. Роман. — Н, 1—10; Плещеев А.Н. Стихотворения. М.; Рамшев М. [Якубович П.Я.] Стихотворения. СПб.; **Салтыков (Щедрин) М.Е. Мелочи жизни.** СПб.; Сибиряк Д. [Мамин Д.Н.] Первые студенты. Рассказ. — СВ, 1; Мачтет Г.А. Блудный сын. Повесть. — РМ, 5—8, Повести и рассказы. М.; **Толстой Л.Н. Власть тьмы.** Драма. М.; **Фофанов К.М. Стихотворения.** СПб.; Фруг С.Г. Думы и песни. Стихотворения. СПб.; **Чехов А.П. В сумерках.** СПб., Невинные речи. М.; Щеглов И.Л. [Леонтьев И.Л.] Первое сражение. Рассказы. СПб.; Гордиев узел. Роман.

- СПб.; Эртель А.И. Две пары. Повесть. — РМ, 8, 9; Ясинский И.И. Старый друг. Роман. — ВЕ, 9—12.
- 1888** Анютин М.Н. [Ремезов М.Н.] Наших полей ягоды. Повесть. — РМ, 6—9; Бежецкий А.Н. [Маслов А.Н.] На пути. Рассказы и очерки. СПб.; Бибиков В.И. Дуэль. Дети. Повести. СПб.; Рассказы. СПб.; **Гаршин В.М. Третья книжка рассказов.** СПб.; Далин Д.А. [Линев Д.А.] Среди отверженных. Очерки и рассказы из тюремного быта. М.; Засодимский П.В. Песня света. Повесть. — СВ, 6—8; К.Р. [Романов К.К.] Стихотворения. СПб.; Каренин В.Д. [Комарова В.Д.] Муся. Роман. — ВЕ, 5—8; Каронин С. [Петропавловский Н.Е.] Мой мир. Повесть. — РМ, 2—4; Каширин П. [Мак-Гахан В.Н.] Новое на старой подкладке. Роман. — ВЕ, 1—4; Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.] Жить, как люди живут. Повесть. — ВЕ, 5, 6; Крестовский В.В. Тьма Египетская. Роман. — РВ, 3...12; Мачтет Г.А. Силуэты. Повести и рассказы. М.; Мережковский Д.С. Стихотворения. СПб.; Муравлин Д. [Голицын Д.П.] Князья. Рассказы. СПб.; Салиас Е.А. Аракчеевский сынок. Ист. роман. — ИВ, 1—12; Салов И.А. Грезы. Роман. — РМ, 1—5; Сибиряк Д. [Мамин Д.Н.] Именинник. Роман. — Н, 1—4; **Станюкович К.М. Морские рассказы.** СПб.; Фет А.А. Вечерние огни. Вып. 3. М.; **Чехов А.П. Степь.** Повесть. — СВ, 3. Рассказы. СПб.; Шабельская А.С. Три течения. Роман. — СВ, 1—4; Ясинский И.И. Полн. собр. повестей и рассказов. 4 кн. СПб.
- 1889** Баранцевич К.С. Новые рассказы. СПб.; Бибиков В.И. Рассказы. СПб.; Боборыкин П.Д. Изменник. Повесть. — СВ, 2—6, Проездом. Повесть. — РМ, 11, 12; Гнедич П.П. Свободные искусства. Повесть. — РВ, 2, 3; **Головачева (Панаева) А.Я. Воспоминания.** — ИВ, 1—12; Данилевский Г.П. Черный год. Ист. роман. — РМ, 1888—89; Дедлов В.Л. [Кигн В.Л.] Мы (Этюды). СПб.; Дрожжин С.Д. Стихотворения. СПб.; Михайлов А. [Шеллер А.К.] Победители. Роман. — СВ, 1—4; Незлобин А. [Дьяков А.А.] Картинки и этюды. СПб.; Немирович-Данченко Вас.И. Монах. Роман. СПб.; Незаметные герои. Повести и рассказы. СПб.; Нефедов Ф.Д. Свежие побеги. Повесть. — Н, 1—4; **Орловский К. [Головин К.Ф.] Молодежь.** Роман. — РВ, 1887—89; Салиас Е.А. Аракчеевский подкидыш. Ист. роман. — ИВ, 1—10; Стахеев Д.И. Пустынножитель. Повесть. — РВ, 3, 4; Таль Н.А. [Утина Н.И.] Душевные бури. Повесть. — СВ, 9—12; Фофанов К.М. Стихотворения. СПб.;

- Чехов А.П. Детвора. Рассказы. СПб., Иванов. Драма. — СВ, 3, Скучная история. Повесть. — СВ, 11; Чюмина О.Н. Стихотворения. СПб.; Шапир О.А. Миражи. Роман. — ВЕ, 1—6, Повести и рассказы. СПб.; **Щедрин Н. [Салтыков М.Е.] Пошехонская старина.** — ВЕ, 1887—89; Эртель А.И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. Роман. — РМ, 4—10; Ясинский И.И. Свет погас. Роман. — Н, 1—4.
- 1890** Альбов М.Н. Тоска. Повесть. — СВ, 10—12; Амфитеатров А.В. Случайные рассказы. СПб.; Ахшарумов Н.Д. Новая деревня. Повесть. — ВЕ, 10—12; Баранцевич К.С. Старое и новое. Повести и рассказы. СПб.; **Боборыкин П.Д. На ущербе.** Роман. — ВЕ, 1—6, Поумнел. Повесть. — РМ, 10—12; Величко В.Л. Восточные мотивы. Стихотворения. СПб.; Волконский М.Н. Семья Колениных. Роман. — РО, 8...12; Каронин С. [Петропавловский Н.Е.] Борская колония. Повесть. — РМ, 4, 6; Красов М.И. [Оболенский Л.Е.] Без маяка. Роман. — РБ, 8—12; Крестовский В.В. Тамара Бендавид. Роман. — РВ, 1889—90; Лейкин Н.А. Наши за границей. СПб.; Лесков Н.С. Собр. соч. 10 т. СПб., 1889—90; Литвин С.К. [Эфрон С.К.] Из жизни женеvских бунтарей. Рассказы. — РВ, 1889—90; Льдов К. [Розенблюм К.Н.] Стихотворения. СПб.; Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? Ист. повесть. — ИВ, 1—9, Замурованная царица. Ист. роман. — СВ, 5—7; Михайлов А. [Шеллер А.К.] Ртищев. Роман. — СВ, 10—12; Полонский Я.П. Вечерний звон. СПб.; Потапенко И.Н. Здоровые понятия. Роман. — СВ, 8—10, На действительной службе. Повесть. — ВЕ, 7, 8; Салиас Е.А. Заира. Роман. — РО, 3—7; Сибиряк Д. [Мамин Д.Н.]. Три конца. Роман. — РМ, 5—9; Стерн А. [Венкстern А.В.] История моей сестры. Повесть. — СВ, 8—11; Толстой Л.Н. Плоды просвещения. Комедия. — В сб.: В память С.А. Юрьева. М.; Фет А.А. Мои воспоминания. 2 ч. М.; **Чехов А.П. Хмурые люди.** Рассказы. СПб.; Ясинский И.И. Сердце скажет. Роман. — Н, 1—6.
- 1891** Астырев Н.М. Деревенские типы и картинки. Очерки и рассказы. М., На таежных прогалинах. Очерки. М.; Бажин Н.Ф. Клад. Роман. — Н, 1—7; Веницкая А. [Будзианик А.А.] Поленовы и Ярославцевы. Роман. — СВ, 1—4; Желиховская В.П. Ложь. Современная быль. — РО, 1...4; Крестовская М.В. Артистка. Роман. — ВЕ, 4—12; Круглов А.В. Свои — чужие. Роман. — Н, 10—12; Лейкин Н.А. Актеры-любители. Рассказы.

СПб.; Луговой А. [Тихонов А.А.] *Pollice verso!* Повесть. — СВ, 4, 5; Марков Е.Л. *Разбойница Орлиха*. Роман. — РО, 1—9; Мердер Н.И. *Фамильная хроника Воротынцевых*. Ист. роман. — ИВ, 1—7; В.М. [Веселитская Л.И.] *Мимочка на водах*. Повесть. — ВЕ, 2, 3; Немирович-Данченко Вл.И. *На литературных хлебах*. Роман. М.; Полевой П.Н. *Тальянская чертовка*. Ист. повесть. — ИВ, 9—12; **Потапенко И.Н. Не герой**. Роман. — СВ, 9—12; Сибиряк Д. [Мамин Д.Н.] *Братья Гордеевы*. Повесть. — РМ, 9, 10; Соловьев Вл.С. *Стихотворения*. М.; Станюкович К.М. *Первые шаги*. Повесть. — ВЕ, 1—4; **Толстой Л.Н. Крейцера соната**. — В кн.: Толстой Л.Н. *Соч.* Т. 13; Фет А.А. *Вечерние огни*. Вып. 4. М.; Ясинский И.И. *Ординарный профессор*. Повесть. — Н, 1—5.

1892 Ахшарумов Н.Д. *Старые счета*. Роман. — РО, 4—10; Баранцевич К.С. *Картинки жизни*. Рассказы. СПб.; Петербургский случай. Повесть. — СВ, 5—7; Басанин М. [Лашеева Л.А.] *Клуб козицкого дворянства*. Повесть. — ИВ, 10—12; Башкирцева М. *Дневник*. — СВ, 1—12; Бежецкий А.Н. [Маслов А.Н.] *Медвежьи углы*. Повести и очерки. СПб.; Безродная Ю. [Яковлева Ю.И.] *Офорты*. Повести, этюды и сказки. СПб.; **Боборыкин П.Д. Василий Теркин**. Роман. — ВЕ, 1—6; Гарин Н.Г. [Михайловский Н.Г.] *Детство Темы*. Повесть. — РБ, 1—3, *Несколько лет в деревне*. — РМ, 3—6; Гнедич П.П. *За рампой*. Повесть. — РВ, 1—6; Данилевский Г.П. *Царевич Алексей*. Ист. роман. — РМ, 1, 2; Дедлов В. [Кигн В.Л.] *Сашенька*. Повесть. СПб.; Дмитриева В.И. *Деревенские рассказы*. Т. 1. М.; Жемчужников А.М. *Стихотворения*. 2 т. СПб.; Короленко В.Г. *Ат-Даван*. Рассказ. — РБ, 10; Крестовский В.В. *Торжество Ваала*. Роман. — РВ, 1891—92; Лейкин Н.А. *Где апельсины зреют*. Роман. СПб.; Луговой А. [Тихонов А.А.] *Грани жизни*. Роман. — СВ, 7—12; Мердер Н.И. *Последний из Воротынцевых*. Ист. роман. — ИВ, 1—9; Мережковский Д.С. *Символы*. Стихи. СПб.; Потапенко И.Н. *Любовь*. Роман. — РМ, 1—7; Сибиряк Д. [Мамин Д.Н.] *Детские тени*. — РБ, 1892—93, *Золото*. Роман. — СВ, 1—6; Соловьев Вл.С. *Волхвы*. Ист. роман. 2 т. СПб., 1890—92, *Великий Розенкрейцер*. Ист. роман. СПб.; Тихонов В.А. *В наши дни*. Повести и рассказы. СПб.; Фофанов К.М. *Тени и тайны*. Стихотворения. СПб.; Цертелев Д.Н. *Стихотворения*. М.; **Чехов А.П. Палата № 6**. Повесть. — РМ, 11, *Жена*. Повесть. — СВ, 1, *Каштанка*. СПб.; Щег-

лов И.Л. [Леонтьев И.Л.] Около истины. Повесть. — РВ, 2, Убыль души. Повесть. — РО, 12.

1893 Ахшарумов Н.Д. К чему? Роман. — Н, 5—7; Ардов [Апрелева Е.И.] Эскизы. М.; Баранцевич К.С. Семейный очаг. Роман. — СВ, 1—7; В.М. [Веселитская Л.И.] Мимочка отравилась. Повесть. — ВЕ, 9, 10; Гарин Н. [Михайловский Н.Г.] Очерки и рассказы. СПб., Гимназисты. Повесть. — РБ, 1...12; Гнедич П.П. Китайские тени. Роман. — РВ, 1...12; Елпатьевский С.Я. Очерки Сибири. М.; Засодимский П.В. Грех. Роман. — РБ, 1—3; **Короленко В.Г. В голодный год.** Очерки. — РБ, 2—7, **Очерки и рассказы.** Т. 2. М.; Лейкин Н.А. Воскресные охотники. Юмористические рассказы. СПб., На лоне природы. Юмористические очерки. СПб.; Леман А.И. Пограничная крепость. Повесть. — ИВ, 9—12; Мачтет Г.А. На заре. Роман. — РМ, 1892—93; Полевой П.Н. Под неотразимой десницей. Ист. роман. — ИВ, 1—8; Потапенко И.Н. Семейная история. Повесть. — СВ, 8—10, На пенсию. Повесть. — РМ, 9, 10; Ратгауз Д.М. Стихотворения. Киев; Салиас Е.А. Новая Сандрильона. Роман. — РО, 1892—93; Сибиряк Д. [Мамин Д.Н.] Весенние грезы. Роман. — МБ, 1—10; Соловьев В.С. Злые вихри. Роман. — РО, 3...12; Стахеев Д.И. Неугасающий свет. Роман. — СВ, 1...6; Толстой Л.Н. Суратская кофейня. Рассказ. — СВ, 1; Чехов А.П. Рассказ неизвестного человека. — РМ, 2, 3; Эртель А.И. Духовидцы. Рассказ. — РМ, 12; Ясинский И.И. Лицемеры. Роман. — Н, 1—4.

1894 Бальмонт К.Д. Под северным небом. Стихотворения. СПб.; Боборыкин П.Д. Перевал. Роман. — ВЕ, 1—6; Верещагин В.В. Литератор. Повесть. — РМ, 1—3; Гарин Н.Г. [Михайловский Н.Г.] Деревенские панорамы. — РБ, 1...5; Голенищев-Кутузов А.А. Соч. 2 т. СПб.; Дмитриева В.И. Весенние иллюзии. Роман. — ВЕ, 7—12. Коринфский А.А. Песни сердца. Стихотворения. М.; Леман А.И. Старая скрипка. Повесть. — ИВ, 10—12; Луговой А. [Тихонов А.А.] Меж двух смутных идеалов. Повесть. — РМ, 4—6; **Мамин-Сибиряк Д.Н. Без названия.** Роман. — МБ, 1—10, **Черты из жизни Пепко.** Роман. — РБ, 1—10; Мордовцев Д.Л. Железом и кровью. Ист. роман. — Н, 3—8; Немирович-Данченко Вас.И. На разных дорогах. Роман. — СВ, 1—10; Орловский К. [Головин К.Ф.] Погром. Роман. — РО, 2...12; Потапенко И.Н. Смертный бой. Повесть. — РМ, 8—11; Салиас Е.А. Via facti. Ист. роман. — ИВ, 1—4, Ге-

нерал Махов. Ист. повесть. — РО, 1—3; Светлов В. [Ивченко В.Я.] Золоченая богема. Роман. — Н, 7—10; Северин Н. [Мердер Н.И.] Танькина карьера. Роман. — РО, 7—12; Стахеев Д.И. Горы золота. Роман. — РВ, 1—6; Терпигорев С.Н. Потревоженные тени. Из семейной хроники. — ИВ, 1889—94; Трефолев Л.Н. Стихотворения. М.; Федоров А.М. Стихотворения. М.; Фет А.А. Лирические стихотворения. 2 ч. СПб.; **Чехов А.П. Остров Сахалин.** Очерки. — РМ, 1893—94; Шабельская А.С. Друзья. Роман. — РБ, 2—12; Ясинский И.И. Юрьева могила. Роман. — ИВ, 1—4, Горный ручей. Роман. — Н, 1—4.

- 1895** Альбов М.Н. Юбилей. Повесть. — РМ, 10—12; Бальмонт К.Д. В безбрежности. Стихотворения. М.; Баранцевич К.С. Родные картинки. Рассказы. М.; Боборыкин П.Д. Ходок. Роман. — ВЕ, 1—6; Брюсов В.Я. *Chefs d'œuvre*. Стихотворения. М.; Вересаев В.В. Без дороги. Повесть. — РБ, 7, 8; Гарин Н. [Михайловский Н.Г.] Студенты. Повесть. — РБ, 1...11, Очерки и рассказы. Т. 2. СПб.; **Горький М. Челкаш.** Рассказ. — РБ, 6; Далин В.Д. [Линев Д.А.] Не сказки. СПб.; Жасминов А. [Буренин В.П.] Голубые звуки и белые поэмы. СПб.; Засодимский П.В. Собр. соч. 2 т. СПб.; **Короленко В.Г. Без языка.** Очерки. — РБ, 1—4; **Мамин-Сибиряк Д.Н. Хлеб.** Роман. — РМ, 1—8; Мердер Н.И. В поисках истины. Ист. роман. — ИВ, 1—12; **Мережковский Д.С. Отверженный** (Юлиан Отступник). Ист. роман. — СВ, 1—6; Мордовцев Д.Л. Свету больше! Ист. роман. — Н, 1—3; Немирович-Данченко Вл.И. Губернаторская ревизия. Повесть. — РМ, 8, 9, Старый дом. М.; Свирский А.И. По тюрьмам и вертепам. Очерки. М.; Соловьев Вл.С. Стихотворения. 2-е изд., доп. СПб.; Соловьев Вс.С. Злые вихри. Роман. — РО, 3...12; Сологуб Ф.К. Тяжелые сны. Роман. — СВ, 7—12; Станюкович К.М. История одной жизни. Роман. — МБ, 1...11; **Толстой Л.Н. Хозяин и работник.** Повесть. — СВ, 3; Чехов А.П. Три года. Повесть. — РМ, 1—2.

Приложение 2

ЧТЕНИЕ В РОССИИ (1861—1917)

АННОТИРОВАННЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ

Одна из важнейших предпосылок успешного изучения чтения в России — выявление и обобщение данных, содержащихся в публикациях по этой тематике. Количество работ такого рода чрезвычайно велико, особенно на страницах дореволюционных журналов, сборников и газет. При подготовке данного указателя мы не ставили своей целью достичь исчерпывающей полноты — как в связи с широкими масштабами подобной работы (необходимо просмотреть педагогические издания и земскую периодику за много лет), так и из-за ограниченного объема публикации.

Предлагаемый список носит исследовательский, а не регистрационный характер. Он сложился на основе просмотра литературы по соответствующим разделам ряда библиографических указателей⁴⁶⁸, а также собственных разысканий. В список включены наиболее ценные и подробные работы, содержащие эмпирическую информацию о чтении в указанный период, полученную путем специального исследования или в результате личных наблюдений автора. Не вошли в него работы методического⁴⁶⁹ и педагогического характера, работы по поэтике (о «воображаемом читателе», «идеальном читателе» и т.п.), а также содержащие информацию частного характера (отчеты библиотек, справки о подписчиках конкретных журналов, статьи о круге чтения определенных писателей, ученых, общественных деятелей и т.п.). При наличии ряда близких по содержанию публикаций одного автора предпочтение отдавалось наиболее полной; не указаны, как правило, перепечатки одной и той

же работы. В аннотациях приведены сведения об основных показателях, по которым содержится информация в данной публикации (в случае, если информацию о чтении содержит лишь часть публикации, названы страницы, содержащие соответствующие данные). Учтены публикации 1861—2006 гг.

НАБЛЮДЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

Чтение крестьян и рабочих

1. *А.Р. [Русов А.А.]*. Книжная торговля на Воздвиженской ярмарке 1895 г. в Чернигове // Земск. сб. Чернигов. губернии. 1896. № 2/3. С. 38—68.

Читательские предпочтения покупателей.

2. *Абрамов Я.В.* Хроника народных библиотек // Рус. школа. 1897. № 4. С. 217—224.

По отчетам ряда городских библиотек: объем и структура аудитории, содержание чтения, популярные писатели.

3. *Абрамов Я.В.* Что сделало земство и что оно делает. СПб., 1889. 288 с.

Крестьянский читатель: источники получения книг для прочтения, чтение газет; состав домашних библиотек крестьян (трех уездов Вятской губернии — по данным подворной переписи) (с. 109—118, 135).

4. *Акимов В.* Книга в деревне // Журн. М-ва нар. просвещения. 1906. № 9. С. 11—61 (паг. 3).

5. *Алчевская Х.Д.* Лермонтов в деревне // Рус. мысль. 1892. № 1. С. 18—36; № 2. С. 22—45 (паг. 2).

6. *Алчевская Х.* Чтение шведских и норвежских писателей в деревне и в городе // Рус. богатство. 1903. № 1. С. 1—21 (паг. 3).

Восприятие произведений скандинавских писателей народной аудиторией.

7. *Альбицкий П.* Вопросы о народном образовании. Казань, 1896. 87, IX с.

Отношение народа к книге и чтению, читательские вкусы (по личным наблюдениям и печати).

8. *Альбицкий П.А.* Медвежий угол: (К характеристике Сергачского уезда Нижегородской губернии) // Волж. вестн. 1883. № 40. С. 811—814.

Содержание чтения крестьян.

9. *Андреева Е.А.* Какие книги читаются в воскресной школе // Частный почин в деле народного образования. М., 1894. С. 319—334. Данные во восьми школам.

10. *Андропов М.* Бесплатная народная библиотека в с. Усолье Сызранского уезда // Рус. школа. 1896. № 4. С. 247—251.

Приводятся отзывы крестьян о книгах.

11. *Ан-ский С.А. [Раппопорт С.А.]*. Народ и книга. М., 1913. 266 с. Отношение «народа» к книге, читательские предпочтения.

12. *Ан-ский С.А. [Раппопорт С.А.]*. Очерки народной литературы. СПб., 1894. 149 с.

Круг чтения и вкусы народного читателя.

Литература для народа.

13. *Арефьев В.* Читатель народной газеты // Рус. богатство. 1898. № 12. С. 16—40 (паг. 2).

Аудитория «Вятской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной» газеты и ее отношение к изданию.

14. *Астафьев П.* Деревенский читатель // Жизнь. 1898. № 35. С. 253—262.

Домашние библиотеки крестьян; чтение сельских учителей.

15. *Астафьев П.* Заметка о степени распространения грамотности в селе Щербаковском Камышловского уезда // Сб. Перм. земства. 1895. № 13. С. 316—326.

16. *Астафьев П.* К вопросу о народном чтении // Сб. Перм. земства. 1888. № 5. С. 169—171.

Характеристика читательских интересов крестьян.

17. *Астырев Н.М.* Очерки быта населения Восточной Сибири. Духовный мир и нравы крестьянства // Рус. мысль. 1890. № 8. С. 21—40 (паг. 2).

Книги и лубочные картинки у крестьян (с. 33—40).

18. *Белов Е.* Что читает народ? // Гражданин. 1873. № 29. С. 812—815.

19. *Бобров А.А.* Крестьянин и книга: (Из личных наблюдений за 27 лет труда на пользу грамотного крестьянства, 1877—1905 гг.). 2-е изд. Владимир, 1908. 38 с.

Чтение и приобретение крестьянами религиозной книги.

20. *Бобылев Д.М.* Запросы деревенского читателя // Сб. Перм. земства. 1899. № 1. С. 1—13 (паг. 3).

По данным анкеты о чтении сельскохозяйственных книг в Пермской губернии.

21. *Бобылев Д.М.* К вопросу о распространении среди населения сельскохозяйственных знаний: (Стат. очерк). Пермь, 1896. 21 с.
Чтение сельскохозяйственной литературы в Пермской губернии.

22. *Бобылев Д.М.* Книга и ее культурная роль в деревне: Стат. очерк. Пермь, 1896. 28 с.
Чтение сельскохозяйственной литературы в Красноуфимском уезде Пермской губернии.

23. *В.К.* Что читается в деревне? // Книговедение. 1895. № 4/5. С. 15—17 (паг. 3).

Круг чтения крестьян, состав их домашних библиотек.

24. *Вахтеров В.П.* Внешкольное образование народа. М., 1896. 372 с.

«Народные библиотеки»: читательский спрос, содержание чтения, отношение крестьян к библиотекам (по данным специального обследования) (с. 3—82).

25. *Ветринский Ч.* [*Чешихин В.Е.*]. Народная газета и ее читатели // Образование. 1899. № 1. С. 47—61 (паг. 2).

Отзывы читателей о «Вятской газете».

26. *Ветринский Ч.* [*Чешихин В.Е.*]. Пушкин и читатель из народа // Образование. 1900. Кн. 1. С. 79—95.

Письма крестьян о своем отношении к А.С. Пушкину.

27. Внешкольное образование в Макаровском уезде по обследованию 1912 года. Нижний Новгород, 1913. Вып. 2. 90 с.

«Народные библиотеки»: содержание чтения, популярные авторы.

28. *Водовозов В.И.* Что читать народу? // Вестн. Европы. 1886. № 7. С. 425—440.

По поводу книги «Что читать народу?» (см. № 128): характеристика отношения народа к книге и чтению, его читательских вкусов.

29. *Воронов И.К.* Грамотность в связи с экономическими и культурными условиями // Мартынов С.В. Современное положение русской деревни: (сан.-экон. описание с. Малышева Воронеж. уезда). Саратов, 1903. С. 53—64.

Отношение к чтению; величина и состав домашних библиотек крестьян.

30. *Воронов И.К.* Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1899. 206, 246 с.

Отношение крестьян к грамотности, чтению и книге; результаты подворной описи крестьянских библиотек: состав, популярные произведения; источники получения книг для чтения (с. 1—111).

31. *Глумов.* Материалы к вопросу о внешкольных образовательных средствах народа: (Список книг, имеющихся у крестьян Шай-

тановского завода Красноуфим. уезда) // Сб. Перм. земства. 1888. № 6. С. 196—199.

32. *Горянская С.Ф.* Первые бесплатные городские читальни в С.-Петербурге: (Организация их и итоги деятельности за 1888 год) // Рус. мысль. 1889. № 10. С. 86—96 (паг. 2).

Объем и структура аудитории; отношение к библиотеке; содержание чтения; популярные авторы.

33. *Громбах А.А.* Народные библиотеки Московской губернии. М., 1906. 86 с.

Структура аудитории; содержание чтения.

34. *Гусев С.А.* Читатель календаря // Полвека для книги. 1866—1916. М., [1916]. С. 443—460.

Характеристика по письмам в издательство.

35. *Дадонов В.* «Русский Манчестер»: (Письмо об Иваново-Вознесенске) // Рус. богатство. 1900. № 12. С. 46—67 (паг. 2).

Чтение рабочих: охват библиотечным обслуживанием, содержание чтения (с. 50—53).

36. *Девель В.* Городские и сельские библиотеки и читальни для народа, по сведениям Петербургского комитета грамотности. СПб., 1892. 62 с.

Объем и структура аудитории библиотек для народа, содержание чтения их абонентов, популярные авторы.

37. *Де-Пуле М.* Несколько слов по поводу народной педагогической литературы и народного образования // Виленский вестн. 1866. № 133, 135, 137.

Вкусы народного читателя.

38. *Достоевский Ф.М.* Книжность и грамотность // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 5—57.

Отношение «народа» к книге; читательские предпочтения; каналы распространения книг в крестьянской аудитории; принципы создания «книг для народа» (впервые опублик. в 1861 г.).

39. *Евгеньев В.* [Максимов В.Е.]. Некрасов и читатели из народа // Жизнь для всех. 1914. № 3. С. 410—421.

По данным анкетного опроса «народных» читателей: характер знакомства с поэзией Некрасова, оценка его творчества.

40. *Жулев П.* Родная картинка // Вопросы народного образования. 1913. № 14/15. С. 54—58.

Круг чтения петербургских рабочих, их домашние библиотеки (по данным опроса).

41. *Жулев П.* Современный читатель из народа // Рус. школа. 1912. № 9. С. 1—19; № 10. С. 24—39.

Публикация обобщающего характера о «народных библиотеках» по данным земских отчетов, отчетов библиотек: охват библиотечным обслуживанием, структура аудитории, содержание чтения, популярные авторы.

42. *Золотов В.А.* Исследование крестьянской грамотности по деревням, преимущественно Тверской губернии и частью Московской. СПб., 1863. 47 с.

Отношение к книге и чтению; читательские предпочтения (с. 9—15).

43. *Ив.В.* Освобождающаяся деревня: (По данным анкетных, подворных и повторных исследований) // Вестн. воспитания. 1917. № 4/5. С. 131—163.

Данные по Воронежской губернии: наличие книг у крестьян, чтение газет, отношение к книге, читательские предпочтения.

44. *Ивин И.С.* О народно-лубочной литературе: К вопр. о том, что читает народ: (Из наблюдений крестьянина над чтением в деревне) // Рус. обозрение. 1893. № 9. С. 242—260; № 10. 768—785. Отношение к книге и чтению; читательские предпочтения; источники приобретения книг.

45. *Имшенецкий Я.К.* «Хуторянин» и его читатели. Полтава, 1901. 55 с.

Структура и читательские интересы аудитории газеты «Хуторянин» (по данным анкеты).

46. Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. Уфа, 1915. VI, 445 с.

«Народные читальни» и их читатели (с. 312—313).

47. *Ка-ин [Капустин А.Д.]*. Что читает ярославская деревня // Голос. 1911. № 245.

48. *Кайданова О.В.* Лето в деревне // Мир божий. 1893. № 45. С. 94—141.

Читательские интересы крестьян; характер восприятия литературы (с. 103, 111—115, 132—134).

49. *Каринский Н.С.* Что читает крестьянское население Орловской губернии и как оно относится к книге // Сборник статистических сведений по начальному народному образованию в Орловской губернии за 1900—1901 учебный год. Орел, 1902. С. 95—144. Домашние библиотеки крестьян по данным подворной переписи: состав, популярные авторы; читательские запросы, источники получения книг для чтения; подписка на газеты и журналы.

50. *Кин Н.* Крестьяне-библиотекари // Образование. 1900. № 1. С. 68—78.

Результаты почтового опроса: отношение к книге и чтению, круг чтения крестьян-библиотекарей Вятской губернии.

51. *Клейнборг Л.М.* К характеристике читателя из народа // Вестн. знания. 1903. № 1. С. 138—150.

Обобщающая статья по данным различных публикаций.

52. *Клейнборг Л.М.* Новые течения в народной жизни // Образование. 1904. № 5. С. 1—7 (паг. 3).

О чтении, по материалам публикаций.

53. Кого читает народ? // Петербургская газ. 1909. № 265.

По данным петербургских «народных читален».

54. *Кокоулин К.* Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии. Иркутск, 1895. 73 с.

Результаты обследования: подписка на периодику, состав домашних библиотек (с. 7, 26, 63—66).

55. *Корф Н.* Образовательный уровень взрослых грамотных крестьян // Рус. мысль. 1881. № 10. С. 1—33 (паг. 2).

Крестьяне ряда уездов Екатеринославской и Таврической губерний: отношение к грамоте, степень овладения навыками чтения, состав домашних библиотек.

56. *Коуров П.* К вопросу «что и как читает народ?» // Сб. Перм. земства. 1888. № 18. С. 526—528; № 19. С. 558—565.

Данные о чтении в Шадринском уезде: источники приобретения литературы; состав домашних библиотек (по данным подворной переписи книг); читательские предпочтения; характер восприятия.

57. *Красев А.* Что дает крестьянину начальная народная школа: По матер., собранным в 1885 г. в Карсунском уезде Симбир. губернии. Симбирск, 1887. 100 с.

Источники получения книг для чтения; содержание чтения; состав домашних библиотек (с. 26—38).

58. Краткие сведения о современной торговле народными книгами и картинами. М., 1895. 12 с.

Спрос на издания для народа.

59. *Кудрявцев С.* Запросы современного читателя из народа и помощь учителя: (Наблюдения и заметки) // Рус. школа. 1914. № 5/6. С. 143—149.

На основе бесед с читателями.

60. *Кулябко-Корецкий Н.Г.* Опыт издания народной книги: («Вятская газета» 1894—1898 гг.) // Тр. Император. Вольного экон. о-ва. 1899. № 1. С. 1—18. В кн. также: Михайлов Н.М. Материалы к вопросу об издании народной газеты. С. 19—108.

Результаты опроса читателей газеты: объем и структура аудитории, читательские предпочтения, отношение к газете.

61. *Личков Л.С.* Как и что читает народ в Восточной Сибири // Рус. мысль. 1896. № 1. С. 33—46; № 2. С. 28—42 (паг. 2).

По данным статистического обследования в Иркутской и Енисейской губерниях в 1883—1892 гг.: источники получения книг для чтения, читательские предпочтения, подписка на периодику.

62. *Личков Л.С.* Что и как читает народ в Иркутском и Балаганском округах // Изв. Вост.-Сиб. отделения РГО. 1889. Т. 20. № 2. С. 43—53.

63. *Малиновский Н.* Книга в деревне и роль школы в ее распространении // Вестн. воспитания. 1908. № 8. С. 133—149.

Проникновение книги в деревню в пореформенный период; читательские вкусы крестьян.

64. *Маракуев В.Н.* Что читал и читает русский народ. М., 1886. 39 с.

Популярные в крестьянской аудитории книги и жанры.

65. Материалы для изучения экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Вып. 17. 212, XX с.

Состав домашних библиотек различных слоев населения по данным подворной описи (с. 82—84).

66. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 3. Орловский уезд. Вятка, 1896. Ч. 2. II, 497 с.

Домашние библиотеки крестьян по данным подворной переписи (с. 3—287, паг. 1; с. 15, паг. 2).

67. *Мацевич К.* Запросы деревенского читателя // Саратов. зем. неделя. 1905. № 6/7. С. 1—16 (паг. 4).

Результаты опроса читателей газеты «Сельскохозяйственный листок» об их отношении к газете.

68. *Медынский Е.Н.* Внешкольное образование, его значение, организация и техника. 5-е изд., доп. М., 1919. 294 с.

«Народные библиотеки»: охват населения, содержание чтения (сводка данных по разным губерниям за 1909—1915 гг.) (с. 110—133).

69. *Мезьер А.* Читатель и книга // Сев. зап. 1913. № 8. С. 135—146.

По данным анкеты среди читателей «Народного журнала»: отношение к книге и чтению, читательские предпочтения, состав домашних библиотек.

70. *Милюков М.* О том, что читает народ, и откуда берет он книги // Книжник. 1865. № 1. Стб. 39—50.

Характеристика круга «народного» чтения.

71. *Мичурин А.П.* Какая польза от одной грамотности // Рус. богатство. 1881. № 8. С. 1—22; № 9. С. 1—32 (паг. 2).

Состав домашних библиотек крестьян одной деревни; источники приобретения книг; влияние чтения на крестьянскую аудиторию.

72. *Муринов В.* Газета в деревне: (По письмам в Комиссию по распространению книг при Моск. о-ве грамотности) // Вестн. воспитания. 1916. № 4. С. 177—189.

73. Народные библиотеки Харьковской губернии за 1911 год: Обзор. Харьков, 1913. 117, 46 с.

Объем и структура аудитории; содержание чтения; популярные книги (с. 70—112).

74. Народные и центральные библиотеки Уфимского губернского земства, 1914 год: Очерк. Уфа, 1915. 52 с.

Объем и структура аудитории; содержание чтения.

75. Начальное народное образование в Тульской губернии в 1896—1897 учебном году. Тула. 1898. VII, 1035 с.

Содержание чтения крестьян; их домашние библиотеки; источники приобретения книг (с. 132—137, паг. 3); «народные библиотеки»: объем и структура аудитории (с. 146—155, паг. 3); городские библиотеки: объем и структура аудитории, популярные книги и авторы (с. 174—190, паг. 3).

76. *Невольный И.* Из наблюдений над «мужицким» чтением: (Случайные заметки) // Сотрудник. 1887. Кн. 6. С. 117—128.

Отношение к книге; читательские интересы.

77. *Николаев А.А.* Книга в современной русской деревне // Вестн. знания. 1904. № 8. С. 166—177.

78. *Никто [Путята Н.А.]*. Кое-что кое о чем // Мирской толк. 1879. № 20. С. 190—191.

Вкусы народного читателя; распространение книг для народа.

79. *Орелкин П.* Ответы окончивших курс в народных школах на вопросы редакции «Русского народного учителя» // Рус. нар. учитель. 1893. № 11. С. 483—508.

Отношение к книге и чтению; источники получения книг для чтения и читательские предпочтения.

80. Отзывы корреспондентов текущей статистики по некоторым вопросам сельской жизни Саратовской губернии. Саратов, 1902. Вып. 1. 170 с.

Отношение крестьян к «народным библиотекам»; подписка на периодику; покупка книг (с. 23—35).

81. *Очевидец*. О необходимости распространения среди народа сельскохозяйственных и ремесленных знаний при содействии учителей начальных школ // Самар. епархиальные ведомости. 1899. № 9. С. 424—430.

Характеристика чтения крестьян (с. 424—426).

82. Очерк народного образования в Новгородской губернии за 1884/85 уч. год. Новгород, 1887. 85, 429 с.

Крестьяне-читатели: отношение к чтению, состав домашних библиотек, подписка на периодику (с. 55—64, паг. 1).

83. Очерк положения народного образования в Полтавской губернии за 1907—1908 учебный год. Полтава, 1901. Вып. 1. 248 с. Объем аудитории «народных библиотек», содержание чтения их абонентов; популярные авторы (с. 38—69).

84. Очерк положения начального народного образования в Смоленской губернии в 1897—1898 учебном году. Смоленск, 1901. 189, 37, 29 с.

Пришкольные «народные библиотеки»: объем и структура аудитории, содержание чтения, популярные книги (с. 168—181).

85. *Платонов Н.М.* Сельские общественные библиотеки в Вятской губернии: (По данным исслед. 1899 года) // Стат. ежегодник Вят. губернии за 1899 год. Вятка, 1901. С. 115—239.

Объем аудитории; интенсивность чтения; отношение к библиотекам; читательские предпочтения.

86. Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года. Владимир, 1911. Вып. 4. 49 с.

Объем и структура аудитории «народных библиотек», содержание чтения их абонентов; популярные авторы.

87. *Поселянин Е.* [*Погожев Е.Н.*]. Что народ думает о Пушкине? // Моск. ведомости. 1901. № 28.

По письмам крестьян.

88. *Прокопович С.Н.* Бюджеты петербургских рабочих // Зап. Рус. техн. о-ва. 1909. Т. 43. № 3. С. 96—106.

Денежные затраты на газеты и книги (с. 96—98).

89. *Пругавин А.С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд., доп. СПб., 1895. XXIII, 549 с.

Отношение «народа» к книге и чтению; содержание чтения; подписка на газеты и журналы; источники получения книг.

90. *Пытин А.Н.* Народная грамотность // Вестн. Европы. 1891. № 1. С. 245—279.

По поводу первого издания книги А.С. Пругавина (см. № 89).

91. *Рубакин Н.А.* К характеристике читателя и писателя из народа // Сев. вестн. 1891. № 4. С. 110—145; № 5. С. 55—73.

Отношение крестьян и рабочих к книге; различные типы крестьянского читателя; содержание чтения (по письмам читателей).

92. *Рубакин Н.А.* Новые времена — новые веяния // Рус. мысль. 1905. № 7. С. 111—127 (паг. 2).

Характеристика отношения «народной интеллигенции» к книге и чтению; новые формы литературной коммуникации (тетради из вырезок, рукописные газеты и т.п.).

93. *Рубакин Н.А.* Читательская выучка: Материалы для характеристики нарастания читателей на Руси // Образование. 1903. № 1. С. 101—125; № 2. С. 1—2 (паг. 2).

Культурный статус чтения в народной среде.

94. *Рыбников Н.* Деревенский школьник и его идеалы. М., 1916. 122 с.

Популярные писатели и литературные герои (с. 7—22, 54—68).

95. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 9. Народное образование. М., 1884. XX, 1052 с.

Содержание чтения крестьян, их домашние библиотеки — по данным обследования в 1882—1883 гг. (с. 140—157).

96. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 3. Бузулукский уезд. Самара, 1885. III, 515 с.

«Народные библиотеки»: содержание чтения, популярные книги (с. 189—192).

97. Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. 5. Калязинский уезд. Тверь, 1890. III, 394 с.

Состав домашних библиотек крестьян, их читательские вкусы (с. 59—60).

98. *Свищевский А.* А.С. Пушкин в сельском населении и школе Ярославской губернии. Ярославль, 1899. 89, 46 с.

Результаты анкетного опроса учителей народных школ: степень знакомства с творчеством Пушкина, понимание и оценка его произведений; источники получения книг.

99. *Семевский М.И.* Грамотность в деревнях временнообязанных крестьян Псковской губернии в 1863 году. СПб., 1864. 93 с.

Круг чтения крестьян (с. 39—41, 76, 82—83).

100. *Семевский М.И.* Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 году. СПб., 1864. 107 с.

Круг чтения крестьян (с. 93—94).

101. *Семенова-Тянь-Шаньская О.П.* Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. 136 с. Грамотность и чтение в крестьянском образе жизни; читательские интересы (с. 30—31).

102. *Скворцов Н.А.* Читатель-босяк // Рус. мысль. 1905. № 9. С. 204—211 (паг. 2).

Читательская аудитория «народной читальни» в Нижнем Новгороде: содержание чтения и читательские предпочтения.

103. *Смирнов А.В.* Книга в деревне // Рус. мысль. 1905. № 3. С. 103—120 (паг. 2).

Чтение научно-популярных книг в деревнях Владимирской губернии (по письмам крестьян).

104. *Смирнов А.В.* Книга во Владимирской деревне // Вестн. Владимирского губ. земства. 1905. № 5/6. С. 54—79.

Результаты обследования 1899 г.: состав крестьянских библиотек; источники получения книг для чтения.

105. *Смирнов А.В.* Что читают в деревне? // Рус. мысль. 1903. № 7. С. 107—116 (паг. 2).

Чтение крестьян Владимирской губернии — по данным земской статистики.

106. Состояние сельских библиотек-читален Харьковской губернии к 1-му января 1908 г.: (По данным стат. обследования 1907 года). Харьков, 1909. 167, 9 с.

Охват населения библиотечным обслуживанием; структура аудитории; содержание чтения (с. 31—35).

107. Статистический ежегодник Московской губернии за 1905 год. М., 1906. Ч. 1. 279 с.

Чтение газет в деревне (с. 170—177).

108. Статистический ежегодник Московской губернии за 1906 год. М., 1907. Ч. 1. 293 с.

Чтение газет в деревне (с. 209—219).

109. Статистический ежегодник Московской губернии за 1915 год. М., 1916. Ч. 2. 344 с.

Чтение газет и журналов в деревне (с. 94—101).

110. Статистический ежегодник Полтавского губернского земства за 1903 год. Полтава, 1903. VI, 353 с.

Объем и структура аудитории сельских «народных библиотек», содержание чтения их абонентов; объем и структура домашних библиотек крестьян (с. 67—149).

111. Статистический обзор народного образования в Московской губернии за 1910—1911 учебный год. М., 1912. 133 с.

Объем и структура аудитории «народных библиотек»; содержание чтения их абонентов (с. 67, 68, 127).

112. *Стаханов С.* Народная библиотека-читальня и ее посетители. М., 1900. 26 с.

Типы читателей; отношение к книге; содержание чтения (по собственным наблюдениям и публикациям).

113. *Строгов В.В.* Запросы населения в области образования в Чердынском крае: Отношение населения к чтению и кн. / Перм. зем. неделя. 1909. № 1, 3—5.

114. *С-цев.* Кольцов для народа // Петербург. листок. 1865. № 19. Отношение крестьян к поэзии А.В. Кольцова.

115. *Сыромятников С.* Из жизни одной народной библиотеки-читальни // Новости дет. лит. 1914. № 11/12. С. 1—6.

Наблюдения за чтением юных читателей.

116. *Т.Р.Б. [Трубачев С.С.]*. Первая русская народная газета // Ист. вестн. 1889. № 6. С. 679—689.

Характеристика читателей газеты «Сельский вестник» по их письмам.

117. *Тарутин А.А.* Что читают крестьяне Удимской волости и как они относятся к школе и книге // Рус. школа. 1892. № 1. С. 136—148.

Данные подворной переписи книг, источники их приобретения; подписка на газету.

118. Текущая школьная статистика [Курского губернского земства]. Год 2, 1897/98. Курск, 1898. 162 с.

Структура аудитории и содержание чтения в «народных библиотеках», популярные авторы (с. 40—62).

119. Текущая школьная статистика [Курского губернского земства]. Год 4, 1899—1900. Курск, 1900. 189 с.

Объем и структура аудитории «народных библиотек», содержание чтения их абонентов (с. 62—91).

120. Текущая школьная статистика [Курского губ. земства]. Год 5, 1900—1901. Курск, 1901. 173 с.

Объем и структура аудитории «народных библиотек», содержание чтения их абонентов (с. 67—75).

121. Текущая школьная статистика Курского губернского земства. Год 6; 1901—1902 учеб. год. Курск, 1902. 106, 41 с.

Объем и структура аудитории «народных библиотек», содержание чтения их абонентов (с. 62—81).

122. *Тимофеев П.* Чем живет заводской рабочий. СПб., 1906. 117 с. Характеристика чтения рабочих в 1900—1901 гг. (с. 6—8).

123. *Титов А.* К истории самообразования в России: (Опыт разработки архива Моск. комиссии по организации домашнего чтения, 1894—1907) // Рус. мысль. 1908. № 7. С. 80—103; № 8. С. 22—39 (паг. 2).

Содержание и мотивы самообразовательного чтения (по письмам крестьян, рабочих и т.п.).

124. *Филатова А.* Среди крестьянских детей: Из наблюдений над читателями // Рус. школа. 1912. № 5/6. С. 153—163.

125. *Хавкина Л.Б.* Руководство для небольших библиотек. 2-е изд. М., 1917. 242 с.

Мнения наблюдателей о крестьянском чтении (с. 9—24).

126. *Хохров М.С.* Читатель из народа // Ежемес. журн. 1915. № 7. С. 98—105.

Читательские вкусы крестьянских читателей (по данным наблюдений).

127. *Христолюбова М.М.* Год работы в земской библиотеке-читальне // Работа в земских библиотеках-читальнях Ставропольской губернии. Ставрополь, 1917. С. 13—24.

Отношение крестьян к книгам и чтению; читательские интересы и предпочтения (по отзывам крестьян).

128. Что читать народу?: Критический указатель книг для народного и детского чтения. СПб.; М., 1884—1906. Т. 1—3.

Отзывы крестьян о книгах.

129. *Шестаков П.М.* Образовательные учреждения и грамотность рабочих на мануфактуре т-ва «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1904. 47 с.

Данные опроса 1901 г.: приобщенность к чтению, содержание чтения.

130. *Шестаков П.М.* Рабочие на мануфактуре т-ва «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1900. 101 с.

Данные опроса 1899 г.: приобщенность к чтению, пользование библиотекой, источники получения литературы для чтения, содержание чтения (с. 61—71).

131. *Щепотьева Е.* Умственные запросы народа и их удовлетворение // Рус. мысль. 1889. № 4. С. 22—61 (паг. 2).

Источники получения книг; состав домашних библиотек.

132. *Щербина Н.Ф.* Опыт о книге для народа // Отеч. зап. 1861. № 2. С. 279—300.

Отношение «народа» к книге и чтению; читательские предпочтения.

133. *Шербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. 240, 477 с.

Объем и состав крестьянских библиотек (с. 14, 54, 94, 134, 174, 203—271; паг. 2).

134. *Яковенко В.* С книгами по ярмаркам // Вестн. Европы. 1894. № 9. С. 401—419.

Приобретение крестьянами книг на ярмарках; читательские предпочтения.

135. *Яковлев Г.* Какою должна быть крестьянская книга?: (По письмам корреспондентов «Посредника») // Наблюдатель. 1892. № 7. С. 43—56.

Читательские и книгопокупательские предпочтения крестьян.

Чтение других социальных групп и слоев

136. *Алешинцев И.А.* Что читают учащиеся в средней школе на каникулах // Вестн. воспитания. 1910. № 2. С. 61—86.

По данным опроса в учебных заведениях Пскова.

137. *Алферов С.* Книга и школа // Вестн. воспитания. 1900. № 6. С. 63—71 (паг. 2).

По данным отчетов публичных библиотек: структура аудитории, круг чтения.

138. *Ананьин С.А.* Детские идеалы // Рус. школа. 1911. Вып. 7/8. С. 210—219.

По данным опроса учащихся гимназий: любимые писатели, произведения, персонажи.

139. *Астафьев П.* Читающая публика в провинции // Жизнь. 1898. № 18. С. 331—337.

По данным городской общественной библиотеки г. Череповца Новгородской губернии: содержание чтения, популярные авторы.

140. *Барышевский К.* Русское общество и русские поэты // Вестн. лит. 1913. № 5. Стб. 137—140.

Степень интереса к поэзии в обществе, популярные поэты.

141. *Бачалдин И.* Что читают в духовной школе? (Анкета среди учащихся). Вологда, 1912. 36 с.

Содержание чтения и читательские предпочтения Вологодской духовной семинарии.

142. *Бачалдин И.* Ученик-читатель: (Анкета о чтении в сред. школе) // Рус. школа. 1912. № 3. С. 110—134; № 4. С. 118—131.

Содержание чтения: читательские предпочтения; популярные писатели.

143. *Безобразов В.П.* Народное хозяйство в России. СПб., 1882. Ч. 1. VIII, 316, 303 с.

Купеческий читатель: круг чтения и отношение к книге (с. 217—219, 266—268, паг. 2).

144. *Беккер К.* Материалы для статистики газетного и журнального дела в России за 1868 год. СПб., 1870. 49 с.

Сведения о численности подписчиков различных периодических изданий, распределение их по губерниям и т.п.

145. *Беккер К.* Материалы для статистики газетного и журнального дела в России за 1869 год // Журн. М-ва нар. просвещения. 1871. № 9. С. 162—164, I—XVI.

Сведения о численности подписчиков различных периодических изданий, распределение их по губерниям и т.п.

146. *Богданов Т.Ф.* Результаты пробной анкеты относительно идеалов детей // Труды психологической лаборатории при Московском педагогическом собрании. М., 1911. Вып. 2. С. 12—27.

По данным анкетного опроса учащихся средних учебных заведений Одессы, в том числе о круге чтения и любимых писателях.

147. *Венгеров С.А.* Достоевский и его популярность в последние годы // Отклик. СПб., 1881. С. 277—295.

Характер и причины изменения отношения читательской аудитории к Достоевскому.

148. *Веригин Н.* Литература сыска в оценке учеников средних классов гимназии // Педагогический сборник. 1909. № 10. С. 288—302.

149. *Водарский В.А.* Что и как читают ученики гимназии: (По данным анкеты) // Родной яз. в школе. 1915—1916. № 1(6). С. 11—16.

Результаты анкетного опроса в одной из гимназий Московского учебного округа: содержание чтения, время, уделяемое на чтение, популярные авторы.

150. *Глинский Б.Б.* Русский читатель и его книга: (По поводу «Этюдов о русской читающей публике Н.А. Рубакина». СПб., 1895) // Глинский Б.Б. Очерки русского прогресса. СПб., 1900. С. 206—224.

Характеристика тенденций развития читательской аудитории.

151. *Гончаров И.А.* [Материалы, заготавливаемые для критической статьи об Островском] // Гончаров И.А. Собр. соч. М., 1980. Т. 8. С. 149—163.

Характеристика слоев читательской публики (особенно высшего света), их отношения к творчеству А.Н. Островского (написано в 1873 г., впервые опубликовано в 1929 г.).

152. *Грот Я.К.* В каких изданиях наша литература особенно нуждается? // Журн. М-ва нар. просвещения. 1858. Ч. 98. С. 174—184. Структура читательской публики.

153. *Гуревич С.* Еврейский читатель русской литературы // Образование. 1901. № 5/6. Паг. 2. С. 25—35.

По данным Могилевской библиотеки и наблюдениям автора.

154. Еще о чтении в Москве // Кн. вестн. 1860. № 22. С. 256—259. Библиотеки для чтения: содержание чтения, популярные авторы (продолжение статьи «О средствах чтения в Москве...» — см. № 176).

155. *Ива [Андреев И.В.]*. Петербургская журналистика и наши провинциальные читатели // Петербург. листок. 1871. № 68. Численность иногородних подписчиков петербургских газет и журналов.

156. *Иорданский Н.М.* Читатели о «Русских ведомостях»: (По данным анкеты) // «Русские ведомости», 1863—1913: Сб. ст. М., 1913. С. 127—141.

157. Итоги первой анкеты «Известий по литературе, наукам и библиографии» // Изв. кн. магазинов Т-ва М.О. Вольф. 1911. № 12. Стб. 322—324.

Книги, наиболее ценимые читателями.

158. Книга в России: Итоги нашей четвертой анкеты // Изв. кн. магазинов Т-ва М.О. Вольф. 1913. № 12. С. 331—335.

Состав и использование домашних библиотек; расходы на книги.

159. Книжное дело в России // Неделя. 1869. № 27. С. 749—780. Характеристика русской читающей публики.

160. *Колмогоров*. Многие ли у нас читают? // Нар. богатство. 1863. 8 мая.

Причины нечтения в разных социальных слоях.

161. *Котик А.* Жаргонный читатель и его характеристика // Еврейский ежегодник. Г. 3. 1903/1904. СПб., 1903. С. 224—227. О читателях литературы на идише.

162. *Л.Н. [Ларош Г.А.]*. Покойный Писарев и его читатели // Рус. вестн. 1870. № 9. С. 362—365.

Характеристика читательской аудитории Д.И. Писарева.

163. *Ларский И.* Из настроений журнального читателя: (По материалам анкеты «Соврем. мира») // Соврем. мир. 1911. № 4. С. 331—344.

Число читателей; отношение к журналу; наиболее читаемые разделы.

164. *Левин К.* Что читает и чем интересуется учащаяся молодежь // Мир божий. 1903. № 11. С. 185—198; № 12. С. 103—123.

Результаты анкетного опроса: читательские интересы, популярные авторы.

165. *Ледерле М.М.* Мнения русских людей о лучших книгах для чтения. СПб., 1895. 264 с., разд. паг.

Сведения о круге чтения в детстве и юности более 40 ученых, писателей, художников, педагогов и т.д. (по данным опроса, проведенного составителем).

166. *Листов С.В.* К вопросу о положении служащих в торговых заведениях. М., 1904. 46 с.

Распространенность чтения газет и журналов — по данным анкеты (с. 39).

167. *Литошенко Л.Н.* Читатели «Русских ведомостей»: (По данным анкеты) // «Русские ведомости», 1863—1913: Сб. ст. М., 1913. С. 113—126.

168. *Мендельсон Н.* О чтении учащихся (по данным анкеты) // Родной язык в школе. 1916—1917. № 8—10.

169. *Мендельсон Н.* О чтении учащихся: По поводу анкетного материала // Свободное воспитание. 1916—1917. № 4/5. Стб. 12. Источники получения книг для чтения, популярные авторы.

170. *М. [Меньшиков М.О.]*. Газетное наводнение // Неделя. 1891. № 26. С. 817—821.

Характеристика газетного читателя.

171. Московский читатель // Рус. слово. 1901. № 236.

Информация о читателях библиотек.

172. *М-ский О. [Мильчевский О.В.]*. Наши журналистика и публика // Кн. вести. 1864. № 13. С. 253—156.

Объем и социальный состав читательской аудитории периодических изданий.

173. *Незлобин С.П.* Внеклассная школьная литература // Рус. школа. 1893. № 1. С. 59—73; № 2. С. 69—91.

Круг чтения учащихся по материалам их тетрадей с выписанными понравившимися произведениями.

174. *Николаев А.А.* Демократический читатель по данным анкеты «Вестника знания» // Вестн. знания. 1913. № 6. С. 576—687.

Структура аудитории журнала, ее политические ориентации.

175. *Николаев А.А.* Хлеба и Света! Материальный и духовный бюджет трудовой интеллигенции у нас и за границей: (По данным анкеты «Вестника знания»). СПб., 1910. 87 с.

Роль чтения в получении знаний; читательские интересы, популярные писатели; состав домашних библиотек читателей из разных слоев населения.

176. О средствах чтения в Москве и о московской лубочной литературе // Кн. вестник. 1860. № 3/6. С. 33—37.

Содержание чтения различных слоев населения Москвы (продолжение — статья «Еще о чтении в Москве» — см. № 154).

177. О чтении книг юнкерами военных училищ и воспитанниками Пажеского и Финляндского корпусов // Педагогический сборник. 1869. № 4. С. 284—294.

По отчетам военных училищ: объем и содержание чтения; о пользе в училищными библиотеками.

178. *Одесский И.* [Егурнов И.К.]. Экскурсы в душевный мир учащихся: Психология юного читателя // Вестн. воспитания. 1899. № 3. С. 41—68.

По материалам читательских автобиографий.

179. От бюро конкурса «Слава» // Север. 1907. № 19. С. 302.

Степень популярности разных современных русских писателей.

180. *Писарев Д.И.* Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Соч. М., 1955. Т. 1. С. 97—159.

Характеристика читателей журналов (с. 97—99) (впервые опубли. в 1861 г.).

181. Пять книг на всю жизнь: По поводу нашей анкеты // Изв. кн. магазинов Т-ва М.О. Вольф. 1912. № 2. С. 51—56; № 3. С. 85—88; № 4. С. 112—116.

Популярные книги.

182. *Роков Г.П.* Параллели: (Из прошлого и настоящего учащейся молодежи) // Вестн. воспитания. 1905. № 7/8. С. 169—203.

Читательские предпочтения учащихся старших классов 80-х гг. XIX в. и начала XX в.

183. *Рубакин Н.А.* Журнал и читатели: (Результаты анкеты «Нового журнала для всех») // Новый журн. для всех. 1911. № 36. Стб. 111—120; № 37. Стб. 115—124.

Структура аудитории; отношение к журналу; популярные отделы.

184. *Рубакин Н.А.* Книжный поток: факты и цифры из истории книжного дела в России за последние 15 лет // Рус. мысль. 1903. № 3. С. 1—12; № 12. С. 161—190; 1904. № 4. С. 155—179 (паг. 2).

Рост объема читательской аудитории; популярные темы и проблемы.

185. *Рубакин Н.А.* Русские читатели и их обстановка // Вестн. знания. 1905. № 1. С. 172—182; № 2. С. 141—155.

Рост объема читательской аудитории; трудности в приобщении к книге.

186. *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. 246 с.

Приобщенность к чтению; структура читательской аудитории; характеристика различных ее слоев; объем и содержание чтения; популярные авторы и книги (по данным статистики, ответов на анкету, отчетов библиотек, писем читателей). (Переизд. в сокращении: *Рубакин Н.А.* Избранное. Л.; М., 1975. Т. 1. С. 33—104.)

187. *Рутений [Боборыкин П.Д.]*. Литературное движение // Рус. слово. 1904. № 339.

Появление новой читательской публики, рост ее численности; расхождение читательских и критических оценок.

188. *Сакулин П.Н.* Умственные запросы слушателей торговых классов М.О.Р.К. образования // Третий съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. Секция IV. Коммерческое образование. Ч. 1. М., 1904. С. 365—379.

Результаты опроса слушателей торговых классов Московского общества распространения коммерческого образования: охват библиотечным обслуживанием, наличие домашних библиотек, содержание чтения, популярные писатели, чтение периодики (с. 373—377).

189. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Напрасные опасения // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1970. Т. 9. С. 7—35.

Сравнительная характеристика читательской публики 1840-х и 1860-х гг. (впервые опубликовано в 1868 г.).

190. *Светлов В. [Ивченко В.Я.]*. Зерна истины // Нева. 1904. № 50. С. 1014—1015.

Отношение к книге и чтению в провинции.

191. *Сивков К.* Идеалы учащейся молодежи // Вестн. воспитания. 1909. № 2. С. 117—158.

Результаты опроса, в том числе о популярных писателях и литературных героях.

192. *Сивков К.* Идеалы городских школьников // Вестн. воспитания. 1911. № 4. С. 92—108.

По данным опроса учащихся тифлисских начальных городских училищ, в том числе о популярных писателях и литературных героях.

193. *Симонов И.С.* Что читают старшие воспитанники наших кадетских корпусов // Пед. сб. 1905. № 2. С. 210—215; № 6. С. 642—665; № 7. С. 29—46; № 8. С. 89—105; № 9. С. 212—227.

По данным анкетного опроса: отношение к чтению, объем и содержание чтения, популярные авторы и книги.

194. *Смирнов П. П.* Внеклассное чтение учащихся и желательная его организация // Третий съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. Секция IV. Коммерческое образование. Ч. 1. М., 1904. С. 236—261.

Читательские интересы учащихся учебных заведений различного типа (по материалам опроса).

195. *Сорока В.* Нат Пинкертон и детская литература // Рус. школа. 1910. № 1. С. 38—63; № 2. С. 60—78.

Результаты опроса учащихся гимназий.

196. *Суворовский А.* Нат Пинкертон в детском понимании // Вестн. воспитания. 1909. № 1. С. 157—163.

Результаты анкетного опроса школьников.

197. Существует ли интерес к новейшей русской поэзии? Результат анкеты «Вестн. литературы» и «Известий» // Изв. кн. магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1913. № 5. Стб. 133—136.

Отношение к современной русской поэзии; приобретение книг; чтение поэзии в периодике; популярность конкретных поэтов.

198. *Трошин Г.* Психология детского чтения: Исследование и наблюдения за чтением детьми беллетристики. СПб., 1903. 59 с.

199. *Тютрюмов А.* Общественное и юридическое положение сельского учителя // Рус. школа. 1892. № 10. С. 103—115.

Расходы сельских учителей Новгородской губернии на книги и газеты (с. 113).

200. *Финкельштейн М.* Что и как читают дети? (Анкета киевской библиотеки Д. Ю. Доброй) // Новости дет. лит. 1914. № 9/10. С. 7—15.

Итоги исследования.

201. Что читают народные учителя из периодических изданий? // Учитель и школа. 1915. № 3. С. 52—53.

Данные по подписке народных учителей Ростовского уезда Ярославской губернии.

202. Что читают наши дети? // Пед. сб. 1883. № 5. С. 409—416. Результаты опроса учащихся 11—14 лет: содержание чтения.

203. *Юшков Д.* Материалы для характеристики сельской интеллигенции со стороны запроса ее на книгу // Сб. Перм. земства. 1900. № 4. С. 31—37.

По результатам опроса.

204. *Яхонтов И.* Народный учитель и книга // Вестн. Новгород. земства. 1904. № 4. С. 50—57; № 5. С. 41—49.

Отношение к книге; содержание чтения (по материалам различных публикаций).

РАБОТЫ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ХАРАКТЕРА

Чтение крестьян и рабочих

205. *Анкаримова Е. Ю.* Homo legens и просветительские общества в городах Среднего Урала в начале XX в. // Homo legens в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 23—24 мая 2007 г. Нижний Тагил, 2007. С. 12—16.

По отчетам просветительских обществ.

206. *Блюм А. В.* Издательство «Посредник» и его читатели // История русского читателя. Л., 1979. Вып. 3. С. 62—76.

207. *Грачев К. В., Кирьянов И. К.* Рост образовательного уровня крестьян Урала в капиталистический период // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — начало XX в.). Пермь, 1986. С. 70—84.

«Народные библиотеки» и их читатели в начале XX в. (с. 77—79).

208. *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. 278 с.

Чтение крестьян (с. 103, 104, 149—153, 250, 256).

209. *Егоров Е. А.* Рабочие Нижегородской губернии, 1900 — февраль 1917. Горький, 1980. 191 с.

О чтении рабочих (с. 134—142).

210. *Ермакова З. П.* Русские крестьяне — читатели Н. А. Некрасова (конец XIX — начало XX века) // Карабиха. Ярославль, 1993. Вып. 2. С. 340—353.

211. *Жебрак Е. Е.* Марксистская книга в чтении пролетариата России // История русского читателя. Л., 1982. [Вып. 4]. С. 86—101.

212. *Жебрак Е. Е.* Марксистская книга среди петербургских рабочих в годы, предшествовавшие первой русской революции // Книжное дело Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Л., 1981. С. 103—110.

213. *Зверев В. А.* Анкета А. С. Пругавина о читателе и чтении в Сибири второй половины XIX в. // Вторые Макушинские чтения (23—24 мая 1991 г., г. Томск). Томск, 1991. С. 90—93.

214. *Зверев В. А.* Крестьянский читатель в Сибири 1860—1879-х гг. // Четвертые Макушинские чтения. Новосибирск, 1997. С. 123—126.

215. *Зверев В.А., Зверева К.Е.* Распространение печатных изданий в селениях Сибири пореформенного периода (1861—1904 гг.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1991. С. 119—139.

216. *Зверева К.Е., Зверев В.А.* Круг чтения крестьянства Сибири в период капитализма (80-е гг. XIX в. — 1917 г.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 78—96.

217. *Ищук Г.Н.* «Записки охотника» И.С. Тургенева в народном восприятии // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1986. № 3. С. 72—74.

218. *Клейнборг Л.М.* Русский читатель-рабочий: По материалам, собранным автором. Л., 1925. 260 с.

Характеристика круга чтения и читательских предпочтений (подробно — об отношении к Г. Успенскому, В. Короленко, М. Горькому, Л. Толстому) рабочих в начале XX в.: по письмам рабочих (книга включает статьи, печатавшиеся в журналах 1910-х гг.).

219. *Колоницкий Б.Н.* Буржуазная массовая газета и трудящиеся в 1917 году: («Маленькая газета» А.А. Суворина и рабочие Петрограда) // Книжное дело в культурной и общественной жизни Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Л., 1984. С. 99—108.

Отношение рабочих к «Маленькой газете».

220. *Костылева Н.А.* Марксистская литература в среде русского пролетариата (70-е — начало 90-х гг. XIX века) // История русского читателя. Л., 1976. Вып. 2. С. 52—66.

221. *Кубиков И. [Дементьев И.Н.]*. Роман «Разбойник Чуркин» и его читатели // Искусство. 1927. Кн. 2/3. С. 57—70.

222. *Кучер В.В.* Распространение легальной массовой социально-политической литературы в западносибирской деревне в годы первой русской революции // Книга в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1980. С. 5—29.

223. *Левина С.С.* Проблема народного читателя нелегальной революционной литературы в период «хождения в народ» (1873—1876) // История книги: Работы отд. редких книг. М., 1978. С. 104—129.

Восприятие пропагандистских книг крестьянами.

224. *Маин В.Н., Чугунов Е.А.* «Народный читатель» и книга в России конца XIX — начала XX века: (На материалах Владимирской губернии) // 100 лет XVI Всероссийской промышленной и ху-

дожественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Н. Новгород, 1997. С. 127—130.

225. *Мейлах Б.С.* Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства // Пушкин: Исслед. и материалы. Л., 1967. Т. 5. С. 61—112.

226. *Мосин А.Г.* Социально-утопические легенды и заговоры в кругу чтения вятских крестьян XIX в. (по материалам Вятской духовной консистории) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 47—52.

227. *Мусихин В.Е.* Деятельность уральских большевиков по политическому просвещению рабочих (1914—1916 гг.) // Из истории демократической культуры на Урале. Пермь, 1986. С. 146—156. Библиотеки и рабочие; чтение (с. 148—150).

228. *Новикова Г.Н.* «Посредник» и его читатель // Историко-функциональное изучение русской литературы. М., 1984. С. 103—111.

229. *Оболенская С.В.* Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // Одиссей: Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 204—232.

230. *Оболенская С.В.* Солдаты читают Л.Н. Толстого // Одиссей: Человек в истории. 2001. М., 2001. С. 287—310.

231. *Оглезнева Г.В.* Круг чтения и читательские интересы крестьян Восточной Сибири в конце XIX в. // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1993. С. 67—82.

232. *Огурцова Н.В., Лобова М.А.* Отношение к русской литературе читателей из народа в конце XIX — начале XX веков // Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия — Сибирь — Казахстан. Омск, 2006. Ч. 2. С. 131—137.

233. *Пронина М.Г.* Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX—XX вв. Новосибирск, 1986. С. 39—50.

Численность и возрастной состав читателей; содержание чтения в сельских библиотеках-читальнях Тюменской губернии в начале XX в.

234. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989. 751 с. Чтение и пользование библиотеками (с. 351—353).

235. *Рейтблат А.И.* Глуп ли «глупый милорд»? // Лубочная книга. М., 1990. С. 5—20.

Лубочная книга и ее читатель; популярные авторы лубка.

236. *Рейтблат А.И.* Предыстория массового чтения в России (конец XIX — начало XX в.) // Чтение: проблемы и разработки. М., 1985. С. 89—111.

Изменение установок крестьян и рабочих на книгу и чтение.

237. *Родионова В.М.* Л.Н. Толстой и А.П. Чехов и их читатели из народа // Историко-функциональное изучение русской литературы. М., 1984. С. 147—164.

Толстой и Чехов о народном читателе; отношение читателей из народа к их книгам.

238. *Розанова Л.А.* Н.А. Некрасов и русская рабочая поэзия. Ярославль, 1973. 224 с.

Некрасов в народном чтении (с. 3—86).

239. *Розанова Л.А.* О роли поэзии Некрасова в формировании пролетарской культуры: (По архивным материалам Ивановской области) // Некрасовский сборник. Л., 1973. Вып. V. С. 76—95.

Восприятие поэзии Н.А. Некрасова рабочими (конец XIX — начало XX в.).

240. *Саралиева З.Х.* «Капитал» К. Маркса и рабочее движение в России XIX века (1895—1917). М., 1975. 212 с.

Приводятся данные о чтении «Капитала».

241. *Соколов О.Д.* На заре рабочего движения в России. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1978. 270 с.

Русская бесцензурная печать 60—70-х гг. XIX в. и ее влияние на рабочих (с. 74—142).

242. *Соколов Я.А.* Круг чтения русских крестьян в конце XIX — начале XX в. как характеристика их духовности // История российской духовности. СПб., 2001. С. 154—156.

243. *Шепелева С.В.* Чтение пермского крестьянства в конце XIX — начале XX вв. // Восьмые Бирюковские чтения: Тез. докл. Челябинск, 1998. С. 219—220.

Чтение других социальных групп и слоев

244. *Аверина Н.Ф.* Демократическое книжное дело Пермской губернии периода разночинного движения: (Пробл. книгоиздания, распространения, чтения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГИК. Л., 1982. 15 с.

Круг чтения пермяков.

245. *Аверина Н.Ф.* История пермской книги. Пермь, 1989. 222 с. Приводятся сведения о пермских читателях.

246. *Аверина Н.Ф.* Проблемы изучения провинциального читателя второй половины XIX века // Актуальные проблемы культуры и искусства в свете постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: Тез. второй Всерос. науч.-теорет. конф. аспирантов вузов культуры и искусства. Пермь, 1980. С. 126—128.

Тенденции развития чтения в Пермской губернии.

247. *Аверина Н.Ф.* Роль чтения в формировании политических взглядов прогрессивной части пермских семинаристов в период разночинного движения // История русского читателя. Л., 1982. [Вып. 4]. С. 47—63.

248. *Айзенберг А.Я.* Самообразование: история, теория и современные проблемы. М., 1986. 128 с.

Самообразовательное чтение в России в XIX — начале XX в. (с. 34—91).

249. *Аксенова Г.В.* Заказчики и читатели рукописных книг конца XVIII — начала XX веков. М., 2001. 236 с.

250. *Аннинский Л.* Лесковское ожерелье. 2-е изд., доп. М., 1986. 304 с.

Восприятие публикой и критикой ряда произведений Н.С. Лескова.

251. *Ашевский С.* [Столяров М.Н.]. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855—1863) // Современ. мир. 1907. № 6. С. 12—26; № 7/8. С. 19—36.

Круг чтения студентов (№ 6, с. 23—24; № 7/8, с. 23—25).

252. *Балашова Е.Н.* Провинциальный читатель в конце XIX — начале XX в. (по материалам Тамбовской губернии) // Homo legens в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 23—24 мая 2007 г. Нижний Тагил, 2007. С. 16—20.

253. *Балуев Б.П.* Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М., 1971. 315 с.
О читателях 1880-х гг. (с. 247—257).

254. *Баренбаум И.Е.* «Кружковое» чтение разночинной молодежи второй половины 50-х — начала 60-х годов XIX в. // История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 77—92.

255. *Баренбаум И.Е.* Из истории чтения разночинно-демократической молодежи второй половины 50-х — начала 60-х гг. XIX в. // История русского читателя. Л., 1976. Вып. 2. С. 29—44.

256. *Баренбаум И.Е.* Разночинно-демократический читатель в годы демократического подъема (вторая половина 50-х — начало 60-х годов XIX в.): (К характеристике индивидуального чтения) // История русского читателя. Л., 1979. Вып. 3. С. 23—35.

257. *Баренбаум И.Е.* Эволюция типов книги и некоторые аспекты читательского восприятия // Художественное восприятие: Проблемы теории и истории. Калинин, 1988. С. 32—42.

Эволюция типа книги в связи с изменением читательских запросов.

258. *Баяндин В.И.* Круг чтения солдат в Сибири в годы первой русской революции // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 96—100.

259. *Бердников Л.П.* Книготорговля в Сибири во второй половине XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири: Очерки истории книжного дела. Новосибирск, 1989. С. 87—102.

Приводятся сведения о читательских интересах и предпочтениях населения.

260. *Благой Д.Д.* Тютчев, его критики и читатели // Тютчевский сборник. Пг., 1923. С. 63—105.

261. *Блюм А.В.* Из истории массового чтения «знаниевской» литературы // История русского читателя. Л., 1976. Вып. 2. С. 83—100.

262. *Блюм А.В.* Читательские настроения и вкусы петербургского студенчества конца 70-х годов XIX в. // Книжное дело Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Л., 1981. С. 146—161.

263. *Бродский Н.Л.* Н.Г. Чернышевский и читатели 60-х годов // Вестн. воспитания. 1914. № 9. С. 155—179.

Восприятие романа «Что делать?» современниками (перепечатано в кн.: *Бродский Н.Л.* Избр. труды. М., 1964. С. 9—26).

264. *Бульгина М.В.* Чтение в российской дореволюционной системе образования (на примере школ Зауралья) // Homo legens в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 23—24 мая 2007 г. Нижний Тагил, 2007. С. 35—45.

265. *Буш В.В.* Литературная деятельность Гл. Успенского. Л., 1927. 263 с.

Характеристика читателей Г. Успенского (с. 205—214).

266. *Васильева В.А.* Круг чтения студентов Томского технологического института начала XX века // Русская книга в дореволюционной Сибири: Археография книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 253—260.

267. *Волгин И.Л.* Достоевский-журналист: («Дневник писателя» и русская общественность). М., 1982. 75 с.

Читательская аудитория и ее отношение к изданию (с. 23—65).

268. *Волкова В.Н.* Книга и чтение в жизни коренных народов Сибири (вторая половины XIX — начало XX в.) // Книжное дело в России в XIX — начале XX века. СПб., 2003. Вып. 11. С. 93—107.

269. *Волкова В.Н.* Книга и чтение в жизни образованного сибиряка второй половины XIX века // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. филологическая. 1997. № 4. С. 113—117.

270. *Волкова В.Н.* Поляки в Сибири: Библиотеки, книги, чтение (XIX — начало XX века) // Книжное дело в России в XIX — начале XX века. СПб., 2006. С. 142—157.

271. *Волкова В.Н.* Чтение в сибирской городской среде второй половины XIX века // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 2000. Вып. 10. С. 179—191.

272. *Волкова В.Н.* Чтение как элемент культурного досуга горожан Сибири (вторая половина XIX века) // Досуг. Творчество. Культура. Омск, 2002. С. 47—50.

273. *Ганжулевич Т.* [Проскурнина Т.Я.]. Читатель и писатель // Вестн. лит. 1913. № 10. Стб. 268—272.

Взаимоотношения русских читателей и писателей в XVIII—XX вв.

274. *Гернет М.Н.* В тюрьме: Очерки тюремной психологии. 2-е изд. 1930. 264 с.

Круг чтения в дореволюционной тюрьме, в основном — политзаключенных (с. 144—164).

275. *Гинзбург Б.С.* Отношение читательских кругов России к статьям «Колокола» (1857—1861 гг.) // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1963. С. 306—337.

276. *Гинзбург Б.С.* Распространение изданий Вольной русской типографии в конце 1850-х — начале 1860-х гг. // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962. С. 335—366.

277. *Гордович К.Д.* К вопросу об изучении русского читателя конца XIX — начала XX в. (по материалам архива Н.К. Михайловского и его «Дневника читателя») // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 1996. Вып. 8. СПб., 1996. С. 144—151.

278. *Горная В.З.* Роман «Анна Каренина» в восприятии и оценке современников // Яснополянский сборник, 1976. Тула, 1976. С. 64—88.

279. *Гришина З.В., Пушков В.П.* Источниковедческий анализ статистики чтения периодики в Петербургской публичной библиотеке (1863—1912 гг.) // История СССР. 1987. № 2. С. 121—135.
Изменения в чтении периодики (на основе анализа статистических отчетов).

280. *Гришунин А.П.* «Горе от ума» в литературно-общественном сознании XIX—XX вв. // Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979. С. 182—238.

281. *Дмитриева Е.Е.* Письма Пушкина в восприятии читателей XIX века // Проблемы интерпретации художественных произведений. М., 1985. С. 72—79.

Характер восприятия в разные периоды.

282. *Дубин Б.В., Рейтблат А.И.* О структуре и динамике системы литературных ориентаций журнальных рецензентов (1820—1978) // Книга и чтение в зеркале социологии. М., 1990. С. 150—176.
Рецензенты как читатели, изменения в системе их предпочтений.

283. *Евгеньев В. [Максимов В.Е.]*. Из истории отношений к Некрасову интеллигентного общества и учащейся молодежи // Евгеньев В. Николай Алексеевич Некрасов. М., 1914. С. 249—265.

284. *Елизаветина Г.Г.* «Кто виноват?» Герцена в восприятии русских читателей и критики XIX в. // Литературные произведения в движении эпох. М., 1979. С. 41—74.

285. *Елизаветина Г.Г.* Литературная судьба А.А. Фета // Время и судьбы русских писателей. М., 1981. С. 146—186.

286. *Елизарова Н.В.* Религиозная литература в репертуаре чтения сибиряков (конец XIX — начало XX в.) // Homo legens в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 23—24 мая 2007 г. Нижний Тагил, 2007. С. 49—53.

287. *Ермакова З.П.* Восприятие поэзии Н.А. Некрасова в русской демократической читательской среде конца XIX — начала XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 1996. 17 с.

288. *Ермакова З.П.* Поэзия Н.А. Некрасова в восприятии учащейся молодежи конца XIX — начала XX века // Литература некрасовских журналов. Иваново, 1987. С. 130—141.

289. *Ефимова Н.А.* Читатели Публичной библиотеки в Петербурге и организация их обслуживания в 1814—1917 гг. Л., 1958. 190 с.

290. *Жебрак Е.Е.* Из истории читателя Дальнего Востока второй половины XIX — начала XX вв. // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX вв. Новосибирск, 1982. С. 93—108.

Круг чтения; источники получения литературы.

291. *Жебрак Е.Е.* Прогрессивная общественно-политическая книга как фактор формирования революционного читателя в России в 1895—1907 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГИК. Л., 1980. 15 с.

292. *Жебрак Е.Е.* Читатель и чтение марксистской книги в Сибири в годы первой русской революции // Революционные и прогрессивные традиции книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1979. С. 51—69.

293. *Житомирова Н.Н.* Читательские запросы и круг чтения учащихся средней школы предреволюционной России XIX и начала XX века // История русского читателя. Л., 1976. Вып. 2. С. 67—82.

294. *Ивашкин С.Н.* Круг чтения заключенных в России в XIX — начале XX вв. // Библиотека в контексте истории: Тез. докл. и сообщ. второй науч. конф., Москва, 21—23 октября 1997 г. М., 1997. С. 69—70.

295. История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В.И. Ленина за 100 лет, 1862—1962. М., 1962. 279 с. Численность, социальный состав и спрос читателей библиотеки во второй половине XIX — нач. XX в. (с. 45—51).

296. *Ищук Г.Н.* Лев Толстой: Диалог с читателем. М., 1984. 191 с. Восприятие произведений Л.Н. Толстого современниками; учет Л. Толстым читательских установок.

297. *Касаткина В.Н.* Эстетическое освоение поэзии Ф.И. Тютчева // Время и судьбы русских писателей. М., 1981. С. 95—145. Восприятие поэзии Тютчева в XIX—XX вв.

298. *Катарский И.М.* Диккенс в России: Середина XIX века. М., 1966. 428 с.

Восприятие романов Ч. Диккенса критикой и читателями.

299. *Кац Ж.Б.* Читательские интересы и формирование политической культуры иркутских чиновников (1860—1901) // Пятые Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф., 25—26 мая 2000 г., г. Томск. Новосибирск, 2000. С. 129—131.

По отчетам Иркутской городской публичной библиотеки.

300. *Кельнер В.Е.* Ослепленное поколение: (Круг чтения еврейской молодежи в 60—70-е гг. XIX в.) // Кельнер В.Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003. С. 133—152.

301. *Клевенский М.М.* История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В.И. Ленина. М., 1953. Т. 1. 168 с. Численность и социальный состав читателей, книговыдача, структура спроса во второй половине XIX — начале XX в. (с. 122—140, 166—167).

302. *Клейнборт Л.М.* Очерки рабочей интеллигенции (1905—1916). Пг., 1923. Т. 1. 247 с.

Рабочая интеллигенция: отношение к чтению, пользование библиотеками, круг чтения (на основе собственных дореволюционных публикаций).

303. *Козлов С.В.* Читательский спрос и особенности его удовлетворения в Сибири в 1904—1907 гг. // Книжное дело в России в XIX — начале XX века. СПб., 2004. Вып. 12. С. 188—196.

304. *Коковина Н.З.* А.К. Шелер-Михайлов в читательской ситуации 1860-х годов // Литературное произведение и читательское восприятие. Калинин, 1982. С. 115—126.

Характеристика читательской аудитории А.К. Шелера-Михайлова.

305. *Коковина Н.З.* Книга А.К. Шелера-Михайлова в демократической среде 60—70-х годов XIX века // Книжное дело в культурной и общественной жизни Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Л., 1984. С. 22—29.

306. *Колупаева В.Н.* Круг чтения жителей Вятки в первой половине 70-х гг. XIX в. (по материалам Вятской губернской публичной библиотеки) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 1996. Вып. 8. С. 152—161.

307. *Корякин М.В.* Проблема чтения и грамотности среди военнослужащих русской армии XIX — начала XX в. // Чтение как стратегия жизни. М., 2006. С. 96—98.

308. *Костылева Н.А.* Марксистская книга и ее читатель в России (70-е — начало 90-х гг. XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГИК. Л., 1974. 23 с.

309. *Костылева Н.А.* Первый том «Капитала» Карла Маркса в среде русской учащейся молодежи 70-х годов XIX в. // История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 93—107.

310. *Косых Е.Н.* Сибирский читатель в 1917 г. // Вторые Макушинские чтения (23—24 мая 1991 г., г. Томск). Томск, 1991. С. 90—93.

311. *Котляревский Н.А.* Канун освобождения. Пг., 1916. 560 с. Отношение молодого поколения к книге, содержание чтения, влияние литературы на читателей (с. 448—532).

312. *Краснов Г.В.* «Последние песни». М., 1981. 110 с. Читательское восприятие книги Н.А. Некрасова «Последние песни».

313. *Краснов Г.В.* Основные вехи в восприятии романа «Анна Каренина» // Литературные произведения в движении эпох. М., 1979. С. 184—228.

314. *Крейдлина Л.М.* Распространение и пропаганда произведений В.И. Ленина в России (1894—1917 гг.). Л., 1981. 216 с. Приводятся данные о чтении произведений Ленина.

315. *Кузичева А.П.* А.П. Чехов и читатель рубежа веков: (К постановке проблемы) // Федоровские чтения, 1976: Читатель и книга. М., 1978. С. 138—143.

Отношение читателей к творчеству Чехова (по письмам к нему).

316. *Кургузова З.С.* Марксистская литература в дореволюционных библиотеках Бурятии: Некоторые вопросы распространения и чтения // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. Новосибирск, 1982. С. 131—138.

317. *Куфаев М.Н.* История русской книги в XIX веке. М., 1927. 354 с.

Данные о читательской публике, выводы о тенденциях ее развития.

318. *Ласунский О.Г.* Литературно-общественное движение в русской провинции: (Воронежский край в «эпоху Чернышевского»). Воронеж, 1985. 211 с.

Круг чтения воронежцев, книжная торговля и библиотеки в конце 1850-х — 1860-е гг. (с. 46, 125, 126, 129, 153—173).

319. *Лисичникова А.В.* Круг чтения учительской интеллигенции Иркутска конца XIX века // Пятые Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф., 25—26 мая 2000 г., г. Томск. Новосибирск, 2000. С. 136—139.

320. *Литвишко В.В.* Социальный характер читательских интересов прогрессивной молодежи 60—70-х годов XIX века (на материале мемуаров революционеров-народников) // Социальная роль книги. Киев, 1987. С. 75—83.

321. *Лукьянова Л.С.* Книжная культура Западной Сибири во второй половине XIX века: (Библиотека и читатели): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Гос. публ. науч.-техн. б-ка. Новосибирск, 1997. 23 с.

322. *Львов А.Л.* Чтение Библии и риторика начетчиков (по материалам православных миссионеров конца XIX — начала XX вв.) // Сны Богородицы. СПб., 2006. С. 52—69.

323. *Лютюв С.Н.* Военная книга в России (вторая половина XIX — начало XX века). Новосибирск, 2003. С. 149—169.

О чтении солдат и офицеров.

324. *Марков А.Р.* Практика и репертуар чтения российского студента первой четверти XX века // Проблемы культуры и искусства: Всерос. аспирант. конф., 23 апр. 1997 г.: Тез. выступлений. СПб., 1997. С. 209—210.

325. *Матвеев М.Ю.* Общественные библиотеки России и их читатель: вторая половина XIX — начало XX в.: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / СПб. гос. акад. культуры. СПб., 1998. 16 с.

326. *Матханова Н.П.* Сибирский читатель-разночинец (50—60-е гг. XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 27—36.

327. *Медведева О.В.* Читатели народных и публичных библиотек в российской провинции на рубеже XIX—XX вв. (на примере Тамбовской губернии) // Homo legens в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 23—24 мая 2007 г. Нижний Тагил, 2007. С. 71—75.

328. *Минаков А.Г.* Круг чтения горожан Сибири в 1909—1913 гг. // Досуг. Творчество. Культура. Омск, 2002. С. 50—51.

329. *Минаков А.Г.* Круг чтения интеллигенции в Сибири в начале XX в. (1908—1917 гг.) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII—XX вв.). Омск, 1998. Т. 2. С. 37—39.

330. *Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М., 2006. В том числе характеризуется чтение (с. 358—360).

331. *Мкртумян Н.С.* О читательской аудитории армянской периодики в России начала XX века // Вестн. Ереван. ун-та. Обществ. науки. 1986. № 1. С. 138—145.

332. *Морозова Т.Г.* Творчество В.Г. Короленко в восприятии читателей // Историко-функциональное изучение русской литературы. М., 1984. С. 120—133.

По письмам читателей.

333. *Мохначева М.П.* Журнальная периодика в кругу чтения подписчиков губернских публичных библиотек: (По материалам «Вятских губернских ведомостей») // Интеллигенция, провинция, культура, политика. Иваново, 1996. С. 119—121.

334. *Муратов М.В.* Книжное дело в России в XIX и XX веках: Очерк истории книгоиздательства и книготорговли, 1800—1917 годы. М.; Л., 1931. 256 с.

Информация о читательской аудитории, выводы о тенденциях ее развития.

335. *Никипелова Н.А.* Герои Чехова и Тургенева как читатели // Творчество А.П. Чехова. Ростов-на-Дону, 1980. Вып. 5. С. 67—75.

336. *Оглезнева Г.В.* Круг чтения иркутянок в конце XIX — начале XX века // Шестые Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф., 22—23 мая 2003 г., г. Новосибирск. Новосибирск, 2003. С. 170—172.

336. *Оглезнева Г.В.* О читательских интересах иркутян во второй половине XIX века // Пятые Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф., 25—26 мая 2000 г., г. Томск. Новосибирск, 2000. С. 134—136. По отчетам Иркутской городской публичной библиотеки.

337. *Оленева З.П.* Книга в жизни народовольцев — узников Шлиссельбурга // История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 108—123.

338. «Они питали мою музу...»: Книги в жизни и творчестве писателей. М., 1966. 255 с.

Круг чтения классиков русской литературы XIX—XX вв.

339. *Осват А.Л.* «Как слово наше отзовется...»: О первом сборнике Ф.И. Тютчева. М., 1980. 110 с.

Восприятие творчества Ф.И. Тютчева читателями.

340. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. Конец XVIII — середина 90-х годов XIX в. Новосибирск, 2000. С. 158—171, 237—247.

341. *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении. М., 1988. 272 с.

Круг чтения передовой женской молодежи в 1850—1870-е гг. (с. 59—65, 103).

342. *Покровский В.* Что читали сверстники века? // Дет. лит. 1976. № 12. С. 21—23.

Круг чтения детей начала XX в.

343. *Полищук Ф.М.* История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске: (Конец XVIII — февраль 1917 года). Иркутск, 1983. 167 с.

Численность читателей библиотек, их вкусы и интересы; интенсивность чтения.

344. *Прозоров В.В.* «Отечественные записки» и проблема демократического читателя // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. Вып. 5. С. 32—45.

Аудитория журнала; «Отечественные записки» о литературе для народного читателя.

345. *Прозоров В.В.* Русские читатели 1890-х годов о Н.А. Некрасове // Некрасовский сборник. Калининград, 1972. С. 90—92.

346. *Прозоров В.В.* Читатель и литературный процесс. Саратов, 1975. 211 с.

Развитие русской читательской публики; русская демократическая критика XIX в. о роли читателя в литературном процессе.

347. *Пугачев В.В.* Уфимская книжность. Уфа, 2003. С. 125—142. О читателях Уфимской губернии.

348. *Рейсер С.А.* Читатели о романе Чернышевского «Что делать?» // Н.Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1978. Вып. 8. С. 239—243.

Пометы читателей на полях нескольких экземпляров романа.

349. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту: (Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в.). М., 1991. 223 с.

Читательская аудитория библиотек для чтения и «народных библиотек», толстых и тонких журналов, низовых газет и лубочной литературы; популярные авторы.

350. *Рейтблат А.И.* Структура русской читательской аудитории второй половины XIX в. и дифференциация издательского дела // Книга и культура: Шестая Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения. Секция истории книги (до Октября): Тез. докл. (18—20 апреля 1988 г.). М., 1988. С. 40—41.

351. *Родигина Н.Н.* Сибирская аудитория либеральных общественно-политических журналов второй половины XIX — начала XX века // Седьмые Макушинские чтения: Материалы науч. конф., 16—17 мая 2006 года г. Красноярск. Новосибирск, 2006. С. 100—103. По архивным источникам.

352. *Розанов И.Н.* Книга и люди в XIX веке // Книга в России. М., 1925. Ч. 2. С. 441—475.

Русские «бестселлеры» XIX в. (с. 470—473).

353. *Роле С.* Кто читал раннего Горького? К вопросу о «новом читателе» // Творчество Максима Горького в социокультурном

контексте эпохи: Горьковские чтения 2004 г.: Материалы междунар. конф. Н. Новгород, 2006. С. 122—127.

354. *Романова Т.В.* Роман Л.Н. Толстого «Воскресение» в читательском восприятии начала XX века // Художественное творчество и проблемы восприятия. Калинин, 1978. С. 34—46.

355. *Рощевская Л.П.* Круг чтения тобольских демократов (60-е гг. XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 36—54.

356. *Сажин В.Н.* Книги горькой правды. М., 1989. 223 с. Восприятие книг Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы», Ф.М. Решетникова «Подлиповцы», В.А. Слепцова «Трудное время» читателями-современниками.

357. *Сдобнов В.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и его читательское восприятие в 1880—1890-х годах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1985. 16 с.

358. *Сергеев А.В.* Книга в жизни вятского духовенства пореформенных лет // Герценка: Вятские записки. Киров, 2002. Вып. 3. С. 45—51.

359. *Сергеев М.В.* Газета «Петербургский листок» и ее читатели (60-е — 80-е годы XIX века) // Российская культура глазами молодых ученых. СПб., 1994. Вып. 3. С. 204—221.

360. *Сергеев М.В.* Формирование массового читателя второй половины XIX века (на примере петербургских городских газет): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / СПб. гос. акад. культуры. СПб., 1996. 20 с.

361. *Скафтымов А.* Роман «Что делать?»: (Его идеологический состав и общественное воздействие) // Н.Г. Чернышевский. Незданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926. С. 92—140.

Чтение романа современниками (с. 133—140).

362. *Смердова А.А.* Читатели и библиотеки Орловского уезда Вятской губернии в конце XIX века // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994. С. 525—528.

363. *Смирнова В.И.* О круге чтения краеведов Западной Сибири (40—60-е гг. XIX в.) // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. Новосибирск, 1982. С. 57—66.

364. *Соболев Л.И.* «Я шел своим путем...» // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели. М., 1989. С. 293—336. Восприятие поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» читателями второй половины XIX — начала XX в.

365. *Сони́на Е.Г.* Читательская аудитория петербургских универсальных газет конца XIX века // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 2000. Вып. 10. С. 165—178.

366. *Строганов М.В.* От истории к современности: Читатели декабристского поколения о «Войне и мире» // Художественное произведение и его читатель. Калинин, 1980. С. 149—159.

367. *Тименчик Р.Д.* Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х гг. // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1985. Вып. 680. С. 101—116.

368. *Тихомиров Г.С.* Из истории издания и распространения «Капитала» Маркса в России // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1970. Вып. 2. С. 7—43. Читатели «Капитала» (с. 31—38).

369. *Тихонова М.А.* Стратегия газет: редакторы-издатели и их читательская аудитория: К типологии московских ежедневных газет 80-х годов XIX в. // Круг идей: макро- и микроподходы к исторической информатике. Минск, 1998. Т. 2. С. 108—128.

370. *Травушкин Н.С.* Жерминаль — месяц восходов: Судьба романа Э. Золя. М., 1979. 95 с.

Читатели романа из революционной среды (с. 59—73).

371. *Травушкин Н.С.* Зарубежная беллетристика в русском революционном обиходе // Из истории русской и зарубежной литературы. Саратов, 1968. С. 79—98.

Приводятся данные о чтении.

372. *Травушкин Н.С.* Зарубежный утопический роман в русском революционном движении конца XIX — начала XX века // Уч. зап. Астрахан. пед. ин-та. 1969. Т. 27. С. 83—114.

373. *Травушкин Н.С.* Как читали в России роман Шпильгагена «Один в поле не воин» // Русская литература и освободительное движение. Казань, 1974. Сб. 5. С. 51—71.

374. *Троицкая Н.А.* Чехов как писатель для детей и юношества в оценке педагогов и учащихся конца XIX — начала XX века // Вестн. Белорус. гос. ун-та им. В.И. Ленина. Сер. 4. Филология, журналистика, педагогика, психология. 1979. № 2. С. 11—13.

По письмам читателей А.П. Чехову.

375. *Троицкий В.Ю.* Книга поколений: О романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». М., 1979. 112 с.

Читательское восприятие романа.

376. *Троицкий В.Ю.* Художественное наследие Н.С. Лескова в сознании поколений (от современников до Горького) // Время и судьбы русских писателей. М., 1981. С. 241—281.

377. *Усок И.Е.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его восприятие в России XIX—XX вв. // Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979. С. 239—302.

378. *Фабричный П.* Грамота и книга на каторге // Каторга и ссылка. 1922. Сб. 3. С. 189—205.

Приобщенность к чтению; содержание чтения; популярные авторы (данные по Александровской каторжной тюрьме Иркутской губернии за 1907—1917 гг.).

379. *Хазиахметов Э.Ш.* Политические ссылки Сибири как читатели художественной литературы (1906—1917 годы) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Археография книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 261—274.

380. *Хвостов Н.Л.* Библиотеки и круг чтения сибирского читателя // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. Омск, 1995. С. 155—157.

381. *Чернышев А.А.* Читательская аудитория дооктябрьской киножурналистики // Методика изучения и преподавания истории русской журналистики на факультетах журналистики государственных университетов. М., 1987. С. 48—51.

382. *Шаталов С.Е.* Роман Тургенева «Отцы и дети» в литературно-общественном движении // Литературные произведения в движении эпох. М., 1979. С. 75—131.

383. *Шафир Я.* Очерки психологии читателя. М.; Л., 1927. 88 с. Эволюция читательских интересов в России в XIX в. (на материале книг русских классиков) (с. 25—61).

384. *Шепелева С.Д.* Читатель и книга Урала конца XIX — начала XX века: (На примере Пермской губернии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГИК. СПб., 1991. 16 с.

385. *Щербакова Е.И.* Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в восприятии радикальной молодежи середины 60-х годов XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1998. № 1. С. 59—68.

СТАТЪИ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АВТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Взаимоотношения авторов и издателей являются важным аспектом книжного дела. Изучение этих взаимоотношений позволяет глубже понять причины появления конкретной книги, выбор издателем той или иной ее тематики и оформления, смысл, который имела она для разных читательских групп. Издатель, выступающий выразителем социальной потребности, осуществляет отбор среди различных предлагаемых авторами рукописей: одни из них, исходя из содержания и качества исполнения, признаются достойными печати, другие бракуются и остаются неопубликованными. При этом, разумеется, в результате издательских ошибок иногда выходят книги, которые оказываются никому не нужными (особенно часто это происходит в случае издания авторами собственных произведений), или, напротив, в рукописи остаются ценные произведения. В одни исторические периоды взаимоотношения авторов и издателей складываются сравнительно благоприятно, в другие — сопряжены с немалыми напряжениями и конфликтами.

Третья четверть XIX в. была отмечена существенными переменами в развитии книжного дела, она внесла, в частности, много нового и во взаимоотношения авторов и издателей. Не ставя своей

задачей охарактеризовать эти взаимоотношения во всех разновидностях книгоиздания (например, выпуск научных работ или пособий прикладного характера был в этом отношении весьма специфичен), мы уделим здесь и далее основное внимание литературе общего интереса, и прежде всего таким ее разновидностям, как беллетристика, публицистика и издания для народа.

Основным толчком к переменам в эти годы были изменения в читательской аудитории, связанные как с количественным ее ростом, так и с дифференциацией из-за приобщения к чтению новых социальных слоев. Немалую роль сыграло и ослабление цензурных требований, поскольку обсуждение в журналах и газетах острых и актуальных социальных проблем резко активизировало чтение. Усилившийся спрос на печатную продукцию, причем на издания разного уровня сложности и разной идеологической направленности, привел к своеобразному издательскому буму — расширению репертуара названий книг, быстрому росту числа разнообразных журналов и газет (по подсчетам Н.М. Лисовского, в 1855 г. на русском языке выходило 139 периодических изданий, а в 1880 г. — 483¹). Этот процесс повлек за собой увеличение спроса на кадры литераторов. Действующие в литературе писатели не могли удовлетворить спрос, и к литературному труду стали приобщаться новые авторы. Кроме того, возможность высказаться в печати по поводу современных проблем обусловила обращение к журналистике (или возвращение в нее) многих лиц, в предшествовавшие годы не имевших возможности печататься.

М.Е. Салтыков-Щедрин отмечал в 1863 г., что «нынче <...> доступ в литературный цех значительно облегчен»². В результате корпус авторов стал быстро расти. Если в 1830 г. в литературной печати выступало примерно 260 авторов, а в 1855 г. — 300, то в 1880 г. — уже 700³ (то есть за первое двадцатипятилетие прирост составил 15%, за второе — 133%)⁴.

Но дело не только и не столько в увеличении числа печатающихся. Гораздо важнее, что в этот период, а именно с конца 1850-х — начала 1860-х гг., интенсивно идет процесс профессионализации литературы. В первой половине XIX в. число лиц, живущих на литературные доходы, можно было пересчитать буквально по пальцам. Это были, как правило, редакторы и сотрудники редакций периодических изданий, некоторые переводчики, а также представители так называемой низовой книжности (обработчики-компиляторы лубочных книг). Даже беллетристы-прозаики, не го-

вора уже о поэтах, не могли жить в этот период на гонорары. Число литераторов, для которых плата за литературный труд являлась основным источником получения средств к жизни, не превышала в 1830—1840-х гг. 20—30 человек одновременно. Причины подобного положения заключались как в малом числе читателей и покупателей книг, так и в отношении общества к литературному труду. Литература была дворянской и в силу давней культурной традиции мыслилась как форма времяпровождения на досуге. Литератор не был вписан в существующую общественную структуру, организованную по сословно-чиновничьему принципу, занятие литературой (как основная форма социальной деятельности) не предусматривалось сословной и профессиональной дифференциацией населения. Ф.В. Булгарин констатировал в 1846 г.: «В России литератор — настоящий *пария*! Для него нет места на гражданственной лестнице! Чиновникам и военным поставляется в порок занятие литературой, чего нигде и никогда не бывало, а неслужащие литераторы — заброшены и ниже мещан!»⁵ Литература принципиально носила дилетантский характер. Немногочисленные литераторы-профессионалы 1830—1840-х гг. неоднократно выступали в защиту литературной профессии (в том числе А.С. Пушкин, Н.И. Греч, Н.А. Полевой, В.Г. Белинский и др.), однако успеха не имели. В дворянской среде (а именно она составляла преобладающую часть читателей и авторов) к литературе существовало двойственное отношение. Она считалась сферой возвышенной, в свободное от службы время облагораживающей занимающегося ею человека. Позднее, частично под влиянием романтической концепции, в литературе на первый план вышел момент творчества, вдохновения, а литератор стал рассматриваться как незаурядный человек, превосходящий обычных людей, причем касалось это только художественной литературы, особенно поэзии, не распространяясь на публицистику, критику, литературоведение. Однако литература не должна была превращаться в основное жизненное занятие и тем более давать средства к жизни. Литературный труд, как и вообще любой труд, считался в дворянской среде занятием непрестижным, роняющим достоинство лица, делающего его своей профессией (характерно, что в таких видах искусства, как театр, живопись и музыка, долгое время подвизались в основном крепостные исполнители, искусство трактовалось здесь как ремесло, техническое умение).

Для дворян, располагавших широким спектром возможностей социального продвижения, роль профессионального литератора в

дореформенный период не была привлекательна. Для разночинцев, не говоря уже о представителях социальных низов, возможности и заработка, предоставляемые литературной профессией, были гораздо более желанными. По словам Н.В. Шелгунова, «заманчивость литературной деятельности, особенно у нас, где для свободных сил вообще мало выхода, где не существует экономического развития, нет ни достаточной промышленности, ни достаточного запроса на техников и специалистов, наконец, недостает и капиталов, — делает литературное занятие одним из средств весьма удобного, безбедного и даже приятного существования»⁶. Показательно, что женщины, которые могли выбирать лишь среди очень узкого круга профессий, интенсивно пополняли ряды литераторов (в 1830 г. — 3,5%, в 1855 г. — 10,4%, в 1880 г. — 16,1%).

Приходу многих лиц в литературу способствовало повышение ее роли в обществе с конца 1850-х гг. В ситуации реформ правительством и различными общественными силами на печать возлагались важные и ответственные задачи прояснения целей и путей движения вперед, критики всего отжившего и мешающего прогрессу, просвещения населения. По свидетельству Шелгунова, писатель тогда в России «стал общественным учителем, воспитателем и пророком, открывающим горизонты будущего, указывавшим идеалы и цели стремлениям»⁷.

Именно из идейных соображений в начале 1860-х гг. одни, завершив учебу, становятся профессиональными литераторами (П.Д. Боборыкин, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, М.А. Антонович), другие, представители старшего поколения, бросают государственную службу (А.Ф. Писемский, Н.В. Шелгунов, М.Е. Салтыков-Щедрин). Г.П. Данилевский в 1856 г. писал матери, обосновывая выбор жизненного пути: «...литератор выше всякого чиновника <...> его поприще выше всякого другого!»⁸ Н.П. Баллин (тогда юрист, а впоследствии издатель и книгопродавец) в конце 1850-х гг. считал, что «лучшее счастье в жизни — это быть писателем»⁹. За короткий срок появляется несколько сотен человек, живущих литературным трудом. Если в 1830 г. литературой зарабатывало себе на жизнь 5,1% авторов, а в 1855 г. — 8,9%, то в 1880 г. — 32,9% (соответственно с 1855 по 1880 г. доля литераторов-помещиков снижается с 17,9% до 3,9%, а чиновников — с 34,3% до 18,1%). Исходя из того, что и в 1880 г. лишь треть литераторов были профессионалами, может возникнуть впечатление, что литературу, как и прежде, делали дилетанты. Однако не нужно забывать, что непро-

фессиональные авторы, как правило, редко выступали в печати, а профессионалы являлись штатными сотрудниками редакций либо тесно сотрудничали с ними и в общем объеме публикаций их работы составляли большинство.

Профессионализацию писательского труда в 1860-е гг. часто связывают с приходом в литературу разночинцев. Действительно, в эти годы значительную роль играли выходцы из духовной среды — Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, М.А. Антонович, Ф.М. Решетников, Н.Г. Помяловский, Г. и Н. Успенские и др. Однако многие из них к 1880-м гг. либо умерли, либо так или иначе были «вытеснены» из литературы. Кроме того, в 1860—1870-х гг. в литературе существовала и довольно сильная дворянская «струя»: Вс.В. Крестовский, Е.Л. Марков, П.Д. Боборыкин, Е.А. Салиас и др. Проведенные подсчеты показывают, что доля дворян среди литераторов снизилась незначительно (70,7% в 1830 г., 73,1% в 1855 г. и 67,7% в 1880 г.). Более важным было изменение социального положения дворян, обусловленное разорением многих семейств после крестьянской реформы и сближением малообеспеченных слоев дворянства с разночинцами в образе жизни и нередко в мировоззрении. Связанное с этим новое отношение к литературному труду в самой дворянской среде было не менее важным для профессионализации литературы, чем рост числа разночинцев-литераторов.

Растет профессиональное самосознание литераторов (М.В. Авдеев на визитных карточках обозначал себя — «писатель»¹⁰). Лишь аристократия и бюрократическая верхушка долгое время не хотели признавать самостоятельное значение литературной профессии. Когда в 1861 г. по поводу ареста М.Л. Михайлова от лица «сословия литераторов» была подана петиция министру народного просвещения Е.В. Путятину, тот писал в своем ответе: «...литераторов <...> как особое сословие я не признаю»¹¹. Князь В.П. Мещерский вспоминал, что, решив в 1871 г. с целью защиты дворянских интересов основать газету «Гражданин», он «сознавал, что вступал на путь, который, по сложившимся о нем в верхах понятиям, считался чем-то неопытным и к моему положению неподходящим. При дворе хотя слабее, чем прежде, но все же держалось предубеждение против всего, что пишет. <...> В тоне, с которым государь спросил: “Ты идешь в писаки?” — я услышал не только отсутствие чего-либо похожего на поощрение, но отголосок насмешливого пренебрежения, и во всяком случае полное признание ненужности того дела, с его точки зрения, на которое я решился посвятить мою жизнь»¹².

Однако в таких слоях, как разночинная интеллигенция, мелкое и среднее чиновничество и дворянство, литературный труд стал рассматриваться с конца 1850-х — начала 1860-х гг. как почетный и престижный.

Писатели предшествовавшего этапа, литераторы-дилетанты, не были ограничены (если не считать, конечно, цензурного контроля) в выборе тем своих произведений. Писали они главным образом беллетристику (романы, повести, стихи). Профессионализация литературы была тесно связана с ее журнализацией. Новые литераторы — это в основном журналисты, живущие на литературные доходы, тесно связанные с редакцией того или иного периодического издания. Они работали главным образом в документальных жанрах (очерк, сценка, статья, рецензия, компиляция).

С 1860-х гг. усилилось расслоение в литературной среде. Существовала группа высокооплачиваемых, обладавших широкой известностью и высоким престижем литераторов. Она состояла из писателей, имевших другие источники дохода и высокое общественное положение (Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.К. Толстой, И.А. Гончаров и др.) либо являвшихся издателями, редакторами, членами редколлегии журналов (Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Г.З. Елисеев, М.Н. Катков, А.С. Суворин, Г.Е. Благовестов, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев и др.). В другую группу входили авторы, имевшие литературную известность, но не связанные прочно с какой-либо редакцией и постоянно испытывавшие материальные затруднения (Н.С. Лесков, Я.П. Полонский, А.А. Григорьев). Третью группу составлял так называемый литературный пролетариат. Определенная часть рекрутированных в литературу в 1860—1870-х гг., не обладая особым талантом, зарабатывала мало, часто переводами, компиляциями, рецензиями, книгами для народа и т.п. Однако эти люди, не имевшие высоких социальных претензий и ценившие профессию литератора за ее культурно-преобразовательные возможности, не уходили из литературы. Для них «литература была чем-то вроде святая святых. Люди менее разборчивые в нравственном отношении и менее привязанные к литературе, потерпев неудачу, скоро переходили на другие поприща и пристраивались в какие-нибудь места: шли в чиновники, поступали в банки, на железные дороги и т.п., а эти терпели массу лишений и все-таки оставались писателями»¹³. В крайних формах подобное отношение к литературе приводило к появлению литературной богемы, возникшей уже в конце 1850-х —

начале 1860-х гг. Ее составляли столичные репортеры и нравоописатели, авторы сенок и очерков обличительного характера, в обилии печатавшихся в юмористических журналах («Искра», «Будильник», «Развлечение») и низовых газетах («Петербургский листок», «Петербургская газета»)¹⁴. Подобная роль литератора-обличителя была достаточно престижна, отвечая духу времени, и на нее претендовали многие неудачники, не сумевшие пристроиться на службу и обладавшие достаточным культурным минимумом, чтобы писать очерковые заметки.

При публикации своих работ литераторы нередко сталкивались со значительными трудностями, отношения авторов и издателей были «больным вопросом» тех лет. Сложной проблемой являлась недостаточная упорядоченность, нестабильность связей между ними. Профессиональный издатель, занимающийся книгоизданием с целью получения дохода (в отличие от издателей-просветителей, революционеров, меценатов и т.д., финансирующих книгоиздание за счет других источников), и профессиональный писатель, живущий на литературные доходы, — оба были заинтересованы в тесных и постоянных контактах между собой.

Однако в сфере книгоиздания связь между ними в рассматриваемый период, по сути дела, так и не приобрела регулярного характера. Основной формой организации литературной жизни в эти годы на высоких уровнях литературы (о низовых изданиях речь пойдет дальше) являлась периодика (прежде всего — журналы, в 1870-е гг. с ними стала активно конкурировать газета). Тираж толстого журнала составлял 3—5 тыс. экз., тонкого — доходил до 50 тыс. экз., а газеты — до 25 тыс., в то время как обычный тираж книги долгое время, вплоть до 1880-х гг., был равен 1200 экз. Периодика позволяла издателю получить от публики за счет подписки деньги в кредит, обеспечить сбыт и доставку своих изданий, избежать риска, связанного с публикацией произведений конкретных авторов. Автор же обеспечивал себя постоянным местом для помещения своих произведений и в результате получал регулярный источник дохода.

В периодике связь издателя и автора осуществлялась обычно не напрямую, а через посредника — редактора журнала или газеты, хотя следует оговорить, что в ряде печатных органов («Современник», «Русский вестник», «Русское слово» и т.п.) эти функции выполняло одно и то же лицо¹⁵.

Большинство изданий имели «направление» и печатали авторов определенных взглядов и убеждений. Литератор должен был попасть в тон редакции, соответствовать предъявляемым ею требованиям. Это было гораздо важнее, чем литературный уровень рукописи, хотя, конечно, слишком слабые работы отвергались. Даже признанные литераторы иногда испытывали трудности в помещении своих произведений (так, в 1865 г. Достоевский предлагал повесть, которая в дальнейшем переросла в роман «Преступление и наказание», журналам «Библиотека для чтения», «Современник», «Отечественные записки», но только редактор «Русского вестника» Катков согласился выплатить аванс за нее¹⁶). Авторы, не «вмещавшиеся» в узкие рамки литературных направлений (Н.С. Лесков, Я.П. Полонский и др.), нередко сетовали по этому поводу. Но если писатели с именем испытывали лишь некоторые затруднения в поисках места для обнародования своих произведений, то гораздо более многочисленные литераторы-профессионалы второго и третьего ряда нередко долго ходили по редакциям, прежде чем «пристраивали» свои работы. Они стремились либо войти в состав редакции (а при резко выросшем числе периодических изданий возможности для этого существенно расширились), либо установить тесную связь с ней. Многие литераторы постоянно сотрудничали в журналах и газетах: писали внутренние и иностранные обозрения, фельетоны, репортажи, рецензии на книги и спектакли, занимались переводами. «Положение многих постоянных сотрудников было неправильно: они должны были изо дня на день или из месяца в месяц работать для существования, писать не тогда, когда хочется, а к известному дню и часу, и не то, что хочется, а что ближе, словом, были в положении поденщиков (в газетах) и штучников (в журналах)»¹⁷. Спешку, неуверенность в публикации своих произведений и в своевременном получении гонорара ощущало подавляющее большинство литераторов того времени.

Известных писателей редакция стремилась закрепить за собой, практикуя систему авансов (как это делал нередко Некрасов). Зато к многочисленным начинающим или малоизвестным авторам в редакциях существовало пренебрежительное отношение — знакомство с рукописью затягивалось надолго, а иногда ее вообще теряли, не прочитав. Постепенно отношения литераторов с издателями периодики осложнились еще больше. Если раньше в качестве издателей обычно выступали литераторы, то теперь этим все чаще (особенно в газетах) стали заниматься финансовые дельцы и куп-

цы, ставившие целью только повышение дохода (И.И. Успенский, Ф.П. Баймаков, К.В. Трубников и другие). В эти годы в литературном сознании укореняется понимание литературы как фабрики, издателя — как капиталиста, эксплуатирующего своих сотрудников, а литератора — как наемного рабочего, пролетария. Например, обозреватель «Отечественных записок» Г.З. Елисеев писал в 1875 г.: «Какая может быть внутренняя связь между ними и пишущими у них литераторами? Положительно никакой. Тут, кроме отношения лавочного, фабричного, никакого другого и быть не может. С одной стороны хозяин, с другой — молодцы; с одной — фабрикант, заводчик или директор фабрики и завода, с другой — рабочие»¹⁸. Более того, нередко эта метафора становилась основой для экономического и социального осмысления литературной деятельности¹⁹.

Найдя редакцию, согласившуюся поместить его произведение, автор должен был решить другую задачу — получить гонорар. Обычно оплата осуществлялась после публикации (которая, кстати, нередко задерживалась), но многие издатели надолго затягивали выплату денег, а нередко и не платили совсем. Затрудняла деятельность литераторов и цензура, которая могла запретить публикацию, лишив тем самым автора возможности видеть свою работу в печати и, кроме того, получить за нее деньги.

Такова была ситуация в периодике. Но найти издателя для выпуска произведения отдельной книгой было еще труднее. Лишь немногие повести и романы, имевшие шумный успех, охотно покупались издателями; остальные журнальные и газетные публикации либо вообще не перепечатывались, либо с трудом находили издателя. Приобретение рукописи производилось, по описанию автора передовой статьи в газете «Голос», следующим образом: «Автор (разумеется, не из первоклассных) приносит издателю рукопись; издатель почти никогда не читает ее, а спрашивает у автора, о чем в сочинении идет речь и какое заглавие оно носит; если то и другое, по его соображениям, подходяще, то есть покупатель на них идет, то о достоинстве сочинения издатель нимало не заботится, потому что условия, предлагаемые им автору, совершенно обеспечивают его от риска: он берется издать сочинение с тем, что выручка за продаваемые им экземпляры идет вся на покрытие его затрат до тех пор, пока все эти затраты вернутся; выручка за остальные, затем, экземпляры делится между издателем и автором пополам»²⁰.

В печати того времени нередко можно было встретить упреки книгоиздателям в том, что они не хотят издавать хорошие книги, платят мало и неаккуратно. Однако во многом подобные претензии были несправедливы. Ведь обычный издатель волей-неволей должен быть коммерсантом; если он не будет получать доход, то не сможет продолжать свою деятельность и прогорит. Издавать книги русских беллетристов из-за слабого спроса было не очень выгодно. Современник свидетельствовал: «От недостатка общения книгопродавцев с писателями, от неопределенности вкуса русской публики и от многих горьких опытов, вселивших взаимное недоверие в писателей и книгопродавцев, рукопись часто не находит себе издателей довольно долго. Как для публики, так и для книгопродавцев нужно имя»²¹.

Издатели, сделавшие ставку на выпуск книг отечественных авторов, быстро прогорали. Например, известный издатель А.Ф. Базунов в 1860-х гг. организовал выпуск «Библиотеки современных писателей», включившей книги популярных современных прозаиков (Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, Вс.В. Крестовского, Г.И. Успенского, В.Г. Авсеенко, А.С. Афанасьева-Чужбинского и др.), однако книги расходились очень плохо, что привело его в итоге к банкротству²². Не имело успеха и предпринятое Ф.Т. Стелловским в первой половине 1870-х гг. «Полное собрание сочинений русских авторов» (где были представлены Достоевский, Писемский и др.), что явилось причиной прекращения его (как и А.Ф. Базунова) издательской деятельности. Выражая точку зрения отечественных книгоиздателей, М.О. Вольф отмечал в 1870-х гг.: «...нам, русским издателям, нельзя рисковать, нельзя печатать больше 1000, 1200 экземпляров, и то известных авторов, потому что на больший спрос рассчитывать трудно»²³. Хорошо расходились произведения авторов с именем и нашумевшие публикации, но таких книг было очень мало; вторым, а тем более третьим изданием выходили очень немногие книги, собрания сочинений переиздавались обычно лишь через 15—20 лет. Поэтому, приобретая для издания какую-либо книгу, издатель отнюдь не был уверен в успехе. Отсюда низкие гонорары и низкие тиражи.

Издание периодики было гораздо выгоднее и надежнее, поэтому нередко делались попытки совместить оба вида издания — издатели журналов (М.М. Стасюлевич, Н.А. Некрасов, Г.Е. Благовосветлов, М.Н. Катков) выпускали книги (наличие типографий и налаженных каналов распространения позволяло делать это более

экономично), книгоиздатели (Н.Л. Тиблен, М.О. Вольф и др.) стремились дополнить книгоиздание журналом.

Известны, конечно, примеры процветавших издателей (М.О. Вольф, И.И. Глазунов, Я.А. Исаков и др.), но успех им обеспечивала ориентация не на книги отечественных беллетристов, а на учебники и учебные пособия, детскую литературу, переводы зарубежной прозы, имевшие более широкую читательскую аудиторию.

Для того чтобы избавить литераторов от издательской эксплуатации, в те годы предлагалось создать литературно-издательские общества, построенные на артельных началах²⁴. Однако из-за неравноценности труда разных литераторов и значительного финансового риска попытки такого рода гасли в самом зародыше. Лишь в сфере переводческой деятельности, где авторское начало носит гораздо менее выраженный характер, а сбыт изданий значительно легче, удалось создать подобные объединения — издательские артели Н.В. Стасовой — М.В. Трубниковой и А.И. Сувориной — Е.И. Лихачевой.

Русские писатели часто жаловались на некомпетентность и неинициативность отечественных издателей. Однако следует учесть, что в принципе почти каждый из них имел возможность самостоятельно осуществить издание собственных произведений. Для этого нужно было располагать некоторой, в общем-то, не такой уж значительной суммой. Нередко авторы вообще сводили к минимуму свои первоначальные расходы по изданию, получив бумагу в типографии в кредит.

Авторские издания были в те годы широко распространены. В 1856 г. А.Н. Афанасьев писал: «Книготорговцы наши редко бывают издателями: большею частью сочинитель есть вместе и издатель своего литературного или ученого труда»²⁵. Другой специалист, анализируя через несколько лет явление авторского книгоиздательства, также пришел к выводу, что «книгопродавцы редко принимают издание сочинений малоизвестных авторов, а потому чаще всего эти авторы сами издают свои произведения»²⁶. Можно выделить несколько категорий подобных авторов-издателей. Одну, весьма многочисленную, составляли начинающие писатели, стремившиеся заявить о себе и войти таким образом в литературу. В другую входили литературные дилетанты со значительными доходами, публикацией своих сочинений удовлетворявшие авторское тщеславие. Авторы, принадлежавшие к этим категориям, редко получали до-

ход от издания, да они, как правило, и не рассчитывали на него. Третью категорию авторов-издателей составляли известные литераторы, которые были уверены в сбыте своих произведений (Л. Толстой, Достоевский, Тургенев и др.), причем нередко им помогали при издании жены или друзья. Авторское издание было сопряжено с целым рядом хлопот и сложностей (переговоры с типографией, сдача книг на комиссию в книжные магазины, помещение рекламных публикаций в газетах и т.д.), однако в случае успеха давало доход в несколько раз больше, чем при продаже издателю. Например, издание «Бесов», осуществленное самим Ф.М. Достоевским, принесло ему более 4000 р. дохода, в то время как издатель давал ему за право издания всего 500 р.²⁷

Особенно часто издавали свои книги педагоги (учебники и учебные пособия), поскольку сбыт их во много раз превышал сбыт беллетристики. В печати того времени отмечалось, что «вдова Ушинского, [В.И.] Водовозов, а за ними и значительное число менее известных издателей и провинциальных авторов “издают” и “распускают” свои сочинения “сами”, без посредства издателей-книгопродавцев. Число таких авторов-издателей с каждым годом увеличивается все более и более. Но этот путь освобождения от эксплуатации, удобный для Водовозова, наследников Ушинского, неудобен для авторов менее известных, менее распространенных в массе или менее плодовитых, каковы все вообще провинциальные производители»²⁸.

Писатели, не имеющие литературной известности, выпуская книгу, шли на значительный риск. Например, Г. Успенский, когда встал вопрос о публикации первого сборника его произведений, «боялся, что издание не будет покупаться»²⁹. Поэтому рядовые литераторы предпочитали обращаться к профессиональным издателям или к состоятельным знакомым, которые могли финансировать издание (как и произошло с упомянутой книгой Г. Успенского).

В низовой литературе связь между издателем и автором была прочнее. Выпуск переводных авантюрно-приключенческих и бытовых романов, лубочных книг и брошюр был прибыльным делом, коммерческим; «рыночные» (как их тогда называли) издатели такого типа (Е.И. Екшурский, А.И. Манухин, С.И. Леухин и др.) постоянно пользовались услугами одних и тех же авторов и переводчиков. Здесь, как и в периодике, широко практиковалась работа на заказ. Издатель определял тематику, жанр и объем нужной книги, а несколько авторов (среди наиболее известных — Н.И. Во-

локитин, М.Е. Евстигнеев, Н.Е. Добронравов, И.К. Кондратьев) поставляли ему рукописи (обычно обработки, компиляции, но иногда и оригинальные произведения).

1860—1870-е гг. имели принципиальный характер для развития русского книжного дела. Именно тогда произошла профессионализация литературы и появилось довольно много авторов, для которых литературный труд составлял основное занятие. Параллельно возник многочисленный контингент профессиональных издателей. Связь между ними (пока — в сфере журналистики) приняла стабильный, тесный характер, что и нашло свое выражение в широком распространении гонорара, введении его почти во все сферы литературного труда.

* * *

На фоне предшествовавшего периода 1880-е — первая половина 1890-х гг. выглядят как время застоя, когда ранее сформировавшиеся нормы взаимоотношений издателей и авторов почти не менялись. Скорее можно сказать, что шло их укоренение, превращение из недавней новинки в привычный компонент литературного быта.

Важнейшей причиной стагнации было свертывание реформ, а в ряде случаев проведение контрреформ в социально-политической сфере, выражавшееся в области печати в усилении цензурного гнета, затруднявшего обсуждение актуальных жизненных проблем. Правда, число периодических изданий (в 1890 г. — 483, в 1895 г. — 841)³⁰ и число названий выходящих за год на русском языке книг (в 1887 г. — 5442, в 1895 г. — 8728)³¹ росли довольно быстро. Однако общую картину взаимоотношений в литературной среде это не меняло.

Число литераторов в эти годы увеличилось ненамного. Если в 1880 г. в литературной печати выступало примерно 700 авторов, то в 1895 г. — 830, то есть за пятнадцать лет прирост составил 19% (за предшествовавшие двадцать пять лет — 133%).

Замедлился процесс профессионализации литературы, сложившаяся система литературных взаимоотношений была, по сути дела, законсервирована, а в некоторых отношениях наблюдался небольшой «откат назад». Если в предшествовавшие годы шел быстрый рост доли женщин-писательниц, то с 1880 по 1895 г. этот показатель даже несколько снизился (16,1% и 15,9%)³². Доля профессиональных литераторов, живущих на свои литературные доходы, так-

же снизилась с 32,9% до 30,0%. Доля дворян несколько уменьшилась (с 67,7% до 59,2%), однако и в эти годы они составляли большинство писателей.

Если ранее писатель выступал главным образом как пророк, «человек искусства», идейный вождь, то теперь он многими рассматривается только как занимательный рассказчик, а писательский труд превращается в обычную профессию, к которой нередко обращаются те, у кого не сложилась служебная карьера и нет способностей к другим занятиям. Подобная ситуация очень выразительно (хотя и в несколько утрированном виде) передана в одной из юморесок Власа Дорошевича, персонаж которой говорит: «Я должен сделаться писателем... Меня гонят за неплатеж с квартиры, кухмистерша отказывает давать мне обед, прачка не отдает белья... Я должен сделаться писателем... Ведь не поступать же мне в музыканты, когда я не умею играть ни на каком инструменте... Меня прогнали со службы, потому что у меня дурной почерк, но ведь для писателя не нужно хорошего почерка... Пять копеек за строчку! Я должен сделаться писателем»³³.

Основной формой связи авторов с издателями продолжала оставаться периодика. Именно сотрудничество в газетах и журналах позволяло литераторам наладить и закрепить контакты с издателями. Необходимо добавить, что специфику данного периода составляло выдвижение на первый план иллюстрированных еженедельников и газет, которые постепенно «оттесняли» толстые журналы на вторые роли. Подобные издания, частота выхода которых была значительно выше, чем у ежемесячников, нуждались в постоянных сотрудниках, регулярно поставляющих материалы в номер (репортеры, фельетонисты, «передовики», рецензенты, юмористы и т.д.). Соответственно растет в эти годы число журналистов, газетных и журнальных «поденщиков», не имеющих литературного имени. Журналист оказывался «прикован» к своему изданию и тем самым к его издателю. Особенно это было характерно для провинциальных газет. Н.П. Ашешов, в 1893—1895 гг. редактировавший «Самарскую газету», отмечал, что в провинции «фактически “ведет” газету, то есть создает материал, одно, редко — два лица. Провинциальный фактический редактор газеты поневоле должен быть энциклопедистом. Если он желает придать изданию характер живого, отзывчивого органа, он должен писать по всем отделам газеты и заполнять своим личным трудом те пробелы, какие естественно являются вследствие отсутствия сотрудников и организации рабо-

ты по принципу разделения труда»³⁴. А.В. Амфитеатров, сотрудничавший в 1888—1890 гг. в тифлисском «Новом обозрении», вспоминал, что ему «писать приходилось чуть не целую газету»³⁵.

Постоянные взаимоотношения у авторов с книгоиздателями складывались лишь тогда, когда издатель был уверен в сбыте приобретенных рукописей. На это могли рассчитывать только известные литераторы с устоявшейся репутацией. В профессиональной печати отмечалось, что «громких литературных имен, сочинения которых покупаются нарасхват, немного, — раз, два, три, да и обчелся. Рукописей их ожидают как манны небесной, и не авторы эти к издателям, а издатели к ним забегут десятки раз со справками — нет ли чего новенького, — но это счастливые исключения»³⁶. Часто известные литераторы доверяли определенным издателям публикацию всех своих книг (А.П. Чехов, например, в 1888—1893 гг. издавался только у А.С. Суворина). Н.С. Лесков писал о книгопродавце И.Л. Тузове: «Он мой постоянный издатель и покупатель, достаточный человек и аккуратный плательщик»³⁷.

Часто издатели газет и журналов выпускали книги постоянных своих сотрудников, что объяснялось стремлением не столько получить доход от издания, сколько «привязать» к себе ценимого писателя, оказав ему услугу. Так, редакция журнала «Русское богатство» издавала книги В.Г. Короленко, Н.Г. Гарина-Михайловского и др., А.С. Суворин, издатель газеты «Новое время», — книги А.Н. Маслова, А.А. Дьякова, И.Л. Леонтьева, Н.М. Ежова; Н.А. Лейкин, издатель журнала «Осколки», — книги Л.И. Пальмина, К.С. Баранцевича, А.П. Чехова и т.д.

Следует отметить, что немногочисленные «идейные» издатели, для которых прибыль не являлась главной целью издательской деятельности, старались привлечь к работе ценимых ими авторов и высоко оплачивали их труд (так, например, Л.Ф. Пантелеев и К.Т. Солдатенков стремились подыскать литературную работу Чернышевскому и материально обеспечить его). Если обычно издатель наживался на труде авторов, то сотрудники «идейных» издателей, например Ф.Ф. Павленкова, нередко «эксплуатировали» их, забирая авансы и не выполняя взятых на себя обязательств³⁸.

Авторы, находившиеся на нижних ступенях литературной иерархии, также были тесно связаны со своими издателями — рыночными книготорговцами. Как отмечалось тогда, «к услугам рыночника всегда существуют особого рода авторы и литераторы, поставщики дешевого товара, готовые писать обо всем, о чем угод-

но, хотя бы и о том, чего вовсе не знают <...>. Сам издатель смыслит очень мало и обыкновенно бывает озабочен лишь тем, чтобы дать книге позабористее заглавие да иметь поподробнее оглавление»³⁹. Эти авторы (нередко их называли «алтынными литераторами») писали в год от 10 до 20 книг⁴⁰.

Однако покупка авторских прав на рукопись и последующий самостоятельный выпуск книги издателем практиковались не очень широко, так как зачастую были связаны с финансовым риском. Гораздо более была распространена публикация книги «на счет» издателя. Например, когда в 1880 г. А.Н. Островский и Н.Я. Соловьев решили выпустить сборник совместно написанных пьес, то, по сообщению Соловьева Островскому, «купить издание Суворин отказался, мотивируя это тем, что пришлось бы или себя или нас обсчитать, — дело гадательное, а на свой счет издать изъявил готовность». Авторы и издатель договорились, что «первая продажа пойдет на покрытие расходов по изданию; затем книжная торговля берет 30% и... Суворин 5%, всего 35%, причем он принимает на свой счет объявления»⁴¹. Соглашаясь на подобную сделку, издатель, как правило, ничем не рисковал, так как расходы на издание быстро покрывались, а вот автор получал деньги очень не скоро, а нередко и не получал их совсем. В данном случае, например, книга вышла в 1881 г., а через два года было продано лишь немногим более трети тиража, причем доход авторов составил только 353 р.⁴².

Как и ранее, широко было распространено издание своих произведений самими авторами. Поскольку профессиональные издатели стремились выпускать только те книги, которые имели гарантированный сбыт, начинающие авторы, особенно поэты и провинциалы, были вынуждены сами издавать свои книги. К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, С.Д. Дрожжин, Н.М. Минский и многие другие поэты сами осуществляли издание первых своих поэтических сборников. В.М. Гаршин сам издал первую свою книгу «Рассказы» (СПб., 1882). А.П. Чехов в 1883 г. пытался издать сборник рассказов «На досуге», но из-за недостатка средств печатание книги не было завершено. Свою первую опубликованную книгу «Сказки Мельпомены» (М., 1884) он напечатал за 200 р., причем в кредит, обязавшись оплатить расходы в течение четырех месяцев. Подобные примеры можно приводить десятками.

Малоизвестному автору было невыгодно издавать свои книги. В печати отмечалось, что «ввиду требуемой книгопродавцем скидки, дороговизны публикаций (то есть рекламных сообщений о кни-

ге. — А. Р.) и прочих расходов автор вынужден назначать высокую цену, книга расходуется плохо, деньги он выручает по грошам <...>⁴³. «Издать частному лицу какое-либо сочинение — тяжелая обуза с перспективой верных убытков. <...> Издав, он отдает свои книги на комиссию в магазины: но <...> добиться расчета с большей частью книгопродавцев дело совершенно невыносимое»⁴⁴.

Другая категория писателей, издававших собственные произведения, — широко известные авторы, уверенные, что и без рекламы читатели раскупят их книги. Так, П.В. Засодимский издал свое собрание сочинений, С.А. Толстая и А.Г. Достоевская также выпускали сочинения своих мужей. Постоянно издавал свои книги М.Е. Салтыков-Щедрин. Он писал: «Что может быть проще; напечатать известное число в типографии в долг и потом продавать экземпляры с уступкою, хотя и большою. Все же лучше, нежели продавать право на издание»⁴⁵. Эта «уступка» нередко доходила у него до половины стоимости книги, но и в этом случае «самоиздание» было более прибыльным, чем продажа авторских прав⁴⁶. Аналогичную точку зрения формулировал и Н.С. Лесков: «Продать все сразу за наличные деньги по полтине за номинальный рубль — цена очень хорошая. [Иначе] 35% будут на комиссию и взрадробь, а там поди еще — выбирай по грошам, да еще и что-нибудь завалется и засядет»⁴⁷. В целом, по нашей оценке, в эти годы среди изданий современной поэзии авторские составляли подавляющее большинство, среди изданий прозы к их числу принадлежало не менее половины.

Материальное положение писателей продолжало оставаться неустойчивым. Профессионалы-литераторы, не нашедшие себе места в редакции какого-либо периодического издания, все так же, как и ранее, были обречены на многописание, спешку и неуверенность в завтрашнем дне. Г.И. Успенский писал в 1887 г.: «Я <...> утомлен непрерывной работой во все 25 лет. <...> Я не имел отдыха ни одного месяца и если не печатал, то постоянно должен был писать и писать»⁴⁸.

Характерной чертой описываемого периода является тот факт, что ценным товаром становится собрание сочинений известного автора, а многие писатели в конце своего творческого пути получают за них значительные суммы. А.Н. Островский в 1884 г. продал авторские права на свои сочинения (на одно издание) за 13 тыс. р., И.С. Тургенев в 1882 г. (на таких же условиях) — за 25 тыс. р., Г.И. Успенский в 1886 г. уступил права на все написан-

ные к тому времени произведения за 19 тыс. р., И.А. Гончаров продал свое собрание сочинений за 35 тыс. р. У М.Е. Салтыкова-Щедрина фирма Салаевых была готова купить в 1889 г. собрание сочинений за 60 тыс. р. (сделка не состоялась из-за несогласия Щедрина с одним из пунктов договора, и он стал издавать их сам). Вдове Ф.М. Достоевского издатели давали за права на собрание его сочинений 10—12 тыс. р., однако она предпочла издать его сама (в 1881—1883 гг.), что дало 75 тыс. р. чистой прибыли (позднее она выпустила еще несколько изданий). Цены на собрания сочинений быстро росли. В 1896 г. за право собственности на все произведения Лескова А.Ф. Маркс заплатил его наследникам 75 тыс. р.

В целом 1880-е — первая половина 1890-х гг. не были отмечены существенными переменами во взаимоотношениях между авторами и издателями. Сложившиеся ранее закономерности (периодика как основная форма связи между ними, низкие гонорары, трудности в поисках издателя книги и т.п.) продолжали действовать и в эти годы. Однако отмечавшиеся в начале 1890-х гг. рост гонорарных ставок, повышение спроса на книги, особенно на собрания сочинений, успех ряда изданий, осуществленных самими литераторами, демонстрируют, что подспудно создавалась почва для существенных перемен в последующий период.

* * *

В конце XIX в. и особенно в начале XX в. в отношениях между авторами и издателями произошли кардинальные изменения.

Это было связано с быстрым ростом уровня грамотности населения, приобщением крестьян к городскому образу жизни, смягчением (и отменой в 1905 г.) предварительной цензуры, резкими сдвигами в политической сфере (две войны и две революции). С повышением спроса на печатную продукцию быстро росло число периодических изданий и число ежегодно выходивших названий книг.

К 1905 г., по свидетельству А. Тырковой-Вильямс, «положение писателей <...> очень изменилось. Народились новые газеты, журналы, издательства. Появились тучи новых тем, полчища новых читателей. Вздурораженное событиями население впитывало в себя всякое печатное слово, как земля после засухи впитывает дождь. Спрос на журналистов, писателей, карикатуристов был еще небывалый»⁴⁹.

Быстро стало расти число литераторов. Если в 1895 г. в печати выступало 830 писателей, то на начало 1914 г. (мы взяли последний год мирного периода, так как в годы войны ряд авторов был лишен возможности заниматься литературным трудом) — 1150, то есть за восемнадцать лет прирост составил 28% (за предшествовавшие 15 лет — 19%).

Существенно вырос уровень профессионализации литературы. Если в 1895 г. доля литераторов, живущих на литературные доходы, составляла 30,0%, то к 1914 г. она выросла до 43,2% (правда, с 15,9% до 14,7% снизилась доля женщин-писательниц). Л. Гумилевский вспоминал, что когда в 1915 г. он переехал в Петроград и стал профессиональным литератором, «журналов издавалось множество. Начиная от “Журнала для женщин” и кончая “Огоньком”, мои рассказы появлялись везде <...>. Если рассказ не проходил в “Огоньке”, в вечерней “Биржевке” и “Солнце России”, можно было напечатать в “XX веке”, в “Пробуждении”, во “Всемирной панораме” и уж во всяком случае в “Родине” <...>»⁵⁰.

Значительно снизилась доля писателей-дворян (в 1895 г. — 59,2%, в 1914 г. — 41,1%), зато выросло представительство выходцев из крестьян, мещан, купцов, семей мелких чиновников и т.п.

С нарастанием численности и значимости читателей из низовой, мало- и полуобразованной среды растет и доля литераторов схожего образовательного уровня. Граница литературного сообщества становится легко проницаемой, и почти любой желающий может легко войти в него. Если в 1895 г. самоучки и лица с начальным образованием составляли всего 2,7% литераторов, то к 1914 г. их доля выросла более чем вдвое и составила 7,1%. Но показательно не только это. Если раньше подобные выходцы из низов были в литературе на втором и третьем плане, то теперь они претендуют (и нередко с успехом) на первые роли, особенно выразителен в этом плане пример М. Горького, который становится русским писателем № 1 в первом десятилетии XX в. и уже этим фактом стимулирует других литераторов из низов повторить свой успех.

Новый характер взаимоотношений авторов и издателей лучше всего виден как раз на фигуре Горького. Раньше писатель долго шел к известности, публикуясь в журналах и проходя многолетнюю апробацию у критики. Он обычно искал издателей, а те, пока он не приобретал через журналы большую известность, отказывались издавать его книги. Горький же, выпустив в 1898 г. первую книгу («Очерки и рассказы»), составленную в значительной степени из

мало кому известных публикаций в провинциальных газетах, через короткий срок стал одним из ведущих русских писателей. Важную роль в этом сыграло, конечно, то, что появление «Очерков и рассказов» «было встречено столичной критикой восторженно — автор рассказов провозглашался крупным самобытным талантом <...>. Слава Горького стала расти с головокружительной быстротой»⁵¹. Но не менее важен был оглушительный коммерческий успех. Книга была очень быстро раскуплена и в ближайшие годы переиздавалась практически ежегодно. Редакторы журналов и книгоиздатели начинают «охоту» на Горького, быстро повышая его гонорар. Через три года аналогичная история происходит с книгой Леонида Андреева «Рассказы» (СПб., 1901).

Подобный успех обеспечивала многочисленная новая демократическая аудитория (мелкие служащие, земская интеллигенция, рабочие, народные учителя и т.п.), которая тянулась к печатному слову⁵²; очень популярен был «Журнал для всех» (1895—1906), тираж которого достигал нескольких десятков тысяч экземпляров. Горький не был изолированным явлением, схожей была литературная судьба и других литераторов, писавших о русском быте с социально-критических позиций (Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, В.В. Муйжель, В.В. Вересаев, С.И. Гусев-Оренбургский, Скиталец, Н.Г. Гарин-Михайловский и др.). Писатели эти ощущали свою эстетическую и социальную близость, и Горький вел работу по их организационному объединению. Издательство «Знание», созданное в 1898 г. (с 1902 г. им владели Горький и К.П. Пятницкий), которое начало выпуск художественной литературы с книг Горького, сыграло важную роль в росте писательского гонорара в начале XX в.

Тут сказались два обстоятельства. Во-первых, это издательство, руководимое писателем, не преследовало коммерческих целей и в первую очередь ориентировалось на интересы авторов; почти весь доход от издания шел им. Во-вторых, издательство стало выпускать сборники, включавшие только беллетристику, и сумело в результате привлечь лучших российских литераторов-реалистов, поскольку не связывало их групповым, направленческим интересом. В.Г. Короленко отмечал, что ранее «путь от писателя к публике пролегал и до сих пор пролегает через журналы (а иногда и газеты). При этом, по особым условиям русской литературы и общественности, сложилось так, что уже самым выбором журнала беллетрист до некоторой степени выражал свою солидарность с той или иной группой борю-

щихся в данное время литературно-общественных взглядов и направлений». В сборниках «Знания», объединяющих произведения нескольких литераторов, беллетристика «порывает эту связь»⁵³.

В результате гонорарная ставка выросла в несколько раз. Впервые самый высокий гонорар стали платить не в журнале или газете, а за публикацию в книге (где ранее гонорар был обычно ниже). Н. Телешов писал, что издательство «Знание», резко повысившее гонорары, «вело свои дела под флагом ярко выраженной защиты авторов от издательского гнета и кабалы по четко выраженному принципу: “Весь доход от издания книги принадлежит автору, а не издателю”»⁵⁴.

Куприн, например, за первый рассказ (1899) получил в журнале «Мир Божий» 100 р. за печатный лист, а в 1905 г. в «Знании» ему платили уже 1000 р. за лист⁵⁵. А.С. Серафимовичу, который получал в журналах 60 р. за лист, в «Знании» гонорар сразу подняли в 5 раз⁵⁶. Если первая книга Горького (в 2 томах) принесла ему за первое издание 1000 р., то первая небольшая книга Л. Андреева, за которую другой издатель давал ему 300 р., обеспечила ему в «Знании» более 1200 р.⁵⁷.

Чтобы освободить литераторов от спешки, «Знание» стало практиковать ежемесячные авансы в счет гонорара. Так, Л. Андреев в 1902 г. получал по 400 р. в месяц, Серафимович в 1904 г. — 100—150 р. в месяц, получали авансы и Бунин, Скиталец, Гусев-Оренбургский и др.⁵⁸.

Формы взаимоотношений издателя с автором, выработанные «Знанием», стали образцом для новых, коммерчески ориентированных издательств — «Шиповника», «Московского книгоиздательства» и др. Они, особенно «Шиповник» (возникший в 1907 г.), тоже выпускали сборники, поднимали гонорары еще выше, чтобы переманить популярных писателей. Так, Л. Андреев предлагал пьесу «Царь-Голод» «Знанию» за 10 тыс. р., а в итоге ее купил «Шиповник» за 15 тыс. р.⁵⁹. «Шиповник» пытался переманить Бунина из «Знания», предлагая издавать свои книги у них. Бунин предложение это не принял, но «Знанию» пришлось согласиться на его условия⁶⁰.

Издательства стремились закрепить за собой популярных авторов. Подобно «Знанию», «Шиповник» и «Московское книгоиздательство» заключали контракты с писателями, по которым ежемесячно платили им жалованье в качестве аванса, погашаемого произведениями для сборников⁶¹.

«Шиповник» и «Московское книгоиздательство» в своих сборниках («Шиповник» и «Земля») в еще большей степени, чем «Знание», ушли от направленных ограничений. В «Шиповнике» наравне с реалистами печатались и символисты, в «Московском книгоиздательстве» вообще «сборники собирались без всякой системы. Прежде всего старались получить что-либо у Леонида Андреева, Куприна, Арцыбашева в качестве “гвоздя”, вокруг которого обычно располагали материал “второстепенный”, не тиражный, то, что называли “затычкой”»⁶².

Достаточно хорошо оплачивался в эти годы труд столичных журналистов. В.М. Дорошевич писал в 1904 г.: «12 тысяч рублей в год — гонорар очень заурядного журналиста, а мало-мальски выдающиеся получают от 25 до 30 тысяч в год»⁶³. В 1907 г. годовой заработок В.М. Дорошевича, А.В. Амфитеатрова, Л.А. Тихомирова, М.О. Меньшикова, А.Р. Кугеля, А.А. Столыпина составлял более 12 тыс. р.⁶⁴, Н. Тэффи получала в «Русском слове» в 1910-х гг. более 12 тыс. р.⁶⁵, Л. Андреев в газете «Русская воля» в 1916—1917 гг. за редактирование литературного и театрального отдела и за оплату всего написанного получал 3000 р. в месяц⁶⁶.

В провинциальных газетах сотрудники получали 2 к. за строку, в немногих богатых 3—5, в столицах 10—15 к. за строку считались хорошим гонораром, а 20—50 получали известные фельетонисты и писатели⁶⁷. В результате уже в конце XIX в. интенсивно работающий провинциальный журналист мог получить до 300 р. в месяц, то есть порядка 3,5 тыс. р. в год⁶⁸. (Впрочем, рядовые журналисты, особенно провинциальные, получали значительно меньше. По данным анкетного опроса того времени, средний заработок провинциального журналиста составлял около 900 р. в год⁶⁹.) Сотрудники редакций журналов получали 100—200 р. в месяц⁷⁰.

Один из литераторов старшего поколения так характеризовал резкие перемены в величине гонорарной ставки, которые пришлось на начало XX в.: «Слышишь теперь о гонорарах в 500, 700, 1000 рублей за лист, а в те поры, когда я выступал на литературном поприще (в конце 1880-х гг. — А. Р.), гонорар в 250 р. считался феноменальным <...>. Начинаящий беллетрист получал 30 р. за лист, а 50 р. уже очень хороший гонорар для начинающего <...> теперь гонорар в 50 р. за лист уже отошел в область предания»⁷¹.

Для сравнения укажем, что народные учителя получали тогда в год 300—500 р.; фармацевты — 700—1000 р.; гимназические пре-

подаватели — 900—2500 р.; инженеры — 1000—3000 р.⁷² Таким образом, труд литератора оплачивался достаточно высоко.

Несмотря на усиливающуюся профессионализацию писательского труда (все большее число людей жили на литературные доходы), в культуре господствовала трактовка писателя как «пророка», борца за высокие идеалы, и все попытки укоренить на русской почве понимание писателя как рассказчика и развлекателя были безуспешны. Поэтому даже в начале XX в., когда подавляющее большинство писателей и журналистов жили на литературные гонорары, отношение к ним во многом продолжало оставаться отрицательным. А.А. Блок в 1909 г. писал, что хочет «заработка честного и *нелитературного*»⁷³. Соответственно, сотрудничество в иллюстрированном журнале и газете, имевших большую аудиторию и, следовательно, обеспечивавших постоянный, а зачастую и высокий заработок, осознавалось как профанация своего призвания, торговля талантом и т.д.⁷⁴ Характерно следующее высказывание гимназического учителя и писателя К.А. Тренева в письме 1913 г. к А.А. Измайлову: «Никак не могу практически решить вопроса, что хуже: обратиться ли к литературе, как средству к существованию, или остаться в настоящем положении? Говорят — пойти первой дорогой — быстро испишешься. Но что хуже? Писать слишком много или долгими месяцами за перо не браться? Как выйти из этого заколдованного круга?»⁷⁵ Столь же негативно, как и «идейные» писатели, относились к гонорару и представители отчетливо выделившегося в те годы типа «чистого художника» (В.Я. Брюсов, Н.С. Гумилев). Показательно заявление Д. Бурлюка, что он в начале XX в. «относился враждебно, с ненавистью <...> к писателю-чиновнику, писателю-профессионалу, увенчанному казенной славой, а чтил до вывиха сердца “безумную прихоть певца”»⁷⁶.

Однако с усилением дифференциации периодики и ростом числа иллюстрированных изданий быстро растет число литераторов, ориентированных на читательский спрос, поставщиков занимательного чтения (М.Д. Ордынцев-Кострицкий, А.И. Красницкий и др.).

Высокий спрос на книги и литературный труд привел к тому, что в те годы сформировалась достаточно многочисленная когорта литераторов, которые не искали издателей, а, напротив, издатели гонялись за ними (М. Горький, Л. Андреев, А.И. Куприн, И.А. Бунин, С.С. Юшкевич, А.В. Амфитеатров и др.).

Куприн в 1911 г. за собрание сочинений получил от «Московского книгоиздательства» 75 тыс. р.⁷⁷, К.Ф. Головин от А.Ф. Маркса — более 42 тыс. р.⁷⁸. Бунин в 1917 г. продал собрание сочинений в 10 томах издательству «Парус» за 16,5 тыс. р., а Брюсов в том же году тому же издательству собрание сочинений в 10 томах за 10 тыс. р.⁷⁹. Вс.С. Соловьев в 1902 г. продал собрание своих сочинений для издания в качестве приложения к журналу «Север» за 10 тыс. р. (и 5 тыс. экз. тиража)⁸⁰.

Рост читательского спроса на книгу создавал благоприятные возможности для писательского «самоиздания». О том, как легко было издать книгу в начале XX в. и как широко это практиковалось, свидетельствует Л. Гумилевский. Он вспоминал, как после года учебы в университете у него к 1910 г. накопилась тетрадь стихов: «Недолго раздумывая, я отнес ее в типографию, не сказав никому ни слова, и вот на окнах книжных магазинов в городе появились зеленые книжки с типографской виньеткой, увенчанные женской головкой». Издание книги тиражом 500 экз. обошлось ему в 40 р.⁸¹. Философ Л. Шестов вспоминал: «Первую большую работу “Шекспир и его критик Брандес” я послал в петербургские журналы, но получил отовсюду отказы. Пришлось выпустить ее отдельной книгой. Но издателя найти не мог: неизвестного автора не хотели издавать. Оставался один выход: печатать за свой счет»⁸². Книга эта, вышедшая в Петербурге в 1898 г., обошлась Шестову в 350 р.⁸³.

Поскольку у коммерческих издателей гонорар писателя составлял не более 10—13% от номинала книги, теперь профессиональные литераторы стремились издавать сами. Для известных писателей издание собственных сочинений стало гораздо более перспективным. Л. Толстой еще в середине 1890-х гг. от издания своих книг получал около 20 тыс. р. в год⁸⁴. В. Вересаев вспоминал: «С самого начала моей литературной деятельности (речь идет о 1900-х гг. — А. Р.) я издавал свои книги сам и не видел в этом никакого неудобства. В нескольких типографиях спросишь смету, выберешь типографию, бумагу, сговоришься с книжным складом — и все», «...получаю со склада комиссионный расчет каждый месяц и благодаря этому имею определенную ренту в 1000—2000 р. в месяц, а то и больше»⁸⁵.

На волне успеха «Знания» в 1911 г. возникло «Издательское товарищество писателей» в Петербурге (С.Н. Сергеев-Ценский,

А.Н. Толстой, Е.Н. Чириков, Н.Ф. Олигер, В.В. Муйжель и др.), в 1912 г. — «Книгоиздательство писателей в Москве» (В.В. Вересаев, Н.Д. Телешов, И.С. Шмелев, И.А. Белоусов, И.А. Бунин и др.).

И если петербургское издательство успеха не имело и закрылось в 1914 г.⁸⁶, то московское функционировало вполне успешно и просуществовало до 1923 г.⁸⁷. Как писал В. Вересаев, издательство действовало как товарищество из московских писателей с паевыми взносами, которое «берет на себя все хлопоты по изданию книг писателей, устраивает свой собственный склад, берет на себя предварительную оплату расходов по печатанию и бумаге и за комиссию удерживает в свою пользу 15% с номинала книги. Весь доход в первую очередь идет на погашение долга писателя товариществу, за печатанье и бумагу, все остальное, за вычетом 15% комиссионных, целиком получает автор каждый месяц по мере продажи книги. <...> предприятие наше дало результаты самые блестящие: до самой революции оно быстро росло и укреплялось, писатель повалил к нам валом; в конце концов он получал за свою книгу до 28% с номинала»⁸⁸.

Профессионализация коснулась главным образом писателей-«реалистов» и представителей «массовой литературы», именно они могли жить на гонорары. Сформировался писательский «рынок». В 1910-х гг. осенью многие провинциальные писатели приезжали в Петербург и останавливались в гостинице «Пале-рояль», где «происходила своеобразная ярмарка: издатели книг и журналов приобретали у писателей привезенные ими готовые произведения»⁸⁹.

Иным образом складывались отношения с издателями у символистов и представителей других модернистских течений и групп. Спрос на их книги был слабым, и даже у известных авторов не расходились тиражи в 1—2 тыс. экз. (в то время как книги «реалистов» раскупались десятками тысяч экземпляров). В результате издавать их было коммерчески невыгодно⁹⁰. Поэтому выпускали их книги исключительно издательства, существующие на деньги меценатов («Сирин», «Скорпион», «Гриф», «Мусагет» и др.). На пожертвования меценатов существовали и все символистские журналы: «Весы», «Аполлон», «Золотое руно» и др. Поэтому гонорары у писателей-символистов были существенно меньше. Так, А. Белый за книгу «Золото в лазури» (1904) получил в «Скорпионе» 150 р. (по 10 р. за печатный лист)⁹¹, Бальмонт за книгу переводов из Уитмена — 400 р.⁹². Ведущие символистские поэты (А.А. Блок, А. Белый,

Вяч. Иванов) жили главным образом за счет иных источников дохода, а отнюдь не за счет гонорара. Но и они в 1910-х гг. постепенно профессионализировались.

Отметим, что в этот период отношения авторов с издательствами обязательно фиксировались в договоре. Правда, «никаких официально опубликованных форм договоров не существовало. Формуляр договора складывался в практической деятельности каждого отдельного издательства. Даже в пределах одного издательства формуляр был неустойчив. <...> К неперемнным условиям, которые включались в состав договора, относятся: а) тираж издания; б) размер авторского гонорара; в) последовательность выплаты гонорара»⁹³. Нередко добавлялись указания на сроки предоставления рукописи и выхода книги из печати, объем рукописи, право издательства на изменения в тексте и т.д.⁹⁴. Даже периодические издания заключали договоры с постоянными авторами. Приведем в качестве примера условия договора исторического романиста Е.Н. Опочинина с издателями газеты «Московский листок», заключенного в 1911 г. на пять лет. Согласно этому договору Опочинин должен был в год писать по три романа, разделенные на фрагменты по 400 печ. строк для «подвала» газеты, а также очерки, «доставляя означенные работы в сроки, указываемые редакцией», всего 540 тыс. печ. строк в год, и получать за это 450 р. в месяц (плюс через два года — 5 тыс. р., а через три года — еще 5 тыс. р.)⁹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что в первом десятилетии XX в. в России сложились четкие и вполне «нормальные» формы взаимоотношений издателей и литераторов, характеризующие развитую литературную и книгоиздательскую систему: ориентация на спрос покупателя и подписчика, сравнительно высокое денежное вознаграждение за литературный труд, профессионализация писателей, договорное оформление их отношений с издательствами.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ АУДИТОРИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Конец XIX — начало XX в. — период существенных перемен в статусе и масштабах распространения чтения в России, обусловленных быстрыми темпами экономического и социального развития страны, а также политическими потрясениями, которые пришлось пережить на эти годы. Индустриализация и урбанизация (в 1897 г. горожане составляли 14,7% населения, а в 1914 г. — 23,3%¹), развитие капиталистических отношений, Русско-японская и Первая мировая войны, революция 1905—1907 гг. расшатывали общество, в значительной степени опирающееся на патриархальные традиции, «втягивали» людей в «общий котел». Как отмечает Б.В. Дубин, «распространение печати приобретает массовый характер именно там и тогда, где и когда формируются самостоятельные общественные силы, цивилизованно выражающие свое понимание и волю. В этом смысле граница грамотности есть граница признания универсальных ценностей гражданского общества — защищенной законом свободы действий и мнений, неприкосновенности достоинства и прав личности»².

Формирование массовой читательской аудитории — общий для всех модернизирующихся стран процесс. Но в России, в условиях самодержавного режима, отстраняющего от участия в политике подавляющее большинство населения, значимость литературы (в широком смысле слова) как формы участия в общественной жизни была необычайно высока.

За последнее двадцатилетие существования царской власти читательская аудитория увеличилась в несколько раз.

Прежде всего отметим, что существенно вырос уровень грамотности населения. По данным переписи 1897 г., среди лиц в возрасте старше 9 лет были грамотны 30,1%, а в 1917 г., по расчетам Б.Н. Миронова, — 42,8%³.

В 1910 г. в городские библиотеки России было записано, по неполным данным, приблизительно 1,5 млн читателей (с учетом библиотек-читален общее число составит 2,6 млн)⁴. Поскольку численность городского населения России была равна в 1913 г. 23,3 млн человек⁵, то охват библиотечным обслуживанием составлял, таким образом, немногим более 11% жителей городов. Сельскими библиотеками в 1909—1911 гг. пользовались 2,9% всего сельского населения⁶, то есть примерно 3 млн человек. В целом по стране охват библиотечным обслуживанием в начале 1910-х гг. был, по нашим расчетам, на уровне 3—4% жителей. Эта цифра дает нижнюю границу величины читательской аудитории книг и журналов, так как в библиотеки записывались более или менее регулярные читатели.

Об увеличении читательской аудитории косвенным образом свидетельствует рост объемов издательской продукции. В 1895 г. в стране вышло 8,7 тыс. книг общим тиражом 35,5 млн экз., в 1913 г. — 34,6 тыс. книг тиражом 109,1 млн экз.⁷

Рост аудитории шел главным образом за счет социальных низов (прежде всего — рабочих и крестьян), так как в более высоко стоящих социальных слоях уже на предыдущих этапах был достигнут высокий уровень приобщения к чтению.

Резкий рост числа грамотных существенно перекроил «читательскую карту» России. Во-первых, аудитория еще больше стратифицировалась: увеличилось число читательских слоев (воспроизводящих социокультурную стратификацию общества); во-вторых, различия между читательской элитой и читательскими низами стали еще больше; в-третьих, увеличились разрывы между «рядом стоящими» группами читательской аудитории. Ниже мы не будем давать многоаспектную характеристику каждого читательского слоя (ряд черт был описан в нашей монографии «От Бовы к Бальмонту», они продолжали существовать и в описываемый период), а сосредоточимся на том, что было специфичным для этих лет.

Прежде всего отметим, что поскольку «средняя» и низовая аудитории росли скорее, чем «образованная», то усиливалась их

значимость, росло их «давление», они начинали если не определять общую ситуацию, то очень явственно «подавать голос» и вмешиваться в издательскую политику, в процесс выдвижения на первый план тех или иных жанров и тем, построения иерархии литературных авторитетов и определения модных писателей, возникновения бестселлеров⁸ и т.д.

Характерны различия в динамике тиражей изданий различных типов. Суммарный тираж толстых ежемесячников, к которым обращалась образованная публика, вырос слабо (по нашим примерным подсчетам, с 90 тыс. в 1900 г. до 135 тыс. в 1914 г., причем рост был достигнут главным образом за счет аудитории журналов «Жизнь для всех» и «Новый журнал для всех», которые, хоть и воспроизводили внешние характеристики соответствующего типа изданий, все же по характеру подачи материалов и уровню их сложности явно обращались к иному, «полуобразованному» читателю). В то же время суммарный разовый тираж общих и литературных ежедневных газет, в аудитории которых преобладал «средний» и низовой читатель, увеличился с 900 тыс. в 1900 г. до 2,2 млн к началу 1914 г., то есть более чем в два раза⁹. Показательно также, что в этот период многие газеты (в том числе и такие солидные, как «Новое время», «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Южный край») обзаводятся иллюстрированными еженедельными приложениями, являющимися излюбленным чтением «среднего» читателя, более того, некоторые когда-то популярные иллюстрированные еженедельники также становятся приложениями к газетам, например «Развлечение» превращается в приложение к «Московскому листку»¹⁰.

Все это усложняло ситуацию образованных слоев. Дж. Брукс справедливо отмечал, что «высокие» и «средние» читательские группы, обладающие специфическими навыками и вкусами, хотя и имели некие общие черты (например, ориентацию на один и тот же классический канон или отношение к писателю как пророку и моральному авторитету), но в целом соперничали между собой¹¹.

Изменение общей конфигурации образованной, «средней» и низовой читательских аудиторий отнюдь не означало, что сама образованная аудитория не росла количественно и не расслаивалась, в свою очередь. Ее численность также существенно выросла. По подсчетам В.Р. Лейкиной-Свирской, в 1905—1913 гг. окончили средние учебные заведения в России примерно 220 тыс. человек. Дипломы технических специалистов в 1901—1917 гг. получили 18 356 человек (в 1860—1900 гг. — 11 830), дипломы университетов

в 1900—1913 гг. — 40,8 тыс. человек (в 1859—1900 гг. — свыше 60 тыс.)¹². Если учесть, что существовали еще высшие военные, духовные, медицинские, коммерческие, сельскохозяйственные, лесные, ветеринарные и прочие учебные заведения, то можно прийти к выводу, что общее число специалистов с высшим образованием в стране к 1917 г. приближалось к 100 тыс. В совокупности со студентами и лицами со средним образованием они составляли весьма внушительную по объему «элитную» читательскую аудиторию.

Важнейшими предпосылками распространения чтения в среде провинциальной интеллигенции были серьезные перемены в институциональном обеспечении книжной культуры: расширение сети библиотек, развитие книгоиздания, периодики и книжной торговли. Раньше в провинции читатель был плохо обеспечен книгой. В. Светлов писал в 1904 г., что для того, чтобы заполнять досуг чтением, «необходима наличность двух условий: чтобы было, что читать, и привычка к чтению. Оба эти условия лет пятнадцать тому назад часто отсутствовали, не только в глухих уголках нашей провинции, не только в уездных городишках, но даже и в губернских. Чтобы добыть себе чтение, нужно было ехать за тридцать, за сорок верст в город и взять несколько книг в библиотеке. Библиотеки обыкновенно очень неполны, наиболее ходкие сочинения вечно разобраны, потому что часто находятся в одном, много двух экземплярах; большинство книг зачитаны, затрепаны, с вырванными листами <...>»¹³. С тех пор выросло и число библиотек, и число книготорговых заведений. В 1893 г. в России последних было 1725, а в 1913 г. — 2138¹⁴. Многим получение «Нивы» в течение ряда лет позволило составить неплохие домашние библиотеки только за счет распространяемых в качестве бесплатных приложений к ней собранных сочинений классиков и современных писателей.

Хотя для интеллигенции, оттесненной от участия в политическом процессе, основными целями в этот период, как и ранее, были борьба в печати с правительством, направленная на получение возможности влиять на принятие политических решений, и воздействие на социальные низы, «перетягивание» их на свою сторону, но теперь к ним добавилась (точнее, стала более актуальной) борьба с «массовой» культурой.

Соответственно, ключевое место в чтении занимали публицистика (как в толстых журналах, так и в ежедневных газетах) и проблемная беллетристика. Из-за достаточно жесткой цензуры многие

темы не обсуждались в публицистике, а многие читатели не были готовы к рассмотрению волнующих их вопросов в обобщенной, абстрагированной от конкретики форме, поэтому столь популярна была художественная проза.

Правда, в период перед революцией 1905—1907 гг. и во время нее на первый план вышла политическая и экономическая литература. А. Тыркова-Вильямс вспоминала о периоде перед революцией 1905 г.: «Революционные издания, печатавшиеся за границей, сравнительно легко проникали в Россию. С ростом оппозиции спрос на эмигрантскую литературу был большой. Ею зачитывались в России, безбоязненно передавали ее друг другу даже малознакомые люди»¹⁵. Во время революции (с фактической отменой цензуры) выходила масса революционных книг и брошюр, рабочих профессиональных газет, сатирических журналов. После революции большинство их закрылось, но тем не менее предоставленная прессе свобода (пусть с ограничениями) позволяла обсуждать насущные жизненные проблемы и привлекала к газетам читательское внимание. В публицистике того времени отмечалось, что после революции «впервые в России появляется серьезная политическая повседневная пресса, реагирующая на все стороны русской жизни < ... > эта пресса оказывает могучее влияние на все стороны нашей пришибленной жизни»¹⁶.

После поражения революции в печати вообще и в художественной литературе в частности ключевые позиции принадлежали двум темам: политике и сексу.

В политической сфере шла ожесточенная борьба за ограничение (а в идеале — и за отмену) самодержавной власти, участие в управлении страной широких масс населения, ликвидацию сословного, национального и конфессионального неравенства, демократизацию образования и т.д. Все эти вопросы широко обсуждались в прессе, причем популярностью пользовались оппозиционные издания, а правые, консервативные хирели и даже прекращали свое существование из-за малого числа подписчиков, как это произошло в 1906 г. с когда-то влиятельным «Русским вестником».

Освобождение (но уже не от политических, а от моральных запретов) являлось целью книг и статей на темы секса. Всеобщее внимание привлекли «Санин» М. Арцыбашева (1907), «Крылья» М. Кузмина (1906), «Тридцать три уroda» Л. Зиновьевой-Аннибал (1907), «Гнев Диониса» Е. Нагродской (1910), «Ключи счастья» А. Вербицкой (1910—1913)¹⁷ и др. Публикация этих книг, в которых

открыто обсуждалась роль секса (в том числе и неконвенциональных его разновидностей) в жизни человека, вызвала скандал, нападки критики и ряда общественных деятелей, что (помимо самой тематики) усилило интерес публики к этим произведениям. А. Вербицкая стала одним из самых популярных в России писателей, а во многих библиотеках ее книги возглавляли списки наиболее читаемых книг либо шли на втором месте после Л. Толстого.

Регулярно публиковавшиеся тогда многими публичными библиотеками отчеты о своей деятельности позволяют сделать ряд наблюдений о вкусах и интересах их аудитории. Анализ отчетов 10 городских библиотек (за 1909—1914 гг.) из различных регионов страны¹⁸ позволил выявить наиболее читаемых авторов: самый популярный — Л.Н. Толстой (в подавляющем большинстве библиотек он возглавляет список), в первую десятку входили также (перечисляются в порядке уменьшения читаемости) А.А. Вербицкая, И.С. Тургенев, Вас.И. Немирович-Данченко, И.Н. Потапенко, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, А.В. Амфитеатров, Вс.С. Соловьев, И.А. Гончаров; во вторую десятку: Н.Г. Гарин-Михайловский, Е.А. Салиас, Д.Л. Мордовцев, А.Н. Островский, А.К. Шеллер-Михайлов, А.И. Куприн, Л.Н. Андреев, М. Горький, А.Ф. Писемский, Д.Н. Мамин-Сибиряк; к числу активно читаемых принадлежали также Е.Н. Чириков, М.П. Арцыбашев, П.И. Мельников-Печерский, П.Д. Боборыкин, Д.С. Мережковский, Н.А. Лейкин, В.Г. Короленко, А.М. Федоров, Н.С. Лесков, Д.В. Григорович и др.

Из зарубежных авторов к числу наиболее читаемых принадлежали (перечисляются в порядке уменьшения читаемости): Э. Золя, Э. Вернер, А. Дюма, Ф. Шпильгаген, Г. де Мопассан, Г. Сенкевич, Е. Марлитт, К. Гамсун, А. Конан Дойль, В. Шекспир, С. Пшибышевский, Э. Ожешко, В. Гюго, В. Скотт, Ж. Санд, Ж. Верн, Г. Эберс, Б. Ауэрбах, М. Твен и др.

Народнически и марксистски настроенная молодежь занималась в так называемых кружках саморазвития, участники которых читали вслух и обсуждали рекомендованные старшими или включенные в соответствующие рекомендательные указатели издания. С.В. Каменский, который в конце 1890-х гг. учился в тамбовской гимназии и занимался с товарищами в подобном кружке, вспоминал: «Нам, большей частью, давали книги тенденциозно подобранные <...>. Всякий писатель из категории “правых” или “буржуазных” заранее опорачивался в наших глазах, как ретроград и

служитель эгоистических интересов, а потому, не доверяя его словам, мы избегали читать его. Таким образом, аргументы противников либеральной или западнической точек зрения нам совершенно не были известны <...>. Мы усердно читали, например, Златовратского или Оммулевского, но совсем не знали Лескова и Писемского. Нашим эстетическим развитием никто не интересовался, художественную литературу, как таковую, мы не ценили, поэзию также, в религиозные и философские вопросы не углублялись»¹⁹. Но подобный узкий репертуар чтения был характерен не для всей молодежи. Г. Иванов вспоминал: «Кто наполнял когда-то до отказа литературные вечера, до дыр зачитывал и поэзию, и беллетристику, и критику <...>. Кто, в сущности, создавал всероссийскую мгновенную, часто совершенно незаслуженную славу? Студенты и курсистки.

Да, “главным читателем” в России было, конечно, студенчество. Этот “главный читатель” был не особенно разборчив, в голове у него был порядочный сумбур. Но у него было драгоценное свойство: он читал “до дыр”, а не почитывал в часы досуга, восторгался, а не снисходительно одобрял, негодовал, а не откладывал, пожав плечами, непонравившуюся книгу»²⁰.

Возникли специальная «женская» литература, обсуждавшая вопросы специфичности женщины, ее духовного мира, запросов и интересов, необходимости ее эмансипации от мужского доминирования (А.А. Вербицкая, Л.А. Чарская, А. Мар, Н.А. Лаппо-Данилевская и др.), и «женская» журналистика («Женское дело», «Мир женщины», «Женская жизнь» и т.д.).

Все большим успехом пользовалась в эти годы модернистская литература. В конце XIX в. кризис рационалистического мировоззрения и просветительской идеологии затронул лишь немногочисленных декадентов, но после поражения революции 1905—1907 гг., приведшего многих к разочарованию, отказу от идей социального прогресса и т.д., соответствующие взгляды и настроения, стимулированные воздействием нищестанства, штирнерианства и т.д., стали получать широкое распространение. Возникли модернистские журналы «Мир искусства» (1898—1904), «Золотое руно» (1906—1909), «Весы» (1904—1909), «Аполлон» (1909—1917) и др. и модернистские издательства «Скорпион» (1899—1916), «Гриф» (1903—1914), «Мусажет» (1910—1917) и др.

Н.И. Петровская вспоминала, как в середине 1900-х гг. «развращающее влияние популяризованного декадентства, буйно прорывав-

шего все плотины и хлынувшего в толпу, закружилось смерчами во всех эстетизирующих кругах и докатилось даже до гимназических застенков»²¹. По свидетельству И.С. Соколова-Микитова, «в литературе шумели декаденты и символисты, литературный Петербург соперничал с Москвою. Студенты и курсистки сходили с ума, слушающая Брюсова, Белого, Бальмонта»²²; С. Рафальский вспоминал о гимназистах 1910-х гг. (сам он в 1914 г. окончил гимназию на Волыни): «Это поколение выросло не на Добролюбове и Чернышевском. В наибольшем ходу среди тех, кто не придерживался программного чтения, были Ницше, в особенности “Так говорил Заратустра”, “Единственный и его собственность” Штирнера, “Восстание ангелов” Анатоля Франса, Джек Лондон вообще и, в частности, “Клондайкские рассказы” и, конечно, декадентская поэзия»²³. Но, разумеется, модернистская литература входила в круг чтения сравнительно узкого культурного слоя и отнюдь не попадала к «среднему» и низовому читателю.

Народнически и либерально настроенная интеллигенция стремилась идеологически воздействовать на крестьян и рабочих. Задача состояла в том, чтобы приобщить их к своему образу мира, заставить воспринимать происходящее в нужном свете, и важную роль в этом должны были сыграть книга и чтение. Предполагалось, что книга научит народ правильно жить, даст жизненные ориентиры. Модернизационные группы стремились цивилизовать крестьян (приобщив их к естественно-научной картине мира), а нередко и заставить их воспринимать общественный строй как несправедливый.

С 1870-х земство создало тысячи школ в сельской местности²⁴. В результате существенно повысился уровень грамотности крестьян. Если по данным земских переписей (по 20 губерниям в 1880—1888 гг.) грамотность сельского населения составляла в этот период 8,7%²⁵, а, согласно Всероссийской переписи, к 1897 г. она поднялась до 17,4%²⁶, то к 1917 г., по подсчетам Б.Н. Миронова, она выросла до 37,4%²⁷.

Для привлечения «народа» к чтению устраивались чтения вслух, выпускались серии дешевых книг для народного чтения, учреждались бесплатные библиотеки в городе и на селе. Причем не только «прогрессивные» группы стремились приобщить «народ» к печатному слову. Консерваторы вели аналогичную деятельность, направляя свои усилия на усиление религиозных и патриархальных элементов крестьянского мировоззрения.

Распространением просветительских книг занимались многочисленные просветительские общества (число их в 1910-х гг. превышало полторы сотни): Московский комитет грамотности, Харьковское общество грамотности, Общество распространения народного образования и народных развлечений Иркутской губернии, Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии и другие аналогичные организации, религиозную книгу распространяли Общество для распространения Св. писания в России, Отдел Общества любителей духовного просвещения для распространения книг духовного содержания и т.п.

Для крестьянства наиболее общей и наиболее значимой характеристикой была нарастающая секуляризация мировоззрения и, соответственно, чтения. Тут все определялось тремя параметрами: степенью тесноты контактов с городской культурой (прежде всего — со столицами), возрастом и наличием в данной местности земской школы. Грамотные крестьяне, живущие в глухой провинции, не занимающиеся торговлей или отходничеством, читали преимущественно религиозную литературу, крестьяне, прошедшие земскую школу (это была преимущественно молодежь), ездившие в отход, служившие в армии и т.п., обращались главным образом к литературе светской (как лубочной, так и к просветительским «изданиям для народа»). Так, на Севере и в Сибири существенную часть читаемого крестьянами составляла религиозная литература (в первую очередь псалтырь, часослов, жития святых, духовно-нравственные книги). Продолжали еще существовать и читаться рукописные книги (как правило, религиозные). Академик В.И. Срезневский, обследуя Олонецкий край в конце XIX в., отметил, что на 99% крестьянские библиотеки состоят из старых рукописных книг²⁸. Было широко распространено «начетничество» — доскональное знание и дословное цитирование Библии, отцов церкви и сочинений старообрядчества. В этой среде «строгое следование старине и в быту, и в основах воспитания, сосредоточенность на проблемах полемики с официальным «никонианским» православием, а также внутри согласий и толков в самом старообрядчестве — все это требовало постоянного общения с книгой, авторитет которой был незыблем»²⁹. «Начетчиками» называли не только старообрядцев, но и православных, которые были начитанны в духовной литературе и обладали высоким нравственным авторитетом у односельчан. К светской литературе в подобной среде относились как к пустой,

развращающей, отвлекающей от истинного пути. Но у подавляющего числа читателей в сельской среде круг чтения был гораздо шире. Библию они обычно не читали, жития святых читали во время праздников, а в обычное время — лубочную литературу (сказки, потешные рассказы, страшные повести и т.д.). Частично тут сказывался и возраст: молодежь читала «сказки», старики — «божественное». Гораздо менее активно читались научно-популярные книги и произведения русских классиков.

Существенно иным был круг чтения у крестьян — читателей библиотек. Земские сельские «народные библиотеки» внесли большой вклад в распространение чтения в крестьянской среде³⁰. 1890-е гг. были отмечены бурным развитием земских «народных библиотек». Если до 1892 г. было всего 38 таких библиотек, то к 1904 г. их число выросло до 4,5 тыс., а в 1916 г. число их приблизилось к 15 тыс.³¹. Как уже говорилось выше, в начале XX в. в сельские библиотеки было записано около 3 млн человек. В начале 1910-х треть читателей составляли дети, треть — подростки и треть — взрослые. Преобладали мужчины (78,7%). В среднем за год приходилось 8,3 книги на читателя, причем в книговыдаче преобладала беллетристика (61,0%), на втором месте были книги по истории (9,6%), на третьем — религиозно-нравственные издания (6,8%), на четвертом — книги по естествознанию (5,6%)³². На селе были библиотеки и других типов, но подавляющее большинство составляли земские библиотеки. Так, например, в 1914 г. в Московской губернии была 561 земская библиотека, на долю других учреждений и ведомств (фабрик, попечительств о народной трезвости и т.д.) приходилось всего 110 (то есть 16,4%)³³. Епископ уфимский и мензелинский Андрей в отчете за 1913 г. отмечал, что «любви к чтению слова Божия и религиозно-нравственных книг у современной молодежи нет. Она набросилась на чтение светских книг, газет и журналов, получая таковые в земских библиотеках-читальнях <...>»³⁴. Таким образом, и духовно-нравственная литература (на значение которой упирали правительственные круги и консервативная часть образованного сословия), и популярная естественно-научная литература (которую стремились «продвинуть» к крестьянскому читателю либерально настроенные земцы) читались в земских библиотеках слабо.

В ходе опроса, проведенного статистическим отделом Московского земства в 1911 г., 67% отметили, что у крестьян есть стремление к приобретению книг, причем тех, кто полагал, что крестья-

не предпочитают книги светские, было в 8 раз больше тех, кто считал, что они предпочитают духовные издания. Однако по вопросу о том, насколько настоятельна потребность в чтении, мнения разделились: из Подольского уезда писали, например, что «чтение книг население находит хотя и полезным, но не настолько серьезным, чтобы нельзя было без него обойтись; поэтому хотя население у нас почти и сплошь грамотное, но большой привязанности к чтению книг не имеет», а из Бронницкого, что «за последнее время многие считают чтение настолько полезным, что говорят: как без пищи нельзя жить, так и без чтения нельзя»³⁵.

Правительство осознавало значимость печати как средства влияния на социальные низы (выпускало газету «Сельский вестник», иногда субсидировало публикацию брошюр для народа монархического содержания), но по большей части предпочитало действовать запретами, всячески препятствуя проникновению к «народу» любых изданий, мало-мальски отклоняющихся от официальной картины мира.

С 1867 г. общедоступные библиотеки были подчинены Министерству внутренних дел. В 1871 г. был введен целый ряд ограничений и запретов для публичных библиотек. Министр внутренних дел мог закрывать публичные библиотеки, указывать местному начальству издания, которые не должны были находиться в фондах публичных библиотек. «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними» от 15 мая 1890 г. разделяли библиотеки на платные публичные и бесплатные народные, для последних издавался разрешительный каталог, включавший около 4 тыс. названий (около 2 тыс. книг), все остальные были запрещены³⁶; надзор над народными библиотеками должны были осуществлять инспектора народных училищ или священники. В 1895 г. (8 мая) правительство распространило особый циркуляр, вводящий усиленную цензуру книг для народа. В нем говорилось: «...издание книг находится отчасти в руках лиц, преследующих цели, не согласные с интересами правительства. При таких условиях в народные массы нередко проникают издания, которые, не представляя собой достаточно данных к тому, чтобы признать их подлежащими запрещению на основании цензурных правил, тем не менее в массе малоразвитых читателей далеко не могут представлять здоровой духовной пищи. Несоответствие многих народных изданий этому безусловно необходимому требованию, которое должно предъявляться к народной книге, вызывает необходимость особенно строгого

и внимательного отношения к делу со стороны цензурных учреждений. В виду этого отнюдь не допускать к печати таких произведений, которые по содержанию своему не могут быть признаны *безусловно безвредными* для народного чтения»³⁷. Земская интеллигенция и народнические публицисты резко критиковали министерский каталог за то, что он жестко ограничивал круг изданий, которые могли быть включены в фонд библиотек. Они аргументировали это тем, что к крестьянам нельзя относиться как к детям, постоянно опекая и не давая самим решать, что им лучше и полезнее читать. Но при этом земские деятели сами осуществляли довольно жесткий контроль фондов «народных библиотек», не включая в них лубочные и развлекательные издания и резко суживая объем духовно-нравственного отдела, хотя соответствующие книги пользовались популярностью у части крестьян. Правые же публицисты, напротив, поддерживали эти меры. Священник И. Гречанинов, например, утверждал, что «среди многочисленных изданий для народа, не имеющих религиозно-нравственной основы, можно сказать, нет ни одного, которое было бы в духе народных идеалов, удовлетворяло бы его насущной потребности, а весьма много таких, в коих видна пропаганда всяких лжеучений, нравственных и политических, разрушающих вековое народное мировоззрение и подрывающих основы православия и самодержавия»³⁸. Обозреватель «Русского вестника», утверждая, что «отношение народа к печатному слову совершенно не такое, как отношение “интеллигенции”, <...> в каждой строке, вышедшей из-под типографского станка, народ видит одобренное правительством, такое, чему надо следовать»³⁹, призывал идти дальше и изъять не допущенные для народа книги также из базарной и розничной торговли⁴⁰. Правила, жестко ограничивавшие состав народных библиотек, были отменены только после Манифеста 17 октября 1905 г.

В начале XX в., особенно во время Русско-японской войны, довольно широкое распространение в деревне получает газета. Отвечая на вопросы московского губернского земства в 1905 г. о чтении газет в деревне, один из сельских жителей писал: «Еще так недавно газета была редкой гостьей в нашей деревне. Выписывали ее, да и то далеко не всегда, только так называемая деревенская интеллигенция — учителя, врачи, священники и т.д. Война с Японией дала сильный толчок в деле распространения газеты в деревне, и в настоящее время мы видим, что газета уже начинает входить в обиход народной жизни и выписывают ее сами крестьяне»⁴¹. С на-

чалом Первой мировой войны интерес крестьян к газете еще более усилился. Корреспонденты опроса, проведенного в Московской губернии в 1915 г., утверждали, что после запрета продажи водки в деревне крестьяне стали больше читать, особенно газеты и журналы⁴². В отчете Пермской епархии за 1916 г. сообщалось: «Ныне интересуются газетами не одни городские жители, но и крестьяне самых глухих, отдаленных деревень. Желание узнать военные новости, что творится на фронте, где находятся близкие сердцу — отцы, мужа, сыновья, братья, весьма сильно у всех, и не редкость видеть крестьянина, сидящего на возу с газетой в руках»⁴³.

В начале XX в. Н.А. Рубакин констатировал появление «все более нарастающей толпы читателей — читателей из широких слоев трудящегося народа, прежде всего фабричных и крестьян»⁴⁴. В этот период существенно расширяется рабочая аудитория, что было связано как с ростом численности рабочих (в 1913 г. в стране было 17 480 тыс. рабочих, в том числе рабочих крупной промышленности и транспорта, составлявших элитный слой рабочих, отличавшийся наиболее высоким уровнем образования и наиболее развитым классовым самосознанием, — 3915 тыс. чел.⁴⁵), так и с повышением уровня их грамотности (в 1897 г. среди рабочих было 40% грамотных, к 1917 г. — 64%)⁴⁶. Правда, потомственные квалифицированные рабочие составляли небольшую часть общего их числа, среди рабочих преобладали выходцы из деревни и отходники, что существенно затрудняет характеристику специфики читательских вкусов и интересов рабочей аудитории⁴⁷. Тем не менее, «отрываясь» от деревни, от традиционного образа жизни и включаясь в жизнь городскую, рабочие испытывали потребность в новых формах коммуникативной регуляции. Межличностное общение, непосредственное усвоение образцов не во всех профессиях, не при всех бытовых ситуациях было возможно. Следовало *учиться*, причем сложной, квалифицированной работе можно было научиться только по книгам. В усвоении образцов городского поведения, усвоении новых моральных норм помогала художественная литература, и прежде всего — роман. Наконец, все большее число рабочих втягивались в политическую деятельность, чему способствовала политическая, часто подпольная книга.

В ходе переписи в Петербурге было установлено, что газеты читают примерно треть петербургских рабочих и 10% петербургских рабочих⁴⁸. В Иваново-Вознесенске в 1900 г. книги читали лишь 10% общего числа грамотных рабочих⁴⁹. По данным анкетного

опроса, проведенного в 1907 г., в Московском промышленном районе в большинстве случаев на фабриках читающие составляли от трети до половины рабочих⁵⁰.

Рабочие, вырванные из сельской среды, постепенно отходили от религии и обращались к чтению. Так, по данным опроса, проведенного Екатеринославской земской управой в 1915 г., среди жителей промышленных поселков Екатеринославской губернии в свободное от работы время читали 48%, а ходили в церковь — 8%⁵¹.

В некоторых аспектах читательские вкусы рабочих существенно отличались от крестьянских: они обычно без особого интереса относились к религиозной литературе, прохладно воспринимали «сказки» и гораздо более заинтересованно, по сравнению с крестьянами, читали романы и повести, особенно приключенческие и уголовные. В «народной библиотеке» при Раменской мануфактуре в 1901 г. в книговыдаче беллетристика составляла 54,8%, а книги духовного содержания — 12,9%⁵². В рабочей среде большинство читателей тяготели к уголовно-приключенческой литературе и историческим романам⁵³. Московская городская дума в 1911 г. констатировала, что «значительное большинство взрослого рабочего населения богатой столицы <...> за целый год буквально ничего не читает, кроме разве “Газеты-копейки”, газет, получаемых в пивных, да еще, быть может, лубочных изданий уголовных романов»⁵⁴. С классикой рабочие были знакомы очень слабо. Когда в 1901 г. были опрошены все рабочие-читатели одной из фабричных библиотек, оказалось, что 56% не читали ни одного из основных произведений русских классиков, а «Воскресение» Л. Толстого, например, читали лишь менее 10%⁵⁵. И тем не менее, согласно воспоминаниям одного уральского горнорабочего, «чтение художественной литературы накладывало на молодежь отпечаток некоторой культурности. <...> В обращении с людьми, особенно с девушками, стало появляться больше вежливости, реже стала слышаться похабная ругань. Конечно, это были еще единицы среди рабочей молодежи, но все же они своим поведением вызывали невольное уважение <...>»⁵⁶.

Одновременно с просвещенческой деятельностью образованных слоев шел встречный процесс: все больше крестьян и особенно рабочих стремились овладеть знаниями посредством книги, чтобы изменить и личное положение, и социальный строй, оценивавшийся ими как несправедливый. Вот типичные высказывания читателей «из народа»: «Путем чтения многого можно достигнуть

без всякой посторонней помощи»⁵⁷; «Нам вряд ли кто по-настоящему-то поможет, коли мы сами себе не поможем»; «Я стал учить своих товарищей потому, что не мог вынести их темноты. Темный человек с руками и ногами отдает себя на съедение. Довольно уж этого, время теперь не такое»⁵⁸. Следует отметить формирование в эти годы «народной интеллигенции», состоявшей из нескольких тысяч крестьян, преподававших в сельских школах в качестве «народных учителей», писателей-самоучек и других, путем самообразования овладевших основами «интеллигентской культуры». Они читали главным образом книги образованной аудитории и приближались к ней по своим читательским вкусам и навыкам.

С формированием подобного импульса связан расцвет различных образовательных, научно-популярных журналов, ведущих переписку с читателями, дающих им программы для самообразования («Вестник знания» (1903—1917), «Знание и жизнь» (1905), «Самообразование, наука и знание» (1907—1908), «Знание для всех» (1913—1917), «Общедоступная наука для всех» (1914), «Самообразование» (1908—1915) и др.), и серий (как познавательных, например «Библиотека для самообразования», так и литературных, типа «Универсальной библиотеки»). Для этой аудитории вопросы веры, которые ранее было практически запрещено обсуждать в печати и которые волновали значительные массы секуляризирующегося населения, теперь приобрели высокую значимость. Широко читались издания, посвященные исторической критике христианства (Э. Ренан, Ф. Фаррар и др.), самым читаемым и популярным автором стал Л. Толстой, причиной чего были не столько его художественные, сколько религиозно-публицистические произведения («В чем моя вера?», «Исповедь» и т.п.) и отлучение его от церкви Синодом.

Представители этой среды не только стремились овладеть сокровищами человеческой мысли, но и осознавали свою специфичность, пытались создавать свою культуру.

Немалая часть рабочих, попавшая под воздействие оппозиционной интеллигенции (существовали многочисленные кружки самообразования в рабочей среде, руководимые интеллигентами; газеты и книги для рабочих и т.п.), читали самообразовательную и революционную литературу⁵⁹. П. Тимофеев, сам рабочий, вспоминал, что в начале XX в. на больших машиностроительных заводах имелись группы «вполне сознательных и даже, если хотите, интел-

лигентных рабочих», которые много читали и размышляли о своем положении. «Здесь читалось все, что только попадалось под руки. Всякая нелегальная книжка или газета представляла собой документ огромного интереса. Весть о каждом вновь вышедшем номере “Рабочей мысли” или “Искры” с быстротой молнии облетала все заводы, и с нетерпением ожидался день, когда он попадет в их руки. Конечно, в кружках эти газеты читались нарасхват. Чтобы не попасться, уходили в лес, в поле, и номер переходил из рук в руки, как какая-нибудь святыня»⁶⁰. Чтение просветительской и революционной литературы сопровождалось резким разрывом с религией, о чем свидетельствуют следующие типичные высказывания рабочих: «Каждый рабочий, затронутый пропагандой, первым делом старается покончить с религиозными вопросами и начинает ненавидеть то, чему вчера еще поклонялся»⁶¹; «...на [Смоленские] курсы я пришел глубоко религиозным, слепо веруя в бога и царя. Курсы переродили меня. Из верующего фанатика я стал атеистом, из верноподданного — революционером, большевиком»⁶².

Круг рекомендуемой литературы (и в пособиях по самообразованию, и тем более в устных рекомендациях руководителей кружков) был весьма узок и однотипен. В политической сфере он ориентировал не на размышление о собственных проблемах, а на усвоение основополагающих марксистских и вообще революционных догм.

Выше были охарактеризованы различные читательские субкультуры, обладающие специфическими социокультурными запросами и обращающиеся к соответствующим типам литературы. Однако в этот период формируется и массовая культура, перекрывающая социальные и социокультурные барьеры. Легче всего и в наибольшей степени она захватывала слои, слабо индоктринированные традиционными культурными стандартами и нормами: учащихся и малообразованного читателя.

Массовая культура расцвела после поражения революции 1905—1907 гг., основная ее проблематика выходила за пределы политического поля. Ведущие ее темы — уголовное преступление⁶³ и взаимоотношения полов.

Таким образом, в эти годы общая картина чтения в стране существенно усложнилась. Она была отмечена резким ростом и масштабов потребления печатного слова, и его социального престижа. Это касалось прежде всего социальных низов — крестьян и рабочих. Период конца XIX — начала XX в. был переломным в процес-

се перехода книжной культуры от важного, но значимого лишь для определенных, достаточно узких кругов способа социальной коммуникации к положению актуального для всех, чрезвычайно влиятельного коммуникативного средства. Это был период очень сильной тяги к печатному слову, когда этапы плавного постоянного роста интереса к нему, порожденного чисто социальными потребностями, сменялись резким усилением потребности в печатном слове, вызываемым политическими потрясениями — войнами и революциями. Быстро шли перемены и в круге чтения, сопровождаемые борьбой разных социальных сил за то, кто будет определять содержание читаемого. На первый план в чтении все больше выходили периодические издания, особенно газета, иллюстрированный журнал и брошюрные сериальные издания (типа сыщицких сериалов). Существенному усилению дифференциации читательских слоев сопутствовало формирование массовой читательской аудитории, охватывающей всю читательскую публику.

Чтение внесло существенный вклад в подготовку революций, кардинально изменивших экономические и политические основы социальной жизни, но в сфере чтения во многом продолживших линию народнически ориентированной интеллигенции по распространению грамотности и чтения и по патерналистской опеке чтения «народа»⁶⁴.

ДЕТЕКТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА И РУССКИЙ ЧИТАТЕЛЬ (вторая половина XIX — начало XX века)

Большой интерес для историка книжного дела представляет изучение закономерностей возникновения и развития новых, до того времени не существовавших типов издательской продукции (в том числе таких аспектов, как рекрутирование авторов, становление жанрового канона, обеспечение тиражирования произведений, создание каналов распространения и т.д.). Процесс этот наглядно демонстрирует и некоторые базовые черты культуры данного общества, и тенденции изменения сложившейся в нем системы издания, реализации и чтения книг. В данной статье мы ставим своей целью проследить, как отечественные издатели, литераторы и читатели совместными усилиями «укореняли» на российской почве детектив.

В работе такого рода мы не можем довольствоваться чисто литературоведческим определением детектива как «литературы, посвященной раскрытию запутанной тайны, обычно связанной с преступлением»¹, необходимо ввести в дефиницию социальные функции этого жанра. Социолог Л.Д. Гудков полагает, что «спецификой детектива может считаться поддержание социально одобряемых инструментальных средств достижения высоко ценимых благ

или реализация культурных ценностей в условиях деструкции, частичной эрозии или ослабления содержательных (то есть нормативных) определений самих этих ценностей»².

Это определение показывает, что основная функция детектива — дать читателю возможность «попробовать» (в воображении) социально запрещенные пути к достижению высоко ценимых им благ и убедиться в ложности подобного выбора из-за неизбежного наказания. Через показ нарушения социальной нормы и последующего ее восстановления детективный жанр добивается укрепления этой нормы в сознании читателей.

Однако определение Гудкова слишком широко — оно охватывает и целый ряд сопредельных жанров, имеющих дело с преступлением, например повесть о разбойнике, авантюрно-приключенческий роман (типа «Парижских тайн» Э. Сю), судебный очерк, социально-психологический роман (типа «Американской трагедии» Т. Драйзера) и др.

Целесообразнее, как нам представляется, подход, идущий от исторически конкретных жанровых образований и типов издательской продукции. Плодотворная попытка выделить основные формулы массовой литературы, в том числе детектива, была предпринята американским культурологом Дж. Кавелти³. Он считает, что формула классического детектива включает определенную ситуацию (движение от неразгаданного преступления к его разгадке), определенный тип развертывания этой ситуации (наличие детектива-следователя и ключей к разгадке преступления; показ хода расследования; сообщение о том, кто преступник, и объяснение решения загадки — в конце произведения), героев определенного типа (жертва; преступник; детектив; лица, знающие о преступлении, но неспособные установить преступника) и т.д. По мнению Кавелти, детектив — это излюбленный жанр среднего класса городского населения. Детектив (как жанр) «доказывает, что социальный порядок не отвечает за преступление, потому что это было действие определенного индивида с его собственными частными мотивами»⁴, а преступление представляет как игру, превращая тем самым острую социальную проблему в развлечение.

Социологи и культурологи отмечают, что детектив тесно связан с атмосферой современного города, в котором рушатся патриархальные связи и традиционные стереотипы поведения, люди отчуждаются друг от друга и вступают в формальные отношения. Здесь у всех на глазах случаи быстрого обогащения, горожане ежедневно

сталкиваются с соблазнительными, но труднодостижимыми вещами и нередко испытывают сильное желание пойти недозволенным путем, чтобы достичь успеха.

Именно в городе отношения между людьми регулирует не традиция, а закон — четко формализованные и абстрагированные от конкретной ситуации правовые нормы. Из явления экстраординарного преступление превращается здесь в вещь обыденную, подлежащую ведению определенных социальных институтов — полицейских и судебных органов. Более того — в рамках полиции здесь возникают специальные подразделения, занимающиеся поиском преступников. Все это создает предпосылки и для выделения книг, посвященных этой теме, в особый жанр, что и происходит в Западной Европе (прежде всего — в Англии и во Франции) примерно в 1860-х гг. (Э. По, детективные рассказы которого появились еще в первой половине 1840-х гг., не имел в то время продолжателей.)

В Россию детектив проник сразу же после его возникновения (речь идет о книгах Э. Габорио, У. Коллинза, А. Бело, К. Геру, Э. Шаветта, А.К. Грин и др.). Так, в 1868—1874 гг. на русский язык было переведено более десятка романов Э. Габорио (одного из «отцов» детективного жанра), причем многие сразу у нескольких издателей (например, роман «Петля на шее» издан в 1873 г. Е.Н. Ахматовой, Н.В. Трубниковым и Е.К. Олениной). Некоторые переводы его книг выдержали по 2—3 издания, что нечасто встречалось в то время. Вышли на русском языке (вскоре после публикации в Англии) «Женщина в белом» и «Лунный камень» У. Коллинза.

Однако при этом детектив не выделялся читателями и издателями в общем потоке авантюрно-приключенческой литературы, представленной именами П. Понсон дю Террайля, Ф. де Буагобе, А. Бувье, П. Законнэ и др. Термин «уголовный роман» охватывал все произведения (в том числе и исторические), где речь шла о преступлении, независимо от характера конфликта и типов персонажей. У авантюрно-приключенческой литературы существовало тогда много поклонников, и постепенно сформировались специфические каналы ее распространения — своеобразные журналы, состоящие только из переводных романов (в значительной степени — этого типа): «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык» (1856—1885, редактор-издатель Е.Н. Ахматова), «Переводы отдельных романов» (1867—1888, редактор-издатель Н.С. Львов), «Библиотека для чтения» (1875—1885, редактор-издатель В.И. Сахарова), «Библиотека исторических и уголовных романов» (1881—1887, редактор-издатель М.Н. Воронов)

и др. Издатели таких журналов нередко выпускали «уголовные романы» отдельными книгами. В больших количествах печатались переводы «уголовных романов» и на страницах низовых газет («Петербургский листок», «Петербургская газета», «Новости дня» и др.).

В 1870-х гг. появляются первые отечественные романы детективного жанра. Конечно, тема преступления, нарушения закона всегда волновала русского читателя, однако обсуждалась она ранее в рамках житийной литературы, плутовского романа, разбойничьей повести, нравоописательного очерка и т.д. Лишь сочетание целого ряда вне- и внутрилитературных факторов способствовало укоренению детектива на русской почве.

В России и быстрая урбанизация, связанная с интенсивным капиталистическим развитием, и реформа судебной системы, включавшая переход к гласному судопроизводству и созданию института судебных следователей, пришлось на вторую половину 1860-х — 1870-е гг. После судебной реформы 1866 г. суд находился в центре общественного внимания. Газеты печатали репортажи о судебных заседаниях, а журналы — очерки о нашумевших процессах и статьи по юридическим проблемам. Героем дня стал адвокат, судебные речи публиковались и активно обсуждались в прессе. Выходили сборники документальных публикаций по материалам отечественных и зарубежных уголовных процессов⁵.

Однако литература не следует автоматически за жизнью, и было бы наивно только из этого выводить появление детектива в русской литературе; становление новых жанров, как и другие литературные новации, опосредуется культурными традициями. Хотя в публицистике и документальном очерке проблемы преступности широко освещались и заинтересованно дискутировались, в литературе эта проблематика в специальное тематическое и жанровое направление оформлялась медленно и с большими трудностями. Уголовный роман был не в чести у критиков и вообще литературной элиты. Русская литература издавна ориентировалась на «учительность» и «духовность», поэтому стремление просто изобразить преступление, вовлечь читателя в действие и обеспечить ему интересное времяпрепровождение квалифицировалось как пустое развлекательство, а то и духовное развращение публики. В результате лидеры литературного мнения — толстые журналы — детективов, как правило, не печатали, а в отделе критики либо не замечали выходящие отдельными изданиями книги этого жанра, либо жестоко «разносили» и «отделывали» их. Признанные литераторы «уголовных романов» не писали (немногие исключения — Ф.М. Достоевский,

Н.Д. Ахшарумов — лишь подтверждают правило), и в «детективщики» шли те, кто нередко из-за недостатка таланта или образования не мог пробиться в первый (да, пожалуй, и во второй) ряд литературы.

Стремясь избежать ассоциаций с презируемым детективным романом, авторы книг о преступлениях, написанных в 1860-х — начале 1870-х гг., старались «подключиться» к другой литературной традиции, подчеркивая (даже в названии) документальный характер своих публикаций (и действительно, они, как правило, не «сочиняли», а пересказывали случаи из жизни). Сложилась даже устойчивая формула для обозначения подобных произведений — «записки следователя». Среди наиболее известных — «Острог и жизнь: (Из записок следователя)» Н.М. Соколовского (СПб., 1866), «Правые и виноватые: Записки следователя сороковых годов» П.И. Степанова (СПб., 1869. Т. 1—2). Однако к началу 1870-х гг. почва для появления отечественного уголовного романа была готова. С одной стороны, существовал высокий интерес к отечественным суду и следствию, читатель был хорошо знаком с судебными и следственными очерками на эту тему; с другой — переведенные на русский язык зарубежные книги дали модель беллетристического оформления соответственного жизненного материала. С некоторой долей условности можно назвать точную дату «рождения» русского детектива — 1872 г. До этого времени в печати появлялись только очерковые книги о сыщиках и преступниках типа «Московских тайн» М.М. Максимова (М., 1861) или уже упомянутых книг Соколовского и Степанова. А в 1872 г., наряду с продолжающими старую традицию «Записками следователя» Н.П. Тимофеева (СПб.), появилось три беллетристических произведения, посвященных процессу расследования уголовного дела: «Концы в воду» Н.Д. Ахшарумова (Отечественные записки. № 10—12) и отдельно изданные в Петербурге «Убийство в деревне Медведице» С.А. Панова и «Рассказы следователя» А.А. Шкляревского. Шкляревский (1837—1883) впоследствии писал только книги детективного жанра и был даже прозван «русским Габорио».

В дальнейшем отечественные «уголовные романы» время от времени появлялись на страницах газет и тонких иллюстрированных журналов, а с середины 1880-х гг. потеснили иностранные детективы на газетных страницах (десятки романов были помещены там Ф.К. Ивановым, А.И. Деяновым, Н.Н. Животовым, А.А. Соколовым, А.И. Соколовой, Г.А. Хрущовым-Сокольниковым и др.). Другой формой широкого распространения детектива стали так

называемые бесплатные приложения к газетам и журналам. Начиная с 1880-х гг. ряд газет («Свет», «Гражданин») и тонких журналов («Живописное обозрение», «Родина», «Нива») ежемесячно высылали бесплатно по книге своим читателям, причем «Родина» и «Свет» нередко давали в качестве приложения отечественные «уголовные романы». Если учесть, что тираж беллетристической книги в то время редко превышал 2400 экз., а тираж «Родины» (и, следовательно, выходящих в приложениях к ней книг) доходил до 120 тыс. экз., можно представить, насколько более широкой была читательская аудитория бесплатных приложений по сравнению с обычными изданиями.

В результате «уголовные романы» широко читались. Например, по данным Н.А. Рубакина, книги Габорио в 1880-х — начале 1890-х гг. в публичных библиотеках входили в число наиболее читаемых⁶.

Хотя мемуаристы не любили признаваться в своей любви к детективу и информация о чтении «уголовных романов» в последней трети XIX в. довольно скупа, имеющихся данных достаточно, чтобы наметить основные черты их читательской аудитории. Это преимущественно горожане, главным образом «средние» слои (мелкие чиновники, молодые купцы, приказчики, модистки, ремесленники и т.п.). Например, Н.С. Русанов вспоминал о своей жизни в Орле в 1870-х гг.: «...купеческие сыны и дочери любили почитать, но что-нибудь эффектное, потрясающее сонную душу, что могло бы выбить их из обычной колеи монотонной и в то же время бестолковой, сытой и полупраздной жизни. <...> мои сверстники и сверстницы зачитывались уголовными романами Габорио и переживали с замиранием сердца все воплощения “Рокамболя” и “Воскресшего Рокамболя” (романы П. Понсон дю Террайля. — А. Р.), которому лишь кой у кого из наиболее передовых составляли конкуренцию туземные герои “Петербуржских тайн” Всеволода Крестовского»⁷. М. Горький, в юности принадлежавший к той же читательской среде, вспоминал, что в начале 1880-х гг. читал много книг Э. Габорио, П. Законнэ, Ф. де Буагобе, П. Понсон дю Террайля и других подобных авторов⁸. В юности читали Габорио и писатель А.И. Эртель, вышедший из разночинной среды⁹, и сын купца В.Я. Брюсов¹⁰, и дворянин, будущий врач и египтолог А.В. Живаго¹¹.

Основываясь на своих наблюдениях, Н.А. Рубакин отмечал, что «к главным потребителям переводной беллетристики принадлежат, во-первых, те, кто только что привыкает к “толстой” книге, — торговцы, лавочники, конторщики, купцы, вообще те, кто получил в

лучшем случае образование в начальной школе, кто не требует от книги ничего, кроме развлечения. Эти люди ищут в книге “приключений с героями” <...>. Они <...> долго роются в каталоге, ищут заглавий пострашнее и позамысловатее (“Полны руки роз, золота и крови”, “С брачной постели на эшафот”, “Три рода любви” и т.п.) <...>. Если на какой-либо странице попадает описание какого-либо «раздирательного» события — выстрел, кровь и т.п. <...> читатель берет книгу для прочтения. <...> Есть у переводной дребедени еще читатели, — читатели благородные, культурные и хорошо обеспеченные с материальной стороны. Эти читатели берут и читают переводную дребедень, хотя и знают, какая ей цена, хотя и могут читать лучшие книги <...>» — читают для отдыха, отвлечения от повседневных забот, неприятных мыслей и т.д.¹². В качестве представителя этой категории читателей можно назвать П.П. Вяземского, сына известного поэта, — образованного человека и крупного чиновника, увлекавшегося чтением романов Э. Габорио¹³.

Негативное отношение к детективу в русской культуре проявилось не только в позднем его укоренении в литературе, но и в своеобразных чертах его поэтики. В русских детективах обычно акцентировалась не сюжетная, а психологическая сторона уголовной истории. В отличие от западных моделей, в отечественном детективе, как правило, основное внимание уделялось не сыщику и процессу следствия, а переживаниям преступника (нередко ведущим к раскаянию) и причинам, побудившим его к преступлению.

В противоположность западному детективу, где главной движущей силой преступления (и романной интриги) является стремление к обогащению, в русском уголовном романе очень часто эту функцию выполняет любовь или, точнее, страсть. Социологическое объяснение такого отличия связано с отставанием процесса модернизации, а значит, и соответствующих социально-психологических мотивировок. В русском обществе, где даже законно разбогатевший человек отнюдь не являлся героем в глазах окружающих, большую значимость имели личные, неформальные отношения между людьми.

Презрительное отношение литературной элиты к «уголовным романам» как к пустым книгам, пригодным только для развлечения, было, конечно, несправедливым. Для их читателей книги этого жанра являлись чрезвычайно поучительными и познавательными. В них читатели знакомились с иным образом жизни, усваивали, что допустимо и что недопустимо во взаимоотношениях с людьми, и

т.д. Например, мемуарист, который жил в конце 1880-х гг. в провинции и был тогда подростком, вспоминает, что к нему «попадали главным образом бульварные романы французских романистов со сногшибательной уголовной фабулой и всяческими трюками. Это были романы Габорио, Ксавье де Монтепена, Понсон дю Террайля и им подобные. Я читал их буквально запоем. Из горькой юдоли моей действительности они переносили меня в шумный и сказочный Париж, в великолепные дворцы, залитые ярким светом, в роскошные рестораны, полные всяких яств, они раскрывали предо мною жизнь, полную всяческих приключений в многоэтажных домах и дворцах, в фиакрах и на железных дорогах, которые я никогда еще не видел тогда. С замиранием сердца я следил за опасными положениями, в которых оказывались герои этих романов, негодовал на поведение злодеев и восторгался добродетельными героями. Это было так непохоже на мою серенькую горемычную жизнь, что действовало на меня как гашиш и опиумокурение, раскрывающие волшебные картины в отравленном мозгу курильщика. Я забывал при этом о хлебе и тараньке, составлявших мою главную пищу, о грязном угле <...>, где я жил <...>, о постигшей меня неудаче в стремлении учиться <...>»¹⁴.

Книги Габорио и других французских (как, впрочем, и русских) авторов уголовных романов, вышедшие в 1870—1880-х гг., в дальнейшем почти не переиздавались, но оставались в круге чтения, «уйдя», правда, в иные читательские слои — к низовому читателю и учащейся молодежи. Приведем два примера. В 1917 г. тринадцатилетний С.И. Юткевич, будущий известный кинорежиссер, будучи гимназистом, «таскал в своем ранце — том за томом — “Рокамболя” Понсон дю Террайля и уголовные романы Габорио, добытые в библиотеке»¹⁵. В начале XX в., по воспоминаниям А.С. Новикова-Прибоя, балтийские матросы «больше всего интересовались уголовными хрониками и сочинениями мелодраматического характера. Из последней категории были в ходу романы и повести Пазухина, “Граф Монте-Кристо” [А. Дюма], но особенно большой популярностью пользовался роман Крестовского “Петербургские трущобы”. Кто прочитал этот роман, тот хвастался о нем перед своими товарищами с особою гордостью, тем более, что его редко где можно было достать»¹⁶.

Новый этап истории детектива в России можно отсчитывать с начала XX в. Именно тогда, в 1902—1903 гг., началось здесь увлечение Шерлоком Холмсом. Весьма характерно, что в Англии рас-

сказы А. Конан Дойля о Холмсе получили известность в 1891—1892 гг., а в России, где интерес к литературе о расследовании преступления был еще неоформлен, нечеток, книгоиздатели обратились к этим рассказам лишь через шесть лет (правда, несколько новелл были опубликованы в 1893—1897 гг. в иллюстрированных еженедельниках «Звезда», «Нива» и «Север», но они прошли незамеченными). Сборник «Записки знаменитого сыщика» (СПб., 1898) и роман «Поздняя месть» (под таким названием был издан в приложении к газете «Свет» в том же году в переводе с немецкого (!) «Этюд в багровых тонах») особого успеха не имели, и лишь в 1902—1904 гг. книги о Холмсе стали выходить одна за другой, зачастую одновременно у нескольких коммерческих издателей, таких как В.И. Губинский, М.В. Ключин, Д.П. Ефимов. В 1904 г. И.Д. Сытин выпустил Собрание сочинений Конан Дойля в качестве бесплатного приложения к популярному журналу «Вокруг света», и с этого времени писатель получил широкую известность в России. На сценах театров и балаганов (во время народных гуляний) шли инсценировки его рассказов и повестей, публиковались подражания ему отечественных авторов (П.П. Дудорова, П. Никитина, П.А. Казанского и др.¹⁷).

Книги Конан Дойля регулярно выходили и в дальнейшем (итогом освоения его наследия русскими книгоиздателями можно считать Полное собрание сочинений, которое П.П. Сойкин выпустил в 1909 г. в качестве бесплатного приложения к журналу «Природа и люди») и приучали читателей к подобной литературе. Постепенное нарастание интереса к ней перешло в резкий скачок, датированный 1907 годом, когда началось широкое распространение (вначале переводной, а затем и отечественной) серийной литературы, представленной многочисленными выпусками рассказов, объединенных героем-сыщиком¹⁸. После успеха первой попытки число серий стало быстро расти, и в 1908 г. одновременно выходило уже несколько десятков. Всего в этом году было издано 624 выпуска сыщицкой и прочей серийной литературы¹⁹, общим тиражом около 10 млн экз.²⁰. Наибольшей популярностью пользовался Нат Пинкертон, которому было посвящено несколько серий (Нат Пинкертон, король сыщиков, СПб.: Н.А. Александров, 1907—1908. Вып. 1—150; Нат Пинкертон, король сыщиков. Новая серия. СПб.: Печать, 1908. Вып. А—Е; Пэнкертон, герой сыщиков. СПб.: Тип. О. Кранца, 1908; Нат Пинкертон. Американский Шерлок Хольмс. Елисаветград, 1908. Вып. 1—2; и др.). Широко читались также се-

рии о Нике Картере (Ник Картер, американский Шерлок Холмс. СПб.: Н.А. Александров, 1908; Ник Картер, величайший сыщик Америки. Новая серия. СПб.: Печать, 1908. Вып. 1; и др.) и Шерлоке Холмсе (Шерлок Холмс. СПб.: Развлечение, 1908—1910. Вып. 1—98. Эта серия состояла из рассказов, написанных не А. Конан Дойлем, а анонимными подражателями).

Существовали и многие другие серии: «Сыщица Этель Кинг», «Билль Каннон, знаменитый американский сыскной комиссар», «Ока Шима, знаменитый японский сыщик», «Приключения графа Стагарда, знаменитого немецкого сыщика» и др. Брошюры были дешевы (5—15 к. за выпуск), выходили регулярно (в наиболее популярных сериях — еженедельно) и продавались в газетных киосках и у уличных разносчиков. Тираж их составлял десятки тысяч. Брошюры о Картере переводились с английского, о Пинкертоне — с немецкого, но многие выпуски этих да и других серий писались отечественными авторами. Печатались они, как правило, анонимно (по свидетельству Л.И. Борисова, в их число входили даже такие известные писатели, как А.И. Куприн, М.А. Кузмин, Н.Н. Брешко-Брешковский²¹) или скрывали свои имена под псевдонимами (Роман Добрый [Антропов Р.Л.]. Гений русского сыска И.Д. Путилин. СПб., 1908—1909. Вып. 1—48; Никитин П. Новейшие приключения Шерлока Холмса в России. М., 1908. Вып. 1—16), стыдясь причастности к такого рода литературе.

В основе рассказов о Пинкертоне и Картере лежит не логический анализ, а действие — преследование, драка и т.д. В этом они близки старой авантюрно-приключенческой литературе.

Критика и педагоги резко отрицательно оценивали брошюры о сыщиках, отмечая, что «они грязны, безнравственны и, по-видимому, могут отвечать лишь на грубые запросы полуграмотного читателя»²² и что это «не литература, а жалкое бормотание какого-то пьяного дикаря»²³. В школах учителя наказывали за чтение «пинкертоновщины», так же поступали и многие родители²⁴. Однако серии «сыщицких» брошюр пользовались огромной популярностью и читались представителями разных социальных групп²⁵. Современники свидетельствовали: «Вот уже более года, как литература “сыска” доминирует над всеми остальными видами повседневной и лубочной литературы, завоевав себе первенствующее место в уличных, газетных киосках, в вагоне трамвая и железной дороги, в прихожей и в кухне, в комнате учащегося сына и дочери, под классным столом на уроках в учебном заведении, в руках студента и иногда

даже взрослого дельца, — всюду бросается в глаза эта сыщицкая литература»²⁶. «Лубочно раскрашенные книжечки — в руках молодежи, учащейся и не учащейся, в руках рабочего, изящно одетой дамы <...> я видел своими глазами: маман читала “Пинкертона”, в то время как сын-гимназист жадно глотал страницу за страницей “Шерлока Холмса”»²⁷. Н.П. Розанов вспоминал про «увлечение пинкертоновщиной, проникшее не только в низшие слои московского населения, но даже в сравнительно образованные части общества. Бывало, везде положительно наткнешься на книжонки в желтенькой или синенькой обложке, где изображались приключения знаменитых сыщиков Пинкертона, Картера и др.»²⁸. Брошюры о сыщиках читали философ В.В. Розанов и студентка, будущая писательница М.С. Шагинян²⁹, но увлекались ими и сельские жители³⁰. А.Г. Моисеев, крестьянин Серпуховского уезда, вспоминал: «Была и у нас своя библиотека, книги которой подразделялись на два вида: приключенческие и духовно-нравственные. К первому виду принадлежали приключения знаменитых сыщиков: Шерлока Холмса, Ната Пинкертона, Ника Картера. В таком же духе были романы “Пещера Лейхтвейса”, “Король сыщиков и король контрабандистов Видок” и еще несколько романов с не менее заманчивыми названиями. Такой литературой снабжал нас отец. В выборе книг для семейного чтения он руководствовался их дешевизной и содержанием с захватывающими сюжетами»³¹. Однако основным потребителем «пинкертоновщины» было юношество, и прежде всего гимназисты. Сохранилась масса свидетельств об их эпидемическом увлечении литературой подобного рода в 1907—1909 гг., например: «На чердаке соседнего с нами дома жили два эстонских мальчика <...>. Получавшие из сельской местности от своих родителей лишь скромнейшие суммы на пропитание и оплату учебы (в той же гимназии, в которую поступил я), они ценою добровольного недоедания стали обладателями целой библиотеки о подвигах Ната Пинкертона, Ника Картера, Шерлока Холмса <...>. Чтение “Пинкертонов” надолго стало ежедневною моею усладою»³².

Проведенные в 1909 г. в ряде гимназий опросы показали, что 80% учащихся относились к «сыщицкой» литературе с интересом³³. Юных читателей привлекал сильный и энергичный герой, карающий зло и восстанавливающий порядок в обществе. Сыщики стали образцом для подражания (например, треть опрошенных мальчиков из тифлиских школ, отвечая на вопрос: «На кого вы желали бы быть более всего похожими из числа тех, кого видели или о ком

слышали или читали?», назвали того или иного сыщика)³⁴. Дети играли в сыщиков, а иногда и всерьез пытались выступать в этой роли. Один из мемуаристов вспоминал: «Летом 1908 года я познакомился с газетчиком <...>. Я имел возможность читать у него — не разрезая, конечно, — журналы и особенно наводнившие тогда Петербург выпуски книжонок про сыщиков и авантюристов. Там были Нат Пинкертон, Шерлок Холмс, Ник Картер, сыщик Путилин и всякие “благородные разбойники”, вроде Генриха Рау и других <...>. Начитавшись этих книжонок, я счел даже себя подготовленным к сыщицкой работе и однажды долго следил за каким-то человеком, который, как я решил, утащил у нас двух куриц: они пропали незадолго перед этим»³⁵.

В Киеве в 1908 г. даже действовало «Общество почитателей Холмса и Пинкертона», состоявшее из учащихся и возглавлявшееся сыщиком-профессионалом. Члены общества создали обширную библиотеку, которая включала все издания «сыщицкой» литературы, и на регулярных собраниях делали доклады о том или ином сыщике и выработывали новейшие «теории сыска»³⁶.

В 1910-х гг. популярность «сыщицкой» литературы снизилась, однако она оставалась в кругу юношеского чтения³⁷. О наличии соответствующей потребности свидетельствует и тот факт, что в 1916 г. издательство «Развлечение» переиздало серии брошюр о Пинкертоне и Картере.

Подведем итоги. Мы можем констатировать, что ко второму десятилетию XX в. в России детектив занял определенное место и в литературно-издательской системе, и в чтении. К этому времени сформировались механизмы создания и распространения детективной издательской продукции, сложилась читательская аудитория этого жанра. Однако, наблюдая за ходом этого процесса, можно сделать следующие выводы.

1. Хотя интерес к криминальной проблематике был в России очень высок, процесс «приживания» детектива на русской почве шел довольно медленно.

2. Распространение получил здесь не чистый, так называемый «классический» детектив (Коллинз, Конан Дойль и использовавшие их опыт другие англо-американские литераторы), а другие модели — «уголовный роман» и «сыщицкая литература». Отечественные книги этого жанра либо сближались с авантюрно-приключенческой прозой (где динамика действия и энергия героя важнее умения логически мыслить), либо превращались в социаль-

но-психологические романы (где в основе интереса — причины преступления и психология преступника).

3. Детектив был представлен преимущественно переводным романом, отечественные авторы лишь эпизодически обращались к этому жанру.

4. Преданную читательскую аудиторию детектив смог завоевать себе лишь в некоторых слоях городской молодежи, прежде всего у учащихся.

Подобная судьба детектива в России не случайна. Модель «классического детектива» предполагает, что окружающее общество характеризуется следующими чертами: развитое чувство частной собственности; высокий статус формально-правовых отношений; безличность, анонимность отношений между людьми; высокая культура логического мышления; привычка рассчитывать свои действия; сравнительно высокий уровень образования. В России же наблюдались лишь слабые элементы названных явлений и охватывали они при этом довольно тонкий слой населения.

Подавляющее же большинство населения находилось в сфере влияния патриархальной, общинной культуры, с приматом моральных и религиозных, а не юридических норм, личных, а не формальных отношений, расчетом на «авось», а не на целенаправленное планирование своего поведения.

Интеллигенция, далекая, казалось бы (в силу образовательного и культурного статуса), от этих представлений, из-за исторических особенностей своего формирования идеализировала и идеологизировала эти черты культуры и, соответственно, третировала детектив. Сказывалось здесь и давление литературной традиции, предписывавшей книге просвещать и воспитывать читателя, а не развлекать его.

Симптоматично, с какой легкостью детектив исчез из русского книгоиздания после Октябрьской революции. Судьба детективной книги в годы советской власти — сложнейшая, почти не разработанная тема, которая нуждается в специальном исследовании.

СИМВОЛИСТЫ, ИХ ИЗДАТЕЛИ И ЧИТАТЕЛИ

Последнее двадцатилетие отмечено усилением интереса к изучению русского символизма, в эти годы появилось немало ценных исследований и публикаций по данной теме. Однако посвящены они главным образом творчеству и биографиям писателей-символистов, а сторона институциональная (организационные формы движения, издательства, периодические органы, гонорары и т.д.) изучается гораздо менее интенсивно.

В данной статье мы ставим целью наметить основные аспекты изучения взаимоотношений писателей-символистов с издателями, в качестве основного фона и контекста для этого взяв возникновение, рост и развитие читательской аудитории символистов. Насколько нам известно, обобщающих работ на эту тему не было, хотя немало ценных наблюдений и соображений по данному вопросу содержат статьи и книги Н.А. Богомолова, Н.В. Котрелева, А.В. Лаврова, Р.Д. Тименчика и ряда других исследователей.

Период конца XIX — начала XX в. был отмечен принципиальными изменениями во взаимоотношениях писателей и издателей.

С резким ростом уровня грамотности населения и с приобщением крестьян к городскому образу жизни быстро увеличивалось число периодических изданий и число ежегодно выходивших названий книг. Усиление спроса на литературный труд привело к существенному росту в эти годы численности профессиональных лите-

раторов и журналистов, многие из них получали высокие гонорары. Подобная профессионализация затронула прежде всего писателей-«реалистов» и представителей «массовой литературы», поскольку их «поддерживала» новая демократическая аудитория (мелкие служащие, земская интеллигенция, рабочие, народные учителя и т.п.)¹.

Долгое время принципиально иначе складывалась ситуация у литераторов-символистов.

В конце XIX в. русского символизма как течения еще не было, еще не сложились организационные связи между пишущими в соответствующем ключе немногочисленными литераторами. Идейная и эстетическая близость у них существовала, сближала их и ориентация на французский символизм, но не было ни лидеров, ни объединяющих механизмов, ни печатных органов, а читатели не опознавали их как символистов. Сочувствовавший новейшим литературным течениям П.П. Перцов, выпустив в 1895 г. сборник «Молодая поэзия», включил в него лишь четырех авторов, относимых позднее к числу символистов (Бальмонта, Брюсова, Мережковского, Минского), что составило менее 10% общего числа (4 из 42). Показательно, что когда тот же Перцов в следующем году прочел в Русском литературном обществе реферат «Что такое современный символизм?», то даже в этой профессиональной аудитории «реферат вызвал какое-то недоумение: многие из присутствующих никак не могли освоиться с самым фактом существования некоего непонятного “символизма”»².

Среди ранних символистов можно выделить две группы. Одну составили «перебежчики» из лагеря поздненароднической литературы (Минский, Мережковский, Гиппиус), которые ранее уже составили себе литературную репутацию и поэтому по инерции получали доступ в печать, хотя программные символистские произведения опубликовать не могли. Вторая группа была представлена начинающими литераторами, дилетантами (А. Добролюбов, И. Кожевской, Брюсов и др.), которые не находили себе издателя.

И тем и другим (хотя и в разной степени) было трудно опубликовать свои произведения. По точному замечанию Д. Максимова, «главным признаком литературной позиции символистов 90-х гг. являлась ее полная обособленность в атмосфере враждебного окружения господствующей прессы»³. Эстетическая цензура в толстых журналах (по большей части либеральных) была очень жесткой. М. Волошин писал матери 29 августа 1901 г.: «Вы пишете, что почему бы мне не обратиться в “Рус[скую] мысль” да в

«Рус[ские] ведомости» с предложениями корреспонденций. Это вещь совершенно немыслимая. Я смогу писать только о том, что меня интересует, т.е. об искусстве и новейших течениях литературы, а об этом ни одной строчки ни в одном из этих журналов не пропустят. Дело в том <...>, что у нас в России, кроме правительственной цензуры, существует еще другая частная, не по политическим вопросам, а по вопросам искусства, устроенная нашими собственными журналами. И цензура даже более строгая. Революционно-политические идеи все-таки проскальзывают: обиняками все можно сказать: цензора все-таки просто чиновники. А революционные идеи искусства проскочут не скоро. Редактора это считают своим личным интересом и тщательно оберегают русское общество, не пропуская с Запада *ни одного* нового течения. Они позволяют только издеваться над карикатурными произведениями бездарностей, которых они называют декадентами, и стараются уверить публику, что в этом-то и заключается все новое европейское искусство»⁴.

Исключение составляли «Мир искусства» (1898—1904) и «Северный вестник» (после перехода его к Л. Гуревич, т.е. в 1891—1898 гг.)⁵. Но в «Мире искусства» литературный отдел был небольшой (причем художественные произведения там не печатались), а «Северный вестник», как показал Д. Максимов, в ряде отношений был союзником символистов, активно печатал их (правда, преимущественно художественные произведения, а не публицистику и литературную критику), но существовали и серьезные расхождения (немало произведений символистов было отклонено или подверглось редакционной цензуре), поэтому своим считать этот журнал они все же не могли⁶.

В любом случае ни поместить все, что они создавали, ни обеспечить их материально эти издания не были способны. Поэтому символисты много печатались в иллюстрированных журналах (где контроль был мягче, поскольку не было стремления к идейной и эстетической выдержанности), а книги свои обычно издавали сами: Бальмонт К.Д. Сборник стихотворений. Ярославль, 1890; Брюсов В.Я. *Chefs d'oeuvre*. М., 1895; Он же. *Me eum esse*. М., 1897 (Брюсов выпустил также 3 коллективных сборника «Русские символисты» (М., 1894—1895)); Курсинский А.А. Полутени. М., 1896; Он же. Песни. М., 1902; Гиппиус Вл. Песни. СПб., 1897; Ланг А.А. Огненный труд: Статьи и стихи. М., 1899 (под псевд. Александр Березин); Коневской И. Мечты и думы. СПб., 1900; и др. Издать книгу тог-

да было довольно легко. Издание первой книги Курсинского (5 печ. л.) обошлось рублем в 120—150⁷. Л. Гумилевский вспоминал, как после года учебы в университете у него собралась тетрадь стихов: «Недолго раздумывая, я отнес ее в типографию <...>, и вот на окна книжных магазинов в городе появились зеленые книжки с типографской виньеткой, увенчанные женской головкой». Издание в 1910 г. книжечки «Избранных стихотворений» тиражом 500 экз. обошлось ему в 40 руб.⁸. Показательно следующее объяснение А.А. Курсинским (в письме В.Я. Брюсову от 2 июля 1895 г.) целей своего издания: «...я далек от мысли ждать хотя бы и скромного успеха от этого сборника. Отпечатаю не более 600 экземпляров, из которых в продажу пойдет приблизительно половина по высокой цене, чтобы вернуть хоть часть затрат по печатанию. Вся цель моя: отделаться от того, что написано уже мною, и дать по книжке моим друзьям <...>»⁹.

Однако подобные авторские издания либо проходили незамеченными, либо становились объектом критических насмешек. В последнем случае, правда, они получали (пусть отрицательную) известность, способствовали оформлению и пропаганде нового течения.

Приведем весьма выразительное признание Г. Шпета в 1912 г. в письме невесте о своих литературных вкусах в старших классах гимназии: «...эстетическое воспитание шло нелепо, и *теоретически* я продолжал считать, что чем “благороднее”, тем красивее, “неблагородных” поэтов я не читал (помилуйте, Фет — крепостник, Тютчев — цензор, сам Пушкин сомнителен и т.д.), поэтому Надсон еще оставался для меня “поэтом”, но его “благородство” уже стало казаться очень “газетным” <...>. Но “новое” как-то само на двигалось... Первый меня поразил, пожалуй, Верлен (русские, Бальмонт, Брюсов и др., уже начали писать, но я находился под впечатлением Соловьевской (Владимира) критики, и их не читал, но случайно натолкнулся и на русских, первый был Бальмонт»¹⁰.

Бальмонт стал первым признанным широкой аудиторией символистским поэтом. По свидетельству Н.А. Тэффи, «...Россия была <...> влюблена в Бальмонта. Все, от светских салонов до глухого городка где-нибудь в Могилевской губернии, знали Бальмонта. Его читали, декламировали и пели с эстрады. Кавалеры нашептывали его слова своим дамам, гимназистки переписывали в тетрадки <...>»¹¹.

Второй этап «издательской истории» символизма связан с появлением своих издательств и периодических изданий. Речь идет о журналах «Весы» (1904—1909), «Золотое руно» (1906—1909), «Перевал» (1906—1907), «Аполлон» (1909—1917)¹² и о таких издательствах, как «Скорпион» (Москва, 1899—1916), «Гриф» (Москва, 1903—1914), издательство при «Золотом руно» (Москва, 1906—1909), «Оры» (Петербург, 1907—1912); «Мусaget» (Москва, 1910—1917), «Сирин» (Петербург, 1912—1914)¹³ и др. Все перечисленные издательства стремились обзавестись периодическими изданиями: «Скорпион» выпускал журнал «Весы» и альманах «Северные цветы» (1901—1904, 1911), «Гриф» — альманах «Гриф» (1903—1905, 1914); «Мусaget» — журнал «Труды и дни» (1912—1916), «Сирин» — одноименный альманах (1913—1914).

Издательства эти и журналы «предоставляли культурной инициативе первоначальную защиту от нивелирующих требований рынка, необходимым образом децентрализовали культурную индустрию»¹⁴. Благодаря этому они стали кристаллизующим фактором символистского движения, оформили и структурировали его, ввели в сознание читателей и литераторов.

У символистов появились свои постоянные читатели. Правда, их было не очень много, существенно меньше, чем у литераторов более традиционной народнической направленности, с их бытовой прозой и идейно ангажированной поэзией. Спрос на книги символистов был слабым, и даже у известных авторов не расходились тиражи в тысячу экземпляров (в то время как книги реалистов раскупались десятками тысяч экземпляров). И.А. Бунин вспоминал, что «издания “Скорпиона” расходились весьма скромно. “Весы”, например, достигли (на четвертый год своего существования) тиража всего-навсего в триста экземпляров <...>»¹⁵. Один из руководителей «Скорпиона» В.Я. Брюсов писал Сологубу в июле 1904 г.: «Ваши книги идут слабо, тихо. До сих пор у нас на складе около 800 экз. Вашей книги стихов (издано 1200) <...>»¹⁶.

В результате символистские журналы и издательства были убыточны. Поэтому выпускали книги символистов почти исключительно издательства, существующие на деньги меценатов (в основном из купечества): «Скорпион» — текстильного фабриканта С.А. Полякова (на издании «Весов» он терял в год 6—7 тыс. рублей, на издании альманаха «Северные цветы» — еще около 2 тыс. рублей¹⁷), «Сирин» — сахарозаводчика М.И. Терешенко (выпускаемые издательством большими тиражами (8100 экз.) альмана-

хи почти не раскупались¹⁸), издательство при «Золотом руно» — миллионера Н.П. Рябушинского, «Мусажет» — подруги Э.К. Метнера Г. Фридрих, и т.д. На пожертвования меценатов существовали и все символистские журналы: «Весы», «Аполлон», «Золотое руно» и др. С.А. Соколов, который не был предпринимателем, но, как присяжный поверенный, располагал известными средствами и содержал издательство «Гриф», признавался Блоку в 1910 г., что «“Гриф” никогда не был <...> коммерческим строго делом...»¹⁹

Символистские журналы и издательства платили невысокие гонорары. По воспоминаниям Перцова, «в “Новом Пути” и редакция, и все сотрудники, за редкими “посторонними” исключениями, работали по случаю бедности журнала бесплатно <...>»²⁰.

В «Скорпионе» авторам стихотворных сборников платили 10—15 р. за печатный лист. Блок за сборник «Стихи о прекрасной даме» получил в «Гриф» 130 р.²¹, а за первую свою книгу, изданную «Скорпионом», — 150—180 р.²²; Д. Мережковский, З. Гиппиус и Брюсов в 1903 г. за книги стихов получили в «Скорпионе» по 200 р.²³, Бунин за книгу стихотворений «Листопад» — 250 р.²⁴, а А. Белый за книгу «Золото в лазури» (1904) — 150 р.²⁵ Это было очень немного — столько получали известные прозаики за один авторский лист в толстом журнале.

Как справедливо отмечал Н.В. Котрелев, «значение “Скорпиона” было не столько в том, что он обеспечивал литератора материально: постоянного и достаточного гонорара издательство обеспечить не смогло, оно было бесприбыльно. Неизмеримо важнее другое. “Скорпион” обеспечил присутствие русских символистов на книжном рынке, устойчивый контакт с читателями, которых становилось все больше и больше <...>. С другой стороны, “Скорпион” позволил символистам утвердиться и занять независимую позицию в профессиональной среде, дал им субъективное чувство полноценности в социальной роли, объективно — заставил профессиональную среду всерьез считаться с новой писательской группой»²⁶.

Прожить на гонорары символистских журналов и издательств было нельзя, и приходилось искать другие источники дохода. Ср. размышления Г. Чулкова в 1904 г.: «Что делать? И за какую литературную работу приняться? — думал я. — Стихи вообще никому не нужны, а я к тому же символист»²⁷.

Сестра жены Брюсова свидетельствует, что «средства на жизнь Брюсов получал регулярно — с дома, а случайно — в виде гонора-

ров за литературный труд»²⁸; Белый зарабатывал чтением лекций и газетной работой (статьи, рецензии), в течение ряда лет (как и Эллис) получал регулярные субсидии от «Мусажета», дважды (в 1915 и 1916 г.г.) брал ссуды в Литфонде²⁹; Бальмонт переводил и тоже подрабатывал в газетах; Блок жил за счет наследства и газетной работы; Ф. Сологуб, И. Анненский, А. Курсинский преподавали (последний, впрочем, временами уходил из педагогики в журналистику) и т.д.

На третьем этапе (начиная примерно с 1906 г.) шла инфильтрация символистов в «общую литературу». «После 1905 г. гонение на символизм прекращается, и он быстро увенчивается почти академическими лаврами. Вместе с тем, внутри него происходит сдвиг: он теряет свой первоначальный эзотеризм. Поэты-символисты теперь печатаются уже в общих журналах <...>»³⁰. В эти годы символисты становятся «модными», интерес к ним проявляют широкие общественные круги. Мемуаристы отмечают, что тогда «в литературе шумели декаденты и символисты, литературный Петербург соперничал с Москвою. Студенты и курсистки сходили с ума, слушая Брюсова, Белого, Бальмонта»³¹; к 1909 г. «символизм стал всеобщим достоянием. Творения “декадентов” лежали уже на столах в приемных зубных врачей»; стихотворения Блока «перекочевывали со страниц чтцов-декламаторов в альбомы чувствительных барышень. Появился конкурент самому Надсону»³². Вл.В. Гиппиус вспоминал о периоде 1907—1908 г.г.: «На устах моих учениц [в гимназии М. Стоюниной] <...> вращались то Незнакомка, то Ночная фиалка. Кто из них повзрослей — вздыхали — “Ах! Блок!” — и покупали, и вешали, и приклеивали открытки с Блоком...»³³. Как отмечал Г. Чулков, «нужен срок, чтобы роёtes maudits [проклятые поэты (*фр.*)] превращались в академиков. Для Брюсова и его друзей этот срок наступил примерно в 1907 году»³⁴.

В эти годы литераторы-символисты вышли из своего рода гетто символистских журналов и издательств и стали печататься в общих периодических изданиях. Коммерческие издательства, особенно «Шиповник» (возникший в 1907 г.), охотно печатали их и платили достаточно высокие гонорары. Кроме того, сами символисты «захватили» ключевые позиции в ряде периодических изданий (особенно показателен переход Брюсова в 1910 г. в «Русскую мысль» редактором литературного отдела). С 1906 г. симпатизирующие символизму авторы приходят к руководству в ряде газет («Слово», «Столичное утро», «Час», «Правда живая» и др.). Теперь

и обращенные к широкой читательской аудитории издательства соглашались печатать поэтов-символистов, правда, практически без гонорара. Вот, например, на каких невыгодных условиях В.В. Гофман публиковал в 1909 г. свой сборник «Искус» в Товариществе М.О. Вольфа: «...они печатают книгу и берут ее затем всю на комиссию. Из перв[ых] доходов покрывают свои издательские расходы, а остальные дают мне за вычетом 40%. Все дело здесь в том, что они меня надувают, непомерно превысив свой расход. Кроме того, я не гарантирован в том, что они не напечатают вдвое больше против условленного (1200 экз[емпляров]): продавая каковые, конечно, не станут платить никаких процентов»³⁵.

Г. Чулков вспоминал: «Мои книги выходили в таких издательствах, как “Оры”, “Золотое руно”, “Факелы” и пр. — в них, конечно, лестно было печататься, но материальных благ они не давали. Поэтому я обрадовался, когда коммерчески-деловой “Шиповник” предложил мне издать мои рассказы. Первый и второй том рассказов быстро разошлись. Понадобилось второе издание. А в 1908 году “Шиповник” предложил мне издать собрание моих сочинений в шести томах. В это же время ко мне обратилось с таким же предложением издательство “Просвещение”. Я наконец почувствовал почву под ногами»³⁶.

Отметим, что многие символисты в эти годы переходят на прозу, точнее, наряду со стихами пишут прозаические произведения, которые и становятся основным источником их дохода. Речь идет о Ф. Сологубе, В. Брюсове, Г. Чулкове и др. Сологуб, например, «был тогда “литератор модный”»; его романы и рассказы пестрили альманахи, журналы и даже газеты. Его пьесы <...> проникали даже на почтенную сцену Александринского театра. Он просвещал российскую провинцию томительными докладами об искусстве наших дней»³⁷. Причем они не просто пишут прозу, но нередко работают на заказ. Более элитный вариант подобной работы на заказ — сотрудничество Блока, Брюсова, Вяч. Иванова и др. в издательстве «Пантеон» (1907—1910), ставившем своей целью издание переводов выдающихся произведений мировой литературы в хороших переводах и платившем высокий гонорар. Но ряд прозаиков-символистов, даже такие выдающиеся, как Ремизов и Сологуб, сотрудничали и в массовых журналах и газетах. Вот типичные заказы от редакторов периодических изданий, адресованные А.М. Ремизову: «9.1.1913. Многоуважаемый Алексей Михайлович, позвольте просить Вас дать для журнала “Огонек” небольшой рас-

сказ (200—300, в крайнем случае, 400 строк) в возможно непродолжительном времени. В зависимости от содержательности рассказа, редакция иллюстрирует его. Гонорар может быть уплачен немедленно по принятии рассказа. Пользуясь случаем засвидетельствовать вам мое искреннее уважение»³⁸. «Многоуважаемый Алексей Михайлович! Не дадите ли вы для пасхального приложения к “Дню” небольшой рассказец, строк этак на 140 (страница приложения). Много редакция предложить вам не может, по 25 коп. (за строку. — А.Р.) заплатила бы с удовольствием. Не откажите в случае согласия уведомить меня. Уважающий вас и преданный вам Влад. Азов»³⁹.

Чтобы иметь достаточно стабильный доход, нужно было писать рецензии, публицистические статьи, путевые очерки и т.п. Особенно нуждались в этом символистские поэты и прозаики второго и третьего ряда. По точному наблюдению А.В. Лаврова, «вознаграждение <...> от газетных выступлений, частых и регулярных, могло обеспечить сносную жизнь вполне рядовым литераторам»⁴⁰. Но присущая символисту поза пророка или эстета, обитающего в надзвездных сферах, резко расходилась с газетной работой, питающейся здешним и сиюминутным. Сотрудничество в иллюстрированном журнале и газете, имевших большую аудиторию и, следовательно, обеспечивавших постоянный, а зачастую и высокий заработок, осознавалось как профанация своего призвания, торговля талантом и т.д.⁴¹. Так, Андрей Белый в 1907 г. оказался в трудной финансовой ситуации, когда пришлось жить на свои деньги и, как он писал З. Гиппиус в августе 1907 г., «чуть ли не голодать». Рассказывая ей о своих перспективах получить постоянную работу в газете, он замечает: «Это одна из моих надежд (увы, горьких), ибо разве приятно быть прикованным к газете?»⁴². М.А. Волошин, чьи стихи не имели успеха, добывал средства на жизнь за счет публикации литературных и художественных обзоров, корреспонденций из Парижа, рецензий в газетах и в модернистских журналах. В.В. Гофман с середины 1900-х гг. жил за счет сотрудничества в газетах и массовых журналах (публицистика, литературные и художественные обзоры). Однако подобную работу он очень не любил и писал матери в 1909 г.: «..в будущем, конечно, я рецензий никаких, ровно как литературных хроник и статей, писать не буду: конечно, я буду существовать лишь своим художественным творчеством, печатая рассказы и выпуская книги»⁴³. (Не исключено, что самоубийство его было вызвано литературными неудачами и невозможностью отка-

заться от литературной поденщины.) А. Блок относился к газетной работе еще более негативно. В своей записной книжке он замечал в июне 1909 г.: «...теперешние люди большей частью не имеют *никаких* воззрений, тем более — воззрений любопытных — на искусство, жизнь и религию и прочие предметы, которые меня волнуют. Газета же есть голос этих людей <...>. Писать <...> в газетах — самое последнее дело»⁴⁴. Тем не менее желание получать высокий гонорар и иметь широкую аудиторию порождало стремление сотрудничать в газете. В конце 1911-го — начале 1912 г. Блок делал попытки стать постоянным сотрудником «Русского слова»⁴⁵.

Таким образом, будучи новаторами в эстетической сфере, в сфере литературного быта символисты придерживались архаичных (для конца XIX — начала XX в.) романтических антирыночных установок. В реальности, разумеется, прожить с такими установками было нельзя, поэтому, несмотря на все декларации, по мере расширения своей аудитории литераторы-символисты начинали входить в общую литературную систему и подчиняться законам рынка.

«РОМАН ЛИТЕРАТУРНОГО КРАХА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

В литературе (по крайней мере, в литературе Нового времени) постепенно складывается целый ряд сюжетно-тематических конструкций, в которых для воспроизведения и разрешения определенного конфликта ценностей всякий раз используются одни и те же герои, одна и та же среда действия и один и тот же тип сюжета.

Неточно было бы именовать такую конструкцию жанром — понятие жанра гораздо более широко, а границы его в литературоведении очерчены весьма нечетко. Более удачным представляется нам термин «формула», введенный Дж. Кавелти. Он именует так «структуру повествовательных или драматургических конвенций, использованных в очень большом числе произведений» и полагает, что понятие это «способствует выявлению закономерностей в развитии коллективных фантазий, свойственных большим группам людей, и распознаванию особенностей этих фантазий в разных культурах и в разные периоды времени»¹. Правда, возникает вопрос: что считать «очень большим числом произведений»? Хотя Кавелти не вводит точного количественного

критерия, но по контексту можно понять, что счет должен идти на сотни, если не на тысячи.

А как быть в случаях, если подобный «образец» воспроизводится несколько десятков раз? Не настаивая на том, что тут мы имеем дело с формулой (как определяет ее Кавелти) в строгом смысле слова, мы все же полагаем, что его наблюдения частично применимы и к подобным случаям.

Особенно важно подчеркнуть, что, в отличие от понятия жанра, которое рассчитано на однозначную или, максимум, двойную маркировку конкретного произведения (например, «детектив» или «исторический детектив», «комический детектив» и т.п.), понятие формулы допускает, что в произведении может совмещаться несколько формул (например, приключенческая, любовной истории, мелодрамы и истории о тайне).

Гораздо больше подходит формула (по сравнению с жанром) и для социологической интерпретации, поскольку точно локализована хронологически и четче определена структурно.

В данной статье мы попытаемся охарактеризовать и проанализировать с социологической точки зрения подобную формулу (или, точнее, протоформулу), условно названную нами «романом литературного краха» (хотя мы отмечаем ее наличие и в повестях, и в рассказах).

Мы не настаиваем на том, что тут была жанровая преемственность. Не идет речь, разумеется, и о прямом отражении каких-либо реальных социальных процессов, скорее, дело в том, что в рамках определенной идеологии определенный тип конфликта находит сходное разрешение. В этом плане статус «романа литературного краха» можно сравнить с так называемым антинигилистическим романом. И тут и там исследователь своей волей объединяет несколько десятков произведений, созданных на протяжении сравнительно короткого промежутка времени и схожих не только средой действия, но и структурой конфликта репрезентируемых ценностей. Выбрана для анализа данная формула по двум причинам: во-первых, насколько нам известно, в исследовательской литературе не только нет специальных работ, посвященных этой группе произведений, но и вообще не указывалось на ее существование; во-вторых же, эти произведения порождены, как нам представляется, литературной ситуацией, во многих отношениях схожей с нынешним этапом «посерения» и «газетизации» литературы.

Произведения П.Д. Боборыкина, И.Н. Потапенко, Вл.И. Немировича-Данченко, А.К. Шеллера-Михайлова и др., о которых ниже идет речь, созданы в России во второй половине XIX — начале XX в. В них повествуется о талантливом и «идейном» литераторе, который хочет писать «правду», осмысляя современную жизнь, просвещая и воспитывая читателя и способствуя социальному прогрессу. Однако он сталкивается с рядом препятствий: редактора толстых журналов (в которых, собственно, и сконцентрирована литература) платят мало, ориентируются на уже известные писательские имена. Книгу же издать дорого, книготорговцы проблемные произведения не любят, и без усиленной рекламы и поддержки журналов и газет книга «не пойдет». Постепенно «идейный» литератор убеждается, что писать так, как хочешь, и то, что хочешь, и при этом прожить на литературный гонорар нельзя, нужно либо «продать» себя, сотрудничая в газете или иллюстрированном журнале и поставляя то, что там пойдет (а то и работая на заказ), либо уйти из литературы (то есть перестать писать, умереть и т.д.).

Писать для газеты литератору не хочется, так как там приходится вместо морального поучения давать развлечение, вместо «правды» писать то, что требует издатель или редактор, ориентирующиеся на вкусы публики, мнения влиятельных лиц, требования цензуры.

Однако у писателя есть семья, есть привычка к определенному образу жизни, нередко есть и желание иметь успех у читателей. Поэтому в романах герой-писатель часто выбирает газету или иллюстрированный журнал, капитулируя перед обстоятельствами, но осознавая при этом свой моральный крах².

Произведения, относимые нами к числу «романов писательского краха», написаны в бытописательском, «натуралистическом» ключе. Действие их развивается преимущественно в литературной среде. В число основных действующих лиц входят колеблющийся главный герой-писатель (нередко повествование идет от его лица), его знакомые (как «идейные» литераторы, так и, напротив, «коммерческие»), редактор газеты или иллюстрированного журнала, толкающий писателя на путь литературной «коммерции», и жена литератора, оказывающая ему в этом содействие. Никаких особых поворотов сюжета в повествовании нет, значительную часть текста занимают разговоры о том, можно или нельзя идейному литератору «наступать на горло собственной песне» и сотрудничать в газете

или иллюстрированном журнале, а основной упор сделан на происходящем «в душе» главного героя.

Охарактеризовав типовую схему данной «формулы», приведем ряд примеров, иллюстрирующих и поясняющих эту характеристику.

Первым, насколько нам известно, использовал подобную конструкцию А.Ф. Писемский в романе «Тысяча душ» (1858). Герой романа, педагог Калинович, напечатав повесть в журнале и получив некоторую известность, хочет стать профессиональным литератором. Знакомый предупреждает его: «...вы напишете, может быть, еще несколько повестей и поймете, наконец, что все писать никаких человеческих сил не хватит, а деньги между тем все будут нужней и нужней. Вы насилуете себя, торопитесь, печатаете, мараете свое имя и потом из авторов переходите в фельетонисты, переводчики... и тогда все пропало: загублено и ваше время, и ваш талант, и даже ваше здоровье»³. Не найдя в Петербурге возможности жить литературным трудом и не обретя там никакого чиновничьего места, Калинович женится на нелюбимой, но богатой женщине и бросает литературу.

То, что у Писемского было лишь одной из сюжетных линий, у более поздних и менее талантливых писателей перемещается в центр повествования.

В качестве примера приведем роман Вл.И. Немировича-Данченко «На литературных хлебах» (1890). Главный герой романа работает фельетонистом в серьезной газете и пишет повесть. Он знакомится с известным писателем, вступившим в литературу еще в 1860-х гг., который учит его, что «надо быть только честным», и сожалеет, что сейчас литературу «обратили в средство добывать себе комфорт». Герой романа с восхищением говорит, что этот писатель «поставил себе задачу служить в литературе своему народу, знакомить интеллигенцию с этим темным существом, загадочным, которого привилегированные классы с презрением называют мужиком <...>», «он скорее умрет с голоду, а не будет писать безыдейные романчики». Газета, в которой сотрудничает герой романа, не имеет успеха, и редактор ее приходит к выводу, что «было время, когда можно было рассуждать о воспитательном значении печатного слова, задаваться широкими задачами развивать вкусы, отвечать на благородные потребности человеческой души. Теперь другое время, и надо или подчиняться ему, или остаться за флагом, сойти с дороги». Он принимает решение превратить газету в «уличный листок», где на первом плане сенсационность и развлекательность.

Герой же романа, который считает, что «нельзя смотреть на литературу, как на ремесло», отказывается писать в таком духе и уходит из газеты. Однако в солидных и идейных газетах и журналах его по разным причинам не печатают, он остается без денег. Он возмущается «положением <...> литературы, тем, что она не обеспечивает человека, посвятившего ей все свои силы <...> разве не возмутительно, что писатель должен искать места в казенном или частном учреждении, для того, чтобы не подрывать своего творчества?..». При этом он прекрасно понимает, что в этом не виноват «никто, кроме самого общества, которое не доросло до того, чтобы литература существовала для него как нечто самостоятельное, независимое, высокое»⁴. В результате герой под давлением жены капитулирует, согласившись составлять рекламный календарь для торговой фирмы.

Герой повести И. Щеглова «Убыль души» (1894), писатель Прозоров, десять лет работает фельетонистом в одной из самых распространенных в Петербурге газет и очень прилично зарабатывает, но вдруг ощущает, как он это называет, «убыль души» — неудовлетворенность работой, семейной жизнью. Ему становится стыдно своих фельетонов, где «высокие поступки и мошеннические проделки, никчемная сплетня и общественное бедствие, имя подвижника и популярной кокотки — все безразлично сваливается и смешивается, как в винегрете, в одной беспечальной фельетонной миске и заправляется в конце концов, в утешение читателя, той благодушно-индифферентной и бесцельно-глумливой литературной иронией, которая претендует возместить собой недостаток юмора и сердца». Осознав, что «все его лучшие убеждения давно “вырублены” и на дне души осталась одна ложь»⁵, он кончает с собой.

Писатель Тамаров, герой романа М.К. Иогеля «Мученики мира» (1893), окончив университет, отказался от службы и посвятил себя литературе. Он считает, что «тут, по крайней мере, я могу широко высказать то, что я чувствую и думаю! Могу открыто бороться против того, что ненавижу, и горячо отстаивать то, что люблю!». Но в толстых журналах поместить свои произведения трудно, в газете редактор говорит ему: «Моей публике нужно не то, совсем не то! Ей нужны: “Кровавые следы”, “Убийство в вагоне”, “Мертвые головы”, “Ночные тайны” и тому подобное <...>»⁶ Поскольку герою нужно на что-то жить, он все же печатается в этой газете.

Главный персонаж романа И.Н. Потапенко «Не герой» (1891), известный прозаик, соблазняется заказом для иллюстрированного журнала, пишет за 10 дней повесть и в результате серьезно заболевает от перенапряжения. Его давний знакомый, литератор Ползиков, когда-то «писатель-боец», ныне работающий в газете, признает: «...газета гнусная, что и говорить. Но опять же, где я буду работать? Ведь я писатель, следовательно, должен писать, и ничего другого делать я не должен, да и не умею... Ну-с, а где у нас хорошие газеты, честные то есть?..»⁷. Ползиков презирает себя и, не выдержав такой жизни, кончает с собой.

Герой повести А.В. Круглова «Мертвая петля» (1897), известный прозаик, чтобы зарабатывать побольше денег для любимой жены, хотя и испытывает стыд, но начинает печататься в таких изданиях, которые презирает, «куда раньше ни за что бы не отдал ни одной строки <...>. Там платили больше, гораздо больше, не требуя ни качества, ни той тщательной отделки произведений, которая была обязательна раньше»⁸.

Персонаж повести Н.И. Тимковского «Около литературы» (1904) писатель Туманцев признается: «Пишешь дребедень, суешь даже в самые паршивые газетишки, презираешь себя за это и чувствуешь, что не в состоянии выскочить из этой петли». Впрочем, к этому времени сформировался и другой тип литераторов, делающих это без стыда, как другой персонаж повести Тимковского модный писатель Лукутин. Он заявляет: «Идея — дело хорошее, но что скажет мой домохозяин, если я предложу заплатить ему не наличными деньгами, а парой самых что ни есть отменных идей?»⁹ Другой модный романист, Каяров, персонаж уже упоминавшейся повести Круглова «Мертвая петля», признается: «Для меня талант — средство жить как можно лучше... Мне нужны читатели, потому что нужны деньги. И я хочу, чтобы мои книги ходко шли на рынке»¹⁰.

Теперь, когда мы описали, что представляет собой данная формула, соотнесем ее с литературной традицией, положением литераторов в то время и тогдашней идеологией литературы.

Начнем с традиции. История писателя как персонажа русской литературы совершенно не изучена, поэтому мы опираемся на свои, возможно весьма приблизительные, представления по данному вопросу. Как нам представляется, тут можно выделить две линии. В рамках одной, начало которой было положено в драматургии второй половины XVIII в. [«Тресотиниус» А.П. Сумарокова (1750), «Самолюбивый стихотворец» Н.П. Николева (1775), «Про-

казники» И.А. Крылова (1788)], давалось сатирическое, нередко памфлетное изображение литератора, но речь шла, конечно, не о том, что все литераторы плохи, а о том, что есть писатели, компрометирующие это почетное звание. Линия эта существовала и на протяжении всего XIX в. (как в драматургии, так и в прозе)¹¹ и продолжает существовать сейчас. Вторая линия возникла в эпоху романтизма, главным образом в поэзии и драме (например, «Торквато Тассо» (1833) и многие другие пьесы Н.В. Кукольника), но представлена была и в прозе (например, незавершенные «Египетские ночи» (1835) А.С. Пушкина). Здесь выдающийся, полный глубоких и возвышенных мыслей и чувств поэт противостоит пошлой и меркантильной толпе. В модифицированном виде этот конфликт также продолжал существовать в XIX—XX вв.

Но уже в 1870-х гг., с распространением в русской литературе натурализма, претендовавшего на отражение всех сторон социальной жизни, в поле зрения писателей попадает и литературный быт, знакомый, кстати, им лучше, чем какой-либо другой. Вначале в изображении литератора на первый план выходят трудности в продвижении своих сочинений в печать и в результате безденежье, вплоть до голода (например, в повестях А.М. Пазухина «Тяжелая доля» (1872), А.А. Шкляревского «Честный труд» (1872), А.А. Вербицкой «Разлад» (1887) и др.)¹². Именно эта линия лежит у истоков «романа литературного краха», однако появление новой модели было инициировано переменами в положении писателей, к чему мы теперь и перейдем.

Основным толчком к этим переменам в 1870—1880-х гг. были изменения в читательской аудитории, связанные как с количественным ее ростом, так и с дифференциацией, что было вызвано приобщением к чтению новых социальных слоев. В этом сказалось значительное повышение уровня образования населения¹³. Особенно быстро расширялась аудитория читателей из средних и низших слоев общества, то есть «полуобразованных» и малообразованных (по социальному положению это были, как правило, мелкие и средние чиновники, сельские священники, купцы и мещане).

В результате группы «идейных» читателей, стремившихся осмыслить социальные и политические проблемы, составляли незначительное меньшинство читающей публики. У большинства свертывание реформ с середины 1880-х гг. и усиление реакции, ужесточение цензуры снижали интерес к книгам по социологии и философии, проблемным романам и аналитической публицистике.

Вот признания одного из читателей о своем чтении в 1885 г.: «Все мы, офицеры, провинциальные чиновники, служащие, купцы, господа средней руки — все или почти все были чужды всякому литературному движению. Мы не знали ни либеральных, ни консервативных, ни клерикальных, ни всяких других органов печати. Знали мы просто газеты и журналы и иногда заглядывали в них. Мы не читали, мы почитывали. Почитывали романы в роде “Петербургских трущоб” [Вс. Крестовского], “Теплых ребят”, “Карасей и шук” [оба — Н.А. Лейкина] и переводчину всех сортов, начиная от “ужасного” Золя и Шпильгагена, Ауэрбаха и “увлекательного” Захер-Мазоха. Произведения Уйда и Уильки Коллинза довершали наше образование по отношению к английской литературе»¹⁴.

Через десять лет (в 1895 г.) А.И. Эртель пришел к аналогичным выводам: «У нас вообще читает с искренним стремлением обрести “правду” только молодежь; люди “взрослые” либо совсем не читают, кроме газет и отчасти журналов, либо пробавляются так называемым легким чтением. Исключением бывает только что-нибудь “самое новое”, наделавшее шуму, попавшее в опалу»¹⁵.

Зато активно читали периодику. В 1860—1870-х гг. к регулярному чтению газет приобщаются (по крайней мере, в Москве и Петербурге) купечество и мелкое чиновничество, в 1880-х газета становится достоянием городских низов (приказчики, слуги, часть рабочих). С 1880-х газета начинает проникать и в деревню, хотя массовое чтение и слушание чтения газет в крестьянской среде получили распространение лишь с конца XIX — начала XX в. Современник отмечал в 1895 г., что «прежде обыватель не читал. Теперь много читает», «объявился новый читатель в таких сферах, где его ранее не было. Он увлекся чтением, и газета стала для него необходимостью»¹⁶.

Усилившийся спрос привел к своеобразному издательскому буму — быстрому росту числа и тиражей разнообразных журналов и газет¹⁷. М.О. Меньшиков в 1891 г. отмечал, что «в литературном отношении наше время — преимущественно газетное. Ежедневная газета появилась сравнительно недавно, но она уже господствует в печати и даже начинает обижать: на нее плачутся авторы солидных книг и издатели толстых журналов. Газета <...> отбирает у них читателей»¹⁸.

В 1890-х гг. на ведущее место в чтении вышли иллюстрированные еженедельники, суммарный тираж которых увеличился с 100 тыс. экз. в конце 1880-х гг. до 500 тыс. экз. в 1900 г.

Все это повлекло за собой увеличение спроса на литературный труд. К нему стали приобщаться новые авторы. Н.В. Шелгунов писал в конце 1870-х гг., что «теперь каждый, кто имеет хоть зернышко способности говорить печатным словом, стремится в печать», «запрос на писателей превышает предложение, и потому в печать идет все то, что хотя мало-мальски грамотно и может писать гладко и бойко»¹⁹.

По нашим примерным подсчетам, в 1855 г. в литературной печати выступало 300 авторов, а в 1880 г. — уже 700²⁰. В этот период, с конца 1850-х — начала 1860-х гг., интенсивно идет процесс профессионализации литературы. В первой половине XIX в. для дворян, располагавших широким спектром возможностей социального продвижения, роль профессионального литератора не была привлекательна. В 1860-х гг., в ситуации социальных реформ и бурного общественного движения, престиж литературной профессии резко вырос. По свидетельству Шелгунова, «никогда, ни раньше, ни после, писатель не занимал у нас в России такого почетного места»²¹.

В таких слоях, как разночинная интеллигенция, мелкое и среднее чиновничество и дворянство, с конца 1850-х — начала 1860-х гг. литературный труд стал рассматриваться как почетный и престижный. Отметим, что многие провинциальные педагоги в 1860-х бросили свою достаточно хорошо оплачиваемую работу, переехали в Петербург и стали литераторами (А.С. Суворин, А.В. Круглов, А.А. Шкляревский, О.В. Мильчевский и др.). С конца 1850-х гонорарные ставки стали быстро повышаться и к началу 1870-х гг. выросли в журналах примерно в полтора раза.

За короткий период появляются несколько сотен человек, живущих литературным трудом. По нашим подсчетам, в 1855 г. литературой зарабатывали себе на жизнь 8,9 % авторов, а в 1880 г. — 32,9 %²².

В 1880—1890-х гг., с ростом числа иллюстрированных еженедельников и газет, основной спрос на литературный труд был в этих изданиях. Значительной же части литераторов, усвоившей представление о писателе как пророке и учителе, руководителе публики, служащем высшим идеалам, было трудно перейти на роль поставщика забавных и сенсационных текстов, без особых амбиций удовлетворяющего запросы другой культуры (ее очень условно можно назвать культурой среднего сословия).

Здесь мы переходим, наконец, к самому важному, что породило характеризующую нами формулу, — к идеологии писателей.

Традиционным для русского общества было отношение к литератору как к лицу, призванному наставлять и просвещать, окультуривать своих читателей. Содержание его «проповеди» (религиозная истина, государственная идеология, популяризация науки, призыв к гуманности и человечности, революционная пропаганда и т.д.) могло меняться, но само ожидание поучения (у публики) и ощущение себя пророком или хотя бы наставником, обладателем истины (у писателей) оставались всегда. Соответственно, и основным источником существования литераторов были материальная поддержка не читателей (в форме гонорара), а других социальных инстанций (вначале церкви, потом царей, позднее меценатов) либо иные источники дохода (имение, государственная служба и т.д.). Литература не рассматривалась как источник получения средств на жизнь, а в дворянской среде брать деньги за свои литературные труды считалось неприличным. Положение начинает меняться в Пушкинскую эпоху, однако и в середине 1860-х гг. раздавались протесты против «наживы» в журналистике, против «продажности» в прессе и т.д. (при этом воспроизводились те же упреки, что и в 1830-х гг., в ходе кампании, поднятой против представителей так называемой «торговой словесности») ²³. Например, довольно известный в то время радикальный публицист Н.В. Соколов, констатируя, что «журналисты стали продажны, потому что обратили свое занятие в ремесло», выступал против коммерциализации литературного труда и утверждал, что «писатель вовсе не работник, в простом и действительном смысле этого слова, а только слуга общества, слуга, который не продает своего труда за деньги, а живет общественным подаянием» ²⁴.

Подавляющее большинство, и прежде всего те, кто задавал тон в литературе (Л. Толстой, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Чернышевский и т.д.), писали то, что хотели, и так, как хотели (с учетом требований цензуры, разумеется), а покупателя своей литературной продукции (вначале издателя, а потом и читателя) находили в дальнейшем. Они работали для своих, близких по культурному опыту и уровню образования читателей.

Многие видные литераторы второй половины XIX — начала XX в. вообще полагали, что литература не должна быть для писателя источником средств к существованию. К числу сторонников этой точки зрения принадлежали, например, Л. Толстой, Н.В. Шелгунов, М.М. Стасюлевич ²⁵.

Когда в последней трети века с приобщением к чтению новых читательских слоев (из среды малообразованных категорий населения) состав читательской публики резко изменился и иными стали требования к литераторам (хотя эти слои тоже ждали поучения, но по другим вопросам и в другой форме), писатели, живущие на литературные доходы, стали испытывать дискомфорт. Ожидания новой публики расценивались ими как пошлые, тривиальные, пустые, далекие в идейном и эстетическом плане.

Объективный процесс — появление и рост численности новых читательских слоев со своими интересами и вкусами — осознавался публицистами, представляющими высокую, признанную литературу, как процесс коммерциализации литературы и вторжения в нее «улицы». Была развернута настоящая кампания травли так называемой мелкой прессы. Так, анонимный обозреватель «Отечественных записок» с горечью отмечал, что «контингент пишущей братии значительно изменяется: появляется какой-то сброд, не имеющий ни любви, ни призвания, ни серьезной подготовки к литературной деятельности. Выгнали чиновника со службы — начинает писать, прокутился офицер — пристраивается к какому-либо изданию, остался какой-нибудь шалопай без занятий на железной дороге — идет в литературу <...>. Человек, который употреблял, может быть, десяток лет на приготовление к литературной деятельности, который постоянно работает и следит за литературой, прочитывает десятки книг для того, чтобы аргументировать какую-нибудь мысль, человек, который, чтобы вывести какое-нибудь лицо, сам много перестрадает, становится все более и более редок»²⁶. Известный публицист А.А. Дьяков писал в «Новом времени», что сейчас автору «нужно писать и писать, вытягивать из себя паутину за пятак, гривенник, пятиалтынный, — писать даже тогда, когда ему сказать нечего, когда в нем наболело нравственное и физическое отвращение к своему ремеслу, когда он сам уверен, что ничего хорошего написать не может. О творчестве литературном, в строгом смысле слова, не может быть и речи, надо писать и есть, есть и писать». Он утверждал, что «нынешние беллетристы в погоне за гонораром <...> изготовляют свои произведения <...> фабричным способом, т.е. пишут множество томов, печатают в десяти изданиях, совсем исключив из соображений так называемое “направление” издания и считая себя пригодными повсюду, где остается пустое пространство на столько-то строк»²⁷.

К.П. Медведский также писал, что каждый редактор иллюстрированного журнала упрощает «какую-нибудь “знаменитость” украсить столбцы журнальца более или менее гениальным произведением. В итоге получается, что “знаменитость” уж непременно даст, в течение года, пять-шесть гениальных повестей и рассказов, литературное значение которых равняется нулю. А так как наши современные знаменитости имеют свойство очень быстро исписываться, то и выходит прескверная история: через пять-шесть лет “иллюстрированного” сотрудничества даровитый беллетрист теряет способность “творить” и приобретает способность “жарить”, т.е. такую способность, которая в художественном отношении является уже не достоинством, а величайшим недостатком.

Таким образом, дешевые журналы и газеты развращают не только читателей, но и писателей»²⁸.

В памфлете «Литературная оргия» С. Годлевский писал о том, что в современной литературе «вера в святую силу слова, светлая мысль о будущем утрачены. Теперь слово продается пудами, слово продается сколько угодно и как угодно, по пятаку за строку, слово стало средством откровенной легкой наживы, маской лицемерной лжи и порока <...>. Литератор становится все более и более торгашом, вот чудовищный факт, вот злоба дня»²⁹.

Можно привести и другие аналогичные высказывания³⁰.

С нашей точки зрения, в «романе литературного краха» нашли свое выражение те довольно резкие разломы и трансформации в русской литературе, которыми был отмечен конец XIX в.: существенное ослабление привлекательности «направленческой», «учительской» этики литературного труда на верхних этажах литературной иерархии; приобщение к чтению широких масс из средних социальных слоев, предпочитающих иллюстрированный журнал и газету; появление писателей-профессионалов, ориентирующихся на читательский спрос, и др. Одним из симптомов тех же процессов было одновременное появление на другом полюсе литературной системы декадентов — первых представителей литературного авангарда в России. Для авторов рассматриваемых в статье романов и повестей, профессиональных писателей, вполне успешно приспособившихся к новой ситуации и сотрудничавших в столь критикуемых ими газетах и иллюстрированных журналах, но еще сохранивших представление о писателе — учителе публики, создание подобных произведений было формой расчета с собственной совестью и изживания таким образом своих комплексов.

Хотя политизация русского общества в начале XX в. в определенной степени реанимировала «направленческие» установки в писательской среде, но дальнейший рост читательской аудитории, выход в беллетристике на первое место писательской книги (хотя бы в форме коллективного сборника — как сборники «Знания» или «Шиповника»), резкий рост гонораров сделали неактуальной проблематику «романа литературного краха» и положили конец этому довольно популярному в конце XIX в. специфическому типу литературы.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Литературные премии — давний и довольно влиятельный институт литературной жизни. Во многих странах они в значительной степени определяют круг чтения современников, а тем самым и репертуар книгоиздания, и тенденции литературного развития.

Однако в современной России, где существуют и ежегодно присуждаются сотни литературных премий, влияние их, мягко говоря, невелико, читатели выбирают книги для чтения, за редкими исключениями, не ориентируясь на них. Анализ подобного «расхождения» премий и читателей многое может сказать о современной российской литературной ситуации, о реальных механизмах структурирования литературы.

В этих заметках мы рассмотрим лишь один аспект данной проблемы — ранний этап существования литературных премий в России.

Однако, прежде чем переходить к изложению и анализу исторического материала, сделаем несколько предварительных замечаний.

Под *литературными премиями* мы понимаем осуществляемое специально назначенными экспертами по заранее оговоренным правилам публичное, как правило, регулярное и обычно денежное поощрение литераторов за литературные достижения.

Исторически премии рождаются из меценатства и продолжают его в новых условиях. Важно то, что меценат единолично, ориен-

тируясь на свои вкусовые предпочтения, решал, кого следует поощрить, а премии являются институтом общественным и присуждаются (от лица всего общества или его части) экспертами-профессионалами. Но, как и меценатская поддержка, они призваны определенным образом, в духе тех или иных моральных и/или эстетических ценностей направлять литературное развитие, поощрять желательные тенденции.

Возникают премии на ранних стадиях формирования книжного рынка (для литературных произведений) и призваны противостоять тенденциям, определяемым читательским и, соответственно, книгопокупательским спросом. Однако в дальнейшем книжный рынок начинает использовать премии для стимулирования и структурирования покупательского спроса и таким образом превращает их в важный элемент книготорговли. По крайней мере, по такому пути шло развитие литературной системы западных стран. Не так, однако, складывалась ситуация в России.

Причины политические (отсутствие социальных сил, способных противостоять самодержавной власти), географические (большие расстояния) и социальные (плохие коммуникации) способствовали формированию жесткого политического контроля. Он, в свою очередь, не позволял создавать общественные объединения (в том числе литературные, библиотечные, педагогико-воспитательные). Основными регуляторами в литературе уже с 1830-х гг. становятся журналы, обеспечивающие не реальную, институциональную связь, а связь виртуальную, идейную. При их владычестве связь в литературе осуществляется не в форме самоорганизации, не горизонтальная, а вертикальная: влиятельный центр и адаптирующая его установки периферия.

Журнал задает структуру литературной системы: он во многом формирует корпус классики, он выделяет наиболее авторитетных современных писателей, он определяет границы литературы, выводя за них низовую словесность и графоманов, он же осуществляет селекцию литературных новинок, выделяя наиболее значимые и актуальные. В подобной системе места для литературных премий почти нет. И характерно, что хотя номинально они существовали, но роли почти никакой не играли: и авторитет тех или иных авторов, и коммерческий успех определялись главным образом периодическими изданиями (журналами, а с конца XIX в. — в значительной степени и газетами).

Возникли литературные премии (точнее, некий их аналог) в России довольно рано.

Российская академия (формально общественная, но по сути государственная, то есть финансируемая и контролируемая государством), созданная в 1783 г. и занимавшаяся главным образом составлением словаря русского языка, с 1810-х гг. присуждала золотые и серебряные медали, причем награждались ими не только языковеды, но (иногда) и литераторы. Среди награжденных можно выделить две категории. Первую составляли члены академии, лица высокого общественного и литературного статуса, получившие за свое поэтическое творчество в целом, как правило, большую золотую медаль (С.А. Ширинский-Шихматов в 1817 г., И.И. Дмитриев и И.А. Крылов в 1823 г., В.А. Жуковский в 1837 г.). Правда, члены академии П.А. Шихматов и В.И. Панаев получили не столь ценные награды (первый золотую медаль средней величины в 1831 г., второй — малую золотую медаль в 1820 г. Вторую категорию составляли лица, нуждавшиеся в литературной и финансовой поддержке, получавшие награды более низкого достоинства — золотую медаль средней величины (поэт-самоучка Ф.Н. Слепушкин в 1826 г.), малую золотую медаль (детская писательница Л.А. Ярцова в 1836 г.) и серебряную медаль (поэты-самоучки М.Д. Суханов в 1828 г. и Е.И. Алипанов в 1831 г.). Если в первом случае мы видим пример корпоративной самоорганизации, то во втором — форму пенсии, финансовой поддержки, а не награды за победу в соревновании равных. Отметим и отсутствие привязки к конкретным литературным достижениям, и награждение за творчество в целом. Однако наличие специального «рассматривательного комитета» и публичность присуждения наград позволяют считать их «протопремиями», подготавливавшими почву для возникновения собственно литературных премий.

Дальше стоит упомянуть о *наградах в честь графа С.С. Уварова*, учрежденных его сыном в 1858 г. и присуждаемых Академией наук (в которую в 1842 г. на правах II отделения была влита Российская академия). По положению, награды эти должны были присуждаться ежегодно (одна в 1500 р. и три по 500 р.) за сочинения по истории России, а также за драматические произведения. Для рассмотрения пьес создавалась специальная комиссия. На практике премии за драматургию присуждались только дважды: в 1860 г. А.Н. Островскому за «Грозу» и А.Ф. Писемскому за «Горькую»

судьбину» и в 1863 г. А.Н. Островскому за «Грех да беда на кого не живет» и Д.Д. Минаеву за «Разоренное гнездо» (опубликовано под названием «Спетая песня»). Этим история данной премии (по части драматургии) кончилась, и, в силу краткости своего существования, никакой роли она не сыграла. Но сам факт выделения драматургии стоит отметить: в силу своей функциональной природы (не столько материал для чтения, сколько основа театрального спектакля) она в гораздо меньшей мере подлежала «ведению» читателей и литературной критики.

Именно поэтому следующие (по хронологии) российские литературные премии — И.Г. Вучины, учрежденная в 1872 г., и Грибоедовская, учрежденная в 1878 г., — присуждались только за драматургию.

Только в 1882 г. была учреждена при Академии наук общелитературная премия. Фонд ее составили деньги, оставшиеся от всенародной подписки на памятник А.С. Пушкину и названа она была *Пушкинской*. Присуждалась она за оригинальные произведения и переводы в стихах через год (в 1888—1895 гг. — ежегодно) специально учреждаемой каждый раз комиссией из числа ординарных и почетных академиков, а также приглашаемых со стороны рецензентов-литературоведов и критиков. Рецензент давал развернутый отзыв на порученное ему произведение (отзывы впоследствии печатались в периодических изданиях Академии наук), а комиссия выносила окончательное решение.

Список лауреатов этой премии помещен в приложении к статье. Знакомство с ним показывает, что награждались произведения традиционалистские и эпигонские. Из крупных писателей это Чехов, Бунин, а также, в лучшем случае, Майков, Полонский, Случевский, Куприн и Станюкович. В основном же это фигуры разряда Д.Н. Цертелева, О.Н. Чюминой, Е.А. Бекетовой, К. Льдова, Ф.Е. Зарина и Н.Б. Хвостова в поэзии, А. Лугового, В.П. Авенариуса, Д. Голицына (Муравлина), Е.М. Милицыной, В.И. Крыжановской и Б.А. Лазаревского в прозе.

Академики целиком и полностью игнорируют модернистскую литературу (и соответственно, в списке лауреатов отсутствуют И. Анненский, А. Ахматова, Бальмонт, А. Белый, Блок, Брюсов, З. Гиппиус, Гумилев, Маяковский, Сологуб и т.д.), социально-критический реализм (Л. Андреев, Горький, Короленко и др.) и нашу-мевшие книги по «горячим проблемам» — от «проблемы пола» до

терроризма (А.А. Вербицкая, Е.А. Нагродская, Б.В. Савинков и т.п.), то есть все живое и вызывающее читательский интерес в современной литературе.

Таким образом, основной целью Пушкинской премии было культивирование литературы в духе «искусства для искусства», что на деле сводилось к эпигонскому консервированию и воспроизведению так называемой «пушкинской традиции» — использованию языка и формы пушкинской поэзии при выхолащивании ее актуального социального и политического посыла, внутрилитературной полемичности и т.д.

Соответственно, значимость Пушкинской премии для коммерческого успеха награжденных ею книг, как и для читательского успеха была почти равна нулю. Выбор академиков почти не комментировался и не обсуждался в прессе, не становился фактом литературной жизни. Но симптоматично, что другие литературные институты — Литфонд и прочие литературные общества и объединения, журналы и издательства (а в XX в. возникли и кооперативные писательские издательства — Издательство писателей в Москве, Издательство писателей в Петербурге, «Задруга» и др.) не предпринимали попыток создать свои премии — в силу существования иных институтов структурирования литературы.

Исключение составляла, как уже указывалось, драматургия. Награждение премиями драматургических произведений имеет свои особенности, поскольку основная задача здесь привлечь внимание не читателей (покупателей книг), как в случае с другими литературными произведениями, а театров, чтобы они ставили соответствующие пьесы. Но, в отличие от книжного дела, которое в России уже достаточно давно существовало в условиях рынка, ситуация в театральной сфере была гораздо сложнее: императорские театры, которые задавали тон в театральном деле и в репертуаре служили образцом для провинциальных театров, действовали на основе не рыночного, а сугубо административного принципа. Существовал Театрально-литературный комитет, который определял репертуар императорских театров, и без его одобрения никакая пьеса, получи она хоть несколько премий, не могла попасть на сцену императорского театра. В Петербурге и Москве до 1882 г. действовала монополия императорских театров — открывать другие публичные театры было запрещено.

Еще в 1871 г. одесский купец И.Г. Вучина выразил желание учредить ежегодную премию за лучшее из представленных рукопис-

ных драматических сочинений. Иван Георгиевич (Юрьевич) Вучина (1833—1902) происходил из рода известных в Одессе negociантов (их торговый дом, экспортировавший зерно и импортировавший табак, был основан в Одессе в 1829 г.). Четверть века (1873—1897) он занимал должность генерального консула Греции в Одессе. Вучина много сил отдавал благотворительной деятельности и меценатству. Он был директором Одесского комитета попечительства о тюрьмах, членом центрального комитета Общества помощи бедным и т.д.¹ Наряду с премией за драматургию в России он учредил премию за поэзию в Греции, в 1873 г. подарил несколько сотен книг библиотеке Новороссийского университета.

Вучина внес 10 000 р. для учреждения на проценты с этих денег ежегодной премии (500 р. серебром) за лучшие драматические произведения для русского народного театра. Премия была высочайше утверждена 27 ноября 1872 г. и получила название *Премия Ивана Георгиевича Вучины*. Присуждал ее историко-филологический факультет Новороссийского университета (Одесса). Премии удостоивались пьесы, удовлетворяющие следующим условиям:

а) Прежде всего сочинение должно быть чисто народным (но не простонародным), написанное чистым русским литературным языком, исключая тех мест, где необходимо употребить в разговорах народные выражения для более верного изображения народной жизни, оно должно исключать те неприличные выражения, божбу и ругательства, какими иногда изобилуют театральные пьесы, содержание которых заимствовано из народной жизни.

б) При такой строгой литературной форме, способной развить в народе эстетический вкус, сочинение должно иметь воспитательный характер, не скучно поучая, но создавая действительные типы, взятые из народной жизни, и проводя в народ, с помощью художественного вымысла, здравый взгляд на жизнь, или возбуждая в нем национальное чувство воспроизведением славных событий из отечественной истории.

в) Сообразно с этим, русская история и, в особенности, быт нашего народа, со всеми его особенностями, повериями и обычаями, должна служить главным материалом для драматического сочинения, предназначенного для нашего народного театра. Но этим не исключается и всякое другое содержание сочинения, лишь бы только оно вполне соответствовало идее драматического произведения для народного театра, и его сюжет был бы из жизни русского народа.

г) Что касается формы изложения, то, во-первых, следует отдавать предпочтение тем из представленных на конкурс произведений, которые, вполне удовлетворяя вышеуказанным условиям, будут написаны стихом, так как мерная речь приятна и привычна народному уху, и во-вторых, следует допускать к конкурсу только оригинальные русские драматические сочинения, а не переводы и компиляции иностранных произведений»².

Пьесы опубликованные или хотя бы шедшие на сцене не допускались к конкурсу. Представлялись пьесы под девизами, а подлинные фамилии авторов хранились запечатанными в конвертах, которые вскрывались только после объявления итогов конкурса на торжественном акте университета 30 августа.

До 1875 г. ни одна пьеса не была сочтена достойной премии, и с согласия учредителя в университете было решено выдавать половинную премию и даже поощрительную в 100 р. (в 1894 г. ввели вторую премию в 300 р., которая могла присуждаться и за переводы). Тем не менее еще два года пьес, достойных награды, не находилось, и только в 1879 г. она впервые была присуждена (за 1877—1878 гг.), а в дальнейшем присуждалась почти ежегодно (список лауреатов см. в приложении к статье).

Ежегодно на конкурс представлялось 5—7 пьес, но иногда их число превышало три десятка. Со времени создания премии в течение полутора десятилетий отзывы о пьесах давал в основном историк древнерусской литературы, профессор Новороссийского университета И.С. Некрасов (1836—1895), в дальнейшем пьесы рассматривала специальная комиссия, состоявшая из профессоров филологического факультета. Это были историки театра и литературы, далекие от современной литературы и современного театра, с сильными классикалистскими установками. Соответственно, современные театральные искания они оценивали негативно. Один из них, С.Г. Вилинский, в отзыве на премированную в 1909 г. пьесу писал: «Теперь, когда сцена веет на нас кошмарными сатанами, анафемами и прочим патологическим вздором, когда символически-туманные призраки в современном репертуаре заменили простоту и ясность изображения и куда-то далеко угнали тот здоровый реализм, который насаждали Гоголь и Островский, — теперь приходится приветствовать попытку, даже желание возвратиться к правильному руслу, здоровому источнику»³, другой, Б.В. Варнеке, предлагал «принять во внимание, какие бездарные и безобразные пьесы в наши дни проникают на сцену даже императорских теат-

ров, пользуясь одобрением газетной критики»⁴. В результате награждались пьесы эпигонские, провинциальные. Сами члены жюри были невысокого мнения о них. Один из них, оценивая конкурс 1896 г., отмечал, что «большинство пьес страдают отсутствием литературных достоинств, а некоторые из них вызывают недоумение, как авторы их решаются с такими произведениями являться на литературный конкурс»⁵. Вот как оценивала ситуацию современная театральная критика: «Положение <...> в высшей степени курьезное: “почтенные профессора” добросовестно и в поте лица читают и читают, а все, что читают, — чепуха. Тут одно из двух: или чепуха это только на взгляд “почтенных профессоров”, а, пожалуй, многое и совсем не чепуха <...>. Или же второе предположение: почему-либо на соискание премии Вучины никто из возможных лауреатов пьес не посылает. Потому что — за десятки-то лет! — было же в русском репертуаре достаточно пьес хороших <...>. Почему же не шлют пьес на конкурс? Избегают ли слишком кропотливой добросовестности почтенных профессоров или же не знают о том, что где-то в Одессе при университете, у почтенных профессоров, имеется такая премия? Нам думается, что отчасти первое, но больше всего второе»⁶ (критик отмечал также, что у этой премии нет анонсов, объявлений, рекламы и т.д.).

Первая русская премия за драматургию имела не столько эстетические, сколько воспитательные, идеологические цели. Это не случайно. Образованные слои общества в это время были сильно озабочены поиском средств воздействия на крестьян, десять лет назад вышедших из крепостной зависимости. Если раньше они находились в прямом подчинении владельцев, то теперь приходилось искать другие пути руководства ими и цивилизующего влияния на них. Большая часть этой самой многочисленной в стране категории населения была неграмотна, что, естественно, резко сужало сферу воздействия печатного слова. Религию в качестве подходящего средства подавляющая часть интеллигенции не рассматривала, поскольку сама была не очень верующей, а церковь считалась весьма консервативной, не готовой к проповеднической деятельности.

В результате в качестве наиболее эффективного средства влияния на народ рассматривался театр, точнее, специфическая его разновидность — так называемый народный театр. В это время в прессе шли бурные споры о том, каким должен быть театр для народа⁷, и предпринимались попытки создать соответствующий театр. Так,

в том же 1872 г., когда была утверждена Премия Вучины, в Москве проходила Всероссийская политехническая выставка, и во время ее проведения работал специальный народный театр, а Комиссия попечения по вопросу улучшения быта рабочих и ремесленников Комитета по подготовке выставки провела конкурс пьес для народного театра. На конкурс поступило 30 пьес. Большие золотые медали получили И.К. Кондратьев за историческую драму «На Поволжье» (издана под названием «Быль на Волге» — М., 1875) и Д.Д. Кишенский за драму «Кормилицы-саврасушки», серебряные — И.Н. Пономарев за пьесу «Самокрутка» и Д.Д. Кишенский за пьесу «Пить до дна, не видать добра»⁸.

В декабре 1878 г. Общество русских драматических писателей и оперных композиторов приняло решение об учреждении *Грибоедовской премии* в честь А.С. Грибоедова (она присуждалась 30 января, в день его смерти). По стране был организован сбор денег, а премия выдавалась из процентов от собранной суммы. К 5 апреля 1880 г. набралось 4 тыс. р. Премия присуждалась за пьесы (не менее чем в 3 актах), поставленные в течение года на столичных сценах (оперетты, одноактные пьесы, переводы и переделки на премию не представлялись). Жюри из трех человек выбиралось на годичном общем собрании Общества (в разные годы в него входили Д.В. Григорович, А.Н. Пыпин, И.А. Гончаров, Н.С. Тихонравов, Ф.И. Буслаев, Н.И. Стороженко, А.Н. Майков, Д.Л. Мордовцев, А.К. Шеллер, С.Я. Венгеров, С.В. Флеров, А.И. Урусов, П.Н. Сакулин и другие известные писатели, литературоведы и театральные критики)⁹. Первое присуждение премии состоялось в 1883 г. (список лауреатов премии см. в приложении; в 1907 г. приняли новую редакцию устава премии, по которой ею награждались только члены Общества русских драматических писателей и оперных композиторов и она должна быть обязательно присуждена каждый год).

В основе этой премии лежали совсем иные принципы, чем в основе Премии Вучины. Если там рассматривались только пьесы, не шедшие на сцене, то здесь, напротив, к конкурсу допускались лишь пьесы, которые увидели свет рампы. Если там в отношении премии были зафиксированы определенные моральные и эстетические ограничения, то здесь таковые отсутствовали (то есть первая премия имела дидактическую и идеологическую направленность, а целью второй был подъем эстетического уровня драматургии).

И вполне закономерно, что первой премией награждались произведения заурядные и тогда почти не имевшие резонанса (современники считали ее «неудачной <...> по результатам»¹⁰), а сейчас совсем забытые. Вторая же премия была более значима, ею награждались имевшие широкий отклик и зрительский успех пьесы, а ряд их (А. Островского, Л. Толстого, Чехова, М. Горького, Л. Андреева, С. Найденова) вошли в число классических.

В 1900 г. *Литературно-художественное общество в Петербурге*, имевшее свой театр (в быту его называли Суворинским), учредило премию за лучшую пьесу (трагедию, драму или комедию). Первая премия составляла 1000 р., вторая — 500 р., третья — 300 р. Деньги выплачивались из фонда театра. На конкурс представлялись оригинальные пьесы (переводы и переделки не рассматривались), нигде не игранные, не менее чем в 4 актах. Пьесы поступали без подписи, а имена авторов — в особых конвертах, распечатывавшихся только после присуждения премии. Литературно-художественное общество по условиям конкурса имело преимущественное право постановки награжденных пьес в своем театре. В жюри входили многие известные актеры и литераторы: В.П. Буренин, П.П. Гнедич, Д.П. Голицын, Е.П. Карпов, А.Р. Кугель, А.Н. Маслов, О.К. Нотович, А.А. Потехин, М.Г. Савина, К.К. Случевский. Председателем был А.С. Суворин.

В 1900 г. на конкурс было прислано 137 пьес, по его итогам выданы 2 вторые премии («Пережитое» И.Е. Радзивиловича и «Под колесом» Л. Жданова [Л.Г. Гельмана]) и 3 третьи («Бесправная» Е.П. Владимировой, «История болезни Пытоева» В.О. Трахтенберга и «Дым отечества» В.А. Кожевникова). В 1901 г. по итогам второго конкурса выданы 6 третьих премий: С.А. Найденову («Дети Ванюшина»), С.Р. Лесли («Предки»), П.М. Ярцеву («Волшебник»), П.П. Вейнбергу («Без солнца»), Ю.Н. Безродной («Русалки») и Л. Жданову («Миллионы в огне»). В 1902 г. также выданы 6 третьих премий: Е.М. Беспятову («Лебединая песнь»), П.П. Вейнбергу («Клумба Бобрика»), Л.А. Грезеновой («Теснота»), И.А. Новикову («Около жизни»), О. Дымову («Голос крови»), Н.И. Богдановой («Простые смертные»). И наконец, по итогам четвертого конкурса в 1904 г. вторую премию получил Н.М. Никольский («Меблированная пыль»). Больше конкурсы не проводились¹¹.

Премия эта просуществовала недолго, но ее можно считать успешной. Суворинский театр с ее помощью обогатил свой репертуар, получив эксклюзивное право на постановку премированных

пьес (подавляющее число их шло потом на сцене Театра Литературно-художественного общества). Более того, театр смог завязать тесные связи с молодыми премированными драматургами, которые и в дальнейшем давали ему свои пьесы (тут было поставлено 8 пьес Трахтенберга, 4 — Беспятова и по 2 — Безродной, Владимировой и Ярцева). В конечном же счете конкурс дал «путевку в жизнь» ряду начинающих драматургов.

Организованный в Петербурге в 1903 г. Союз драматических и музыкальных писателей в 1904 г. создал свою премию (им. А.Н. Островского; 600 р.)¹². На конкурс присылалось ежегодно 60—100 пьес; в жюри премии входили известные драматурги, критики, театральные деятели (например, на первом конкурсе его составляли П.П. Гнедич, А.А. Измайлов, Н.А. Котляревский, Вл.И. Немирович-Данченко, И.Н. Потапенко, М.Г. Савина, А.И. Сумбатов-Южин), а пьесы поступали под девизами, и их авторами были, как правило, начинающие, малоизвестные драматурги.

На первом конкурсе в 1906 г. достойной пьесы не было найдено, на втором (в 1907 г.) был премирован Н.И. Тимковский («Убежище»), еще пять конкурсов премия опять не присуждалась, и лишь на восьмом (в конце 1912 г.) ее получил С.Л. Поляков («Лабиринт»)¹³, на девятом победил Н.С. Каржанский («По ступеням заповедным»), на десятом — С.А. Шиманский («Кровь»), на одиннадцатом (в 1916 г.) — Р.П. Кумов («Конец рода Коростомысловых»), а на последнем (в 1917 г.) она вновь не была присуждена. Как видим, премия присуждалась редко и получали ее рядовые произведения. Сами члены Союза отмечали в 1908 г. на общем собрании, «что конкурс имени А.Н. Островского не стоит на должной высоте, что члены жюри иногда венчают лаврами малоинтересные пьесы; раздавались голоса об уничтожении конкурса и о его несомненной вреде, так как он порождает бездарности. Председатель [жюри] А.Р. Кугель объяснил, что жюри винить невозможно; на конкурс представляется хлам, и пьеса относительно хорошая вызывает удовлетворение»¹⁴. Жюри одиннадцатого конкурса отмечало, что «большинство пьес написано крайне небрежно в стилистическом отношении, а часто и безграмотно»¹⁵. Можно сказать, что эта премия серьезной роли в выдвижении новых драматургов не сыграла.

При Академии наук с высочайшего соизволения была учреждена *Премия Андрея Киреева*, поручика Войска Донского, умершего в 1886 г. и завещавшего премировать лучшие пьесы на проценты с оставленного им капитала в 7400 р. Премия должна была

присуждаться Отделением русского языка и словесности Академии наук лишь тогда, когда появится замечательное драматическое произведение¹⁶. Хотя таких пьес, как известно, в эти годы появилось много, но Отделение русского языка и словесности, руководимое великим князем Константином Константиновичем, чьи литературные вкусы были весьма консервативны, их замечать не хотело. Поэтому состоялось только одно присуждение премии — в 1915 г. Награждены были (по 1 тыс. р.) П.Д. Боборыкин, П.М. Невежин и И.В. Шпажинский за драматургическую деятельность в целом.

Помимо названных премий, имевших более или менее постоянный характер, время от времени проходили одноразовые конкурсы. В 1900 г. журнал «Театр и искусство» провел конкурс пьес для солдатского театра (первую премию — 150 р. — получила пьеса Н.Ф. Дингельштедта «Честь дороже денег»)¹⁷. В 1903 г. на объявленный саратовским антрепренером Н.И. Собольщиковым-Самариным конкурс (величина премии составляла 500 р.) было представлено более 15 пьес, но ни одна не была признана достойной премии¹⁸. В 1908 г. конкурс проводил Малый театр¹⁹, кроме того, Театр Литературно-художественного общества организовал конкурс пьес из русской истории XVIII в. (премия не была присуждена)²⁰. В 1911 г. Дирекция императорских театров провела конкурс на лучшую историческую пьесу, по случаю исполняющегося в 1913 г. 300-летия царствования Дома Романовых²¹.

Как видим, в начале XX в. в России сложилась целая система театральных премий, разных по своим задачам и по престижу в театральной среде. И если одни из них (Премия им. А.Г. Вучины; Премия им. Островского, Премия Андрея Киреева) практически не оказывали воздействия на репертуар и роль их оказалась невелика, то другие (Грибоедовская премия; Премия Театра Литературно-художественного общества) были весьма авторитетны. Так, известный в то время драматург В.А. Рышков в обширном цикле статей «Драмы театра», посвященном положению драматурга²², со знанием дела описывая те трудности, с которыми сталкиваются начинающие драматурги, стремящиеся добиться постановки своей пьесы на сцене (в театрах читать новые пьесы не хотят, да и времени свободного на чтение большого числа пьес у режиссеров, антрепренеров и актеров нет; опубликовать пьесу трудно и т.д.), приходил к выводу, что «единственный выход — конкурс», и говорил о том, что благодаря конкурсам Театра Литературно-художественного общества «выдвинулось пять-шесть начинающих тогда драматургов. Те-

перь все они уже драматурги с именем, опытные или модные...»²³. Если премия Театра Литературно-художественного общества помогла выдвинуться талантливым молодым драматургам, то Грибоедовская премия способствовала упрочению известности именитых драматургов и дальнейшей «раскруктке» их пьес.

Однако в целом, как нам представляется, воздействие премий на репертуар было невелико. Когда в 1906 г. на Всероссийском съезде драматических и музыкальных писателей был поставлен на голосование вопрос: «Удовлетворяют ли конкурсы нуждам провинциальных авторов?», то только 7 человек ответили на него утвердительно²⁴. Гораздо большую роль играл факт постановки (и успеха) пьесы на сцене столичного театра (особенно Александринки, Малого, МХТ и Суворинского). Характерно, что выбор пьес для премирования почти не обсуждался в общей и театральной печати, а впоследствии о премиях за драматургию не упоминали мемуаристы. Однако в предреволюционное десятилетие влияние премий уже сказывалось на репертуаре, но, чтобы в полной мере оценить степень этого влияния, необходимы специальные, углубленные разработки.

Таким образом, можно сказать, что к концу имперского периода истории России и русской культуры институт литературных премий в России существовал, но роль его была невелика. Его использовали, как правило, для противостояния институту, который доминировал в литературе и претендовал на единоличное право задавать безальтернативную иерархию. Поскольку в собственно литературной области все определяли журналы (сила общественная), то государство в лице Академии наук пыталось противостоять им с помощью премий (без успеха). В драматургии же, напротив, все определяли государственные структуры (театрально-литературные комитеты императорских театров в Петербурге и Москве), тогда как общественные организации стремились противостоять им с помощью премий (и не без некоторого успеха).

По сути дела, институт премий в России оказывал влияние (важное, но и тут далеко не решающее) только в рамках одного жанра словесности — драматического, который, в силу специфически-полуфабрикатной и потому маргинальной природы, функционировал по несколько иным законам, чем другие жанры художественной литературы.

В годы советской власти институт литературных премий расцвел, как известно, но на других основаниях — как чисто государственная форма косвенного руководства литературой. По сути дела,

это были уже не премии, а формы государственной материальной поддержки писателей, причем дело было не только в получении самой премии — она автоматически увеличивала число изданий книг премированного автора, их тираж, его гонорарную ставку и т.д., что существенно повышало его гонорары в течение многих лет. Момент состязательности и награждения от лица общества тут фактически отсутствовал.

Перечисленные факторы сформировали внутрилитературную традицию невысокой престижности в России премии как таковой, что, помимо объективных факторов (высокой значимости других литературных институтов), также сказывается на малой влиятельности премий.

Приложение²⁵

Лауреаты премии им. А.С. Пушкина²⁶

I (1882) Половинные: *Майков А.Н.* Два мира: Трагедия (Рус. вестник. 1881. № 2); *Полонский Я.П.* На закате: Стихотворения. 1877—1880 гг. СПб., 1881.

II (1884) Полная: Гораций, Флакк Квинт. В переводе и с объяснениями *А. Фета*. М., 1888.

III (1886) Половинные: Шекспир. Макбет / Пер. *С.А. Юрьева*. М., 1884; Из Мицкевича / Пер. *Н.П. Семенова*. СПб., 1883; *Надсон С.Я.* Стихотворения. 4-е изд. СПб., 1884.

IV (1888) Полная *Л.Н. Майкову*, поощрительная *В.И. Саитову*: Батюшков *К.Н.* Соч.: В 3 т. / Вступ. статья *Л.Н. Майкова*, примеч *Л.Н. Майкова* и *В.И. Саитова*. СПб., 1887.

Половинная: *Чехов А.П.* В сумерках: Рассказы и очерки. СПб., 1887.

Почетный отзыв: Мольер. Тартюф / Пер. в стихах *В.С. Лихачева*. СПб., 1887.

V (1889) Поощрительная: Калевала / Полн. стихотв. перевод *Л.П. Бельского*. СПб., 1888.

Почетный отзыв: Байрон *Д.Г.* Дон Жуан: В 2 т. / Пер. *П.А. Козлова*. СПб., 1889.

VI (1890) Половинные: Песнь о Нибелунгах / Пер. *М.И. Кудряшева*. СПб., 1890; Шекспир *В.* Антоний и Клеопатра. Ричард II / Пер. *Д.Л. Михаловского* (Шекспир. Полн. собр. соч. Т. 2—3. СПб., 1887—1888).

Поощрительная: Мольер. Школа жен / Пер. в стихах *В.С. Лихачева*. СПб., 1889.

Почетный отзыв: Грибоедов *А.С.* Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. *И.А. Шляпкина*. СПб., 1889.

VII (1891) Половинная: *Полонский Я.П.* Вечерний звон: Стихи 1887—1890 гг. СПб., 1890.

Поощрительная: *Потапенко И.Н.* Повести и рассказы. СПб., 1891. Т. 2. Почетный отзыв: *Львова А.Д.* Поэмы и песни. СПб., 1890.

VIII (1892) Поощрительная: Расин. Гофолия / Пер. с фр. размером подлинника *Л.И. Поливанова.* М., 1892.

IX (1893) Половинная: *Аверкиев Д.В.* О драме: Критическое рассуждение. Изд. пересмотренное и доп. СПб., 1893.

Поощрительные: *Цертелев Д.Н.* Стихотворения 1883—1891. М., 1892; *Жемчужников А.М.* Стихотворения: В 2 т. СПб., 1892; Мольер. Мизантроп / Пер. *Л.И. Поливанова.* М., 1893.

X (1894) Полная: *Голенищев-Кутузов А.А.* Соч.: В 2 т. СПб., 1894.

Почетные отзывы: *Баранцевич К.С.* Две жены: Роман. СПб., 1894; *Лонгинов А.В.* Историческое исследование сказания о походе Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892.

XI (1895) Половинная: Шиллер. Мария Стюарт / Пер. *П.И. Вейнберга.*

Почетные отзывы: *Луговой А.* [*Тихонов А.А.*] Соч.: В 3 т. СПб., 1895; *Случевский К.К.* Исторические картинки. Разные рассказы. СПб., 1894; Расин Ж. Федра / Пер. *Л.И. Поливанова.* М., 1895.

XII (1897) Половинные: Песнь о Роланде / Пер. размером подлинника *Ф.Г. Де ла Барта.* СПб., 1897; *Лохвицкая М.А.* Стихотворения. М., 1896.

Почетные отзывы: Гоголь Н.В. Соч. 10-е изд. Т. 6—7 / Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений *Н. Тихонравовым* и *В. Шенроком.* СПб., 1896; *Авенариус В.П.* Листки из детских воспоминаний: Десять автобиографических рассказов. СПб., 1898; *Бекетова Е.А.* Стихотворения. СПб., 1895.

XIII (1899) Половинная: *Головин К.Ф.* Русский роман и русское общество. СПб., 1897.

Почетные отзывы: *Случевский К.К.* Соч.: В 6 т. СПб., 1898; *Чюмина О.Н.* Стихотворения. 1892—1897. СПб., 1897; *П.Я.* [*П. Якубович.*] Стихотворения. СПб., 1898; *Голицын Д.П.* У синя моря: Путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб., 1898.

XIV (1901) Полная: Шекспир в переводе и объяснении *А.Л. Соколовского:* В 8 т. СПб., 1894—1898.

Половинные: *Станюкович К.М.* Собрание сочинений. М., 1897 Т. 1, 2; Мильтон Д. Потерянный и возвращенный рай / Пер. *О.Н. Чюминой.* СПб., 1899.

Почетные отзывы: *Стешенко И.М.* Поэзия И.П. Котляревского. Киев, 1899; *Льдов К.* Отзвуки души: Стихотворения. СПб., 1899; Сербский народный эпос / Пер. *Н.М. Гальковского.* Сумы, 1897; *Зарин Ф.Е.* Стихотворения. СПб., 1899; *Навроцкий А.А.* Драм. произведения. СПб., 1900. Т. 1.

XV (1903) Половинные: Шиллер. Пикколомини / Пер. *П.И. Вейнберга.* 1901; Гейне Г. Собр. соч.: В 8 т. / Ред. П. Вейнберга. СПб., 1898—1902; *Бунин И.А.* Листопад: Стихотворения. М., 1901; Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате / Пер. *И.А. Бунина.* СПб., 1903.

Почетные отзывы: *Гиляров А.Н.* Предсмертные мысли XIX века во Франции. Киев, 1901; *Головин К.Ф.* Полн. собр. соч. СПб., 1902. Т. 1, 2; *Каренин Владимир* [Комарова В.Д.]. Жорж Санд, ее жизнь и произведения. Вып. 1. СПб., 1899; *Лохвицкая М.А.* Стихотворения. Т. 3. 1898—1900 гг. СПб., 1900; Гораций, Флакк Квинт. Лирические стихотворения / Пер. *П.Ф. Порфинова*. 2-е изд., испр. СПб., 1902; Гюйо М. Стихи философа / Пер. *И.И. Тхоржевского*. СПб., 1901; *Щепкина-Куперник Т.Л.* Мои стихи. М., 1901; Из женских писем: Стихотворения. 2-е изд. М., 1903.

XVI (1905) Половинные: *Лохвицкая М.А.* Стихотворения. Т. 5. 1902—1904. СПб., 1904; Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. *О.Н. Чюминой*. СПб., 1900.

Почетные отзывы: Эдуард III. Ист. хроника, приписываемая Шекспиру / Пер. *В.С. Лихачева* (Шекспир. Соч. Т. 5); *Милицына Е.М.* Рассказы. М., 1905.

XVII (1907) Полная премия: Данте Алигьери. Божественная комедия. Т. 1—3 / Пер. с ит. *Д.Е. Мина*. СПб., 1902—1904.

Почетные отзывы: Ибсен Г. Полн. собр. соч. / Пер. с датско-норвежского *А. и П. Ганзен*. СПб., 1903—1905. Т. 3—8; Эредия Х.М. де. Сонеты / Пер. *В.Г. Жуковского*. СПб., 1899; *Жуковский В.Г.* Стихотворения 1893—1904. СПб., 1905; *Крыжановская В.И. (Рочестер)*. Светочи Чехии: Ист. роман из эпохи пробуждения чешского национального самосознания. СПб., 1904; *Лазаревский Б.А.* Повести и рассказы. М., 1903; *Милицына Е.М.* Рассказы: [Публ. в журналах и рукописи]; *Tristia*: Из новейшей французской лирики / Пер. *И.И. Тхоржевского*. СПб., 1906; *Хвостов Н.Б.* Под осень: Стихотворения: 1901—1904. СПб., 1905; Теннисон А. Королевские идиллии / Пер. *О.Н. Чюминой*. СПб., 1903; *Чюмина О.Н.* Новые стихотворения. СПб., 1905.

XVIII (1909) Половинные: *Бунин И.А.* Стихотворения 1903—1906 гг. СПб., 1906; Стихотворения 1907 г. СПб., 1908; *Куприн А.И.* Рассказы. Т. 1—3. 1906—1907 гг.

Почетные отзывы: *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей. Вып 1—2. М., 1908; *Волкович-Вель А.Н. [Величковская А.Н.]* «Верь»; «Но то был сон» и др. рассказы и очерки (1905—1906); *Полилов-Северцев Г.Т.* Наши деды-купцы. СПб., 1907; *Рудич В.* Стихотворения. СПб., 1902; Новые стихотворения. СПб., 1908; *Чюмина О.Н.* [Переводы в стихах] // Чюмина О.Н. Осенние вихри. СПб., 1908; *Шуф В.А.* В край иной...: Сонеты. СПб., 1906.

XIX (1911) Почетный отзыв: *Федоров А.М.* Стихотворения. 2-е изд. СПб., 1909; Сонеты. СПб., 1907; Рассказы. СПб., 1908; Рассказы. СПб., 1909.

XX (1913) Половинные: *Сергеич П. (Пороховщиков П.С.)*. Искусство речи на суде. СПб., 1910; *Щеголев П.Е.* Пушкин: Очерки. СПб., 1912.

Почетные отзывы: *Федоров А.М.* Жатва: Рассказы. М., 1910; Собр. соч. М., 1911. Т. 2; *Щепкина-Куперник Т.Л.* Сказания о любви. М., 1910.

XXI (1915) Половинная: *Свириденко С. [Свиридова С.А.]*. Песнь о Сигурде. СПб., 1912.

Почетные отзывы: *Дрожжин С.Д.* Песни старого пахаря. 1906—1912. М., 1913; *Мазуркевич В.А.* Стихотворения. СПб., 1900; Монологи и поэмы. СПб., 1903; Старые боги. 3-я кн. стихов. СПб., 1913.

XXII (1917) Полная: Гете И.В. Фауст /Пер. *Н.А. Холодковского*: В 2 т. Пг., 1914.

Почетный отзыв: *Крашенинников Н.А.* Амеля: Роман (Земля. Кн. 16. М., 1915).

XXIII (1919) Полная: Гесиод. Работы и дни. О происхождении богов /Пер. *В.В. Вересаева*.

Лауреаты премии им. И.Г. Вучины²⁷

(присуждалась на следующий год после отчетного года, то есть, например, за 1877—1878 гг. — в 1879 г.)

1877/1878 гг. — 250 р. (половинная премия) — И.В. Шпажинский («Свищи»)

1878/1879 гг. — по 250 р. за каждую пьесу — И.В. Шпажинский («Поздний рассвет» и «Легкие средства»)

1879/1880 гг. — 250 р. — В.А. Степанова («По своей колее»)

1880/1881 гг. — по 500 р. И.Н. Ге («На новых началах») и И.В. Шпажинский («Ненужная жизнь»); 250 р. — Н.А. Воскресенский («Перекрестный огонь»)

1881/1882 гг. — по 250 р. — В.П. Желиховская («Кто преступница?»), К.К. Дешкин («Злые недуги»), Е.П. Карпов («Тяжкая доля»), В.А. Степанова («Надя Муранова»), В.А. Крылов («Непрошенные гости»); 100 р. (поощрительная) — Костенко («Развод»)

1882/1883 гг. — по 250 р. — И.В. Шпажинский («Прахом пошло») и В.П. Желиховская («Назвался груздем, полезай в кузов»)

1883/1884 гг. — премия не была присуждена

1884/1885 гг. — премия не была присуждена

1885/1886 гг. — 250 р. — «Своя вина», 100 р. — «Визит»

1886/1887 гг. — премия не была присуждена

1887/1888 гг. — премия не была присуждена

1888/1889 гг. — по 250 р. Е.П. Карпов («Победная головушка») и П.А. Александров («Крестьянка»).

1889/1890 гг. — нет данных

1890/1891 гг. — И.В. Шпажинский («Идеалист»)

1891/1892 гг. — нет данных

1892/1893 гг. — 250 р. — Вл.И. Немирович-Данченко («Золото»)

1893/1894 гг. — Н.И. Тимковский («Защитник»)

1894/1895 гг. — 150 р. — Е.П. Карпов («Мирская вдова»)

1895/1896 гг. — 150 р. — И.В. Шпажинский («Грех попутал»)

1896/1897 гг. — по 150 р. — Н.И. Тимковский («Любовь»), Г.М. Пека-торос («Проигранная партия»)

1897/1898 гг. — 150 р. — Н.И. Тимковский («Преступление»)

- 1898/1899 гг. — 250 р. — Н.А. Попов («Гость Терентьище»)
 1899/1900 гг. — 100 р. — Л.Г. Перрот (перевод трагедии П.Б. Шелли «Ченчи»)
 1900/1901 гг. — премия в 300 р. — С.Т. Семенов («Преступники») премия в 250 р. — Н.И. Тимковский («Кто прав») премия в 150 р. — В.А. Крылов («За родную землю»)
 1902/1902 гг. — премия не была присуждена
 1902/1903 гг. — Ф.Н. Леонтьева (Тюленева) («Крылья связаны»)
 1903/1904 гг. — 250 р. — Ф.Н. Фальковский («Своим судом»), 150 р. — Г.М. Пекаторос («Гниль»)
 1904/1905 гг. — премия не была присуждена
 1905/1906 гг. — премия не была присуждена
 1906/1907 гг. — 150 р. — С.Т. Семенов («По новой дороге»)
 1907/1908 гг. — 150 р. — П.К. Борзаковский («По пункту»)
 1908/1909 гг. — 500 р. — В.И. Томашевская («Богатые») 200 р. — П.А. Россиев («В медвежьем углу») 100 р. — Д.М. Городецкий («Пещерные люди»)
 1909/1910 гг. — 300 р. — Е.А. Зеланд-Дубельт («Мирович»)
 1910/1911 гг. — 300 р. — А.А. Навроцкий («Ермак») 200 р. — Б.А. Рославлев («Семя разумное, доброе, вечное») 100 р. — С.Т. Семенов («Молодость правее»)
 1911/1912 гг. — премия не была присуждена
 1912/1913 гг. — 500 р. — В.Н. Крестьянов («Михаил Федорович Романов»)
 1913/1914 гг. — премия не была присуждена
 1914/1915 гг. — нет данных
 1915/1916 гг. — нет данных

Лауреаты премии им. А.С. Грибоедова²⁸

(присуждалась на следующий год после отчетного года)

- 1882/1883 гг. — А.Н. Островский («Красавец»)
 1883/1884 гг. — Н.А. Чаев («Царь Василий Иванович Шуйский»)
 1884/1885 гг. — А.Н. Островский («Не от мира сего»)
 1885/1886 гг. — П.М. Невежин («Друг детства»)
 1886/1887 гг. — В.А. Тихонов («Козырь»)
 1887/1888 гг. — П.М. Невежин («Вторая молодость»)
 1888/1889 гг. — Д.В. Аверкиев («Геофано»)
 1889/1890 гг. — П.П. Гнедич («Перекаати поле»)
 1890/1891 гг. — Вл.И. Немирович-Данченко («Новое дело»)
 1891/1892 гг. — Л.Н. Толстой («Плоды просвещения»)
 1892/1893 гг. — премия не была присуждена
 1893/1894 гг. — разделили М.И. Чайковский («Предрассудки»), Е.П. Гославский («Расплата») и В.Л. Величко («Первая муха»)
 1894/1895 гг. — премия не была присуждена

- 1895/1896 гг. — разделили М.И. Чайковский («Боязнь жизни») и А.И. Сумбатов (Южин) («Старый закал»)
- 1896/1897 гг. — Вл.И. Немирович-Данченко («Цена жизни»)
- 1897/1898 гг. — разделили М.И. Чайковский («Борцы») и А.И. Сумбатов («Джентльмен»)
- 1898/1899 гг. — И.В. Шпажинский («Две судьбы»)
- 1899/1900 гг. — премия не была присуждена
- 1900/1901 гг. — А.П. Чехов («Три сестры»)
- 1901/1902 г. — разделили М. Горький («Мещане») и С.А. Найденов («Дети Ванюшина»)
- 1902/1903 гг. — М. Горький («На дне»)
- 1903/1904 гг. — А.П. Чехов («Вишневый сад»)
- 1904/1905 гг. — премия не была присуждена
- 1905/1906 гг. — нет данных
- 1906/1907 гг. — Л.Н. Андреев («Жизнь человека»)
- 1907/1908 гг. — премия не была присуждена
- 1908/1909 гг. — нет данных
- 1909/1910 гг. — разделили Е.П. Карпов («Светлая личность») и Е.Н. Чириков («Царь природы»)
- 1910/1911 гг. — разделили Л.Н. Андреев («Gaudeamus») и М. Горький («Васса Железнова»)
- 1911/1912 гг. — Т.Л. Щепкина-Куперник («Счастливая женщина»)
- 1912/1913 гг. — разделили П.П. Гнедич («Ассамблея») и С.А. Найденов («Роман тети Ани»)
- 1913/1914 гг. — разделили А. Алпатин (А.М. Лопатин) («Последняя ставка») и В.М. Волькенштейн («Калики перехожие»)
- 1914/1915 гг. — Н.А. Григорьев-Истомин («Сестры Кедровы») и Н.Г. Шкляр («Сказка о прекрасном короле Альберте»)
- 1915/1916 гг. — разделили В.К. Винниченко («Ложь») и С.А. Найденов («Работница»)

РУССКАЯ ЛИТОГРАФИРОВАННАЯ ПЬЕСА: ЕЕ СОЗДАТЕЛИ, РАСПРОСТРАНИТЕЛИ И ПОТРЕБИТЕЛИ

В России в XVIII — начале XIX в., когда издательский репертуар был невелик и театров было мало, пьесы входили в круг чтения. Но с середины XIX в. ситуация меняется. Пьесы становятся весьма специфической разновидностью издательской продукции. Лишь очень небольшое число их публикуется для обычного чтения, подобно прозаическим, стихотворным, мемуарным и т.п. произведениям (прежде всего это касается классических пьес). Подавляющее же большинство их издается как материал, используемый при подготовке спектакля.

В качестве такой функциональной, нужной для практического использования книги издания пьес гораздо ближе не к изданиям других видов художественной литературы, а к учебным пособиям, кулинарным книгам, календарям и адрес-календарям и т.п. Но если к учебнику и кулинарной книге обращаются многократно, то большинство пьес ставятся лишь тогда, когда являются новинками (или не ставятся вовсе), а впоследствии к ним не обращаются.

Поэтому типографским образом они воспроизводились обычно, если не принимать во внимание пьесы признанных литераторов типа Островского, Писемского и Тургенева, не в общелитературных, а в специальных театральных журналах («Репертуар и Пантеон», «Артист», «Театр и искусство») либо (у достаточно известных драматургов) в персональных сборниках. Большая же часть пьес долгое время распространялась в рукописном виде (театров было немного, а труд переписчиков достаточно дешев). Так, один из драматургов писал в 1880-х гг., что «театральные пьесы, за исключением таких классических вещей, как произведения Гоголя, Грибоедова, Островского и немногих других, издаются не для чтения, а для сцены. Они попадают в руки антрепренеров, строителей любительских спектаклей и иногда актеров. Вследствие этого большинство пьес даже не печатается, а литографируется, или просто продается в рукописях»¹. Даже в начале XX в. отмечалось, что «экземпляры рукописей [пьес] добываются самыми различными путями <...> и затем воспроизводятся с копий, написанных на машинах [то есть на пишущих машинках], путем гектографа или миеографа. Число постоянных театров так невелико, что первый спрос всегда можно удовлетворить таким образом. <...> Область распространения драматических произведений так ничтожна, что эти контрафакции совершенно обесценивают труд авторов и товар издателей. Драматические произведения оцениваются немногим дороже пареной репы, и часто автор весьма приличной пьесы радраदेशенек, когда находится издатель, готовый рискнуть расходом в 100 р. на напечатание пьесы»².

Ситуация меняется в последней трети XIX в. вследствие перемен в обществе и в культуре, порожденных реформами 1860-х гг. Общество обратилось тогда к обсуждению насущных социальных проблем, в результате усилилась роль таких форм выражения общественного мнения, как пресса, органы местного самоуправления (земство, городские думы) и, наконец, театр. Немалую роль в росте интереса к театру сыграло и смягчение цензурных запретов, что способствовало расширению круга затрагиваемых в пьесах тем и более острой их трактовке.

С разрешением в 1870 г. клубных сцен в Москве и Петербурге, а особенно с отменой монополии императорских театров в 1882 г., число театров в столицах стало быстро расти. Усиливается популярность театра и в провинции, где действовало немало трупп. В 1873 г. в России было 111 театров, в том числе 102 в про-

винции; во второй половине 1890-х гг. в провинции было уже около 200 театров³. Кроме того, в большом числе осуществлялись любительские постановки.

В условиях, когда численность зрительской аудитории была не очень велика, пьесы в театре обычно исполнялись всего несколько раз в сезон, и для обеспечения рентабельности нужно было часто обновлять репертуар. Поэтому для сложившейся довольно мощной «театральной машины» требовалось немало пьес в качестве «топлива».

В отличие от предшествовавшего периода часть дохода от спектакля отчислялась авторам пьес в качестве гонорара, труд драматурга стал прибыльным и быстро профессионализировался. Кроме того, поскольку театр пользовался популярностью, писать для него было престижно. Поэтому немалое число людей стало обращаться к писанию пьес; появились десятки плодовитых драматургов. В «Каталоге пьес членов Общества русских драматических писателей и оперных композиторов. 1874—1914» (М., 1914) зарегистрировано около 15 тыс. пьес (не все из них были изданы и не все разрешены к представлению), в «Полном алфавитном списке драматическим сочинениям на русском языке, дозволенным к представлению безусловно (по 1. I. 1904)» (СПб., 1904) и дополнениях к нему, охватывающих период до 1914 г., представлено около 11 тыс. названий.

Антрепренеры, режиссеры, актеры (профессионалы и любители) искали подходящие пьесы, интересовались новинками. Но широкий спрос на пьесы (для удовлетворения разнообразных вкусов и интересов) не означал, что круг потребителей пьес велик. Ситуация была такова, что нужно было много пьес, но выпущенных небольшим тиражом.

Спрос на издания пьес стал быстро расти, в результате сформировались предпосылки для коммерциализации этой сферы. Но предпосылками этими нужно было еще суметь воспользоваться. Превратить издание пьес в прибыльное дело можно было только при условии расширения издательского репертуара и обеспечения сбыта. Ведь чтобы удовлетворить спрос на пьесу, обычно достаточно было нескольких десятков, в лучшем случае — одной-двух сотен экземпляров.

Издавать же пьесы малыми тиражами типографским способом было невыгодно. Правда, еще с 1810-х гг. существовал способ тиражирования текстов, который мог удовлетворить подобный

спрос, — литографирование. Он позволял недорого и оперативно получить небольшой тираж.

История литографированной текстовой книги в России почти не изучена. В посвященных литографии книгах и разделах в общих трудах по истории издательского дела в России рассматриваются исключительно литографированные изоиздания. Единственное исключение — раздел об издании литографированной пьесы в книге Д.Г. Королева «Очерки из истории издания и распространения театральной книги в России XIX — начала XX веков» (СПб., 1999), который в целом верно характеризует ситуацию с изданием литографированной пьесы. Однако в силу пионерского характера этой работы там не затронут ряд важных аспектов и сторон данной темы.

«Литография <...> — способ печати, при котором оттиски получают переносом краски с плоской (нерельефной) печатной формы непосредственно на бумагу, прижимаемую к форме»⁴. Способ этот был изобретен в 1796 г. в Германии и основан на неспособности воды смешиваться с жирными веществами. На шлифованной поверхности известкового камня тонким стальным пером писали химической тушью (в состав которой входит жир), потом увлажняли камень, а затем наносили печатную краску, которая оставалась только в тех местах, где был нанесен текст. В России первым ввел литографию барон П. Шиллинг фон Канштадт (в 1815 г. он создал литографическое заведение при Министерстве иностранных дел). Первым образцом ее деятельности было литографированное издание юмористической поэмы В.Л. Пушкина «Опасный сосед». В литографии размножались документы Министерства, печатались пособия для военных школ, исполнялись и частные заказы⁵. Вскоре возникла литография при Военном министерстве, а потом и частные литографии. По большей части в них литографировались изображения и чертежи, но в ряде случаев публиковались и тексты. Это делалось, когда текст был нужен не для простого чтения, а функционально, для практических целей, причем небольшому числу потребителей. В качестве примера можно назвать литографированные издания курсов профессорских лекций, когда один или несколько студентов прилежно конспектировали лекции университетского преподавателя, а потом давали конспект ему на просмотр и, получив его исправления и разрешение на публикацию, литографски издавали курс. Товарищи, которым этот текст был необходим для успешной сдачи экзамена, раскупали небольшой тираж. Например, С.Д. Урусов, учившийся в Мос-

ковском университете в 1881—1885 гг., вспоминал: «Для издания литографированного курса каждого профессора образовывалась около какого-нибудь предприимчивого студента издательская группа из 4—5 участников, записывавших лекцию; в начале года объявлялась подписка и собирались деньги на постепенно выпускаемые листы. По этому изданию можно было заблаговременно готовиться к экзамену, но большинство студентов складывало получаемые листы “про запас” и начинало их зубрить лишь с приближением весны»⁶. Литографски издавались и некоторые другие тексты, главным образом ведомственная документация, речи депутатов земских собраний и т.д. Но художественная литература, в частности драматургия, долгое время издавалась только типографским способом⁷.

Библиотекарь Александринского театра А.Х. Мозер издавал пьесы литографским путем с 1873 г.⁸. А.А. Плещеев утверждал, что Мозер «первый в России занялся литографированием и распространением в провинции пьес, шедших в Александринском театре»⁹. Как справедливо отмечает Д.Г. Королев, литографированные пьесы «успешно прижились в среде сценических деятелей, поскольку по своему характеру были весьма близки к рукописям, с которыми привыкли работать режиссеры и актеры и на которых просто психологически комфортней было оставлять свои пометы и соображения относительно будущей роли и спектакля»¹⁰. Литографирование обеспечивало оперативность издания, удешевляло его, но итоговый тираж был невелик — не более 150 экз. Если вдруг спрос оказывался большим, издание можно было повторить, а в случае особого успеха издать типографски.

Однако само по себе литографирование не решало проблему. Для обеспечения рентабельности нужно было, с одной стороны, иметь сеть распространения пьес, а с другой — постоянный источник текстов для тиражирования.

Важным шагом на пути создания подобного механизма стало учреждение в 1874 г. Общества русских драматических писателей (в 1877 г. к ним присоединились и оперные композиторы)¹¹. Вначале оно объединило несколько десятков драматургов, но число их быстро росло, и к концу века в общество входило более 600 членов. ОРДП и ОК основной своей целью ставило охрану авторских прав и защиту материальных интересов своих членов. Это достигалось за счет сети уполномоченных, собиравших определенные отчисления (несколько процентов со сборов) с театральных антрепренеров во многих городах России. Общество было заинтересовано в гаран-

тированном издании пьес своих членов и располагало средствами для содействия этому.

Вначале предполагалось, что Общество будет издавать пьесы обычным путем, и 3 пьесы были выпущены подобным образом (тиражом 600 экз. каждая), но «ввиду дороговизны печатания и излишнего числа печатных экземпляров Комитет [Общества] пришел к мысли литографировать пьесы своих членов <...>»¹².

В 1875 г. Общество заключило соглашение с А.Х. Мозером о том, что он будет литографировать все пропущенные драматической цензурой пьесы членов Общества тиражом 110 экз. (из них 10 — для цензуры), но успешно решить задачу не удалось — пьесы лежали без движения и почти не распространялись. Через два года Общество сменило комиссионера, заключив контракт с И.И. Смирновым (Мозер, впрочем, продолжал литографски издавать пьесы по начало 1880-х гг.), но это ненамного улучшило ситуацию.

Стало понятно, что необходим надежный канал сбыта. Продавать пьесы через обычные книжные магазины не имело смысла, поскольку они не были заинтересованы в подобной малоспрашиваемой издательской продукции, а среди аудитории книжных магазинов покупатели пьес составляли ничтожную долю. Нужен был канал, четко ориентированный на театральные деятели. Вскоре сложилась инфраструктура, обеспечивавшая распространение литографированных пьес. Мы имеем в виду театральные библиотеки¹³. В 1871 г. в Москве была открыта Волковская театральная библиотека (названа так в честь создателя первого русского постоянного театра Ф.Г. Волкова; содержал ее Репин; при библиотеке действовала литография, выпустившая 600 пьес; в 1884 г. ее фонд был присоединен к библиотеке С.Ф. Рассохина), в 1875 г. — театральная библиотека С.Ф. Рассохина (ряд лет владелицей числилась его жена). С 1879 г. по 1908 г. комиссионером ОРДП и ОК был С.Ф. Рассохин, который литографировал их в собственной литографии. С.Ф. Рассохин в 1875—1914 гг. издал порядка 3300 пьес (подавляющее большинство — литографски)¹⁴.

В 1880 г. в Москве работали уже 3 театральные библиотеки: Волковская, Рассохина (в Камергерском пер.) и Семена Ивановича Напойкина (в Столешниковом пер.; в 1897 г. он сошел с ума, а его библиотека в следующем году влилась в библиотеку С.Ф. Рассохина)¹⁵; в 1900 г. — тоже 3: Романа Романовича Вейхеля (на Петровском бульваре), Марии Демидовой (Марии Александровны Соколовой) (на Тверской), С.Ф. Рассохина (на углу Тверской и

Георгиевского пер.)¹⁶. В 1915 г. — уже 4: Вейхеля, Рассохина, Соколовой и «Театральный конкурент» Федора Капитоновича Прусакова (в Газетном пер.)¹⁷.

Известны и другие московские театральные библиотеки: «Заря» (в Газетном пер.), Петра Ананьевича Соколова-Жамсона¹⁸.

В Петербурге действовали театральные библиотеки Владимира Алексеевича Михайловского (по театру — Базарова; создана в 1888 г., находилась на Троицкой ул.; впоследствии перешла к Э.А. фон Вах и располагалась на Невском; в конце 1890-х — начале 1900-х принадлежала Николаю Николаевичу Мореву и называлась «Театральной библиотекой»), Северная театральная библиотека Константина Павловича Ларина¹⁹ (1912—1917 гг.; на Литейном), Николая Николаевича Волкова-Семенова (с конца 1890-х гг. по 1918 г.; на Троицкой ул.), Юрия Камского (на Подольской ул.), Ф.В. Силичева, театральная библиотека в составе книжного магазина «Новости»²⁰.

Владельцы театральных библиотек были, как правило, тесно связаны с театром и поэтому хорошо представляли его потребности. Так, Ларин был актером, суфлером и драматургом, Базаров — режиссером и драматургом, Н.Н. Волков-Семенов — актером-любителем, Рассохин и Напойкин — драматургами и т.д.

Театральные библиотеки — это не просто библиотеки, а многофункциональные учреждения, выполнявшие функции издательств, книжных магазинов, библиотек, комиссионерских контор и т.д. Они собирали пьесы, главным образом литографированные, выдавали (за плату) и продавали их и записи текстов ролей в своем городе и в провинции. Например, известный актер П.Н. Орленев вспоминал, как в 1890 г., играя в Минске, «достал роман Альфонса Додэ “Джек, современные нравы”. Узнал, что из него переделана пьеса, выписал ее из московской театральной библиотеки Рассохина и засел за работу над ролью Джека»²¹. Кроме того, библиотеки брали пьесы на комиссионную продажу, предоставляли их в цензуру, переписывали и расписывали по ролям, выполняли различные поручения, касающиеся театра (давали адреса актеров, режиссеров, суфлеров и гримеров, высылали театральные принадлежности и т.д.)²².

Важное место в деятельности большинства из них занимало издание пьес литографским способом; это касается в первую очередь Волковской театральной библиотеки, библиотек Напойкина, Соколовой, Вейхеля, Ларина.

Помимо театральных библиотек литографированные издания пьес выпускали сами авторы, главным образом в провинции (в Киеве, Одессе, Саратове, Нахичевани и т.д., вплоть до литографии 5-го лейб-драгунского Курляндского полка), книжные магазины (например, в Петербурге: книжный склад А.А. Соколова в первой половине 1880-х гг.; книжный магазин М.В. Попова в середине 1890-х; театральный отдел книжного магазина газеты «Новости» во второй половине 1890-х гг.), театральные объединения (комиссионный отдел при Союзе драматических и музыкальных писателей в 1910—1917 гг.), театральные издательства («Театральные новинки», 1912—1918) и театральные периодические издания («Театральная газета», 1914—1916 гг.; журнал «Театр и искусство» в 1907—1917 гг. выпустил более 1200 пьес²³).

Всего по нашим примерным подсчетам в 1870—1917 гг. было выпущено 5—6 тыс. литографированных пьес.

Тираж литографированного издания составлял 100—150 экз. Пьеса покупалась не для чтения, а для использования при постановке (на ней отмечали исполнителей ролей, сокращения и дополнения текста и т.д.). Поэтому брошюра с текстом пьесы быстро ветшала, а поскольку после постановки необходимости в ней не было, то ее нередко выбрасывали. В домашних библиотеках литографированные издания пьес оставляли редко, публичные обычно их не приобретали, и единственными местами их хранения были упомянутые выше театральные библиотеки, где экземпляры пьес от использования тоже нередко приходили в негодность. Если учесть, что библиотеки эти были частными и в ходе национализации книжных собраний в 1918 г. фонды их испытали немало превратностей, то станет понятным, что сейчас немногочисленные экземпляры каждой из выпущенных в указанные годы литографированных пьес сохранились либо в специализированных театральных книжных собраниях (Санкт-Петербургская театральная библиотека, Российская государственная библиотека по искусству, библиотеки Союза театральных деятелей и Бахрушинского музея и т.п.), либо в национальных библиотеках (РНБ и РГБ). Просуществовал этот вид издательской продукции всего полвека, но он сыграл важную роль в оперативном обеспечении потребности театральных деятелей в современной пьесе.

ЛУБОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

(к постановке проблемы)

Взаимоотношения фольклора (как устной словесности) и литературы (как словесности письменной) неоднократно становились предметом рассмотрения в отечественной науке¹.

Исследователи не раз фиксировали близость их поэтики и социальных функций, отмечая также, что «на основе богатейшей поэтической сокровищницы фольклора в значительной степени и возникла первоначально русская письменная литература»². И в дальнейшем литература постоянно «подпитывалась» от фольклора, фольклорные сюжеты, образы, словесные формулы заимствовались писателями, подвергаясь при этом творческой переработке, направленной на решение авторских художественных задач.

С другой стороны, и в фольклор время от времени проникали литературные сюжеты, адаптируемые и приспособляемые для устного распространения. В одних жанрах (например, песня, сказка) такой взаимообмен шел довольно интенсивно, в других (например, загадка в фольклоре и бытовой роман в литературе) — он практически отсутствовал. В то же время, как резюмирует автор одной из последних монографий по данной теме, «дифференцирующими факторами, отграничивающими фольклор от литературы, обычно признаются: устность происхождения и бытования, изменяемость текста, устойчивая традиционность и нормативность поэтических

понятий, стереотипия образности художественного языка (тропов и фигур), постоянство сюжетно-поэтических ситуаций и общих мест <...>. Одной из главных “примет” народного творчества является его коллективность <...>. Коллективность выражается <...> в деиндивидуализации творчества <...>»³. Основой для подобных выводов стал сопоставительный анализ поэтики и механизмов функционирования фольклора и литературы — на основе сравнения как конкретных произведений, так и сконструированных идеально-типических конструкций, моделей, репрезентирующих каждый из этих видов искусства.

Однако при этом под литературой понимается, как правило (по крайней мере, применительно к XIX—XX вв.), литература «высокая», «настоящая», элитарная. Однако в русской литературе XIX — начала XX в. были и иные слои: «средний» (В.Г. Белинский называл его «беллетристической», англоязычные исследователи используют термин «lowbrow literature»), а также низовой (так называемая лубочная литература). В библиографическом указателе публикаций по русскому фольклору за 1981—1985 гг. зарегистрировано 462 работы о связях литературы XIX—XX вв. с фольклором⁴. Подавляющее большинство — о классике или писателях признанных, известных, «ведущих» и т.д.⁵, а литературе «массовой», лубочной посвящено лишь около двух десятков работ, что составляет лишь 3—4% общего массива⁶. Нам же представляется, что подобная литература гораздо теснее связана с фольклором, значительно ближе к нему, чем литература высокая. Причина в том, что читатели низовой литературы из-за своего происхождения и образа жизни либо в полной мере были погружены в фольклорную культуру, либо лишь недавно стали отдаляться от нее. Сошлюсь на исследование Е.В. Душечкиной, которая показала, что «литературный жанр святочного рассказа живет по законам фольклорной и ритуальной “эстетики тождества”, ориентируясь на канон и штамп — устойчивый комплекс стилистических, сюжетных и тематических элементов, переход которых из текста в текст не только не вызывает раздражения у читательской массы, но, наоборот, доставляет удовольствие»⁷. Святочный рассказ носит календарный характер, он имитирует устную речь и стремится создать обстановку «святочной беседы», что также сближает его с фольклором⁸.

И тот факт, что литературоведы и фольклористы, занимающиеся изучением взаимоотношений литературы и фольклора, исключительно редко обращаются к «массовой» и лубочной книге, мы

можем объяснить только двумя обуславливающими друг друга причинами: 1) малой изученностью лубочной словесности, 2) снобистски-пренебрежительным отношением к ней как к глупой, пошлой, малохудожественной, недостойной включения в понятие «литература».

В данной работе, отнюдь не претендующей на сколько-нибудь полный и глубокий охват проблемы, нам хотелось бы лишь продемонстрировать важность и актуальность изучения взаимосвязей лубочной литературы и фольклора, носящих настолько своеобразный характер, что заставляют во многом скорректировать сложившиеся представления о соотношении фольклора и литературы. Вторая наша цель — наметить основные аспекты связей фольклора с лубочной словесностью.

Лубочной литературой мы именуем книги, выпускавшиеся коммерческими издателями для низового читателя, имевшие, как правило, сравнительно небольшой объем и картинку на обложке⁹. Возник этот тип литературы в конце XVIII в., а уже в середине XIX в. достаточно четко отделился от литературы для стоящих более высоко в социальном и культурном отношении слоев населения. У лубочной литературы были свои авторы, свои издатели и, что самое важное, своя сеть распространения, состоявшая из большого числа бродячих торговцев-офень, разносивших книги по деревням и небольшим провинциальным городам.

Отношения лубочной литературы с фольклором весьма специфичны. Тут нерелевантны многие оппозиции, которые используются исследователями при противопоставлении литературы и фольклора.

Начнем с такой фундаментальной, как оппозиция *устное / письменное*. Обычно устное жестко закрепляется за фольклором, а письменное — за литературой. Но применительно к лубочной литературе это не совсем так. Дело в том, что чаще всего лубочная литература воспринималась на слух, большинство крестьян знакомилась с ней именно таким образом, поскольку были неграмотны. Пр процитирую несколько свидетельств, хотя число их можно легко увеличить. Крестьянин Калужской губернии писал в 1889 г.: «Для совместного чтения у нас удобное время весна, потому что тепло, народ выходит на улицу, кто-нибудь выносит книгу, начинают читать, и со всех сторон собираются слушатели»¹⁰. Сельский учитель Рязанской губернии сообщал в 1891 г., что в деревне «женщины большей частью слушают, как читают их дети, внуки, братья и

проч.»¹¹. Лубочный писатель И.С. Ивин, вспоминая о своей юности в конце 1860-х гг., когда он работал на подмосковной ткацкой фабрике, писал: «Фабричные, узнав, что я хорошо читаю, стали наперерыв друг перед другом доставать мне различные книжки, разумеется лубочных изданий, и заставляли меня читать, а сами слушали. Здесь я впервые ознакомился с Бовой Королевичем, Ерусланом Лазаревичем, Гуаком, Францылем и прочими <...> За чтение меня фабричные хвалили и сами со мной восхищались богатырями и героями»¹². М.П. Петров, который в конце 1880-х гг. в двенадцатилетнем возрасте работал на котельном заводе, вспоминал об этом времени: «Обыкновенно вечером рабочие усаживались вокруг меня, и я читал вслух про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича, но большей популярностью пользовалась “Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная Селима, умирающая на гробе своего мужа”»¹³.

Кроме того, в лубочных изданиях нередко воспроизводится ситуация, когда рассказчик излагает слушателям какую-либо историю. Назову, например, книги Ф.М. Исаева: «Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче <...>, рассказанная дедом своим внучатам Ф.М. Исаевым» (М., 1858), «История о храбром рыцаре Францыле Венциане <...> С некоторыми изменениями рассказанная Ф.М. Исаевым» (М., 1861). Прочитую зачин последней: «То, что я хочу рассказать здесь, происходило давно, очень давно; что же касается до справедливости событий, то я не могу достоверно поручиться — былъ это или сказка; читатель сам рассудить может; мое же намерение передать все это так, как я сам слышал»¹⁴. Таким образом, Исаев выдает себя лишь за простого фиксатора истории, на письме запечатлевающего слышанное. Другую свою книгу он заключает словами: «Мне остается только попросить читателей, чтобы они позволили мне заключить этим рассказ мой и сказать конец»¹⁵. В книге «О семи Семионах, родных братьях» (М., 1859) Исаев даже вводит фигуру рассказчика — отставного солдата Ефремова.

В.М. Жирмунский более чем полстолетия назад справедливо писал (применительно к западноевропейской словесности) о том, что «устный характер поэтической традиции является производным, сопутствующим признаком фольклорного творчества, связанным с его архаическим, реликтовым характером, притом отнюдь не постоянным и принципиально обязательным: понятие устного творчества одновременно и шире и уже, чем понятие фольклора.

Так, поэтическое творчество раннего феодализма на Западе, в связи с узкоклерикальным характером письменности, носило, по преимуществу, устный характер; но героическая песня германского дружинного певца <...> вовсе не является фольклорным искусством; еще меньше это можно предположить о любовной лирике трубадуров или миннезингеров в эпоху расцвета феодализма, несмотря на господство устной традиции. С другой стороны, какой-нибудь лубочный роман, “народная книга” (Volksbuch) о Тристане или Зигфриде, продающаяся на деревенских ярмарках, является письменным реликтом эпохи феодализма, бытующим среди современного крестьянства, т.е. явлением поэтического фольклора, несмотря на раннюю фиксацию в письменной форме, как и “мещанские романы” книжного происхождения, проникающие в крестьянскую среду из печатных и рукописных песенников»¹⁶.

Еще одно привычное противопоставление: *вариативность* фольклорных текстов и *неизменность* текстов литературных. Но оно также неверно применительно к лубочной литературе, поскольку здесь отсутствовала каноническая версия текста. Наиболее популярные произведения существовали тут в большом числе вариантов, причем с течением времени текст каждого варианта непрерывно редактировался, язык его подновлялся и т.д.

Подобная вариативность была связана как минимум с двумя обстоятельствами. Во-первых, с различиями в образовательном и культурном уровне читателей: одним предлагалась полная версия, другим — сокращенная, более простая и более дешевая. Играло свою роль, во-вторых, и авторское право: чтобы его не обвинили в плагиате, каждый издатель печатал свою версию популярного сюжета, текстуально отличающуюся от других. В.Д. Кузьмина в своей книге насчитывает около десятка различных редакций «Повести о Бове Королевиче», Л.Н. Пушкарев выделяет 6 редакций «Сказки о Еруслане Лазаревиче» и т.д.¹⁷. То же происходило со многими другими лубочными книгами, причем не только переводными, но и принадлежащими отечественным литераторам. Приведу в качестве примера роман Н.И. Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа». Впервые он вышел в 1840 г., имел большой успех и неоднократно переиздавался. При этом текст его от издания к изданию менялся, причем одновременно издавались разные редакции. Например, в издании 1875 г. автор не был указан, а значилось только, что это переделка, осуществленная Н.П. Мироновым.

Тут мы уже переходим к третьей оппозиции, в которую также не вписывается лубочная литература. Принято считать, что фольклор *анонимен*, а в литературе выражено и зафиксировано *авторское начало*. Но в лубочной книжности большинство изданий выходило без обозначения автора. По нашим подсчетам, проведенным по достаточно полному указателю книг для народа, в 1893 г. из числа 131 выпущенной лубочными издателями сюжетной повествовательной книги (романы, повести, рассказы, сказки) лишь в 30% был обозначен автор, остальные вышли анонимно, в том числе: «Смерть на червонцах», «Жертва злодеев», «Красавица Жанна, или Повесть о страданиях несчастной жены», «Вольный казак», «Ванька ротозей», «Ай да Ярославцы! Вот так народец!», «Страшный змей Горыныч», «Царь Василий Иванович Шуйский, или Русские в 1606 году» и др.¹⁸

Если же автор и был назван в лубочных книгах, то крестьянские читатели, судя по многочисленным свидетельствам, не обращали на него внимания, не запоминали его фамилию, и т.д.

Пока речь шла только о сходстве лубочной литературы и фольклора в характере их функционирования (тут можно было бы отметить также, что в лубочной литературе, как и в фольклоре, отсутствуют такие компоненты литературной системы, как критика и библиография, классика, школьное обучение навыкам восприятия и интерпретации; что тут также нет установки на новизну текста, на новаторство и т.д.). Но и в поэтике лубочной словесности связи с фольклором гораздо сильнее, чем у высокой литературы.

Прежде всего отметим, что значительная часть лубочных изданий представляет собой *печатную фиксацию фольклорных текстов*, главным образом сказок (любопытно, что в крестьянском быту было принято все лубочные книги, кроме духовных изданий, именовать сказками). Широко были представлены тут также анекдоты и народные песни, попадали в лубок и былины, легенды, предания.

Чаще всего лубочные издатели брали тексты из изданий, осуществленных ранее на более высоких «этажах» литературной системы, из книг, подготовленных специалистами или элитарными литераторами. Но нередко были случаи, когда лубочные писатели сами записывали фольклорные тексты либо запечатлевали то, что довелось услышать в детстве и юности. Эти книги, совершенно игнорируемые фольклористами, могли бы послужить источником ценного материала для научной работы.

Назову в качестве примера книги Сергея Любецкого «Танька, разбойница ростокинская, или Царские терема. Историческая повесть XVIII столетия. С песнями, обрядами и празднествами тогдашнего быта. Из преданий русской старины» (М., 1834; вышла под псевдонимом Сергей ...кий), Александра Протопопова «Черный гроб, или Кровавая звезда. Поверье XVIII века» (М., 1835; издано под псевдонимом Александр П.т.п.п.в), Петра Голоты «Иван Мазепа. Исторический роман, взятый из народных преданий» (М., 1832), Ивана Крылова «Старинные и чудные приключения отставного солдата Архипа Сергеича. Старинное русское предание, рассказанное И.З. Крыловым» (М., 1844), Федота Кузмичева «Дочь разбойница, или Любовник в бочке. Народное предание времен Бориса Годунова» (М., 1839), Алексея Павлова «Крамольники, исторический роман из времен Петра Великого» (М., 1838; автор ссылается на предания, которые ему довелось слышать), Александра Чуровского «Ведьма, или Страшные ночи за Днепром. Русский роман, взятый из народного предания» (М., 1834). Василий Потапов в предисловии к книге «Новые анекдоты батюшки великого Суворова, или Некоторые черты из жизни знаменитого генералиссимуса, избранные В.Ф. Потаповым» (М., 1846) утверждал, что сам собрал и записал эти анекдоты. Анализ текстов лубочных книг показывает их близость фольклору в эстетическом плане, прежде всего — по жанру. Среди лубочных изданий очень много сказок (Иван Ваненко «Сказки русские» (М., 1838), «Солдат Яшка» (М., 1857); Василий Потапов «Алеша Попович, или Киевские ведьмы на шабаше» (М., 1848), «Сказка об Ивашке, белой рубашке...» (М., 1848), «Мальчик с пальчик, или Мал золотник, да дорог» (М., 1862); Михаил Евстигнеев «Непобедимый витязь» (М., 1869); Иван Ивин «Сказка о Иуде Беззаконном» (М., 1879), «Сказка о царевиче и 7 волшебниках» (М., 1880); Валентин Волгин «Чародей и рыцарь» (М., 1886) и др.); исторических преданий (Василий Потапов «Андрей Бесстрашный, инвалид Петра Великого, или За богом молитва, а за царем служба не пропадет!» (М., 1867); Николай Пазухин «Купец Иголкин и его подвиг» (М., 1888); К.К. Голохвастов «Предание о том, как солдат спас Петра Великого от разбойников» (СПб, 1904) и др.), сборников анекдотов.

Нередко фольклорный текст дает сюжетную канву лубочному литератору либо, напротив, вставляется в произведение в качестве инкрустации (песни, поговорки и т.п.). Стоит отметить, что очень часто в качестве названий лубочных книг использовались поговор-

ки. Вот, например, как были озаглавлены несколько книг, вышедших в 1892 г.: «Бабушка Марфа, или за Богом молитва, а за царем служба не пропадет», «Бойся не бойся, а судьбы не миновать», «Не в деньгах счастье», «Гром не грянет — мужик не перекрестится, или Вразумление Бога», «Андрей-ротозей, или Дашь себе волю, спустишь и отцовскую долю».

В поэтических текстах лубочной литературы нередки были употребления стандартных фольклорных формул и «народного стиха». Таков, например, зачин сказки В. Потапова «Кот в сапогах»:

То бывало в годы прежние,
 Когда жили не по-нашему;
 Тогда реки все сытой текли
 Берега были кисельные,
 Люди правдой жили более,
 Обман знали понаслышке лишь <...>

Но связь фольклора и лубка не была однонаправленной. Немало данных и об обратном процессе, когда сюжеты и персонажи лубочных книг уходили в фольклор. Вот характерное свидетельство (1888) сельского учителя, который утверждал: «...прочитанная сказка очень часто передается друг другу устно; нередко услышите книжную сказку из уст крестьянина неграмотного, а также в неграмотной семье от детей, которые слышали ее от соседнего грамотного мальчика»¹⁹. Фольклористы записывали от респондентов фольклорные варианты популярных лубочных книг о Бове Королевиче, Еруслане Лазаревиче, Милорде Георге, «Битвы русских с кабардинцами...» и др. Причем «в одних случаях это просто пересказ прочитанного грамотным исполнителем, знакомым с лубочной книжкой, в других случаях — в устах сказочника, воспринявшего сюжеты уже из устной традиции, присутствует в той или иной степени творческое переосмысление сюжета»²⁰. Тот факт, что многие характеристики, которые в оппозиции «фольклор/литература» считались принадлежащими только фольклору (устность, вариативность текстов, их анонимность и т.д.), вполне органичны для литературы лубочной, заставляет подвергнуть пересмотру привычные определения.

Сказанное выше позволяет, как нам представляется, сделать вывод о том, что лубочная литература занимала промежуточную позицию между фольклором и собственно литературой, она уже перестала быть фольклором, но еще не стала литературой в под-

линном смысле этого слова. Этот вывод не следует интерпретировать в том смысле, что лубочная литература была посредником между фольклором и высокой литературой, хотя в отдельных случаях она и выступала в этой роли. Речь идет о другом: тип читателей лубочной литературы в социокультурной структуре общества занимает промежуточное место между фольклорной аудиторией и читателями более высоких «этажей» литературы. Они уже перешли от устной к письменной коммуникации, но еще в значительной степени сохраняют нормы и стандарты фольклорной эстетики. Педагог и историк литературы М.Ф. Де-Пуле более 100 лет назад справедливо писал о том, что распространение грамотности и просвещения нанесло удар устной народной словесности, но она «не вымерла, а нашла себе оригинальный исход, с одной стороны, в лубочной, а с другой, в раскольничьей литературе. И та и другая, как известно, хотя не представляют нормального перехода из непосредственной народной словесности в искусственную, но однако же переход этот все-таки естественнее, чем скачок, который сделала наша литература от произведений XVII века прямо к сочинениям Ломоносова»²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ БОВЫ К БАЛЬМОНТУ

Предисловие

¹ *Асмус В.Ф.* Чтение как труд и творчество // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 42.

² См., напр.: *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895; *Горнфельд А.* О толковании художественного произведения // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1916. Т. 7. С. 1—31.

³ См.: *Банк Б.В.* Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969.

⁴ *Белецкий А.И.* Об одной из очередных задач историко-литературной науки (изучение истории читателя) // Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964. С. 25.

⁵ Вопросы литературы. 1968. № 10. С. 144—170.

⁶ См.: *Русская литература в историко-функциональном освещении.* М., 1979; *Литературные произведения в движении эпох.* М., 1979; *Время и судьбы русских писателей.* М., 1981, и др.

⁷ *История русского читателя.* Л., 1973—1982. Вып. 1—4.

⁸ См.: *Луннов С.П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970; *Он же.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; *Он же.* Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л., 1976.

⁹ *Altick R.D.* The English Common Reader: A Social History of the Mass Reading Public, 1800—1900. Chicago, 1957; *Engelsing R.* Analphabetentum und Lektüre. Stuttgart, 1973; *Liba P.* Čítanie starých otcov. Martin, 1970; *Kostecki J.* Charakterystyka wybranych społecznych sytuacji komunikacji czytelniczej w polskiej kulturze drugiej połowy XIX wieku // Pamiętnik literacki. 1978. Т. 59. Z. 4. S. 99—138.

¹⁰ *Brooks J.* Readers and Reading at the End of the Tsarist Era // Literature and Society in Imperial Russia, 1800—1914. Stanford, 1978. P. 97—150; *Ware R.J.* A Russian Journal and Its Public: Otechestvennye zapiski, 1868—1884 // Oxford

Slavonic Papers. New series. 1981. Vol. 14. P. 121—146; *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Princeton, 1985.

¹¹ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 3, ч. 1—4; Т. 4, ч. 1—4. М., 1979—1986.

Глава I. Читательская аудитория второй половины XIX века

¹² *Рашин А.Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX в. и начале XX в. // Ист. зап. М., 1951. Вып. 37. С. 32, 38.

¹³ *Булгарин Ф.В.* О цензуре в России и книгопечатании вообще // Рус. старина. 1900. № 9. С. 580—582.

¹⁴ См.: Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. СПб., 1862. С. 21.

¹⁵ *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 70.

¹⁶ *Ганелин Ш.И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. Л.; М., 1950. С. 84.

¹⁷ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1968. Т. 6. С. 320.

¹⁸ Анализ их см.: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Понятие литературы у Тынянова и идеология литературы в России // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 208—226.

¹⁹ *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 70.

²⁰ Там же. С. 51—52.

²¹ См.: Университеты и средние учебные заведения 50-ти губерний Европейской России и 10-ти Привислянских, по переписи 20-го марта 1880 г. СПб., 1883. С. 3, 19, 225.

²² См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 51, 55, 56.

²³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М. 1967. Т. 3. С. 569.

²⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. М., 1968. Т. 5. С. 339.

²⁵ *Воробьев К.Я.* Грамотность сельского населения в связи с главнейшими факторами крестьянского хозяйства // Труды подсекции статистики XI съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб., 1902. С. 33—58.

²⁶ *Богданов И.М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964. С. 69.

²⁷ См.: *Фальборк Г., Чарнолуцкий В.* Народное образование в России // Левассер Э. Народное образование в цивилизованных странах. СПб., 1899. Т. 2. С. 221.

²⁸ *Муратов М.В.* Книжное дело в России в XIX и XX веках. М.; Л., 1931. С. 203.

²⁹ Военно-статистический сборник. СПб., 1871. Вып. 4. С. 898.

³⁰ *Муратов М.В.* Указ. соч. С. 153.

³¹ См.: *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. С. 41.

³² *Геннади Г.Н.* Указатель библиотек в России. СПб., 1864.

³³ Подсчитано по: Полный алфавитный указатель всех книжных магазинов, библиотек для чтения и музыкальных магазинов, находящихся в губерниях Российской империи. М., 1882; Адрес-календарь разных учреждений г. Москвы на 1880 год. М., 1880. С. 1006—1008; Петербург. Памятная книжка. СПб., 1881. С. 77.

³⁴ См.: *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР. 3-е изд. М., 1980. С. 66.

³⁵ Подсчитано по: Города России в 1910 году. СПб., 1914.

³⁶ См.: *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811—1913). М., 1956. С. 88.

³⁷ См.: *Медынский Е.Н.* Внешкольное образование, его значение, организация и техника. 5-е изд., доп. М., 1919. С. 132.

³⁸ *Афанасьев М.Д.* Проблемы распространенности чтения в сельской среде: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1979. С. 44.

³⁹ *Рубакин Н.А.* Указ. соч. С. 17—18.

⁴⁰ *Шелгунов Н.В.* Воспоминания // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 113.

⁴¹ *Крылов В.А.* Прозаические сочинения. СПб., 1908. Т. 1. С. XLV.

⁴² Богатый материал о чтении разночинной молодежи второй половины 1850-х — начала 1860-х гг. обобщен в цикле статей И.Е. Баренбаума: «Кружковое» чтение разночинной молодежи второй половины 50-х — начала 60-х годов XIX в. // История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 77—92; Из истории чтения разночинно-демократической молодежи второй половины 50-х — начала 60-х гг. XIX в. // История русского читателя. Л., 1976. Вып. 2. С. 29—44; Разночинно-демократический читатель в годы демократического подъема (вторая половина 50-х — начало 60-х годов XIX в.): (К характеристике индивидуального чтения) // История русского читателя. Л., 1979. Вып. 3. С. 23—35.

⁴³ Подробнее см. в главе II.

⁴⁴ О чтении изданий А.И. Герцена в России см.: *Гинзбург Б.С.* Распространение изданий Вольной русской типографии в конце 1850-х — начале 1860-х гг. // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962. С. 336—360. *Он же.* Отношение читательских кругов России к статьям «Колокола» (1857—1861 гг.) // Революционная ситуация в России, 1859—1861 гг. М., 1963. С. 306—337.

⁴⁵ *Егоров А.* Страницы из прожитого. Одесса, 1913. Т. 1. С. 91.

⁴⁶ *Попов Н.* Эпоха увлечений // Наблюдатель. 1895. № 1. С. 357.

⁴⁷ *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. СПб., 1897. Ч. I. С. 21.

⁴⁸ См.: *Ашенбреннер М.Ю.* Военная организация Народной воли. М., 1924. С. 5—6.

⁴⁹ *Хижняков В.М.* Воспоминания земского деятеля. Пг., 1916. С. 40.

⁵⁰ *Бух Н.К.* Воспоминания. М., 1928. С. 52.

⁵¹ *Котляревский Н.* Канун освобождения. Пг., 1916. С. 455, 459.

⁵² *Скафтымов А.* Преподавание литературы в дореволюционной школе: (Сороковые и шестидесятые годы) // Учен. зап. Саратов. гос. пед. ин-та. 1938. Вып. 3. С. 229.

- ⁵³ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1970. Т. 9. С. 8.
- ⁵⁴ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1974. Т. 16. С. 141.
- ⁵⁵ *Суворин А.С.* Дневник. М.; Пг., 1923. С. 336.
- ⁵⁶ *Михно С.* [Фармаковский В.]. Письмо из Вятки // Рус. дневник. 1859. № 99.
- ⁵⁷ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1974. Т. 16, кн. 2. С. 147, 148—149.
- ⁵⁸ См.: *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет. М., 1973. С. 80.
- ⁵⁹ Цит. по: Воскресное чтение. 1861/62. № 10. С. 270—271.
- ⁶⁰ См.: Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Уфа, 1889. С. 76—78.
- ⁶¹ *Чудаков А.П.* Мир Чехова. М., 1986. С. 55. О жанрах малой прессы см. там же, с. 69—94.
- ⁶² *Ленин В.И.* Указ. соч. С. 498.
- ⁶³ См.: *Ан-ский С.* [Раппопорт С.А.] Народ и книга. М., 1913.
- ⁶⁴ См.: *Соколов О.Д.* На заре рабочего движения в России. 2-е изд. М., 1978. С. 74—142.
- ⁶⁵ *Рубакин Н.А.* Указ. соч. С. 192.
- ⁶⁶ *Тимофеев П.* Чем живет заводской рабочий. СПб., 1906. С. 6.
- ⁶⁷ Рассчитано по: *Шестаков П.М.* Рабочие на мануфактуре т-ва «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1900. С. 61—71.
- ⁶⁸ *Сумароков П.* Хозяйственный и этнографический очерк Каширского уезда // Сельское хозяйство. 1860. № 8. С. 63.
- ⁶⁹ *Алексеев Е.А.* Народные читальни и публичные библиотеки // Вестн. Ярославского земства. 1874. № 22. С. 23.
- ⁷⁰ Подробнее см. в главе VIII «Книга и крестьянин: изменение отношения к чтению».
- ⁷¹ См. главы IX и X.
- ⁷² *Муратов А.В.* Указ. соч. С. 201, 203.
- ⁷³ См.: *Дерунов К.Н.* Типичные черты в эволюции русской «общественной» библиотеки // Дерунов К.Н. Избранное. М., 1972. С. 62—140.
- ⁷⁴ *Рубакин Н.А.* Указ. соч. С. 85.
- ⁷⁵ См.: *Девель В.* Городские и сельские библиотеки и читальни для народа. СПб., 1892. С. 8—20.
- ⁷⁶ Подробнее смотри в главе X.
- ⁷⁷ *Рубакин Н.А.* Указ. соч. С. 84.

Глава II. «Толстый» журнал и его публика

- ⁷⁸ [*Булгарин Ф.В.*]. Журнальная всякая всячина // Сев. пчела. 1844. № 39.
- ⁷⁹ [*Плетнев П.А.*]. К читателю «Современника» // Современник. 1846. Т. 44. С. 34.
- ⁸⁰ От редакции // Рус. мысль. 1885. № 1. Вклейка после с. 170 (паг. 2).
- ⁸¹ П. Наши журналы // Русь. 1882. № 2. С. 21.

- ⁸² *Лесков Н.С.* Собр. соч. М., 1958. Т. 10. С. 440.
- ⁸³ Цит. по: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 501.
- ⁸⁴ *Михайловский Н.К.* Современная журналистика // Книжный вестн. 1866. № 21/22. С. 417.
- ⁸⁵ *Шкловский В.Б.* Журнал как литературная форма // Шкловский В. Гамбургский счет. Л., 1928. С. 115.
- ⁸⁶ *Писарев Д.И.* Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Соч. М., 1955. Т. 1. С. 97.
- ⁸⁷ *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 224.
- ⁸⁸ *Шкловский В.Б.* Указ. соч. С. 116.
- ⁸⁹ *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. С. 121.
- ⁹⁰ М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 2. С. 18.
- ⁹¹ *Страхов Н.Н.* Критические статьи. Киев, 1902. Т. 2. С. 54.
- ⁹² Письма Я.П. Полонского к А.В. Жиркевичу // Рус. литература. 1970. № 2. С. 131.
- ⁹³ *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник и записки. М.; Л., 1934. С. 132, 177—178.
- ⁹⁴ Подробную характеристику ежемесячников второй половины XIX в. см. в: Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2.
- ⁹⁵ *М-ский [Мильчевский].* О. Наша журналистика и публика // Книжный вестн. 1864. № 3. С. 254.
- ⁹⁶ Заметки о книжной торговле в России // Книжный вестн. 1860. № 1/2. С. 15.
- ⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 216 (Баллин Н.П. 50 лет моей жизни).
- ⁹⁸ *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 10. С. 812.
- ⁹⁹ *Ларский И.* Из настроений журнального читателя // Современный мир. 1911. № 4. С. 242.
- ¹⁰⁰ *Шелгунов Н.В.* Воспоминания // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 373.
- ¹⁰¹ *Добротворский П.* Моя исповедь. М., 1904. С. 13.
- ¹⁰² *Красноперов И.М.* Записки разночинца. М.; Л., 1929. С. 48.
- ¹⁰³ *Чудновский С.Л.* Из давних лет. М., 1934. С. 8.
- ¹⁰⁴ *Тихомиров Л.* Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 29.
- ¹⁰⁵ *Архангельский И.И.* Воспоминания студента // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. 1903. Кн. 5. С. 175.
- ¹⁰⁶ *Тихонов В.П.* Двадцать пять лет на казенной службе. СПб., 1912. Ч. 1. С. 3.
- ¹⁰⁷ *Острогорский В.* Из истории моего учительства. СПб., 1914. С. 99.
- ¹⁰⁸ *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 160.
- ¹⁰⁹ *Бабицын И.* Голос с Севера // Рус. мир. 1859. № 58.
- ¹¹⁰ *Ясинский И.И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний. М.; Л., 1926. С. 46.

¹¹¹ *Пантелеев Л.Ф.* Указ. соч. С. 118.

¹¹² *Терпигорев С.Н.* Оскудение. М., 1958. Т. 1. С. 209.

¹¹³ *Боев Н. [Берг Ф.Н.]*. Письмо из глуши // Русский. 1868. № 33.

¹¹⁴ *Ковалевская С.* Воспоминания детства // Ковалевская С. Избр. произв. М., 1982. С. 94.

¹¹⁵ О средствах чтения в Москве и о московской лубочной литературе // Книжный вестн. 1860. № 3/6. С. 33.

¹¹⁶ О читателях «Отечественных записок» см.: *Ware R.J.* Op. cit.

¹¹⁷ *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 98.

¹¹⁸ *Аптекман О.В.* Из истории революционного народничества. Ростов-на-Дону, [1907]. С. 23.

¹¹⁹ Там же. С. 24.

¹²⁰ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 57 (Никонов С.А. Мои воспоминания).

¹²¹ Там же. Ед. хр. 290. Л. 188—189 (Шаталов В.Н. Из воспоминаний неудавшегося литератора).

Глава III. Библиотеки для чтения и их читатель

¹²² *Зайцева А.А.* «Кабинеты для чтения» в Санкт-Петербурге конца XVIII — начала XIX века // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX веков. Л., 1979. С. 29—46; *Здобнов Н.В.* История русской библиографии до начала XX века. М., 1951. С. 87—88, 133—137; *Громова А.А.* Состояние сети массовых библиотек Петербурга—Петрограда накануне Октябрьской революции // Труды Ленинградского библиотечного института им. Н.К. Крупской. 1957. Т. 3. С. 183—189, 204; *Осинов В.О.* Русская книготорговая библиография до начала XX века. М., 1983. С. 82—83, 88—89, 121—129.

¹²³ Каталог Московской библиотеки А. Черенина и К°. 2-е изд. М., 1864.

¹²⁴ *Симони П.К.* Книжная торговля в Москве в XVIII—XIX вв. Л., 1927. С. 93.

¹²⁵ *Никитин И.С.* Собр. соч. М., 1975. Т. 2. С. 348.

¹²⁶ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 86.

¹²⁷ Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979. С. 39.

¹²⁸ *Мартынов И.Ф.* Книготорговец и книгоиздатель XVIII в. М.К. Овчинников // Книга: Исслед. и материалы. М., 1972. Сб. 24. С. 105.

¹²⁹ *Замоскворецкий П.* Первая библиотека для чтения в Москве // Со-врем. летопись. 1871. № 31.

¹³⁰ См.: *Die Leihbibliothek als Institution des literarischen Lebens im 18. und 19. Jahrhundert.* Hamburg, 1980.

- ¹³¹ Lexikon des Bibliothekswesens. Leipzig, 1974. Bd. 1. S. 869.
- ¹³² Kelly T. Early Public Libraries. L., 1966. P. 143—149.
- ¹³³ *Szczepaniec J.* Gabinety i wypożyczalnie literatury w Polsce w drugiej połowie XVIII w. // *Ze skarbca kultury*. 1983. Z. 37. S. 22.
- ¹³⁴ *Kaufman P.* Some Community Libraries in Eighteenth Century Europe; A Reconnaissance // *Libri*. 1972. Vol. 22. № 1. P. 1—67.
- ¹³⁵ *Зайцева А.А.* Указ. соч. С. 31.
- ¹³⁶ *Севастьянов А.Н.* Рост образовательной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России (1762—1860). М., 1983. С. 19.
- ¹³⁷ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 132.
- ¹³⁸ См. указатель: Книготорговые каталоги первой половины XIX века. М., 1976.
- ¹³⁹ *Баренбаум И.Е.* Штурманы грядущей бури. М., 1987. С. 210, 218.
- ¹⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 362. К. 6. Ед. хр. 10 (Симони П.К. Труды и дни книгопродавца и издателя А.Ф. Смирдина).
- ¹⁴¹ См.: *Кишкин Л.С.* Чехословацкие находки. М., 1986. С. 56—63.
- ¹⁴² См.: *Талалакина О.И.* История библиотечного дела за рубежом. М., 1982. С. 57.
- ¹⁴³ См.: *Зайцева А.А.* Указ. соч. С. 31.
- ¹⁴⁴ *Я-в [Яковлев С.П. ?]* Московская хроника // *Рус. газ.* 1859. № 6.
- ¹⁴⁵ О средствах чтения в Москве и о московской лубочной литературе // *Книжный вестн.* 1860. № 3/6. С. 34.
- ¹⁴⁶ Заметки о книжной торговле в России // *Книжный вестн.* 1860. № 1/2. С. 13.
- ¹⁴⁷ *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. С. 61.
- ¹⁴⁸ *Рубакин Н.А.* Частные библиотеки и внеклассное чтение учащихся // *Женское образование.* 1889. № 6/7. С. 403.
- ¹⁴⁹ *Дерунов К.].* К вопросу о наших частных библиотеках для чтения // *Образование.* 1903. № 7. С. 43 (паг. 2).
- ¹⁵⁰ *Пыпин А.Н.* Мои заметки. М., 1910. С. 59, 60.
- ¹⁵¹ *Овсянников А.* Из воспоминаний старого педагога // *Рус. старина.* 1899. № 5. С. 423.
- ¹⁵² *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. М., 1965. Т. 1. С. 47.
- ¹⁵³ См.: *Материалы для биографии Н.А. Добролюбова.* М., 1896. С. 467, 479.
- ¹⁵⁴ *Кропоткин П.А.* Дневник. М.; Пг., 1923. С. 46.
- ¹⁵⁵ См.: *Баренбаум И.Е.* Штурманы грядущей бури. С. 36—41, 206.
- ¹⁵⁶ См.: *Сергеев В.Д.* А.А. Красовский. Киров, 1977. 96 с.
- ¹⁵⁷ См.: *Горовой Ф.С.* Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х годах XIX века. Молотов, 1952. 90 с.
- ¹⁵⁸ См.: *Полещук Ф.М.* Частная публичная библиотека М.П. Шестунова и В.И. Вагина в Иркутске // *Науч. библиотеки Сибири и Дальнего Востока.* Новосибирск, 1973. Вып. 18. С. 109—116.
- ¹⁵⁹ *Острогорский В.* Из истории моего учительства. СПб., 1914. С. 160.

¹⁶⁰ По поводу пятидесятилетия библиотеки Семенникова. Пг., 1915. 13 с.

¹⁶¹ *Н. А[гафонов]*. Воспоминание об И.А. Шидловском и его библиотеке // Заволжская виблиофика. Казань, 1887. Вып. 1. С. 27, 29.

¹⁶² См.: [*Рубакин Н.А.*]. Библиотека Л.Г. Рубакиной. СПб., 1900. 16 с.

¹⁶³ Каталоги значительной части библиотек для чтения 1850—1870-х гг. учтены в указателях: Книготорговые каталоги 50—70 гг. XIX века. М., 1978; Книготорговые каталоги 60—70 гг. XIX века. М., 1980.

¹⁶⁴ *Чудновский С.Л.* Из давних лет. М., 1934. С. 250.

¹⁶⁵ См.: *Захаров М.* Указатель Москвы. М., 1851. Ч. 1. С. 199; [*Черенин А.Ф.*]. Сборник сведений по книжно-литературному делу за 1866 год. М, 1867. С. 121—123; Адрес-календарь разных учреждений г. Москвы на 1880 год. М., 1880. С. 1006—1008; Вся Москва. М., 1900. С. 955—956.

¹⁶⁶ Подсчеты произведены по: Список заведениям книжной торговли, библиотекам для чтения и музыкальным магазинам, находящимся в губерниях. СПб, 1882. 16 с.

¹⁶⁷ *Здобнов Н.В.* Указ. соч. С. 88.

¹⁶⁸ См.: Петербург: Памятная книжка. СПб, 1881. С. 77.

¹⁶⁹ См.: Каталог книг и правила Вологодской библиотеки Ф.А. Арсеньева. Вологда, 1872. 44 с.; Каталог книг библиотеки для чтения А. Эртеля (бывш. П. Засодимского). СПб., 1880. 39 с.; Каталог продажным пьесам специально-театрального книжного склада и библиотеки Александра Соколова. СПб., 1883. 44 с.; Каталог библиотеки Ф.В. Домбровского. СПб., 1899. 24 с.

¹⁷⁰ Рассчитано по: Список заведениям книжной торговли...

¹⁷¹ Каталог библиотеки для чтения М.А. Фронштейн в Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону, 1884. 106 с.

¹⁷² *Н. А[гафонов]*. Указ. соч. С. 30.

¹⁷³ См.: Книжный вестн. 1860. № 22. С. 256; *Никитин И.С.* Указ. соч. С. 388; *Хотяков Я. А.А.* Красовский и его библиотека для чтения // Библиотекарь. 1955. № 5. С. 38; и др.

¹⁷⁴ *Русов А.А.* Описание Черниговской губернии. Чернигов, 1899. Т. 2. С. 142.

¹⁷⁵ Так оценивал пропорцию между подписчиками и пользующимися библиотекой для чтения Н.А. Рубакин. См.: *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. С. 87.

¹⁷⁶ Рассчитано по: *Черенин А.* Библиотека А.Ф. Черенина в 1860 году // Книжный вестн. 1861. № 6. С. 99.

¹⁷⁷ *Рубакин Н.А.* Частные библиотеки... С. 405.

¹⁷⁸ *Русов А.А.* Указ. соч. С. 142.

¹⁷⁹ *Никитин И.С.* Указ. соч. С. 339, 361.

¹⁸⁰ *Рубакин Н.А.* Частные библиотеки... С. 409—410.

¹⁸¹ *Горький М.* Детство. В людях. Мои университеты. М., 1975. С. 283.

¹⁸² *Жукин А.* Не велико дело, а прибыльно // Сельский вестн. 1887. № 20. С. 220—221.

Глава IV. Популярное произведения и популярные авторы

¹⁸³ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1966. Т. 5. С. 455.

¹⁸⁴ *Розанов И.* Литературные репутации. М., 1928.

¹⁸⁵ *Żbikowska-Migoń A.* O popularności pisarzy i dzieł literackich, jej kryteriach i wyznacznikach // *Roczniki biblioteczne.* Wrocław; W-wa, 1978. R. 22. Z. 1—2. S. 201—255.

¹⁸⁶ См.: *Черенин А.* Библиотека А.Ф. Черенина в 1860 году // *Книжный вестн.* 1861. № 6. С. 99; Еще о чтении в Москве // *Книжный вестн.* 1860. № 22. С. 257.

¹⁸⁷ Цит. по: *Ямпольский И.* Сатирическая журналистика 1860-х годов. М., 1964. С. 205.

¹⁸⁸ *Суворов П.П.* Заметки о прошлом. М., 1898. Ч. 1. С. 30.

¹⁸⁹ *Танеев В.И.* Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959. С. 181.

¹⁹⁰ *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник и записки. М.; Л., 1934. С. 145.

¹⁹¹ *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. М., 1965. Т. 1. С. 209.

¹⁹² *Суворов П.П.* Указ. соч. С. 45.

¹⁹³ *Гончаров И.А.* Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 305.

¹⁹⁴ *Суворов П.П.* Указ. соч. С. 33.

¹⁹⁵ *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 128.

¹⁹⁶ *Штакеншнейдер Е.А.* Указ. соч. С. 247.

¹⁹⁷ *Боборыкин П.Д.* Указ. соч. С. 180.

¹⁹⁸ *Скабичевский А.М.* Указ. соч. С. 247.

¹⁹⁹ *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1972. С. 305.

²⁰⁰ *Штакеншнейдер Е.А.* Указ. соч. С. 49.

²⁰¹ *Елисеев Г.З.* Воспоминания // Антонович М.А., Елисеев Г.З. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 271.

²⁰² *Панаева А.Я.* Указ. соч. С. 327.

²⁰³ *Елисеев Г.З.* Указ. соч. С. 300.

²⁰⁴ *Гончаров И.А.* Указ. соч. С. 372.

²⁰⁵ *Боборыкин П.Д.* Указ. соч. С. 281.

²⁰⁶ *Штакеншнейдер Е.А.* Указ. соч. С. 434.

²⁰⁷ *Шелгунов Н.В.* Воспоминания // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 369; о восторженном отношении читателей к «Дневнику писателя» см.: *Волгин И.Л.* Достоевский-журналист: («Дневник писателя» и русская общественность). М., 1982. С. 23—65.

²⁰⁸ *Гнедич П.П.* Книга жизни: Воспоминания. Л., 1929. С. 132.

²⁰⁹ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 154.

²¹⁰ *Короленко В.Г.* История моего современника. Л., 1976. Т. 1. С. 267.

²¹¹ *Дим. [Языков Д.Д.].* Н.Д. Зайончковская [Хвошинская] // *Север.* 1889. № 6. С. 515.

²¹² См.: История русской литературы XIX в. М., 1911. Т. 5. С. 481—525; *Саводник В.Ф.* Очерки по истории русской литературы XIX в. М., 1919. Ч. 2. С. 325—350; Русская литература конца XIX — начала XX в. Десяностые годы. М., 1968. С. 265—340.

²¹³ См.: *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. С. 125—128.

²¹⁴ *Rosengren K.E.* Sociological Aspects of the Literary System. Stockholm, 1968.

²¹⁵ Исследование выполнено совместно с Б.В. Дубиным, более полную публикацию результатов см.: *Дубин Б.В., Рейтблат А.И.* О структуре и динамике литературных ориентаций журнальных рецензентов (1820—1978 гг.) // Книга и чтение в зеркале социологии. М., 1990. С. 150—176.

Глава V. Литературный гонорар как форма взаимосвязи писателей и публики

²¹⁶ Можно назвать лишь следующие работы: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 232—238; *Видуэцкая И.П.* А.П. Чехов и его издатель А.Ф. Маркс. М., 1977. Интерес представляет ряд зарубежных исследований (*Charvat W.* The Profession of Authorship in America, 1800—1870. Columbus, 1968; *Siciński A.* Literaci polscy. Wrocław, 1971; *Clark P.P., Clark T.N.* Patrons, Publishers and Prizes: The Writer's Estate in France // Culture and Its Creators. Chicago; L., 1977. P. 197—225; *Clark P.P.* Literary Culture in France and in the United States // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 84. Issue 5. P. 1057—1077), в которых гонорар рассматривается в широком социальном и культурном контексте. Публикации А. Менье (*Meunieux A.* Pouchkine homme de lettres et la littérature professionnelle en Russie. P., 1966; *Meunieux A.* La littérature et le métier d'écrivain en Russie avant Pouchkine. P., 1966) содержат богатый материал по истории гонорара в России конца XVIII — первой трети XIX в.

²¹⁷ См.: *Шашков С.* Литературный труд в России // Дело. 1876. № 8. С. 1—48; *Русаков В.* [Либрович С.Ф.]. Литературные гонорары русских беллетристов // Книжный вестн. 1904. № 32—34; *Клейнборг Л.* Литераторы и литературный труд // Новый журнал для всех. 1911. № 3. С. 101—110; *Лернер Н.* Писательские гонорары // Вестн. лит. 1920. № 2, 3; *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. М., 1929; *Гессен С.* Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930, и др. Большое значение для теоретического анализа проблемы гонорара имеют статьи Б.М. Эйхенбаума: Литература и литературный быт // На литературном посту. 1927. № 9. С. 47—52; Литература и писатель // Звезда. 1927. № 5. С. 121—140.

²¹⁸ БСЭ. 3-е изд. М., 1972. Т. 7. С. 67.

²¹⁹ См.: *Панченко А.М.* О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 112—128.

²²⁰ См.: *Мартынов И.Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 163.

²²¹ Писателем-профессионалом мы именуем писателя, для которого литература является профессией, источником средств к жизни. Ср. в «Словаре современного русского языка»: «Профессионал — тот, кто сделал какое-либо занятие своей профессией <...>. Профессия — род трудовой дея-

тельности, занятий, требующих определенной подготовки и являющихся основным источником существования» (М.; Л., 1961. Т. II. Стб. 1499, 1501).

²²² См.: *Севастьянов А.Н.* Сословное разделение русского общества XVIII в. и литературно-общественный процесс (1762—1800) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1984. № 2. С. 69.

²²³ *Греч Н.* Чтения о русском языке. СПб., 1840. Ч. 2. С. 392—393.

²²⁴ *Чуковский К.* Некрасов. Л., 1926. С. 215—216.

²²⁵ Гонорарные ведомости «Современника» и «Отечественных записок» опубликованы в «Литературном наследстве» (Т. 53/54. М., 1949); гонорарная книга «Вестника Европы» за 1894—1897 гг. хранится в ИРЛИ (Ф. 293. Оп. 3. Ед. хр. 10).

²²⁶ Гонорарные ведомости «Русского богатства» за конец XIX в. хранятся в Отделе рукописей РНБ (Ф. 211. Ед. хр. 1252—1260).

²²⁷ См.: *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 82.

²²⁸ Цит. по: *Алексеев А.Д.* Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 83.

²²⁹ А.П. Чехов писал за год не более 10 печ. л. (см.: *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М., 1978. Т. 6. С. 334).

²³⁰ *Кокорев И.Т.* Москва сороковых годов. М., 1959. С. 246.

²³¹ Цит. по: *Горленко В.* Писатель пролетарий // Моск. обозрение. 1877. № 42. С. 307—308.

²³² Цит. по: *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова. М., 1954. С. 448.

²³³ *Немирович-Данченко Вас.И.* На кладбищах. Ревель, 1921. С. 25.

²³⁴ *Иван Благочинный [Кондратьев И.К.].* По России // Мирской толк. 1879. № 10. С. 73—74.

²³⁵ Цит. по: Письма Я.П. Полонского к А.В. Жиркевичу / Публ. И.А. Покровской // Рус. лит. 1970. № 2. С. 127.

²³⁶ Цит. по: *Леман А.* Рассказы. СПб., 1888. С. 561.

²³⁷ Цит. по: *Эйхенбаум Б.* Молодой Толстой. Пб.; Берлин, 1922. С. 85.

²³⁸ [*Шелгунов Н.В.*]. Литературная собственность // Современник. 1862. № 3. С. 238.

²³⁹ *Лесков Н.С.* Собр. соч. М., 1958. Т. 10. С. 254.

²⁴⁰ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 665.

²⁴¹ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1977. Т. 19, кн. 2. С. 59.

²⁴² См.: *Чехов А.П.* Указ. соч. С. 490.

²⁴³ См.: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 509—511; М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 2. С. 60—61, 344.

²⁴⁴ М.Е. Салтыков-Щедрин в письмах, отзывах и воспоминаниях современников // Записки отдела рукописей ГБЛ. 1940. Вып. 6. С. 69.

²⁴⁵ *Амфитеатров А.В.* Собр. соч. СПб., 1912. Т. 14. С. 33.

²⁴⁶ См.: Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906. С. 89.

²⁴⁷ *Криницкий М. [Самыгин М.В.].* О «профессии» писательства // Журнал журналов. 1916. № 48. С. 3.

Глава VI. Иллюстрированный еженедельник и его подписчик

- ²⁴⁸ *Воронкевич А.С.* Русские иллюстрированные еженедельники в XIX веке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1984. № 1. С. 33.
- ²⁴⁹ Иллюстрированные юмористические журналы («Развлечение», «Стрекоза», «Осколки» и др.) имели свою специфику и здесь нами не рассматриваются.
- ²⁵⁰ Лубочные или народные картинки // Книжный вестн. 1891. № 6/7. С. 266.
- ²⁵¹ ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. Ед. хр. 21. Л. 94 об.
- ²⁵² Там же. Ед. хр. 18. Л. 23 об., 25.
- ²⁵³ ИРЛИ. Ф. 583. Ед. хр. 56, 58.
- ²⁵⁴ ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. Ед. хр. 21. Л. 95.
- ²⁵⁵ См.: Сборник статистических сведений по начальному образованию в Орловской губернии за 1900—1901 учебный год. Орел, 1902. С. 109; Статистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1903 год. Полтава, 1903. С. 127.
- ²⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. Ед. хр. 15. Л. 9 об.
- ²⁵⁷ *Личков Л.* Как и что читает народ в Восточной Сибири // Рус. мысль. 1896. № 2. С. 36.
- ²⁵⁸ Рассчитано по: *Воронов И.* Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1899. С. 103.
- ²⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. Ед. хр. 18. Л. 23 об.
- ²⁶⁰ Там же. Ед. хр. 13. Л. 38 об., 39.
- ²⁶¹ См. источники, указанные в сноске 255, а также: *Динерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М., 1986. С. 42—43.
- ²⁶² Лубочные или народные картинки. С. 266.
- ²⁶³ *Старожил.* Метранпаж Некрасова // Солнце России. 1913. № 3. С. 14.
- ²⁶⁴ *Динерштейн Е.А.* Указ. соч. С. 50.
- ²⁶⁵ ИРЛИ. Ф. 583. Д. 58. Л. 169.
- ²⁶⁶ *Чмыхов Е.С.* Реклама и премия // Развлечение. 1884. № 49. С. 1051.
- ²⁶⁷ *Горький М.* Детство. В людях. Мои университеты. М., 1975. С. 279.
- ²⁶⁸ От редакции // Родина. 1885. № 50. С. 1514.
- ²⁶⁹ ИРЛИ. Ф. 583. Ед. хр. 58. Л. 79.
- ²⁷⁰ *Быховский Н.Я.* Давно минувшее, но не забытое... // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 21.
- ²⁷¹ *Дадонов В.* «Русский Манчестер» // Рус. богатство. 1900. № 12. С. 53.
- ²⁷² *Буйко А.* Путь рабочего. М., 1934. С. 16; *Самойлов Ф.Н.* По следам минувшего. М., 1940. С. 32.
- ²⁷³ *Александров П.П.* За Нарвской заставой. Л., 1963. С. 22; *Иванов Б.* Записки прошлого. М., 1919. С. 26.

Глава VII. Газета в низовой читательской среде

²⁷⁴ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1972. Т. 13. С. 628.

²⁷⁵ См.: *Есин Б.И.* Русская дореволюционная газета. М., 1971. С. 74.

²⁷⁶ Мы не рассматриваем здесь так называемые «газеты для народа» 1860—1870 гг., не имевшие четкого читательского адреса и весьма недолговечные («Воскресный досуг», «Народная газета», «Друг народа», «Народный листок» и т.п.), которые выходили, как правило, еженедельно и были близки по типу к тонкому журналу.

²⁷⁷ *Окрейц С.С.* Литературные встречи и знакомства // Ист. вестн. 1916. № 6. С. 630.

²⁷⁸ *Щетинин Б.А.* Хозяин Москвы // Ист. вестн. 1917. № 5/6. С. 455.

²⁷⁹ *Горький М.* Детство. В людях. Мои университеты. М., 1975. С. 285.

²⁸⁰ *Решетов С.* К новой жизни. М.; Л., 1926. С. 8.

²⁸¹ Литературные рецепты // Московский листок. 1884. № 96.

²⁸² *Ленинградский С.* От земли на завод и с завода на землю. М.; Л., 1927.

С. 10.

²⁸³ См.: *Скроботов Н.А.* «Петербургский листок» за тридцать пять лет. СПб., 1914.

²⁸⁴ *Кугель А.Р.* Листья с дерева. Л., 1926. С. 29.

²⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 45.

²⁸⁶ *Лобанов В.М.* Столешники дяди Гиляя. М., 1972. С. 34.

²⁸⁷ *Old Gentleman [А. Амфитеатров].* А. Пазухин. Маленькие рассказы. М., 1898 // Новое время. 1898. № 8010. 17 июня.

²⁸⁸ См.: *Вишневский В.* Художественные фильмы дореволюционной России. М., 1945. С. 159.

²⁸⁹ *Смирнов К.Н.* В литературной тине // Развлечение. 1884. № 47. С. 989.

²⁹⁰ *Немчинов Е.И.* Воспоминания старого рабочего // Ушедшая Москва. М., 1964. С. 395.

²⁹¹ *Решетов С.* Указ. соч. С. 8.

²⁹² *Моисеенко П.А.* Воспоминания. М., 1924. С. 57—58.

²⁹³ См., напр., подборку писем в газете И.С. Аксакова «Русь» (1885. № 6. 9 февраля).

²⁹⁴ Цит. по: Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 514.

²⁹⁵ *Дмитриев Д.* За четверть века // Моск. ведомости. 1903. № 105.

²⁹⁶ *Гейнце Н.Э.* Сочинения. СПб., 1898. Т. I. С. XIII.

²⁹⁷ Рус. богатство. 1893. № 8. С. 61.

²⁹⁸ *Буйко А.* Путь рабочего. М., 1934. С. 16.

²⁹⁹ *Гразкин Д.И.* За темной ночью день вставал... М., 1975. С. 74.

³⁰⁰ *Краснов М.* Из жизни. М., 1930. С. 15.

³⁰¹ *Шестаков П.* Материалы для характеристики фабричных рабочих // Рус. мысль. 1900. № 1. С. 177—178.

³⁰² Рассказ впервые опубликован в журнале «Будильник» (1865. № 6, 7).

³⁰³ *Михайлов Н.М.* Материалы об издании народной газеты // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1899. № 1. С. 38, 59, 77.

³⁰⁴ *Исаев А.А.* В Ярославской губернии // Отечественные записки. 1880. № 8. С. 174 (паг. 2); см. также: *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. М., 1960. С. 243.

³⁰⁵ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 9. Народное образование. М., 1884. С. 150.

³⁰⁶ ОР РГБ. Ф. 358. К. 6. Ед. хр. 16. Л. 23 об.

³⁰⁷ Положительную оценку газеты и особенно крестьянских корреспонденций дал в 1890 г. Г. Успенский в статье «Корреспонденты и публицисты» (см.: *Успенский Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 12. С. 266—287).

³⁰⁸ См.: *Есин Б.И.* Путешествие в прошлое (Газетный мир XIX века). М., 1983. С. 66. О популярности «Сельского вестника» см. также: Сборник статистических сведений по начальному народному образованию в Орловской губернии за 1900—1901 учебный год. Орел, 1902. С. 109.

³⁰⁹ ОР РГБ. Ф. 358. К. 6. Ед. хр. 17. Л. 102 об.

³¹⁰ Там же. К. 5. Ед. хр. 14. Л. 9.

³¹¹ Там же. Ед. хр. 15. Л. 8 об.

³¹² *Михайлов Н.М.* Указ. соч. С. 100, 106.

³¹³ См.: *Тарутин А.* Что читают крестьяне Удимской волости и как они относятся к школе и книге // Рус. школа. 1892. № 1. С. 144; см. также: ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. Д. 4. Л. 2.

³¹⁴ См.: *Михайлов Н.М.* Указ. соч. Во многом близкие результаты были получены и при изучении аудитории газеты «Хуторянин». См.: *Имшенецкий Я.К.* «Хуторянин» и его читатели. Полтава, 1901.

³¹⁵ Цит. по: *Михайлов Н.М.* Указ. соч. С. 39. Далее страницы по этому источнику указываются в тексте.

³¹⁶ Сборник статистических сведений по Московской губернии... С. 152.

³¹⁷ См.: *Пругавин А.С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд. СПб., 1895. С. 215—216.

³¹⁸ См.: Сборник статистических сведений по Московской губернии... С. 150.

³¹⁹ См.: Статистический ежегодник Московской губернии за 1905 год. М., 1906. Ч. 1. С. 170—171.

³²⁰ Там же. С. 175.

³²¹ *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 290.

Глава VIII. Книга и крестьянин: изменение отношения к чтению

³²² См.: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 16—19.

³²³ См.: *Успенский Б.А.* Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.

³²⁴ См.: *Seemann K.D.* «Диглоссия» и системы языковой коммуникации в Древней Руси // IX Международный съезд славистов: Резюме докладов и письменных сообщений. Киев, сентябрь 1983. М., 1983. С. 54.

³²⁵ Дополнительным аргументом в пользу этого вывода являются свидетельства об общих исторических корнях слов «читать» и «почитать», «чтить». См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 367, 374—375.

³²⁶ См.: *Каждан А.П.* Книга и писатель в Византии. М., 1973. С. 47.

³²⁷ История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 20.

³²⁸ *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978. С. 207.

³²⁹ См.: *Сапунов Б.В.* Указ. соч. С. 199.

³³⁰ Характерно, что лишь в XVII в. в русском языке возникло существительное «читатель» со значением, близким современному. Ранее было известно только слово «чтец», обозначавшее служащего, главным образом — церковного. См.: *Кондакова Т.И.* О наименовании понятия «читатель» в русском литературном языке XVIII века // *Федоровские чтения*, 1976. М., 1978. С. 109—115.

³³¹ См.: *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет. М., 1973. С. 56.

³³² *Зайцев И.К.* Воспоминания старого учителя // *Рус. старина*. 1887. № 6. С. 665.

³³³ *Чечерский Л.* [*Корхов Л.*]. Из школьных воспоминаний крестьянина // *Нева*. 1911. № 7. С. 597—598.

³³⁴ *Мартынов С.В.* Современное положение русской деревни. Саратов, 1903. С. 56.

³³⁵ *Подъячев С.П.* Моя жизнь. М., 1934. С. 17—18.

³³⁶ См.: *Курмачева М.Д.* Крепостная интеллигенция России. М., 1983. С. 84—113.

³³⁷ *Гольшев И.А.* Картинное и книжное производство и торговля // *Рус. старина*. 1886. № 3. С. 711.

³³⁸ *Ан-ский С. А.* [*Раннопорт С.А.*]. Народ и книга. М., 1913. С. 70.

³³⁹ См.: ОР РГБ. Ф. 358. К. 6. Ед. хр. 17. Л. 13; К. 5. Ед. хр. 13. Л. 26 об; К. 6. Ед. хр. 18. Л. 25.

³⁴⁰ Цит. по: *Шербань Н.* Воспоминания крепостного // *Рус. вестн.* 1877. № 7. С. 339—340.

³⁴¹ *Сорокин Н.П.* Автобиография крестьянина // *Сев. вестн.* 1885. № 1. С. 82.

³⁴² *Бобков Ф.Д.* Из записок бывшего крепостного человека // *Ист. вестн.* 1907. № 5. С. 448—449.

³⁴³ *Статуев Е.* Из детских воспоминаний крестьянина // *Сев. вестн.* 1885. № 7. С. 99.

³⁴⁴ Цит. по: *Рубакин Н.* К характеристике читателя и писателя из народа // *Сев. вестн.* 1891. № 5. С. 64.

³⁴⁵ *Буйко А.* Путь рабочего. М., 1934. С. 15.

³⁴⁶ *Артамонов А.* От деревни до каторги. М.; Л., 1929. С. 11.

³⁴⁷ *Флоренсов Я.* Обязанности крестьянина. СПб., 1859. С. 19.

³⁴⁸ *Будрин Г.* Поучение 2-е о том, что всем должно учиться грамоте // *Екатеринбургские епархиальные ведомости*. 1886. № 34. С. 760.

³⁴⁹ Поучение о пользе грамотности // *Сельский вестн.* 1887. № 43.

³⁵⁰ *Хромов П.А.* Экономическое развитие России. М., 1967. С. 321.

³⁵¹ См.: *Рашин А.Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // *Ист. зап.* М., 1951. Вып. 37. С. 43.

³⁵² Об аналогичных формах обучения грамоте в городской среде см.: *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 274—276.

³⁵³ Гончаров И.А. Собр. соч. М., 1954. Т. 7. С. 324.

³⁵⁴ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 68.

³⁵⁵ Орелкин П. Ответы окончивших курс в народных школах на вопросы редакции «Русского начального учителя» // Рус. нач. учитель. 1893. № 12. С. 547.

³⁵⁶ Воронов И. Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1899. С. 15—21.

³⁵⁷ Акимов В. Книга в деревне // Журн. М-ва нар. просвещения. 1906. № 5. С. 11—61; Воронов И. Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1899; Личков Л. Как и что читает народ в Восточной Сибири // Рус. мысль. 1896. № 1. С. 31—46; № 2. С. 28—42; Сборник статистических сведений по Московской губернии. М., 1884. Т. 9; Статистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1903 год. Полтава, 1903; Смирнов А. Книга во Владимирской деревне // Вестн. Владим. губерн. земства. 1905. № 5/6. С. 54—79.

³⁵⁸ Ежегодник: Опыт обзора книг для народного чтения. 1892. М., 1893. С. 7.

³⁵⁹ Сборник статистических сведений по Московской губернии. С. 156.

³⁶⁰ Воронов И. Указ. соч. С. 48.

³⁶¹ Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. М., 1896. С. 39.

³⁶² Девель В. Городские и сельские библиотеки и читальни для народа. СПб., 1892. С. 56.

³⁶³ Смирнов А. Указ. соч. С. 57, 58.

³⁶⁴ Орелкин П. Указ. соч. С. 503.

³⁶⁵ Титов А. К истории самообразования в России // Рус. мысль. 1908. № 7. С. 84.

³⁶⁶ Цит. по: Титов А. Указ. соч. С. 85—86.

³⁶⁷ Жабко М. Из далекого прошлого. М.; Л., 1930. С. 14.

³⁶⁸ Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. М., 1975. С. 152.

³⁶⁹ Шаповалов А. В борьбе за социализм. М., 1934. С. 256.

Глава IX. Лубочная книга и крестьянский читатель

³⁷⁰ Снегирев И. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1961. С. 6.

³⁷¹ Трахимовский Н. Офени // Рус. вестн. 1866. № 6. С. 580.

³⁷² Забелин И. Заметка о памятниках простонародной литературы // Библиографические записки. 1892. № 2. С. 79.

³⁷³ См., напр.: Лубок: Русские народные картинки XVII—XVIII вв. М., 1968; The Lubok. L., 1984, и др.

³⁷⁴ О лубочной литературе исследуемого периода см.: Блюм А.В. Русская лубочная книга второй половины XIX века // Книга: Исслед. и материалы. М., 1981. Сб. 42. С. 94—114.

³⁷⁵ См.: Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 74.

³⁷⁶ См.: Гиляров-Платонов Н. Из пережитого. М., 1886. Ч. I. С. 179.

- ³⁷⁷ *Засодимский П.В.* Из воспоминаний. М., 1908. С. 94, 134.
- ³⁷⁸ *Богатырев П.И.* Московская старина // Ушедшая Москва. М., 1965. С. 115.
- ³⁷⁹ *Русанов Н.С.* На родине. М., 1931. С. 45—46.
- ³⁸⁰ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 499.
- ³⁸¹ ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. Ед. хр. 2. Л. 4.
- ³⁸² См. об истории повестей: *Пушкарев Л.Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980.
- ³⁸³ См.: *Якуб А.* Современные народные песенники // Изв. ОРЯС Академии наук. Т. 19, кн. 1. С. 47—92; *Копанева Н.П.* Песенники для народа в XIX в. // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983. С. 226—232.
- ³⁸⁴ *И.О.Ф. [Фесенко И.О.]*. Что читает наш народ? // Народная школа. 1876. № 6/7. С. 94.
- ³⁸⁵ Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. 20. С. 575.
- ³⁸⁶ *Ивин И.С.* Автобиография // Лубочная книга. М., 1990. С. 371.
- ³⁸⁷ *Ивин И.С.* О народно-лубочной литературе // Рус. обозрение. 1893. № 9. С. 259.
- ³⁸⁸ *Родников В.* Очерки по вопросам народного чтения и народной литературы. Киев, 1914. С. 13.
- ³⁸⁹ См.: 35-летний юбилей «Посредника» // Истинная свобода. 1920. № 1. С. 13.
- ³⁹⁰ *Сперанский М.Н.* Гоголь в народной книжке и картинке // Гоголевский сборник. Киев, 1902. С. 180.
- ³⁹¹ ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 12.
- ³⁹² *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 152.
- ³⁹³ *Сытин И.Д.* Жизнь для книги. М., 1962. С. 45.
- ³⁹⁴ *Яковлев Г.* Какою должна быть крестьянская книга? // Наблюдатель. 1892. № 7. С. 45.
- ³⁹⁵ См.: *Мельников П.* Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 годах. Нижний Новгород, 1846. С. 204—208; *Аксаков И.* Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858. С. 92, 117, 136, 380; *А.Р. [Русов А.А.]*. Книжная торговля на Воздвиженской ярмарке 1895 г. в Чернигове // Зем. сб. Чернигов. губ. 1896. № 2/3. С. 38—68; *А.О.* Продажа книг и картин для народа на Нижегородской ярмарке 1899 г. // Рус. школа. 1895. № 2. С. 254—255.
- ³⁹⁶ *Безобразов В.П.* Народное хозяйство в России. СПб., 1882. Ч. I. С. 217.
- ³⁹⁷ См.: *Воронов И.* Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1899. С. 90.
- ³⁹⁸ См. воспоминания одного из таких офень: *Свешников Н.И.* Воспоминания пропавшего человека / Подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. А.И. Рейтблата. М., 1996.
- ³⁹⁹ *Горшков Ю.А.* Торговля народными изданиями и концентрация торгового капитала в лубочном книжном деле пореформенной России (1860—1870-е гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в. Л., 1983. С. 110.

⁴⁰⁰ Сытин И.Д. Указ. соч. С. 57.

⁴⁰¹ Ежегодник. Обзор книг для народного чтения. 1894. М., 1895. С. 3.

⁴⁰² Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. М., 1896. С. 6.

⁴⁰³ Ежегодник. С. 10, 13, 17.

⁴⁰⁴ ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 12—13.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 12.

⁴⁰⁶ Ан-ский С.А. [*Раппопорт С.А.*]. Народ и книга. М., 1913. С. 69, 70.

⁴⁰⁷ Бобров А.А. Крестьянин и книга. Владимир, 1908. С. 30, 14.

⁴⁰⁸ Смирнов А. Книга во Владимирской деревне // Вестник Владимирского губернского земства. 1905. № 5/6. С. 54—55; Статистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1903 год. Полтава, 1903. С. 143.

⁴⁰⁹ Воронов И. Указ. соч. С. 54, 62.

⁴¹⁰ Берман Б. Читатель жития // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 162, 180.

⁴¹¹ Каринский Н.С. Что читает крестьянское население Орловской губернии и как оно относится к книге // Сборник статистических сведений по начальному народному образованию в Орловской губернии за 1900—1901 учебный год. Орел., 1902. С. 115.

⁴¹² Громыко М.М. Указ. соч. С. 152.

⁴¹³ ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. Ед. хр. 15. Л. 1.

⁴¹⁴ Цит. по: Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и биографиях. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 3—4.

⁴¹⁵ См.: Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967; Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979; Громыко М.М. Указ. соч., и др.

⁴¹⁶ См.: Коган Л.А. Крепостные вольнодумцы. М., 1966; Курмачева М.Д. Крепостная интеллигенция России. М., 1983.

⁴¹⁷ Ивин И.С. Автобиография. С. 353.

⁴¹⁸ ИРЛИ. Ф. 586. Ед. хр. 305 (Автобиография Л.М. Григорова).

⁴¹⁹ См.: Емелья Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976; Персиц М.М. Атеизм русского рабочего (1870—1905 гг.). М., 1965.

⁴²⁰ См.: Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature. 1861—1917. Princeton, 1985. P. 361.

Глава X. Земские сельские «народные библиотеки» и их аудитория

⁴²¹ Веселовский Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 1 (главы 35, 37); Медынский Е.Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. 5-е изд., доп. М., 1918 (гл. 10); Чарнолуцкий В. Земство и народное образование. СПб., 1916. Ч. 1 (гл. 11).

⁴²² См.: Абрамов К.И. История библиотечного дела в СССР. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1980. С. 70—71, 96—97. [К настоящему времени опубликован ряд специальных работ, см.: Абрамов В.Ф. Земские библиотеки в

России // История библиотек: Исследования, материалы, документы. СПб., 1999. Вып. 2. С. 8—27; *Матвеев М.Ю.* Земские народные библиотеки в дореволюционной России: становление и развитие // Там же. СПб., 2000. Вып. 3. С. 9—28. — *Примеч. 2009 г.*]

⁴²³ См.: *Копанев А.И.* Волостные крестьянские библиотеки XVI—XVII вв. // Русские библиотеки и их читальни. Л., 1983. С. 59—70.

⁴²⁴ [*Маслов С.А.*]. О народных сельских библиотеках // О всенародном распространении грамотности в России на религиозно-нравственном основании. М., 1849. С. 262—264; *И.И.М.* Церковные библиотеки, как способ распространения религиозно-нравственного образования в народе // Воскресное чтение. 1861. № 10. С. 272.

⁴²⁵ *И.И.М.* Церковные библиотеки, как способ распространения религиозно-нравственного образования в народе // Воскресное чтение. 1861. № 10. С. 272.

⁴²⁶ *Думитрашко Н.* О сельских церковных библиотеках // Руководство для сельских пастырей. 1861. № 37. С. 62; см. также: *М-кий В.* Народные библиотеки или читальни // Мирской вестн. 1866. № 6. С. 44—49; *Д.* К решению одного недоумения по вопросу о церковно-приходских библиотеках // Руководство для сельских пастырей. 1865. № 18. С. 22—28.

⁴²⁷ *Архимандрит Иерофей.* Заметка о народных библиотеках // Домашняя беседа. 1865. № 19. С. 611—614.

⁴²⁸ *Н.К.* О возможности устройства сельских библиотек в России // Книжный вестн. 1861. № 9. С. 9; *И. М-з.* Об устройстве народных книжен или библиотек // Книжный вестн. 1863. № 13. С. 232—233.

⁴²⁹ *И.Ш.* О народных читальнях // Народная школа. 1869. № 8. С. 34—38; см. также: Необходимость библиотек при земских училищах // Всеобщая газета. 1869. № 90.

⁴³⁰ *М.В.* О народных библиотеках // Современный листок. 1868. № 48.

⁴³¹ *Р.* О народных библиотеках // Сын отечества. 1871. № 49.

⁴³² *Чихачев А.И.* Сельская библиотека в селе Зименках, близ города Шуи, в Ковровском уезде // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1857. № 10.

⁴³³ *Смышляев Д.Д.* Подробные сведения о библиотеке села Иванишевского за 20 месяцев ее существования // Пермские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1861. № 11.

⁴³⁴ О сельских библиотеках для чтения // Грамотей. 1862. Кн. 4. С. 29—32.

⁴³⁵ *Абрамов Я.* Хроника народного образования // Рус. школа. 1892. № 3. С. 199—201.

⁴³⁶ *П-в Н.П.* Воскресные народные собрания и народная библиотека в Вожгальском сельском училище // Вятские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1863. № 43.

⁴³⁷ *В.М.* Несколько слов о сельских читальнях. М., 1866. 16 с.

⁴³⁸ Там же. С. 3.

⁴³⁹ Цит. по: *Б.* Общественные библиотеки // Современная летопись. 1861. № 22. С. 3.

- ⁴⁴⁰ *И.Ш.* О народных читальнях // Народная школа. 1869. № 8. С. 38.
- ⁴⁴¹ Начальное народное образование в Тульской губернии в 1895—97 учебном году. Тула, 1898. С. 72.
- ⁴⁴² *Медынский Е.Н.* Указ. соч. С. 166.
- ⁴⁴³ См.: *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. М., 1977.
- ⁴⁴⁴ Там же. С. 153.
- ⁴⁴⁵ См.: Указания о бесплатных народных библиотеках. СПб., 1894; Руководство к устройству бесплатных народных библиотек и читален. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 1896.
- ⁴⁴⁶ *Протопопов Д.Д.* История С.-Петербургского комитета грамотности. СПб., 1898.
- ⁴⁴⁷ Об одной из таких библиотек в Вятской губернии, где библиотекарем был известный сельский врач С.И. Сычугов, см.: *Сычугов С.И.* Записки бурсака. М.; Л, 1933. С. 309—314, 324—326.
- ⁴⁴⁸ *Медынский Е.Н.* Указ. соч. С. 170, 172, 173.
- ⁴⁴⁹ См.: *Закс Б.* Земское библиотечное дело // Учитель и школа. 1915. № 3. С. 16.
- ⁴⁵⁰ *Веселовский Б.* К вопросу о классовых интересах в земстве. СПб., 1905. С. 4.
- ⁴⁵¹ *Девель В.* Городские и сельские библиотеки и читальни для народа. СПб., 1892. С. 56, 57.
- ⁴⁵² Рассчитано по: *Протопопов Д.Д.* Указ. соч. С. 191.
- ⁴⁵³ Особенности организации земства были таковы, что централизованное руководство земской деятельностью на всероссийском уровне отсутствовало, а в рамках губернии уездные управы во многом были независимы от губернской.
- ⁴⁵⁴ *Чернолуцкий В.* Указ. соч. С. 172.
- ⁴⁵⁵ *Медынский Е.Н.* Указ. соч. С. 112.
- ⁴⁵⁶ Там же. С. 132.
- ⁴⁵⁷ Рассчитано нами на основе данных о численности всего населения России и городского населения (см.: *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811—1913). М, 1956. С. 26, 88).
- ⁴⁵⁸ Рассчитано по: Статистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1903 год. Полтава, 1903.
- ⁴⁵⁹ Статистический сборник по С.-Петербургской губернии. 1896 год. СПб., 1897. Вып. 2. С. 48.
- ⁴⁶⁰ Статистический ежегодник Вятской губернии за 1899 год. Вятка, 1901. С. 209—214.
- ⁴⁶¹ Очерк положения начального народного образования в Смоленской губернии в 1897—98 учебном году. Смоленск, 1901. С. 25.
- ⁴⁶² Школа, литература и жизнь // Вестник воспитания. 1898. № 3. С. 118.
- ⁴⁶³ *Вахтеров В.П.* Внешкольное образование народа. М., 1896. С. 39.
- ⁴⁶⁴ *Медынский Е.Н.* Указ. соч. С. 112.
- ⁴⁶⁵ Сборник статистических сведений по Московской губернии. М., 1884. Т. 9. С. 155.

⁴⁶⁶ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самара., 1885. Т. 3. С. 190.

⁴⁶⁷ См.: Народные бесплатные библиотеки-читальни во Владимирской губернии и порядок открытия их при материальной помощи губернского земства. Владимир, 1900. С. 17; *Ковалевский Н.З.* По сельским библиотекам // Образование. 1902. № 4. С. 113; Статистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1903 год. Полтава, 1903. С. 91.

Приложение 2. Чтение в России (1861—1917): Аннотированный библиографический указатель исследовательских публикаций

⁴⁶⁸ *Мезьер А.В.* Словарный указатель по книговедению. Л., 1924; *Мезьер А.В.* Словарный указатель по книговедению. М.; Л., 1931—1934. Ч. 1—3; *Григорьев В.Н.* Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917. М., 1926—1927. Вып. 1—2; *Никольцева Г.Д.* Книга в России, 1850-е гг. — 1917. Ч. 1: Период с середины 50-х гг. до середины 90-х гг.: Указатель дореволюционной литературы. Л., 1986; *Белов С.В.* Книга в России. 1850—1917 гг.: Материалы к указателю советской литературы (1917—1982 гг.). 2-е изд., доп. Л., 1983; *Фурсенко Л.И.* Книговедение (регулярно в сб.: Книга: Исслед. и материалы).

⁴⁶⁹ Сведения о методических и методологических публикациях того времени можно найти в кн.: *Банк Б.В.* Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969.

СТАТЬИ

Взаимоотношения авторов и издателей во второй половине XIX — начале XX века

Статья подготовлена на основе следующих публикаций: Взаимоотношения авторов и издателей // Книга в России. 1861—1881. М., 1991. Т. 3. С. 28—44; Взаимоотношения авторов и издателей // Книга в России, 1881—1895. СПб., 1997. С. 182—189; Взаимоотношения авторов и издателей // Книга в России, 1895—1917. СПб., 2008. С. 441—450.

¹ *Лисовский Н.М.* Периодическая печать в России // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати, 1703—1903. СПб., 1903. С. 21—22.

² *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1966. Т. 5. С. 142.

³ Ср. данные о численности литераторов в кн.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 230—231.

⁴ Выборочную совокупность, на основе которой производились подсчеты, составили писатели, представленные в первом томе биографиче-

ского словаря «Русские писатели 1800—1917 гг.» (М., 1989). Не являясь исчерпывающим (общее число выступивших в эти годы авторов в 3—4 раза превышает число лиц, вошедших в словник), словарь тем не менее включает большинство регулярно печатавшихся литераторов. Учитывая принципы составления словаря, можно констатировать, что газетные и журнальные поденщики, число которых ощутимо выросло в 1880—1890-х гг., отражены в этом справочнике в минимальной мере, и, соответственно, наши подсчеты несколько занижают реальный рост.

⁵ Цит. по: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Издание подгот. А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 505—506.

⁶ [Н.Ш.] Шелгунов Н.В. Внутреннее обозрение // Дело. 1879. № 11. С. 89.

⁷ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 114.

⁸ Данилевский Г.П. Соч. СПб., 1902. Т. 1. С. 61.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 3. Л. 125 (рукопись воспоминаний Н.П. Баллина «50 лет моей жизни»).

¹⁰ Круглов А.В. Почему // Дневник писателя. 1907. № 1. С. 4.

¹¹ Цит. по: Сажин В.Н. Литературный фонд в годы революционной ситуации // Эпоха Чернышевского. М., 1978. С. 140.

¹² Мещерский В.П. Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2. С. 158—159.

¹³ К[ривенко] С.Н. Из литературных воспоминаний // Ист. вестн. 1890. № 2. С. 266.

¹⁴ См.: Елисеев Г.З. О литературной богеме шестидесятых годов // Антонович М.А. Воспоминания; Елисеев Г.З. Воспоминания. М., 1965. Т. 1. С. 372; Чешихин-Ветринский В. Г.И. Успенский. М., 1929. С. 46—51.

¹⁵ О роли редактора см.: Рейтблат А.И. Из истории редакторской профессии в России // Редактор и книга. М., 1986. Вып. 10. С. 108—123.

¹⁶ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1973. Т. 7. С. 310.

¹⁷ К[ривенко] С.Н. Указ. соч. С. 267.

¹⁸ Цит. по: Елисеев Г.З. Соч. М., 1894. Т. 1. С. 475.

¹⁹ См.: Т.З. [Шелгунов Н.В.] Литературные рабочие // Современник. 1861. № 10. С. 189—210; Конради Е. Организация литературного труда // Русские общественные вопросы. СПб., 1872. С. 253—299.

²⁰ Голос. 1868. 20 авг.

²¹ [Тихменев] Л. [Примечание к статье: С.-Петербургский книгопродавец. Замечания на статью г. А.Р.] // Рус. библиогр. листок. 1858. № 11. С. 5.

²² См. подробнее: Книга в России, 1861—1881. М., 1990. Т. 2. С. 49—52.

²³ Цит. по: Либрович С.Ф. На книжном посту. Пг.; М., 1916. С. 286.

²⁴ См., напр.: Мясоедов П.А. Самопомощь как средство к удешевлению книг и устранению невыгодных условий умственного труда. СПб., 1868. 43 с.

²⁵ Цит. по: Собиратели книг в России. М., 1988. С. 34.

²⁶ Че-н М. Издатели // Книжный вестн. 1863. № 15. С. 282; об авторских изданиях см. также: Львов Е. Еще об условиях книжного дела // Современные известия. 1875. 26 нояб.

- ²⁷ См.: *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1981. С. 253—258.
- ²⁸ По поводу книжного рынка // *Российская библиография*. 1880. № 58. С. 169.
- ²⁹ *Снегирев Л.Ф.* Первое издание деревенских очерков Глеба Успенского // *Голос минувшего*. 1914. № 4. С. 214.
- ³⁰ См.: *Лисовский Н.М.* Указ. соч. С. 22, 24.
- ³¹ См.: *Муратов М.В.* Книжное дело в России в XIX и XX веках. М.; Л., 1931. С. 203.
- ³² Об этом свидетельствуют и данные переписей населения Петербурга, где было сосредоточено значительное число женщин, занимающихся литературой. Если в 1881 г. среди ученых и литераторов (подсчет шел суммарный, но число ученых среди женщин было невелико) на долю женщин приходилось 18%, то в 1890 г. — лишь 13% (см.: *В. Яр.* [*Яроцкий В.Г.*]. Литературная, издательская и библиотечная деятельность в Петербурге // *Книговедение*. 1894. № 3. С. 6).
- ³³ *Wlas* [*В. Дорошевич*]. Литератор поневоле // *Будильник*. 1887. № 19. С. 8.
- ³⁴ Цит. по: *Венгеров С.А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1904. Т. 6. С. 368.
- ³⁵ Там же. С. 332.
- ³⁶ [*Передовая*] // *Книжный вестн.* 1887. № 4/5. С. 160—161.
- ³⁷ *Лесков Н.С.* Собр. соч. М., 1958. Т. 11. С. 260.
- ³⁸ См.: *Сементковский Р.* Встречи и столкновения // *Рус. старина*. 1912. № 3. С. 497—498.
- ³⁹ Книжное и литературное дело // *Библиограф*. 1892. № 4/5. С. 209. См. также: *Сытин И.Д.* Жизнь для книги. М., 1962. С. 45—47.
- ⁴⁰ См.: *Бахтиаров А.А.* История книги на Руси. СПб., 1890. С. 259.
- ⁴¹ Цит. по: Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1928. Вып. 42. С. 84.
- ⁴² См.: Там же. С. 100.
- ⁴³ *Столичный книгопродавец*. Письмо в редакцию // *Книжный вестн.* 1887. № 7. С. 299.
- ⁴⁴ *Книжный вестн.* 1884. № 3/4. Стб. 83—84; см. также передовую: *Книжный вестн.* 1886. № 6. С. 297—301.
- ⁴⁵ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1977. Т. 19. С. 50.
- ⁴⁶ См.: Там же. Т. 19. С. 49; Т. 20. С. 109.
- ⁴⁷ *Лесков Н.С.* Собр. соч. Т. 11. С. 260.
- ⁴⁸ *Успенский Г.И.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 14. С. 61.
- ⁴⁹ *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. London, 1990. С. 229.
- ⁵⁰ *Гумилевский Л.* Судьба и жизнь // *Волга*. 1988. № 7. С. 150—151.
- ⁵¹ *Гриневицкая А.Д.* Горький в Нижнем Новгороде // *Максим Горький в воспоминаниях современников*. М., 1981. Т. 1. С. 75.
- ⁵² См.: *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. С. 167—222; *Он же.* Журнал и читатели: (Результаты анкеты «Нового журнала для всех») // *Новый журнал для всех*. 1911. № 36. Стб. 111—120; № 37. Стб. 115—124; *Николаев А.А.* Хлеба и Света. СПб., 1910; *Он же.* Демокра-

тический читатель по данным анкеты «Вестника знания» // Вестник знания. 1913. № 6. С. 576—587; *Яхонтов И.* Народный учитель и книга // Вестн. Новгородского земства. 1904. № 4. С. 50—57; № 5. С. 41—49.

⁵³ *Журналист [Короленко В.Г.]*. О сборниках товарищества «Знание» за 1903 г. // Рус. богатство. 1904. № 8. С. 130 (паг. 3).

⁵⁴ *Телешов Н.* Записки писателя // Телешов Н. Избр. соч. М., 1956. Т. 3. С. 112. См. также: *Зайцев Б.* Максим Горький // Зайцев Б. Мои современники. London, 1988. С. 99.

⁵⁵ См.: *Куприна-Иорданская М.К.* Годы молодости. М., 1966. С. 23, 224; *Куприна К.А.* Куприн — мой отец. М., 1971. С. 28, 32.

⁵⁶ *Серафимович А.С.* Воспоминания о Горьком // Максим Горький в воспоминаниях современников. М., 1981. Т. 1. С. 155.

⁵⁷ См.: «Вас как художника ставлю высоко»: (Письма К.П. Пятницкого к И.А. Бунину) / Вступ. ст., публ. и примеч. С.Д. Воронина // Книга: Исслед. и материалы. М., 1989. Сб. 58. С. 132.

⁵⁸ См.: *Голубева О.Д.* Горький — издатель. М., 1968. С. 14—15.

⁵⁹ См.: *Голубева О.Д.* Из истории издания русских альманахов начала XX века // Книга: Исслед. и материалы. М., 1960. Сб. 3. С. 318.

⁶⁰ См.: *Нинов А.* Бунин в «Знании» // Рус. литература. 1964. № 1. С. 197.

⁶¹ См.: Одесские новости. 1909. 3 дек.

⁶² *Клестов-Ангарский Н.* Литературные воспоминания // Вопросы литературы. 1992. № 2. С. 336. Ср.: *Вересаев В.* Воспоминания. М., 1982. С. 515.

⁶³ Цит. по.: *Видуэцкая И.П.* А.П. Чехов и его издатель А.Ф. Маркс. М., 1977. С. 10. Ср.: *Лемке М.* Думы журналиста. СПб., 1903. С. 52—53.

⁶⁴ См.: Гонорары писателей и артистов // Современная Русь. 1907. № 3.

⁶⁵ Письма Н. Тэффи Ф.И. Благову // РГБ. Ф. 259. К. 22. Ед. хр. 66. Л. 9, 16.

⁶⁶ *Пильский П.* Роман лицемера // Балтийский архив. Рига, 1999. Вып. IV. С. 330.

⁶⁷ См.: *Брихничев И.* Государственная Дума и построчная плата // Московская газета-копейка. 1911. № 6.

⁶⁸ См.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. М., 1997. Т. 1. С. 141, 196.

⁶⁹ См.: *Клейнборт Л.* Литераторы и литературный труд // Новый журнал для всех. 1911. № 30. Стб. 109.

⁷⁰ *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. М., 1992. Т. 2. С. 20.

⁷¹ *Зарин А.Е.* Былые гонорары // Журнал журналов. 1915. № 26. С. 16—17.

⁷² См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 41, 62, 65.

⁷³ *Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 149.

⁷⁴ См. статью «Роман литературного краха» в данной книге.

⁷⁵ Письма К.А. Тренева к А.А. Измайлову / Публ. Л.Н. Ивановой // Рус. литература. 1979. № 4. С. 175.

⁷⁶ *Бурлюк Д.* Воспоминания отца русского футуризма // Минувшее. М., 1991. Вып. 5. С. 21.

⁷⁷ См.: *Голубева О.Д.* Издательское товарищество писателей (1911—1914) // Книга: Исслед. и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 413.

- ⁷⁸ См.: РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 41.
- ⁷⁹ См.: *Голубева О.Д.* Книгоиздательство «Парус» (1915—1918) // Книга: Исслед. и материалы. М., 1966. Сб. 12. С. 177, 179.
- ⁸⁰ См. договор: РГАЛИ. Ф. 326. Оп. 2. Ед. хр. 4.
- ⁸¹ *Гумилевский Л.* Указ. соч. // Волга. 1988. № 7. С. 146; № 8. С. 109.
- ⁸² Первые литературные шаги. М., 1911. С. 175.
- ⁸³ См.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Paris, 1983. Т. 1. С. 26.
- ⁸⁴ См.: *Толстая А.* Младшая дочь // Новый мир. 1988. № 11. С. 193.
- ⁸⁵ *Вересаев В.* Воспоминания. М., 1982. С. 507, 509.
- ⁸⁶ См.: *Голубева О.Д.* Издательское товарищество писателей (1911—1914). С. 410—430.
- ⁸⁷ См.: *Голубева О.Д.* Книгоиздательство писателей в Москве (1912—1923 гг.) // Книга: Исслед. и материалы. М., 1965. Сб. 10. С. 192—220.
- ⁸⁸ *Вересаев В.* Указ. соч. С. 508—509.
- ⁸⁹ *Палей А.Р.* Встречи на длинном пути. М., 1990. С. 114.
- ⁹⁰ См.: *Гречишкин С.С.* Архив С.А. Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 6—7.
- ⁹¹ См.: Лит. наследство. М., 1986. Т. 85. С. 360—361.
- ⁹² См.: *Гречишкин С.С.* Указ. соч. С. 12.
- ⁹³ *Воронин С.Д.* Архивы литературно-художественных издательств в России конца XIX — начала XX вв. Выявление, методика реконструкции. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 14.
- ⁹⁴ См., напр.: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 339; Ф. 202. Оп. 1. Ед. хр. 218; Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 6, 7, 16, 26, 30, 41; Ф. 597. Оп. 1. Ед. хр. 496; Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 67.
- ⁹⁵ См.: ЦИАМ. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 7.

Читательская аудитория в начале XX века

Печатается по: Читательская аудитория // Книга в России, 1895—1917. СПб., 2008. С. 635—654.

- ¹ См.: *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет. М., 1973. С. 103.
- ² *Дубин Б.В.* Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 65.
- ³ *Миронов Б.Н.* Грамотность в России 1797—1917 годов // История СССР. 1985. № 4. С. 149.
- ⁴ Подсчитано нами по: Города России в 1910 году. СПб., 1914.
- ⁵ См.: *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811—1913). М., 1956. С. 88.
- ⁶ См.: *Медынский Е.Н.* Внешкольное образование, его значение, организация и техника. 5-е изд., доп. М., 1918. С. 132.
- ⁷ См.: *Поршнев Г.И.* История книжной торговли в России // Книжная торговля. М.; Л., 1925. С. 126, 130.

⁸ См.: *Грачева А.М.* Бестселлеры начала XX в. (К вопросу о феномене успеха) // *Русская культура XX века на родине и в эмиграции.* М., 2000. Вып. 1. С. 61—75.

⁹ При проведении подсчетов суммарных тиражей для изданий, тираж которых неизвестен, мы экспертно «задавали» нужную цифру по аналогии с изданиями этого же типа и уровня распространенности, данные по которым имеются в доступных нам источниках. О корректности подобных условных подсчетов свидетельствует тот факт, что, по данным Б.И. Есина (*Есин Б.И.* Русская дореволюционная газета. М., 1971. С. 74), суммарная величина общего разового тиража *всех* (856 наименований) русских газет в 1913 г. составляла 2,7 млн экз., что близко к результатам наших подсчетов (следует принять во внимание, что мы не учитывали еженедельные, профессиональные, национальные газеты, а также эфемерные издания: общее число учтенных у нас органов составляет 453, причем тут присутствуют самые распространенные и многотиражные издания).

¹⁰ О роли массовой прессы в этот период см. также: *Ferenczi C.* Freedom of the Press under the Old Regime, 1905—1914 // *Civil Rights in Imperial Russia* Oxford, 1989. P. 191—214.

¹¹ *Brooks J.* Readers and Reading at the End of the Tsarist Era // *Literature and Society in Imperial Russia, 1800—1914.* Stanford, 1978. P. 98.

¹² См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 8, 18, 23.

¹³ *Светлов В.* Зерна Истины // *Нива.* 1904. № 50. С. 1014.

¹⁴ *Муратов М.В.* Книжное дело в России в XIX и XX веках. М.; Л., 1931. С. 153, 188.

¹⁵ *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. London, 1990. С. 192.

¹⁶ *Герасимов Л.* [*Сиротский Ф.Г.*] Наша литература и пресса после революции // *Образование.* 1908. № 2. С. 2 (паг. 3).

¹⁷ Ряд свидетельств о популярности этих книг и реакции общества на них приведен в: *Энгельштейн Л.* Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков. М., 1996. С. 364—368.

¹⁸ Отчет о деятельности Екатеринбургской публичной общественной библиотеки имени В.Г. Белинского. За 11-й год ее существования (с 1-го ноября 1908 г. по 1-е ноября 1909 г.). Екатеринбург, 1910; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова с 1 окт. 1908 г. по 1 окт. 1909 г. Пенза, 1910; Отчет о состоянии Астраханской городской общественной библиотеки за 1909 год. Астрахань, 1911; Отчет Воронежской публичной библиотеки за 1910 год. Воронеж, 1911; Отчет Николаевской общественной библиотеки за 1910 год. Николаев, 1911; Отчет Киевской городской публичной библиотеки за 1910 год. Киев, 1913; Отчет Кишиневской городской общественной библиотеки за 1911 г. Кишинев, 1912; Отчет <...> Симбирской Карамзинской общественной библиотеки за 1911 год. Симбирск, 1912; Отчет Борисоглебской публичной библиотеки за 1914 год. Борисоглебск, 1915; Отчет Одесской общественной библиотеки за десятилетие 1905—1915. Одесса, 1915 [данные о чтении за 1914 г.].

¹⁹ *Каменский С.В.* Век минувший. Париж, 1958. С. 22—23.

²⁰ *Иванов Г.* Мемуары и рассказы. М., 1992. С. 124—125.

²¹ *Петровская Н.И.* Воспоминания // Минувшее. М., 1992. Вып. 8. С. 41.

²² *Соколов-Микитов И.С.* По морям и лесам. Л., 1964. С. 581. Ср.: *Катаев В.* Трава забвенья // Катаев В. Собр. соч. М., 1972. Т. 9. С. 292.

²³ *Рафальский С.* Что было и чего не было. London, 1984. С. 12. Ср.: *Бахрах А.* По памяти, по записям. Париж, 1980. С. 38, 47, 95; *Успенский Л.* Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 190—191, 320.

²⁴ О земской школе см.: *Eklof V.* Russian Peasant Schools: Officialdom, Village, Culture, and Popular Pedagogy, 1861—1914. Los Angeles, 1986.

²⁵ См.: *Фальборк Г., Чарнолуцкий В.* Народное образование в России // Левассер Э. Народное образование в цивилизованных странах. СПб., 1899. Т. 2. С. 221.

²⁶ См.: *Рашин А.Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX и XX в. // Ист. записки. 1951. Вып. 37. С. 36.

²⁷ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 149.

²⁸ См.: *Срезневский В.И.* Описание рукописей и книг, собранных для Имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.

²⁹ *Серебрякова Е.И.* Старообрядческая рукописная книга и ее роль в народной культуре // «Для памяти потомству своему...»: Народный бытовой портрет в России. М., 1993. С. 55. См. также: *Иванов Ю.А.* Религиозный начетчик в русской провинции XIX в. // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Иваново, 1998. С. 127—128.

³⁰ См. о них: *Медынский Е.Н.* Указ. соч.; *Абрамов В.Ф.* Земские библиотеки в России // История библиотек: Исследования, материалы, документы. СПб., 1999. Вып. 2. С. 8—27; *Матвеев М.Ю.* Земские народные библиотеки в дореволюционной России: становление и развитие // Там же. СПб., 2000. Вып. 3. С. 9—28.

³¹ *Матвеев М.Ю.* Указ. соч. С. 18.

³² *Медынский Е.Н.* Указ. соч. С. 113.

³³ Статистический ежегодник Московской губернии за 1914 г. М., 1915. Ч. 2. С. 228.

³⁴ Цит. по: *Емелях Л.И.* Исторические предпосылки преодоления религии в советской деревне. (Секуляризация деревни накануне Великого Октября). Л., 1975. С. 108.

³⁵ Цит. по: *Сурин М.* Книга в деревне прежде и теперь // Свободное воспитание. 1912—1913. № 7. Стб. 94—95.

³⁶ См.: *Павлов М.А.* Контроль за народными библиотеками и чтениями со стороны Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения в России в 1834—1906 гг. // Проблемы культуры и искусства. СПб., 1999. С. 40—43.

³⁷ Цит. по: *Блюм А.В.* Система правительственной регламентации круга народного чтения во второй половине XIX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в. Л., 1983. [Вып. 1.] С. 127—128.

³⁸ *Гречанинов И.* Книжки для народного чтения, как условие внешкольного правильного образования русского народа // *Вера и церковь.* 1903. № 9. С. 636.

³⁹ Из текущей жизни // *Рус. вестн.* 1902. № 1. С. 360.

⁴⁰ Там же. № 2. С. 678.

⁴¹ Статистический ежегодник Московской губернии за 1905 г. М., 1906. Ч. 1. С. 170 (паг. 2).

⁴² См.: Статистический ежегодник Московской губернии за 1915 г. М., 1916. Ч. 2. С. 94, 118.

⁴³ Цит. по: *Емелях Л.И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 54.

⁴⁴ *Рубакин Н.А.* Книжный поток. Статья вторая // *Рус. мысль.* 1903. № 12. С. 161.

⁴⁵ Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 496.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ О влиянии отходничества на самосознание и культуру рабочих см.: *Johnson R.E.* Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. Leicester, 1979.

⁴⁸ *М. и О.* Факты и цифры из переписи С.-Петербурга в 1900 году // *Рус. мысль.* 1902. № 2. С. 84 (паг. 2).

⁴⁹ *Дадонов В.* Русский Манчестер (Письма об Иваново-Вознесенске) // *Рус. богатство.* 1900. № 12. С. 52.

⁵⁰ *Розенталь И.С.* Духовные запросы рабочих России после революции 1905—1907 гг. // *Ист. записки.* М., 1982. Вып. 107. С. 89.

⁵¹ *Кирьянов Ю.И.* Бюджет времени рабочего капиталистической России // *Ист. записки.* М., 1974. Вып. 94. С. 175.

⁵² Народная библиотека при Раменской мануфактуре: Каталог и обзор деятельности библиотеки по 1-е января 1902 года. Бронницы, 1902. С. 14.

⁵³ См.: Книга и читатель. 1900—1917: Воспоминания и дневники современников. М., 1999. С. 32—40, 43—45, 58; *Москвин В.В.* Литературные запросы рабочих России (конец XIX — начало XX вв.) // *Русский язык, культура, история.* М., 1997. Ч. 2. С. 65. Ср.: *Свифт Э.* Развлекательная культура городских рабочих конца XIX — начала XX века // *Развлекательная культура России XVIII—XIX вв.* СПб., 2000. С. 300—315.

⁵⁴ Цит. по: *Жулев П.* Современный читатель из народа // *Рус. школа.* 1912. № 9. С. 6.

⁵⁵ *Шестаков П.М.* Образовательные учреждения и грамотность рабочих на мануфактуре т-ва «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1904. С. 25—26.

⁵⁶ *Ермаков П.П.* Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947. С. 110.

⁵⁷ Цит. по.: *Мезиер А.* Читатель и книга // *Северные записки.* 1913. № 8. С. 138.

⁵⁸ Цит. по: *Рубакин Н.А.* Новые времена — новые веяния // *Рус. мысль.* 1905. № 7. С. 111—127 (паг. 2).

⁵⁹ Богатый материал о распространении марксистской литературы в рабочей среде собран в работах: *Саралиева З.Х.* «Капитал» К. Маркса и

рабочее движение в России. М., 1975; *Она же*. Источники о роли библиотек в распространении экономического учения марксизма в рабочем движении России (1895—1917 гг.) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 86—101; *Крейдлиня Л.М.* Распространение и пропаганда произведений В.И. Ленина в России (1894—1917 гг.). Л., 1981; *Жебрак Е.Е.* Марксистская книга в чтении пролетариата России // История русского читателя. Л., 1982. [Вып. 4]. С. 86—101.

⁶⁰ Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. СПб., 1906. С. 7, 6.

⁶¹ Миронов К.В. Из воспоминаний рабочего. М., 1906. С. 21.

⁶² Жуков Ф. Мой учитель // Правда. 1939. 28 февр.

⁶³ См. статью «Детективная литература и русский читатель: (Вторая половина XIX — начало XX в.)» в данной книге.

⁶⁴ См.: Рейтблат А.И., Шомракова И.А. Советский читатель 1917—1921 гг. // История книги в СССР. 1917—1921. М., 1986. Т. 3. С. 188—205.

Детективная литература и русский читатель

Печатается (с дополнениями) по: Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 1994. Вып. 7. С. 126—140.

¹ Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. Стб. 606.

² Гудков Л.Д. Социальный процесс и литературные образцы // Массовый успех. М., 1989. С. 108.

³ См.: *Cawelti J.G.* Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture. Chicago, 1976. P. 99. О классическом детективе см. на с. 80—105; реферат книги Кавелти см.: Проблемы социологии литературы за рубежом. М., 1983. С. 165—184.

⁴ *Cawelti J.G.* Op. cit. P. 98.

⁵ См., напр.: Русские уголовные процессы. СПб., 1866—1868. Т. 1—4; Сборник интереснейших уголовных процессов всех стран прежнего и новейшего времени. СПб., 1878; Иллюстрированная библиотека знаменитых уголовных процессов всех стран. СПб., 1875.

⁶ *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. С. 244—245.

⁷ *Русанов Н.С.* На родине. М., 1931. С. 45.

⁸ См.: *Горький М.* Детство. В людях. Мои университеты. М., 1975. С. 292.

⁹ См.: *Эртель А.И.* Письма. М., 1909. С. 13.

¹⁰ См.: *Брюсов В.Я.* Автобиография // Брюсов В.Я. Из моей жизни. М., 1994. С. 67.

¹¹ См.: А.В. Живаго — врач, коллекционер, египтолог. М., 1998. С. 112.

¹² *Рубакин Н.А.* Указ. соч. С. 132—135.

¹³ См.: *Опочинин Е.Н.* Воспоминания // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 46.

¹⁴ *Быховский Н.Я.* Давно минувшее, но не забытое // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 27.

¹⁵ *Юткевич С.* Собр. соч. М., 1990. Т. 1. С. 22.

¹⁶ *Новиков-Прибой А.С.* Что и как читали матросы // Книга и читатель 1900—1917: Воспоминания и дневники современников. М., 1999. С. 64.

¹⁷ О популярности «холмсианы» в России см.: *Олюнин Р.* О двойниках, роковых танцовщицах, или Шерлок Холмс в России: К истории первых изданий Конан Дойля // В мире книг. 1966. № 12. С. 30—31; о подражаниях Конан Дойлю, использующих образ Шерлока Холмса, см.: *Колганова А.А.* Новые дороги литературных героев. Минск, 1990. С. 180—189.

¹⁸ См. о них: *Калецкий П.* Пинкертоновщина // Лит. энциклопедия. 1934. Т. 8. Стб. 945—949; *Запесоцкая О.* Пинкертон, кто он? // Книжное обозрение. 1990. 2 марта; *Brooks J.* When Russia Learned to Read. Princeton, 1985. P. 141—153.

¹⁹ *Мезиер А.В.* О литературе приключений — «сыщицкой» и «разбойничьей» и почему к ней влекло и еще влечет читателя // Обзор книг и журналов. 1912. № 9. С. 34. [Беспл. прил. к «Народному журналу» 1912. № 41].

²⁰ *Пантарей.* Заметка о сысской литературе // Московский еженедельник. 1908. № 42. С. 56.

²¹ *Борисов Л.И.* Родители, наставники, поэты... М., 1969. С. 10.

²² *Мезиер А.В.* Указ. соч. С. 34.

²³ *Чуковский К.* Нат Пинкертон и современная литература // Чуковский К. Книга о современных писателях. СПб., 1914. С. 42.

²⁴ *Абрамович Г.В.* Библиотека — для чтения // Новый мир. 1987. № 8. С. 115; *Пантарей.* Указ. соч. С. 56; *Прегель С.* Мое детство. Париж, 1973. Т. 1. С. 146—147. Ср.: *Шаламов В.* Четвертая Вологда // Наше наследие. 1988. № 3. С. 72.

²⁵ О реакции общества на «эпидемию» «пинкертоновщины» см.: *Маковицкий Д.П.* Яснополянские записки // Лит. наследство. М., 1979. Т. 90, кн. 3. С. 43, 149, 182, 241, 369; Кн. 4. С. 323.

²⁶ *Веригин Н.* Литература сыска в оценке учеников средних классов гимназии // Пед. сб. 1909. № 10. С. 288.

²⁷ *Россиев П.* Занимательное чтение // Дневник писателя. 1908. № 7/8. С. 120—121.

²⁸ *Розанов Н.П.* Воспоминания старого москвича. М., 2004. С. 313.

²⁹ См.: *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С. 274, 381—383; *Шагинян М.С.* Человек и время. М., 1980. С. 405—406; ср.: *Иванов Г.* Мемуары и рассказы. М., 1992. С. 177; *Золотоносов М.Н.* Братья Мережковские. М., 2003. Кн. 1. С. 153.

³⁰ *Ив. Б.* Книга в деревне // Неделя «Вестника знания». 1911. № 28. С. 7; *Суворовский А.* Нат Пинкертон в детском понимании // Вестник воспитания. 1909. № 1. С. 158.

³¹ *Моисеев А.Г.* Прошлое села Кузьмина. Хроника семьи Моисеевых. М., 1999. С. 158.

³² *Покровский В.* Что читали сверстники века? // Дет. лит. 1976. № 12. С. 21; см. также: *Роков Г.* Из записок школьного учителя // Вестник воспитания. 1909. № 7. С. 204—206; *Ярон Г.М.* О любимом жанре. М., 1960. С. 20; *Борисов Л.* Указ. соч. С. 9—14; *Ильинский И.* Сам о себе. М., 1984. С. 90, 96; *Рачинская Е.* Калейдоскоп жизни. Париж, 1990. С. 12; *Юткевич С.* Указ. соч. С. 22; *Сильман Т., Адмони В.* Мои воспоминания. СПб., 1993. С. 70; и др.

³³ *Веригин Н.* Указ. соч. С. 291; *Сорока В.* Нат Пинкертон и детская литература // Рус. школа. 1910. № 1. С. 50.

³⁴ *Сивков К.* Идеалы учащейся молодежи // Вестник воспитания. 1909. № 2. С. 129—130.

³⁵ *Александров П.П.* За Нарвской заставой: Воспоминания старого рабочего. Л., 1963. С. 37—38.

³⁶ *Будимир.* Киевские недра // Биржевые ведомости. 1908. 23 мая (веч. вып.).

³⁷ *Бачалдин И.* Ученик — читатель // Рус. школа 1912. № 3. С. 120—124; *Финкельштейн М.* Что и как читают дети? // Новости детской литературы. 1914. № 9/10. С. 12.

Символисты, их издатели и читатели

Печатается по: На рубеже двух столетий: Сб. в честь Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 594—606.

¹ Подробнее см. в данном сборнике в статье «Взаимоотношения авторов и издателей во второй половине XIX — начале XX века».

² *Перцов П.П.* Литературные воспоминания 1890—1902 гг. /Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 2002. С. 174.

³ *Максимов Д.* Журналы раннего символизма // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 88.

⁴ Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. СПб., 2003. Вып. 3. С. 303—304.

⁵ Содержательную характеристику этих изданий см. в статьях Е.И. Ивановой о «Северном вестнике» и И.В. Корецкой о «Мире искусства» в: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 91—178.

⁶ См.: *Максимов Д.* Указ. соч. С. 95—125.

⁷ См.: Лит. наследство. М., 1991. Т. 98, кн. 1. С. 292, 300.

⁸ *Гумилевский Л.* Судьба и жизнь // Волга. 1988. № 7. С. 146; № 8. С. 109.

⁹ Лит. наследство. М., 1991. Т. 98, кн. 1. С. 284.

¹⁰ Густав Шпет: Жизнь в письмах: Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 126—127.

¹¹ *Тэффи Н.А.* Бальмонт // Тэффи Н.А. Моя летопись. М., 2004. С. 233. Ср.: *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1989. С. 219; *Зайцев Б.К.* Бальмонт // Зайцев Б.К. Соч. М., 1993. Т. 3. С. 368, 372.

¹² Исчерпывающую характеристику этих изданий см. в статьях А.В. Лаврова о «Весак» (совместно с Д.Е. Максимовым), «Золотом руне» и «Перевале» и в статье И.В. Корецкой об «Аполлоне» в: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 65—190, 212—256. См. также: *Богомолов Н.А.* Журналистика русского символизма. М., 2002.

¹³ См.: *Котрелев Н.В.* Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион» // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности. М., 1985. С. 68—133; *Толстых Г.А.* Издательство «Мусагет» // Книга: Исслед. и материалы. М., 1988. Сб. 56. С. 112—133; *Безродный М.В.* Издательство «Мусагет» // Книжное дело в России в XIX — начале XX века. СПб., 2004. Вып. 12. С. 40—56; *Голлербах Е.А., Мухаркин Д.М.* Издательство «Сирин» // Там же. С. 57—74.

¹⁴ *Котрелев Н.В.* Указ. соч. С. 69.

¹⁵ *Бунин И.А.* Собр. соч. М., 1967. Т. 9. С. 291. См. также: *Гречишкин С.С.* Архив С.А. Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 6—7.

¹⁶ Цит. по: *Павлова М.* Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тернерников. М., 2007. С. 307.

¹⁷ См.: Лит. наследство. М., 1991. Т. 98, кн. 1. С. 204, 352.

¹⁸ См.: *Голлербах Е.А., Мухаркин Д.М.* Указ. соч. С. 61.

¹⁹ Лит. наследство. М., 1980. Т. 92, кн. 1. С. 549.

²⁰ *Перцов П.П.* Указ. соч. С. 153.

²¹ Лит. наследство. М., 1980. Т. 92, кн. 1. С. 550.

²² См.: Там же. С. 497.

²³ См.: Лит. наследство. М., 1994. Т. 98, кн. 2. С. 71, 83.

²⁴ *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 277.

²⁵ См.: Лит. наследство. М., 1986. Т. 85. С. 360—361.

²⁶ [*Котрелев Н.В.* Предисловие к: Андрей Белый. Сергею Александровичу Полякову в день 25-летия со дня возникновения книгоиздательства «Скорпион»] // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 654—655.

²⁷ *Чулков Г.* Годы странствий. М., 1930. С. 52.

²⁸ *Погорелова Б.* Валерий Брюсов и его окружение // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 27. Ср. признание самого Брюсова, что литературного гонимого ему на жизнь «никогда не хватало» (Лит. наследство. М., 1994. Т. 98, кн. 2. С. 131).

²⁹ См.: Лит. наследство. М., 1981. Т. 92, кн. 2. С. 392, 395.

³⁰ *Перцов П.П.* Указ. соч. С. 202.

³¹ *Соколов-Микитов И.С.* Бунин // Соколов-Микитов И.С. По морям и лесам. М.; Л., 1964. С. 581.

³² *Розенталь Л.В.* Свидетельские показания любителя стихов начала века // *Новый мир.* 1999. № 1. С. 138, 142.

³³ *Гиппиус Вл.В.* О Блоке, что помню / Предисл., публ. и коммент. А.М. Грачевой и О.А. Линденберг // *Писатели символистского круга: Новые материалы.* СПб., 2003. С. 60.

³⁴ *Чулков Г.* Указ. соч. С. 93.

³⁵ Письма В.В. Гофмана к А.А. Шемшурину / Предисл., публ. и коммент. А.В. Лаврова // *Писатели символистского круга: Новые материалы.* С. 267.

³⁶ *Чулков Г.* Указ. соч. С. 240.

³⁷ *Розенталь Л.В.* Указ. соч. С. 155.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 10.

⁴⁰ *Лавров А.В.* Виктор Гофман: Между Москвой и Петербургом // *Писатели символистского круга: Новые материалы.* С. 200.

⁴¹ См. статью «Роман литературного краха» в данном сборнике.

⁴² Неизвестное письмо Андрея Белого / Публ. В. Аллоя // *Минувшее: Ист. альманах.* М., 1991. Вып. 5. С. 209.

⁴³ Цит. по примеч. А.В. Лаврова в: Письма В.В. Гофмана к А.А. Шемшурину. С. 244.

⁴⁴ *Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 149.

⁴⁵ См.: *Валентинов Н.* Александр Блок и «Русское слово» // *Валентинов Н.* Два года с символистами. М., 2000. С. 360—371.

«Роман литературного краха» в русской литературе конца XIX — начала XX века

Печатается по: *Новое литературное обозрение.* 1997. № 25. С. 99—109.

¹ *Кавелти Дж.* Изучение литературных формул // *Новое литературное обозрение.* 1996. № 22. С. 34, 36.

² См.: *Писемский А.Ф.* Тысяча душ // *Отечественные записки.* 1858. № 1—6; *Каратыгин П.П.* Отсталый и передовой // *Всемирный труд.* 1867. № 9—11; *Боборыкин П.* Долго ли? // *Отечественные записки.* 1875. № 10; *Михайлов А.* [Шеллер А.К.] На пути к известности // *Иллюстрированная газета.* 1877. № 4—6, 8—23; *Котелянский Л.* Два дня // *Слово.* 1880. № 12; *Потапенко И.Н.* Святое искусство // *Вестник Европы.* 1885. № 8; *Он же.* Не герой // *Сев. вестник.* 1891. № 9—12; *Немирович-Данченко Вл.И.* На литературных хлебах // *Новости дня.* 1890. № 2383—2504 (отд. изд. — М., 1891); *Щеглов И.* Убыль души // *Рус. обозрение.* 1892. № 12; *Иогель М.К.* Мученики мира. М., 1893; *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Черты из жизни Пепко // *Рус. богатство.* 1894. № 1—10; *Круглов А.В.* Мертвая петля // *Север.* 1897. № 1—4; *Луговой А.* Умер талант!.. СПб., 1902; *Тимковский Н.И.* Около литературы // *Рус. мысль.* 1904. № 10; и др.

³ Писемский А.Ф. Тысяча душ // Писемский А.Ф. Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 3. С. 183—184.

⁴ Немирович-Данченко Вл.И. Указ. соч. С. 188, 189, 199, 277, 200, 320, 321.

⁵ Шеглов И. Указ. соч. С. 41, 44.

⁶ Иогель М.К. Указ. соч. С. 49—50, 55.

⁷ Потапенко И.Н. Указ. соч. С. 323.

⁸ Круглов А.В. Указ. соч. // Север. 1897. № 2. С. 43.

⁹ Тимковский Н.И. Указ. соч. С. 24, 17.

¹⁰ Круглов А.В. Указ. соч. // Север. 1897. № 3. С. 76.

¹¹ См., напр.: Ахшарумов Н.Д. Мудреное дело // Эпоха. 1864. № 5—7; Спиридонов И. [Буренин В.П.]. Бес в столице. СПб., 1872; Окрейц С.С. Во мраке // Романы оригинальные и переводные: Ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1—4; Ясинский И.И. Иринарх Плутархов. СПб., 1890; Щербин А.И. Непризнанный гений // Рус. вестн. 1892. № 7—9; и мн. др.

¹² См.: Пазухин А.М. Тяжелая доля // Воскресный досуг. 1872. № 22, 23; Шкляревский А.А. Честный труд // Шкляревский А.А. Повести и рассказы. М., 1872. С. 27—64; Вербицкая А.А. Разлад // Рус. мысль. 1887. № 6, 7. Любопытно, что, когда к изображению литературного быта обращались женщины-писательницы, на первом плане оказывался обычно любовный конфликт; см., напр.: Стацевич А. [Тимофеева В.В.]. Идеалистка // Слово. 1878. № 4, 5; Нелидова Л. [Маклакова Л.Ф.]. Решение // Артист. 1894. № 33—40; Красильникова Е.А. Таланты // Новое слово. 1894. № 11.

¹³ Подробнее об этом см. выше, в первой главе книги «От Бовы к Бальмонту».

¹⁴ Леман А. Статья о Гаршине // Леман А. Рассказы. СПб., 1888. С. 25—26.

¹⁵ Эртель А.И. Письма. М., 1909. С. 181. Ср. близкие по характеру наблюдения: Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. Пб., 1895. С. 84.

¹⁶ Круглов А.В. Новый читатель и его пресса // Труд. 1894. № 3. С. 686, 685.

¹⁷ См. подробнее в главе «Газета в низовой читательской среде» в книге «От Бовы к Бальмонту».

¹⁸ М. [Меньшиков М.О.] Газетное наводнение // Неделя. 1891. № 26. Стб. 817.

¹⁹ Н. Ш. [Шелгунов Н.В.] Внутреннее обозрение // Дело. 1879. № 11. С. 86, 89.

²⁰ О методике подсчетов см.: Книга в России. 1861—1881. М., 1991. Т. 3. С. 29, 43.

²¹ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 113.

²² См.: Книга в России. С. 38.

²³ См., напр.: Шевырев С.П. Словесность и торговля // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. С. 5—29. Подробный анализ этих нападок см.:

Тодд У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996. С. 101—126.

²⁴ *Соколов Н.В.* Экономические вопросы и журнальное дело. СПб., 1866. С. 135, 133.

²⁵ См.: *Эйхенбаум Б.* Молодой Толстой. Пб.; Берлин, 1922. С. 85; [*Шелгунов Н.В.*]. Литературная собственность // Современник. 1862. № 3. С. 238; *Пружанский Н.О.* [*Линовский Н.О.*]. Мое знакомство с М.М. Стасюлевичем // Ист. вестн. 1911. № 4. С. 203. Ср. мнение В.Г. Короленко, выраженное в письме К.В. Афанасьеву: В наши дни. Калинин, 1937. № 3/4. С. 179.

²⁶ [*Кривенко С.Н.*] Новые признаки в нашей литературе // Отечественные записки. 1878. № 8. С. 301 (паг. 2).

²⁷ *Житель* [*Дьяков А.А.*]. Как пишут и читают // Новое время. 1888. 6 нояб.

²⁸ *К-ский* [*Медведский К.П.*]. Мелкая пресса и ее теории // Наблюдатель. 1892. № 7. С. 238, 239.

²⁹ *Годлевский С.* Литературная оргия. СПб., 1880. С. 11, 12.

³⁰ См.: *Михайловский Н.К.* [Рец. на кн.: Каразин И.Н. Тигрица] // Отечественные записки. 1877. № 4. С. 196—197 (паг. 2); *Шарченко Н.* [*Филипов М.А.*]. Где теперь писать? // Век. 1882. № 11. Отд. 6. С. 51—58; *Круглов А.В.* Новый читатель и его пресса // Труд. 1894. № 3. С. 685—688; *Коропчевский Д.* Характер современной журналистики // Рус. обозрение. 1892. № 2. С. 664—667; *Прозоров Л.* [*Полонский Л.А.*] Провинциальная печать // Сев. вестн. 1894. № 1. С. 15—17 (паг. 2); и др.

Литературные премии в дореволюционной России

Статья подготовлена на основе статьи «Премии за драматургию в дореволюционной России» (Театр в книжной и электронной среде. М., 2005. С. 11—34) и написанного нами раздела в подготовленной совместно с Б.В. Дубиним статье «Литературные премии как социальный институт: пример дореволюционной России» (Критическая масса. 2006. № 2. С. 8—16).

¹ См. некрологи: Одесский листок. 1902. 19 сент.; Одесские новости. 1902. 19 сент.

² Цит. по: Памятная книжка для артистов, драматургов и театралов / Сост. М.В. Карнеев. СПб., 1899. С. 43—46. См. также: Положение о премии имени одесского негоцианта, греческо-подданного Ивана Георгиевича Вучины, за драматические произведения для русского народного театра. Одесса, 1873 (то же — в 1882, 1894 гг., в 1900 г. с изменениями). Положение печаталось также в: Артист. 1893. № 26. С. 50—51.

³ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1909 г. Одесса, 1910. С. 74.

⁴ Отчет и отзыв о присуждении премий имени И.Г. Вучины за 1912 год. Одесса. 1913. С. 8.

⁵ Павловский А.А. Отзыв о пиесе «Грех попутал» // Записки Новороссийского университета. 1897. Т. 70. С. 1. Ср.: Отчет и отзыв о присуждении премий имени И.Г. Вучины за 1912 год. Одесса. 1913. С. 2; Отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета за 1915 год. Одесса, 1916. С. 347.

⁶ [Передовая] // Театр и искусство. 1909. № 38. С. 637. (Анонимная передовая написана, по-видимому, редактором журнала А.Р. Кугелем).

⁷ См.: Щеглов И. Народ и театр. СПб., [1911].

⁸ См.: Московские ведомости. 1872. 14 сент.

⁹ Устав премии см.: Памятная книжка... С. 41—43; о премии см. также: Овчарова П.И. Общество русских драматических писателей: Обзор рукописного фонда // Новые материалы по истории русской литературы. М., 1994. С. 137—139.

¹⁰ Дерибас А. Старая Одесса: Исторические очерки и воспоминания. Одесса, 1913. С. 265.

¹¹ См.: Долгов Н. Двадцатилетие Театра имени А.С. Суворина. Пг., 1915. С. 39—41, 43, 50, 54—55, 61.

¹² Правила конкурса им. А.Н. Островского см. в приложении к: Союз драматических и музыкальных писателей. Отчет за 1911—1912 гг. СПб., 1912.

¹³ См.: Очерк деятельности Союза драматических и музыкальных писателей (1903—1913). СПб., 1913. С. 18, 21, 23, 29—30, 34, 37, 42.

¹⁴ Цит. по: Хроника // Театр и искусство. 1908. № 35. С. 600.

¹⁵ Речь. 1916. 7 февр.

¹⁶ О премии см.: Памятная книжка... С. 44.

¹⁷ См.: Театр и искусство. 1900. № 2. С. 36; № 47. С. 838.

¹⁸ См.: Театр и искусство. 1903. № 37. С. 670; № 39. С. 706.

¹⁹ См.: Театр и искусство. 1908. № 4. С. 66.

²⁰ См.: Театр и искусство. 1908. № 47. С. 822.

²¹ См.: Театр и искусство. 1911. № 31. С. 582; 1912. № 1. С. 3; № 10. С. 211; № 12. С. 253; № 14. С. 294.

²² Театр и искусство. 1910. № 50, 51; 1911. № 1—4, 9—11, 14, 15.

²³ Театр и искусство. 1911. № 1. С. 12.

²⁴ Всероссийский съезд драматических и музыкальных писателей // Театр и искусство. 1906. № 10. С. 155.

²⁵ Благодарю Д.К. Равинского за помощь в подготовке списков.

²⁶ Полная премия составляла 1000 р., половинная — 500, поощрительная — 300. В список включены не только лауреаты премии, но и лица, отмеченные почетными отзывами; фамилии как тех, так и других выделены курсивом.

²⁷ Список подготовлен на основе изданий: Маркевич А.И. Двадцатипятилетие императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890. С. 732—733; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за [1901—1914 гг.]. Одесса, 1902—1915.

²⁸ Список подготовлен на основе кн. «Обзор деятельности Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за XXV-летие его существования. 1874—1899» (М., 1899), а также ежегодных отчетов общества и публикаций в театральной периодике.

Русская литографированная пьеса: ее создатели, распространители и потребители

Статья подготовлена на основе следующих публикаций: Русская литографированная пьеса последней трети XIX — начала XX веков как книжный памятник // История театральных библиотек и коллекций. М., 2003. С. 69—83; С.Ф. Рассохин — издатель // Театральная пьеса: Создание и бытование. М., 2008. С. 97—107.

¹ *Канаев А.Н.* От издателя // Канаев А.Н. Жениха! Жениха!!: Фарс в 1 д. СПб., 1884. С. 3.

² [Передовая] // Театр и искусство. 1905. № 51. С. 974.

³ См.: Русский календарь А. Суворина на 1873 год. СПб., 1873. С. 460; *Оленина А.* Регулирование трудовых отношений в русском частном театре (Конец XIX — начало XX века) // Экономика и организация театра. Л., 1986. Вып. 7. С. 164.

⁴ Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 325.

⁵ См.: *Адарюков В.Я.* Очерк по истории литографии в России // Аполлон. 1912. № 1. С. 8—9; *Михайлова Н.И.* «Парнасский мой отец». М., 1983. С. 29—33.

⁶ *Урусов С.Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 137—138.

⁷ Лишь в 1910-х гг. футуристы (прежде всего — Крученых) начинают выпускать литографированные книги, которые стали «первыми образцами особого жанра экспериментального искусства — книг объектов, рассчитанных не столько на чтение (независимо от наличия или отсутствия текста), сколько на зрительные впечатления, на восприятие их как особого художественного предмета» (*Тютюнова Ю.А.* Русский футуризм и цензура // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 2).

⁸ Утверждение Д.Г. Королева, что первая литографированная пьеса («Забубенная головушка» Ф.Д. Кареева) была выпущена в Москве в 1870 г. (*Королев Д.Г.* Очерки из издания и распространения театральной книги в России <...>. СПб., 1999. С. 122), не подтверждается: подобное издание отсутствует в крупнейших общих и театральных библиотеках страны; самое раннее из известных изданий этой пьесы помечено 1875 г. По-видимому, он доверился «Истории русского драматического театра» (М., 1980. Т. 5. С. 453), где литографическое издание этой пьесы датировано 1870 г. Но там же указано, что премьера пьесы состоялась в январе 1876 г., что как раз соответствует изданию 1875 г. Маловероятно, что пьеса лежала 5 лет без движения.

⁹ *Плещеев А.* Что вспомнилось. Париж, 1931. С. 150.

¹⁰ *Королев Д.Г.* Указ. соч. С. 121.

¹¹ Об обществе (далее обозначается как ОРДП и ОК) см.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 159—161.

¹² Обзор деятельности Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за XXV-летие его существования. 1874—1899. М., 1899. С. 10.

¹³ Содержательный обзор их деятельности см. в: *Толочинская Б.М.* Из истории издания театральной книги в России конца XIX — начала XX вв. Л., 1981. С. 79—87.

¹⁴ Подсчитано по: Каталог изданий Театральной библиотеки С.Ф. Рассохина за 40 лет. М., 1916.

¹⁵ См.: *Вся Москва на 1880 г.* М., 1880. С. 1006—1008.

¹⁶ См.: *Вся Москва на 1900 г.* М., 1900. С. 955—956.

¹⁷ См.: *Вся Москва на 1915 г.* М., 1915. С. 75—76.

¹⁸ См. о нем: *Колганова А.А.* Неожиданное амплуа художника // Советская библиография. 1990. № 1. С. 157—159.

¹⁹ См. о нем: *Урес А.* Подвижник из суфлерской будки, или Что надо сделать, чтобы попасть в энциклопедию // *Невское время.* 2001. 27 февр.

²⁰ См.: *Весь Петербург на 1894.* СПб., 1893. Стб. 907; *Весь Петербург на 1910 г.* СПб., 1899. Стб. 1039; *Весь Петроград на 1916 г.* Пг., 1915. Стб. 1181.

²¹ *Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим.* М.; Л., 1931. С. 70.

²² См.: Каталог специально-театральной библиотеки Н.Н. Семенова-Волкова. СПб., [1908]. С. 267—269; Каталог театральной библиотеки и издательства бывшей М.А. Соколовой. М., 1915—1916.

²³ Подсчитано по: Каталог изданий журнала «Театр и искусство». 1897—1914. СПб., 1914; 1-й дополнительный список к каталогу изданий журнала «Театр и искусство» с 1 января 1914 по 1 мая 1915. [Пг., 1915].

Лубочная литература и фольклор

Печатается по: Традиционная культура. 2001. № 2. С. 18—23.

¹ См., напр.: *Пыпин А.Н.* Литературная история старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858; *Буслаев Ф.И.* О народной поэзии в древнерусской литературе. М., 1895; *Веселовский А.Н.* Заметки по литературе и народной словесности. Киев, 1896; *Трубицын Н.* О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. СПб., 1912; *Азадовский М.К.* Литература и фольклор. Л., 1938; *Елеонский С.Ф.* Литература и народное творчество. М., 1956; *Русская литература и фольклор.* [Т. 1—3]. Л., 1970—1982; *Медриш Д.Н.* Литература и фольклорная традиция. Саратов, 1980; *Жукас С.* О соотношении фольклора и литературы // *Фольклор. Поэтика и традиция.* 1981. М., 1982. С. 8—20; и др.

² *Новикова А.М., Александрова Е.А.* Фольклор и литература: Семинарий. М., 1978. С. 5.

³ *Далгат У.Б.* Литература и фольклор: Теоретические аспекты. М., 1981. С. 8.

⁴ См.: *Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1981—1985 / Сост. Т.Г. Иванова.* СПб., 1993. С. 372—412.

⁵ См., напр.: *Русская литература и фольклор (Вторая половина XIX в.).* Л., 1982; *Михнюкевич В.А.* Проблемы изучения фольклоризма Ф.М. Достоевского // Проблемы творчества Ф.М. Достоевского: Поэтика и традиции. Тюмень, 1982. С. 37—46; *Прийма Ф.Я.* К характеристике фольклоризма Н.А. Некрасова // *Рус. литература.* 1981. № 2. С. 76—91; *Смолицкий В.Г.* Пословицы и поговорки в творчестве А.С. Пушкина // Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора. Воронеж, 1984. С. 19—25; *Грякалова Н.Ю.* Фольклорные традиции в поэзии Анны Ахматовой // *Рус. литература.* 1982. № 1. С. 47—63; *Гончаров Б.П.* О народных истоках рифмы Маяковского // *Рус. литература.* 1983. № 2. С. 35—54; *Матвейчук Н.Ф.* В творческой мастерской М. Горького: (работа над фольклором). Львов, 1982; *Пудалова Л.А.* Проза Всеволода Иванова и фольклор. Томск, 1984, и т.д.

⁶ См., напр.: *Душечкина Е.В.* К вопросу об истоках и традиции русского святочного рассказа // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв.: Тез. науч. конф. Таллин, 1985. С. 41—44; *Лупанова И.П.* Иванушка-дурачок в русской литературной сказке XIX века // *Русская литература и фольклорная традиция.* Волгоград, 1983. С. 16—36; *Новикова А.М.* Русская поэзия XVIII — первой половины XIX в. и народная песня. М., 1982; *Бритиков А.Ф.* Научная фантастика, фольклор и мифология // *Рус. литература.* 1984. № 3. С. 55—74, и др.

⁷ *Душечкина Е.В.* Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб., 1995. С. 246.

⁸ См.: Там же. С. 228—229.

⁹ О лубочной книге см.: *Ан-ский С.А. [Раппопорт С.А.]* Очерки народной литературы. СПб., 1894. С. 31—48; *Блюм А.В.* Русская лубочная книга второй половины XIX века // *Книга: Исслед. и материалы.* Сб. 62. М., 1981. С. 94—114; *Ивин И.* О народно-лубочной литературе // *Рус. обозрение.* 1893. № 9, 10; *Кузьмина В.Д.* Рыцарский роман на Руси. М., 1964; *Лубочная книга / Сост., вступ. статья, коммент. А.И. Рейтблата.* М., 1990; *Пругавин А.С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. СПб., 1895; *Пушкарев Л.Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980; *Сперанский М.Н.* Лубочная литература // *Энциклопедический словарь бр. Гранат.* 1914. Т. 27. Стб. 416—420; *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Princeton, 1985.

¹⁰ Цит. по: *Лубочная книга.* М., 1990. С. 16.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. Ед. хр. 18. Л. 11.

¹² Там же. С. 353.

¹³ *Петров М.П.* Мои воспоминания // *Ушедшая Москва.* М., 1964. С. 383.

¹⁴ История о храбром рыцаре Францыле Венциане... С некоторыми изменениями рассказанная Ф. Исаевым. М., 1861. С. 5.

¹⁵ Сказка о Илье Муромце, рассказанная Ф. Исаевым. М., 1864. С. 54.

¹⁶ Жирмунский В.М. Проблема фольклора // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Л., 1934. С. 201.

¹⁷ См.: Кузьмина В.Д. Указ. соч.; Пушкирев Л.Н. Указ. соч.

¹⁸ См.: Ежегодник: Опыт обзора книг для народного чтения и народных картин. 1893. М., 1895.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 358. К. 6. Ед. хр. 7. Л. 9.

²⁰ Иванова Н.Б. Анекдоты о Шуте Балакиреве в лубочной литературе и фольклоре // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1978. [Вып. 5]. С. 98; о влиянии лубочной книги на фольклор см. также: Азадовский М. Беседы собирателя. Иркутск, 1924. С. 11; Корепова К.Е. Сказочный сюжет «муж ищет исчезнувшую жену» в русской лубочной книге // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1985. С. 5—16; Крупянская В.Ю. Народная драма «Лодка» // Славянский фольклор. М., 1972. С. 258—302; Савушкина Н.И. Русская народная драма. М., 1988; и др.

²¹ Де-Пуле М.Ф. Несколько слов по поводу народной педагогической литературы и народного образования // Виленский вестн. 1866. № 133.

АВТОБИБЛИОГРАФИЯ

Подойдя к шестидесятилетнему рубежу, я хотел бы дать читателям отчет в «проделанной работе». Публикуемый ниже список не претендует на полноту: опущены публикации тезисов, интервью, информационные заметки, выполненные мною переводы, многочисленные небольшие рецензии (последние почти все отражены в кн.: Новое литературное обозрение: Указатель содержания № 1—75. М., 2006). В описании публикаций использованы следующие основные сокращения: ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина; НЛО — Новое литературное обозрение; РГБ — Российская государственная библиотека; РГБИ — Российская государственная библиотека по искусству; РНБ — Российская национальная библиотека. Подготовленные мной книги и брошюры выделены полужирным шрифтом.

1. Динамика чтения и читательского спроса в массовых библиотеках. Вып. 2. Читательский спрос в 1976 г. — М.: ГБЛ, 1977. — 78 с. — Совм. с Т.М. Фроловой.

2. Читательский спрос в массовых библиотеках в 1977 г.: (Динамика чтения и читательского спроса). — М.: ГБЛ, 1978. — 83 с. — Совм. с Т.М. Фроловой.

3. Динамика чтения и читательского спроса в массовых библиотеках: (Основные положения программы и методики исследования): Метод. рекомендации. — М.: ГБЛ, 1979. — 37 с.

4. Право на внимание: Диалог о судьбах книг // Лит. обозрение. — 1981. — № 3. — С. 86—92.

5. О системе показателей динамики чтения // Сов. библиотековедение. — 1981. — № 3. — С. 40—51.

6. Методология и методика изучения динамики чтения в массовых библиотеках: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1982. — 16 с.

7. Книга, чтение, библиотека: зарубеж. исслед. по социологии литературы: Аннот. библиогр. указ. за 1940—1980 гг. — М.: ИНИОН АН СССР, 1982. — 402 с. — Сост. совм. с Л.Д. Гудковым и Б.В. Дубиным.

8. Основные тенденции развития массового чтения в СССР // Тенденции развития чтения в социалистических странах: Сб. науч. тр. — М.: РГБ, 1983. — С. 119—145.

9. [Рефераты книг: *Rosengren K.E. Sociological Aspects of the Literary System. Stockholm, 1968; Cawelti J.G. Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture. Chicago, 1976*] / Проблемы социологии литературы за рубежом: Сб. обзоров и реф. — М.: ИНИОН АН СССР, 1983. — С. 83—98; 165—184.

10. Предыстория массового чтения в России (конец XIX — начало XX в.) // Чтение: проблемы и разработки: Сб. науч. тр. — М.: ГБЛ, 1985. — С. 89—111. [Вошло в № 45.]

11. Из истории изучения «народной» культуры города: незавершенная книга М.М. Никитина о русском лубке // Советское искусствознание. — М., 1986. — Вып. 20. — С. 391—398. — Совм. с Б.В. Дубиным.

12. Никитин М.М. К истории изучения русского лубка / Публ. и коммент. // Там же. — С. 399—419.

13. Из истории редакторской профессии в России // Редактор и книга. — М.: Книга, 1986. — Вып. 10. — С. 108—123.

14. Советский читатель 1917—1921 гг. // История книги в СССР. — М.: Книга, 1986. — Т. 3. 1917—1921. — С. 188—205. — Совм. с И.А. Шомраковой.

15. [Статьи: Бардо Б.; Беркли Б.; Блэк К.; Вертмюллер Л.; Де Сантис П.; Джерми П.; Ингрем Р.; Казан Э.; Кегни Дж.; Колмен Р.; Кольбер К.; Кракауэр З.; Ланглуа А.; Ллойд Ф.; Лой М.; Лоузи Дж.; Мак-Дауэлл М.; Мак-Доналд Дж.; Мак-Кери Л.; Марч Ф.; О'Тул П.; Пауэр Т.; Рид К.; Ричардсон Т.; Робинсон Э.; Робсон М.; Робсон П.; Роджерс У.; Сигел Д.; Сидни С.; Скорсезе М.; Социология кино [за рубежом]; Стивенс Дж.; Темкин Д.; Толмедж К.; Трамбо Д.; Треси С.; Уайлдер Б.; Уайлер У.; Уолш Р.; Уэлман У.; Уэлш Р.; Филдс У.К.; Флейшер Р.; Флинн Э.; Фонда Г.; Фонда Дж.; Фонтейн Дж.; Форман М.; Харлоу Дж.; Хект Б.; Хепберн К.; Холден У.; Чани Л.; Шервуд Р.; Шлезингер Дж.; Штрогейм Э. фон] // Кино: Энцикл. словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1986. — С. 37, 46, 49, 72, 118, 121—122, 150, 164, 176—177, 206, 207, 214, 226, 240—242, 248, 249, 255—256, 313, 318, 353—355, 387, 389, 404, 409, 420, 423, 426, 427, 433, 437, 440—441, 448, 452—454, 464—466, 468, 480,

499, 501, 504, 505. [Перед сдачей в печать многие статьи в словаре были сокращены, переделаны, снабжены идеологически «страшущими» фразами и т.д., после чего большинство подписей под статьями было снято. В результате статьи о З. Кракауэре, Дж. Лоузи, К. Риде, П. Робсоне, Д. Сигеле, Б. Уайлдере, М. Формане, Дж. Шлезингере напечатаны в изуродованном виде, а подписи остались только под четырьмя статьями: Э. Казан; Социология кино [за рубежом]; У. Уайлер; Г. Фонда.]

16. Социологическое исследование проблем массового чтения // Методология и методика социологических исследований культуры: [Сб. статей]. — М.: НИИК, 1986. — С. 30—39. — Совм. с М.Д. Афанасьевым.

17. Библиограф и архивы: атрибуция книг первой половины XIX в. // Сов. библиография. — 1987. — № 2. — С. 40—48. [Вошло в № 162.]

18. Книга, чтение, библиотека: Сов. исслед. по социологии чтения, литературы, библиотечного дела, 1965—1985 гг.: Аннот. библиогр. указ. — М.: ГБЛ, 1987. — 78 с. — Сост. совм. с Т.М. Фроловой.

19. Литературный гонорар в России XIX — начала XX в. (К постановке проблемы) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. — Л.: ГПБ, 1988. — Вып. 3. — С. 127—143. [Вошло в № 45.]

20. Путь к истине. История одной статьи // Лит. обозрение. — 1988. — № 10. — С. 111—112. [Вошло в № 162.]

21. Социальное воображение в советской научной фантастике 20-х годов: (Обзор) // Социокультурные утопии XX века. — М.: ИНИОН АН СССР, 1988. — Вып. 6. — С. 14—48. — Совм. с Б.В. Дубиным.

22. Исследование «Чтение в Вашей жизни»: Основные итоги и результаты // Чтение в Вашей жизни: (по итогам социологического исследования в городах РСФСР). — М.: Отраслевая социол. служба МК РСФСР, 1988. — С. 6—24.

23. Миграция в города и чтение // Там же. — С. 36—46.

24. [Статьи: Алексеев Ф.А., Анаевский А.Е., Анзимиров В.А., Антонов В.М., Белозерская Н.А., Бочков А.П., Брешко-Брешковский Н.Н., Булгарин Ф.В., Буренин В.П., Вейнберг Павел И., Волгин В., Волков Александр Ануфриевич, Волокитин Н.И., Галкин А.К., Ге Г.Г., Ге Г.Н., Глухарев И.Н., Головин Владимир И., Голота П.И., Голохвастов К.К.] // Русские писатели: Биограф. словарь. 1800—1917. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — Т. 1. — С. 47, 62,

74—75, 92, 222, 322—323, 327, 347—351, 365—367, 401, 463, 464, 474, 518, 532—533, 533—534, 583—584, 612—613, 617, 617—618 (статья «Ф.А. Алексеев» написана с В.Э. Вацура; статья «Белозерская Н.А.» с А.В. Фоменко, статья «Брешко-Брешковский Н.Н.» с М.П. Лепехиным, статья «Булгарин Ф.В.» с В.П. Мещеряковым, статья «Буренин В.П.» с М.П. Лепехиным, статья «Ге Г.Г.» с И.Ю. Морозовой).

25. Довольно обманывать [о кризисной ситуации в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина] // Неделя. — 1989. — № 50. — 11—17 декабря. — С. 2. — Совм. с В.Д. Стельмах и В.И. Харламовым.

26. Состояние чтения в 70—80-е гг.: Статистико-социологический обзор // Книга и чтение в зеркале социологии: [Сб. ст.]. — М.: Кн. палата, 1990. — С. 14—25. — Совм. с Н.Е. Добрыниной.

27. Фонды массовой библиотеки и потребности читателей: контакты и конфликты // Там же. — С. 35—49.

28. О структуре и динамике системы литературных ориентаций журнальных рецензентов (1820—1978 гг.) // Там же. — С. 150—176. — Совм. с Б.В. Дубиным. [В переработанном виде вошло в № 162.]

29. [«Битва русских с кабардинцами...» Н.И. Зряхова] // Памятные книжные даты. 1990. — М.: Книга, 1990. — С. 76—79.

30. Булгарин Ф.В.; Буренин В.П. // Русские писатели: Биобиблиогр. словарь. — М.: Просвещение, 1990. — Т. 1. — С. 123—125; 131—132.

31. Бова Королевич и другие // Наше наследие. — 1990. — № 2. — С. 149—153.

32. Булгарин Ф.В. Некоторые общие соображения относительно плана наблюдения, особенно за военными лицами / Предисл. и публ. // Родина. — 1990. — № 12. — С. 29—31.

33. Преобразование — не усовершенствование // Библиотекарь. — 1990. — № 8. — С. 2—6. — Совм. с Л. Гудковым и Б. Дубиным.

34. Библиотека личная и библиотека общественная: проблемы специфики // Анализ-прогноз: информационно-аналитический бюллетень «Книга» / Гос. ком. СССР по печати. — 1990. — № 2. — С. 36—45.

35. Видок Фиглярин: (История одной литературной репутации) // Вопросы литературы. — 1990. — № 3. — С. 73—101.

36. [Автобиография Ф. Булгарина и его записки в III отделение] / Публ. // Там же. — С. 102—114.

37. Лубочная книга / Подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. — М.: Худож. лит., 1990. — 398 с. — (Забывтая книга.)

38. Читатель лубочной книги // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. — Л.: ГПБ, 1990. — Вып. 5. — С. 125—137. [Вошло в № 45.]

39. Взаимоотношения авторов и издателей. Читательская аудитория // Книга в России. 1861—1881. — М.: Книга, 1991. — Т. 3. — С. 28—44, 69—86.

40. «Библиотеки для чтения» в России // Библиотекарь. — 1991. — № 3. — С. 9—11. [Вошло в № 45.]

41. Как нас отучали думать: К истории Спецхрана — в День печати: [Документы Главлита о спецхране] / Вступ. заметка и публ. // Независимая газета. — 1991. — № 53. — 5 мая.

42. Узел: (Социологические заметки [о кризисной ситуации в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина]) // Московский библиотечный вестник. — 1991. — № 3. — С. 2. — Совм. с Б.В. Дубиным.

43. Книга «Бес в столице» и ее автор: (Неизвестный роман-памфлет В. Буренина) // Вопросы литературы. — 1991. — № 6. — С. 208—216.

44. Читательская аудитория русского «толстого» журнала: Вторая половина XIX века // История литературы и художественное восприятие. — Тверь, 1991. — С. 101—108. [Вошло в № 45.]

45. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй пол. XIX в. — М.: Изд-во МПИ, 1991. — 223 с. [Книга вышла в начале 1992 г.]

46. Старый русский детектив: В 5 вып. / Сост., предисл., примеч. — Житомир: Олесья, 1991—1993. — Подп.: О. Краснолистов [А.И. Рейтблат], Е. Машкиров [Е.И. Меламед].

47. Булгарин и его читатели // Чтение в дореволюционной России: [Сб. науч. тр.]. — М.: РГБ, 1992. — С. 55—66. [Вошло в № 162.]

48. Ожегов М.И. Характеристика своего народа / Публ. (совместно с Т.П. Воловельской), вступ. и коммент. // Там же. — С. 112—152.

49. Чтение в России в XIX — начале XX века: Аннот. библиограф. указ. — М.: РГБ, 1992. — 47 с.

50. Паек — феномен советской культуры [с републ. статьи Ю.И. Айхенвальда «Товарищество на пайках» и публ. письма Айхенвальда П.С. Когану и постановления науч.-худож. секции ГУСа] // Час пик. — 1992. — № 33. — 17 августа. — С. 5.

51. Уголовный роман: [Сборник] / Сост., вступ. ст. — М.: ИРДАШ, 1992. — 318 с. — (Из литературных запасников).

52. Восстановленное звено: общественные библиотеки сегодня и завтра // Книжное дело. — 1992. — № 2. — С. 51—53.

53. Русское общество и евреи: забытые и неопубликованные статьи Ю. Айхенвальда / Подгот. текста, предисл. и коммент. // Вестник Еврейского университета в Москве. — 1992. — № 1. — С. 134—150.

54. «Подколотный эстет» с «мягкой душой и твердыми правилами»: Юлий Айхенвальд на родине и в эмиграции // Евреи в культуре русского зарубежья: Сб. статей, публикаций, мемуаров и эссе. — Иерусалим, 1992. — Вып. 1. — С. 35—54.

55. Записка Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча о «Северной пчеле» // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. — Рига; М., 1992. — С. 65—68.

56. [Публ. письма Ф.В. Булгарина А.Х. Бенкендорфу и записки Булгарина и Н.И. Греча в III отделение] // Там же. — С. 68—78.

57. Кто же автор «Белешапочников»? // НЛО. — 1992. — № 1. — С. 262—264.

58. О графе Аракчееве: Анонимная агентурная записка в фонде III отделения / Публ. // НЛО. — 1992. — № 1. — С. 271—272.

59. Служил ли Гоголь в III отделении?: (К спорам вокруг биографии Гоголя) // Филологические науки. — 1992. — № 5/6. — С. 23—30. [Вошло в № 162.]

60. [Статьи: Григоров Л.М.; Гурьянов И.Г.; Данков И.И.; Демидов М.А.; Дерунов С.Я.; Деянов А.И.; Дингельштедт Н.Ф.; Дмитриев Д.С.; Добронравов Н.Е.; Долгоруков В.А.; Домбровский Ф.В.; Евстигнеев М.Е.; Емичев А.И.; Животов Н.Н.; Жохов А.Ф.; Зарин А.Е.; Зарин Ф.Е.; Зарина Е.И.; Зряхов Н.И.; Иванов Ф.К.; Ивин И.С.; Извольский С.П.; Ильин П.П.; Иноземцев П.И.; Инсарский В.А.; Иогель М.К.; Исаев Ф.М.; Калугин С.Ф.; Каменский П.П.; Карпенко Г.Д.; Карпенко С.Д.; Кафтырев Д.Н.; Кафтырев С.Н.; Кичеев Н.П.; Кишенский Д.Д.; Клейнборт Л.Н.; Клягин И.В.; Ковнер А.Г.] // Русские писатели: Биограф. словарь. 1800—1917. — М.: Большая рос. энциклопедия; Фианит, 1992. — Т. 2. — С. 28, 62—63, 86, 105—106, 111—112, 114—115, 118, 122, 143, 148—149, 155, 215—217, 233, 268, 276—277, 323—324, 325—326, 326—327, 360—361, 383—384, 392—394, 401, 415—416, 417—418, 418—419, 420—421, 425—426, 447, 459—460, 493—494, 494—495, 515—516, 516, 544—545, 547—548, 549—550, 567, 582—583 (Статья

«Гурьянов И.Г.» написана с А.В. Корнеевым, статья «Демидов М.А.» с А.А. Ильиным-Томичем, статья «Дингельштедт Н.Ф.» — подписана псевдонимом А.И. Упрямов, при участии Е.Н. Пенской, статья «Дмитриев Д.С.» с А.П. Чудаковым, статья «Зарина Е.И.» с В.Н. Баскаковым, статья «Ивин И.С.» с Б.В. Дубиным, статья «Иноземцев П.И.» с Н.Г. Охотиным, статья «Кафтырев Д.Н.» с Е.Н. Пенской.)

61. К родословной академика Сахарова [о хранящемся в ЦИАМ студенческом деле деда А.Д. Сахарова] // Независимая газета. — 1992. — № 22. — 4 февр.

62. Библиотека «для себя» и библиотека «для всех»: сходства и различия // Что мы читаем? Какие мы?: Сб. науч. трудов. — СПб.: РНБ, 1993. — С. 38—52.

63. [Реферат книги: Brooks J. Readers and Reading at the End of the Tsarist Era // Literature and Society in Imperial Russia, 1800—1914. Stanford, 1978] // Что мы читаем? Какие мы?: Сб. науч. трудов. — СПб., 1993. — С. 151—171.

64. Материалы к истории авторского права в России в первой трети XIX в. // Книга: Исслед. и материалы. — 1993. — Вып. 65. — С. 137—144. [Вошло в № 162.]

65. Булгарин и III отделение в 1826—1831 гг. // НЛО. — 1993. — № 2. — С. 113—129.

66. Записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., примеч. // Там же. С. 129—146.

67. «Фризурный» литератор Иван Гурьянов и его книги // Лица. — М.; СПб., 1993. — Вып. 2. — С. 24—38.

68. Летописец слухов: Неопубликованные воспоминания В.П. Бурнашева / Предисл., публ. и коммент. // НЛО. — 1993. — № 4. — С. 162—174.

69. Шкляревский А. Что побудило к убийству?: Рассказы следователя / Подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. — М.: Худож. лит., 1993. — 303 с. — (Забывтая книга).

70. Айхенвальд Ю.И. // Писатели русского зарубежья (1918—1940): Справочник. Ч. 1. А—И. — М.: ИНИОН РАН, 1993. — С. 23—27. — Совм. с А.В. Драновым. [Переиздано в: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энцикл. биограф. словарь. — М.: РОССПЭН, 1997. — С. 15—17.]

71. Ф.В. Булгарин и Польша // Рус. литература. — 1993. — № 3. — С. 72—82.

72. [Записки Ф.В. Булгарина в III отделение о Польше / Публ. и коммент.] // Там же. — С. 82—99. — Коммент. совместно с Д.П. Ивинским.

73. «Движение в правильном направлении уже началось...» // Книжное дело. — 1994. — № 1. — С. 26—27.

74. Стратегия и тактика на книжном рынке // Книжное дело. — 1994. — № 2. — С. 27—29.

75. Издательский репертуар: Кризис или возвращение к норме? // Книжное дело. — 1994. — № 3. — С. 13—14.

76. Витязи толкучего рынка: К истории низовой словесности / Предисл., публ., коммент. // Лица. — М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. — Вып. 4. — С. 373—386.

77. Ф.В. Булгарин или М.Я. Фок: (К вопросу о сотрудничестве Булгарина с III отделением) // Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения. — Рига: Зинатне; М.: Импринт, 1994. — С. 250—260.

78. [Записки Ф.В. Булгарина в III отделение] // Там же. — С. 260—274.

79. [Статьи: Козырев М.А.; Кондратьев И.К.; Конкевич А.Е.; Корхов Л.М.; Кострицкий М.Д.; Красницкий А.И.; Круглов А.В.; Крутиков А.П.; Крыжановская В.И.; Крылов А.И.; Кузмичёв Ф.С.; Курепин А.Д.; Лебедев К.Н.; Леопольдов А.Ф.; Летнев П.; Линёв Д.А.; Литвин С.К.; Ломачевский Д.П.; Лукин П.Ф.; Лунин В.А.; Любецкий С.М.; Мальшинский А.П.; Манасевич-Мануйлов И.Ф.; Мар А.] // Русские писатели: Биогр. словарь. 1800—1917. — М.: Большая рос. энциклопедия; Фианит, 1994. — Т. 3. — С. 10—11, 48—50, 57—58, 92, 131—132, 168—169, 169—170, 173—174, 176, 208—209, 237, 297—298, 327—329, 351—352, 360—361, 368—369, 385—386, 406, 414—415, 434—436, 496—497, 504—505, 514—515 (Статья «Кострицкий М.Д.» подписана псевд. О. Краснолистов, совместно с Л. Гавриной [Л.Н. Клименюк], статья «Кузмичёв Ф.С.» с Б.В. Дубиным, статья «Курепин А.Д.» при участии А.А. Колгановой, статья «Линёв Д.А.» с Е.И. Меламедом, статья «Ломачевский Д.П.» написана В.М. Боковой при участии А.И. Рейтблата).

80. Детективная литература и русский читатель: (Вторая половина XIX — начало XX в.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. — СПб.: РНБ, 1994. — Вып. 7. — С. 126—140.

81. Lesekultur; Ballet und Theater // Moscaw. St. Petersburg. — München: Nelles, 1994. — P. 232—234. — (Nelles Guides.)

82. Нат Пинкертон, король сыщиков: Рассказы / Сост., предисл. — М.: Панас-Аэро, 1994. — 255 с. — (Остросюжетный детектив).

83. Бочков А.П. Знакомый незнакомец, или Слова, сказанные кстати и некстати: Истинный анекдот / Вступ. к публ., подгот. текста и коммент. // НЛО. — 1994. — № 6. — С. 40—47.

84. Три письма Ф.В. Булгарина: [Письма А.Ф. Орлову и Л.В. Дубельту] / Публ. и примеч. // НЛО. — 1994. — № 6. — С. 88—92.

85. «Сборище поэтов»: (К истории литературного быта пушкинской эпохи) / Публ., вступ. заметка и коммент. // НЛО. — 1994. — № 7. — С. 232—235.

86. [Рец. на кн.: Engelstein L. The Keys to Happiness. Ithaka, L., 1992] // НЛО. — 1994. — № 8. — С. 358—360.

87. Я.Н. Блох и издательство «Петрополис»: Письма к Я.Н. Блоху / Вступ. ст. и публ. // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. — Иерусалим, 1994. — Т. 3. — С. 170—189.

88. Курочкин Г.Ф. Воспоминания старого букиниста / Предисл., подгот. текста и коммент. // Книжное дело. — 1994. — № 5. — С. 51—62. [Вошло в № 116.]

89. Материалы к библиографии русского дореволюционного детектива // De Visu. — 1994. — № 3/4. — С. 77—81. [Номер вышел в 1995 г.]

90. Гоголь и Булгарин: к истории литературных взаимоотношений // Гоголь: Материалы и исследования. — М.: Наследие, 1995. — С. 82—98.

91. Московские «альманашники» // Чтение в дореволюционной России: [Сб. науч. тр.]. — М.: РГБ, 1995. — Вып. 2. — С. 29—53. [Вошло в № 162.]

92. Кто и что покупает: итоги всероссийского опроса // Книжное дело. — 1995. — № 2. — С. 31—33.

93. Общественные библиотеки в России: современное состояние и перспективы развития // Библиотека и чтение: проблемы и исследования. — СПб.: РНБ, 1995. — С. 113—142.

94. [Выступления на конференции] // Цензура в царской России и Советском Союзе: Материалы конференции 24—27 мая 1993 г. Москва. — М., 1995. — С. 29—31, 130.

95. Российское литературоведение: современная ситуация: (Размышления по поводу издания литературоведческих книг в 1994 г.) // НЛО. — 1995. — № 16. — С. 349—355.

96. Как Павел Свинын на Ивана Заикина жаловался, или Издатель, автор и полиция в начале XIX в. // НЛО. — 1995. — № 16. — С. 81—90. [Вошло в № 162.]

97. [Рец. на кн.: Цивьян Ю.Г. Историческая рецепция кино. Рига, 1991; Лейбин В. Русскость Фрейда М., 1994; Эткинд А. Эрос невозможного. М., 1993] // НЛО. — 1995. — № 11. — С. 336—338, 353—355.

98. Книга, писавшаяся «в стол»: [Рец. на кн.: Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. М., 1994]// Знамя. — 1995. — № 7. — С. 227—228

99. Пушкин: «наше все» или «палочка-выручалочка»? // Знамя. — 1995. — № 9. — С. 234—236.

100. Агеев М. // Писатели русского Зарубежья (1918—1940): Справочник. — М.: ИНИОН РАН, 1995. — Ч. III. — С. 183—185.

101. [Рец. на кн.: Левитт М.Ч. Праздник и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб., 1994] // НЛО. — 1995. — № 14. — С. 338—339.

102. Письма Ф.В. Булгарина к Р.М. Зотову / Публ., вступ. заметка и примеч. // Лица: Биограф. альманах. — М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. — Вып. 6. — С. 387—430.

103. Julij Ajchenval'd in Berlin // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg. — Berlin: Akademie Verlag, 1995. — S. 357—366.

104. Литературный альманах 1820—1830-х гг. как социокультурная форма // Новые безделки. — М.: НЛО, 1996. — С. 167—181. [Вошло в № 162.]

105. Булгарин и Дубельт // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. — Рига; М., 1995—1996. — С. 262—270.

106. Письма Ф.В. Булгарина Л.В. Дубельту / Публ. // Там же. — С. 270—283.

107. Les honoraires littéraires, médiation entre les écrivains et le public // Livre et lecture en Russie. — Paris: Éditions de la maison des sciences de l'homme, 1996. — P. 143—160.

108. Булгарин Ф.В., Буренин В.П., Зряхов Н.И., Шкляревский А.А. // Русские писатели. XIX век: Биобиблиогр. словарь: В 2 ч. 2-е изд., дораб. — М.: Просвещение; Учеб. лит., 1996. — Ч. 1. — С. 96—99, 101—103, 306—307; Ч. 2. — С. 423—425.

109. Гибель «Ленинки» не восполнишь ничем // Независимая газета. — 1996. — № 23. — 6 февр. — С. 8. — Совм. с В.Д. Стельмах.

110. Без науки? [заметки о статусе науки в современной России] // Знамя. — 1996. — № 2. — С. 236—238.

111. Почитать или продолжать? [Рец. на «Лотмановский сборник» I] // НЛО. — 1996. — № 18. — С. 400—404.

112. Не только для киноведов (обзор журнала «Киноведческие записки») // НЛО. — 1996. — № 19. — С. 334—339.

113. [Предисловие к указателю содержания журнала «Литературные листки»] // НЛО. — 1996. — № 19. — С. 396—399.

114. [Рец. на кн.: Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция. М.; Харьков, 1995] // НЛО. — 1996. — № 20. — С. 391—393.

115. Две писательские исповеди // Знамя. — 1996. — № 7. — С. 230—231.

116. Свешников Н.И. Воспоминания пропавшего человека / Подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. — М.: НЛО, 1996. — 320 с. — (Россия в мемуарах).

117. Булгарин Ф. Обед / Подгот. текста, вступ. заметка и примеч. // НЛО. — 1996. — № 21. — С. 245—251.

118. Орлов А.А. Нравственно-сатирические повести / Предисл., публ. и примеч. // НЛО. — 1996. — № 22. — С. 7—32.

119. [Рец. на кн.: Зоркая Н.М. Фольклор. Лубок. Экран. М., 1994; Małek E. «Неполезное чтение» в России XVII—XVIII веков. Warszawa, Łódź] // НЛО. — 1996. — № 22. — С. 440—443, 443—444.

120. Цензура народных книг в России во второй четверти XIX в. // НЛО. — 1996. — № 22. — С. 226—232. [Вошло в № 162.]

121. «Звездная месь» Юрия Петухова: Заметки об одной литературной мутации // Ex libris НГ. — 1997. — № 9. — 19 июня. — С. 7.

122. Цензура как источник библиотечного комплектования: эпизод из истории библиотеки Московского университета // Рукописи. Редкие издания. Архивы. — М.: Археографический центр, 1997. — С. 185—190. [Вошло в № 162.]

123. «Роман литературного краха» // НЛО. — 1997. — № 25. — С. 99—109.

124. Взаимоотношения авторов и издателей. Читательская аудитория // Книга в России, 1881—1895. — СПб.: РНБ, 1997. — С. 182—189, 305—317.

125. Искус академизма [об Академии русской современной словесности] // Независимая газета. — 1997. — № 241. — 24 декабря. — С. 7. — Совм. с Б. Дубиным.

126. Книга «300 пьес в кратком их содержании» и ее автор // Театральная книга между прошлым и будущим: Доклады и сообщения. — М.: РГБИ, 1997. — С. 59—63.

127. [Рец. на кн.: Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996; Тодд У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996] // НЛО. — 1997. — № 25. — С. 392—394, 407—410.

128. От редактора [в ответ на письмо в редакцию Б. Соколова] // НЛО. — 1997. — № 27. — С. 414—415.

129. Видок Фиглярин: Письма и записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. — М.: НЛО, 1998. — 703 с.

130. Кому и зачем нужен Пушкин? [Рец. на кн.: Debreczeny P. Social Functions of Literature. Stanford, 1997] // НЛО. — 1998. — № 30. — С. 349—354. [Вошло в № 162.]

131. Библиотеки личные и публичные // Румянцевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. <...> (25—27 апреля 1995 г.). Ч. 1. — М.: РГБ, 1998. — С. 32—40.

132. Периодическая печать // Россия: Энцикл. справочник. — М.: Дрофа, 1998. — С. 272—275.

133. Булгарин и Дерпт // Тыняновский сборник. — М., 1998. — Вып. 10. Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения. — С. 429—445.

134. [Рец. на кн.: Добренко Е. Формовка советского читателя. СПб., 1997] // НЛО. — 1998. — № 31. — С. 407—409.

135. Метафоры для секретной полиции: Булгарин как политический стилист: [Рец. на кн.: Алтунян А. «Политические мнения» Фаддея Булгарина. М., 1998] // Ex libris НГ. — 1998. — № 42. — 29 окт. — С. 13.

136. [Рец. на кн.: Зверев В.М. Социологическое прочтение философских идей России XVIII века. СПб., 1998] // НЛО. — 1998. — № 33. — С. 404—405.

137. [Текст в подборке «Современная литература: Ноев ковчег?»] // Знамя. — 1999. — № 1. — С. 213—214. [Переиздано в: Новое «Знамя». 1986—2006: Антология. М., 2006. С. 197—199].

138. О пользе смотрения в зеркало, писателе А. Эткинде и коллегах-рецензентах // Неприкосновенный запас. — 1999. — № 1 (3). — С. 65—68.

139. Всем чужой нигилист: [Рец. на кн.: Динерштейн Е.А. А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998] // Ex libris НГ. — 1999. — № 12. — 1 апреля.

140. «Котел фельетонных объедков»: Случай М.О. Меньшикова // Неприкосновенный запас. — 1999. — № 2. — С. 4—8.

141. [Статьи: Менделевич Р.А.; Мильчевский О.В.; Молчанов И.Е.; Мысовский-Светогорский С.Д.; Навроцкий А.А.; Невахович Л.Н.; Нестеров А.К.; Никитин В.Н.; Николаевич И.; Озмидова З.К.; Оршанский И.Г.; Оссендовский А.М.; Павлов А.А.; Павлов А.П.; Пазухин А.М.; Пазухин Н.М.; Пастухов Н.И.; Плохово А.И.] // Русские писатели: Биогр. словарь. 1800—1917. — М.: Большая рос. энциклопедия; Фианит, 1999. — Т. 4. — С. 6—7, 61—62, 123, 190—191, 199—200, 244—245, 288—289, 305—306, 319, 410—411, 453—454, 460—462, 479—480, 480—481, 504—505, 505—506, 550—551, 653—654 (статья «Мысовский-Светогорский С.Д.» написана при участии Е.Э. Ляминой, статья «Невахович Л.Н.» с А.Л. Зориным и К.Ю. Роговым, статья «Оршанский И.Г.» при участии В.Е. Кельнера, статья «Оссендовский А.М.» с А.А. Колгановой, статья «Плохово А.И.» О.Б. Лето и Т.Ф. Нешумовой при участии А.И. Рейтблата).

142. Послесловие редактора [к рец. О. Кушлиной на словарь «Русские писатели. XX век»] // НЛО. — 1999. — № 37. — С. 366—368.

143. Уважение к науке, или О подменах // Неприкосновенный запас. — 1999. — № 6. — С. 34—37.

144. Семь фестивалей // Неприкосновенный запас. — 1999. — № 6. — С. 90—92. — Подп.: Олег Кинский.

145. Русские писатели и III отделение (1826—1855) // НЛО. — 1999. — № 40. — С. 158—186. [Вошло в № 162.]

146. Булгарин и Наполеон // Там же. — С. 87—93.

147. От составителя [«Булгаринского номера» НЛО] // Там же. — С. 6—8.

148. Пельц Э. Литература и литераторы / Вступ. заметка и коммент. // Там же. — С. 58—86.

149. Письмо А.А. Орлова министру народного просвещения С.С. Уварову / Вступ. заметка, публ. и коммент. // Там же. — С. 187—192.

150. Греч Н.И. Письма к Ф.В. Булгарину / Вступ. заметка, подгот. текста и коммент. // НЛО. — 1999. — № 40. — С. 94—112; № 42. — С. 264—317. [См. также № 217.]

151. Читательская аудитория в России в пушкинскую эпоху // Университетский пушкинский сборник. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — С. 23—31. [Вошло в № 162.]

152. Книга и читатель 1900—1917: Воспоминания и дневники современников / Сост., публ., предисл. и коммент. — М.: Пашков дом, 1999. — 204 с.

153. Размышления в середине дороги [о словаре «Русские писатели. 1800—1917»] // Новая русская книга. — 2000. — № 1 (2). — С. 10.

154. «Делай, что должно, и пусть будет что будет» [об А.В. Храбровицком] // Новое время. — 2000. — № 7. — 20 февр. — С. 43. — Совм. с А. Шикманом.

155. Письмо в редакцию [по поводу публикации М. Золотоносова в «НРК» № 1 за 2000 г.] // Новая русская книга. — 2000. — № 2 (3). — С. 87.

156. [Выступление на круглом столе «Гуманитарная мысль: светская или религиозная?»] // Знамя. — 2000. — № 7. — С. 195—196.

157. Что нес с базара русский народ: (Лубок в исследованиях последних лет) // НЛО. — 2000. — № 44. — С. 317—326.

158. «Видимо»: (Постскрипtum к рецензии Сергея Панова [на кн. О. Проскурина «Литературные скандалы пушкинской эпохи»]) // НЛО. — 2001. — № 47. — С. 377—379.

159. [Рец. на кн.: Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века. М., 2000] // Там же. — С.400—403.

160. [Некролог Ю.Г. Буртина] // НЛО. — 2001. — № 48. — С. 87—89.

161. Романовы, которых мы потеряли: Монархическая идея на XXII ММКФ // Знамя. — 2001. — № 6. — С. 232—235. — Подп.: Олег Кинский.

162. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. — М.: НЛО, 2001. — 330 с. — (Научная библиотека.)

163. Лубочная литература и фольклор // Традиционная культура. — 2001. — № 2. — С. 18—23.

164. Чтение в России: 1990-е годы // Библиотекосведение. — 2001. — № 6. — С. 54—61.

165. Письмо в редакцию [о В. Раке] // Новая русская книга. — 2001. — № 3/4. — С. 129—130.

166. Невстреча: Заметки социолога // Киноведческие записки. — 2001. — № 54. — С. 128—135.

167. «<...> что блещит?»: (Заметки социолога) // НЛО. — 2002. — № 53. — С. 241—251.

168. [Подготовка текста и коммент. к «Автобиографии» М.И. Перпер и ее переписке; сост. списка ее публикаций] // НЛО. — 2002. — № 53. — С. 253—255, 261—272.

169. Литературные ориентиры современных журнальных рецензентов // НЛО. — 2003. — № 59. — С. 557—570. — Совм. с Б. Дубиным.

170. [Рец. на: Загидулина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001] // НЛО. — 2003. — № 59. — С. 600—603.

171. «Языческий русский миф»: Прошлое и настоящее // Популярная литература: Опыт культурного мифотворчества в Америке и в России. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — С. 86—93.

172. Государственная информация и массовая коммуникация: (Русская пресса второй половины XIX — начала XX веков) // Отечественные записки. — 2003. — № 4. — С. 237—248. — Совм. с Б. Дубиным.

173. Русская литографированная пьеса последней трети XIX — начала XX веков как книжный памятник // История театральных библиотек и коллекций. — М.: Фаир-Пресс, 2003. — С. 69—83.

174. Положения концепции — приоритеты Электронной библиотеки РГБ // Электронная библиотека РГБ: Проблемы формирования и использования. — М.: Пашков дом, 2003. — С. 14—22.

175. Guest Editor's Introduction // Russian Studies in Literature. — 2003. — Vol. 40. — № 1. — P. 7—10.

176. The «Novel of Literature Failure» // Russian Studies in Literature. — 2003. — Vol. 40. — № 1. — P. 11—25.

177. Биографируемый и его биограф (К постановке проблемы) // Право на имя: Биографии XX века. — СПб., 2004. — С. 53—62.

178. Зарубежная кинороссия: факты и вымыслы: [Рец. на: Нусинова Н. Когда мы в Россию вернемся...: Русское кинематографическое зарубежье 1918—1939. М., 2003] // НЛО. — 2004. — № 66. — С. 350—355. — Совм. с Р. Янгировым.

179. Комментарий в эпоху Интернета (методологические аспекты) // НЛО. — 2004. — № 66. — С. 82—90.

180. Российская культура: тупик или свет в конце тоннеля? [Рец. на: Либеральные реформы и культура. М., 2003] // НЛО. — 2004. — № 66. — С. 310—314.

181. Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. «Фельетонист в роли мемуариста», примеч. — М.: НЛО, 2004. — (Россия в мемуарах.)

182. Пушкинский автобиографизм: намерения поэта и мнения публики: [Рец. на: Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003] // НЛО. — 2004. — № 68. — С. 338—342.

183. Российское литературоведение: современная ситуация (Размышления по поводу издания литературоведческих книг в 2002 г.) // НЛО. — 2004. — № 69. — С. 292—300.

184. Социологические исследования чтения в России: Аннот. указ. литературы (1986—2001 годы) // Библиотечное дело — XXI век. — М., 2004. — № 1 (7). — С. 244—268. — Совм. с Т.П. Волонельской и В.Б. Трофимовой.

185. Письмо в редакцию [об антикритике Н. Нусиновой] // Критическая масса. — 2004. — № 4. — С. 111—115. — Совм. с Р. Янгировым.

186. Филологический заповедник // Знамя. — 2005. — № 1. — С. 206—207 (переиздано в: Новое «Знамя». 1986—2006: Антология. — М., 2006. — С. 461—463).

187. Нравственные мотивации биографа // Право на имя: Биография как парадигма исторического процесса. — СПб., 2005. — С. 3—8.

188. «История книги и литературных культур»: (Обзор выступлений на международном симпозиуме) // НЛО. — 2005. — № 73. — С. 346—354.

189. Издание и восприятие израильской литературы в России в 1980—2000-х годах // НЛО. — 2005. — № 73. — С. 139—148.

190. Дозированная память: [Рец. на кн.: Козлов В.П. Архивы России в зеркале средств массовой информации 90-х годов XX века. М., 2003; Он же. Проблемы доступа в архивы и их использования <...>. М., 2004] // НЛО. — 2005. — № 74. — С. 406—411.

191. Буренин и Надсон: как конструируется миф // НЛО. — 2005. — № 75. — С. 154—166.

192. Не по тому адресу: [Письмо в редакцию «НЛО»] // НЛО. — 2005. — № 75. — С. 459.

193. Премии за драматургию в дореволюционной России // Театр в книжной и электронной среде. — М.: РГБИ, 2005. — С. 11—34.

194. Лубочная повесть: антология / Подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. — М.: ОГИ, 2005. — 502 с.

195. Литературная карта на съвременния критик / Пер. Н. Вандова // Култура (София). — 2005. — Брой 41. — С. 10—11. — Совм. с Б. Дубиным. [Перевод № 169.]

196. Смотр литературным «кадрам»: Современные русские писатели по алфавиту: [Рец. на кн.: Чупринин С. Новая Россия: Мир литературы. М., 2003; Огрызко В.В. Русские писатели: Современная эпоха. М., 2004] // НЛО. — 2005. — № 76. — С. 351—357.

197. Русский извод массовой литературы: непрочитанная страница: [Рец. на кн.: Reading for Entertainment in Contemporary Russia München, 2005] // НЛО. — 2006. — № 77. — С. 405—413.

198. Литературные премии как социальный институт: пример дореволюционной России // Критическая масса. — 2006. — № 2. — С. 8—16. — Совм. с Б. Дубиним.

199. Некролог как биографический жанр // Право на имя: Биография вне шаблона. — СПб., 2006. — С. 3—10.

200. Нилус Сергей Александрович: (Биобиблиогр. статья) // НЛО. — 2006. — № 78. — С. 385—391.

201. Нилус и «Протоколы сионских мудрецов»: (Обзор публикаций последних лет) // Там же. — С. 377—384.

202. Георг Парадиз — актер и антрепренер // Национальный театр в контексте многонациональной культуры. — М.: Фаир-Пресс, 2006. — С. 178—197.

203. [Выступление на круглом столе «“Религиозное” литературоведение: обретения и утраты»] // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. — 2006. — № 3. — С. 116—119.

204. Символият капитал на наградите / Пер. Р. Нейкова // Култура (София). — 2006. — Брой 38. — 2 ноември. — Совм. с Б. Дубиним. [Перевод № 198.]

205. «Шолохов» и Шолохов: [Рец. на кн.: Бар-Селла З. Литературный котлован: Проект «Писатель Шолохов». М., 2005] // НЛО. — 2006. — № 79. — С. 317—319.

206. Булгарин и Сенковский: Ранний период взаимоотношений // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе: Зборнік да 75-годдзя прафесара Адама Мальдзіса. — Мінск: Лімарыус, 2007. — С. 204—212.

207. Инскрипты писателей в фонде сектора редких книг Российской государственной библиотеки по искусству // НЛО. — 2007. — № 86. — С. 458—487.

208. Книжная торговля России по данным обследования Министерства полиции (1811 г.) // Homo legens в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 23—24 мая 2007 года. — Нижний Тагил, 2007. — С. 100—104.

209. А.В. Ратнер в работе над словарем «Историки русского освободительного движения» // Конспект времени: Труды и дни Александра Ратнера / Сост. А.И. Рейтблат и А.П. Шикман. — М.: НЛО, 2007. — С. 345—356.

210. [Редакционная подготовка материалов к биобиблиографическому словарю «Историки русского освободительного движения» и дополнения к ним] // Там же. С. 357—682.

211. [Статьи: Де-Пуле Н.Ф.; Зарин А.Е.; Каратыгин П.П.; Сементковский Р.И.] // Там же. — С. 456—457, 476—477, 487—488, 605—606.

212. From Literary Almanacs to «Thick Journals»: The Emergence of a Readership for Russian Literature, 1820s — 1840s // *Literary Cultures and the Material Book*. — L.: British Library, 2007. — P. 191—205. — With Christine Thomas.

213. С.Ф. Рассохин — издатель // *Театральная пьеса: Создание и бытование*. — М.: РГБИ, 2008. — С. 97—107.

214. Пьесы-сказки в русском театре второй половины XIX — начала XX в. // *Сказка: научный подход к детскому жанру: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 24—25 апреля 2008 г.* — Нижний Тагил, 2008. — Ч. 1. — С. 176—184.

215. Цензурование театральных рецензий в Николаевскую эпоху // *Цензура в России: История и современность: Сб. науч. тр.* — СПб.: РНБ, 2008. — Вып. 4. — С. 64—80.

216. Взаимоотношения авторов и издателей; Читательская аудитория // *Книга в России, 1895—1917*. — СПб.: РНБ, 2008. — С. 441—450, 635—654.

217. Письма Н.А. Греча к Ф.В. Булгарину — 2 / Подгот. текста и коммент. А. Рейтבלата // *НЛО*. — 2008. — № 89. — С. 93—122; № 91. — С. 196—216. [См. также № 150.]

218. Сладкие плоды чужого труда: [Рец. на кн.: Московский Парнас. М., 2006] // *НЛО*. — 2008. — № 90. — С. 380—382.

219. Иван Лобойко: Случай примирителя // *Перекрестки памяти*. — Минск: Лимариус, 2008. — С. 71—80.

220. Лобойко Иван. Мои воспоминания / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. // Там же. — С. 81—176.

221. Что не попадает в биографию? // *Право на имя: Биография 20 века*. — СПб., 2008. — С. 3—11.

222. [Статьи: Позняк Д.М.; Полевой П.Н.; Протопопов А.П.; Путья Н.А.; Радостин Н.К.; Раскатов М.; Рубакин Н.А.; Савинов В.И.; Савич Н.Ф.; Свешников Н.И.; Свинын П.П.; Сенковский О.И.; Сигов Д.И.; Соколов А.А.; Соловьев Ф.Н.] // *Русские писатели: Биограф. словарь. 1800—1917*. — М.: Большая рос. энциклопедия, 2007. — Т. 5. — С. 21, 38—40, 158—161, 179—180, 243—244, 260—261, 379—382, 435—438, 439—440, 517—518, 519—524, 572—580, 604—605, 704—706, 757—759 (статья «Протопопов А.П.» написана при участии Л.М. Щемелевой, статья «Радостин Н.К.» — со-

вместно с М. Евсеевой, статья «Савинов В.И.» — Г.Г. Григорьевой при участии А.И. Рейтבלата, статья «Савич Н.Ф.» — М.А. Николаевой при участии А.И. Рейтבלата, статья «Свиньин П.П.» — при участии В.Н. Бочкова, «Соколов А.А.» — при участии А.Ю. Балакина, статья «Соловьев Ф.Н.» — при участии М.К. Евсеевой).

223. Поссарт и московская театральная публика // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: Архивы, библиотеки, информация. — М.: НЛО, 2008. — С. 131—141.

224. Символисты, их издатели и читатели // На рубеже двух столетий: Сб. в честь Александра Васильевича Лаврова. — М.: НЛО, 2009. — С. 594—606.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абрамов В.Ф. 383, 392
Абрамов К.И. 170, 368, 383
Абрамов Я.В. 212, 384
Абрамович Г.В. 395
Авдеев М.В. 76, 77, 94, 190, 194, 198, 255
Авенариус В.П. 92, 185, 193, 333, 344
Аверина Н.Ф. 235, 236
Аверкиев Д.В. 194, 196—198, 344, 347
Авсеенко В.Г. 92, 94, 97, 195, 196, 198, 200, 203, 260
Агафонов Н.Я. 373
Адарюков В.Я. 402
Адмони В.Г. 396
Азадовский М.К. 403, 405
Азов В. (Ашкинази В.А.) 315
Айзенберг А.Я. 236
Айхенвальд Ю.И. 345
Акимов В. 212, 381
Аксаков И.С. 378, 382
Аксаков С.Т. 76, 188, 189
Аксенова Г.В. 236
Алеева Н. — см.: Утина Н.И.
Александров Н.А. 302, 303
Александров П.А. 346
Александров П.П. 377, 396
Александрова Е.А. 404
Алексеев А.Д. 376
Алексеев Е.А. 369
Алексий, человек божий 163
Алешинцев И.А. 225
Алипанов Е.И. 332
Аллой В.Е. 398
Алферов С. 225
Алчевская Х.Д. 212
Альбицкий П.А. 212
Альбов М.Н. 197, 200—203, 207, 210
Амфитеатров А.В. 94, 98, 99, 207, 265, 272, 273, 282, 376, 378
Ананьин С.А. 225
Андреев И.В. 227
Андреев Л.Н. 94, 99, 112, 270—273, 282, 333, 339, 348
Андреева Е.А. 213
Андреевский С.А. 204
Андрей (А. Ухтомский), епископ уфимский 286
Андропов М. 213
Анненков П.В. 201
Анненский И.Ф. 247, 313, 333
Аннинский Л.А. 236
Аносов П.Н. 65
Ан-ский С. — см.: Раппопорт С.А.
Антонович М.А. 254, 255, 374, 387

¹ В указателе не учтены имена из «Автобиблиографии». Если в алфавитном списке представлен псевдоним, в скобках указана подлинная фамилия.

- Антропов Р.Л. 303
 Апкаримова Е.Ю. 232, 243
 Апрелева Е.И. — см.: Ардов
 Аптекман О.В. 51, 371
 Апухтин А.Н. 94, 204
 Ардов (Апрелева Е.И.) 199, 203, 209
 Арефьев В.С. 213
 Арсеньев А.В. 112
 Арсеньев Ф.А. 65, 373
 Артамонов А.Н. 380
 Архангельский И.И. 370
 Арцыбашев М.П. 94, 272, 281, 282
 Асмус В.Ф. 366
 Астафьев П.А. 213, 225
 Астырев Н.М. 204, 207, 213
 Ауэрбах Б. 66, 81, 185, 282, 324
 Афанасьев А.Н. 150, 261
 Афанасьев К.В. 400
 Афанасьев Л.Н. 98
 Афанасьев М.Д. 5, 25, 368
 Афанасьев-Чужбинский А.С. —
 см.: Чужбинский А.
 Ахматова А. (Горенко А.А.) 404
 Ахматова Е.Н. 296, 333
 Ахшарумов И.Д. 204
 Ахшарумов Н.Д. 189, 190, 192, 193,
 196, 204, 207—209, 298, 399
 Ашар А. 66
 Ашевский С. (Столяров М.Н.) 236
 Ашенбреннер М.Ю. 368
 Ашешов Н.П. 264

 Бабииков К.И. 192
 Бабицын И. 370
 Бажин Н.Ф. 29, 192—194, 196, 197,
 202, 203, 207
 Базаров И.И. 172
 Базунов А.Ф. 96, 97, 260
 Баймаков Ф.П. 259
 Байрон Дж.Н.Г. 42, 82, 343
 Бакунин М.А. 28
 Балашова Е.Н. 236
 Баллин Н.П. 47, 254, 370, 387
 Балуев Б.П. 236
 Бальзак О. де 62, 66

 Бальмонт К.Д. 31, 36, 209, 210, 245,
 266, 275, 284, 308—310, 313,
 333, 397
 Банк Б.В. 366, 386
 Баранова-Шестова Н. 390
 Баранцевич К.С. 92, 105, 200, 202—
 210, 265, 344
 Баренбаум И.Е. 12, 236, 237, 368,
 372
 Барышевский К. 225
 Басанин М. (Лашеева Л.А.) 208
 Батюшков К.Н. 343
 Бахрах А.В. 392
 Бахтиаров А.А. 388
 Бачалдин И.С. 225, 396
 Башкирцева М.К. 208
 Башмаков И.И. 172, 363
 Баяндин В.И. 237
 Бежецкий А.Н. — см.: Маслов А.Н.
 Безобразов В.П. 42, 226, 382
 Безродная Ю. (Яковлева Ю.И.)
 205, 208, 339, 340
 Безродный М.В. 397
 Бекетова Е.А. 333, 344
 Беккер К. 226
 Белецкий А.И. 12, 366
 Белинский В.Г. 27, 58, 76, 147, 253,
 358, 372
 Бело А. 66, 71, 119, 296
 Белов Е.А. 213
 Белов С.В. 386
 Белоконский И.П. 89
 Белоусов И.А. 275
 Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) 275,
 284, 312, 313, 315, 333, 397, 398
 Бельский Л.П. 343
 Бенедиктов В.Г. 76, 188
 Берви В.В. 28
 Берг Ф.Н. 51, 197, 371
 Бердников Л.П. 237
 Березовский В.А. 36
 Берман Б.И. 383
 Берте Э. 66
 Беспятов Е.М. 339, 340
 Бестужев А.А. 76, 88, 89

- Бестужев-Марлинский А.А. — см.:
Бестужев А.А.
Бибиков В.П. 206
Бичер-Стоу Г. 66
Благов Ф.И. 389
Благовещенский Н.А. 191, 195, 197
Благой Д.Д. 237
Благосветлов Г.Е. 44, 256, 260
Блок А.А. 273, 275, 312—314, 333,
389, 398
Блюм А.В. 12, 14, 232, 237, 381, 392,
404
Блюммер Л.П. 195
Бобков Ф.Д. 380
Боборыкин П.Д. 62, 66, 77, 81, 82,
93, 94, 97, 112, 190, 192—200,
202, 203, 206—210, 230, 254,
255, 282, 318, 341, 372, 374, 398
Бобров А.А. 213, 383
Бобылев Д.М. 213, 214
Богатырев П.И. 382
Богданов (Малиновский) А.А. 34
Богданов И.М. 367
Богданов Т.Ф. 226
Богданова Н.И. 339
Богомоллов Н.А. 307, 397
Богораз В.Г. 89
Богров Г.И. 197, 198
Боев Н. — см.: Берг Ф.Н.
Бокль Г. 28, 67
Борзаковский П.К. 347
Борисов Л.И. 303, 395, 396
Борн (Фюльборн) Г. 66, 71, 81
Бострем Ю.К. 198
Боткин В.П. 95, 188
Брагинская Н.В. 5
Брандес Г. 274
Брем А. 67
Брет Гарт Ф. — см.: Гарт Ф.Б.
Брешко-Брешковский Н.Н. 303
Бритиков А.Ф. 404
Брихничев И.П. 389
Бродский Н.Л. 237
Брокгауз Ф. 382
Брукс Дж. 168, 279, 366, 367, 383,
391, 395, 404
Брюсов В.Я. 210, 266, 273, 274, 284,
299, 308—312, 314, 333, 394, 397
Буагобе Ф. де 66, 70, 119, 296, 299
Бувье А. 119, 296
Будимир 396
Будрин Г. 380
Буйко А.М. 377, 378, 380
Булвер-Литтон Э. 66
Булгарин Ф.В. 18, 19, 38, 62, 88, 120,
125, 253, 367, 369, 387
Булыгина М.В. 237
Бунаков Н.Ф. 95
Бунин И.А. 94, 112, 271, 273—275,
311—313, 333, 344, 345, 389, 397
Буренин В.П. 96, 120, 197, 201, 210,
339, 399
Бурлюк Д.Д. 273, 389
Буслаев Ф.И. 338, 381, 403
Бутузов В.В. 95
Бух Н.К. 368
Буш В.В. 237
Быховский Н.Я. 377, 395
Бюхнер Л. 28

Вагин В.И. 63, 372
Вагнер Н.П. 153, 196, 203
Валентинов Н. (Вольский Н.В.) 398
Валуев П.А. 202
Ваненко Иван (Башмаков И.И.)
172, 363
Варнеке Б.В. 336
Васильева В.А. 238
Вах Э.А. фон 355
Вахтеров В.П. 142, 160, 214, 381,
383, 385
Вебб С. 34
Вейнберг П.И. 344
Вейнберг П.П. 339
Вейнбрехт И. 57
Вейхель Р.Р. 354, 355
Величко В.Л. 207, 347
Величковская А.Н. 345
Вельтман А.Ф. 76, 191
Венгеров С.Я. 226, 338, 388
Венкстерн А.В. — см.: Стерн А.
Вербицкая А.А. 205, 281—283, 323,
334, 399

- Вердеревская С.А. 107
Вердеревский Е.А. 172
Вересаев В.В. 210, 270, 274, 275, 389, 390
Верещагин А.В. 204
Верещагин В.В. 209
Веригин Н.А. 226, 395, 396
Верлен П. 310
Верн Ж. 66, 81, 185, 282
Вернер Э. (Бюрстенбиндер Э.) 81, 282
Вершинин Н. 63
Веселаго Ф.Ф. 19
Веселитская Л.И. 208, 209
Веселовский А.Н. 403
Веселовский Б.Б. 383, 385
Ветринский Ч. (Чешихин В.Е.) 214, 387
Вивьен М.А. 64, 66
Видуэцкая И.П. 375, 389
Вилинский С.Г. 336
Виницкая (Будзианик) А.А. 94, 97, 201, 204, 207
Винниченко В.К. 348
Виноградов П.И. 185
Витняков Н. — см.: Кашкаров И.Д.
Вишневский В.Е. 378
Владимирова Е.П. 339, 340
Владыкин М.Н. 188
Вовчок Марко — см.: Маркович М.А.
Водарский В.А. 226
Водарский Я.Е. 369, 380, 390
Водовозов В.И. 214
Водовозов В.И. 262
Волгин Валентин 152, 153, 363
Волгин И.Л. 238, 374
Волков Ф.Г. 354
Волкова В.Н. 238
Волков-Семенов Н.Н. 355, 403
Волконский М.Н. 107, 207
Волокитин Н.И. 262—263
Волошин (Кириенко-Волошин) М.А. 308, 315, 396
Волькенштейн В.М. 348
Вольф М.О. 35, 95—97, 227, 229, 231, 260, 261, 314
Воробьев К.Я. 22, 367
Воронин С.Д. 389, 390
Воронкевич А.С. 377
Воронов И.К. 141, 142, 214, 377, 381—383
Воронов М.А. 193, 195
Воронов М.Н. 296
Воскресенский М.И. 62, 76, 188, 189
Воскресенский Н.А. 346
Вучина И.Г. (И.Ю.) 333—335, 337, 338, 341, 346, 400, 401
Вяземский П.П. 300
Габорио Э. 66, 296, 299—301
Гальковский Н.М. 344
Гамсун К. 282
Ганелин Ш.И. 367
Ганжулевич Т. (Проскурнина Т.Я.) 238
Ганзен А.В. 345
Ганзен П.Г. 345
Гарин-Михайловский (Михайловский) Н.Г. 208—210, 265, 270, 282
Гарт Ф.Б. 66, 111
Гартвиг Г. 67
Гаршин В.М. 94, 199, 202—204, 206, 266, 399
Гатцук А.А. 127
Ге И.Н. 346
Гегель Г.В.Ф. 67
Гейне Г. 79, 82, 344
Гейнце Н.Э. 116, 124, 125, 378
Гексли Т. 28, 67
Генкель В.Е. 97
Геннади Г.Н. 24, 367
Герасимов Л. (Сиротский Ф.Г.) 391
Гербель Н.В. 189
Гернет М.Н. 238
Геру К. 296
Герцен А.И. 28, 239, 368
Герштеккер Ф. 66
Гессен С.Я. 375
Гёте И.В. 82, 346
Гизо Ф. 67
Гиляров А.Н. 345

- Гиляров-Платонов Н.П. 381
Гиляровский В.А. 121
Гинзбург Б.С. 238, 368
Гиппиус Вл.В. 309, 313, 398
Гиппиус З.Н. 31, 308, 312, 315, 333
Гирс Д.К. 94, 194, 196
Глазунов А.И. 58
Глазунов И.И. 261
Глинский Б.Б. 226
Глумов 214
Гнедич П.П. 204—206, 208, 209, 339, 340, 347, 348, 374
Гоголь Н.В. 60, 76, 77, 82, 112, 147, 155, 164, 185, 336, 344, 350
Годлевский С.Ф. 328, 400
Голенищев-Кутузов А.А. 92, 200, 203, 209, 344
Голикова С.В. 243
Голицын Д.П. — см.: Муравлин Д.
Голицынский А.П. 172, 189, 190
Голлербах Е.А. 397
Головин И.Г. 28
Головин К.Ф. 94, 201—203, 206, 209, 274, 344, 345
Голота П.И. 363
Голохвастов К.К. 152, 154, 155, 363
Голубева О.Д. 389, 390
Гольшев И.А. 380
Гольц-Миллер И.И. 96
Гончаров Б.П. 404
Гончаров И.А. 51, 76—79, 81, 82, 90, 92—94, 107, 112, 140, 185, 189, 190, 194, 226, 256, 268, 282, 326, 338, 374, 376, 381
Гоппе Г.Д. 105
Гораций (Квинт Гораций Флакк) 343, 345
Горбунов И.Ф. 190
Гордович К.Д. 238
Горленко В.П. 376
Горная В.З. 239
Горнфельд А.Г. 366
Горовой Ф.С. 372
Городецкий Д.М. 347
Горский П.Н. 192
Горшков Ю.А. 5, 7, 158, 382
Горький М. (Пешков А.М.) 94, 98, 99, 109, 117, 144, 210, 233, 245, 247, 269—271, 273, 282, 299, 333, 339, 348, 373, 377, 378, 381, 388, 389, 394, 404
Горянская С.Ф. 215
Гославский Е.П. 347
Гофман В.В. 314, 315, 398
Граве Л.Г. 120
Гразкин Д.И. 378
Грачев К.В. 232
Грачева А.М. 391, 398
Грезенева Л.А. 339
Греч Н.И. 88, 253, 376
Гречанинов И. 288, 393
Гречишкин С.С. 390, 397
Грибоедов А.С. 76, 82, 338, 343, 347, 350
Григоров Л.М. 165, 383
Григорович Д.В. 66, 76, 81, 94, 107, 185, 188, 189, 192, 204, 282, 338
Григорьев А.А. 256
Григорьев В.Н. 386
Григорьев-Истомин (Григорьев) Н.А. 348
Грин А.К. 296
Гриневицкая А.Д. 388
Гриц Т.С. 84, 375
Гришина З.В. 239
Гришунин А.П. 239
Громбах А.А. 215
Громова А.А. 371
Громыко М.М. 156, 232, 382, 383
Грот Я.К. 227
Грякалова Н.Ю. 404
Губанов Е.А. 36, 153, 157
Губинский В.И. 302
Гудков Л.Д. 5, 14, 294, 295, 367, 394
Гумбольдт В. фон 67
Гумилев Н.С. 273, 333
Гумилевский Л.И. 269, 274, 310, 388, 390, 396
Гуревич Л.Я. 309
Гуревич С. 227
Гусев С.А. 215
Гусев-Оренбургский (Гусев) С.И. 94, 270, 271

- Гюго В. 81, 282
 Гюйо М. 345
- Д'Аннунцио Г. 82
 Дадонов В. 215, 377, 393
 Далгат У.Б. 404
 Далин Д.А. — см.: Линев Д.А.
 Даль В.И. 94, 190, 371
 Данилевский Г.П. 81, 92, 94, 185,
 190—194, 197, 199, 200, 203,
 204, 206, 208, 254, 387
 Данилов Н.П. 197
 Данте Алигьери 345
 Дарвин Ч. 28, 67
 Даргомыжский А.С. 106
 Даш (Сен-Марс Г.) 66
 Де ла Барт Ф.Г. 344
 Девель В.В. 142, 215, 369, 381, 385
 Девриен А.Ф. 36
 Дедлов (Кигн) В.Л. 206, 208
 Демерт Н.А. 95
 Де-Пуле М.Ф. 215, 365, 405
 Дерибас А.М. 401
 Дерунов К.Н. 37, 369, 372
 Дешкин К.К. 346
 Деянов А.И. 120—122, 298
 Диккенс Ч. 240
 Диккенс Ч. 66, 82
 Дингельштедт Н.Ф. 341
 Динерштейн Е.А. 14, 106, 377
 Дмитриев Д.С. 65, 124, 125, 378
 Дмитриев И.И. 332
 Дмитриев Н.Д. 192, 197
 Дмитриева В.И. 89, 203, 205, 208,
 209
 Дмитриева Е.Е. 239
 Добрая Д.Ю. 231
 Добродеев С.Е. 105
 Добролюбов А.М. 308
 Добролюбов Н.А. 28, 42, 47, 50, 62,
 90, 95, 254—256, 284, 372
 Добронравов Н.Е. 263
 Добротворский П.И. 48, 370
 Добрынина Н.Е. 14
 Доде А. 66, 81, 111, 355
 Дойль А.К. 282, 302, 303, 305, 395
 Долгов Н.Н. 401
- Долгоруков П.В. 28
 Домбровский Ф.В. 65, 112, 373
 Доппельмайер Ю.В. 96
 Дорошевич В.М. 99, 272, 388
 Достоевская А.Г. 267, 268, 388
 Достоевский Ф.М. 29, 66, 78, 79, 81,
 82, 90, 94, 95, 97, 112, 189—196,
 198, 199, 201, 202, 215, 226, 238,
 246, 258, 260, 262, 268, 282, 297,
 326, 374, 387, 404
 Драйзер Т. 295
 Дрианский Е.Э. 189, 193
 Дрожжин С.Д. 96, 206, 266, 346
 Дружинин А.В. 76, 120, 188, 192
 Дрэпер Д. 67
 Дубин Б.В. 5, 7, 14, 239, 277, 367,
 375, 390, 400
 Дубровин И.В. 96
 Дубровина Е.О. 112, 199
 Дудоров П.П. 302
 Думитрашко Н. 384
 Душечкина Е.В. 358, 404
 Дымов О. (Перельман И.И.) 339
 Дьяков А.А. 199, 202, 206, 265, 327,
 400
 Дьяченко В.А. 192
 Дюма А. (отец) 62, 66, 81, 95, 282,
 301
 Дядя Федор 151
- Евгенийев В. (Максимов В.Е.) 215,
 239, 396
 Евстигнеев М.Е. 152, 263, 363
 Егоров А.Е. 368
 Егоров Е.А. 232
 Ежов Н.М. 265
 Екшурский Е.И. 262
 Елагин В.Н. 189
 Еленев Ф.П. — см.: Скалдин
 Елеонский С.Ф. 403
 Елизаветина Г.Г. 239
 Елизарова Н.В. 239
 Елисеев Г.З. 43, 44, 52, 77, 90, 256,
 259, 374, 387
 Елпатьевский С.Я. 51, 131, 204, 209,
 371, 379
 Емелях Л.И. 383, 392, 393

- Ермаков П.П. 393
Ермакова З.П. 232, 239
Есин Б.И. 377, 379, 391
Есипов Г.В. 201
Ефимов Д.П. 302
Ефимова Н.А. 240
Ефремов П.А. 59
Ефрон И.А. 382
- Жабко М. 381
Жадовская Ю.В. 188—190
Жбиковска-Мигонь А. 74, 374
Жданов Л. (Гельман Л.Г.) 339
Жебрак Е.Е. 232, 240, 394
Железнов И.И. 189
Желиховская В.П. 207, 346
Жемчужников А.М. 96, 204, 208, 344
Жемчужников В.М. 204
Живаго А.В. 299, 394
Животов Н.Н. 121, 122, 298
Жиркевич А.В. 370, 376
Жирмунский В.М. 360, 405
Житомирова Н.Н. 240
Житомирская С.В. 5
Жукас С.В. 403
Жукин А. 373
Жуков Ф. 394
Жуковский В.А. 25, 147, 332
Жуковский В.Г. 345
Жулев Г.Н. 191, 196
Жулев П. 215, 393
Журавов И.Г. 35
- Забелин И.Е. 147, 381
Забелло М.П. 202
Загоскин М.Н. 125, 151, 172, 185
Зайцев Б.К. 389, 397
Зайцев В.А. 44
Зайцев И.К. 380
Зайцева А.А. 55, 371, 372
Законнэ П. 296, 299
Закс Б. 385
Замоскворецкий П. 371
Занд Ж. — см.: Санд Ж.
Запесоцкая О. 395
- Зарин А.Е. 389
Зарин Ф.Е. 333, 344
Зарина Е.И. 112
Зарубин П.А. 195
Засодимский П.В. 65, 70, 97, 148, 197, 199, 204, 206, 209, 210, 267, 373, 382
Захаров М.П. 373
Захер-Мазох Л. фон 324
Зверев В.А. 232
Зверева К.Е. 233
Здобнов Н.В. 371, 373
Зеланд-Дубельт (Дубельт) Е.А. 347
Земский А.М. 36, 157
Зиновьев Ф.А. 191
Зиновьева-Аннибал Л. 281
Златовратский Н.Н. 52, 70, 94, 198—200, 202, 283
Золотов В.А. 216
Золотоносов М.Н. 395
Золя Э. 81, 82, 111, 185, 282, 324
Зоркая Н.А. 5
Зосима Соловецкий 163
Зотов Р.М. 62, 125, 151
Зряхов Н.И. 151, 361
- Ибсен Г. 82, 345
Иванов А.Ф. 120
Иванов Б. 377
Иванов Вс.В. 404
Иванов Вяч.И. 275, 314
Иванов Г.В. 283, 392, 395
Иванов Д.Л. 198
Иванов Ф.К. 298
Иванов Ю.А. 392
Иванова Е.И. 396
Иванова Л.Н. 389
Иванова Н.Б. 405
Иванова Т.Г. 404
Ивашкин С.Н. 240
Ивин И.С. 35, 152—154, 165, 216, 360, 363, 382, 383, 404
Иерофей, архимандрит 384
Измайлов А.А. 273, 340, 389
Иконников А.И. 63
Ильинский И.В. 396

- Имшенецкий Я.К. 216, 379
Инсарский В.А. 198
Иогель М.К. 201, 321, 398, 399
Иорданский Н.М. 227
Исаев А.А. 378
Исаев Ф.М. 360, 405
Исаков Я.А. 261
Истомин В.М. 65
Ищук Г.Н. 233
- К.Р. — см.: Константин Константинович
- Кавелти Дж. 295, 317, 318, 394, 398
Каждан А.П. 380
Казанский П.А. 302
Кайданова О.В. 216
Калецкий П. 395
Каменская М.Ф. 190
Каменский А.П. 94
Каменский П.П. 76
Каменский С.В. 282, 392
Камский Ю.А. 355
Канаев А.Н. 402
Кант И. 67
Капустин А.Д. 216
Каразин Н.Н. 196—198, 200, 400
Карамзин Н.М. 25, 60, 88, 125
Каратыгин П.П. 191, 193, 194, 398
Кареев Ф.Д. 402
Каренин (Комарова) В.Д. 206, 345
Каржанский Н.С. 340
Каринский Н.С. 216, 383
Карлейль Т. 28
Карнеев М.В. 400
Карнович Е.П. 190, 203
Каронин С. (Петропавловский Н.Е.) 201, 204, 206, 207
Карпов Е.П. 339, 346, 348
Касаткина В.Н. 240
Каспари А.А. 104, 105, 110
Катаев В.П. 392
Катарский И.М. 240
Катенкамп А.П. — см.: Сеткова А.
Катков М.Н. 256, 258, 260
Кауфман П. 58, 372
Кац Ж.Б. 240
- Кашкаров И.Д. 194, 195
Кашкин Д.А. 65
Кашкин Л.Д. 64
Кельнер В.Е. 241
Кельсиев В.И. 194
Кетле Л. 67
Кившенко Н.Д. 205
Кигн В.Л. — см.: Дедлов В.Л.
Кизеветтер А.А. 374
Киммель Н. 59
Кин Н. 216
Киреев А. 340, 341
Кирилл (Константин) 134, 163
Кирьянов И.К. 232
Кирьянов Ю.И. 393
Кишенский Д.Д. 338
Кишкин Л.С. 372
Клевенский М.М. 241
Клейнборт Л.М. 217, 233, 241, 375, 389
Клестов-Ангарский (Клестов) Н.С. 389
Клибанов А.И. 383
Клюкин М.В. 302
Ключевский В.О. 67
Клюшников В.П. 90, 105, 192—194
Кобб В. 66
Ковалевская С.В. 51, 371
Ковалевский Н.З. 386
Коваленская А.Г. 185
Коган Л.А. 383
Кожанчиков Д.Е. 97
Кожевников В.А. 339
Козлов П.А. 343
Козлов С.В. 241
Кок П.Ш. де 66, 95
Коковина Н.З. 241
Кокорев И.Т. 91, 189, 376
Кокоулин К.К. 217
Кокс Х. 34
Колганова А.А. 395, 403
Коллинз У. 66, 296, 305, 324
Колмогоров 227
Колоницкий Б.Н. 233
Колупаева В.Н. 241
Кольцов А.В. 82, 185, 223

- Комаров В.В. 111
Комаров М. 148, 150
Комарова В.Д. — см.: Каренин В.Д.
Конан Дойль А. — см.: Дойль А.К.
Кондакова Т.И. 380
Кондратьев И.К. 263, 338, 376
Коневской И. (Ореус И.И.) 308, 309
Конради Е.И. 387
Константин — см.: Кирилл
Константин Константинович, великий князь 206, 341
Конт О. 28
Копанев А.И. 384
Копанева Н.П. 382
Корепова К.Е. 405
Корецкая И.В. 396, 397
Коринфский А.А. 209
Королев Д.Г. 352, 353, 402
Короленко В.Г. 79, 94, 112, 204, 205, 208—210, 233, 243, 265, 270, 282, 333, 374, 389, 400
Коропчевский Д.А. 400
Корф Н.А. 217
Корхов Л.М. 380
Корякин М.В. 241
Костенко 346
Костомаров Н.И. 67, 94—96, 192, 198
Костылева Н.А. 12, 233
Костылева Н.А. 241
Косых Е.Н. 242
Котелянский Л.О. 199, 398
Котик А. 227
Котляревский И.П. 344
Котляревский Н.А. 242, 340, 368
Котрелев Н.В. 5, 307, 312, 397
Коуров П. 217
Кохановская Н. — см.: Соханская Н.С.
Кошкаров И.Д. — см.: Кашкаров И.Д.
Кранц О. 302
Красев А.А. 217
Красильникова Е.А. 399
Красницкий А.И. 112, 273
Краснов Г.В. 242
Краснов М.Д. 378
Красноперов И.М. 370
Красов В.И. 189
Красов М.И. — см.: Оболенский Л.Е.
Красовский А.А. 63, 372, 373
Крашевский Ю. 81
Крашенинников Н.А. 345
Крашенинников П.И. 58, 61
Крейдлина Л.М. 242, 394
Крестовская М.В. 205, 207
Крестовский В. — см.: Хвошинская Н.Д.
Крестовский Вс.В. 66, 71, 81, 92, 94, 97, 191, 193, 194, 197, 199, 206—208, 255, 260, 299, 301, 324
Крестьянов В.Н. 347
Кривенко С.Н. 387, 400
Криницкий М. (Самыгин М.В.) 376
Кропоткин П.А. 62, 372
Круглов А.В. 185, 207, 322, 325, 387, 398—400
Крупянская В.Ю. 405
Крученных А.Е. 402
Крыжановская В.И. 333, 345
Крылов В.А. 192, 194, 197, 199, 200, 202, 346, 347, 368
Крылов И.А. 155, 323, 332
Крылов И.З. 363
Ксено 67
Кубиков И. (Дементьев И.Н.) 233, 240
Кугель А.Р. 76, 272, 339, 340, 378, 401
Кугушев Г.В. 76, 188, 189
Кудрявцев П.Н. 193
Кудрявцев С. 217
Кудряшев М.И. 343
Кузин Т.Ф. 155
Кузичева А.П. 242
Кузмин М.А. 281, 303
Кузмичев Ф.С. 363
Кузьмина В.Д. 361, 404, 405
Кукель (Лунин В.А.) 152
Кукольник Н.В. 76, 323
Кулиш П.А. 190

- Кулябко-Корецкий Н.Г. 217
Кумов Р.П. 340
Купер Ф. 81, 185
Куприн А.И. 94, 99, 270—274, 282, 303, 333, 345
Куприна К.А. 389
Куприна-Иорданская М.К. 389
Кургузова З.С. 242
Курмачева М.Д. 380, 383
Курочкин В.С. 96
Курсинский А.А. 309, 310, 313
Кусков П.А. 205
Куфаев М.Н. 242
Кучер В.В. 233
Кушевский И.А. 91, 97, 196, 198
- Лабулэ Э. 66
Лавров А.В. 307, 315, 396—398
Лавров В.М. 97
Лавров П.Л. 28, 52
Лажечников И.И. 125, 151, 154, 172, 185, 194
Лазаревский Б.А. 333, 345
Ламанский В.И. 95
Ланг А.А. 309
Ланге Ф.А. 34
Лаппо-Данилевская Н.А. 283
Ларин К.П. 355
Ларош Г.А. 227
Ларский И. 227, 370
Ласунский О.Г. 242
Лачинова А.А. 195, 198—200, 202, 203, 205
Лачинова П.А. 198—200, 202, 203, 205
Лебедев К.Н. 200, 202
Леванда Л.О. 198
Левассер Э. 367, 392
Левин К.Н. 228
Левина С.С. 233
Левинсон А.Г. 5, 14
Левитов А.И. 93, 126, 191, 193, 197
Ледерле М.М. 228
Лейкин Н.А. 66, 120, 191, 196, 197, 200, 201, 207—209, 265, 282, 324
Лейкина-Свирская В.Р. 19, 21, 279, 367, 375, 386, 389, 391
- Лекки В. 28
Леман А.И. 209, 376, 399
Лемке М.К. 389
Ленин (Ульянов) В.И. 21, 242, 367, 369
Ленинградский С. 378
Лео А. 66
Леонтьев И.Л. 93, 205, 209, 265, 321, 398, 399, 401
Леонтьев К.Н. 190, 192, 199, 200, 202
Леонтьева (Тюленева) Ф.Н. 347
Лермонтов М.Ю. 76, 82, 112, 147, 155, 212
Лернер Н.О. 375
Лесков А.Н. 376
Лесков Н.С. 40, 66, 79, 81, 90, 91, 94, 97, 192—194, 196, 197, 199—202, 205, 207, 236, 247, 256, 258, 260, 265, 267, 268, 282, 283, 370, 376, 388
Лесли С.Р. 339
Летнев П. — см.: Лачинова А., Лачинова П.
Леухин С.И. 36, 157, 262
Либрович С.Ф. 375, 387
Ливанов Ф.В. 194
Линденберг О.А. 398
Линев Д.А. 199, 200, 204, 206, 210
Липперт Ю. 34
Лисичникова А.В. 242
Лисовский Н.М. 252, 386, 388
Листов С.В. 228
Литвишко В.В. 242
Литошенко Л.Н. 228
Лихачев В.С. 343, 345
Лихачева Е.И. 261
Личков Л.С. 218, 377, 381
Лобанов В.М. 378
Лобова М.А. 234
Ломоносов М.В. 365
Лонгинов А.В. 344
Лонгфелло Г. 344
Лондон Дж. 284
Лопатин А.М. 348
Лохвицкая М.А. 344, 345

- уговой А. (Тихонов А.А.) 105, 208, 209, 333, 344, 398
укьянова Л.С. 243
унин В.А. — см.: Кукель
упанова И.П. 404
уппов С.П. 12, 366
ьвов А.Л. 243
ьвов Е. 387
ьвов Н.М. 189
ьвов Н.С. 296
ьвова А.Д. 344
ьдов К. (Розенблюм К.Н.) 207, 333, 344
юбецкий С.М. 151, 156, 363
ютов С.Н. 243
- Газепа И. 363
Газуркевич В.А. 346
Гаин В.Н. 233
Гайков А.Н. 82, 92, 96, 106, 188, 189, 192, 196, 203, 333, 338, 343
Гайков Л.Н. 343
Гакалинская В.К. 63, 64
Гак-Гахан В.Н. 206
Гаквицкий Д.П. 395
Гаксимов Д.Е. 308, 309, 396, 397
Гаксимов М.М. 298
Гаксимов С.В. 185, 189, 196, 199
Гакушин П.И. 65
Галиновский Н.А. 218
Гамин-Сибиряк (Мамин) Д.Н. 81, 94, 97, 148, 203—210, 282, 376, 382, 398
Ганн И.А. 193, 194
Ганухин А.И. 36, 157, 262
Ганухина (Манухин А.И.?) 160
Гар А. (Леншина А.Я.) 283
Гаракуев В.Н. 218
Гаркевич А.И. 401
Гаркевич Б.М. 81, 92, 97, 196, 197, 200, 202, 203
Гарко Вовчок (Маркович М.А.) 76, 94—96, 189, 190, 194, 195, 197, 198
Гарков А.Р. 243
Гарков В.Л. 197, 202, 203
Гарков Е.Л. 198—200, 208, 255
- Маркович М.А. — см.: Марко Вовчок
Маркс А.Ф. 35, 105, 268, 274, 375, 377, 389, 393
Маркс К. 34, 67, 235, 241, 247
Марлитт Е. 66, 81, 282
Мартынов И.Ф. 371, 375
Мартынов С.В. 214, 380
Масальский К.П. 62
Маслов А.Н. 203, 204, 206, 208, 265, 339
Маслов С.А. 384
Матвеев М.Ю. 243, 384, 392
Матвейчук Н.Ф. 404
Матханова Н.П. 243
Мацевич К.А. 218
Мачтет Г.А. 205, 206, 209
Маяковский В.В. 333, 404
Медведева О.В. 243
Медведский К.П. 328, 400
Медриш Д.Н. 403
Медынский Е.Н. 179, 180, 184, 218, 368, 383, 385, 390, 392
Мезер (Мезиер) А.В. 218, 386
Мей Л.А. 82, 188, 190, 191, 393, 395
Мейлах Б.С. 234
Меледин С.П. 62
Мелек-Ханум 67
Меллин Г.Г. 42
Мельников (Печерский) П.И. 81, 92, 198, 202, 282, 382
Менделеев Д.И. 68
Мендельсон Н.М. 228
Менье А. 375
Меньшиков М.О. 228, 272, 324, 399
Мердер Н.И. 200—202, 204, 208, 210
Мережковский Д.С. 31, 206, 208, 210, 282, 308, 312
Метерлинк М. 82
Метнер Э.К. 312
Мефодий 134, 163
Мешерский В.П. 66, 81, 197—200, 255, 368, 387
Милицына Е.М. 333, 345
Миль Д. 67, 95
Мильтон Д. 344

- Мильчевский О.В. 47, 228, 325, 370
Милуков М.Н. 218
Мин Д.Е. 345
Минаев Д.Д. 96, 120, 189, 191, 193—
196, 333
Минаков А.Г. 243
Миненко Н.А. 243
Минский (Виленкин) Н.М. 31, 200,
205
Минский Н.М. 266, 308
Миронов Б.Н. 278, 390, 392
Миронов К.В. 394
Миронов Н.П. 361
Михайлов М.Л. 42, 50, 94, 190, 193,
255, 368, 370, 374, 387, 399
Михайлов Н.М. 217, 378, 379
Михайлова Н.И. 402
Михайловский В.А. 355
Михайловский Н.К. 41, 43, 48, 52,
90, 238, 370, 400
Михаловский Д.Л. 96, 343
Михневич В.О. 200, 203
Михнюкевич В.А. 404
Мицкевич А. 95, 343
Мичурин А.П. 219
Мишле Ж. 67
Мкртумян Н.С. 243
Мозер А.Х. 353, 354
Моисеев А.Г. 304, 395
Моисеенко П.А. 124, 378
Мошот Я. 28, 67, 68
Мольер (Поклен Ж.Б.) 343, 344
Монтенпен К. де 66, 70, 71, 81, 119,
301
Мопассан Г. де 81, 82, 282
Мордовцев Д.Л. 67, 79, 81, 195, 200,
201, 203, 204, 207, 209, 210, 282,
338
Морев Н.Н. 355
Морозов И.А. 36, 157
Морозова Т.Г. 243
Мосин А.Г. 234
Москвин В.В. 393
Москвичин А. — см.: Павлов А.А.
Мохначева М.П. 244
Муйжель В.В. 270, 275
Муравлин Д. (Голицын Д.П.) 203—
206, 333, 339, 344
Муратов М.В. 244, 367, 369, 388, 391
Муринов В.Я. 219
Муромцева-Бунина В.Н. 397
Мусихин В.Е. 234
Мухаркин Д.М. 397
Мясницкий И.И. 116, 120, 124
Мясоедов П.А. 387
Навроцкий А.А. 195, 344, 347
Нагродская Е.А. 281, 334
Надсон С.Я. 82, 96, 204, 310, 313,
343
Назарьев В.Н. 192
Назарьева К.В. 112
Найденов С.А. 339, 348
Напойкин С.И. 354, 355
Нарская Е. (Шаликова Н.П.) 189
Наумов Н.И. 198, 202
Невежин П.М. 341, 347
Невольный И. 219
Недетовский Г.И. 198, 199, 202, 203
Незлобин С.П. 228
Некрасов И.С. 336
Некрасов Н.А. 42, 46, 50, 52, 76, 79,
81, 82, 96, 97, 185, 188, 191, 192,
195, 197—199, 202, 232, 235,
239, 242, 245, 246, 256, 258, 260,
376, 377, 404
Нелидова Л. (Маклакова Л.Ф.) 399
Немирович-Данченко Вас.И. 81,
91, 93, 94, 185, 198, 200—203,
205, 206, 209, 282, 376
Немирович-Данченко Вл.И. 208,
210, 319, 320, 340, 346—348,
398, 399
Немчинов Е.И. 378
Нефедов Ф.Д. 196, 206
Нехотин В.В. 7
Нечаев Е.Е. 164
Никипелова Н.А. 244
Никитин В.Н. 196, 198
Никитин И.С. 56, 65, 70, 188, 189,
195, 371, 373
Никитин М.М. 84, 375

- Никитин П. 302, 303
Николаев А.А. 219, 228, 388
Николев Н.П. 322
Никольский Н.М. 339
Никольцева Г.Д. 386
Никонов С.А. 371
Нинов А.А. 389
Ницше Ф. 284
Новиков И.А. 339
Новиков Н.И. 88, 375
Новикова А.М. 404
Новикова Г.Н. 234
Новиков-Прибой (Новиков) А.С. 301, 395
Новодворский А.О. — см.: Осипович А.
Нотович О.К. 339
- Оболенская С.В. 234
Оболенский Л.Е. 202, 204, 207
Овсянников А.Н. 372
Овчарова П.И. 401
Овчинников М.К. 57, 371
Огарев Н.П. 188
Оглезнева В.Г. 234, 244
Огурцова Н.В. 234
Одесский И. (Егурнов И.К.) 229
Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) 397
Ожешко Э. 282
Ожигина Л.А. 195
Окрейц С.С. 116, 378, 399
Оленева З.П. 244
Оленина А. 402
Оленина Е.К. 296
Олигер Н.Ф. 275
Олюнин Р. 395
Омулевский (Федоров) И.В. 195, 283
Опочинин Е.Н. 276, 394
Ордынцев-Кострицкий (Кострицкий) М.Д. 273
Орелкин П.Ф. 219, 381
Орленев П.Н. 355, 403
Орлов В.И. 142
Орловский К. — см.: Головин К.Ф.
- Осипов В.О. 371
Осипович А. (Новодворский А.О.) 94, 199, 201
Осват А.Л. 5, 244
Островский А.Н. 76, 81, 82, 188—204, 226, 227, 266, 267, 282, 332, 336, 339—341, 347, 350, 401
Острогорский В.П. 49, 63, 370, 373
Оуэн Р. 28
- Павленков Ф.Ф. 265
Павлов А.А. 151, 154, 156, 363
Павлов М.А. 392
Павлова К.К. 191
Павлова М.М. 397
Павловский А.А. 401
Павлюченко Э.А. 244
Пазухин А.М. 116, 120, 123, 124, 152, 301, 378, 399
Пазухин Н.М. 151, 363
Палей А.Р. 390
Пальм А.И. 94, 197, 201, 203
Пальмин Л.И. 120, 200, 265
Панаев В.И. 332
Панаев И.И. 42, 76, 94, 120, 188, 190, 191
Панаева А.Я. 42, 76, 78, 94, 190, 191, 206, 370, 374
Панов С.А. 298
Пантарей 395
Пантелеев Л.Ф. 50, 265, 370
Панченко А.М. 375
Пасек Т.П. 201
Пастухов Н.И. 121—124
Пекаторос Г.М. 346, 347
Перрот Л.Г. 347
Персиц М.М. 383
Перцов П.П. 308, 312, 396, 397
Петр I 16, 166, 185, 363
Петров М.П. 360, 404
Петровская Н.И. 283, 392
Петрушевский А.Ф. 185
Печаткин Е.П. 97
Пильский П.М. 389
Пирумова Н.М. 175, 385
Писарев Д.И. 28, 29, 41, 44, 49, 95, 227, 229, 254, 256, 370

- Писемский А.Ф. 76, 79, 81, 82, 92—94, 97, 188, 189, 191, 193—196, 200, 254, 260, 282, 283, 320, 332, 350, 398
- Плавильщиков В.А. 58
- Платонов Н.М. 220
- Плевако Ф.Н. 122
- Плетнев П.А. 38, 369
- Плещеев А.А. 353, 402
- Плещеев А.Н. 50, 96, 189, 190, 192, 205
- По Э. 82, 296
- Победоносцев К.П. 124
- Погожев Е.Н. (Поселянин Е.) 220
- Погорелова Б.М. 312, 397
- Погосский А.Ф. 185
- Подолинский А.И. 190
- Подъячев С.П. 380
- Поздеева И.В. 5
- Покровский В. 244
- Покровский В. 396
- Полевой Н.А. 253
- Полевой П.Н. 106, 107, 112, 208, 209
- Полещук Ф.М. 372
- Поливанов Л.И. 344
- Полилов-Северцев (Полилов) Г.Т. 345
- Полищук Ф.М. 244
- Полонский Л.А. — см.: Прозоров Л.
- Полонский Я.П. 40, 45, 76, 92, 94, 96, 97, 189, 192—196, 199, 201, 202, 205, 207, 256, 258, 333, 343, 344, 370, 376
- Поляков С.А. 311, 390, 397
- Поляков С.Л. 340
- Помяловский Н.Г. 191—193, 246, 255
- Пономарев И.Н. 112, 338
- Понсон дю Террайль П.А. 66, 71, 81, 82, 296, 299, 301
- Попов М.В. 356
- Попов Н. Александрович 346
- Попов Н. Ардалионович 368
- Попова О.Н. 58
- Пороховщиков П.С. 345
- Порфиоров П.Ф. 345
- Поршнева Г.И. 390
- Потанин Г.Н. 191
- Потапенко И.Н. 81, 93, 94, 204, 207—209, 282, 318, 322, 340, 344, 398, 399
- Потапов В.Ф. 172, 363, 364
- Потехин А.А. 42, 76, 94, 188—190, 192, 193, 195, 197, 199—201, 339
- Потехин Н.А. 192, 198, 199
- Прахов М.В. 96
- Прегель С.Ю. 395
- Преображенский Н.С. 67, 196
- Преснов Д.И. 157
- Прийма Ф.Я. 404
- Пришвин М.М. 94
- Прозоров В.В. 245
- Прозоров Л. (Полонский Л.А.) 400
- Прокопович С.Н. 220
- Пронина М.Г. 234
- Пропп В.Я. 383
- Протопопов А.П. 363
- Протопопов Д.Д. 385
- Пругавин А.С. 220, 232, 379, 404
- Прудон П. 67
- Пружанский (Линовский) Н.О. 400
- Прусаков Ф.К. 355
- Прыжов И.Г. 96
- Пугачев В.В. 245
- Пудалова Л.А. 404
- Путилин И.Д. 303, 305
- Путяга Н.А. 219
- Путятин Е.В. 255
- Путятин Р.Т. 172, 185
- Пушкарев Л.Н. 150, 361, 382, 404, 405
- Пушкин А.С. 42, 60, 76, 82, 89, 147, 155, 185, 214, 220, 221, 234, 239, 248, 253, 310, 323, 335, 375, 404
- Пушкин В.Л. 352
- Пушков В.П. 239
- Пшибышевский С. 282
- Пыпин А.Н. 61, 220, 338, 372, 403
- Пятницкий К.П. 270, 389
- Рабинович М.Г. 380
- Равинский Д.К. 401

- адзивилович И.Е. 339
амбах Л. 57
аппопорт С.А. 34, 137, 213, 369,
380, 382, 404
асин Ж. 344
аспопов Е.П. 65
ассохин С.Ф. 354, 355, 402
ассохина Е.Н. 354
атгауз Д.М. 209
афальский С.М. 284, 392
ачинская Е. 396
ашин А.Г. 17, 367, 368, 380, 385,
390, 392
езенер Ф.Ф. 95
ейсер С.А. 245
ейтблат А.И. 235, 239, 245, 375,
382, 387, 394, 404
еклю Э. 68
емезов М.Н. 206
емизов А.М. 94, 314
енан Э. 291
епин, содержатель библиотеки
354
ешетников Ф.М. 192—195, 198,
246, 255
ешетов С.И. 378
ид Т.М. 81, 185
икер К.Л. 36
одигина Н.Н. 245
одионова В.М. 235
одников В.П. 382
озанов В.В. 304, 395
озанов И.Н. 74, 245, 374
озанов Н.П. 304, 395
озанова Л.А. 235
озенгейм М.П. 92, 189
озенгрэн К.Э. 81, 375
озенталь И.С. 393
озенталь Л.В. 397, 398
оков Г.П. 229, 396
оле С. 245
оманов К.К. — см.: Константин
Константинович
оманова Т.В. 246
ославлев Б.А. 347
оссиев П.А. 347, 395
Ростопчина Е.П. 188
Рошевская Л.П. 246
Рубакин Н.А. 14, 23, 25, 34, 37, 60,
61, 64, 69, 71, 81, 156, 160, 220,
226, 229, 230, 289, 299, 366—
369, 372, 373, 375, 380, 388, 393,
394, 399
Рубакина Л.Г. 64, 373
Рудич В.И. 345
Рудниковский М. (Былов М.Н.) 124
Русанов Н.С. 299, 382, 394
Русов А.А. 212, 373, 382
Рыбников Н.А. 221
Рылеев К.Ф. 88
Рыскин С.Ф. 120, 121
Рышков В.А. 341
Рябушинский Н.П. 312
Савватий Соловецкий 163
Савина М.Г. 339, 340
Савинков Б.В. 334
Савихин (Иванов) В.И. 35
Саводник В.Ф. 374
Савушкина Н.И. 405
Сажин В.Н. 245, 387
Сайтов В.И. 343
Сакулин П.Н. 230, 338
Салаевы 268
Салиас Е.А. 81, 90, 94, 107, 125, 185,
198—201, 205—207, 209, 255,
282
Салов И.А. 94, 97, 200—202, 204—
206
Салтыков М.Е. 21, 30, 31, 42, 46, 52,
66, 73, 76, 77, 79, 81, 82, 90, 92,
94, 97, 113, 189, 192, 195—197,
199—205, 207, 230, 252, 254,
256, 267, 268, 367, 369, 370, 374,
376, 377, 386, 388
Самаров Г. 66, 81
Самойлов Ф.Н. 377
Санд (Занд) Ж. 62, 66, 81, 282, 345
Сапунов Б.В. 135, 380
Саралиева З.Х. 235, 393
Сахаров И.А. 62
Сахарова В.И. 296

- Светлов В. (Ивченко В.Я.) 210, 230, 280, 391
 Свешников Н.И. 382
 Свиридова С.А. 345
 Свирский А.И. 210
 Свиршевский А.Р. 221
 Свифт Э. 393
 Сдобнов В.В. 246
 Севастьянов А.Н. 58, 87, 372, 376
 Северин Н. — см.: Мердер Н.И.
 Селиванов И.В. 76, 188, 194
 Семевский М.И. 67, 221
 Семен А.И. 58
 Семенников П.П. 64, 373
 Семенов Н.П. 343
 Семенов С.Т. 35, 347
 Семенова-Тянь-Шаньская О.П. 222
 Семенов-Волков Н.Н. — см.: Волков-Семенов Н.Н.
 Сементковский Р.И. 95, 388
 Сенкевич Г. 81, 282
 Сенковский О.И. 88, 120
 Сен-Симон К. 28
 Серафимович А.С. 271, 389
 Сергеев А.В. 246
 Сергеев В.Д. 372
 Сергеев М.В. 246
 Сергеев-Ценский (Сергеев) С.Н. 274
 Сергей Радонежский 163
 Серебрякова Е.И. 392
 Серно-Соловьевич Н.А. 63
 Серре Э. 42
 Сеткова А. (Катенкамп А.П.) 185
 Сивков К.В. 230, 396
 Силичев Ф.В. 355
 Сильман Т.И. 396
 Симони П.К. 55, 371, 372
 Симонов И.С. 230
 Скабичевский А.М. 43, 77, 95, 374
 Скалдин (Еленев Ф.П.) 195
 Скафтымов А.П. 246
 Скафтымов А.П. 368
 Скворцов Н.А. 222
 Скиталец (Петров С.Г.) 270, 271
 Скобелев М.Д. 185
 Скотт В. 282
 Скроботов Н.А. 378
 Славутинский С.Т. 94, 190
 Слепушкин Ф.Н. 332
 Слепцов В.А. 93, 94, 193, 246
 Случевский К.К. 92, 333, 339, 344
 Смайлс С. 67
 Смердова А.А. 246
 Смирдин А.Ф. 58, 61, 88, 372
 Смирнов А.В. 222, 381, 383
 Смирнов И.И. 354
 Смирнов К.Н. 378
 Смирнов П.П. 230
 Смирнова В.И. 246
 Смирнова С. (Сазонова С.И.) 196—199, 201
 Смолицкий В.Г. 404
 Смышляев Д.Д. 384
 Снегирев И.М. 147, 381
 Снегирев Л.Ф. 388
 Соболев Л.И. 246
 Соболешиков-Самарин (Соболешиков) Н.И. 341
 Сойкин П.П. 302
 Соколов А.А. 65, 112, 116, 120, 124, 197, 298, 356, 373
 Соколов Н.В. 326, 400
 Соколов О.Д. 235, 369
 Соколов С.А. 312
 Соколов Я.А. 235
 Соколова А.И. 116, 124, 298
 Соколова В.К. 383
 Соколова М.А. 354, 355, 403
 Соколов-Жамсон П.А. 355
 Соколов-Микитов И.С. 284, 392, 397
 Соколовский А.Л. 344
 Соколовский Н.М. 193, 298
 Солдатенков К.Т. 36, 97, 265
 Соллогуб В.А. 188
 Соловьев Вл.С. 208, 210, 310
 Соловьев Вс.С. 81, 107, 125, 203, 204, 208—210, 274, 282
 Соловьев Н.Я. 200, 201, 266
 Соловьев С.М. 67, 95, 125

- Сологуб (Тетерников) Ф.К. 31, 94,
210, 311, 313, 314, 333, 397
- Сонина Е.Г. 247
- Сопиков В.С. 58
- Сорока В. 231, 396
- Сорокин Н.П. 380
- Соханская Н.С. 94, 190, 191
- Спенсер Г. 28
- Сперанский М.Н. 155, 382
- Срезневский В.И. 285, 392
- Станюкович К.М. 81, 197, 201, 202,
206, 208, 210, 333, 344
- Старожил 377
- Стасова Н.В. 261
- Стасюлевич М.М. 36, 93, 95, 97,
260, 326, 370, 400
- Статуев Е.С. 380
- Стаханов С. 223
- Стахеев Д.И. 198, 201—204, 206,
209, 210
- Стелловский Ф.Т. 260
- Стельмах В.Д. 5
- Степанов П.И. 298
- Степанова В.А. 346
- Стерн А. (Венкстерн А.В.) 207
- Шешенко И.М. 344
- Столыпин А.А. 272
- Стопановский М.М. 191
- Стороженко Н.И. 338
- Стоюнина М.Н. 313
- Страхов Н.Н. 45, 95, 96, 370
- Стремоухов Н.П. 111
- Строганов М.В. 247
- Строгов В.В. 223
- Струмилин С.Г. 376
- Стулли Ф.С. 198
- Суворин А.С. 30, 36, 90, 120, 127,
198, 233, 256, 265, 266, 325, 339,
369, 401, 402
- Суворина А.И. 261
- Суворов А.В. 185, 363
- Суворов В. 151
- Суворов П.П. 374
- Суворовский А.М. 231, 395
- Сумароков А.П. 322
- Сумароков П.П. 369
- Сумбатов-Южин А.И. 340, 348
- Суриков И.З. 47, 96, 196, 198
- Сурин М.Н. 392
- Суханов М.Д. 332
- Сухово-Кобылин А.В. 188, 195
- Сухонин П.П. 201, 202
- Сыромятников С.Н. 223
- Сытин И.Д. 36, 153, 157, 158, 160,
302, 382, 383, 388
- Сычугов С.И. 385
- Сю Э. (Е.) 62, 66, 119, 295
- Талалакина О.И. 372
- Таль Н.А. — см.: Утина Н.И.
- Танеев В.И. 374
- Тарутин А.А. 223, 379
- Твен М. 282
- Теккерей У. 82
- Телешов Н.Д. 271, 275, 389
- Теннисон А. 345
- Терещенко М.И. 311
- Терпигорев С.Н. 50, 201, 210, 371
- Тиблен Н.Л. 261
- Тименчик Р.Д. 247, 307
- Тимковский Н.И. 93, 322, 340, 346,
347, 398, 399
- Тимофеев Н.П. 67, 196, 198, 298
- Тимофеев П. 150
- Тимофеев П.С. 224, 291, 369, 394
- Тимофеева В.В. 399
- Тиндаль Дж. 28, 67
- Титов А. 224, 381
- Тихменев Л. 387
- Тихомиров Г.С. 247
- Тихомиров Л.А. 272, 370
- Тихон Задонский 163
- Тихонов А.А. — см.: Луговой А.
- Тихонов В.А. 208, 347
- Тихонов В.П. 370
- Тихонова М.А. 247
- Тихонравов Н.С. 338, 344
- Ткачев П.Н. 44
- Тогольский Д.Д. 120
- Тодд У.М. 400
- Токвиль А. де 28
- Толочинская Б.М. 403

- Толстая А.Л. 390
Толстая С.А. 267
Толстой А.К. 82, 96, 125, 185, 190,
191, 193—195, 199, 204, 256
Толстой А.Н. 94, 275
Толстой Л.Н. 29, 66, 78, 80, 82, 92—
94, 154, 155, 185, 188—190, 192,
195, 200, 205, 207—210, 235,
240, 245, 246, 256, 262, 274, 282,
290, 291, 326, 339, 347, 376, 400
Толстой Ф.М. 193
Толстых Г.А. 397
Томашевская В.И. 347
Травушкин Н.С. 247
Трахимовский Н.А. 147, 381
Трахтенберг В.О. 339, 340
Тренев К.А. 273, 389
Тренин В.В. 84, 375
Трефолов Л.Н. 96, 210
Троицкая Н.А. 247
Троицкий В.Ю. 247
Троллоп Э. 66
Трошин Г.Я. 231
Трубачев С.С. 223
Трубицын Н.Н. 403
Трубников К.В. 259
Трубников Н.В. 296
Трубникова М.В. 261
Тузов И.Л. 265
Тур Е. (Салиас де Турнемир Е.В.)
76, 190
Турба В.П. 105
Тургенев И.С. 29, 50, 66, 76—78, 81,
82, 90, 92—94, 112, 154, 185,
188—192, 194—196, 198—200,
202, 203, 233, 244, 247, 248, 262,
267, 282, 326, 350
Туровская М.И. 5
Тхоржевский И.И. 345
Тыркова-Вильямс А.В. 268, 281,
388, 391
Тэн И. 67
Тэффи (Лохвицкая) Н.А. 272, 310,
389, 397
Тютрюмов А.М. 231
Тютчев Ф.И. 92, 237, 240, 244, 310
Тютюнова Ю.А. 402
Уваров С.С. 332
Уитмен У. 275
Уйда (Раме Л. де ла) 324
Уколов С.Я. 120
Улитин Н.Н. 64
Урес А.О. 403
Урусов А.И. 338
Урусов С.Д. 402
Усок И.Е. 248
Успенский Б.А. 379
Успенский Г.И. 52, 82, 94, 97, 193—
197, 199, 203, 233, 237, 255, 260,
262, 267, 379, 387, 388
Успенский И.И. 259
Успенский Л.В. 392
Успенский Н.В. 42, 93, 94, 97, 191,
194, 196, 199, 255
Устрялов Ф.Н. 192
Утина Н.И. 67, 197, 204, 206
Ушаков А.Ф. 64
Ушинский К.Д. 262
Фабричный П. 248
Фальборк Г.А. 367, 392
Фальковский Ф.Н. 347
Фарадей М. 67
Фармаковский В.И. 369
Фаррар Ф. 291
Фасмер М. 379
Феваль П. 66
Федоров А.М. 210, 282, 345
Фейербах Л. 28
Фесенко И.О. 382
Фет А.А. 42, 82, 92, 96, 112, 188, 203,
204, 206—208, 210, 239, 310, 343
Филатова А. 224
Финкельштейн М. 231, 396
Фламарион К. 67
Флеров С.В. 338
Флеровский Н. — см.: Берви В.В.
Флобер Г. 82
Флоренсов Я. 380
Фома Балагур 151

- Фофанов К.М. 98, 205, 206, 208
Фохт К. 28, 67
Франклин Б. 59
Франс А. 284
Фридрих Г. 312
Фронштейн М.А. 65, 67, 373
Фруг С.Г. 204, 205
Фурман П.Р. 172, 185
Фурсенко Л.И. 386
Фурье Ш. 28
- Хавкина Л.Б. 224
Хазиахметов Э.Ш. 248
Харламов В.И. 14
Хворов П.А. 66
Хвостов Н.Б. 333, 345
Хвостов Н.Л. 248
Хвощинская Н.Д. 76, 79, 81, 94,
188—194, 196, 199—202, 205,
206, 374
Хвощинская С.Д. 190, 191
Хижняков В.М. 368
Холмушин А.А. 155
Холодковский Н.А. 346
Хомяков А.С. 191
Хотяков Я.И. 373
Хохров М.С. 224
Храпченко М.Б. 12
Христолюбова М.М. 224
Хромов П.А. 380
Хрущов-Сокольников Г.А. 298
Худяков (Худеков) И.А. 28
- Цебрикова М.К. 96
Цертелев Д.Н. 203, 208, 333, 344
- Чаев Н.А. 192, 193, 195, 196, 347
Чайковский М.И. 347, 348
Чарнолуцкий В.И. 367, 383, 385,
392
Чарская (Чурилова) Л.А. 283
Черенин А.Ф. 64, 371, 373, 374
Черкесов А.А. 58, 63
Чернец Л.В. 7
Чернолесов А. (Бутенев) 196
Чернышев А.А. 248
Чернышев И.Е. 189—191
- Чернышевский Н.Г. 28, 42, 50, 61,
78, 90, 95, 192, 237, 242, 244,
248, 255, 256, 265, 284, 326, 387
Чернявский Н.И. 194
Чехов А.П. 90, 94, 97, 112, 204—210,
235, 242, 245—247, 265, 266,
282, 333, 339, 343, 348, 369, 375,
376, 389
Чешихин В.Е. — см.: Ветрин-
ский Ч.
Чешихин-Ветринский В. — см.:
Ветринский Ч.
Чириков Е.Н. 275, 282, 348
Чистов К.В. 383
Чихачев А.И. 384
Чмыхов Е.С. 377
Чугунов Е.А. 233
Чудаков А.П. 14, 33, 369
Чудакова М.О. 5
Чудновский С.Л. 370, 373
Чужбинский А. (Афанасьев А.С.)
192, 196, 260
Чуковский К.И. 89, 376, 395
Чулков Г.И. 312—314, 397, 398
Чуркин В. 124
Чуровский А.И. 154, 363
Чюмина О.Н. 98, 206, 333, 344, 345
- Шабельская А.С. 206, 210
Шаветт Э. 296
Шагинян М.С. 304, 395
Шаламов В.Т. 395
Шаликова Н.П. — см.: Нарская Е.
Шапир О.А. 94, 201, 204, 205, 207
Шаповалов А.С. 144, 381
Шарапов П.Н. 36, 153
Шарченко Н. (Филиппов М.А.) 400
Шаталов В.Н. 371
Шаталов С.Е. 248
Шафир Я.М. 248
Шашков С.С. 67, 84, 375
Шевченко Т.Г. 190
Шевырев С.П. 88, 399
Шекспир В. 82, 274, 282, 343—345
Шелгунов Н.В. 27, 44, 48, 79, 92, 95,
254, 325, 326, 368, 370, 374, 376,
387, 399, 400

- Шелгунова Л.П. 368, 370, 374, 387, 399
Шеллер (Михайлов) А.К. 29, 66, 70, 81, 93, 94, 96, 105, 192—196, 198—200, 202, 206, 207, 241, 282, 319, 338, 398
Шелли П.Б. 347
Шемшурин А.А. 398
Шенрок В.И. 344
Шепелева С.В. 235
Шепелева С.Д. 248
Шестаков П.М. 34, 224, 369, 378, 393
Шестов Л. (Шварцман Л.И.) 274, 390
Шестунов М.П. 63, 372
Шидловский И.А. 64, 68, 373
Шиллер Ф. 344
Шиллинг фон Канштадт П. 352
Шиманский С.А. 340
Ширинский-Шихматов С.А. 332
Шихматов П.А. 332
Шишкина О.П. 172
Шкловский В.Б. 41, 43, 370
Шкляр Н.Г. 348
Шкляревский А.А. 196, 202, 298, 323, 325, 399
Шлоссер Ф. 67
Шляпкин И.А. 343
Шмелев И.С. 275
Шмитановский В.Я. 151
Шомракова И.А. 394
Шпажинский И.В. 201, 341, 346, 348
Шпет Г.Г. 310, 396
Шпилев Г.И. 164
Шпильгаген Ф. 66, 70, 81, 247, 282, 324
Шруба М. 403
Штакеншнейдер А.И. 45
Штакеншнейдер Е.А. 370, 374
Штельцнер А. 106
Штирнер М. 28, 284
Штраус Д. 28
Шуф В.А. 345
Шапов А.П. 95, 96
Шапов П.В. 59
Шеглов И. — см.: Леонтьев И.Л.
Шеголев П.Е. 345
Шедрин Н. — см.: Салтыков М.Е.
Щепкина-Куперник Т.Л. 345, 348
Щепотьева Е. 224
Щербакова Е.И. 248
Щербань Н.В. 380
Щербин А.И. 399
Щербина Н.Ф. 92, 189, 197, 224
Щербина Ф.А. 225
Щетинин Б.А. 378
Щукин В.Г. 7
Эберс Г. 282
Эвальд А.В. 121
Эйхенбаум Б.М. 375, 376, 400
Эллис (Кобылинский Л.Л.) 313
Эльцнер Ф.И. 58
Эмар Г. 66, 81
Эмин Ф.А. 149
Энгельгардт А.Н. 378
Энгельштейн Л. 391
Эредия Х.М. де 345
Эркман-Шатриан (Эркман Э., Шатриан А.) 66, 70
Эртель А.И. 65, 94, 97, 203, 205—207, 209, 299, 324, 373, 394, 399
Эспинас А. 68
Эфрон С.К. 207
Юргенсон П.И. 36
Юрьев С.А. 343
Юткевич С.И. 301, 395, 396
Юшкевич С.С. 94, 273
Юшков Д. 231
Языков Д.Д. 374
Яковенко В. 225
Яковлев Г. 225, 382
Яковлев С.П. 372
Якуб А. 382
Якубович П.Я. 205, 344
Якушкин П.И. 190, 192

- Ямпольский И.Г. 374
Ярон Г.М. 396
Яроцкий В.Г. 388
Ярцев П.М. 339, 340
Ярцова Л.А. 332
Ясинский И.И. 50, 94, 202—204,
206—210, 370, 399
Яхонтов А.Н. 204
Яхонтов И. 231, 389
Яцимирский А.И. 12
- Altick R.D. 366
Brooks J. — см.: Брукс Дж.
Cawelti J.G. — см.: Кавелти Дж.
Charvat W. 375
Clark P.P. 375
Clark T.N. 375
Eklof B. 392
- Engelsing R. 366
Ferenczi C. 391
Johnson R.E. 393
Kaufman P. — см.: Кауфман П.
Kelly T. 372
Kostecki J. 366
Liba P. 366
Meunieux A. — см.: Менье А.
Pouchkine — см.: Пушкин А.С.
Rosengren K.E. — см.: Розенгрен
К.Э.
Seemann K.D. 379
Siciński A. 375
Szczepaniec J. 373
Ware R.J. 366, 371
Żbikowska-Migoń A. — см.: Жби-
ковска-Мигонь А.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
------------------	---

ОТ БОВЫ К БАЛЬМОНТУ

Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века

Предисловие	11
Глава I. Читательская аудитория второй половины XIX века	15
Глава II. Толстый журнал и его публика	38
Глава III. Библиотеки для чтения и их читатель	54
Глава IV. Популярные произведения и популярные авторы	73
Глава V. Литературный гонорар как форма взаимосвязи писателей и публики	83
Глава VI. Иллюстрированный еженедельник и его подписчик	101
Глава VII. Газета в низовой читательской среде	113
Глава VIII. Книга и крестьянин: изменение отношения к чтению	133
Глава IX. Лубочная книга и крестьянский читатель	146
Глава X. Земские сельские «народные библиотеки» и их аудитория	169
<i>Приложение 1. Список широко читавшихся произведений русских писателей (1856—1895) .....</i>	<i>187</i>
<i>Приложение 2. Чтение в России (1861—1917). Аннотированный библиографический указатель исследовательских публикаций .....</i>	<i>211</i>

СТАТЬИ

Взаимоотношения авторов и издателей во второй половине XIX — начале XX века	251
Читательская аудитория в начале XX века	277
Детективная литература и русский читатель (вторая половина XIX — начало XX века)	294

Символисты, их издатели и читатели	307
«Роман литературного краха» в русской литературе конца XIX — начала XX века	317
Литературные премии в дореволюционной России	330
<i>Приложение.</i> Лауреаты премии им. А.С. Пушкина	343
Лауреаты премии им. И.Г. Вучины	346
Лауреаты премии им. А.С. Грибоедова	347
Русская литографированная пьеса: ее создатели, распространители и потребители	349
Лубочная литература и фольклор	357
Примечания	366
Автобиблиография	406
Указатель имен	425

Абрам Ильич Рейтблат
**ОТ БОВЫ К БАЛЬМОНТУ
И ДРУГИЕ РАБОТЫ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Редактор *О. Краснолистов*
Художник *Д. Черногаев*
Корректор *Л.Н. Морозова*
Верстка *С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
Тел.: (495) 976-47-88
факс: (495) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 28. Тираж 1500. Заказ № 1888

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

